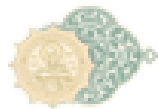

Печатать дозволяется 11 декабря 1895 г.

Ректоръ Киевской Духовной Академіи,

Епископъ Сильвестръ

ИЗЪ ИСТОРИИ ГОМИЛЕТИКИ.

ГОМИЛЕТИКА ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ, ПОСЛѢ РЕФОРМАЦІИ ЛЮТЕРА.

1. Гомилетическія правила Лютера и Меланхтона.

Со времени реформаціи Лютера, въ обществѣ, отдѣлившемся отъ римско-католической церкви, настали новыя условія для проповѣдничества, которыя должны были дѣйствовать на видоизмѣненіе гомилетическихъ взглядовъ и вызывать новыя гомилетическія теоріи или руководства.

Въ лютеранствѣ проповѣди дано болѣе широкое мѣсто чѣмъ какое она имѣла въ церкви римско-католической. Лютеромъ сокращенъ былъ чинъ богослужебный, и изъ него выброшено многое изъ священныхъ чѣсночѣній и обрядовыхъ дѣйствій, способствующихъ большому благолѣшю совершенія богослуженія, и дѣйствующихъ на сердечную сторону молящихся. Нужно было чѣмъ либо замѣнить религіозно-поэтический элементъ, какимъ богато римско-католическое богослуженіе, и этою замѣною явился элементъ дидактический,—именно проповѣдь. Въ лютеранскомъ богослуженіи она стала главною составною частію, и потому ей должны были посвящать болѣе вниманія, и болѣе заботиться о возможно-лучшемъ веденіи ея. Было и другое побужденіе въ лютеранствѣ къ усиленію проповѣдничества. Лютеръ отвергъ многое изъ догматики римско-католической, обличалъ ту церковь, къ которой прежде принадлежалъ, въ разныхъ отступленіяхъ отъ первобытнаго, истиннаго христіанства и вводилъ по многимъ

пунктамъ новое ученіе, которое онъ представлялъ возстановленіемъ подлиннаго, чистаго христіанства, искаженнаго, по его представленію, папистами. Это новое ученіе нужно было защищать, утверждать и распространять, то, что онъ считалъ ложью и заблужденіемъ, опровергать, и колеблющихся людей приводить въ единеніе съ собою. Ко всему этому самымъ пригоднымъ средствомъ была проповѣдь, и ею пользовались въ лютеранствѣ для опроверженія папистическихъ заблужденій, для защищенія и распространенія новаго ученія.

При возбужденномъ вниманіи къ проповѣди яснѣе сознавались недостатки, какими страдала средневѣковая проповѣдь, и она въ той формѣ, какую имѣла въ средніе вѣка, оказывалась мало пригодною для дѣла, которому должна была служить въ лютеранствѣ. Впрочемъ, независимо отъ новыхъ требованій, предъявляемыхъ проповѣди лютеранствомъ, многіе недостатки средневѣковой проповѣди подмѣчены и указаны были зоркою и рѣзкою критикою Эразма роттердамскаго, который своими замѣчаніями о проповѣдническихъ и проповѣдникахъ, разсѣянными въ его сочиненіяхъ, и своею гомилетикою, извѣстною подъ заглавіемъ „*Ecclesiastes, sive concionator evangelicus*“, значительно содѣйствовалъ очищенію гомилетическихъ взглядовъ. Признана была несостоятельною жесткая, тяжелая форма схоластической проповѣди, съ ея длинными приступами, мало ведущими къ дѣлу, съ ея кучею дѣлений и подраздѣленій, придающихъ сухой, школьный характеръ изложенію и скорѣе затрудняющихъ для слушателей усвоеніе содержанія проповѣди, чѣмъ способствующихъ тому, — съ натянутыми искусственными доbazательствами, подтверждающими то или другое положеніе при пособіи разныхъ посредствующихъ умозаключеній (напримѣръ положеніе о томъ, что танцы отъ діавола, у Мево, проповѣдника XV вѣка, доказываются свидѣтельствомъ Писанія изъ книги Іова, гдѣ говорится, что діаволъ, обшелъ землю и прошелъ поднебесную, явился ко Господу (Іов. 1, 7)); съ спеціальными утонченными

вопросами, мало приложимыми къ жизни, не касающимися ни земли, ни неба, выдумываемыми прихотливою мыслию проповѣдниковъ, ставимыми безъ всякаго отношенія къ темъ проповѣди, и обсуждаемыми, безъ примѣненія къ пониманію народа, но обычаю школьныхъ диспутовъ, съ приведеніемъ мнѣній разныхъ авторитетныхъ мужей, какъ говоритъ Эразмъ, — докторовъ славныхъ, докторовъ остроумныхъ, докторовъ серафимскихъ, докторовъ херувимскихъ и пр. и пр. Вызывалъ осужденіе утвердившійся въ средневѣковой проповѣднической практикѣ обычай мѣшать на церковной кафедрѣ священные авторитеты съ свѣтскими, и на ряду съ изреченіями Господа Иисуса Христа и апостоловъ ставить изреченія Сенеки, Аристотеля и прочихъ представителей языческой литературы и учености. Осуждали также излишнее пристрастіе къ легендамъ и разнымъ баснословнымъ рассказамъ, заимствуемымъ не изъ житій святыхъ, а изъ сборниковъ сомнительнаго достоинства, отличавшимся болѣе остроуміемъ и замысловатостію, чѣмъ назидательностію, и приводимымъ болѣе для забавы слушателей, чѣмъ для ихъ наученія. Еще болѣе благочестивому чувству претили разные забавныя выходки и комическіе эпизоды, къ которымъ прибѣгали, въ видахъ большей популярности, проповѣдники, славимые въ свое время, и которыми они, по слову Эразма¹⁾, не хуже какого-либо скомороха или комедіанта, забавляли народъ, возбуждая громкій смѣхъ въ церкви, гдѣ слово поученія должно быть выслушиваемо въ благоговѣйномъ молчаніи, въ умиленномъ настроеніи духа.

Но не смотря на рѣзкія отрицанія средневѣковой схоластической проповѣди, практиковавшейся предъ явленіемъ реформаціи Лютера, нельзя сказать, чтобы положительный типъ проповѣди, такой, какого она должна быть, былъ надлежащимъ образомъ выясненъ теорією. Новыя требованія назрѣвали; но въ большинствѣ были смутныя и нерѣшительныя представленія о гомилетическихъ законахъ, подчиненіе кото-

¹⁾ Desiderii Erasmi Eusebii et Morigii, 1717 p. 67 8

рымъ необходимо для соблюденія надлежащаго достоинства церковной проповѣди и для болѣе надежнаго успѣха ея благотворнаго вліянія. Самъ руководитель лютеранскаго общества, виновникъ реформаціи Лютеръ, на первыхъ порахъ своей проповѣднической дѣятельности, не имѣлъ опредѣленныхъ воззрѣній о томъ, какой лучшій путь для служителей церковнаго слова. По признанію Мозгейма, одного изъ наиболѣе видныхъ представителей лютеранской гомилетики и проповѣди, Лютеръ въ началѣ проповѣдывалъ довольно дурно (*schlecht genug*), какъ и прочіе его братія ¹⁾. Старыя преданія схоластическія сильно дѣйствовали на него, и онъ не могъ вдругъ отъ нихъ отрѣшиться. Его близкій современникъ Эразмъ, несомнѣнно болѣе его сильный и ученостію и талантомъ, гораздо лучше его понималъ и объяснял гомилетическіе законы

Новый путь для проповѣдниковъ Лютеръ открылъ, можно сказать, случайно. Онъ увлеченъ былъ на него тѣмъ стремленіемъ, которое поставило его въ оппозицію къ папству и ко всему строю церковной жизни въ римскомъ католициствѣ. Этотъ путь онъ пролагалъ своею практическою дѣятельностію, а потомъ уже свою практику оправдывалъ и защищалъ теоріею, такъ что теорія, какъ это часто бываетъ, стояла позади практики, и ей слѣдовала въ начертаніи своихъ законовъ.

Новостію въ проповѣднической практикѣ Лютера было то, что онъ явился возстановителемъ древне-христіанской оміліи, или постиллы, какъ она называлась на латинскомъ западѣ, и своимъ авторитетомъ увлекъ за собою ближайшихъ своихъ сотрудниковъ и послѣдователей. Къ возстановленію изыснительной древне-христіанской оміліи Лютеръ приведенъ былъ слѣдующими побужденіями и соображеніями. Возстававъ противъ папства, онъ обличалъ его въ искаженіяхъ подлиннаго, чистаго христіанства и выставялъ на видъ произволь-

¹⁾ *Anweisung erbaulich zu predigen*, von I. L. Mosheim. Erlangen 1763. Vorbereitung, § 9 s. 61.

ныя и незаконныя добавленія его къ евангельскому ученію; свое дѣло онъ представлялъ возстановленіемъ чистаго христіанства, искаженнаго папистами. Это склоняло его къ временамъ первобытной христіанской церкви, и къ тѣмъ порядкамъ, какіе тогда наблюдались. А въ первые вѣка христіанства господствующею формою проповѣди была омілія, состоявшая въ изъясненіи священнаго Писанія. И вотъ, вмѣстѣ съ возстановленіемъ другихъ частныхъ древне-церковнаго порядка, Лютеръ возстановилъ и древнюю форму проповѣди, стремясь приблизиться во всемъ къ первобытному христіанству. Это было съ его стороны заслугою въ исторіи проповѣди и шагомъ впередъ, въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась до него средневѣковая проповѣдь, хотя въ другихъ частяхъ своей реформы онъ позволялъ себѣ слишкомъ много произвола, и своимъ отрицаніемъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ отступленій латинства отъ чистаго христіанства искажилъ его еще болѣе, чѣмъ сколько то сдѣлано было папистами, съ ихъ разновременными добавленіями къ тому, что заповѣдано было церкви Господомъ Іисусомъ Христомъ и Его апостолами. Далѣе, Лютеръ отвергъ преданіе, какъ источникъ вѣроученія и законоположенія церковнаго, и единственнымъ источникомъ вѣры и ученія христіанскаго призналъ священное Писаніе. На слово Божіе, и на одно слово Божіе, онъ постоянно ссылался и опирался въ своей полемикѣ съ папистами, при опроверженіи ихъ заблужденій, и самъ признавалъ и другихъ научалъ признавать за истину только то, что согласнo съ словомъ Божіимъ. Нужно было больше знакомить послѣдователей своихъ съ этимъ словомъ Божіимъ, этимъ, по его ученію, единственнымъ источникомъ вѣры. А для этого главнымъ средствомъ являлась проповѣдь церковная, которой въ богослуженіи Лютеръ далъ такое широкое мѣсто. Прежде мало обращали вниманія на священное Писаніе средневѣковые проповѣдники. Правда, они писали проповѣди на тексты Писанія; но эти тексты они брали въ отрывочномъ видѣ, и бра-

ли ихъ только изъ перикопій или зачалъ, приуроченныхъ къ тому или другому дню церковнаго года, и эти тексты не столько изъяснялись, сколько служили поводомъ къ постановкѣ извѣстной темы, теоретическаго или нравоучительнаго характера, разсматриваемой независимо отъ смысла текста Писанія. Лютеръ сбросилъ, какъ онъ говорилъ, узы перикопій и сталъ изъяснять цѣлыя книги Писанія вмѣсто того, чтобы класть въ основаніе своихъ проповѣдей отдѣльные тексты, взятые изъ какого либо дневнаго евангельскаго или апостольскаго зачала,—подражая въ этомъ случаѣ древнимъ отцамъ—проповѣдникамъ.

Вступивъ на этотъ путь, Лютеръ считалъ нужнымъ теоретически защищать и оправдывать его. Такимъ образомъ явилась новая гомилетическая теорія, которая указываетъ на изъяснительную омилію, какъ нормальный типъ церковной проповѣди, и старается опредѣлить ея характеръ.

Лютеръ впрочемъ не писалъ особой гомилетической теоріи. Онъ случайно высказывалъ свои гомилетическіе взгляды и сужденія. Но къ нимъ внимательно прислушивались его почитатели, и впоследствии составили изъ нихъ цѣльное гомилетически—пастырское руководство. Главнымъ источникомъ, изъ котораго черпали сужденія о проповѣдническомъ дѣлѣ, высказанныя Лютеромъ, служили его *Застольныя бесѣды* (Tischreden), въ которыхъ собраны мелкія сужденія Лютера о разныхъ предметахъ богословскаго характера. Въ XXII отдѣлѣ этихъ *Застольныхъ бесѣдъ* (Tischreden von dem Predigamt oder Kirchendienern)¹⁾ представлено много замѣчаній Лютера о проповѣди и проповѣдническомъ служеніи, и на этихъ замѣчаніяхъ собственно основывается та гомилетика, которую означаютъ именемъ основателя и виновника реформаціи, учредившаго особое церковное вѣроисповѣдное общество.

Первый опытъ изложенія правилъ Лютера, относящихся

¹⁾ Dr. Martin Luther's sämtliche Werke 59. Band, S. 181—284. Frankfurt a M. und Erlangen. 1854.

къ проповѣднической должности, представилъ эйслебенскій проповѣдникъ Конрадъ Порты въ книгѣ: „Pastorale Lutheri“, явившейся первоначально въ 1582 году, и имѣвшей потомъ нѣсколько изданій. Трудъ Порты продолжали другіе, и наибольшее восполненіе его даетъ Вальхъ въ своемъ сочиненіи „Sammlung kleiner Schriften von der Gottgefälligen Art zu predigen (Iena. 1746) („Собраніе небольшихъ писаній о богоугодномъ способѣ проповѣдывать“), гдѣ словами Лютера изъясняется искусство популярнаго, практическаго проповѣдничества. Въ 1893 году въ журналъ „Странникъ“ (Мѣ 9—11) и на русскомъ языкѣ, на основаніи трудовъ нѣмецкихъ почитателей Лютера, воспроизведены его гомилетическія замѣчанія, и въ 1894 году статьи, печатавшіяся въ Странникѣ, вышли отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Проповѣдь и проповѣдничество по Лютеру“ А. Ласкѣва.

Какъ въ отдѣлѣ Застольныхъ бесѣдъ Лютера о проповѣднической должности, такъ и въ построенномъ на высказанныхъ въ нихъ замѣчаніяхъ „Pastorale“ Порты и брошюрѣ Ласкѣва „о проповѣди и проповѣднической должности по Лютеру“ не все относится прямо и непосредственно къ гомилетической области. Многое въ нихъ скорѣе можетъ служить уясненію предметовъ, составляющихъ содержаніе пастырскаго богословія, напримѣръ о значеніи и важности пастырской должности, о тяжести ея и отвѣтственности, лежащей на принимающемъ ее, о призваніи къ ней, и о тѣхъ нравственныхъ условіяхъ, выполненіе которыхъ необходимо отъ принимающаго и несущаго пастырское званіе, и т. под. Всѣ такія сужденія о пастырскомъ служеніи, имѣющія только косвенное отношеніе къ гомилетикѣ, мы не считаемъ нужнымъ включать въ историческій обзоръ гомилетики, и для уясненія гомилетическихъ взглядовъ Лютера беремъ изъ его бесѣдъ и сужденій только то, что касается проповѣди, ея содержанія и характера, и что вообще прямо входитъ въ область гомилетики, какъ науки о проповѣди и лучшемъ способѣ проповѣданія.

Главное стремленіе, которое заправляет мыслию Лютера при его сужденіи о лучшемъ способѣ проповѣдничества и которое видно во всѣхъ его частныхъ гомилетическихъ замѣткахъ, состоятъ въ томъ, чтобы изгнать изъ проповѣднической практики всякую искусственность и ученые замашки, и возможную простоту мысли и изложенія сдѣлать обязательнымъ закономъ для проповѣдниковъ. Когда бы ни заходила у него рѣчь о томъ, какъ нужно проповѣдывать, онъ всегда сводилъ свое слово къ тому, что проповѣдывать нужно какъ можно проще, и верховнъ искусства проповѣдническаго ставилъ искусство просто проповѣдывать.

Когда онъ думаетъ о содержаніи проповѣдей, онъ не совѣтуетъ проповѣдникамъ пускаться въ ученую область и раздумывать надъ изобрѣтеніемъ какихъ либо интересныхъ и мудреныхъ матерій. Разъ нѣкто Лайтербахъ жаловался предъ нимъ на затрудненіе вести дѣло проповѣдничества и на свое безсиліе заслужить одобреніе слушателей. Напрасно (замѣтилъ ему Лютеръ) „ты хочешь быть ученѣе меня и другихъ“ и ищешь себѣ чести. „Проповѣдуй только Христа и катихизисъ. Такая мудрость поставитъ тебя выше сужденія всѣхъ людей; потому что это слово Божіе, которое умнѣе людей: Богъ дастъ тебѣ то, что ты долженъ говорить“. Проповѣдуя слово Божіе, не нужно стѣсняться сужденіями людей, ихъ похвалою или порицаніемъ¹⁾. Въ другой разъ онъ замѣчаетъ другому пастору: „Если ты хочешь проповѣдывать, то бесѣдуй съ Богомъ и говори: Всеблагій Боже, я хочу проповѣдывать во славу Твою, о Тебѣ хочу я говорить, Тебя славить, благословлять Твое имя, хотя я не могу это дѣлать, какъ должно... Ты будешь самымъ ученѣйшимъ, если будешь на кафедрѣ говорить о Богѣ“.

Когда случалось Лютеру опредѣлять характеръ пропо-

¹⁾ Tischreden M. Luthers. XXII. Vom Prestigamt. 9. Mart. Luthers sämtliche Werke, Band 59, S. 185—6.

вѣдничества, почти всегда твердить онъ одно и то же, всегда внушаетъ всѣмъ свое завѣтное желаніе. „Каждый проповѣдникъ (говоритъ онъ) долженъ заботиться о томъ, чтобы всѣ его проповѣди и разсужденія были такъ просты, чтобы ихъ могъ легко понимать всякій и необразованный человѣкъ. Въ церковныхъ проповѣдяхъ не должно уотреблять ни еврейскихъ, ни греческихъ или другихъ чужестранныхъ словъ; въ церкви, какъ дома, должно говорить на простомъ отечественномъ языкѣ, который каждый понимаетъ и знаетъ... Докторъ Штаупицъ, хотя былъ очень ученъ, но проповѣдникъ былъ досадный, и народъ охотнѣе слушалъ худаго проповѣдника, который просто говорилъ, такъ что его можно было понимать. Смотрите, какъ дѣтски Христосъ говоритъ въ притчахъ. Въ церкви не должно искать никакой пышности и славы; тамъ все должно быть безыскусственно, просто и прямо¹⁾ (recht)“. Опредѣляя самый лучший способъ проповѣдничества, Лютеръ другой разъ замѣчаетъ: „Простаго человѣка не нужно занимать высокими трудными предметами и учить мудренными словами; ибо онъ не можетъ понимать этого. Въ церковь приходятъ бѣдные малые дѣти, служанки, старухи и старики, которымъ высокое ученіе нисколько не полезно; они изъ него ничего не могутъ удержать. И если они говорятъ: „да, прекрасно говорилъ онъ, и хорошую проповѣдь сказалъ“, и вы спросите ихъ: „О чемъ же была проповѣдь?“ они отвѣтятъ: „Я не знаю“. Бѣднымъ людямъ нужно называть бѣлое бѣлымъ, черное чернымъ, говорить самымъ простѣйшимъ образомъ, обиходными ясными словами, и то они едва понимаютъ“.

„Ахъ, какъ Господь нашъ І. Христосъ заботился о томъ, чтобы учить просто! Онъ бралъ сравненія отъ виноградаря, отъ овцы, отъ деревьевъ и т. д., и все для того, чтобы люди могли

¹⁾ Tischreden. XXII, 78. Luthers Werke. Band. 59. s. 230 -1.

понять, усвоить и удержать" то, чему училъ Онъ ¹⁾. Кромѣ Господа І. Христа, Лютеръ указывалъ на примѣръ св. апостола Павла, который не говорилъ такихъ высокихъ и пышныхъ рѣчей, какъ Димосеенъ и Цицеронъ, но бесѣдовалъ просто и ясно, и слово его заключало и объясняло нѣчто великое ²⁾.

Представляя въ образецъ проповѣдникамъ въ высшей степени приспособительный къ пониманію слушателей образъ ученія Господа Иисуса Христа и простое слово апостоловъ, Лютеръ совѣтуетъ всѣмъ, выходящимъ на церковную кафедру, имѣть въ виду людей самаго не высокаго умственного развитія и къ нимъ направлять или съ ихъ пониманіемъ сообразовать свое слово. Докторъ Эразмъ Альберъ спрашивалъ его, какъ ему проповѣдывать предъ княземъ, и Лютеръ отвѣчалъ ему: „Всѣ твои проповѣди должны быть какъ вельзи болѣе просты, и ты смотри не на князя, а на простыхъ, неразвитыхъ, грубыхъ и неученыхъ людей, въ кругу которыхъ и князь будетъ. Еслибы я въ своей проповѣди имѣлъ въ виду Филиппа Меланхтона и другихъ докторовъ, то я не сдѣлалъ бы ничего хорошаго; но я проповѣдую самымъ простымъ образомъ людямъ неученымъ, и это всѣмъ нравится“ ³⁾. „Каждый проповѣдникъ долженъ приучить себя проповѣдывать безхитростию и просто, каждый долженъ представлять, что онъ проповѣдуетъ неразумнымъ людямъ, каковы крестьяне, когорые также мало понимаютъ, какъ дѣти и юноши двѣнадцати, тринадцати, четырнадцати, двадцати лѣтъ. Не должно проповѣдывать, поражая высокими словами, пышно и художественно, чтобы видѣли, какъ краснорѣчивъ и ученъ проповѣдникъ. О, нѣтъ, это ничего не стоитъ! Должно припаровляться къ слушателямъ, и всѣмъ проповѣдникамъ нужно поставить правиломъ, чтобы они проповѣдывали такъ, чтобы бѣдный народъ могъ хоть немного научиться изъ ихъ проповѣди... Просто проповѣды-

¹⁾ Tischreden. XXII, 123. Luth. W. Band 59 S. 251

²⁾ Ibidem, XXII, 92. S. 240.

³⁾ Tischreden XXII, 37. L. W. Band 59 S. 205.

вать великое искусство. Христосъ самъ дѣлаетъ это: Онъ говоритъ о земледѣліи, о зернѣ горчичномъ и т. под. и употребляетъ самыя простыя, крестьянскія сравненія ¹⁾).

Иногда Лютеръ раздражается словомъ сильнаго негодованія на тѣхъ проповѣдниковъ, которые хотятъ блистать на церковной кафедрѣ ученостію и художественностію изложенія. Такъ ему не нравится всякая искусственность и напыщенность церковнаго слова! „Да будутъ прокляты (говоритъ онъ) всѣ проповѣдники, которые въ церквахъ стремятся къ высокимъ, труднымъ и утонченнымъ вещамъ и ихъ преподносятъ народу и о нихъ проповѣдуютъ, ищутъ своей чести и славы, хотятъ дѣлать угодное одному или двумъ честолюбцамъ!.. Честный, благочестивый, усердный проповѣдникъ, проповѣдуя слово Божіе, долженъ смотрѣть на дѣтей, слугъ и служанокъ, на бѣдную, простую толпу, которая нуждается въ наставленіи. Къ нимъ онъ долженъ направлять свое слово. Какъ мать, которая ухаживаетъ за своимъ дитятей, ласкаетъ его и играетъ съ нимъ, кормитъ его своимъ молокомъ, не дастъ ему ни вина, ни мальвазіи: такъ должны дѣлать и проповѣдники, они должны учить въ своихъ проповѣдяхъ просто, безхитростно (schlecht) и прямо, чтобы простые могли понимать ихъ и удерживать то, чему они учатъ... Употреблять въ проповѣдяхъ греческія, еврейскія и латинскія слова—это явное тщеславіе, неприличное ни мѣсту, ни времени, рассчитывающее на то, чтобы бѣдныя, необразованныя люди удивлялись имъ и хвалили ихъ. Да, скажутъ они, это многоученный и краснорѣчивый мужъ, хотя они ничего не поймутъ въ такой проповѣди, и ничему не научатся изъ нея“ ²⁾).

Возставая противъ искусственныхъ и ученыхъ проповѣ-

¹⁾ Tischred. XXII, 74 B. 59. S. 228. Cp. 97. S. 242—3

²⁾ Tischred XXII, 143. Band 59 S. 272—273. Cp. Tischr. XXII, 66.B. 59 S. 274.

дей, Лютеръ возстаетъ и противъ длинныхъ проповѣдей. Вмѣстѣ съ простотою, онъ требуетъ отъ проповѣди возможной краткости. Длинные проповѣди дѣлаются досадными и утомительными. Докторъ Поммеръ въ оправданіе своихъ длинныхъ проповѣдей любилъ приводить изреченіе: *ipse est omnia* *Богъ, мало-мало Божіихъ послушаетъ* (Іоан. VIII, 47); но хороша мѣра во всемъ¹⁾. „Въ немногихъ словахъ умѣть кратко высказать много,—это искусство и великая добродѣтель; но глупость—говорить много и ничего не сказать“²⁾.

Что дѣлать, чтобы надлежащимъ образомъ проповѣдывать? Нужно стараться хорошо уяснить себѣ ту матерію, о которой хочешь говорить. Это первое условіе хорошаго проповѣдничества. „Кто хорошо понялъ и усвоилъ себѣ извѣстную вещь, тотъ легко можетъ говорить о ней. Искусство слѣдуетъ за познаніемъ вещей. Тѣ обманываются, которые, не понявъ прежде дѣла, стараются говорить о немъ по правиламъ искусства, какія они изучали въ діалектикѣ и риторикѣ“³⁾.

Другое условіе, выполненіе котораго желательно отъ проповѣдника, для успѣха его учительной дѣятельности, указывается Лютеромъ въ томъ, чтобы держаться въ проповѣди одного предмета и не вводить въ нее разнообразныхъ матерій, не имѣющихъ непосредственной связи съ главною мыслию, составляющею тему проповѣди. Это правило Лютеръ подтверждаетъ примѣромъ своей практики. „Я (говоритъ онъ) въ своихъ проповѣдяхъ стараюсь выбрать одну мысль и на ней останавливаюсь и когда я разъясняю ее народу, они могутъ сказать: вотъ о чемъ была проповѣдь. То есть, я держусь одного члена, одного главнаго пункта и одной матеріи, о которыхъ предположилъ говорить“⁴⁾. Другой разъ, когда ему

¹⁾ Tischr. XXII, 64. Band 59. S. 223 Sp. 12, S. 189.

²⁾ Ibidem, 66. S. 225.

³⁾ Tischr. XXII, 153. B. 59. S. 281.

⁴⁾ Tischreden XXII, 25. Luth. W. Band 59 S. 196.

замѣтили, что не такъ легко усвоить содержаніе проповѣдей доктора Поммера, потому что онъ часто уклоняется отъ того, что предположилъ, и вводитъ въ свою проповѣдь стороннія вещи, Лютеръ замѣтилъ: „Онъ, Поммеръ, проповѣдуетъ, какъ обыкновенно говорятъ женщины: что имъ взбрѣдетъ въ голову, о томъ и говорятъ онѣ. Докторъ Іонасъ обыкновенно говорилъ: не нужно заговаривать со всѣми солдатами, которые встрѣчаются на дорогѣ. А докторъ Поммеръ иногда вступаетъ въ бесѣду съ тѣми, кто съ нимъ встрѣтится. Это глупый проповѣдникъ, который думаетъ и хочетъ все сказать, что ни представится ему. Проповѣдникъ долженъ держаться одного предложенія и его разяснять, чтобы хорошо понимали и усвоили то, что онъ говоритъ. Тѣ проповѣдники, которые хотятъ все сказать, что имъ взбрѣдетъ въ голову, напоминаютъ мнѣ кухарокъ, идущихъ на рынокъ. Если съ ними встрѣчается другая кухарка, онѣ останавливаются съ ней на площади или перекресткѣ; встрѣчается съ ними новая кухарка, опять онѣ заводятъ съ нею разговоръ; такъ дѣлаютъ онѣ съ третьею и четвертою, и такимъ образомъ долго и медленно идутъ на рынокъ. Подобно имъ поступаютъ и проповѣдники, qui nimis procul discedunt a proposito (которые слишкомъ далеко уклоняются отъ темы): они разомъ хотятъ все высказать: но не дѣлайте такъ“¹⁾.

Требуя, чтобы проповѣдникъ въ каждой отдѣльной проповѣди держался одной главной мысли и не говорилъ разомъ о разныхъ матеріяхъ, Лютеръ въ тоже самое время замѣчалъ, что нельзя въ проповѣдяхъ, произносимыхъ въ разное время, повторять одно и тоже, а нужно разнообразить проповѣдь и измѣнять ея содержаніе, примѣнительно къ обстоятельствамъ, потребностямъ и настроенію слушателей. „Проповѣдникъ (замѣчаетъ онъ) есть какъ бы плотникъ, его инструментъ и ору-

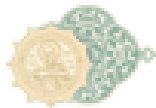
¹⁾ Tischr. XXII, 26. L. W. B. 59. S. 196—197. Ср. XXII, 13. S. 190. S. 61. S. 219—221.

діє—слово Божіє; и такъ какъ слушатели, съ которыми онъ имѣеть дѣло, различны, то онъ не долженъ постоянно пѣть одну и ту же пѣсню, и въ ученіи предлагать одно и тоже, но смотря по слушателямъ, долженъ видоизмѣнять свое слово, иногда утѣшать, обличать, журить, утѣшать, примирять и т.д.¹⁾

Въ частности Лютеръ выставляетъ на видъ необходимость и законность обличеній въ проповѣдяхъ, и жалѣетъ, что обличительныя проповѣди рѣдко говорятся, не смотря на усиленіе развращенія между людьми. Не любятъ обличительныхъ проповѣдниковъ, и когда благочестивые и ревностные проповѣдники бичуютъ пороки, ихъ осуждаютъ и называютъ сварливыми и бранчивыми... Но на служителей церкви (замѣчаетъ Лютеръ въ отвѣтъ хулителямъ обличительныхъ проповѣдниковъ) Богомъ возложена обязанность и имъ дано право обличать и казнить то, въ чемъ они видятъ неправду и грѣхъ. Если мы обязаны словомъ способствовать утвержденію благочестія и учить тому, что праведно, честно и согласно съ христіанствомъ, то мы по истинѣ должны преслѣдовать и нечестіе съ его плодами и осуждать то, что не праведно, ложно, нечисто и не согласно съ христіанствомъ; иначе Богъ взмещетъ отъ насъ крови погибающихъ. И какое богобоязненное сердце можетъ равнодушно смотрѣть на такіе тяжкіе грѣхи, какъ богохульство, неповиновеніе, воровство, ростовщичество, предлюбодѣяніе, раздоры, вражду, и т. под.? Мы ужасаемся подобныхъ пороковъ, проклинаемъ и осуждаемъ ихъ. И каждый домохозяинъ жалуется на великую злобу, всюду видную въ мірѣ, жалуется на распущенность, неповиновеніе и невѣрность челяди и работниковъ, на чрезмѣрную дороговизну и проч.. Если ты въ правѣ жаловаться на все это, почему же хочешь заградить уста проповѣдникамъ, которые обличаютъ именемъ Божиимъ? ²⁾

¹⁾ ХХІІ, 134. S. 268

²⁾ Tischr. ХХІІ, 81 S. 132—233. Ср., 85 S. 236—7.

Основное гомилетическое требованіе Лютера,—требованіе простоты и безыскусственности слова,—не освобождаетъ проповѣдника отъ труда мысли, при исполненіи своего долга. Умственная работа необходима при изясненіи проповѣднической матеріи,—и работа не легкая. „Проповѣдникъ (говорить Лютеръ) долженъ быть и діалектикомъ и риторомъ,—онъ долженъ учить и увѣщевать. Если онъ хочетъ учить о какомъ-либо предметѣ или членѣ, онъ первѣе всего долженъ указать, что собственно онъ значить; во вторыхъ онъ долженъ опредѣлить и описать его; въ третьихъ онъ долженъ привести на него изреченія изъ Писанія и ими пояснить и подтвердить его; въ четвертыхъ пояснить примѣрами; въ пятыхъ украсить сравненіями; наконецъ лѣнивыхъ увѣщевать и поощрять, непокорныхъ и распространителей ложныхъ ученій строго обличать, однако такъ, чтобы видѣли, что это дѣлается не по антипатіи или ненависти, но что проповѣдникъ ищетъ единственно чести Божіей и пользы и спасенія людей“¹⁾.

Есть нѣсколько замѣчавій у Лютера и о произношеніи, впрочемъ незначительныхъ. Такъ, по его совѣту, „удобнѣе всего проповѣднику медленно произносить свои проповѣди; ибо въ такомъ случаѣ онъ внимательнѣе и обдуманнѣе будетъ излагать свое ученіе. Сенека пишетъ о знаменитѣйшемъ латинскомъ ораторѣ—Цицеронѣ, что онъ всегда медленно произносилъ свои рѣчи“²⁾, и какъ бы въ сердце клалъ слова свои.

Не правилась Лютеру излишняя жестякуляція, какую дозволяли себѣ среднѣшковые проповѣдники, въ особенности итальянскіе, обладающіе живымъ, подвижнымъ темпераментомъ: они бѣгали по кафедрѣ туда и сюда, вскрикивали и употребляли странные, дикіе жесты, какъ какіе нибудь паяцы. Такіе жесты, по его замѣчанію, годятся только для того, чтобы морочить людей³⁾.

¹⁾ Tischred. XXII, 121. Band 59. s. 2. 8.

²⁾ Tischr. XXII. 70. s. 226.

³⁾ Ibidem, 67 S. 225.

Труды Кіев. дух. Академіи. Т. I. 1896 г.

Вотъ сущность гомилетическихъ воззрѣній виновника реформациі—Лютера. Нельзя сказать, чтобы эти воззрѣнія все-сторонне охватывали предметъ и отличались глубиною изслѣдованій. Во всѣхъ рѣчахъ Лютера о гомилетическихъ требованіяхъ, адресуемыхъ имъ проповѣднику, замѣтна рѣдкая одно-сторонность: все сводится къ тому, чтобы проповѣдь была какъ можно проще. Но если это и законное требованіе, его нельзя называть единственнымъ и всеобъемлющимъ гомилетическимъ закономъ. Это одна сторона или частность, которая далеко не обнимаетъ всѣхъ гомилетическихъ требованій, и которая предполагаетъ множество другихъ требованій, составляющихъ полноту гомилетическихъ законовъ, и опредѣленіе этой части довольно легковѣсно. Но взглядамъ и сужденіямъ Лютера придаютъ особенно важное значеніе въ силу того авторитета, какимъ пользуется въ протестантскихъ обществахъ этотъ патріархъ реформациі, и потому имъ отводится видное мѣсто въ исторіи гомилетики.

Они впрочемъ имѣютъ значеніе въ исторіи проповѣдничества, какъ оппозиція той схоластической искусственности, какою страдала средневѣковая проповѣдь, и указываютъ проповѣдникамъ новый путь, болѣе легкій и очищенный, чѣмъ какимъ шла проповѣдь церковная, до его вступленія на дѣло служенія церковнаго слова.

Гомилетическая теорія Лютера неразрывно связана была съ его проповѣдническою практикою: ею она предварялась, сопровождалась и подтверждалась. Проповѣдь Лютера, посвященная изъясненію священнаго Писанія, отличалась тѣми свойствами, какихъ онъ требовалъ отъ проповѣди въ своихъ теоретическихъ замѣчаніяхъ, именно, простотою и безыскусственностію. Онъ указывалъ въ мѣстахъ Писанія прямой, буквальный смыслъ, избѣгая всякихъ утонченностей, не думая объ искусственномъ построеніи плана, и не заботясь о красотѣ и изяществѣ словеснаго выраженія мысли. Онъ самъ такъ опредѣляетъ образъ своего проповѣдничества: „Когда я былъ

юнь, тогда я былъ ученъ, и странно, прежде, чѣмъ я вошелъ въ духъ богословія, я занимался аллегоріями, тропологіями и аналогіями и гонялся за суетнымъ искусствомъ. Но теперь я знаю, что это дрянъ. Теперь я бросилъ все это, и мое самое лучшее и первое искусство—*tradere scripturam simplici sensu* (передавать писаніе въ простомъ смыслѣ), ибо *literalis sensus* (буквальный смыслъ) есть дѣло; въ немъ жизнь, въ немъ сила, ученіе и искусство; а прочее—дѣло только дураковъ, хотя бы оно и казалось возвышеннымъ¹⁾. Другой разъ (въ письмѣ къ Кюнцельту, пастору эйленбургскому) онъ говоритъ: „ты спрашивашь меня, какъ начинать и заключать проповѣдь. Я не слѣдую обычаю другихъ. Я опускаю длинныя приступы и въ краткихъ словахъ говорю такъ: чтобы слово Божіе было плодотворно для насъ и Богу угодно, призовемъ сначала божественную благодать и скажемъ отъ души Ave Maria или Pater noster. Затѣмъ тотчасъ я читаю текстъ безъ всякой темы, и или изъясняю Давида или предлагаю ученіе изъ него. Въ концѣ я говорю такъ: Объ этомъ довольно, или, въ другой разъ объ этомъ скажемъ болѣе, или, вотъ что сказано объ этомъ. Будемъ просить у Бога Его благодати, чтобы мы могли выполнить это, или такъ: да поможетъ намъ Богъ. Затѣмъ, когда поднимаются всѣ, благословеніе Бога Отца и пр. Аминь. Вотъ мой способъ проповѣдничества“²⁾.

Лютеръ такъ высоко цѣнилъ объяснительную постиллу что выражалъ желаніе, чтобы другіе давали народу съ церковной кафедръ краткое, простое и ясное толкованіе Писанія, и хвалилъ тѣхъ, которые въ проповѣднической практикѣ слѣдовали путемъ, имъ проложеннымъ. И вотъ въ подражаніе его и во исполненіе его желанія явилось множество постиллъ, въ которыхъ изъяснялись то Евангелія, то апостольскія посла-

¹⁾ Geschichte der christlichen Homiletik, von Lentz 3. 11 Theil. s. 19.

²⁾ Buddei Colloch. ep. Lutheri p. 12. Geschichte der cristlichen Homiletik von Lentz. Zweiter Theil. s. 16.

нія, то тѣ или инія книги ветхаго заветѣ, и онѣ разнообразились, по тѣмъ лицамъ, для которыхъ назначались, были постиллы дѣтскія, крестьянскія, городскія и т. под.

Но какъ ни вліятеленъ былъ образецъ его проповѣдничества, и между почитателями его не могло не явиться нѣкоторой неудовлетворенности этимъ методомъ проповѣдничества, въ особенности когда хотѣли возвести его въ обязательный законъ для всѣхъ. Односторонность такого рода проповѣдничества не могла не чувствоваться въ самомъ протестантскомъ обществѣ. Прикованная всецѣло къ тексту Писанія, и ставящая своею задачею изъясненіе смысла, въ немъ заключающагося, постилла Лютерова мало обращаетъ вниманія на потребности слушателей и не хочетъ считаться съ обстоятельствами времени, вызывающими со стороны проповѣдника особое слово, къ нимъ приспособленное. Она слишкомъ объективна,—вращается въ томъ общемъ, выспреннемъ кругѣ, какой указываетъ ей буква Писанія, и изъ этой сферы, намѣчиваемой и отмежевываемой буквою Писанія, только изрѣдка и случайно выходитъ въ низшую область, гдѣ движутся люди, занятыя житейскими заботами и волнующе разными чувствами и страстями. Постилла Лютера представляетъ изъ себя чистое разсужденіе; въ ней мало живаго собесѣдовательнаго элемента, не смотря на видимую простоту ея. Еслибы въ ней не было обращеній, и не стояло въ концѣ выраженій, подобныхъ слѣдующимъ: „да поможетъ намъ Богъ“ или „попросимъ у Бога благодатной помощи, чтобы выполнить это“, то трудно было бы признать такое изъясненіе Писанія за проповѣдь, предназначенную для слушателей. Если далѣе представляется какой либо особенный случай, когда требуется живое слово, къ нему принаровленное, напримѣръ какое либо празднество, воспоминаніе какого либо важнаго событія, или настоятъ надобность обличать вторгающееся и распространяющееся заблужденіе, возставать противъ грубыхъ пороковъ, развращающихъ общество и оскорбляющихъ благочестивое чувство, постилла,

слѣдующая за рядомъ стиховъ текста той или другой изъясняемой библейской книги, является въ этомъ случаѣ недостаточною и отъ нея нужно уклоняться, выступить на другой путь, чтобы сказать слово, приличное случаю и отвѣчающее требованію времени.

Ту односторонность, какая съ-разу замѣтна въ гомилетической теоріи Лютера, старается восполнить теорія ближайшаго сотрудника Лютера въ дѣлѣ реформаціи—Меланхтона. Если Лютеръ хотѣлъ возстановить и ввести въ проповѣдническую практику постиллу или аналитическую бесѣду, и ее своими совѣтами и своимъ примѣромъ рекомендовалъ всѣмъ, обязаннымъ вести дѣло церковнаго проповѣдничества, то Меланхтону приписываютъ ¹⁾ созданіе синтетической проповѣди въ лютеранствѣ. Эта синтетическая проповѣдь была, если не прямою противоположностію постиллѣ Лютера, отличавшейся простотою и безыскусственностію, то во всякомъ случаѣ видомъ проповѣди, отличнымъ отъ нея, и по исходной точкѣ, и по методу раскрытія истины проповѣднической и по способу изложенія. Она не связывала себя текстомъ Писанія и не поставляла своею задачею изложеніе текста, а если и примыкала къ слову Писанія, то свободно брала и выводила изъ него предметъ поученія, и его подвергала болѣе или менѣе подробному изслѣдованію, независимо отъ того текста, изъ котораго выводилась опредѣленная тема. Далѣе, если въ бесѣдѣ Лютера простота была главнымъ закономъ, и для формальной стороны проповѣди не было установлено никакихъ правилъ, а все здѣсь предоставлялось личному вдохновенію и вкусу проповѣдника, то синтетическая проповѣдь имѣла видъ болѣе или менѣе искусственнаго произведенія, и она подчинялась требованіямъ логической стройности и эстетическаго приличія: она считалась съ тѣми законами, которыми опредѣлялись сущность

¹⁾ Mosheim. *Anweisung erbaulich zu predigen*. 1771. s. 67. Schmid. *Anleitung zur populären Kanzelvortrag* 1789. 3. Th. s. 267.

и характеръ краснорѣчія. Къ этой синтетической проповѣди обращались служители церковнаго слова, когда какія либо временныя обстоятельства вызывали съ ихъ стороны живое слово, прямо отвѣчающее потребностямъ минуты, когда бесѣда, всецѣло погруженная въ текстъ Писанія, оказывалась чуждою всѣмъ видоизмѣняющимся явленіямъ движущейся современности. Меланхтонъ къ теоріи, предписывающей законы синтетической проповѣди, пришелъ не потому только, что видѣлъ односторонность аналитической бесѣды. Эта теорія была требованіемъ его ума и образованія: Меланхтонъ былъ умъ методическій, расположенный все формулировать и приводить въ систему. Онъ былъ ученикъ Рейхлина, который высоко цѣнилъ ораторовъ классической древности и въ своихъ сочиненіяхъ внушалъ уваженіе къ классической литературѣ; въ своемъ сочиненіи гомилетическаго характера „*Liber congestorum de arte praedicandi*“ Рейхлинъ для уясненія законовъ церковнаго краснорѣчія обращался къ древнимъ классическимъ риторамъ, и правила Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана прилагалъ къ церковнымъ христіанскимъ поученіямъ. Отъ него наследовалъ Меланхтонъ любовь и уваженіе къ ораторамъ классической древности, и вліяніе классическаго краснорѣчія невольно отражалось у него, когда ему приходилось говорить и писать о церковномъ краснорѣчіи.

Меланхтонъ не былъ проповѣдникомъ и не хотѣлъ принимать на себя церковной должности, какъ ни побуждали его къ этому Лютеръ и другіе, близкіе къ нему, цѣнившіе его умъ и ученость. Не преподавалъ онъ и гомиластики; тогда еще не было этой науки въ числѣ наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ. Но онъ излагалъ риторику и діалектику, и этими чтеніями, вмѣстѣ съ чтеніями о богословскихъ предметахъ, имѣлъ не мало вліянія на проповѣдничество, касаясь часто условій церковнаго краснорѣчія. При его авторитетѣ его замѣчанія выслушивались съ особеннымъ вниманіемъ и имѣли большое значеніе и въ наукѣ и въ практикѣ проповѣднической. Въ сво-

ей риторикѣ, которая издавалась нѣсколько разъ ¹⁾, Меланхтонъ дѣлаетъ замѣчанія и о проповѣдяхъ, и часто приводитъ примѣры изъ Писанія и богословскихъ книгъ. Въ построеніи своихъ правилъ онъ слѣдуетъ главнымъ образомъ Цицерону и Квинтилиану, и къ ихъ сочиненіямъ отсылаетъ тѣхъ юношей, которые желали бы овладѣть искусствомъ краснорѣчія²⁾. Цицеронъ былъ любимымъ его авторомъ; онъ читалъ въ свое время, какъ профессоръ, объ „Ораторѣ“ Цицерона и разбиралъ его рѣчь за Архію поэта. Уже поэтому можно судить, что въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ краснорѣчію, и въ частности краснорѣчію проповѣдническому, онъ не могъ держаться одной теоріи съ Лютеромъ, настаивавшимъ болѣе всего на простотѣ и безыскусственности слова. Въ посвященіи своихъ риторическихъ Элементовъ юношамъ Альберту и Іоанну Рейфенштейнамъ, онъ признаетъ важность и великое значеніе краснорѣчія и вмѣстѣ великую трудность его, и потому совѣтуетъ имъ прилагать особенное стараніе къ тому, чтобы овладѣть этимъ искусствомъ, и не довольствоваться одними его уроками, а читать другихъ, въ особенности знаменитыхъ древнихъ раторовъ, и присоединять къ этому долгія домашнія упражненія, и только послѣ серьезнаго и долговременнаго занятія этимъ искусствомъ выступать на публичное поприще. Это искусство онъ считаетъ нужнымъ и полезнымъ не только для толкованія и защищенія законовъ, для веденія судебныхъ дѣлъ и для защиты государственныхъ интересовъ, но и для распространенія вѣры и опроверженія ложныхъ религіозныхъ ученій, т. е., какъ для свѣтской области жизни, такъ и для церковно-религіозной ³⁾, и потому правила риторики, имъ излагаемые, имѣютъ одинако-

¹⁾ Мы имѣемъ подъ руками изданіе 1562 „*Elementorum Rhetorices libri duo recens recogniti ab autore Philippo Melancthone*“. Lipsiae. Первое изданіе риторики Меланхтона вышло въ 1519 году подъ заглавіемъ: *Libri tres de Rhetorica*.

²⁾ *Tractatio vel deductio Elem. Reth. studiosis adolescentibus* p. 5.

³⁾ *Elementa Rhetorices* p. 6. c. 1. 10.

вое отношеніе какъ въ свѣтскому, такъ и къ духовному краснорѣчію. Краснорѣчіе, которому учить риторика, есть, по его опредѣленію, способность умно и красно (*sapienter et ornate*) говорить. Изъ пяти частей, на которыя древніе раздѣляли риторику,—объ изобрѣтеніи, расположеніи, изложеніи, памяти и произношеніи,—Меланхтонъ въ своихъ Элементахъ риторики излагаетъ правила только касательно первыхъ трехъ; такъ какъ въ нихъ, по его словамъ, почти все искусство состоитъ; о памяти и произношеніи онъ не считаетъ нужнымъ говорить, — о памяти потому, что ей весьма мало помогаетъ искусство, а о произношеніи потому, что оно нынѣ не то, какое было у древнихъ; и что хорошо и чего нужно держаться при ораторскомъ дѣйствованіи и произношеніи, тому нужно учиться чрезъ подражаніе ¹⁾. Правила свои Меланхтонъ часто объясняетъ примѣрами, имѣющими отношеніе къ религіозной или проповѣднической области. Въ трактатѣ о дидактическомъ родѣ рѣчей (*de genere didascalico*), въ поясненіе методы раскрытія матерій, онъ представляетъ, какъ по указаннымъ имъ категоріямъ (опредѣленія, раздѣленія, причины, дѣйствія) можно проводить понятіе добродѣтели, покаянія, вѣры ²⁾. Когда идетъ разсужденіе у Меланхтона о показательномъ (*demonstrativo*) родѣ рѣчей, въ примѣръ панегирика, онъ приводитъ псаломъ 67-й: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.*, въ которомъ, по его указанію, описывается Христовъ, и подвергаетъ его краткому риторическому разбору ³⁾. Въ разсужденіи объ общихъ мѣстахъ (*de locis communibus*), онъ беретъ примѣры не только изъ Цицерона, но и изъ церковныхъ проповѣдей, и ссылается на бесѣды Господа Иисуса Христа,—о предавіяхъ фарисейскихъ, и о покаяніи, по поводу жестокости Пилата, смѣсившаго кровь галилеянъ съ жертвами ихъ (Лук. XIII, 1—5) ⁴⁾.

¹⁾ *Elem. Rhetorices*, p. 12—13.

²⁾ *Elem. Rhetorices*, p. 21—27.

³⁾ *Ibidem*, p. 65.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 70

Въ трактатѣ объ изложеніи, въ частности о тропахъ, есть особый отдѣлъ о четырехъ смыслахъ священнаго Писанія,—буквальномъ, тропологическомъ, аллегорическомъ и анагогическомъ, какіе указывались въ Писаніи богословами и проповѣдниками¹⁾—поясненный разборомъ нѣсколькихъ примѣровъ, и заключающійся совѣтомъ предпочитать всѣмъ смысламъ смыслъ прямой и простой, согласный съ контекстомъ рѣчи и съ обстоятельствами дѣла.

Гомилетическая теорія Меланхтона, подчиняющая строеніе проповѣди риторическимъ правиламъ и указывающая проповѣдникамъ на рѣчи классическихъ древнихъ ораторовъ, какъ на образцы для подражанія, въ разные времена вызвала неоднаковыя сужденія. Авторитетъ Меланхтона въ лютеранскомъ обществѣ былъ очень великъ, особенно въ первые годы послѣ отдѣленія протестантовъ отъ римско-католической церкви, и ему подчинялись многіе изъ проповѣдниковъ протестантскихъ. При господствѣ аналитической бесѣды Лютера, широко практиковалась и развивалась синтетическая проповѣдь, называемая Меланхтоновскою, и синтетики (какъ называли въ исторіи проповѣди послѣдователей Меланхтона) стояли рядомъ съ аналитиками, и число первыхъ скоро превысило число послѣднихъ. Арзацій Шоферъ, проповѣдникъ въ Виртембергскомъ герцогствѣ въ самые первые годы послѣ введенія реформаціи, даетъ такой похвальный отзывъ о методѣ Меланхтона (въ введеніи къ своему сочиненію: *Enarrationes Evangeliorum Dominicalium*, 1544): „Филиппъ Меланхтонъ, украшенный всякимъ родомъ знаній, въ своей діалектикѣ показалъ намъ методъ, которому, какъ меркуріальному (Меркурій—богъ краснорѣчія по языческой мифологіи) образцу слѣдуютъ кандидаты богословія въ объясненіи священныхъ темъ“²⁾.—Въ XVIII столѣтіи панегиристомъ Меланхтона былъ

¹⁾ *Elementorum Rhetorices liber secundus*, p. 95—105.

²⁾ *Geschichte der Veränderungen des Geschmacks im Predigen*. v. Schulze. Th. I, s. 64.

Мозгеймъ, который обладалъ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, и считался въ свое время величайшимъ ораторомъ Германіи, который, какъ и Меланхтонъ, былъ поклонникомъ классическаго краснорѣчія и свои проповѣди, отличавшіяся ораторскимъ характеромъ, издалъ подъ именемъ: *Heilige Beden*. Въ введеніи къ гомилетикѣ Мозгейма, изданной послѣ его смерти ¹⁾, представлена краткая исторія проповѣдничества и здѣсь въ § 9 мы читаемъ: „Лютеръ не держался никакого искусства и не связывалъ себя никакими правилами, и его проповѣди не похожи на наши топерешніи проповѣди. Но Филиппъ Меланхтонъ, который, вообще, былъ методическою головою, хорошо видѣлъ, что такой способъ не удобенъ ни для учителя, ни для слушателей. Онъ училъ тому, какъ должно прилагать къ духовному краснорѣчію законы риторики и свѣтскаго краснорѣчія, и наставлялъ юношей, какъ они должны располагать и по правиламъ искусства построить свои публичныя рѣчи. Такимъ образомъ отъ него идетъ нашъ теперешній способъ проповѣдничества. Лютеру мы обязаны матеріями нашихъ проповѣдей, а Меланхтону формою ихъ. Поэтому въ шестнадцатомъ столѣтіи произошли двѣ партіи гомилетовъ, — *лютеране* и *меланхтоніане*. Первые слѣдовали Лютеру и проповѣдывали безъ порядка и раздѣльности. Послѣдніе проповѣдывали такъ, какъ мы теперь проповѣдуемъ, и располагали свои проповѣди въ порядкѣ и по правиламъ искусства ²⁾).

Разъясняя это общее положеніе § о методахъ проповѣдничества Лютера и Меланхтона, Мозгеймъ замѣчаетъ, что „Меланхтонъ стоялъ за то, что краснорѣчіе (къ которому рѣшительно не хотѣлъ прибѣгать Лютеръ) нужно употреблять на каедрѣ, и проповѣдники такъ должны сочинять свои рѣ-

¹⁾ Johann Lorenz von Mosheim *Anweisung erbaulich zu predigen Aus den vielfältigen Vorlesungen seeligen Herrn Kanzlers verfasst und zum Drucke befördert von Christian Ernst von Windheim, Erlangen. 1763.*

²⁾ *Anweisung erbaulich zu predigen. Vorbereitung. а, 61—2.*

чи, какъ греки и римляне изготовляли свои. Поэтому онъ училъ молодыхъ людей, какъ они должны разбирать и изъяснять текстъ, какъ дѣлать и построовать рѣчи... Онъ показывалъ, что духовныя рѣчи должны имѣть приступъ, раздѣленіе, изслѣдованіе и практическое приложеніе... Подъ вліяніемъ двухъ великихъ мужей (Лютера и Меланхтона) въ шестнадцатомъ столѣтіи господствовала двоякая метода проповѣдничества. Считавшіе себя послѣдователями Лютера думали, что они тѣмъ болѣе будутъ приближаться къ своему учителю, чѣмъ будутъ безпорядочнѣе, и такихъ рѣчей мы очень много имѣемъ изъ шестнадцатаго столѣтія. А меланхтоніане наблюдали порядокъ, и они получили перевѣсъ... Лютеровою методѣ проповѣдничества слѣдовали тѣ, которые отъ природы одарены были силою воображенія, были полны жизни и огня. А философскія головы считали за лучшее слѣдовать проповѣднической формѣ Меланхтона, и это въ самомъ дѣлѣ лучше¹⁾.

Взглядъ Мозгейма былъ господствующимъ въ протестантской гомилетической литературѣ, и онъ повторялся у многихъ позднѣйшихъ писателей, занимавшихся историко-гомилетическими вопросами. Съ Мозгеймомъ совершенно согласенъ Шмидъ, авторъ Руководства къ популярному церковному краснорѣчію, вышедшаго въ концѣ прошедшаго столѣтія²⁾, третья часть котораго представляетъ очеркъ исторіи духовнаго краснорѣчія и гомилетики. Но Шулеръ, авторъ „Исторіи измѣненій вкуса въ проповѣди, въ особенности между протестантами въ Германіи“, ограничиваетъ его. Онъ не отрицаетъ вліянія Меланхтона на протестантское проповѣдничество, и признаетъ его значительнымъ въ отношеніи къ формальной сторонѣ проповѣди, но онъ не хочетъ признавать такой противоположности между лютеранскою и меланхтоновскою методою проповѣдничества, какая выставляется

¹⁾ Ibidem, s. 65—67.

²⁾ Anleitung zum populären Kanzelvortrag, 1789. Th. III, §. 267.

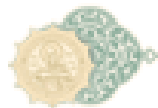
Мозгеймомъ, и считаетъ сужденіе Мозгейма исторически недоказаннымъ ¹⁾).

Въ новое время слышатся голоса, неблагопріятные для Меланхтона и той гомилетической методы, которая означается въ исторіи его именемъ, и за которую Мозгеймъ воздастъ ему особенную честь. Выразителемъ такихъ отрицательныхъ сужденій о меланхтоновской гомилетической методѣ является Ахелисъ, профессоръ богословія въ университетѣ марбургскомъ, авторъ Практическаго богословія, вышедшаго въ 1890 году. Признавая, что книга Меланхтона о риторикѣ и его разсужденіе de officiis concionatoris 1535 г. имѣли большое вліяніе и нашли широкое распространеніе въ евангелическомъ обществѣ, овъ сожальветъ объ этомъ и не расположенъ вмѣстѣ съ другими признать Меланхтона родовачальникомъ евангелической или протестантской гомилетики. „Меланхтонъ (говоритъ онъ) даетъ риторику, а не гомилетику; риторъ предлагаетъ наставленіе проповѣднику, гуманистъ богослову, чтобы сдѣлать изъ проповѣдника оратора, изъ богослова гуманиста на каедрѣ. Имя сочинителя, и основанный на немъ авторитетъ его риторики неблагопріятно дѣйствовали на развитіе гомилетики; преданіе среднихъ вѣковъ чрезъ него осталось господствующимъ, чтобы подружиться съ новою схоластикой“ ²⁾).

Указанное Ахелисомъ опущеніе изъ вида особенностей церковной проповѣди и смѣшеніе церковнаго краснорѣчія съ свѣтскимъ и проистекающее отсюда подчиненіе обоихъ видовъ краснорѣчія одинаковымъ риторическимъ правиламъ составляетъ главный недостатокъ теоріи проповѣднической, ведущей свое начало отъ Меланхтона. Въ ней совершенно пре-

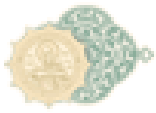
¹⁾ Geschichte der Veränderungen des Geschmacks im Predigen, insonderheit unter den Protestanten in Deutschland. Erster Theil. S. 72. Halle. 1792

²⁾ Practische Theologie von D. E. Chr. Achelis. Freiburg. 1890. II Theil. § 86. S. 337—8.

обладаетъ риторическій элементъ, закрывающій гомилетическую сторону; такъ какъ правила, въ ней раскрываемыя, взяты съ образцовъ классической древности, и служатъ видоизмѣненіемъ ученія древнихъ риторовъ, ничего не знавшихъ о церковномъ краснорѣчїи и не предполагавшихъ его существованія.

В. Пъвницкій.

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ДЕПУТАЦІЯ ВЪ РИМЪ.

по поводу празднованія 300-лѣтней годовщины Брестской уніи.

Въ „Замѣтѣхъ по поводу празднованія въ Галицкой Руси 300-лѣтія годовщины Брестской уніи“¹⁾ мы сосредоточили вниманіе на двухъ „Одозвахъ“, изданныхъ Львовскимъ юбилейнымъ комитетомъ съ цѣлью разъясненія уніатской Галицкой Руси якобы великаго и благодѣтельнаго значенія Брестской уніи и этимъ расположить ихъ къ живѣйшему участію въ празднованіи 300-лѣтняго юбилея ея. Мы сочли достаточнымъ на первое время ограничиться разборомъ тѣхъ поражающихъ своею странностію и фальшью мыслей и увѣреній, какія съ указанною цѣлью нагромождены особенно въ первой „Одозвѣ“, и воздержались отъ рѣчей о практической сторонѣ юбилейной затѣи. Время теперь обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, въ виду уже начавшагося выполненія самой программы юбилейныхъ оязательствъ, изъ коихъ первымъ явилось снаряженіе галицко-русской депутаціи въ Римъ по поводу предстоящаго празднованія юбилея Брестской уніи. Намѣреваясь теперь говорить объ этой депутаціи, считаемъ не лишнимъ присоединять попутно замѣчанія о томъ, какъ зачалась и двигалась самая затѣя празднованія юбилея Брестской уніи. Волею неволею приходится сказать здѣсь нѣсколь-

¹⁾ Труды К. Д. Академіи м. августъ.

во словъ объ самомъ первоіерархѣ Галицко-русской уніатской церкви, м. Сильвестръ Сембратовичъ, которому, какъ видится, принадлежитъ самый починъ мысли какъ о празднованіи 300-лѣтней годовщины Брестской уніи, такъ и о назначительномъ дѣйствіи этого празднованія, въ видѣ галицко-русской депутаціи въ Римъ. Митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ во многомъ не похожъ на тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, какъ Антоній Ангеловичъ, Григорій Яхимовичъ и др., о которыхъ съ благодарностію вспоминаютъ лучшіе представители церковно-общественной мысли въ средѣ Галичанъ, дорожащіе преданіями далекой родной старины, удѣлѣвшимъ отъ нея наслѣдіемъ греко-восточнаго обряда въ уніатской церкви, ревнующіе о правахъ своей церкви, какъ русской народной церкви, о правахъ своей народности, въ виду возрастающихъ посягательствъ на эти права со стороны латино-польской пропаганды. Въ тѣхъ бывшихъ архипастыряхъ своихъ Галичане видѣли истинныхъ радѣтелей о благѣ духовенства и народа, покровителей и руководителей того направленія въ галицко-русскомъ духовенствѣ и галицко-русской интеллигенціи, которому усвоилось названіе „старо-русскаго, святоюрскаго“, которое имѣло свое средоточіе при кафедрѣ и клирѣ митрополитальнаго храма св. Георгія и крѣпкую союзницу въ Львовской „Ставропигіи“, наслѣдницѣ древняго Львовскаго ставропигіальнаго братства. Къ особенностямъ этого направленія принадлежитъ и то, что его представители, оставаясь уніатами и преданными австрійской монархіи, ревновали именно о самобытномъ развитіи и преспѣваніи русской церкви, русскаго народа въ Галиціи, угрожаемыхъ притязаніями латино-польской пропаганды, и не теряли сознанія о галицко-русскомъ народѣ, какъ собратѣ единого и великаго русскаго народа, напротивъ въ этомъ сознаніи находили подкрѣпленіе своей вѣры въ историческую живучесть и галицко-русскаго народа.

Нынешній Львовскій митрополитъ проникся другимъ направленіемъ. То правда, что онъ вступилъ на митрополию съ

1885 г. при довольно трудныхъ обстоятельствахъ, сказавшихся на фактъ вынужденнаго удаленія съ кафедры его предмѣстника и дяди Іосифа Сембратовича ¹⁾. Къ несчастію, новый митрополитъ не нашелъ въ себѣ столько мужества, чтобы устоять на высотѣ своего призванія, какъ охранителя и споспѣшника духовной независимости своей церкви и искать опоры себѣ не въ стороннихъ силахъ и вліяніяхъ, а въ крѣпкомъ союзѣ съ своимъ русскимъ духовенствомъ, своею русскою паствою, въ лицѣ лучшихъ, болѣе вѣрныхъ и преданныхъ представителей ихъ, объединившихся подъ знаменемъ, такъ называемаго, старорусскаго направленія. Напротивъ м. Сильвестръ заявилъ себя прежде всего *не въ мѣру усерднымъ папистомъ*, склоннымъ вести свою церковь къ возможно большому уподобленію римско-католической церкви, въ чаяніи отъ сего какихъ-то великихъ благъ для униатской церкви въ Галиціи. Въ связи съ этимъ сказались латино-польскія симпатіи м. Сильвестра и его подобострастное отношеніе къ польской гегемоніи въ Галиціи. Плодомъ такого направленія митрополита явился рядъ мѣропріятій и проектовъ, проводимыхъ или намѣчаемыхъ подъ видомъ преобразованій въ Галицко-русской церкви. Таковы, напр., передача іезуитамъ русскихъ униатскихъ монастырей, замыселъ общаго преобразованія ихъ по типу іезуитскому; замыселъ о введеніи celibата или безбрачія въ бѣломъ духовенствѣ, уже теперь почастично осуществляемый, попустительство въ совершившемся уже дѣлѣ упраздненія русской духовной семинаріи въ Вѣнѣ и учрежденія въ замѣнъ ея коллегіи въ Римѣ для воспитанія будущихъ пастырей въ духѣ чистаго папизма; вырабатываемый съ такою же цѣлію проектъ интерната Іосафата Кунцевича въ Галиціи; какіе-то замыслы о перемѣнѣ въ составѣ кафедральныхъ крылошанъ, направляемые къ подрыву доселѣшняго значенія

¹⁾ Теперь онъ живетъ въ Римѣ.

ихъ; замысль о введеніи Григоріанскаго календаря и т. д. Знаменемъ преобразовательныхъ затѣй м. Сильвестра былъ Львовскій соборъ 1891 г., на которомъ шли рѣчи о нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ преобразованій и еще другихъ, долго содержавшихся въ тайнѣ, судя по сообщеніямъ галицкой печати. Въ гармоніи съ такими преобразовательными затѣями львовскаго владыки оказывается его попустительство вождельніямъ латино-польскаго духовенства на захваты въ уніатской церкви. Характеристическимъ выраженіемъ такого попустительства можетъ служить слѣд. обстоятельство. Нынѣшній папа Левъ XIII, въ своихъ помыслахъ о соединеніи церквей, издалъ, въ числѣ другихъ, буллу отъ 29 ноября 1894 г., въ которой, между прочимъ, повторяетъ уже не разъ издававшееся и его предѣстниками запрещеніе латинскому духовенству переманивать въ свой обрядъ тѣхъ христіанъ греко-восточнаго обряда, которые находятся въ уніи, но при своемъ обрядѣ. Этой буллы папы Льва XIII не отважились обнародовать къ исполненію въ своихъ епархіяхъ м. Сильвестръ Сембратовичъ и перемышльскій епископъ Іуліанъ Пелешъ. Почему? Вѣрнѣе всего по страху предъ латино-польскимъ духовенствомъ въ Галиціи, имѣющимъ опекуна въ извѣстномъ кардиналѣ Ледоховскомъ, который пользуется въ римской куріи сильною властью въ качествѣ предсѣдателя конгрегаціи „Propagandae fidei“. Эта причина умолчанія со стороны Сембратовича о папской буллѣ обнаружилась по слѣдующему случаю. Болѣе прямодушный или простодушный станиславовскій епископъ Куиловскій не усумнился напечатать упомянутую буллу въ Вѣстникѣ станиславовской „епархіи“ съ замѣчаніемъ отъ себя: „та такъ важная для насъ конституція приводится къ свѣдѣнію духовенства и вѣрныхъ“. И что же? Какъ только свѣдалъ объ этомъ латино-польскій епископъ сосѣдней тарновской епархіи, тотчасъ поспѣшилъ послать къ кардиналу Ледоховскому съ вопросомъ: должна ли папская булла имѣть примѣненіе къ русскимъ уніатамъ въ Галиціи? Ледоховскій поспѣшилъ от-

вѣтитъ, что булла имѣетъ въ виду христіанъ греко-восточнаго обряда только на Востокѣ, но вовсе не должна простираться на уніатовъ въ Галиціи. Въ свою очередь львовскій латино-польскій архіепископъ Северинъ Моравскій поспѣшилъ объявить объ отвѣтѣ Ледоховскаго по своей епархіи, чтобы, какъ выразился онъ, не было и у насъ какого либо сомнѣнія относительно значенія папской буллы. Ободряемое такимъ толкованіемъ папской буллы, латино-польское приходское духовенство продолжаетъ, не обинуясь, ловить случаи перетянуть въ свою паству галицко-русскихъ уніатовъ—т. е. латинить и полячить ихъ. Болитъ ли сердце львовскаго митрополита при видѣ такой латино-польской ловитвы, совершающейся на его глазахъ? Впрочемъ широкое попустительство его въ отношеніи къ еще болѣе хищнымъ ловцамъ іезуитамъ, которые, подобно іезуитамъ временъ Брестской уніи, не могутъ смотрѣть на нее иначе, какъ только на „мостъ къ латинству“, склоняетъ къ предположенію, что судьба уніатской церкви въ Галиціи, какъ церкви русской, церкви греко-восточнаго обряда, не особенно интересуетъ митрополита, что милѣе сердцу его успѣхи папизма въ доселѣшнихъ и будущихъ судьбахъ уніи. Прославленіе папизма въ уніи, по всей видимости, составляетъ для митрополита наиболѣе существенную сторону въ его затѣѣ о празднованіи 300-лѣтней годовщины Брестской уніи.

Если такъ опредѣлилась эта затѣя въ представленіи митрополита и ближайшихъ къ нему лицъ и болѣе союзныхъ съ нимъ ревнителей папизма въ галицкой Руси: то какъ стоитъ она въ мнѣніи другихъ представителей галицкой церковно-общественной мысли? Несомнѣнно прежде всего то, что юбилейная затѣя огласилась при полномъ равнодушіи къ ней громаднаго большинства галицко-русскаго духовенства и народа, вѣрнѣе сказать, всего духовенства и народа, исключая весьма немногихъ, приближенныхъ къ митрополиту, сторонниковъ ея. Затѣя требовала искусственнаго подогрѣванія. А послѣдовало это подогрѣваніе едва ли не болѣе всего со сто-

роны галицкихъ латино-поляковъ, для которыхъ Брестская унія 1596 г. представляется не инымъ чѣмъ, какъ продолженіемъ Люблинской уніи 1569 г., какъ памятникомъ и средствомъ политической латино-польской пропаганды въ Руси, а затѣя юбилейнаго прославленія уніи представляется ручательствомъ, что унія и въ будущемъ облегчитъ для нихъ эту пропаганду. Въ средѣ же русскихъ галичанъ на юбилейную затѣю живѣе отозвались вожаки такъ называемой партіи „новаго курса“, „новой эры“, каковы гг. Барвинскій, Вахнянинъ, Иванъ Левицкій и имъ подобные. Эта партія проповѣдуетъ тѣснѣйшее сближеніе галицкихъ русскихъ съ поляками, упраздненіе въ галицко-русскомъ населеніи „москвофилства“, т. е. чувства своего племеннаго единства со всѣмъ народомъ великой Россіи, и мечтаетъ о какомъ-то удѣльно-самобытномъ развитіи галицкой Руси подъ знаменемъ украинофилства и съ помощію фонетики, возводимой въ орудіе науки, литературы, при благосклонномъ покровительствѣ всему этому направленію со стороны галицкихъ поляковъ. Съ такимъ направленіемъ партіи „новаго курса“ оказался совмѣстимымъ нацизмъ, понимаемый ею, какъ знамя уніи, отдѣляющей галицкую Русь отъ Москвы, какъ основа желаннаго тѣснаго духовнаго союза ея съ латино-польскою стихіею въ Галиціи. Отсюда отзывчивость вожаковъ этой партіи на юбилейную затѣю. Зато они пользуются особеннымъ вниманіемъ у м. С. Сембратовича, а глава партіи г. Барвинскій слыветъ даже его пріятелемъ. Со стороны митрополита своевременно дѣлались внушенія духовенству поддерживать партію Барвинскаго на выборахъ въ областной сеймъ и имперскій парламентъ (державную думу). А на созывѣ декановъ или благочинныхъ въ великій постъ текущаго года имъ строго приказывалось внушить приходскому духовенству своихъ округовъ, чтобы оно во всемъ мирволило польскимъ помѣщикамъ, старостамъ и, вообще, мѣстнымъ польскимъ властямъ, и тайно доносить о священникахъ, поступающихъ не въ духѣ политики митрополита

(и г. Барвинскаго). Но вотъ что странно: польскія симпатіи вожаковъ партіи новаго курса оказываются безсильными вызывать искреннее доброжелательство къ галицкимъ русскимъ со стороны поляковъ. Правда, въ ближайшіе предъ симъ годы послѣдними были сдѣланы нѣкоторыя уступки русской національности въ Галиціи, съ желаніемъ однако, чтобы эта національность понималась отнюдь не какъ русская, вообще, а какъ украинофильская, малорусская съ ея знаменемъ—фонетикой. Зато во время послѣднихъ выборовъ галицкихъ депутатовъ въ областной сеймъ галицкіе поляки дали понять русскимъ галичанамъ, что вовсе не думаютъ равнять ихъ съ собою въ правахъ народнаго представительства. Извѣстно, что только немногіе изъ галицкихъ русскихъ пропущены или сами успѣли пройти на выборахъ въ депутаты; въ большинствѣ же избирательныхъ округовъ, гдѣ естественно слѣдовало бы быть выбранными русскимъ, польскими властями, въ союзѣ съ польскимъ духовенствомъ, приняты были мѣры и притомъ крайне обидныя и насильственныя, вслѣдствіи которыхъ были проведены въ депутаты поляки или только немногіе полякующіе русины. Извѣстно, какъ во всемъ галицко-русскомъ населеніи поднялись жалобы и протесты противъ такого злоупотребленія и насилія, дѣлались попытки къ созыву общаго вѣча и мѣстныхъ вѣчъ для болѣе громкаго заявленія объ этихъ насиліяхъ, и какъ тѣ же польскія власти, подъ лицемѣрными предложениями, запрещали устройство этихъ вѣчъ. Для насъ здѣсь интересно сопоставить сказавшееся на указанныхъ обстоятельствахъ отношеніе галицкихъ поляковъ къ проповѣдуемой г. Барвинскимъ и компаніею его, подъ покровительствомъ митрополита, идеѣ сближенія и побратимства съ поляками, съ упомянутымъ выше отношеніемъ галицкой латино-польской іерархіи къ буллѣ папы Льва XIII о запрещеніи переманивать уніатовъ въ латинство. Какъ тамъ эта іерархія, опираясь на кардинала Ледоховскаго, посмѣялась надеждамъ гали-

чанъ на папскую буллу, истолковавъ, что она не относится къ Галиціи; такъ здѣсь польскія власти и интеллигенты посмѣялись надъ Барвинско-Сембратовской мечтой о побратимствѣ и равноправности галицко-русской народности съ польскою. Послѣ этого какой смыслъ можетъ имѣть юбилейное прославленіе уніи, какъ знамени духовной независимости галицко-русской церкви подъ покровомъ папизма, и знамени духовнаго братства русскихъ галицкой Руси съ ея польскими латинянами?

Но встрѣчаются явленія дающія видѣть, что сторонники г. Барвинскаго изъ болѣе крайнихъ украинофиловъ или народоцевъ въ дѣйствительности насмѣхаются и надъ самою унією. Въ газетѣ „Правда“, органѣ г. Барвинскаго, еще въ 1894 г. помѣщена была историческая повѣсть какой-то Людмилы Старицкой подъ названіемъ „Передъ бурей“. Героемъ повѣсти здѣсь ни кто другой, какъ одинъ изъ главныхъ дѣльцовъ Брестской уніи, Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій. Кириллъ представленъ здѣсь страшнымъ негодяемъ, развратникомъ, клятвопреступникомъ, отравителемъ, разбойникомъ. Указывая на такой пріемъ органа г. Барвинскаго, благомыслящіе изъ галичанъ (въ газетѣ „Галичанинъ“) спрашиваютъ: „неужели панъ Барвинскій хотѣлъ такимъ способомъ приготовить галицкую публику къ юбилею уніи? Вѣрнѣе то, что для гг. Барвинскихъ и тому подобныхъ галицкихъ народцевъ (мнимыхъ) уніа и ея юбилей интересны не съ религіозной стороны, а съ какой-то особеннаго свойства политической точки зрѣнія, со стороны какихъ то партійныхъ и даже просто личныхъ интересовъ, что едва ли не слѣдуетъ предполагать и въ м. Сембратовичѣ.

Иначе отнеслась къ юбилейной идеѣ та старо-русская партія, которая въ сущности есть не партія, а представительница общаго самосознанія вѣрныхъ своей народности галичанъ, понимаемой какъ народности единой съ народностію всего русскаго народа, какое самосознаніе нисколько не ослабляетъ

ихъ вѣрности австрійскимъ монархамъ, австрійской монархіи ¹⁾. Эта партія, имѣющая за собой славу весьма авторитетныхъ и заслуженныхъ представителей науки, освѣтившихъ историческія судьбы галицкой Руси и самой уніи, знаетъ относительную цѣну ея и желаетъ, чтобы унія оставалась только съ своимъ религіознымъ значеніемъ, чтобы она служила къ охраненію въ средѣ галицко-русской церкви того, что уцѣлѣло въ ней отъ далекихъ временъ въ образѣ греко-восточнаго обряда, церковнаго славянскаго языка, чтобы она, устраняя латинопольскія вождедѣнія на галицкихъ русиновъ, помогала истинному самобытному развитію галицко-русскаго народа, какъ такового. Люди старорусскаго направленія не противорѣчили идеѣ чествованія уніи. Но нѣкоторые изъ нихъ, а съ ними и представители особой партіи народовцевъ, каковъ прежде всего самъ глава ея г. Романчукъ, высказывались въ томъ смыслѣ, что слѣдовало отложить юбилейное празднество на далѣе, напр., на конецъ XIX в. и праздновать всего лишь 200-лѣтіе уніи, ибо въ Галиціи она принята не въ эпоху Брестскаго собора, когда галицкіе владыки въ союзѣ съ Львовскимъ и другими братствами отвергли унію, а въ концѣ XVII в., когда она принята была въ Галиціи. Но уступая налеганіямъ митрополита и его споспѣшниковъ, нѣкоторые представители старорусскаго направленія не отказались поступить даже въ составъ юбилейнаго комитета, наряду съ такими ревнителями, какъ гг. Барвинскій, Вахнянинъ и др. Само собою слѣдовало предполагать, что не людямъ старорусскаго направленія могли принадлежать тѣ грубыя историческія ошибки

¹⁾ Какъ австрійскимъ нѣмцамъ сознаніе единства своей національности съ нѣмецкою національністю великой германской имперіи не мѣшало оставлять вѣрными своей австрійской монархіи, такъ и русскимъ галичанамъ сознаніе единства своей національности съ русскою національністю всей великой Россіи не мѣшало быть вполнѣ вѣрными тойже австрійской монархіи. Русскіе галичане никогда не заплатали себя митежами противъ австрійскихъ государей, чего нельзя сказать о полякахъ и мадьярахъ.

или прилыганія и тѣ повиннистскія выходки, какими переполнено разглагольствіе такъ называемой „Одозвы“, возбуждавшей галичанъ къ празднованію 300-лѣтія уніи. Достаточно уяснено, что нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ и просвѣщенныхъ членовъ комитета не рады были давать и свои подписи подъ „Одозвою“, что подписи нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы не собственною рукою ихъ, а чужою, якобы только съ согласія ихъ, какъ оправдывались подписавшіеся за нихъ. Безъ сомнѣнія, этимъ избраннымъ дѣльцамъ комитета принадлежитъ изданіе и польской „Одозвы“ къ братьямъ полякамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ предстоящихъ юбилейныхъ торжествахъ, на что великодушно отзывались поляки, обѣщавшіе даже составить свое р. к. вѣче для опредѣленія способа этого участія. Вообще, люди старорусскаго направленія совѣтовали, что, если уже праздновать юбилей уніи, то праздновать тихо и скромно, безъ похвалбъ, чтобы празднество имѣло исключительно домашній и притомъ строго церковный характеръ, безъ примѣси политическихъ манифестацій и безъ пышныхъ, дорого стоящихъ парадовъ. Но за подобные совѣты сыпались по адресу ихъ упреки въ „москвофильствѣ“, въ непріязни къ самой уніи, непочтеніи къ папѣ, къ митрополиту и т. под. Въ программѣ юбилейнаго празднованія возымѣли силу другіе внушенія и совѣты, по которымъ она уже и осуществляется.

Первымъ актомъ по юбилейной программѣ должно было явиться снаряженіе депутаціи въ Римъ. Депутація имѣла цѣлью засвидѣтельствовать вѣрность галицкой Руси Его Святѣйшеству и благодарность за его благодѣянія галицкой Руси, ея церкви, духовенству и народу; въ утѣшеніе папѣ, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ его,—поднести ему подарокъ отъ галицкой Руси и въ частности альбомъ съ портретами замѣчательныхъ представителей галицкой Руси; представить меморіаль о нуждахъ галицко-русской уніатской церкви, вѣроятно въ духѣ преобразованій, намѣченныхъ соборомъ 1891 г. Тре-

бывалось, чтобы депутація составила въ возможно большемъ составѣ представителей галицкой Руси изъ іерарховъ, духовенства, мѣстной интеллигенціи, кулечества, мѣщанства и крестьянъ, при чемъ послѣдніе должны быть въ своихъ національныхъ костюмахъ. Естественно, что снаряженіе и путешествіе депутаціи требовало не малыхъ хлопотъ и средствъ.

Изданы были ординаріатомъ, т. е. епархіальнымъ начальствомъ трехъ галицко-русскихъ епархій, листы для разсылки деканамъ или благочиннымъ, которые, въ свою очередь, должны были роздать эти листы приходскимъ священникамъ для сбора взносовъ на нужды депутаціи. Приняты мѣры о собраніи отъ приходскихъ священниковъ, а чрезъ нихъ и отъ другихъ, въ возможно большемъ числѣ, подписей подъ адресомъ папѣ, хотя текстъ самаго адреса еще не былъ объявленъ для подписывающихся. Сдѣланы были также распоряженія о заявленіи со стороны желающихъ принять личное участіе въ депутаціи. На эти распоряженія одобрительно и поощрительно отзывались мѣстныя польскія власти въ Галиціи, также и польская печать. Зато съ горечью отзывались объ этихъ распоряженіяхъ болѣе благомыслящіе и благоразумные изъ представителей церковно-общественной мысли въ Галиціи. Говорилось, между прочимъ, что не время вытягивать изъ народа новые сборы на депутацію и подарокъ папѣ,—народа, который и безъ того бѣденъ и бѣжитъ отъ нужды въ далекіе края; что сумма этихъ сборовъ съ гораздо большею пользою могла бы быть употреблена на обновленіе старыхъ и постройку новыхъ церквей въ Галиціи, въ чемъ она такъ нуждается ¹⁾).

¹⁾ Въ Галиціи, по мысли достопочтеннаго о. настоятеля Успенской церкви (древней ставропигіальной), производится сборъ пожертвованій съ цѣлію образованія фонда на обновленіе ветхихъ и постройку новыхъ церквей. Сколько извѣстно, вдохновителемъ этой благочестивой и народолюбивой мысли былъ не самъ м. Сембратовичъ, съ легкимъ сердцемъ попустившій передачу іезуитамъ русскихъ монастырей въ Галиціи.

Указывалось на неблаговидность того приѣма, по которому собираются подписи подъ адресомъ латѣ безъ предъявленія самого текста адреса; ибо подписывающіе обезпокоены, что въ текстѣ адреса можетъ оказаться то, что не согласно съ ихъ совѣстью, съ пользою русской церкви и народа. Высказывались предостереженія относительно и чаемыхъ плодовъ депутаціи, въ виду особенно того обстоятельства, что въ Римѣ сильно преобладаетъ теперь вліяніе кардинала Ледоховскаго, который, какъ ревностный полякъ, едва ли допуститъ римскую курію сдѣлать что либо для подъема и укрѣпленія духовной независимости и благоденствія галицко-русской униатской церкви. Но эти и подобныя напоминанія и предостереженія, которыя, кстати сказать, высказывались съ полнымъ соблюденіемъ должнаго почтенія къ лицу Его Святѣйшества папы Льва XIII, остались безполезными. Дѣло депутаціи двигалось распоряженіями „Митрополитальнаго Ординаріата“, который 10 жовтня (октября), новаго стиля, т. е. 28 сентября стараго стиля, издалъ уже и росписаніе маршрута для участниковъ депутаціи въ Римъ, съ приглашеніемъ присылать на покупку желѣзно-дорожныхъ билетовъ деньги во Львовъ на имя распорядителя поѣздки крылошанина о. М. Пакѣжа. Днемъ стѣзда „путниковъ“ во Львовъ назначено ¹²/₂₄ жовтня (октября), а слѣдующее затѣмъ число днемъ отѣзда въ путь. Въ своемъ оповѣщеніи объ этихъ распоряженіяхъ ординаріатъ не опустилъ въ концѣ сдѣлать такую оговорку: „вправдѣ находятъ ея люде, котри не дуже ради суть такой депутаціи, бо она не есть на руку ихъ тенденціямъ, и рожными способами старають ея людей отъ тои же отклонити, а даже подсувають ей цѣли, о которыхъ ей даже и не снилося, дабы лишь другихъ до той подорожи знеохотити; однако гадаемъ, що таки нечестніи инсинуаціи не обаламутять никого здраво мыслящаго“. Къ сожалѣнію, то, что здѣсь обзывается „нечестными инсинуаціями“, имѣетъ достаточное основаніе во всѣхъ извѣстныхъ фактахъ попустительства въ угоду папиз-

му и латино-польской пропагандѣ и въ ущербъ галицко-русской церкви, которыми ознаменовано управленіе м. Сембратовича, затѣявшаго и предъюбилейное паломничество въ Римъ, въ видѣ нарочитой депутаціи.

Во главѣ депутаціи былъ самъ м. С. Сембратовичъ. Два года предъ симъ онъ, вмѣстѣ съ епископами перемышльскимъ и станиславовскимъ, былъ въ Римѣ для привѣтствія папы Льва XIII съ тогдашнимъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ его епископства. Весной текущаго года митрополитъ опять ѣздилъ въ Римъ, гдѣ могъ уже доложить о преднамѣренныхъ оказательствахъ усердія къ папству, въ видѣ празднованія юбилея Брестской уніи, и предъюбилейномъ паломницествѣ въ Римъ галицко-русской депутаціи. Это новое проявленіе давно впрочемъ извѣстнаго усердія папству со стороны львовскаго митрополита нашло въ Римѣ должную оцѣнку. Тамъ уже засвѣтилась львовскому владыкѣ надежда на кардинальское достоинство. Правда, будущій кардиналъ въ бытность свою въ Вѣнѣ на обратномъ пути изъ Рима, почему то не съ радостію встрѣчаемъ былъ живущими въ Вѣнѣ галичанами. А въ самой Галиціи представители преобладающаго въ ней старорусскаго направленія говорили о будущемъ кардинальствѣ м. Сембратовича съ опасеніемъ, что оно можетъ имѣть значеніе обязательства на закрѣпленіе церковныхъ преобразованій, затѣянныхъ имъ въ духѣ папизма и іезуитства. *Timeo Danaos et dona ferentes*, говорилось по этому поводу. Зато польская печать громко голосила о предстоящей великой чести львовскому митрополиту; ей вторили голоса галицкихъ представителей „новой эры“, сторонниковъ папистическихъ идей митрополита, какіе сторонники имѣются уже и въ галицко-русскомъ духовенствѣ. Новая поѣздка митрополита въ Римъ во главѣ предъюбилейной депутаціи была, какъ само собою понятно, тѣмъ болѣе пріятной для него, что являлась вмѣстѣ поѣздкою за обѣщаннымъ кардинальствомъ.

Собираясь въ путь еще ранѣе другихъ депутатовъ, митрополитъ издалъ слѣдующее посланіе къ паствѣ своей епархіи.

Сильвестеръ Сембратовичъ.

Божю милостію и св. Апостольскаго Престола благодатию Митрополитъ Галицкій, Архієпископъ Львовскій, Епископъ Каменецкій и проч.

Всечестному Духовенству и всѣмъ Вѣрнымъ Архіепархіи Львовской миръ о Господѣ и Наше Архіерейске благословеніе

Любезні во Христѣ Братя!

Подаємо Вамъ симъ до вѣдомости що дня 9/21 с. м. вѣзджаємо до Риму, щобы тамъ зъ нагоды 300-лѣтнього Ювілею соединенія Русинѣвъ зъ св. Церковію католицкою разомъ зъ другими Архіереями нашої провинціи церковной, зъ представителями всѣхъ трехъ капитулъ, та съ духовными и мірскими путниками, передъ Престоломъ Намѣстника Христоваго, Наслѣдника св. Ап. Петра, святого Отця Папы Льва XIII, заявити чувства вѣрности и сынѣвской преданности и любви въ имени цѣлого духовенства, и всего народа руского нашої церковной провинціи, котру то вѣрность и преданность 300 лѣтъ тому заявлену, мы до нынѣшняго дня заховали и по всѣ часы заховати бажаємо.

Коли мы въ ту дорогу выбираємо ся, пригадуємо собѣ, якъ то, передъ 300 лѣтами саме о томъ часѣ два епископы рускій Ипатій Потѣй, епископъ володимѣрскій и берестейскій и Кирилль Терлецкій, епископъ лудкій и острожскій спѣшили до того самого вѣчного города, щобы въ имени всего епископату руского и народа зложити Головъ св. Христовой Церкви, Папѣ римскому, присягу вѣрности и католицке вѣроисповѣдане, повернути до едности церковной и усыхающую, бо бурию невзгодинъ одломлену, галузь (ветвь) т. е. Церковь нашу руску прицепити зновъ до животворного дерева, зъ которого плывуть оживляючи соки, т. е. до Церкви св. католицкой. Тѣ два епископы везли зъ собою грамоту, подписану митрополитомъ кіевскимъ и 7 епископами, представляющими 8 великихъ епархій и кѣльканайцятъ міліоновъ народа руского. Мыжъ веземо зъ собою адресу до Святого Отця, подписану

тысячами духовныхъ и свѣтскихъ Русиновъ, але представляющими лишь двѣ зъ тыхъ епархій (т. е. львовску або галицку и перемышку, бо станицлавѡвска повстала зъ части львѡвскои) и лише 3 миліоны Русиновъ.—Но яка честь для насъ и яке щасте, що мы додержали обѣты и переховали послѣдство правоты вѣры, переказане намъ нашими предками!—Але сумъ огортае нашу душу, коли згадаемъ на прочихъ 6 епархій и миліоны нашихъ братьей котрі ѡднали ѡдъ едности св. Церкви, живутъ въ заблужденю и выдѣють та усыхають, якъ та галузь ѡдорвана ѡдъ пня. Намъ лишь молити Всемогучого Бога, щобы просвѣтивъ ихъ, а ще бѡльше Пастырѣвъ ихъ свѣтломъ истины и порушивъ благодатію своею ихъ серця и волю, щобы они услухали поклику найвысшого Пастыря правдивого стада Христоваго на земли, Папы Льва XIII и вернули до едности церковной: да „будеть едино стадо и единъ Пастырь“ (св. Іо. X, 16).

Їдемо до Риму не складати вѣроисповѣдане и заприсягати вѣрнѡсть—бо мы правовѣрні сыны единой правдивой Церкви католицкой, и нѣхто не може сумнѣватися въ правотѣ нашей вѣры и въ щирости нашихъ чувствъ. Їдемо лишь заявити тѣ чувства вѣрности и сыновской преданости и любви, передъ престоломъ св. Отца и тамъ у жерела (у жерла, источника) еще бѡльше скрѣпити свою вѣру и привезти Вамъ Апостольске благословеніе св. Отця, а щобы мы покрепленіи благодатію Божію въ вѣрѣ, за всѣгды единѣми усты и единѣмъ сердцемъ славили великолѣпне имя Боже и щобы такъ прославивъ ся свѣтъ нашъ передъ нашими братьями, зѡстающими въ заблужденю розъединены, яко да видятъ дѣла наша блага и вѣру нашу крѣпку и прославлять разомъ зъ нами, яко сыны единой Церкви, Отця на небесахъ.

Пускаючи ся въ далеку дорогу, поручаемо Васъ ласцѣи опѣцѣи Всемогучого Бога, оставляючи зарядъ Епархійи що до звичайныхъ урядованъ Высокопреп. Отцю Пралатови Ант. Петрушевичови. И въ далечинѣ буде сердце Наше при Васъ; въ молитвахъ нашихъ будемо памятати о Васъ и у гробницѣ

св. верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и нашихъ славянскихъ Апост. Кирилла и Меѳодія будемъ заносити горячи молитвы о добро душевне и тѣлесне, вѣчно и дочасне, Ваше и Вашихъ родинъ будемо молити ся за дорогій намъ народъ рускій. Себежь самыхъ поручаемо Вашимъ молитвамъ, щобы намъ Всевышній дозволивъ щасливо ѡдбути дорогу, дѣло въ честь Богу, въ славу св. Церкви и добро нашего любленого народа и обряду звершити и щасливо зъ благословеніемъ Апостольскимъ середъ Васъ погернути.

Благодать Господа нашего Исуса Христа, любы Бога Отца и причастіе св. Духа буди со всѣми вами.

Дано у Львовѣ дня 16 Жовтня (4 октября) 1895.

Сильвестръ митрополить.

Охотно отдаемъ справедливость нѣкоторымъ добрымъ приемамъ архипастырской рѣчи въ этомъ посланіи ¹⁾. Но „пригадуемая“ въ этомъ посланіи поѣздка въ Римъ Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго даетъ намъ поводъ „пригадать“ и то, что тогдашніе галицкіе епископы львовскій Гедeonъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій отвергли дѣло Поцѣя и Терлецкаго. А извѣстная всѣмъ исторія поѣздки Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ, совершившейся при усиленныхъ понуканіяхъ со стороны короля Сигизмунда III, латинно-польскихъ прелатовъ и іезуитовъ и вопреки общему желанію всей западной Руси, даетъ намъ поводъ указать на немалое сходство этой исторіи съ исторією теперешней юбилейной и паломнической заѣзды, созданной искусственно, а не возникшей изъ общаго настроенія галицко-русскаго духовенства и народа. Посланіе хвалится тысячами подписей духовныхъ и свѣтскихъ русиновъ на адресѣ папѣ. Конечно, галицко-русское духовен-

¹⁾ Что касается до языка посланія, то онъ далеко не имѣетъ той чистоты и обработки, до какихъ онъ доведетъ въ органахъ литературныхъ старорусскаго направленія. Но то хорошо, что галицко-русская іерархія еще спустилась до принятія за официальный языкъ того крайне страннаго языка, какой галицкіе крайніе народовцы выдаютъ за будто бы самостоятельный малорусскій языкъ.

ство не могло не давать само и не собирать по приходамъ подобныхъ подписей, когда распоряженіе о нихъ исходило отъ такой власти, которая способна предписывать деканамъ тайно доносить о священникахъ, поступающихъ несогласно съ политикою митрополита. Этимъ хотимъ мы сказать не то, что не было подписей, данныхъ сознательно и усердно, а лишь то, что ссылка на тысячныя подписи, набранныя съ пріемами властнаго свойства, отзывается нѣсколько фарисейскимъ самовосхваленіемъ. Но уже подлинный духъ фарисейскаго самомнѣнія слышится намъ въ тѣхъ выраженіяхъ посланія, гдѣ составитель его, превознося маленькую униатскую церковь галицкихъ епархій, о величественной и богатой жизненными силами Церкви Русской произносить судъ какъ о засохшей „галаузѣ“ (вѣтви). Мы не предполагаемъ въ составителѣ посланія такого невѣжества, чтобы онъ не понималъ, какъ нелѣпо то, что говоритъ онъ. Отвагу на такую рѣчь могъ придать ему только задорный духъ паписта, при которомъ не стѣсняются не только въ осужденіяхъ, но и въ прилыганіяхъ. Мы увѣрены, что и въ галицкой Руси многіе, очень и очень многіе не одобряли подобной выходки въ посланіи, какъ не одобряли подобныхъ выходокъ и въ начальной „Одозвѣ“ юбилейнаго комитета.—Но продолжимъ рѣчь о галицкомъ паломничествѣ въ Римъ.

Отъѣздъ м. Сембратовича состоялся 9/21 октября. Съ нимъ ѣхали львовскіе кафедральные крылошане—архипресвитеръ Андрей Бѣлецкій, архидіаконъ Левъ Туркевичъ и канц. Алекс. Бачинскій. Въ львовскомъ „Душпастири“ (папистическаго на правленія) отъѣздъ этотъ описанъ съ умиленіемъ, искренности котораго охотно вѣримъ. Но отклика на такое умиленіе мы не встрѣчали въ другихъ, болѣе уважаемыхъ и распространенныхъ органахъ галицко-русской печати. Изъ другихъ двухъ галицкихъ іерарховъ участвовалъ въ депутаціи только перемышльскій епископъ Іуліанъ Пелешъ. Къ 11/23 октября стѣхались во Львовъ группы участниковъ депутаціи изъ трехъ

галицкихъ епархій; 12/24 октября двинулись въ путь и къ 17/29 октября прибыли въ Римъ. Всего въ составѣ депутаціи набралось свыше 80 человѣкъ, въ числѣ ихъ 12 крестьянъ. Изъ среды свѣтской интеллигенціи въ первое время не было выдающихся представителей. Гг. Барвинскій и Вахнянинъ, имѣвшіе придать особенный блескъ депутаціи, поднялись въ путь не ранѣе 17 октября, уже послѣ того, какъ получили особую пригласительную телеграмму отъ м. Сембратовича.

Впрочемъ еще до прибытія ихъ начались пріемныя торжества для галицкой депутаціи. Начались они въ среду 18 октября. Въ коллегіи св. Аѳанасія устроена была въ честь паломниковъ такъ называемая „академія“, т. е. торжественное музыкально-вокальное и литературное собраніе. Были тутъ рѣчи, декламаціи стихотвореній въ привѣтъ паломникамъ и особенно въ прославленіе величія акта уніи, совершившагося во время Климента VIII. Рѣчи и декламаціи произносились на языкахъ итальянскомъ, латинскомъ, польскомъ и русскомъ, но именно малорусскомъ, какъ органъ украинофильской самостоятельности, служащемъ ей и литературнымъ знаменемъ въ видѣ фонетики. Сыграны были музыкальныя пьесы религіознаго содержанія. Хоровое пѣніе исполнялось съ участіемъ и оперныхъ пѣвцовъ, приглашенныхъ за плату на счетъ „пропаганды“, вообще заботившейся о лучшемъ устройствѣ этой торжественной академіи, которую почтили своимъ присутствіемъ даже кардиналы Біанелли и Галимберти. Въ четвергъ 19 октября имѣло мѣсто другое, уже собственно духовное торжество. Всѣ паломники исповѣдывались и причащались на литургіи, отслуженной м. Сильвестромъ и перемышльскимъ епископомъ Іуліаномъ въ церкви св. ап. Петра передъ престоломъ св. Григорія Назіанзена. Въ тотъ же день покровитель галицкой Руси и уніи кардиналъ Ледоховскій давалъ обѣдъ въ честь обоихъ галицкихъ епископовъ, съ которыми приглашены были на обѣдъ и другіе восемь лицъ изъ пользующих-

ся наибольшимъ довѣріемъ митрополита. На слѣдующій день, въ пятницу 20 октября, послѣдовала первая, пока частная, аудіенція у папы, данная Сембратовичу и Целешу, а чрезъ два дня, въ понедѣльникъ 23 октября—общая аудіенція, данная всей галицкой депутаціи. Его Святѣйшество принялъ депутацію въ присутствіи нѣсколькихъ кардиналовъ. На аудіенціи набралось до 85 галичанъ, съ прибавленіемъ воспитанниковъ коллегіи св. Аѳанасія. М. Сембратовичъ въ адресной рѣчи выразилъ благодарность отъ галицкой Руси папѣ за всѣ его милости галицко-русской церкви, особенно за реформу монашества чина св. Василія съ помощію іезуитовъ, за церковный Львовскій соборъ 1891 г. и утвержденіе постановленій его, а также за учрежденіе русской богословской коллегіи въ Римѣ (въ замѣнъ вѣнской семинаріи). Папа отвѣчалъ милостиво; выразилъ свою радость о пріѣздѣ галицкихъ депутатовъ и присовокупилъ, что, какъ доселѣ заботился о благѣ униатской церкви, такъ не престанетъ заботиться о ней и въ будущемъ, а всѣхъ присутствующихъ призывалъ стараться о соединеніи и всего Востока съ р. католическою церковію. Что касается до кардиналовъ, то, по сообщеніямъ болѣе надежныхъ корреспондентовъ галицкой печати, они отнеслись къ галицко-русскимъ депутатамъ довольно холодно, а кардиналъ Ледоховскій держалъ себя предъ ними, какъ осторожный дипломатъ. Внимательнѣе казался кардиналъ—канцлеръ Рамполла, которому въ свое время представлены были митрополитомъ выдающіеся члены депутаціи. Кардиналъ по одиночно спрашивалъ ихъ объ ихъ личныхъ отношеніяхъ, и г. Барвинскому далъ понять, что понимаетъ его значеніе, какъ вожди политической партіи, но при этомъ якобы далъ ему и совѣтъ: лучше и тверже защищать свой русскій народъ. Если точно данъ былъ такой совѣтъ, то не безынтересно было бы угадать: противъ кого совѣтовалось тутъ защищать галицко-русскій народъ,—противъ Москвы или противъ галицкой польщизны и ея покровителя кардинала Ледоховскаго, способнаго подрывать си-

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ДЕПУТАЦІЯ ВЪ РИМѢ.

лу папскихъ буллъ, если польскіе прелаты въ Галиціи найдутъ ихъ полезными для русскихъ униатовъ, но не выгодными для польскихъ латинянъ? Со вторника депутаты—паломники стали поспѣшно уѣзжать изъ Рима и съ 27 окт. большинство ихъ было уже въ родной Галиціи. Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ галицко-русской печати, болѣе прямодушные изъ бывшихъ депутатовъ не особенно хвалились своими впечатлѣніями за время побывки въ Римѣ, а кое-о чемъ говорили съ грустью. Такъ, галицкіе священники, привыкшіе на родинѣ видѣть благочестивое настроеніе своихъ прихожанъ, должное почитаніе св. храмовъ, смущались неблагочиннымъ и неблагоговѣйнымъ отношеніемъ римскаго населенія къ своимъ костеламъ. Видѣли они, что эти костелы мало посѣщаются, часто пустуютъ съ утра до вечера. Зато приходилось видѣть посѣтителей, заходившихъ въ костелы съ шапками на головѣ и папиросами въ зубахъ ¹⁾. Во время богослуженія народъ спуетъ по костелу, слышны говоръ и смѣхъ. Страннымъ казалось и то, что лица изъ римскаго духовенства, прилично одѣтые, нерѣдко останавливали нашихъ паломниковъ, выпрашивая милостыни ²⁾. Соблазняло паломниковъ и примѣченное ими непріязненное отношеніе римскаго населенія къ своему духовенству, отражавшееся и на отношеніи къ паломникамъ. На улицахъ имъ не было спокойнаго прохода. На нихъ налегали толпы глазѣющихъ, бросали по ихъ адресу какія-то замѣчанія, вѣроятно, рѣзко глумливыя, потому что они вызывали хохотъ въ толпѣ. Былъ случай даже болѣе грубаго оскорбленія. Когда депутаты ѣхали въ Ватиканъ, то какой-то оборванецъ вскочилъ сзади на экипажъ, слѣдовавшій за экипажемъ митрополита, сталъ ругать сѣдоковъ, присоединяя даже

¹⁾ Если это было, то можетъ быть—по какой либо случайности: такъ, по крайней мѣрѣ, желательно думать

²⁾ Возможно, что это были собиратели милостыни отъ какого нибудь благотворительнаго общества или монашескаго братства, гдѣ испрашиваніе милостыни для братства имѣетъ видъ общаго послушанія.

удары въ спину. Конечно, галицкіе паломники не первые, встрѣтившіе такое непріязненное и глумливое отношеніе со стороны римскаго населенія. Нѣчто подобное испытывали въ разное время паломники французскіе и др. Источникъ подобныхъ явленій коренится, преимущественно, въ продолжающемся, непримиримомъ разладѣ между Италією, какъ государствомъ объединеннаго народа съ столицею Римомъ, и папствомъ, которое не признаетъ такой Италіи, не признаетъ принадлежащимъ ей Рима, какъ столицы. По этому вслѣдствію проявленія чествованія папъ, въ родѣ паломничества, вызываютъ раздраженіе въ итальянскомъ, въ частности и римскомъ населеніи. Послѣ того, что пришлось галицкимъ паломникамъ видѣть въ Римѣ, между нѣкоторыми изъ нихъ ходили такіе рѣчи: „вотъ іезуиты наводняютъ Галицію съ цѣлію воспитывать насъ въ духѣ р. католическомъ. Не лучше ли имъ направить свои силы на воспитаніе народа въ самой столицѣ папства, а насъ оставить въ покоѣ“? Если возбужденіе такого сознанія объ излишествахъ іезуитскихъ услугъ галицкой Руси оказывается однимъ изъ результатовъ поѣздки въ Римъ галицкой предъюбилейной депутаціи, то этотъ результатъ—характеристическій и, конечно, неожиданный для м. Сембратовича, который именно на тѣснѣйшемъ союзѣ съ папствомъ, латинствомъ и іезуитами основываетъ свои преобразовательные затѣи въ галицко-русской униатской церкви. Предпочитаемъ воздержаться отъ обсуждения другихъ результатовъ поѣздки въ Римъ предъюбилейной депутаціи, также и отъ конечнаго сужденія о тѣхъ, какъ уже явленныхъ, такъ и обѣщанныхъ благодѣяніяхъ галицкой Руси со стороны папскаго престола, о какихъ говорилось во время поѣздки. Ограничимся замѣчаніемъ, что, какъ прежде, когда еще снаряжалась эта поѣздка, такъ и теперь, когда она уже отбыта, въ галицкой Руси, повидимому, остается непонятою, или, вѣрнѣе сказать, не признающею цѣнность этихъ благодѣяній, прославляемыхъ пока только въ тѣсномъ кругу лицъ, приближенныхъ къ митрополиту. Напротивъ, нѣкоторыя изъ

благодѣній, за которыя благодарилъ папу м. Сембратовичъ, просто смущаютъ галичанъ, какъ совсѣмъ непрошенныя или угрожающія опасностями русской униатской церкви и русской народности въ Галиціи. А неразлучная связь этихъ благодѣній съ преобразовательными затѣями м. Сембратовича увеличиваетъ смущеніе галичанъ. Послѣ сего повятно, почему самая поѣздка предъюбилейной депутаціи въ Римъ не принесла утѣшеній громадному большинству представителей церковно-общественной мысли въ галицкой Руси.

Вполнѣ благопріятною оказалась эта поѣздка только лично для м. Сембратовича, стоявшаго во главѣ депутаціи. Несомнѣнно она подвинула дѣло о его кардинальствѣ. Въ ожиданіи рѣшенія по этому дѣлу, м. Сембратовичъ съ многими изъ крылошанъ, членовъ депутаціи, оставался нѣкоторое время въ Римѣ и, по отъѣздѣ оттуда остальныхъ членовъ ея, уѣхалъ изъ Рима съ утѣшительною увѣренностію, что рѣшеніе состоялось. На обратномъ пути изъ Рима онъ въ началѣ ноября съ нѣсколькими изъ крылошанъ останавливался въ Вѣнѣ, гдѣ на аудіенціи у императора ²/₁₄ ноября удостоился услышать отъ Его Величества поздравленіе съ кардинальствомъ. Находясь въ Вѣнѣ, митрополитъ и крылошане не опустили представиться и министру президенту графу Бадени, который, будучи предъ тѣмъ галицкимъ намѣстникомъ, усердно поддерживалъ папистическую, латино-польскую политику митрополита, имѣлъ и самъ его союзникомъ въ своей политикѣ, направленной къ пригнетенію русской народной стихіи въ Галиціи и за то сильно помогъ митрополиту въ достиженіи кардинальства. По сообщенію „Галичанина“, органа представителей старорусскаго направленія, гр. Бадени, въ разговорѣ съ митрополитомъ и крылошанами выразился: „вы, должно быть, радуетесь тому, что меня здѣсь такъ прижимаютъ, потому что и я хорошо прижималъ васъ

въ Галиціи¹⁾. Промолчали слушатели на эти слова гр. Бадени и тѣмъ показали, что союзникъ м. Сембратовича, величаемый и партією г. Барвинскаго, не напрасно хвалится своею ролю притѣснителя русской народности въ Галиціи въ бытность галицкимъ намѣстникомъ. Изъ Вѣны м. Сембратовичъ направился во Львовъ, гдѣ между тѣмъ приняты были, какъ говорятъ, особенныя предосторожности для охраны его отъ какихъ-то несочувственныхъ ему манифестацій. Обошлось впрочемъ безъ манифестацій. Сочтено даже приличнымъ принести ему въ „Народномъ Домѣ“ поздравленіе съ предрѣшеннымъ кардинальствомъ. Говоримъ—предрѣшеннымъ, ибо извѣстно, что процедура производства въ кардинальское достоинство довольно сложна, проходя чрезъ рядъ формальностей. Обрядъ формальнаго производства м. Сембратовича въ кардиналы послѣдовалъ уже по выѣздѣ его изъ Рима, а именно 17/29 ноября, когда Его Святѣйшество, папа Левъ XIII въ собраніи своей Консисторіи изволилъ именовать кардиналомъ львовскаго митрополита въ знакъ, какъ выразился, своей любви къ галицкой Руси. По полученіи извѣстія о томъ во Львовѣ, принесены были здѣсь львовскому владыкѣ новыя поздравленія. 18/30 ноября, въ субботу утромъ, въ кафедральномъ соборѣ св. Георгія отслужена была литургія, а въ 12 ч. приносили поздравленія новому кардиналу члены кафедральнаго капитула или крылошане, начальствующій персоналъ духовной семинаріи, мѣстное духовенство, латинско-польскіе архієпископы Моравскій и Исаковичъ, члены совѣта „Народнаго Дома“ и др. Въ воскресенье 19 ноября (1 дек.) являлись съ привѣтствіями еще нѣкоторые чиновные пред-

¹⁾ По объясненію того же органа, гр. Бадени подъ вѣнскими прижимателями его разумѣлъ особенныя антисемитовъ, поднявшіеся на него по поводу извѣстнаго дѣла д-ра Лауэгера, который былъ избранъ на должность бургомистра Вѣны, но не утвержденъ императоромъ по настоянію гр. Бадени, угодника сильныхъ въ Австріи евреевъ.

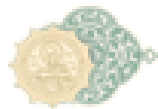
ставители. Но это еще не все. 20 ноября (2 дек.) прибылъ во Львовъ изъ Рима офицеръ папской гвардіи, графъ Петро-марки, въ качествѣ курьера или свѣтскаго аблегата. Онъ привезъ оффиціальное извѣщеніе о состоявшемся кардинальствѣ галицкаго митрополита. Самое же облаченіе его въ кардинальское достоинство должно было состояться въ Вѣнѣ. Во вторникъ 21 ноября (3 дек.) львовскій митрополитъ въ сопутствіи нѣкоторыхъ изъ капитула и папскаго аблегата отправился въ Вѣну, куда къ его пріѣзду имѣлъ прибыть другой аблегать аббатъ Баумгартенъ, везшій папское бреве о возведеніи митрополита въ кардиналы и кардинальскій беретъ для него. Въ Вѣнѣ въ четвергъ митрополитъ былъ принятъ императоромъ на аудіенціи, а въ субботу 25 ноября (7 дек.) въ дворцовой часовнѣ состоялся, при весьма торжественной обстановкѣ, обрядъ чтенія папскаго бреве и затѣмъ возложенія императоромъ кардинальскаго берета на новоименованнаго кардинала. Черезъ три дня состоялся выѣздъ кардинала изъ Вѣны во Львовъ, гдѣ $1\frac{1}{12}$ дек. последовалъ обрядъ торжественнаго въѣзда его въ свой митрополитальный городъ и торжественной встрѣчи его здѣсь съ многочисленными рѣчами отъ разныхъ представительствъ, въ томъ числѣ и латино-польскихъ.

Такъ закончился для галицкой Руси первый актъ юбилейной программы, какимъ была депутація въ Римъ, ускорившая для м. Сембратовича достиженіе кардинальства! Не будемъ распространяться здѣсь о свойствѣ тѣхъ парадовъ, съ какими прославлялось это кардинальство въ день пріѣзда во Львовъ новаго кардинала. Болѣе теперь занимаетъ насъ вопросъ о томъ, что принесетъ галицкой Руси это прославляемое кардинальство? Ближайшимъ образомъ вопросъ этотъ возбуждается въ насъ слѣдующимъ знаменательнымъ обстоятельствомъ: вечеромъ того же 1 (12) декабря, когда дневные парады въ честь кардинала заканчивались иллюминаціею, во Львовѣ была уже на лицо новая депутація, во многомъ от-

личная отъ предъюбилейной депутаціи въ Римъ. Это была депутація не искусственно подобранная, а самодѣтельно образовавшаяся, и въ составѣ не 80, а болѣе 200 лицъ изъ приходскихъ священниковъ и ихъ прихожанъ. Не въ Римъ собиралась она, а въ Вѣну. Туда въ тотъ же вечеръ и отправилась она, чтобы изложить предъ Его Величествомъ австрійскимъ цезаремъ свои горькія скорби о злоупотребленіяхъ, несправедливостяхъ и насиліяхъ, какія терпитъ русскій народъ въ Галиціи отъ преобладающей въ ней латино-польской стихіи, и умолять о защитѣ отъ нихъ. Кардиналь Сембратовичъ въ своихъ отвѣтахъ на народныя рѣчи ему въ день вѣзда во Львовъ не разъ говорилъ о своей любви къ галицко-русскому народу и духовенству и о своей попечительности о нихъ. Чѣмъ покажетъ теперь свою любовь къ этому народу и духовенству галицкій первоіерархъ? Чѣмъ проявитъ онъ свою *искреннюю* попечительность объ этомъ народѣ при теперешней тяжкой долѣ его? По крайней мѣрѣ—проникнется ли онъ сознаніемъ своего призванія—охранять достояніе и права своей галицко-русской церкви и народности отъ посягательствъ со стороны латино-польской іерархіи, іезуитовъ, польскихъ ксендзовъ и пановъ? Или онъ по прежнему останется союзникомъ угнетателей и расхитителей его духовнаго стада?

Ив. Малышевскій.

12 декабря 1895 г.

ГРЕЧЕСКІЙ ЕКАТЕРИНИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ КІЕВѢ.

Греки издавна селились и проживали въ бывшемъ литовско-русскомъ государствѣ и въ частности въ Малороссіи; но въ послѣдней они получаютъ особыя права со времени воссоединенія ея съ московскимъ государствомъ. 2 мая 1657 года гетманъ Богданъ Хмельницкій издалъ универсалъ свой, которымъ предоставлялись особыя права грекамъ, пріѣзжавшимъ для торговли въ украинскіе города и мѣстечки. „Всѣмъ воебѣ и каждому зособна,—сказано въ этомъ универсалѣ,—кому о томъ вѣдати належитъ..., доносимо до вѣдомости, ижъ мы, приохочуючи грековъ купцовъ, абы въ сторону нашу зъ розными товарами прыежджаючи, выгодно люлемъ были, мѣти хочемъ и сурово розказуемъ, жебы жаденъ по мѣстахъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправуючихъ, альбо перемѣшкивающихъ, до права полковническаго, козацкаго и мѣскаго потягати не важился, зъ полковниковъ зась, асавуловъ, атамановъ, войтовъ, бурмистровъ абы жаденъ онихъ судить и декретами окрывать не смѣлъ, срокго навпоминаемъ; але абы, яко звычайъ есть въ чужихъ краяхъ, сами межы собою въ справахъ купецкихъ вшелякие sprawy розсужали и челядь выкочную судили и подлугъ заслугъ карали. А если бы кто зъ полковниковъ нашихъ albo з иныхъ преложонныхъ ва-

жылся пеналежъне в тоє втручать и трудность яковую до-
давать, такового мы срокто будемо карать“¹⁾. Тотъ же Бог-
данъ Хмельницкій далъ греческимъ купцамъ другой универ-
салъ, до насъ недошедшій, но подтвержденный 16 и 23 но-
ября 1659 года сыномъ его Юріємъ Хмельницкимъ, который
дозволялъ грекамъ всюду въ городахъ украинскихъ, на ярмар-
кахъ и торгахъ, торговать безпрепятственно и безошлинно,
„опрочъ дана належности нашей войсковой“²⁾. Эти права
греческимъ купцамъ подтверждаемы были и послѣдующими
гетманами, но съ такими разъясненіями, что грекамъ предо-
ставленъ самосудъ только въ торговыхъ дѣлахъ, „опрочъ кре-
миналу“³⁾, да и въ купеческихъ дѣлахъ предоставлено „имъ
самимъ межи собою судитися, то есть в такой справѣ, кгда
кгрекъ з кгрекомъ, а не з общюю якою особою, о купецкою
речь заведется“...; однакъ если бы кгрецкій купецъ заводъ з
нашимъ украинскимъ человѣкомъ мѣлъ, тоды належному су-
довы повиноватися маєтъ“⁴⁾; а если бы давпостю альбо якимъ
иньшимъ способомъ якоѣ затрудниѣное справи не могли сами
между собою успокоѣти, абы имъ ниhto з апеляцією до суду
нашего евералного не зборонялъ удаватися“⁵⁾.

Пользуясь этими привилегіями, греческіе купцы стали
поселяться на постоянное жительство въ разныхъ украинскихъ
городахъ и особенно въ такихъ, въ которыхъ они меньше
встрѣчали соперничества и отпора своимъ притязаніямъ въ мѣст-
номъ русскомъ купечествѣ. Въ этомъ отношеніи особенный ин-
тересъ представляютъ для насъ города Нѣжинъ и Кіевъ.
Первый, не смотря на свою незначительность, сдѣлался од-
нимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ греческихъ поселеній и

¹⁾ „Акті греческаго нѣжинскаго Братства“, изд. А. А. Федотовымъ-
Чеховскимъ. Кіевъ 1884 г. ст. 43.

²⁾ Тамъ же, ст. 46 и 47.

³⁾ Тамъ же, ст. 57, 61, 62, 65 и 66.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 50.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 54.

торговли, тогда какъ въ Кіевѣ, бывшемъ какъ бы столицею Украины, греки ступевывались въ общей массѣ русскаго населенія и, не смотря на всѣ старанія свои, не получили всѣхъ тѣхъ правъ, какими пользовались нѣжинскіе греки.

Въ Нѣжинѣ уже въ 1670 году была довольно значительная греческая община, какъ это можно заключать изъ того, что въ этомъ году прибылъ въ Нѣжинъ и остался здѣсь на постоянное жительство выходецъ изъ Македоніи, греческій священникъ Христофоръ Димитріевъ ¹⁾. Вѣроятно, на первыхъ порахъ онъ совершалъ богослуженіе для нѣжинскихъ грековъ въ какой-либо домовой церкви. Съ 1675 года нѣжинскіе греки занимаютъ видное положеніе среди другихъ грековъ, жившихъ на Украинѣ. Въ этомъ году чужеземные купцы греки и волохи, жившіе на Украинѣ, просили гетмана Самойловича, чтобы онъ не позволялъ „урядомъ разнимъ, особливе маѣстратови Нѣжинскому, судити“ ихъ, и чтобы вообще предоставилъ иноземнымъ купцамъ, согласно ихъ привиллегіямъ, судиться между собою собственнымъ судомъ ²⁾. Испросивъ для себя подтвержденіе прежнихъ привиллегій грекамъ, нѣжинскіе греки построили для себя особую греческую церковь въ Нѣжинѣ, образовали особый греческій приходъ, учредили свое церковное братство и исходатайствовали для нихъ особая права и преимущества, которыхъ въ послѣдствіи времени добивались и кіевскіе греки.

Вышепоминутый греческій священникъ Христофоръ Димитріевъ, прибывъ въ Нѣжинъ, построилъ здѣсь въ 1680 году, съ разрѣшенія мѣстоблюстителя кіевской митрополіи, черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, деревянную церковь во имя архангеловъ Михаила и Гавріила, а 15 мая 1690 года началъ постройкою каменную церковь всѣхъ святыхъ ³⁾.

¹⁾ „Труды Киевской дух. Академіи“. Мартъ. 1885 г., стр. 5, примѣч. 1.

²⁾ „Акты греческаго нѣжинскаго Братства“. Кіевъ, 1884 г., ст. 53.

³⁾ „Труды Киевской Дух. Академіи“, мартъ, 1885 г., стр. 5, примѣч. 1.

Въ усноповительной грамотѣ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича священнику Христофору Димитріеву отъ 11 марта 1680 года сказано слѣдующее о побужденіяхъ къ постройкѣ особой греческой церкви въ Нѣжинѣ: „греческіе люди въ мѣстѣ Нѣжинѣ¹⁾ найдующеся, не разумѣючи русскаго набоженства, и яко несвѣдомыи языка нашего, не могучи нашимъ священникомъ выразне исповѣдати грѣхи свои, при поважной яснѣ вельможного его милости пана гетмана инстанцѣѣ, горячо просили насъ пастыра, абы купивши въ мѣстѣ Нѣжинскомъ пляцъ, волно имъ было церковь во имя святыхъ архангеловъ Михаила и Гавріила создать и при ней крещекого священника, меновыте сего честного отца Христофора Димитріевича за духовного себѣ отца держати“. Лазарь Барановичъ удовлетворилъ просьбѣ нѣжинскихъ грековъ, „то еднакъ варуючи, абы отъ тыхъ грековъ, которые своими живутъ домами, парохіальнымъ священникомъ нѣжинскимъ не дѣялся уцербокъ, вгдыжъ до котороѣ парохіи певныи суть, якъ слушность указовала, отдѣлены дома“¹⁾. Грамотою того же Лазаря Барановича, данною 5 марта 1683 года нѣжинскимъ грекамъ, по ихъ просьбѣ, учреждены были при Михайловской церкви ктиторы, „которые не тылко абы звичайного порядку церковного цилновали и о потребахъ еи промышляли, але и долги, застаючие на церкви греческой, отбывали, до того же и священника своего честного отца Христофора, застаючого при церкви греческой святаго архистратига Михаила, певною ушевнилисте квотою, то есть, на каждый день одному давати по золотому, и доходы церковныи такъ сорокоуста, яко и иньшие поступилисте“²⁾. Скоро между священникомъ Христофоромъ и ктиторами возникли недоразумѣнія и столкновения. Въ 1689 году о. Христофоръ жаловался преосвященному Лазарю Барановичу, что „вынайшлися нѣкоторые знать не такъ з побожности, яко з лакомства ктиторове, субмѣтцуючсся при созданной промыс-

¹⁾ „Акты греческаго Нѣжинскаго Братства“, Кіевъ 1884 г., ст. 6.

ломъ священническимъ церквѣ собраннымъ имѣніемъ впредь долги кошту на оную ложенного отдать, потомъ ко совершенному украшенію оную приводить, а одержавшы тое, не тилко за неотданемъ реченныхъ долговъ в турбацію мененного отца Христофора впроважать, лечь и имѣние церковное в приватномъ своемъ завѣдыванію мѣти, и кромѣ его священнической волѣ диспозовати онымъ умыслили“. На этотъ разъ о. Христофоръ одержалъ верхъ надъ ктиторами. Вслѣдствіе его жалобы, преосвященный Лазарь Барановичъ предписалъ греческимъ нѣжинскимъ ктиторамъ, чтобы „всѣ добра церковныя, в которыхъ бы долги мененные належало отдавати, ему честному отцу Христофору, яко первшому той церкви фундатору и ктитору, вручили, которыми отъ того часу бы никто иной, кромѣ его самого, не завѣдовалъ, и жебы никто не важился ктиторомъ оной називатися“ ¹⁾. Но какъ только скончался о. Христофоръ ²⁾, то нѣжинскіе греки и „за грековъ почитавшіеся“ постарались подчинить себѣ своихъ греческихъ священнослужителей. Этого они достигли путемъ учрежденія при нѣжинской греческой церкви братства церковнаго. Въ 1696 году, съ утвержденія гетмана Ивана Мазепы, они обратились къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому съ просьбою, „да быхомъ,—какъ писалъ Варлаамъ Ясинскій въ своей грамотѣ,—благословили имъ, въ честь и славу,—по Божѣ и Богородици,—святого архистратига Михаила и всѣхъ святыхъ при церкви ихъ греческой Нѣжинской имѣти союзъ духовный братолюбный церковнаго братства, съ принадлежностію вѣчистою присудственною и послушательною ни до кого же иного, ток-

¹⁾ Тамъ же, ст. 11.

²⁾ Въ 1691 году онъ еще ѣздилъ въ Москву за подаяніемъ, а въ 1692 году ктиторомъ греческаго нѣжинскаго храма былъ уже о. Христофудъ. См. „Греческіе Нѣжинскіе храмы“ и проч., А. А. Дмитріевскаго, Москва, 1885 г., стр. 6 и 9,—оттискъ изъ „Православнаго Обзорнія“. Но мы не нашли никакихъ основаній для того, чтобы отождествлять о. Христофора съ Христофудомъ, какъ это дѣлаетъ г. Дмитріевскій.

мо до православнаго престола нашего митрополитанскаго Кіевскаго Свято-Софійскаго: да иный архіерей никій же, паче же гречестіи, и прочіи странствующіи, прїѣзжающіи въ Нѣжинъ, ни единого властительскаго дѣла имѣютъ то церкви ихъ греческія, такожде и пречестный протополь нѣжинскій; но они сами братство ихъ церковное да завѣдуютъ церкви своея тамошня всякимъ благоустроєніемъ, добрами ея, и грунтами и приходами, съ усерднымъ тѣченіемъ о богоугодномъ церковномъ чину, благолѣпіи и украшеніи душеспасительномъ; а о томъ своемъ завѣдованіи да никомуже иному отвѣтъ дають, токмо нашему престолу митрополитанскому кіевскому, и отъ того самого по благословенію вси благая да творять. Пресвитера же до церкви своей греческой богобоязненнаго и благоразумнаго, въ греческомъ писаніи искуснаго, аще же возможно—и въ славеноросскомъ, дабы волно было имъ самымъ братіямъ по своему общему совѣту и избранію принять, мзду же и пропитаніе ему, кромѣ владѣнія отъ него церковію, отъ своего общаго братскаго собранія обмыслити и постановити; и аще бы, въ званіи своемъ іерейскомъ не обретаея, неугоденъ имъ былъ, дабы мощно имъ было отставить его, любо бы и прежде исполненія года, а иного принять; обаче не безъ благословенія отъ престола нашего митрополитанскаго кіевскаго. А до церкви ихъ греческой купцѣ гречестіи не токмо живущіи въ Нѣжинѣ, но и на время Приходящіи, иноземныи тогожъ языка, яко же и волоскій, знаменитшій въ купечествѣ греческій языкъ умѣющіи и за грековъ почитающіися, дабы, въ то же братство вписующеся, належали такожъ въ участіи святынь церковныхъ; воеже бы въ томъ священники парохіальніи нѣжинскіи, въ ихъ же парохіяхъ таковіи странствующіи гречестіи купцы приставище себѣ обращуть, препоны не творили. Ктому же просили насъ о благословеніи и на то, дабы волно имъ было при церкви ихъ греческой Нѣжинской построить школу ради ученія отроковъ письмени греческаго, такожде и шпиталь ради пристанища и препитанія убогихъ и недужныхъ“. Митрополитъ

Варлаамъ Ясинскій благословилъ нѣжинскимъ грекамъ учредить испрашиваемое ими братство на указанныхъ ими условіяхъ ¹⁾).

Прямымъ послѣдствіемъ образованія нѣжинскаго греческаго братства, зависѣвшаго только отъ митрополита кіевскаго, было освобожденіе этого братства отъ власти мѣстнаго нѣжинскаго протопопа, образованіе въ Нѣжинѣ особаго греческаго прихода и полная зависимость нѣжинскихъ греческихъ священниковъ отъ этого братства.

Мы видѣли выше, что грамотою архіепископа Лазаря Барановича отъ 11 марта 1680 года предписано было, „абы отъ тыхъ грековъ, которые своими живутъ домами, парохіальнымъ священникомъ нѣжинскимъ не дѣялся ущербокъ, кдгыжъ до котороѣ парохіи певныи суть, якъ слушность оказовала, отдѣлены домы“ ²⁾. Но, получивъ грамоту митрополита на учрежденіе своего церковнаго братства, нѣжинскіе греки прекратили всякую зависимость свою отъ мѣстнаго протопопа и приходскихъ священниковъ. Въ 1714 году нѣжинскій протопопъ Павелъ Яворскій жаловался кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому, „же братство Свято-Михайловское греческое Нѣжинское не повинуется ему и кривду ему творить, поневиажъ безъ благословенія его и квитовъ въ станѣ малженскій своего рода людемъ вступовати допускають, такъ тежъ и тымъ грекомъ, которіе по иныхъ мешкають парохіяхъ, вѣнчати и крестити, и погребати, не уконтентовавши священниковъ парохіальныхъ, позволяютъ“. Братство съ своей стороны объяснило, чрезъ уполномоченнаго своего Николая Сербина, что грамотою митрополита Варлаама Ясинскаго объ учрежденіи нѣжинскаго греческаго братства повелѣно „братству греческому нѣ въ чомъ нѣ належати до власти протопопской“, но непосредственно зависѣть отъ кіевского митрополита. По разсмотрѣніи дѣла, митрополитъ Іоасафъ Кроковскій предписалъ

¹⁾ „Акты греческаго Нѣжинскаго Братства“, Кіевъ, 1884 г., ст. 13 и 14.

²⁾ Тамъ же, ст. 6.

„абы мешкаючіе греки по парохіяхъ инныхъ, хотяціи или вѣнчались, или креститися и погребати, первѣе священниковъ парохіальныхъ контентовали, потомъ тайнъ тыхъ церковныхъ участниками были“, и чтобы квитовый доходъ непосредственно отдаваемъ былъ, помимо нѣжинскаго протопопа, въ митрополитанскую каѳедру, и притомъ не деньгами, „тільки воскомъ и ладономъ, полкаменя ладоу, камень воску“ ¹⁾. Но, освободившись отъ вліянія мѣстнаго нѣжинскаго протопопа и приходскаго русскаго духовенства, нѣжинское греческое братство не только не подчинялось своимъ братскимъ священнослужителямъ, а и держало ихъ въ полной зависимости отъ себя. У нѣжинскихъ грековъ установился обычай, признанный и кіевскими митрополитами, по которому братскій пресвитеръ могъ жить при братской церкви только три года, по истеченіи которыхъ долженъ былъ уступить мѣсто другому ²⁾. Могли братчики удалить отъ своей церкви священника или діакона, по своему усмотрѣнію, во всякое время и до истеченія трехлѣтняго срока, какъ они и сдѣлали это въ 1762 году со своимъ діакономъ Симеономъ Радуломъ ³⁾.

Организовавшись въ тѣсно сплоченное и независимое церковное братство, нѣжинскіе греки и за грековъ почитавшіеся постепенно исходатайствовали разные права и привилегіи этому братству. 25 октябрия 1696 года гетманъ Мазепа, по просьбѣ членовъ греческаго нѣжинскаго братства, далъ имъ универсалъ, съ предписаніемъ, чтобы дворъ ихъ церковный въ Нѣжинѣ и два подворки, за новымъ мѣстомъ лежащіе, „свободны были отъ повинностей войсковыхъ и посполитыхъ, тоежъ акіе тамъ люде убогіе для дозору живутъ, жебы отъ подачокъ мѣстскихъ и подводъ волпы были, также и отъ становискъ жадныхъ“ ⁴⁾. 16 мая, 1701 года нѣжинскіе

¹⁾ Тамъ же, ст. 19.

²⁾ Тамъ же ст. 26.

³⁾ Тамъ же, ст. 25—26.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 57 и 58.

греческіе купцы получили отъ того же гетмана „оборонный универсалъ“, освобождавшій ихъ „од даванія подводъ и наси- ланья въ дома ихъ наездовъ, яко тежъ и од вшелякихъ на мѣсто подачокъ“¹⁾; а императоръ Петръ I грамотою отъ 11 марта 1710 года, по просьбѣ нѣжинскаго греческаго священ- ника Константина, пожаловалъ нѣжинскихъ грековъ и ихъ братство всѣми тѣми правами и вольностями, какія они полу- чили въ разные времена отъ малороссійскихъ гетмановъ²⁾. Завершеніемъ же привилегій для нѣжинскихъ грековъ слу- жиль указъ Екатерины II отъ 1 сентября 1785 года объ учрежденіи въ Нѣжинѣ особаго греческаго магистрата³⁾.

Къ сожалѣнію, нѣжинское греческое братство, испраши- вая разные права и привилегіи для себя, пользовалось ими не столько для блага своей церкви, сколько для личныхъ вы- годъ членовъ братства. Каменная греческая церковь во имя всѣхъ святыхъ, начатая о. Христофоромъ еще въ 1690 году, въ 1784 году, т. е. почти черезъ сто лѣтъ, была еще недо- строена и, будучи оставлена безъ призора, подвергалась раз- рушенію. Поэтому кіевскій митрополитъ Самуиль Миславскій грамотою 30 января 1784 года увѣщевалъ членовъ нѣжин- скаго греческаго братства употребить „всѣ мѣры къ совер- шенію строеніемъ каменной церкви, отъ давнихъ лѣтъ онымъ братствомъ зачатой и понынѣ безъ докончанія и всякаго о томъ попеченія оставленной, опасаясь за нераченіе свое о столь важномъ дѣлѣ суда Божія и истязанія церковнаго по святымъ правиломъ“⁴⁾. Богатое нѣжинское братство, конечно, имѣло деньги на достройку и благоустройство своей церкви, но упо-

¹⁾ Тамъ же, ст. 59.

²⁾ „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“, т. IV, № 2260, стр. 481 и 482.

³⁾ Тамъ же, т. XXII, № 16,250, стр. 447.

⁴⁾ „Акты греческаго Нѣжинскаго Братства“. Кіевъ, 1884 г., ст. 42. Ср. „Греческіе Нѣжинскіе храмы“ и проч., А. Дмитріевскаго, Москва, 1885 г., стр. 6—7.

требляло ихъ на коммерческіе свои обороты. Мы видѣли, что еще основатель нѣжинской греческой Михайловской церкви священникъ Христофоръ жаловался на ктиторовъ своей церкви, что они не отдавали взятыхъ у церкви въ долгъ денегъ и имѣніе церковное въ приватномъ своемъ завѣдываніи имѣли ¹⁾. По смерти же отца Христофора и ограниченіи правъ нѣжинскихъ греческихъ священниковъ, эти злоупотребленія укоренились въ нѣжинскомъ братствѣ и вошли даже въ обычай. Въ 1759 году ктиторы и братчики нѣжинской греческой церкви писали гетману Даниилу Апостолу, „что имѣютъ они у себя такое обыкновеніе, ижъ на купеческіе промыслы по-зачають церковныхъ денегъ братчикамъ зъ прибилю, хто пожелаетъ, и они братчики въ добровольныхъ своихъ облѣгахъ поступаютъ на годъ отъ ста талярей по двадцать талярей, они же ктиторе и сами десяти талярей больше отъ ихъ должниковъ не претендуютъ, и съ тѣхъ денегъ отбываютъ праздники... священниковъ и дяковъ, такожъ удовамъ, страннимъ и отпалимъ отъ купечества людямъ даютъ милостыню, хлопцовъ и сиротъ, обучающихся писанію, кормлятъ, и учителямъ за науку платятъ“ ²⁾.

Примѣру нѣжинскихъ грековъ слѣдовали и кіевскіе греки, которые старались выхлопотать себѣ тѣ же самыя права и привиллегіи, какими пользовались нѣжинскіе греки, и завести у себя тѣ же порядки, какіе были и у нѣжинскихъ грековъ; но, будучи немногочислены, они встрѣтили препятствіе къ достиженію всей полноты правъ и привиллегій частію въ греческомъ Синайскомъ монастырѣ, подчинившемъ себѣ кіевскую греческую церковь, частію въ кіевскихъ мѣщанахъ, реу-

¹⁾ Тамъ же, ст. 11.

²⁾ Тамъ же, ст. 78

ниво остаивавшихъ отъ грековъ свои собственныя права и привилегіи.

Около 1733 года нѣкоторые жившіе въ Кіевѣ греки просили „обещалую церковь каменную на Подолѣ в Петропавловскомъ монастыре возобновить и при ней греческого языка школу и учителя устроить“. Представляя о семъ въ Святѣйшій Синодъ, кіевскій митрополитъ Рафанлъ Заборовскій высказалъ свое мнѣніе, что „грекамъ тамъ жить позволить прилично, и для вспоможенія имъ грекамъ в томъ строеніи подданныхъ того монастыря четырнадцать дворовъ и прочія угоды и приходы денежныя и хлѣбныя отдать надобно, а монаховъ по другимъ монастырямъ перевести“. Святѣйшій Синодъ въ свою очередь отпелся о семъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. „А понеже по справкѣ Ея Императорскаго Величества в Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 7199 (1691) году по челобѣтю Варлаама Ясинскаго митрополита кіевскаго бывший в Кіевѣ на Подолѣ пустій доминиканскій костелъ отданъ ему митрополиту на строеніе церкви стѣхъ апостолъ Петра и Павла и выдано на строеніе триста рублей, потомъ тотъ же митрополитъ билъ челомъ о нѣкоторыхъ дворахъ и дворовыхъ мѣстахъ при томъ бывшемъ доминиканскомъ костелѣ, и по посланнымъ в Кіевъ к воеводамъ Ея Императорскаго Величества указомъ велѣно было того досмотрѣть и освѣдительство вписать, но о томъ неотвѣтствовано, и какіе дворы и подданіе за тѣмъ Петропавловскимъ монастыремъ во владѣніи нынѣ суть, и доходи съ чего они имѣютъ, о томъ Ея Императорскаго Величества в Коллегіи иностранныхъ дѣлъ извѣстія не имѣется“; то посему Государственная Коллегія иностранныхъ дѣлъ указомъ своимъ отъ 25 октября 1733 года предписала гетману Даниилу Апостолу „велѣть в Кіевѣ освѣдомиться: за тѣмъ киевоподольскимъ Петропавловскимъ монастыремъ сколько подданныхъ дворовъ и мельницъ, и пахатного поля и дворовъ и погребовъ и прочихъ круптовъ имѣется, и по какимъ дачамъ или опредѣленіямъ, и по чему съ нихъ в тотъ монастырь бываетъ в

Труды Кіев. дух. Академіи, 1896 г. Т. I.

годъ какова доходу, такъ же ежели в ономъ монастырѣ грекамъ жителство имѣть, и школу учредить, и того монастыря все недвижимо отдать, то не будетъ ли отъ нихъ грековъ кіевскимъ жителямъ какой обыди и утиспенія“, и о послѣдующемъ донести въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Командировавъ для сего въ Кіевъ войскового канцеляриста Стефана Илляшевска, гетманъ Данилъ Апостоль уведомили о семъ кіевского митрополита Рафаила Заборовскаго, а также кіевскихъ генераль-губернатора графа фонъ Вейсбаха и губернатора Владиміра Петровича Шереметева, для назначенія депутатовъ съ ихъ стороны, а отъ кіевского магистрата потребовалъ отзыва о томъ, „не будетъ ли кіевскимъ жителямъ отъ грековъ обыди и утиспенія, если въ ономъ Петропавловскомъ монастырѣ грекамъ жителство имѣть и школу учредить, и того монастыря все недвижимое отдать“¹⁾. Но на этотъ разъ Петропавловскій монастырь не былъ отданъ кіевскимъ грекамъ. По всей вѣроятности, не согласился на эту передачу кіевскій магистратъ, который и въ послѣдствіи времени, именно въ 1738 году, не хотѣлъ допустить постройки въ Кіевѣ греческой церкви даже на частной усадьбѣ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о передачѣ кіевскимъ грекамъ Петропавловскаго монастыря послужилъ ближайшимъ поводомъ къ возбужденію дѣла о постройкѣ въ кіевѣ греческой Евтерпінской церкви, переименованной потомъ въ монастырь.

Еще въ 1732 году синаиты подавали прошеніе императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о помощи по случаю пожара въ ихъ монастырѣ, когда сгорѣла крыша главной церкви, и для этого послали въ Россію синайскаго архимандрита Кирилла. 16 января 1734 года, Св. Синодъ отвѣчалъ синайскому архіепископу Никифору, что, вслѣдствіе прошенія его по имен-

¹⁾ См. письмо гетмана Д. Апостола къ кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому отъ 13 ноября 1733 г., въ „Описаніи рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. Дух. Академіи“, П. Петрова. № 216, стр. 188.

ному указу императрицы Анны Іоанновны, пожаловано синайскому архимандриту Кириллу 1000 руб. на строеніе и починку монастыря Неопалимой Купины ¹⁾. А имена архимандрита Кирилла и синайскаго архіепископа Никифора тѣсно связаны съ основаніемъ греческой Екатериносинской церкви въ Кіевѣ и съ преобразованіемъ ея въ монастырь. Нѣтъ сомнѣнія, что синайскій архимандритъ Кириллъ во время пребыванія своего въ Россіи знаетъ о предположеніи передать Петропавловскій монастырь кіевскимъ грекамъ, а можетъ быть даже и самъ возбудилъ это дѣло, съ намѣреніемъ подчинить этотъ монастырь синайской горѣ. При этомъ синайскомъ архимандритѣ и при синайскомъ архіепископѣ Никифорѣ посланъ былъ въ 1735 году и къ 1736 году прибылъ въ Кіевъ изъ синайскаго монастыря игуменъ Евгеній, который, по всей вѣроятности, назначенъ былъ въ игумены предполагаемаго въ Кіевѣ греческаго Петропавловскаго монастыря. Этотъ игуменъ Евгеній въ 1741 году, въ своемъ отчетѣ кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому о приходѣ и расходѣ пожертвованій на постройку греческой церкви въ Кіевѣ, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „отъ начала 1736 года до выѣзднаго времени на одежду и на пропитаніе такъ себѣ, яко и служителямъ своимъ изъ оныхъ собираемыхъ денегъ не употребилъ ничего“ ²⁾; слѣдовательно, онъ прибылъ въ Кіевъ къ 1736-му году. А что игуменъ Евгеній посланъ былъ въ Кіевъ синайскимъ архимандритомъ Кирилломъ, какъ его уполномоченный,—это видно изъ того, что въ 1737 году Евгеній дѣйствовалъ отъ имени архимандрита Кирилла и представлялъ его ходатайственными письмами фельдмаршалу Миниху ³⁾. Непос-

¹⁾ „Второе путешествіе архимандрита Порфірія Успенскаго въ синайскій монастырь въ 1850 году“; С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 329

²⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 65, 1741 года, сентября 12 дня. Дѣло о спрашиваніи на постройку греческой Екатериносинской церкви милостивнаго подаянія по городу Кіеву и епархіи Кіевской“.

³⁾ Тамъ же, „По описи № 42, 1737 года января 18 дня. Дѣло по допо-

средственное же участіе синайскаго архіепископа Никифора въ судьбѣ кіево-греческой церкви видно изъ того, что въ 1744 году онъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о переименованіи этой церкви въ монастырь, съ подчиненіемъ его синайской горѣ ¹⁾.

Прибывъ въ Кіевъ и не получивъ Петропавловскаго монастыря, игуменъ Евгеній предпринялъ намѣреніе вновь построить въ Кіевѣ греческую церковь, подчиненную синайскому Преображенскому монастырю, и нашелъ себѣ могущественнаго покровителя въ лицѣ того же митрополита Рафаила Заборовскаго, который незадолго передъ тѣмъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ отдачѣ кіевскимъ грекамъ Петропавловскаго монастыря. Во избѣжаніе какихъ либо препятствій къ постройкѣ въ Кіевѣ греческой церкви, дѣло поставлено было такъ, что греческая церковь въ Кіевѣ устроилась якобы частнымъ лицомъ изъ грековъ, при помощи его кіевскихъ соплеменниковъ, на его собственной землѣ, жертвусмой имъ для сего синайскому Преображенскому монастырю. Мотивы къ построенію въ Кіевѣ особой греческой церкви выставлялись тѣже самыя, на какіе указывали въ 1680 году черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу иѣжинскіе греки, т. е. незнаніе греками русскаго языка. Въ январѣ 1737 года кіевскій житель, грекъ Астаматій Николаевъ (Ἀσταμάτης Νικολάου) вошелъ къ архіепископу кіевскому Рафаилу Заборовскому съ доношеніемъ слѣдующаго содержанія: „Я нижайшій житель Кіево-подольскій еще за живота покойной жены моей по общему съ нею согласію положили обѣщаніе таковое добровольное, чтобъ грунтъ нашъ собственный и никому ни въ чомъ не заведенный со всеѣмъ строеніемъ на монастырь Синайской горы отдать и на опомъ грунтъ собственнымъ своимъ ижди-

шенію Астаматія Николаева гречина о дозволеніи на его грунтѣ Кіево-Подольскімъ собственнымъ иждивеніемъ Екатерино греческую церковь встроить“.

1) „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1815 году архим. Порфирія Успенскаго, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 153.

веніемъ с протчими помоществующими устроить церковь во имя святой великомученицы Екатерины рады случаевъ бывающихъ іностраннимъ людямъ такихъ: что оные пріѣздя в Кіевъ изъ греческихъ странъ за невѣжество языка здешняго русско-го безъ исповѣди святой и приобщенія тайнъ божественныхъ многіи помирають; якое мое намѣреніе желая въ дѣло привести, прошу Вашего архіпастрскаго благословенія, дабы по обѣщанію нашему на объявленномъ мѣстѣ построить церковь во имя святой великомученицы Екатерины и всякую надлежащую въ ней утварь, и при ней содержать священниковъ и причетниковъ греческихъ на моемъ коштѣ, которіи греческимъ языкомъ вся священно и церковнослуженія отправляли бы, чтобъ пріѣзжающіе люди изъ Греціи такъ церковного служенія слушать, какъ и во время смертной пужды надлежащихъ обрядовъ христіанскихъ могли удостоиватися¹⁾. Изъ другихъ документовъ видно, что Астаматій Николаевъ жертвовалъ якобы для постройки греческой церкви въ Кіевѣ три двора, изъ коихъ два лежали въ Борисоглѣбскомъ и Добромиколаевскомъ приходахъ, а третій—на Пробиной улицѣ, принадлежавшій предъ тѣмъ Саввѣ Трапезондскому¹⁾.

На самомъ же дѣлѣ Астаматій Николаевъ, какъ фундаторъ кіево-греческой Екатерининской церкви, былъ подставнымъ лицомъ. Въ настоящее время мы можемъ фактически доказать, что главнымъ фундаторомъ этой церкви былъ не Астаматій Николаевъ, а синайскій игуменъ Евгеній, поддерживаемый кіевскими греками и кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Во первыхъ, хотя Астаматій Николаевъ и писалъ въ своемъ заявленіи о пожертвованіи имъ трехъ своихъ собственныхъ дворовъ на постройку греческой Екатерининской церкви въ Кіевѣ, но игуменъ Евгеній въ

¹⁾ Архивъ Кіев. дух. Консисторіи. „По описи № 42, 1737 года гонявара 18 дня. Дѣло по доношенію Астаматія Николаева гречина о дозволеніи на его земли Кіевоподольскіи собственнымъ вѣдѣніемъ Екатерино-греческую церковь встроить“.

1741 году, въ отчетѣ своемъ кievскому митрополиту Заборовскому о приходѣ и расходѣ dobroxогныхъ подаваній на постройку этой церкви на первомъ мѣстѣ показалъ слѣдующій расходъ: „во первыхъ за мѣсцѣ на оную церковь далъ Астаматію (яко всеѣмъ людямъ извѣстно) шестьсотъ рублей (600 р.) Еще прикупили мѣстца къ церкви далъ сто пятьдесятъ рублей (150 р.)“¹⁾. Во вторыхъ, дворъ Саввы Трапезондскаго тоже былъ купленъ игуменомъ Евгеніемъ, а не пожертвованъ Астаматіемъ Николаевымъ, и притомъ онъ стоялъ на землѣ, принадлежавшей Добромильській церкви, которой игумень Евгеній заплатилъ въ 1741 году купцы 10 рублей²⁾. Въ третьихъ, игумень Евгеній завѣлъ подъ Екатерининскую церковь часть земли, принадлежавшей Кіево-Братскому монастырю, которому онъ въ 1741 году заплатилъ купцы рублей³⁾. Въ четвертыхъ, кiev-греческая Екатерининская церковь, какъ увидимъ впоследствии, строилась и содержалась не на средства Астаматіи Николаева и кievскихъ грековъ, а на испрашиваемыя въ Россіи подаванія.

Кіевскій митрополитъ Рафائلъ Заборовскій, получивъ доношеніе Астаматіи Николаева, вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ отъ 18 января 1737 года, въ которомъ изъяснивъ, что прошеніе Астаматіи Николаева поддерживаютъ „и протчіе греки, въ Кіевѣ жителствующіи“, которые „въспомоществованіи къ сооруженію церкви и содержанію священника и причетниковъ, съ Синайской горы имѣющихъ при силатися, подписку дали и желаютъ тому крайне во исполненіе прійти“,—ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о рас-

¹⁾ Тамъ же. „По описи № 65, 1741 года сентября 12 дня. Дѣло о сирочиваніи на постройку греческой Екатерининской церкви милостивного подаваніи по городу Кіеву и епархіи Кіевской“.

²⁾ Тамъ же. Сп. обязательство греческаго Екатерининскаго монастыря ежегодно платитъ Братскому монастырю по 4 р. 70 к. за его псалъ, 1745 г., в „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіев Дух. Академіи“, И. Петрова, № 216, стр. 178.

Испроси „Церковь устроить греческую въ нижнемъ градѣ левѣ и при ней бытъ священнику и причетнику греческимъ, священно и церковнослуженію отправлять греческимъ языкомъ“, на что просилъ у Св. Синода, „милостивой резолюціи и повелительнаго указа“.

Но Св. Синодъ медля изданіемъ повелительнаго указа. [оэтому отъ имени Астаматія Николаева съ товарищами по-
тано было въ С.-Петербургъ уполномоченное лицо ходатай-
ствовать предъ Св. Синодомъ объ ускореніи дѣла¹⁾. Но на-
имомъ дѣлѣ и здѣсь главнымъ дѣятелемъ былъ не Аста-
матій Николаевъ, а синайскій игуменъ Евгеній, который въ от-
вѣтъ о приходѣ и расхотѣ пожертвованій на построеніе церк-
ви митрополиту Рафаилу, 1741 года, писалъ, что онъ „далъ
’опекастину Костенецкому, что ездитъ за указомъ въ Санктъ-
петербургъ на тую жь церковь, пятьсотъ рублей“²⁾. Съ сво-
ей стороны, и митрополитъ Рафаиль Заборовскій вопель въ
Св. Синодъ съ новымъ представленіемъ отъ 2 іюля 1737 года,
въ которомъ, изъяснивъ ходъ дѣла, писалъ слѣдующее: „а
еңерь объявленный Астаматіи съ прочими помощниками
воими посылаетъ нарочнаго челоуѣка въ Санктъ-Петербургъ
въ такимъ намѣреніемъ, чтобы тотъ посланный Вашему Свя-
тѣйшеству явится и въ показаннымъ прошеніемъ для полу-
щенія милостивой резолюціи, и я какъ прежнимъ, такъ и
имъ допосеніями моими объявленное дѣло въ разсмотрѣніе
Вашего Святѣйшества подаю, ожидая повелительнаго указа“.
Въ томъ же единовременно писалъ митрополитъ Рафаиль За-
боровскій и членамъ Св. Синода: архіепископу нижегород-

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 42, 1737. года генлара 8 дня. Дѣло по допосенію Астаматія Николаева гречина о дозволеніи на его зупитъ Кіевоподольскіи собственимъ издвигеніемъ Екатерино-греческую церковь устроить“.

²⁾ Тамъ же. „По описи № 65, 1741 года сентября 12 дня. Дѣло о спра-
шаніи на постройку греческой Екатериновской церкви милостиваго подадінія
о городу Кіеву и епархи львевской“.

скому и алатерскому (Питириму), епископу вологодскому и бѣлозерскому и архимандриту Александро-Невскаго монастыря. Кромѣ того, кіевскіе греки, въ числѣ 30 человекъ письменно просили митрополита Рафаила Заборовскаго ходатайствовать объ ускореніи дѣла предъ „Его высокопревосходительствомъ господиномъ Артеміемъ Петровичемъ Волинскимъ, кабинетъ-министромъ“.

Наконецъ, въ октябрѣ 1737 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ Св. Синода отъ 31 августа того же года, за № 2071-мъ, которымъ предварительно требовалось доставить въ Св. Синодъ свѣдѣнія о томъ. „мѣсто оное, на немже дворъ Астаматѣя жителя кіевского стоитъ, не подлежитъ ли чьему маестрату кіевскому, и еще позволить на томъ мѣстѣ греческую требуемую отъ него Астаматѣя святую церковь устроить не имѣетъ ли быть отъ маестрата и гражданъ кіевскихъ въ томъ какого прекословія“.

Синайскій игумень Евгеній и кіевскіе греки, повидимому не ожидали отъ кіевского магистрата никакого препятствія къ постройкѣ въ Кіевѣ греческой церкви на усадьбѣ частнаго лица и потому немедленно приступили къ ходатайствованію для будущей церкви разныхъ правъ и привилегій каковыми пользовалась пѣжинская греческая Михайловская церковь. Запасшись письмомъ синайскаго архимандрита Кирилла, игумень Евгеній испросилъ у кіевского митрополита Рафаила Заборовскаго рекомендательное и ходатайственное письмо, отъ 19 октября 1737 года, къ проживавшему тогда въ Полтавѣ фельдмаршалу графу Миниху, съ просьбою,— „ежели возможно, въ его (Евгенія) нуждахъ, каковы онъ имѣетъ предложить, милость свою явить“. Графъ Минихъ отъ 9 ноября того же 1737 года отвѣчалъ митрополиту Рафаилу Заборовскому, что по его письму, „такъ же и по прошеніи Синайскіе горы монастыря Пресветые Богородицы Неоналіимы Куцаны архимандрита Кирилла зъ братіею, в чомъ того

монастыря пужда состояла, надлежаще удовольствіе учинено“ Изъ приложенныхъ же въ дѣлу копій документовъ видно, что игумень Евгеній испрашивалъ у Мипиха, отъ имени синайскаго архимандрита Кирилла, и получилъ: 1) паспортъ отъ 11 ноября 1737 года синайскому игумену (т. е. Евгенію), который „имѣетъ ездить въ здѣшнихъ малороссійскихъ городахъ для собранія на строеніе церкви“, съ предписаніемъ въ здѣ чинить свободный пропускъ и „для показыванія дороги давать одного проводника и квартиру безъ задержанія“; 2) „листь салвогвардіи“ Мипиха, отъ 9 ноября 1737 года, съ предписаніемъ „войскъ россійскихъ господамъ командующему генералитету, штабъ, оберъ-офицерамъ и прочимъ... въ имѣющіеся въ Кіевѣ Синайскія горы монастыря Пресвятыя Богородицы Неоналимые Купины собственныхъ трехъ дворахъ отъ кіевского жителя грека Астаматія Николаева отданных, лежащихъ двухъ въ Барисоглѣбской и Доброникаевской парфіяхъ, а въ третемъ на Пробытой улицѣ предъ симъ Савы Трапизонского называющемся, никакова постою не имѣть и некакихъ обыдѣ не чипить“, и 3) ордеръ Мипиха къ господину генералу и кавалеру Румянцову, отъ того же числа, съ предписаніемъ „приказать имѣющіеся на вышеписанныхъ Синайскаго монастыря дворахъ постой свести и впередъ не ставить“. Игумень Кириллъ съ братією, представляя Мипиху, что изъ трехъ пожертвованныхъ синайскому монастырю Астаматіемъ Николаемъ дворовъ „на дву дворахъ по возможности ихъ имѣють оны памѣреніе отъ оной обители построить церковь Божію во имя святыя великомученицы Екатерины, о чемъ де отъ Его Преосвященства Кіевского архієпископа Рафаила и позволеніе дано, точію де на оныхъ имѣются всегда салдатскіи постои и оттого въ строеніи оной церкви происходитъ немалое препятствіе, просыль, чтобъ тѣ постой свести и впредъ оныхъ не ставить и далъ салвогвардію, объявляя, что по состоящемуся въ прошломъ 134-мъ году въ Прави-

тельствующемъ Сенатѣ указу и имѣющемся въ Пѣкинѣ въ нихъ подворе постою сазить не веѣщо¹⁾.

Очень можетъ быть, что хлопоты игумена Евгенія о предоставленіи проэктируемой въ Кіевѣ греческой церкви тѣхъ же льготъ, какими пользовалась пѣкинская греческая Михайловская церковь, были одною изъ причинъ того, что кіевскій магистратъ и мѣщане отнеслись недоброжелательно къ дѣлу о постройкѣ греческой церкви въ Кіевѣ. Кіевскій магистратъ, къ которому митрополитъ Рафаилъ Заборовскій отнесся 17 октября 1737 года съ просьбою о доставленіи грехуемыхъ Св. Синодомъ свидѣній относительно безиректителности къ постройкѣ въ Кіевѣ греческой церкви, не снѣшля исполненіемъ этой просьбы. Лишь черезъ два слѣшкомъ мѣсяца по полученіи отношенія митрополита Рафаила Заборовскаго, кіевскій магистратъ надумался приступить къ дѣлу и 19 декабря того же 1737 года письменно потребовалъ отъ митрополита присылки копій синодальнаго указа, которая и доставлена была ему 21-го того же декабря²⁾. Получивъ эту копію, магистратъ снова замолчалъ до 24-го января слѣдующаго 1738 года, когда онъ предъявилъ къ митрополиту Рафаилу Заборовскому новое требованіе. Въ отношеніи отъ 24-го января помянутаго года магистратъ писалъ митрополиту Заборовскому слѣдующее: „по письменномъ Вашего Преосвященства предложенію съ сообщеніемъ копій указа стороны двора кіевского жителя гречина Астаматія Николаева учинено в магистратѣ кіевскомъ опредѣленіе, дабы отправить опредѣленныхъ отъ магистрату разнаго званія людей для освѣдительствованія и описѣ оного двора и мѣста: оное

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 42, 1737-го года генваря 18-го дня. Дѣло по доношенію Астаматія Николаева гречина о дозволеніи на его грунтѣ Кіево-подоля собственнымъ издеженіемъ Екатерино-греческую церковь востроить.

²⁾ Тамъ же, „№ 1-й генваря 19 дня. Дѣло по отношенію отъ Кіевского магистрата объ отведеніи для постройки церкви мѣста“.

мѣсто не подлежитъ ли чинѣ къ майстрату, и не имѣется ли оу майстрата и гражданъ кіевскихъ в томъ якого прекословья: такоже разсудили мы, чтобы отъ Вашего Преосвященства былъ кто при томъ освѣдительствованіи, для лучшаго и подѣлнѣйшаго в томъ извѣстія. Того ради Преосвященства Вашего с покорностію просимъ приказати кого по усмотренію Вашего Преосвященства к оному освѣдительствованію въ присутствіе к опредѣленнымъ отъ майстрату прислать безъ умедленія“.

А между тѣмъ уполномоченный гугмена Евгенія и кіевскихъ прековъ сербѣиъ Константинъ Костенецкій, проживавъ въ Петербургѣ и томясь бездѣйствіемъ, осаждалъ митрополита Рафаила Заборовскаго своими письмами, съ просьбою объ ускореніи дѣла въ Кіевѣ. 25 января 1738 года онъ написалъ седьмое по счету письмо къ митрополиту, въ которомъ писалъ слѣдующее: „прошу отъ святѣиѣ вашей на себе милость и призрѣнія, да позволите приказати письменно уведомити мене раба своего, дабы-мъ и я зналъ, что противъ оной справки сдѣлалось, ест ли что на пользу, или нѣтъ, чтобы я знал, якъ поступати издеся; понеже живу безотвитен и не могу отозваться, тѣмъ что жаднаго отвиту не имію; и когда прошу, то мнѣ отвищаютъ, что еще отъ посланной справки отвиту не иміется. А я недостойны по прибытію моему в Петербургъ шесть разъ писанемъ чрезъ райторовъ киевскихъ, а больше не смію; и за таковаго моего согрѣшенія прошу о прощенье, понеже нужда подала мнѣ таковаго дерзповенія отозваться до святѣиѣ вашей“. Письмо это переслалъ къ митрополиту Рафану Заборовскому оберъ-секретарь Св. Синода Яковъ Леванидовъ при своемъ письмѣ отъ 31 января 1738 года, съ просьбою „о непродолжительной на оное и на прочіе того сербенина писма резолюціи, и о присылкѣ оной для отдачи ему ко мнѣ“.

Поставленный между двухъ огней и возмущенный магистратскою волокитою дѣла, митрополитъ Рафанъ Заборов-

скій 5 февраля 1738 года отвѣчалъ кievскому магистрату на вышепомянутое отношеніе его отъ 24 января того же года. между прочимъ, слѣдующее: „предлагаю, что въ указѣ Ея Императорскаго Величества не написано посылать мнѣ кого от себя для исправы о помянутомъ дворѣ Астаматіевомъ, по точію требовать о томъ от майстрата кievского за подписаніемъ засѣдающихъ въ немъ письменного со обстоятельнымъ изясненіемъ извѣстія (якъ довольно въ посланной от мене точной копіи указа изображенно), по которому указу надлежащаго извѣстія я требовалъ довольно, но чрезъ чтиры мѣсяцы того получить неможно было; а нынѣ и третично тожъ предлагаю, и ежели въ непродолжительномъ времени о такъ латвомъ и безъ излишнихъ остановокъ произвестся могущемъ длѣль требуемого по указу не получу, то и кромѣ того куда надлежитъ съ обстоятельства описаться принужденъ буду“.

Послѣ сего, 27 февраля 1738 года, присланъ былъ митрополиту Рафану Заборовскому магистратскій отвѣтъ, за подписью 29 лицъ. Кіевскіе мѣщане, по опредѣленію магистратскому, будучи въ собраніи, постановили увѣдомить митрополита, „что на землѣ, на которой дворъ оного Астаматія Николаева грека, кievскаго жителя, стоитъ, для приѣзжихъ въ Кіевъ греческихъ купцовъ церкви строить весьма не подлештъ; ибо тотъ дворъ его Астаматіевъ, какъ и протчихъ мещанъ, по слѣвъ высокомонаршихъ жалованныхъ грамотъ и правъ мѣснхъ, подлештъ къ майстрату и всякые повинности до оного жъ майстрату отбывать должень, и въ ревизіальныхъ книгахъ въ числѣ дворовомъ оный занисанъ. Да въ томъ же дворѣ, где требуетъ Астаматій для приѣзду купечкихъ грековъ церковь построить, вмѣститися приѣзжающимъ купцамъ и служителемъ церковнымъ весьма невозможно, и для того оны греки, яко того желающые всякими образы для распространенія своего, подъ видомъ того строенія церковнаго многіе мѣщанскыя дворы присовокупить похотятъ, от чего вотчынѣ Ея Императорскаго Величества городу Кіеву вели-

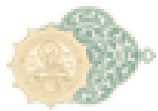
кое утѣшеніе, а гражданомъ зятіиалъ быда, пезносная тяжесть и въ правахъ помѣшательство произійдетъ, понеже оны грекы, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ жиючи, отъ юрисдикціи мѣской отдалитись пожелаютъ, и надлежащихъ зъ мѣщанами повинностей, какъ всѣмъ въ Кіевѣ живущимъ высокомонаршими жалованными грамотами утверждено, отбывать не похотятъ; отъ оныхъ же грековъ, а паче приѣзжихъ, яко оны многоязычники и зъ многими разными іноземцами чрезъ купеческій свой промыслъ знающіеся, реснекомъ тоей церкви невѣдомо какихъ людей подъ видомъ грековъ набридетъ, а отчина прародительная Ея Императорскаго Величества Кіевъ градъ самый пограничный, въ которомъ всегда опасности и осторожности быть подлежать, и чтобъ чрезъ такое ихъ грековъ собраніе городу какого подступу, а мещаномъ, яко вѣрнымъ рабомъ и Ея Императорскаго Величества подданнымъ, подзору не произошло; оный же Астаматій Николаевъ, который отъ килкадесять лѣтъ жиючи въ Кіевѣ въ приходѣ Борисоглѣбскомъ, зъ якого виду и умыслу строеніе церкви для приѣзжихъ грековъ, которымъ во всѣ православныя церкви греческаго, а не инаго, исповѣданія, въ городѣ на Подолѣ стоящые, входъ невозбраненъ, требовалъ, памъ ниже подписавшимся всему гражданству и майстрату кіевскому, которому высокомонаршими жалованными грамотами повелено всякіе въ городѣ устроить порядки, неизвѣстно. А въ премоцнѣйшихъ милостиво жалованныхъ грамотахъ пресвѣтлѣйшихъ и великодержавнѣйшихъ государей царей и великихъ князей самодержцовъ всероссійскихъ, такожъ блаженія и вѣчно достойніа памяти Его Величества Петра перваго Императора и самодержца всероссійскаго, и пачѣ Ея Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго Величества всеавгустѣйшаго самодержавства премоцнѣйшими по привиліаіамъ королевскимъ милостиво жалованными грамотами граду Кіеву утверждено бытъ при всѣхъ волностяхъ и правахъ градскихъ иѣ в чомъ иѣ отъ кого венарушимо, право майдебургское содержать и по оному во всѣхъ дѣлахъ судъ и расправу имѣтъ, и прот-

чье порядки гражданские устроить, а въ правѣ мѣскомъ о группахъ волныхъ написано нѣкому иной юрисдикціи, а именно на монастыры и церкви и другимъ оныхъ грунтовъ не заводить, кромѣ юрисдикціи мѣской, зъ котораго бы ло майстрату всякие повинности подлежащие доходили; да о томъ же и въ рѣшительныхъ пунктахъ прошлаго 1728 году августа 22 въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоявшихся въ 18 пунктѣ изображено, почему въ Малой Россіи монастырямъ обрѣтающимся, поцамъ и всякаго духовнаго чина людямъ у казаковъ и всякаго мирского чина людей земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и всякаго мирского чина людямъ имъ не продавать и не закладывать, и въ поминованіе вкладомъ и нѣкакими здѣлками не давать и не укреплять, и по сѣмъ вышеписанныхъ преюшнѣйшихъ (указовъ) и монаршихъ жалованныхъ грамотъ, правъ и рѣшительныхъ пунктовъ мы всѣ обще и единогласно греческому собранію не быть и церкви сгронть допустить не дозволяемъ, въ томъ и подписуемся“¹⁾.

Очевидно, кіевскіе мѣщане, пользовавшіеся разными правами и привилегіями, которыя дали имъ были польско-литовскими князьями и царями и утверждены русскими государями, опасались нарушенія этихъ правъ со стороны грековъ, которые обыкновенно пользовались еще большими правами и привилегіями, въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ, какъ эго было и въ соседнемъ съ Кіевомъ Нѣжинѣ²⁾. Надобно думать что стойкость кіевскихъ мѣщанъ въ защитѣ своихъ правъ и привилегій, хотя и не воспрепятствовала постройкѣ грече-

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. консисторіи. По описи № 42, 1737-года генваря 17 дн. Дѣло по доношенію Аскамтія Поголаса гречина о дозволѣніи на его грунты Кіевоподольск. собственнымъ издѣвѣиємъ Екатеріно-греческую церковь выстроити“.

²⁾ О правахъ кіевскихъ мѣщанъ см. „Описаніе Кіева“, Н. В. Заславскаго т. 1, Москва, 1863 г., стр. 29 и сл. — О правахъ нѣжинскихъ грековъ см. выше и „Акты греческаго Нѣжинскаго Братства“, Кіевъ, 1884 г.

ской церкви въ Кіевѣ, но и не допустила такого широкаго развитія нравъ кіевскихъ грековъ, каковаго достигли пѣжинскіе ихъ соплеменники.

Получивъ отъ кіевского магистрата отрицательный отвѣтъ, митрополитъ Рафаиль Заборовскій представилъ его въ Св. Синодъ при своемъ довошеніи отъ 7 марта 1738 года безъ всякаго съ своей стороны отзыва. Но въ офиціозныхъ письмахъ своихъ къ членамъ Св. Синода, нижегородскому архіепископу, вологодскому епископу и архимандриту Александро-Цевскаго монастыря, а также къ оберъ-секретарю Св. Синода (Леванидову), отъ 15 марта того же года, митрополитъ Рафаиль ходатайствовалъ о разрѣшеніи построить въ Кіевѣ греческую церковь. Изъ отвѣту правителей магистрата Кіевского „и гражданской казны видано,—писалъ опъ оберъ-секретарю Леванидову,—что они ради своего партыкулярнаго прибытка общаго всему граду Кіеву добра здѣлать не позволяютъ... Вашего превосходительства покорно прошу могуществомъ своимъ неохоты, чтобъ церковь требуемую ради общаго пользы соорудить повелѣно, а партыкулярное препятствіе кіевскихъ гражданъ унывочковено ради прославленія большаго имени Божия и славы Ея Императорскаго Величества и прародительной Ея Величества вѣчины града Кіева“.

Въ свою очередь, и кіевскіе греки, узнавъ о несогласіи кіевского магистрата на постройку въ Кіевѣ греческой церкви, возобновили ходатайство, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о желаемомъ разрѣшеніи. 20-го апрѣля 1738 года они подали кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому новое прошеніе, въ которомъ, испрашивая разрѣшенія построить во дворѣ Астаматія Николаева греческую церковь ради пріѣзжихъ иностранныхъ греческихъ купцовъ и при ней содержать греческаго священника, какъ бы въ опроверженіе отзыва кіевского магистрата и мѣщанъ, писали слѣдующее: „ибо безъ церкви и священника, вѣдающаго языкъ греческій, немалая нужда обстоитъ, что пріѣзжающіе вновь греческіе купцы языка рус-

скаго ни маю не вѣдають, которымъ когда боѣзнь смертная приключится, то совѣсти своея по должности христіанской не имѣють весьма предъ кимъ открыть, и такъ безъ надлежащихъ христіанскихъ порядковъ умирать принуждены, священнику жъ русскому исповѣдаться за неумѣніемъ русскаго языка весьма не могутъ, а чрезъ переводчика такое дѣло духовное не дѣйствуется; Кіеву же граду и почтенному магистрату въ томъ, что церковь Божіа устроится, жаднаго въ правленіи помѣшательства и убытка не произійдетъ, по наче тое будетъ въ хвалу Божію и въ прославленіе Ея Императорскому Величеству и Ея Величества прародительной отчины града Кіева, когда въ Кіевѣ не иного какого исповѣданія, но православно-греческаго церковь Божіа устроится и молитва вящшая ко Богу произійдетъ о православномъ христіанскомъ родѣ; и хочай бы мы по силѣ и возможности нашей могли священника умѣющаго езикъ греческій содержать и старательство о немъ къ доволствію его имѣть, только безъ церкви содержать священника неприлично, да и намъ желаніе есть, чтобъ во дни праздничные и высокоторжественные и въ протчія церковного пѣнія послушати. За тѣмъ и повторне всепийжайше просимъ Вашего Преосвященства повелѣть церковь Божію ради объявленныхъ нуждъ и вящшей славы Божіей и чести монаршей устроить, въ которой бы о многолѣтномъ здравіи и спасеніи Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны самодержицы всероссійской и о всей Ея Императорскаго Величества высочайшей фамиліи и Вашего ясне въ Богу Преосвященства и всѣхъ христонженитыхъ людей приносилася безкровная жертва ко всеблагому Богу нашему. Еще же и сіе Вашему Преосвященству доносимъ, что когда церковь Божіа въ дворѣ Астаматіа греческая устроится, то намѣрены мы нижайшыя съ позволеніемъ надлежащимъ и школы греческія завести и учителя на своемъ коштѣ содержать“. Прошеніе это подписано 19-ю лицами изъ тѣхъ грековъ, кои подписа-

ли и прежнее прошеніе, но во главѣ подписей на послѣднемъ прошеніи является латинская подпись князя Константина Кантемира: Ego etiam humillime rogo suam eminentiam Constantinus princeps Cantemir. Такъ какъ въ консисторскомъ дѣлѣ сохранилась только копія этого прошенія, то надо полагать, что подлинникъ его отправленъ былъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ въ Св. Синодъ ¹⁾.

Св. Синодъ уважилъ ходатайство митрополита Рафаила Заборовскаго и просьбу кіевскихъ грековъ, но—съ ограниченіями. Указомъ Св. Синода отъ 16 сентября 1738 года разрѣшено было построить греческую Екатерининскую церковь на Подолѣ, съ тѣмъ однакоже, чтобы этой церкви состоять въ вѣдомствѣ кіевского митрополита, какъ и прочія церкви кіевской епархіи. Вѣроятно, вскорѣ по полученіи этого указа, игумень Евгенийъ передѣлалъ деревянный домъ Астаматія Николаева въ деревянную церковь. Въ отчетѣ своемъ 1741 года игумень Евгенийъ писалъ, что онъ „далъ за передѣлъ церкви древяной въ будынку майстерамъ, и на дерево, дрань, желѣзо и прочіе потребности со всѣмъ 160 руб. 85 коп.“ ²⁾. Съ 1739 года игумень Евгенийъ началъ строить каменную Екатерининскую церковь ³⁾.

При повозаложенной церкви тотчасъ образовалось греческое кіевское братство, хотя и не утвержденное епархіальною властію, съ общаго согласія котораго игумень Евгенийъ,

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 42, 1737-го года генваря 18-го дня. Дѣло по доношенію Астаматія Николаева гречина о дозволеніи на его грунтъ Кіевоподоль собственнымъ иждивеніемъ Екатеріно-греческую церковь встроить“.

²⁾ Тамъ же. „По описи № 65, 1741 года сентября 13 дня. Дѣло о спрашиваніи на постройку греческой Екатеріновской церкви милостинного подаяніи по городу Кіеву и епархіи Кіевской“, л. 1.

³⁾ Тамъ же. „По описи № 67, 1741 года декабря 15 дня. Дѣло по доношенію Екатеріновскаго монастыря игумена Евгенія о выдачи ему пашпорта для испрошенія по Кіевской епархіи на достройку въ ономъ монастырѣ каменной церкви“, л. 1.

за паспортъ кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго, ѡѣздить за Днѣпръ для приуготовленія матеріалу на сооруженіе вновь заложеной мурованой во імя святыя великомученицы Екатерины греческой кіево-подольской церкви¹⁾. Это братство хотѣло имѣть вліяніе на дѣла Екатерининской церкви, подобно тому, какъ нѣжинское греческое братство распоряжалось дѣлами своей Михайловской церкви; но игуменъ Евгеній не желалъ подчиняться братству и 12 сентября 1741 года обратился къ кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ просьбою принять эту церковь въ свое вѣдѣніе, на основаніи указа Св. Синода отъ 16 сентября 1738 года, при чемъ представилъ и отчетъ о приходѣ и расходѣ пожертвованій на эту церковь. Изъ этого отчета видно, что по 12 августа 1741 года поступило добрыхотныхъ подаваній на построеніе кіевоподольской греческой церкви 2277 руб. 70 коп., да обѣщано пожертвованій на 186 руб. ассигнаціями, а всего 2403 руб. 70 коп. Самыми крупными жертвователями были Іоаннъ Петровичъ Гудимъ, записавшій 300 руб., и митрополитъ Рафаиль Заборовскій—50 руб.; остальные жертвовали отъ 35 руб. до 10 копѣекъ. Израсходовано было 4412 руб. 55 коп.; слѣдовательно, долгу на церкви оставалось 2008 руб. 85 коп. ассигнаціями.

На просьбу игумена Евгенія принять кіево-греческую церковь въ свое вѣдѣніе митрополитъ Рафаиль Заборовскій отвѣчалъ слѣдующимъ писаніемъ: „пастыряго 1741 года сентября 12 доношеніемъ намъ пастыревѣ пречестность твоя между прочимъ объявилъ, что самъ пречестность твоя съ 737 года о строеніи церкви греческой во имя святія великомученицы Екатерины имѣешь старателство, отъ разныхъ добрыхотовъ испрашуя въ разныхъ городѣхъ милостины, особ-

¹⁾ Тамъ же, „1739 года сентября 12 д. Дѣло іерея Іоанна Кроткавича епархіи черниговской въ іеромонахѣхъ Евгеніемъ, игуменомъ церкви Кіевоподольской греческой, № 20“.

ливо же на оное строеніе Синайскаго монастыря денегъ витратилъ двѣ тысячи пятьдесятъ три рублѣ съ лишкомъ, какъ тое по исчисленіи книгъ явилось, и нынѣ пречестность твоя неотмѣнно намѣренъ по возможности трудиться, дабы каменное означенной церкви строеніе совершенно окончено быть могло, а въ Кіевѣ де на Подолѣ живущіе греки весьма малое въ подаваніи на означенную церковь спомоществованіе чинятъ и пѣкоторые де называютъ себе и хотятъ называтися братствомъ, съ прошеніемъ, дабы оная церковь точію въ вѣдомствѣ нашемъ, а не в братскомъ, состояла, и никто б изъ греческихъ жителей пречестности твоей въ строеніи и въ содержаніи оной церкви помѣшательства не чинилъ. А понеже указомъ блаженныи и вѣчно достойныи памяти государыни Императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всероссійскія, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, 1738 года сентября отъ 16 къ намъ отнущеннымъ, велено оной церквѣ быть въ вѣдомствѣ нашемъ, какъ и прочіе епархіи нашей церкви состоятъ, того ради пречестности твоей по примѣру прочихъ церквей, по усмотренію своему, а по согласію общему честныхъ и достойныхъ персонъ избрать ктитореи двоихъ, которые бъ по ревности своей имѣли купно съ велебностію твоею тщаніе къ церквѣ Божіей, и въ вѣдомствѣ вашемъ были бъ всякіе церковныя утвары зъ запискою содержаны, и пріемныя и расходныя денги съ вѣрною запискою жъ въ книгахъ пнуровыхъ записываны, и о всякихъ приходахъ и расходахъ церковныхъ, по силѣ указовъ, ежегодно въ катедру нашу было бъ репортовано, прочіе же греки ни в чемъ бы никакова помѣшательства не чинили. И пречестному игумену Евгенію о вышшесказанномъ вѣдать и чинить архіерейско повелѣваемъ“. 1741 года декабря дня ¹⁾).

¹⁾ Тамъ же. „По описи № 65, 1741 года сентября 12 дня. Дѣло оспрашивавшій на постройку греческой Екатериновской церкви милостивного подаянія по городу Кіеву и епархіи кіевской“.

Послѣ этого, игуменъ Евгеній подавъ 15 декабря 1741 года митрополиту Рафаилу Заборовскому новое прошеніе о выдачѣ ему паспорта для собиранія вѣѣ Кіева милостивы на достройку каменной церкви, начатой имъ въ 1739 году, и объ отпускѣ ему въ проводники монаха кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря Агапія¹⁾. Весною 1742 года греческая Екатерининская церковь была уже отстроена и въ ней совершалось богослуженіе. Въ это время игуменъ Евгеній былъ въ Москвѣ,—и въ его отсутствіе, на 11 или 14 іюля, произошелъ въ этой церкви пожаръ, во время котораго „съ церкви греческія святыя великомученицы Екатерины иконостасъ винесенъ и кришка сорвата были“, утварь церковная частію перенесена была въ кіевоподольскую Борисоглѣбскую церковь, а частію вынесена въ греческій склепъ. Поврежденія исправлены были къ 30 іюля, и церковь освящена была 3 августа того же 1742 года²⁾.

Какъ только отстроена и освящена была Екатерининская церковь,—тогчасъ же образовался при ней приходъ изъ кіевскихъ и пріѣзжихъ грековъ. Въ 1742 году кіевскіе греки подали митрополиту Рафаилу Заборовскому прошеніе о томъ, „дабы имъ грекамъ в Кіевѣ на Подолѣ жительствоующимъ по разнымъ приходскимъ парохіямъ, такожде и приежающимъ грекамъ к новопостроенной на Подолѣ греческой церкви на богомоліе ходить и всякіе христіанскіе требы от оной церкви игумена либо тамошняго священника получать“. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій удовлетворилъ ихъ просьбу. Но кіевоподольскіе „приходскіе священники,—какъ писали

¹⁾ Тамъ же. „По описи № 66, 1741 года декабря 15 дня. Дѣло по довошенію Екатерининскаго монастыря игумена Евгенія о выдачѣ ему паспорта для вопрошенія по Кіевской епархіи на достройку въ ономъ монастырѣ каменной церкви“.

²⁾ Тамъ же. „Повѣта Кіевского 1742 года августа 2 дня, № 118“, и „августа 4 дня, № 120“.

греки,—въ которомъ приходѣ кто изъ нихъ грековъ жителствуетъ, имъ грекамъ к той новопостроенной греческой церкви для полученія требъ христіянскихъ, а имянно исповѣдываться и божественныхъ таинъ сообщатися ходить воспящаются; а она же греческая церковь наипаче для грековъ, с которыхъ многіе суть незнающіе языка рускаго, устроена, и при ней священнослужителей греческіе обрѣтаются, к которой буди имъ не ходить для вышъ означенныхъ нуждъ, то де она же греческая церковь в снабдѣніи требами церковными будетъ обѣздена и скудна“. Посему кіевскіе греки 27 марта 1743 года подали митрополиту Рафаилу Заборовскому новое прошеніе, „даби для вышъ писанныхъ резоновъ позволено было имъ грекомъ, на Подолѣ в разныхъ приходѣхъ жительствоющимъ, такожъ и прїѣзжающимъ, всякіе треби христіянскіе отъ обрѣтающагося при греческой Кіево-подольской церкви ігумена или отъ тамошняго священника, а имянно исповѣдь святую, причастіе, дѣтей крещеніе, браковѣчаніе и прочіе треби всегда получать, приходскимъ же де священникомъ, в котораго приходѣ кто изъ нихъ грековъ жительствоуетъ, даби де они священники не били в доходахъ обиженни, что надлежитъ, отдавать они греки одолжаются“. Указомъ отъ 28 марта 1743 года митрополитъ Рафаиль Заборовскій удовлетворилъ и этому прошенію кіевскихъ грековъ¹⁾. Но и послѣ этого все-таки продолжались недоразумѣнія между кіевскими греками и кіевоподольскими приходскими священниками, которыя вызвали собою новыя просьбы кіевскихъ грековъ и новыя распоряженія кіевского митрополита, точнѣе опредѣлявшія отношенія грековъ и греческой Екатериносинской церкви къ приходскимъ священникамъ и къ мѣстной епархіальной власти. 8 іюля 1744 года докторъ Кондонди, да 25 кіевскихъ грековъ, подали митрополиту Рафаилу Заборовскому прошеніе о дозволеніи кіевоподольскому

¹⁾ Архивъ кіевоподольской Борисоглѣбской церкви, „книга указовъ“ 1741 — 1753 годовъ, л. 102 и 103.

Екатери́нлинскому настоятелю игумену Евге́нію и его преемникамъ совершать требы для живущихъ въ Кіевѣ и пріѣзжихъ грековъ, безъ всякаго препятствія со стороны кіевоподольскихъ приходскихъ священниковъ. Въ отвѣтной на это прошеніе грамотѣ митрополита Рафаила на имя игумена Евгения, отъ 14 іюля 1744 года, сказано слѣдующее: „По поданному намъ пастыревѣ настоящаго 1744 года іюля 8 д. отъ господина доктора Кондоида, да грековъ подписавшихся числомъ 25 человекъ довошенію, с прошеніемъ о позволеніи имъ, въ разныхъ приходахъ на Подолѣ жителствующимъ, требы христіянскіе нынѣ отъ васъ, а впредъ отъ будущихъ при той греческой церквѣ настоятелей получать безпрепятственно отъ кіевоподольскихъ священниковъ, и о прочемъ, в томъ же ихъ прошеніи выраженномъ, пречестности вашей и впредъ будущимъ по васъ при Кіевоподольской греческой церквѣ настоятелямъ или опредѣленным для всомоществованія священникомъ, по соизволенію своего настоятеля, какъ жителствующих на нижнемъ городѣ Кіевѣ в разныхъ приходѣхъ, такъ и пріѣзжающихъ грековъ по ихъ желанію исповѣдывать і таинъ божественныхъ сообщать, дѣти ихъ крестить и по получаемымъ вѣчнымъ памятемъ з Братскаго монастыря желающихъ бракомъ вѣнчать, доми ихъ освящать, молитвы давать, умершихъ при той же греческой церквѣ хоронить и прочія христіянскія требы преподавать, а грекомъ самымъ, нынѣ і впредъ в Кіевѣ жителствующимъ, такожъ безъ принужденія желающимъ ихъ женамъ, дѣтямъ і служителямъ до греческой церкви во время священнодѣйствія и прочихъ молитвъ ходить и у пречестности вашей іли оной церкви священника исповѣдаться и тайны божественныя и прочія требы христіянскія, яже в церквѣ и в домѣхъ надлежащія; получать,—архіерейско благословляемъ; протопопу же і парохіальнымъ священникамъ в томъ преподаваніи и полученіи требъ христіянскихъ пречестности вашей і впредъ будущимъ при той греческой церквѣ настоятелемъ и самымъ грекамъ и безъ принужденія желающимъ ихъ женамъ, дѣтямъ и собственнымъ ихъ служителямъ вы-

шеозначеніиыя требы получать ни под какимъ видомъ препятствія чинить, под опасеніемъ нашего архіерейскаго неблагословенія, не дерзать. А дабы затѣмъ парохіальнымъ священникамъ в приходѣ обидѣ и в сочиненіи указенныхъ вѣдомостей помѣшательства не послѣдовало, пречестности вашей и впредь по васъ будущимъ настоятелямъ, а в небытность вашу священникамъ оной же греческой церкви, книгу по силѣ указовъ о исповѣдавшихся и причастившихся, такожъ экстрактъ о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, по указной формѣ сочиненной, отдавать повсягодно в канцелярію нашу; греки же, нынѣ и впредь собственными домами в Кіевѣ жительствоующіе, одолжаются быть повинны, яко и до сего, въ парохіальныхъ обыкновенныхъ надлежностяхъ и во обыкновеніи праздники и со святою водою приходящихъ или от нихъ призываемыхъ парохіальныхъ священниковъ благообразно і учтиво принимать і по возможности довольствовать непрекословно, о чемъ пречестности вашей вѣдать и о вышеписанномъ чинить архіерейско повелѣваемъ“¹⁾. Изъ этой грамоты нельзя не видѣть, что она устанавливала тѣже приблизительно порядки и отношенія, какія гораздо раньше опредѣлены были для нѣжинскихъ грековъ.

Хотя кіево-греческая Екатерининская церковь отстроена была еще въ 1742 году, но какія-то постройки при ней продолжались еще и въ 1744 году, такъ какъ въ этомъ году, 15 мая, игуменъ Евгеній купилъ вапна (известі) у новгородсѣверскаго мѣщанина Оомы Гойскаго²⁾. Вѣроятно, вапно это куплено было для постройки жилыхъ помѣщеній при Екатерининской церкви для причта и пріѣзжихъ грековъ³⁾. На

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 118, Ноября 19 дня 1774 года. Дѣло о запрещеніи греческимъ священникамъ ходить по мірскимъ домамъ съ водою и крестомъ“, л. 3

²⁾ Тамъ же „По описи № 9, 1751 года февраля 12 дня. Дѣло по доношенію Кіево-дѣвичьяго монастыря монахини Таясіи съ прошеніемъ отдачи игуменомъ Кіево-греческаго монастыря Евгеніемъ должныхъ тридцати рублей денегъ“.

³⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева“, Кіевъ, 1874 г., II, 145.

окончаніе построекъ дана была, по ходатайству кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго, царская милостыня ¹⁾).

Не успѣвъ еще игумень Евгенийъ вполне обстроиться, какъ онъ началъ дѣло о переименованіи кіево-греческой Екатериносинской церкви въ монастырь, подчиненный синайской горѣ. Въ 1744 году синайскій архіепископъ Никифоръ, вѣроятно по представленію игумена Евгения, просилъ Святѣйшій Синодъ исходатайствовать у Императрицы Елисаветы Петровны о переименованіи кіево-греческой Екатериносинской церкви въ монастырь и утвержденіи ея съ имѣніями за синайскою обителію ²⁾. Съ своей стороны, самъ игумень Евгенийъ въ 1745 и 1746 годахъ входилъ съ доношеніями къ кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому „о именованіи греческой Кіево-подольской церкви монастыремъ и о прочемъ“, а митрополитъ Рафаиль представилъ о семъ въ Св. Синодъ и неоднократно писалъ къ оберъ-секретарю Св. Синода (Якову Леванидову), съ просьбою о содѣйствіи ³⁾.

Во время этихъ хлопотъ, игумень Евгенийъ получилъ особый знакъ милости Божіей къ новосозданной имъ церкви, а именно древнюю икону Тихвинской Божіей Матери. Въ подписи подъ этою иконою значится, что 30 августа, 1740 года, полковникъ гусарскаго сербскаго полка Стефанъ Вактовичъ, возвращаясь со своимъ полкомъ изъ Финляндіи въ Россію, узналъ отъ полковаго священника Іосифа Потапова, что въ Кавигаловской кирхѣ, Абовскаго дистрихта, „имѣется российская икона Пречистыя Дѣвы Богородицы изображеніе Тифинское“, издревле взятая изъ Россіи „еще за державы великаго царя Θεодора Іоанновича, когда плѣнены

¹⁾ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году архимандрита Порфирія Успенскаго“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 153.

²⁾ Тамъ же. Сн. „Второе путешествіе архим. Порфирія Успенскаго въ синайскій монастырь въ 1850 году“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 332.

³⁾ Архивъ Кіев. дух. Консисторіи. „По описи № 38, 1747 года декабря 17 дня. Дѣло о наименованіи греческой Кіево-подольской церкви монастыремъ“.

Шведами Великій Новгородъ и Новгородскія предѣлы“, силою взялъ эту икону со своими офицерами и оправилъ ее серебрянымъ окладомъ. „А по оправки совѣтовали поставить икону сію въ Кіевѣ на Подолѣ, въ греческой церкви св. великомученицы Екатерины въ новъ монастырь, сооруженъ благодатию Божіею и за державою, щастіемъ великимъ Ея Императорскаго Величества Государыни нашея Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, и за Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Господина Кіевского митрополита Заборовскаго, а на тотъ часъ будучи первого сего монастыря греческаго строителя игумена Евгенія“ ¹⁾. Но въ этой подписи подъ иконою есть небольшая неточность. Въ іюнѣ 1742 года полковникъ Стефанъ Вактовичъ, а по другимъ документамъ—Витковичъ, былъ еще въ Финляндіи, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи противъ Швеціи ²⁾, и могъ возвращаться въ Россію только по заключеніи мира съ Швеціею въ іюлѣ 1743 года ³⁾, а на югъ Россіи прибыть не ранѣе 1744 года. Поэтому и Тихвинская икона Богородицы могла быть внесена въ кіево-греческую Екатерининскую церковь не раньше 1744 года, но, съ другой стороны, и не позже 1747 года, въ которомъ скончался упоминаемый въ подписи подъ иконою кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій ⁴⁾.

По смерти митрополита Рафаила Заборовскаго, игуменъ

¹⁾ Подпись подъ иконою. См. „Описаніе Кіева, Н. В. Закревскаго, т. II, 1863 г., стр. 890.

²⁾ См. въ „Книгѣ указовъ“ 1741—1758 гг. въ архивѣ кіево-подольской Борисоглебской церкви, л. 50 и слѣд.: „Изъ присланныхъ отъ генерала фельд-маршала фонъ-Десіа репортговъ отъ ниженписанныхъ числа миноваго іюля о благополучныхъ дѣйствіяхъ войска Ея Императорскаго Величества надъ непріятелемъ въ Финляндіи“.

³⁾ Тамъ же, л. 133.

⁴⁾ О смерти м. Рафаила Заборовскаго см. „Описаніе Кіево-Соф. собора“, м. Евгенія, Кіевъ 1825 г., стр. 224.

Евгеній самъ непосредственно сталъ хлопотать о переименованіи выстроенной имъ Екатерининской церкви въ монастырь. 17 декабря, 1747 года, онъ вошелъ съ прошеніемъ къ тогдашнему кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому о выдачѣ ему паспорта на поѣздку въ Петербургъ и обратно „для стряпанья о учиненіи скорѣйшой по тѣмъ прошеніямъ (1745 и 1746 гг. о переименованіи Екатерининской церкви въ монастырь) резолюціи“ и получилъ просимое¹⁾. Определеніемъ Св. Синода отъ 8 марта 1748 года, кіево-греческая Екатерининская церковь обращена была въ греческій монастырь, съ зависимоścią отъ синайской горы²⁾. Въ томъ же году игумень Евгеній построилъ въ Кіевѣ шипокъ³⁾.

Игумень Евгеній умеръ въ Кіевѣ или въ самомъ концѣ 1751, или въ началѣ 1752 года⁴⁾.

Такимъ образомъ истиннымъ основателемъ въ Кіевѣ греческой Екатерининской церкви, переименованной потомъ въ монастырь, былъ не Астаматій Николаевъ, а синайскій игумень Евгеній, прибывшій въ Кіевъ къ 1736 году. Это былъ несомнѣнно умный въ практическомъ отношеніи и энергическій человекъ, сумѣвшій преодолѣть всѣ препятствія къ устройству въ Кіевѣ греческой церкви и греческаго синайскаго монастыря. Вѣроятно, онъ былъ назначенъ на долж-

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „По описи № 38, 1747 года декабря 17 дня. Дѣло о наименованіи греческой Кіевоподольской церкви монастыремъ“.

²⁾ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году архимандрита Порфірія Успенскаго“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 153. См. „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, 1863 г., стр. 597 и 599.

³⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи. „№ 17, 1752 года марта 19 дня. Дѣло по довошенію Андрея Зигоровскаго козака о неотдачѣ осми рублей денегъ игумену Еггеніемъ монастыря греческаго“.

⁴⁾ Въ томъ же дѣлѣ, 19 марта, игумень Евгеній называется уже умершимъ. Но 12 октября 1751 г. игумень Евгеній былъ еще живъ. См. тамъ же. „По описи № 110, 1757 года октября 12 дня. Дѣло по довошенію съ жалобой на игумена Кіево-греческаго монастыря Еггенія за неуплату за излеченіе его и іеромонаха Арсенія 11 руб. денегъ“.

ность игумена испрашивавшагося для грековъ кievскаго Петропавловскаго монастыря; но, не получивъ этого монастыря, онъ рѣшился достигнуть предположенной цѣли другими путями. На первыхъ порахъ онъ задумалъ основать и построить въ Кіевѣ простую только церковь греческую. Орудіемъ для выполненія своихъ плановъ онъ избралъ проживавшихъ въ Кіевѣ грековъ, отъ имени которыхъ ходатайствовалъ предъ высшими властями о разрѣшеніи построить въ Кіевѣ греческую церковь на землѣ, будто бы жертвуемой однимъ изъ этихъ грековъ, а на самомъ дѣлѣ купленной и отчасти арендуемой самимъ игуменомъ Евгеніемъ. Но, какъ только эти же самые кievскіе греки, получивъ разрѣшеніе построить въ Кіевѣ греческую церковь, хотѣли сплотиться около нея въ церковное братство и распоряжаться ея дѣлами,—игуменъ Евгеній открыто выставилъ себя главнымъ, почти единственнымъ строителемъ греческой церкви, не допустилъ образоваться при этой церкви греческому церковному братству и отдалъ себя и свою церковь въ подчиненіе кievскому митрополиту. Когда же въ царствованіе Елисаветы Петровны открылась возможность переименовать киево-греческую Екатерининскую церковь въ монастырь, то игуменъ Евгеній не преминулъ воспользоваться этою возможностью и постарался освободиться отъ непосредственной власти кievскаго митрополита, испросивъ подчиненіе кievскаго греческаго монастыря синайской горѣ. Съ 1748 года греческій Екатерининскій монастырь въ Кіевѣ сталъ какъ бы подворьемъ синайской горы и доходною статьею для нея и отдѣльныхъ синаитовъ, назначаемыхъ въ настоятели сего монастыря.

Особенную черту въ характерѣ игумена Евгенія составляетъ его изворотливость,—если не сказать болѣе,—въ приобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ для его церкви и монастыря. Собирая обильныя пожертвованія на постройку церкви и монастыря, игуменъ Евгеній не любилъ аккуратно расплачиваться за взятые имъ для церкви, монастыря и для себя матеріалы

и за работы и старался недоплатить или вовсе незаплатить кредиторамъ. Въ старомъ архивѣ кіевской духовной Консistoriи сохранилось нѣсколько дѣлъ по жалобамъ на игумена Евгенія со стороны кредиторовъ. Такъ напр., въ іюнѣ 1739 года игуменъ Евгеній сторговалъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ у мѣстнаго священника Іоанна Кроткевича байдакъ негашеннаго вапна (известн) за 240 рублей, заплативъ половину этихъ денегъ наличными, а на остальныя давъ росписку; но, прибывъ въ Черниговъ, отобралъ данную имъ Кроткевичу росписку у служителя его Марка, запесъ въ тамошнюю консисторію жалобу на Кроткевича за то, якобы онъ насыпалъ байдакъ вапномъ не полно, и не доплатилъ Кроткевичу денегъ. Когда же послѣдній пожаловался за это на игумена Евгенія кіевскому митрополиту Рафану Заборовскому, то игуменъ Евгеній предъявилъ къ Кроткевичу встрѣчный искъ за невыполненіе имъ взятаго на себя обизательства. Дѣло это отослано было кіевскимъ митрополитомъ на разсмотрѣніе въ черниговскую консисторію ¹⁾. Въ другой разъ, 15 мая 1744 года, игуменъ Евгеній купилъ у новгородсѣверскаго мѣщанина Оомы Гойского вапна, не доплативъ слѣдующихъ ему денегъ, которыя обязался уплатить 1-го іюля того же года. Но байдакъ съ известью во время пути разбился, и хотя продавецъ, по этому случаю, изъ слѣдующихъ ему денегъ уступилъ игумену Евгенію 40 рублей, но послѣдній не хотѣлъ доплатить Гойскому причитавшихся ему 22 рублей ²⁾. Въ 1748 году игуменъ Евгеній для постройки монастырскаго шпанка „визичиль“ у кіевоподольскаго жителя, козака сотни кіевской Андрея Загоровска-

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консistoriи. „1739 года сентября 12. Дѣло іерея Іоанна Кроткевича епархіи Чернігівской зъ іеромонахомъ Евгеніємъ игуменомъ церкви Кієвоподольской грецькой, № 20“.

²⁾ Тамъ же. „По описи № 9, 1751 года февраля 12 дня. Дѣло по довошенію Кієво-Дѣвичьаго монастыря монахини Тавіи съ прошеніємъ отплати игуменомъ Кієво-грецькаго монастыря Евгеніємъ должныхъ тридцати рублей денегъ“.

го, „колод сосновых четверосаженных 30, которымъ цена 8 рублей“, но не отдать долгу до самой смерти своей, не смотря на многократныя напоминанія казака Загоровскаго ¹⁾. Въ 1651 году игумень Евгеній не додалъ также 11-ти рублей докторкѣ Саломіи Пилипиновой за лѣченіе его самого и викарія его іеромонаха Арсенія ²⁾.

Экономическій, хозяйственный характеръ кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря, какъ источника доходовъ для синайской горы и для самихъ настоятелей сего монастыря, данный ему первымъ настоятелемъ его Евгеніемъ, удержался въ этомъ монастырѣ и на послѣдующія времена. Синайскій монастырь назначалъ настоятелей въ кіево-греческій Екатерининскій монастырь, посылалъ сюда своихъ монаховъ для испрошенія милостыни на синайскій Преображенскій монастырь, или присылалъ грамоты объ испрошеніи милостыни на сей монастырь, съ предписаніемъ послать какого либо іеромонаха съ сими грамотами, а иногда поручалъ настоятелямъ кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря устройство экономическихъ дѣлъ въ другихъ подворьяхъ синайской горы, находящихся въ Россіи. Была, наконецъ, и прямая матеріальная помощь кіево-греческаго монастыря синайской горѣ.

Изъ преемниковъ игумена Евгенія, назначавшихся синайскимъ Преображенскимъ монастыремъ, намъ извѣстны слѣдующіе настоятели кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря: 1) игумень Іоакимъ, упоминаемый въ 1753 и 1755 го-

¹⁾ Тамъ же. № 17, 1752 года марта 19 дня. Дѣло по доношенію Андрея Загоровскаго казака о неотдаче осми рублей денегъ игуменомъ Евгеніемъ монастыря греческаго“.

²⁾ Тамъ же. № 110, 1751 года октября 12. Дѣло по доношенію съ жалобой на игумена Кіево-греческаго монастыря Евгенія за неуплату за излѣченіе его и іеромонаха Арсенія 11 руб. денегъ“.

дахъ¹⁾; 2) игуменъ Никифоръ—въ 1758 и 1761 годахъ²⁾; 3) игуменъ Григорій въ 1762 и 1774 годахъ³⁾; 4) игуменъ Іаковъ, возведенный впослѣдствіи (1786 г.) въ санъ архимандрита, въ 1785 и 1788 гг.⁴⁾; 5) архимандритъ Θεодосій—въ 1788 году⁵⁾; 6) архимандритъ Константинъ, составившій сочиненіе „Древняя Александрія (Ἀρχαία Ἀλεξάνδρεια),—путешествіе Кіево-Екатерино-греческаго монастыря архимандрита Константина“, изданное въ 1803 году въ Москвѣ братьями Зосима на греческомъ и русскомъ языкахъ⁶⁾, и 7) вынѣшній архимандритъ Мелетій.

Изъ сферы экономическихъ, хозяйственныхъ отношеній кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря къ синайской горѣ намъ извѣстны слѣдующіе факты. Въ 1753 году, въ іюнь мѣсяцѣ, синайскій іеромонахъ и игуменъ подворья св. Екатерины въ Кіевѣ Іоакимъ соорудилъ серебряную дароносицу, вѣроятно для синайскаго монастыря⁷⁾. Въ 1755 году тотъ же игуменъ Іоакимъ ѣздилъ, на малое время, въ Нѣжинъ „по нѣкоторой монастырской нуждѣ“, къ находивше-

¹⁾ „Второе путешествіе архим. Порфирія Успенскаго въ Синайскій монастырь въ 1850 году“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 258; Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи, „Повія Кіевского 1755 году № 340 и 374“.

²⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „Кіевского повѣття 1758 года № 173“, и дѣло „по описи № 40, 1761 года мая 23 дня“.

³⁾ Тамъ же, „По описи № 38, 1763 года ноября 28 дня“, и „по описи № 118, 1774 года ноября 19 дня“.

⁴⁾ Тамъ же, Указъ Кіев. Дух. Консисторіи 9 декабря, 1785 г., № 200, и дѣло „по описи под № 33, 1788 года 29 марта“.

⁵⁾ Тамъ же, дѣло „по описи № 107, 1788 года ноября 16 дня“.

⁶⁾ Въ предисловіи „къ читателю“ авторъ говоритъ о себѣ: „путешествуя въ 1795 году въ Египтъ и Каменистой Аравіи, въ странѣ дикой, обитаемой народомъ грубымъ и суевѣрнымъ до такой степени, что ненавидѣть христіанина почитаетъ за родъ набожности, испытать всю ужасность бурями раздраженнаго моря, бывъ выкинутъ на бревномъ отломѣ сокрушеннаго корабля въ пучину его, изъ которой наконецъ всемогущая рука Провидѣнія исторгнула меня,—сей памятникъ бѣдственныхъ минути бытія моего посвящаю тебѣ, благотворная мнѣ Россія“.

⁷⁾ Второе путешествіе архим. Порфирія Успенскаго въ Синайскій монастырь въ 1850 году, С. Петербургъ, 1856 г., стр. 258.

муси тамъ архимандриту синайскому Герману Синаиту¹⁾. Въ 1763 году игуменъ кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря Григорій испросилъ у кіевского митрополита Арсенія Могилянскаго годичный паспортъ на поѣздки въ Нѣжинъ и обратно „для смотренія въ правленіи порученныхъ отъ святія Синайскія горы обители имѣющихся въ Кіевѣ и въ Нѣживѣ двоухъ подворьевъ²⁾. Нерѣдко кіево-греческій Екатерининскій монастырь былъ посредникомъ при испрошеніи синаитами милостыни въ Россіи, а въ послѣдствіи времени и самъ оказывалъ матеріальную и нравственную помощь своей митрополіи. Еще въ 1749 году, т. е. при жизни основателя кіево-греческаго монастыря игумена Евгенія, протосингелъ синайскаго Преображенскаго монастыря іеромонахъ Іеремія и іеродіаконъ того же монастыря Мелетій послапны были преосвященнымъ архіепископомъ синайскимъ Константіемъ въ Трапезондскую страну для испрошенія милостыни, а аттуда въ срединѣ февраля 1751 года прибыли въ Кіевъ. Изъ Кіева протосингелъ Іеремія возвратился „въ Синайскую гору“, а іеродіаконъ Мелетій, съ разрѣшенія кіевского генераль-губернатора Мих. Ив. Леонтьева и благословенія кіевского митрополита Тимофея Щербацкаго, остался на жительство въ кіево-греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ³⁾. Въ 1755 году тотъ же синайскій архіепископъ Константій прислалъ къ игумену кіево-греческаго монастыря Іоакиму грамоту для испрошенія на монастырь синайскій милостыни и совѣтовалъ ему, испросивши благословеніе мит-

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи, „Новитія Кіевского 1755 года № 374“.

²⁾ Тамъ же, „По описи № 38, 1763 года ноября 28 дня. Дѣло по допущенію Кіево-Екатерининскаго монастыря игумена Григорія, іеромонаха Синайскаго, о выдачи ему въ городъ Нѣжинъ для исправленія монаховъ лашпорта. Здѣсь и прочія дѣла“.

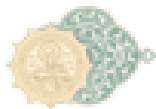
³⁾ Тамъ же, „По описи № 21, 1751 года марта 14 дня. Дѣло по отношенію Кіевского генераль-губернатора Леонтьева о вышедшихъ изъ Синайскія горы іеромонахъ Іеремія и іеродіаконъ Мелетія, желающихъ жить въ Кіево-Екатерининскомъ монастырѣ“.

рополита кievскаго, послать какого либо іеромонаха въ воронежскую епархію для испрошенія милостыни. Игуменъ Іоакимъ избралъ для сего іеромонаха кievо-греческаго монастыря Теофана, которому кievскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій выдалъ паспортъ въ воронежскую епархію и обратно, съ предоставленіемъ ему права попутно собирать милостыню и въ кievской епархіи ¹⁾. 9 декабря 1785 года кievскимъ митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ разрѣшено кievо-подольскаго Екатерининскаго монастыря игумену Іакову, согласно доношенію, „на состоящей въ Аравіи Синайскія горы Преображенія Господня и св. великомученицы Екатерины монастырь, нынѣ въ обетшалости имѣющейся, отъ доброхотныхъ дателей въ епархіи его просить милостинное подаваніе“ въ теченіи года, съ обязательствомъ вписывать имена жертвователей въ выданную изъ Консисторіи пнурозапечатанную книгу и, по истеченіи срока, представить эту книгу въ Консисторію ²⁾. Въ 1787 году Высочайшимъ указомъ отъ 15 марта кievо-подольскій греческій монастырь освобожденъ былъ отъ обязательства представлять денежные отчеты въ мѣстную консисторію, съ предоставленіемъ въ его пользу остатковъ отъ годового его содержанія на милостинное подаваніе православнымъ монастырямъ въ варварскихъ мѣстахъ, отъ коихъ сей находится такъ сказать отдѣленнымъ“ ³⁾. Слѣдовательно, съ этого времени кievо-греческій монастырь получилъ, если не обязательство, то право посылать остатки отъ годичнаго содержанія своего въ синайскій Преображенскій монастырь. Кievо-греческій Екатерининскій монастырь оказывалъ иногда и духовно-правственныя услуги своей метрополіи, давая се-

¹⁾ Тамъ же, дѣло 1785 года.

²⁾ Тамъ же, Указъ Консисторіи отъ 9 декабря, 1785 г., № 200.

³⁾ Тамъ же, „По описи подъ № 33, 1788 года 29 марта. Дѣло по сообщенію Кievской Казенной Палаты съ уведомленіемъ о оковѣрмованныхъ въ греческому монастырю штатныхъ служителей“.

настамъ возможность и средства получать въ Кіевѣ богословское образованіе. Такъ, въ бытность настоятелемъ кіево-греческаго монастыря архимандрита Іакова, слѣдовательно до 1788 года, пять лѣтъ учился въ кіевской Академіи іеродіаконъ Константій, впоследствии архіепископъ синайскій и патріархъ цареградскій, получавшій отъ архимандрита Іакова, кромѣ стола, по 100 рублей ассигнаціями ежегодно и въ 1794 году давшій синаитамъ обязательство поступить въ синайскую обитель въ число братства ¹⁾.

Такъ какъ кіево-греческій Екатерининскій монастырь основанъ былъ и первоначально содержался исключительно на средства, изыскиваемые самимъ монастыремъ, изъ конхъ притомъ же удѣлялъ нѣчто и синайской горѣ, то главное вниманіе его настоятелей обращено было на бережливое распоряженіе палчными средствами и на изысканіе новыхъ источниковъ и способовъ къ содержанію монастыря и вообще къ удовлетворенію его нуждъ. Экономія кіево-греческаго монастыря прежде всего высказалась въ самомъ штатѣ священно и церковнослужителей его, который настоятели старались сократить до послѣдней возможности. Въ 1737 году грекъ Астатій Николаевъ, испрашивая разрѣшеніе построить въ Кіевѣ греческую Екатерининскую церковь, писалъ, что онъ и кіевскіе греки намѣрены „при ней содержать священниковъ и причетниковъ греческихъ на моемъ коштѣ, которіи греческимъ языкомъ вся священно и церковнослуженія отправляли бы“ ²⁾. Но на самомъ дѣлѣ, до преобразования церкви въ монастырь, при ней, кромѣ самого игумена Евгенія, не было другихъ греческихъ священно и церковнослужителей, а палимаемы были изъ русскихъ уроженцевъ викарный священ-

¹⁾ „Второе путешествіе архимандрита Порфирія Успенскаго въ Синайскій монастырь въ 1850 году“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 347 и 348.

²⁾ См. о семъ выше.

Труды Кіев. дух. Академіи. Т. I. 1896 г.

никъ, два пономаря и два служителя. Кромѣ того, былъ церковный ктиторъ, не получавшій жалованья. Викарными священниками преемственно были отцы: Захарія, Григорій, Іаковъ и Германъ до 14 мая 1741 года ¹⁾, Іаковъ Буковскій съ 14 мая 1741 года до 10 мая 1742, и Іоаннъ Ковальскій съ 10 іюня 1742 года ²⁾, бывшій на этой должности и въ 1760 году ³⁾. Вознагражденіе имъ, по условію, полагалось различное: отъ 1 руб. 92 коп. до 5 р. 50 коп. въ мѣсяць ⁴⁾. При этомъ въ выборѣ викарныхъ священниковъ кіево-греческіе настоятели не очень были разборчивы. Такъ напр., послѣдній изъ вышепомянутыхъ викаріевъ о. Іоаннъ Ковальскій, служившій въ кіево-греческомъ монастырѣ около 20 лѣтъ, былъ выходецъ изъ Польши, постриженецъ луцкаго униатскаго епископа Іосифа Виговскаго и „въ указнихъ термѣнахъ присягою и сказкою по выходѣ изъ Полши в Россію не обовязанъ“ ⁵⁾. Двумъ церковнымъ пономарямъ платилось каждому по 12 руб. въ годъ, и двумъ служителямъ по 10 руб. каждому въ годъ ⁶⁾.

По переименованіи кіево-греческой Екатерининской церкви въ монастырь, въ немъ, кромѣ настоятеля его, были еще

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи, „По описи № 65, 1741 года Сентября 12 дня. Дѣло о спрашиваніи на постройку греческой Екатерининской церкви милостинного подаяніи по городу Кіеву и епархіи Кіевской“.

²⁾ Тамъ же, „Повита Кіевского 1742 года августа 2 дня, № 118“, и „августа 4 дня, № 120“.

³⁾ Тамъ же, „По описи № 10. Дѣло о выдачи вдовому Кіевоподольскаго греческаго св. великомученицы Екатерини монастыря вѣкарію Іоанну Ковальскому опитрахильной грамоти, 1760 года февраля отъ 24 д.“.

⁴⁾ Тамъ же, „По описи № 65, 1741 года сентября 17 дня. Дѣло о спрашиваніи на постройку греческой Екатерининской церкви милостинного подаяніи по городу Кіеву и епархіи кіевской“.

⁵⁾ Тамъ же, „По описи подъ № 10. Дѣло о выдачи вдовому Кіевоподольскаго греческаго св. великомученицы Екатерини монастыря вѣкарію Іоанну Ковальскому опитрахильной грамоти, 1760 года февраля отъ 24 д.“.

⁶⁾ Тамъ же, „По описи № 65, 1741 года сентября 12 дня. Дѣло о спрашиваніи на постройку греческой Екатерининской церкви милостинного подаяніи по городу Кіеву и епархіи Кіевской“.

іеромонахи Арсеній въ 1751 и 1752 гг. ¹⁾ и Теофанъ въ 1755 году ²⁾. Но въ эти же годы былъ въ кіево-греческомъ монастырѣ, какъ мы выше видѣли, и бѣлый викарный наемный священникъ Іоаннъ Ковальскій. А съ конца 1762 года, по-видимому, не было уже въ кіево-греческомъ монастырѣ другихъ штатныхъ іеромонаховъ, кромѣ самого настоятеля. 19-го ноября 1762 года намѣстникомъ кіево-греческаго настоятеля и слѣдовательно вторымъ послѣ него лицомъ является священникъ Іаковъ ³⁾, а въ 1774 году въ кіево-греческомъ монастырѣ были два бѣлые викарные священника Теодоръ Кропивницкій и Алексій Самборовичъ. Что же касается монастырской братіи кіево-греческаго монастыря, то, какъ можно заключать изъ того же дѣла, постоянный комплектъ ея состоялъ только изъ послушниковъ и монастырскихъ служекъ ⁴⁾ Іеромонахи же и іеродіаконы изъ иностранцевъ пріѣзжали сюда и проживали здѣсь только временно, въ качествѣ гостей, и, вѣроятно, служили въ кіево-греческомъ монастырѣ больше изъ благодарности за гостепріимство, чѣмъ изъ за платы или жалованья. Изъ такихъ временныхъ гостей кіево-греческаго монастыря за XVIII столѣтіе намъ извѣстны слѣдующіе:

1. Синайскій іеродіаконъ Мелетій. Прибывши въ февралѣ 1751 года въ Кіевъ вмѣстѣ съ протосингеломъ синайска-

¹⁾ Тамъ же, „По описи № 110, 1751 года октября 12 дн. Дѣло по доношенію съ жалобой на игумена Кіево-греческаго монастыря Евгенія за неуплату за излеченіе его и іеромонаха Арсенія 11 руб. денегъ“.

²⁾ Тамъ же, „Повитіи Кіевского 1755 года № 374.“.

³⁾ Тамъ же, „По описи № 38, 1763 года ноября 28 дн. Дѣло по доношенію Кіево-Екатерининскаго монастыря игумена Григорія, іеромонаха Синайскаго, о выдачѣ ему въ городъ Цѣзинъ для исправленія монаховъ пашпорта“, и проч.

⁴⁾ Тамъ же, „По описи № 118, 1774 года ноября 19 дн. Дѣло о запрещеніи греческимъ священникамъ ходить по мірскимъ домамъ съ водою и крестомъ“.

го Преображенскаго монастыря іеромонахомъ Іеремією, іеродіакономъ Мелетіємъ, съ разрѣшенія кіевскаго генераль-губернатора Леонтьева и съ благословенія кіевскаго митрополита Тимофея Щербацкаго, остался на жительство въ кіево-греческомъ Екатерипинскомъ монастырѣ ¹⁾).

2. Сербскій іеромонахъ Захарія Алексѣевъ. Онъ въ 1751 году „изъ Славоніи изъ монастыря Арховици сербо-славянскія нація съ паспортами тово жъ монастыря ігумена Іоаннікія зъ братією, да господина генерала и губернатора Будимскаго для исправленія себе во иконописствѣ і съ оными паспортами явился въ губерніи кіевской, и въ консисторіи митрополіи Кіевскій; по указу де его преосвященства куръ Тимофея Щербацкаго, архієпископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, велѣно оному для обученія иконописству жить въ Кіевѣ въ нижнемъ городѣ въ греческомъ монастырѣ і священнодѣйствовать“. Но, не нашедши „въ ономъ греческомъ и прочихъ кіевскихъ монастыряхъ искуснаго въ иконописствѣ мастера“, онъ отправился „въ Троицкую лавру ради свиданія зъ собственникомъ его ихъ же Арховицкія обители постриженцомъ іеромонахомъ Еѳремомъ“, и въ 1752 году, „будучи опъ Захарія въ Троицкой лавры, извѣстился, что имѣется искусный въ иконописномъ художествѣ мастеръ іеромонахъ Павелъ Казановичъ, который де опредѣленъ въ ему семинаристовъ оному мастерству обучать“, и просилъ, „дабы повелено было ему въ Троицкой Лаврѣ, пока иконописному мастерству обучится, по примѣру протчѣихъ монашествующихъ жить и священнодѣйствіе отправлять ²⁾).

¹⁾ Тамъ же, „По описи № 21, 1751 года марта 14 дн. Дѣло по отношенію кіевскаго генераль-губернатора Леонтьева о вышедшихъ изъ Синайскія горы іеромонахъ Іеремія и іеродіакономъ Мелетіемъ, желающихъ жить въ Кіево-Екатеринославскомъ монастырѣ“.

²⁾ Тамъ же, „По описи № 120, 1752 года іюля 28 дн. Дѣло по промерамъ Кіевской дух. Консисторіи объ опредѣленіи сербской націи іеромонаха Захаріи въ Кіево-греческій монастырь для изученія иконописнаго художества“.

3. Іеромонахъ аеонскаго 40 святыхъ мучениковъ монастыря Іеремія. Въ послѣднихъ числахъ октября 1757 года „прибыль зъ святыхъ горъ монастыря сорокъ святыхъ іеромонахъ Іеремѣя въ Свято-Екатеринскій монастырь Кіевоподольскій греческій монастырь“ и просилъ у кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго грамоты на испрошеніе милостыни для этого монастыря; но митрополитъ не далъ ему просимой грамоты и велѣлъ возвратиться въ свой монастырь. „А яко ему въ тотъ монастырь возвращается нынѣ задолжавшись zde въ Кіевѣ на Подолѣ крайне невозможна и при монастыру греческомъ немалая нужда во іеромонахъ состоитъ, оной же іеромонахъ и самъ желаетъ остаться“, поэтому игуменъ кіево-греческаго монастыря Никифоръ, 13 іюля 1758 года, просилъ митрополита кіевскаго Арсенія Могилянскаго дозволить іеромонаху Іеремію пожить въ кіево-греческомъ монастырѣ на годовомъ жалованьи ¹⁾).

4. Солунскій архимандритъ Пароеній. Опъ явился въ Кіевъ лѣтомъ 1759 года, для ученія въ кіевскихъ школахъ. Но кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій, сомнѣваясь о состояніи архимандрита Пароенія, не принялъ его въ училища, „разсуждая тое, да не како будетъ притворнѣ именуяся архимандритомъ, а не самою вещью“. Поэтому Пароеній, оставаясь въ Кіевѣ, постарался заручиться удостовѣреніями разныхъ лицъ о своей личности и санѣ. 15 апрѣля 1760 года бѣлградскій митрополитъ Софроній и другія духовныя лица писали, что архимандритъ Пароеній изъ Солуны „пришелъ въ Германію въ Прешбургъ ради обученія латинскаго зыка, слышавъ же слухъ и славу російскихъ какъ в Кіевѣ, такъ и в Москвѣ школъ, а найпаче ради благочестія от многихъ возбуждаемій, пошелъ тамо“. Равно и совѣтникъ посольства Павелъ Левашевъ далъ 6 мая 1760 года архимандриту Пароенію аттестатъ, съ удостовѣреніемъ его личности и намѣренія

¹⁾ Тамъ же, „Кіевского повѣтти, 1758 года № 175“.

учиться въ русскихъ школахъ и университетахъ богословію и русскому языку. Наконецъ, дикей аѳонскаго Ватопедскаго скита Св. Димитрія іеромонахъ Анапія съ братією 13 февраля 1761 года послалъ митрополиту Арсенію Могилянскому свидѣтельство о томъ, что архимандритъ Парѳеній есть чловѣкъ достойный, произведенъ въ санъ архимандрита преосвященнымъ митрополитомъ солунскимъ Іоакимомъ и для общей нужды св. церкви „отъиде вѣншнаго ради ученія первѣе въ Сербію, таже въ православно-россійскую імперію въ богоспасаемый градъ Кіевъ, слышащїи тамо совершеннѣйшему быти ученію“. По полученіи этихъ удостовѣреній, архимандритъ Парѳеній принятъ былъ для обученія въ кіевскіи училища, какъ это видно изъ послѣдующаго. 23 мая 1761 года онъ обратился къ митрополиту Арсенію Могилянскому съ прошеніемъ, въ которомъ изъяснилъ, что, прибывъ въ единовѣрную Россію для довершенія образованія, онъ доселѣ содержался на свой счетъ; но источники для его содержанія изсякли, а потому онъ проситъ, для окончанія ученія, помѣстить его въ кіевоподольскій греческій монастырь съ правомъ слушать исповѣдь и совершать, по приглашенію, погребеніе. Соглашался принять его и игуменъ кіево-греческаго монастыря Никифоръ. Митрополитъ Арсеній позволилъ архимандриту Парѳенію жить и священнодѣйствовать въ кіево-греческомъ монастырѣ. Но здѣсь недолго послѣ того онъ жилъ. 7 мая, 1762 года кіевскіе греки подали кіевскому митрополиту Арсенію удостовѣреніе, что архимандритъ Парѳеній „жилъ здѣсь около трехъ годовъ честно, а нынѣ желаетъ возвратиться въ свою страну“ ¹⁾.

5. Страпствующій игуменъ Симеонъ. 16 ноября 1788 года настоятель кіево-греческаго монастыря архимандритъ Ѳеодосій просилъ кіевского митрополита Самуила Миславскаго

¹⁾ Тамъ же, „По описи № 40, 1761 года мая 23 дня. Дѣло о архимандритѣ Парѳенію, бывшему три года въ Кіево-подольскомъ греческомъ монастырѣ, и о возвращеніи его въ свою страну Грецію“.

„о дозволеніи странствующему игумену Симеону, пока онъ справитъ свои нужды, въ епархіи кіевской прожить“, съ поясненіемъ, что этою милостію игумень Симеонъ „не преминетъ... у его свѣтлости князя Григорія Александровича (Потемкина) хвалиться“. Резолюція митрополита Самуила послѣдовала такая: „оному игумену Симеону до выздоровленія отъ болѣзни и до будущаго объ немъ разсмотренія дозволяется на нѣкоторое время жить въ кіевскомъ греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, въ кіево-греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ въ XVIII вѣкѣ было двоякаго рода духовенство: монашествующее, состоявшее изъ настоятеля и изъ іеромонаха постоянного, или пріѣзжаго, и нѣсколькихъ послушниковъ, и бѣлое, состоявшее изъ одного или двухъ викарныхъ священниковъ русскаго происхожденія. Первое удовлетворяло собственно религіознымъ потребностямъ монастыря, хотя, какъ можно видѣть изъ вышеуказаннаго прошенія солунскаго архимандрита Пареевнѣ, слушало у мірянъ исповѣдь и, по приглашенію, совершало погребеніе. Бѣлое же монастырское духовенство, состоявшее изъ викарныхъ священниковъ, назначалось какъ для седмичнаго монастырскаго богослуженія, такъ и для исполненія требъ проживавшимъ въ Кіевѣ грекамъ, на основаніи грамоты кіевского митрополита Рафаила Заборовскаго отъ 14 іюля 1744 года. И хотя эта грамота дана была собственно кіево-греческой Екатерининской церкви, а не монастырю, котораго тогда еще не было, но и по преобразованіи этой церкви въ монастырь настоятели ея, вопреки установившемуся въ Россіи обычаю не имѣть монастырѣмъ прихожанъ, продолжали пользоваться предо-

¹⁾ Тамъ же „По описи № 107, 1788 года ноября 16 дня. Дѣло по прошенію архимандрита Θεοδοσία о дозволеніи странствующему игумену Симеону жить въ кіевской епархіи въ греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ до выздоровленія и о прочемъ“.

ставленными имъ этою грамотою правами по крайней мѣрѣ до 1774 года. По идеѣ, положенной въ основу учрежденія греческой Екатерининской церкви въ Кіевѣ, духовенство ея должно было удовлетворять религіознымъ нуждамъ грековъ, пріѣзжающихъ въ Кіевъ и незнающихъ русскаго языка, и осѣвшихъ въ Кіевѣ, и слѣдовательно должно быть греческаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, знать греческій языкъ; но эта идея скоро была забыта, тѣмъ болѣе, что греки, издавна поселившіеся въ Кіевѣ, мало по малу растворились въ мѣстномъ русскомъ населеніи и обрусѣли, какъ напр. фамилія Бошняковъ, Корбутовъ, Лакердъ, Рыбальскихъ, и проч.¹⁾, и потому бѣлые викарные священники въ кіево-греческомъ монастырѣ нанимались изъ лицъ русскаго происхожденія. А при такихъ условіяхъ, отправленіе требъ для кіевскихъ грековъ монастырскими викарными священниками русскаго происхожденія было не духовною помощію этимъ грекамъ, а только обремененіемъ для нихъ; потому что, съ одной стороны, въ силу грамоты митрополита Рафаила Заборовскаго отъ 14 іюля 1744 года, кіевскіе греки за одну и ту же потребу должны были платить какъ кіево-греческому монастырю, такъ и мѣстнымъ приходскимъ священникамъ, въ приходахъ которыхъ проживали греки, а съ другой стороны, священно-и церковнослужители кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря, смотря на требоисправленіе, какъ на источникъ своихъ доходовъ, практиковали нѣкоторые церковные обычаи и обряды, неизвѣстные въ русской церкви, для увеличенія своихъ доходовъ. Таковы, напримѣръ, обычаи освященія особаго агнца для раздачи купцамъ въ напутствіе и хожденіе со святою водою по домамъ прихожанъ въ первыя числа каждаго мѣсяца. О первомъ изъ этихъ обычаевъ извѣстно стало кіев-

¹⁾ Эти греческія фамиліи, теперь обрусѣвши, встрѣчаются въ дѣлахъ Кіев. Дух. Консисторіи: „Повѣта Кіевскаго 1742 годѣ августа 2 дня“. Сл. По описи № 40, 1761 года мая 23 дня. Дѣло о архимандритѣ Пароменіѣ, и проч.

скому епархіальному начальству по поводу пожара, случившагося въ кіево-греческой Екаторининской церкви 11 или 14 іюля 1742 года. При освященіи этой церкви послѣ пожара, 3 августа того же года, найдены въ одной изъ цинковыхъ гробницъ, стоявшихъ на престолѣ, „два св. агнды лежащие безъ всякаго подкладу, плѣсню припалие“. По разслѣдованіи оказалось, что заготовленіе особаго агнца было особымъ греческимъ обыкновеніемъ: „есть де въ грековъ,—говорилъ одинъ свидѣтель,—такое обыкновеніе, что они агнцы винимаетъ для роздачи купцамъ въ напутствіе“¹⁾. О хожденіи же по приходу со святою водою въ первые дни каждаго мѣсяца сохранилось въ архивѣ кіевской духовной Консисторіи цѣлое дѣло.

„По обычаю греческому, сего мѣсяца октября не первого числа (1774 г.),—доносили кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому игуменъ кіево-греческаго Екаторининскаго монастыря іеромонахъ Григорій,—съ крестомъ и водою святою седмицный священникъ, опредѣленный вашимъ ясне въ Богу преосвященствомъ въ кіевогреческій монастырь Теодоръ Кропивнѣцкій, когда пошелъ съ пономаремъ по домамъ греческимъ кропить святою водою, то въ домѣ мѣщанина кіевского и медового шафара (кой компуть содержитъ греческій) Семена Івановича Рибалского бывшіе при напитки волосого вина опредѣленный править въ кіевоподолѣ намѣстническую должность приходскій Воскресенскій священникъ Теодоръ, да діаконъ Цареконстантиновскій, правящій въ духовномъ Кіевоподольскомъ Правленіи писарскую должность, прозываемій Струковъ, разнообразно уничтожая святое домовъ греческихъ водою святою окропленіе, крестъ под серебро оправній силою от прописанного священника Теодора Кропивнѣцкаго по волѣ своей арестовали съ немалыми до нихъ непринадлежащими увѣщаніями, и вперѣ запретили., да и

¹⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи. „Повѣта Кіевскаго 1742 года августа 2 дня, № 118“, и „августа 4 дня № 120“.

в знавъ того заприщенія под серебро оправній крестъ и понынѣ въ намѣстника и писара въ арестѣ состоитъ“. Спрошенный въ консисторіи, намѣстникъ священникъ Александровскій показалъ, что 1 октября онъ съ діакономъ Струковымъ дѣйствительно встрѣтилъ вечеромъ на улицѣ священника Кропивницкаго въ епитрахили и съ крестомъ, вышедшаго изъ шиньоваго двора мѣщанина Рыбальскаго въ пьяномъ видѣ, а за нимъ какого-то монаха съ водою и кропиломъ, „и спросивъ о причинѣ, для какой онъ священникъ Кропивницкій въ необыкновенное время ходить съ крестомъ и водою, объявилъ ему священнику Кропивницкому, что указомъ блаженныхъ памяти Государа Императора Петра первого, 1724 года сентября 4 состоявшимся, священникамъ всего государства отъ монастырей и церквей ходигъ незваннымъ по домамъ съ освященною водою и для славленія, кромѣ праздника Рождества Христова, запрещено“. Діаконъ же Струковъ показалъ, что священникъ Кропивницкій, стыдясъ сдѣланнаго ему намѣстникомъ Александровскимъ замѣчанія, передалъ крестъ ему діакону Струкову якобы для лобызанія и затѣмъ оставилъ у него въ рукахъ. Объ этомъ происшествіи намѣстникъ Александровскій представилъ на другой день въ кіево-подольское духовное правленіе, которое призвало Кропивницкаго къ себѣ и велѣло „взять у его, Кропивницкаго, въ силѣ помянутаго указа подписку въ томъ, что онъ Кропивницкій съ водою по домамъ не въ удобное время ходить не будетъ, и по взятіи таковой подписки отдать крестъ, въ серебро оправленный..; но оной у него Кропивницкаго не взято, и крестъ не отданъ потому, что онъ Кропивницкій, пока таковая подписка изготовлена будетъ, не дождавшись изъ правленія ушелъ и въ другой разъ въ правленіи не являлся“. 16 января 1775 года кіево-подольское духовное правленіе донесло о семъ кіевской консисторіи, съ такимъ добавленіемъ: „кромѣ жъ вышеписанного, онъ же іерей Теодоръ въ другихъ приходѣхъ мірскіе требы исправляетъ, яко-то поминовенія отправляетъ, воду и доми освящаетъ, въ обиду приходскимъ священно и церковнослужителямъ,

какъ о томъ отъ пазирающаго приходъ Борисоглѣбскій священника Васисія Михайлова въ духовное правленіе словесная жалоба была внесена. Да и другой при томъ же монастырѣ находящійся іерей Алексій Самборовичъ по касающимся къ нему дѣламъ духовному правленію также является ослушнымъ; ибо когда и указомъ, изъ духовной кievской консисторіи прошедшаго 774 года сентября 25 д. въ духовное правленіе присланнымъ, велѣно произвести надъ нимъ Самборовичемъ судъ за бравъ и бой жительки кievской Параскевы Михайловой дочери, и нарочный къ нему Самборовичу для призыву его въ духовное правленіе ради выслушанія оного указа посланъ былъ, точію онъ не явился. Да и оба оны іереи Теодоръ и Алексій по многимъ указнымъ и другимъ дѣламъ духовному правленію ослушны являются, чрезъ что духовному правленію чинится затруднѣніе, а въ дѣлахъ остановка¹⁾. Въ другой разъ, именно 4 февраля 1775 года, кievоподольское духовное правленіе жаловалось митрополиту, что „находящіеся при Кіевогреческомъ Екатерининскомъ монастырѣ священники Теодоръ Кропивницкій и Алексій Самборовичъ по всякимъ касающимся къ нимъ дѣламъ, между тѣмъ и по указнымъ, духовному кievоподольскому правленію бывають ослушны и за посылкою къ нимъ нарочныхъ и письменныхъ ордеровъ въ духовное правленіе не являются“, при чемъ указано было пять случаевъ ихъ ослушанія. „Указомъ же Ея Императорскаго Величества 1771 года октября 17 д., изъ духовной кievской консисторіи состоявшимся, велѣно: находящимся подъ вѣдомствомъ монастырей и при монастыряхъ свя-

¹⁾ Тамъ же, „По описи № 118, 1774 года ноября 19 дил. Дѣло о запрещеніи греческимъ священникамъ ходить по мірскимъ домамъ съ водою и грохотомъ“. Къ этому кievоподольское духовное правленіе присовокуило слѣдующее: „А что и монашествующіе другихъ кievо-подольскихъ монастырей и подворьевъ, Переяславскаго и Межигорскаго, входятъ въ разныя приходы и разныя обряды въ свѣтскихъ домахъ въ обиду приходскихъ священниковъ и причта отъправляютъ, о томъ особымъ вашему Преосвященству доношеніемъ отъ духовнаго кievо-подольскаго правленія имѣетъ быть представлено“.

щенникамъ быть въ вѣдомствѣ духовныхъ правленій“. Единовременно съ тѣмъ, того же 4 февраля 1775 года жаловались и кіевоподольскіе Добромикольскіе священники Гавріиль Ширина и Моисей Клявинскій, что „находящіесь до при кіевогреческомъ монастырѣ наемные къ священнослуженію священники Θεодоръ и Алексій съ монашествующимъ того монастыря и церковнослужителями не точію де о праздникахъ Рождества, Воскресенія и Богоявленія Господня съ крестомъ и кропиломъ въ приходѣ ихъ іереевъ Ширини и Клявинскаго Добромиколаевскомъ хожденіе имѣють, но таково безстудія обычай себѣ учредили, что ежемѣсячно (чего де и приходскіе священники нигдѣ не дѣлають) съ водою въ ихъ іереевъ приходѣ Добромиколаевскомъ бродятъ, и тѣмъ де таково нагрубленіе и негодованіе народу принесли, что де и имъ іереямъ Ширини и Клявинскому одни укоризни и нарѣканіе, а не почтеніе, чрезъ нихъ іереевъ Θεодора и Алексія от народа является; ибо де за то укоряють священство гла зодрателями. Сего же де февраля 1-го числа какъ оны греческаго монастыря священники в приходѣ Добромиколаевскомъ съ кропиломъ усмотрѣны, и при нарочномъ въ духовное правленіе имѣли быть отправлены, то де оны іереи Θεодоръ и Алексій сказую, что де оны не духовному правленію, но своему игумену подсудственны, и оставя котелчикъ съ водою, разошлись восвояси, которой котелчикъ оны іереи Гавріиль Ширина и Моисей Клявинскій въ духовное правленіе представляя, тѣмъ доношеніемъ просили разсмотренія и опредѣленія“. На доношеніи о семъ кіевоподольскаго духовнаго правленія резолюція митрополита Гавріила Кременецкаго отъ 3 марта 1775 года послѣдовала такая: „запретить ханженство безчинное“ ¹⁾.

Собирая млеко и волну отъ своихъ греческихъ овецъ кіевоподольскій греческій монастырь съ своей стороны не да-

¹⁾ Тамъ же.

валъ имъ отъ себя почти никакой духовной нищѣ. Та греческая школа, которую кіевскіе греки въ прошеніи своемъ отъ 20 апрѣля 1738 года обѣщали завести при своей Екатерининской церкви и содержать въ ней учителя на своемъ коштѣ ¹⁾, не была заведена. Единственный, исключительный случай служенія кіевогреческаго Екатерининскаго монастыря духовнымъ нуждамъ своихъ единоплеменниковъ былъ въ 1755 году, когда кіевскій вице-губернаторъ, генераль-маіоръ Иванъ Ивановичъ Костеринъ препроводилъ къ кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому насильно отуреченнаго критянина грека Николу, который поступилъ гусаромъ въ набираемые здѣсь легкіе гусарскіе полки и пожелалъ возсоединиться съ православною церковію. Для наставленія въ истинахъ православной вѣры и для присоединенія къ православію, грекъ Никола отправленъ былъ митрополитомъ Щербацкимъ къ игумену кіево-греческаго монастыря іеромонаху Іоакиму, который 22 августа того же года и присоединилъ помянутаго грека къ православной церкви ²⁾.

Въ царствованіе Екатерины II матеріальное положеніе кіевогреческаго монастыря значительно улучшается, благодаря особенному вниманію этой императрицы къ грекамъ и знаменитому въ ся время „греческому проекту“. „По Высочайше конфирмованному для малороссійскихъ монастырей штатамъ“ 1764 года, кіево-греческій Екатерининскій монастырь причисленъ ко второму классу, и „положено штатныхъ служителей 16 человекъ, съ платежемъ имъ изъ казны въ жалованье за хлѣбъ, оброчныхъ и подушныхъ денегъ“; „да прибавочныхъ имъ же, по силѣ вмяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, состоявшагося 1768 года генваря въ

¹⁾ Тамъ же, „По описи № 42, 1737 года генваря 18 дня. Дѣло по допущенію Астасатія Николаева гречина о дозволеніи на его грунтъ Кіево-подольскѣ собственнымъ иждивеніемъ Екатерино-греческую церковь выстроить“.

²⁾ Тамъ же, „Повѣя Кіевскаго 1755 году № 340“.

7-й день, на каждого служителя за четверть мукі по одному рублю“¹⁾. Въ 1786 году преобразованы малорусскіе духовныя штаты, и для кіевогреческаго монастыря, по именному Высочайшему указу 10 апрѣля того же года, учреждена архимандрія втораго класса²⁾. Въ Кіевѣ упразднено пять русскихъ монастырей, какъ-то: Межигорскій, Кирилловскій, Трехсвятительскій, Богословскій и Петропавловскій. Тогда же положено было завести въ зданіяхъ этого послѣдняго монастыря низшее народное училище, о чемъ много заботилась Екатерина II и Бецкій; по зданіи Петропавловскаго монастыря вскорѣ получили другое назначеніе³⁾. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 15 марта 1787 года повелѣно: „греческій Кіевоподольскій монастырь перевести въ бывшій Кіевоподольскій Петропавловскій монастырь, какъ скоро изъ оного заштатныя монашествующіе выбудутъ, оставя тому же монастырю въ подворье и нынѣшній имъ занимаемый съ церковью; въ прочемъ сему греческому монастырю быть на такомъ основаніи, какъ Московскій греческій Николаевскій монастырь состоитъ; слѣдственно отчета въ деньгахъ отъ него не требовать, и остатки оныхъ отъ годоваго содержанія оставить въ пользу его на милостинное подаваніе православнымъ монастырямъ въ варварскихъ мѣстахъ, отъ коихъ сей находится такъ сказать отдѣленнымъ“⁴⁾. Но теперь Петропавловскій монастырь передать

¹⁾ Тамъ же, „По описи под № 33, 1788 года 29 марта. Дѣло по сообщенію Кіевской Казенной Палаты съ увѣдомленіемъ о конфірмованныхъ въ греческому монастырю штатныхъ служителяхъ“.

²⁾ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году архимандрита Порфірія Успенскаго“, С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 153.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, т. I, Москва, 1868 г., стр. 597 и 600.

⁴⁾ Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи, „По описи под № 33, 1788 года 29 марта. Дѣло по сообщенію Кіевской Казенной Палаты съ увѣдомленіемъ о оконфрмованныхъ въ греческому монастырю штатныхъ служителяхъ“. Сп. „Описаніе Кіева“, Закревскаго, стр. 597 и 600.

былъ кіево-греческому Екатерининскому монастырю въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ какомъ онъ былъ въ 1733 году, когда его просили себѣ кіевскіе греки; потому что, послѣ того, 17 декабря 1743 года въ кіево-софійскомъ кафедральномъ монастырѣ состоялся приговоръ, утвержденный митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, которымъ „деревня Борщаговка (Петропавловская) опредѣлена отъ кафедральнаго Кіево-Софійскаго монастыря для препитанія Петропавловскаго монастыря братіи и отведена имъ земля съ межами“¹⁾, а въ 1744 году императрица Елисавета Петровна, во время пребыванія своего въ Кіевѣ, пожаловала на окончаніе церкви Петропавловскаго монастыря 2500 рублей²⁾.

Согласно штатамъ 1764 года, кіево-греческому монастырю приславо было кіевскою казенною палатою 16-ть штатныхъ служителей. „Но какъ изъ оныхъ штатныхъ служителей 6-ть человѣкъ... къ исправленію монастырскихъ работъ совсѣмъ неспособны, то“ въ 1788 году оной монастырь, возвращая ихъ въ вѣдомство сей палаты, просилъ, въ силу конфирмованнаго Ея Императорскимъ Величествомъ о монастырскихъ имѣніяхъ доклада, для найму волныхъ и способныхъ къ работамъ людей, отпуска тому греческому монастырю подлежащихъ по окладу штатныхъ служителей денегъ“. Палата готова была удовлетворить просьбу кіево-греческаго монастыря, но предварительно сочла нужнымъ спросить кіевскую духовную Дикастерію, согласна ли она на эту сдѣлку. Дикастерія отвѣтила согласіемъ³⁾.

Въ роковой пожаръ 1811 года церковь св. Екатерины уцѣлѣла, благодаря желѣзнымъ дверямъ и ставнямъ и осто-

1) Письмо кіево-софійскаго кафедральнаго намістника игумена Іосифа, отъ 8 августа 1766 года, къ игумену Петропавловскаго монастыря см. въ „Описаніи рукописей Церковно-археологич. музея при Кіев. дух. Академіи“, Н. Петрова, № 216, стр. 189.

2) „Описаніе Кіева“, Н. В. Захревскаго, Москва, 1868 г., т. I, стр. 596.

3) Архивъ Кіевской дух. Консисторіи, „По описи подъ № 33, 1788 года 29 марта. Дѣло по сообщенію Кіевской Казенной Палаты съ уведомленіемъ о конфирмованныхъ къ греческому монастырю штатныхъ служителяхъ“.

рожности духовныхъ лицъ, не позволившихъ принимать въ церковь вещей, спасаемыхъ изъ горѣвшихъ домовъ. Петропавловскій же монастырь въ 1811 году выгорѣлъ весь, какъ и все прочее тогда на Подолѣ¹⁾. Синаиты не могли возобновить Петропавловскаго монастыря; по сему мѣсто подъ нимъ отдѣльно было въ 5610 рублей ассигнаціями и передано въ вѣдѣніе духовно-училищнаго начальства, для устройства зданій Кіевской Духовной Семинаріи (1826 г.), а эта сумма изъ духовно-учебныхъ капиталовъ внесена была въ государственный заемный банкъ для храненія на имя Екатерининскаго греческаго монастыря въ Кіевѣ²⁾. Въ 1828 году греческій монастырь переведенъ обратно въ зданія при церкви св. Екатерины, а позади Петропавловской церкви воздвигнутъ былъ, около 1830 года, вмѣстительный каменный трехэтажный корпусъ, въ который въ 1832 году и переведена была Духовная Семинарія. Но дача въ Петропавловской Борщаговѣ съ прудомъ, мельницею и постоялымъ дворомъ осталась во владѣніи кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря.

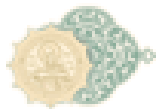
Въ 1857 году въ греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ построена небольшая каменная въ два этажа колокольня; въ то же время на тѣспомъ монастырскомъ дворѣ выстроены и одноэтажныя братскія келліи. Въ 1858 году, по желанію константинопольскаго патріарха, вмѣнено кіевскому греческому монастырю въ обязанность представлять счеты своихъ приходоу и расходоу на ревизію кіевской духовной консисторіи, чего до тѣхъ поръ не было³⁾.

Н. Петровъ.

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 года, т. I, стр. 597 и 600.

²⁾ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году архимандрита Порфирія Успенскаго“, С. Петербургъ, 1856 г., стр. 157.

³⁾ „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г. т. II, стр. 600 и 601.— Въ заключеніе замѣтимъ, что исторія кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря могла бы быть полнѣе и обстоятельнѣе, если бы доступенъ былъ для изслѣдованія архивъ сего монастыря.

К. Д. УШИНСКИЙ

И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).

21 декабря 1870 года въ Одессѣ скончался на 47 году жизни самоотверженный труженикъ словомъ и дѣломъ на пользу русскаго воспитанія, „отецъ русской педагогіи“, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Двадцать пять лѣтъ прошло со дня его безвременной кончины, и имя Ушинскаго, вмѣстѣ съ милліонами книжекъ его „Родного слова“, „Дѣтскаго міра“ и „Педагогической антропологіи“ облетѣло, можно сказать, всю Россію и стало именемъ народнымъ, потому что на этихъ книгахъ его воспитался цѣлый длинный рядъ школьныхъ поколѣній русскаго народа подъ руководствомъ народныхъ учителей ¹⁾.

Не долго судилъ Богъ Ушинскому идти своею настоящею дорогою, поработать надъ тѣмъ излюбленнымъ дѣломъ, кото-

¹⁾ О необыкновенномъ распространеніи книгъ Ушинскаго краснорѣчиво говорятъ слѣдующія цифры. „Родное слово—годъ первый“ вышло уже 104-мъ изданіемъ, „годъ второй“—81-мъ изданіемъ, „Дѣтскій міръ“ по особому распоряженію былъ изъятъ изъ школъ министерства народнаго просвѣщенія болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ и не смотря на это, первая часть вышла уже 30-мъ изданіемъ, а вторая—25-мъ. Наконецъ, даже тяжеловѣсная двухтомная „Антропологія“ напечатана 8-мъ изданіемъ. Среди всѣхъ учебныхъ руководствъ и пособій едва ли найдется другой примѣръ такого успѣха.

Труды Киев. дух. Академіи. Т. I, 1896.

рое вполне отвѣчало его призванію,—всего около 15 лѣтъ (1855—1870 г.); но работа эта преисполнена была той горячей, неутомимой энергіи, путь этотъ пройденъ былъ съ тѣмъ постояннымъ неуклоннымъ стремленіемъ къ одной высокой, завѣтной цѣли, при которыхъ только и могли получиться столь блестящіе результаты. Въ этотъ короткій срокъ было сдѣлано такъ много благотворнаго въ области нашего воспитанія, что, полагаясь, прямой долгъ нашъ—нынѣ, въ 25-ю годовщину со дня смерти Ушинскаго, вспомнить добрымъ словомъ этого, одного изъ не многихъ по талантамъ и успѣхамъ, истинно-русскаго педагога.

Воспроизведемъ, въ общихъ чертахъ, обстоятельства жизни Константина Дмитріевича и его педагогическія идеи.

I.

Замѣчательная личность Ушинскаго сложилась подъ вліяніемъ особенно-благопріятныхъ условій.

Первые годы дѣтства (род. въ 1824 г.), когда нѣжная душа ребенка вся отдается окружающимъ ее впечатлѣніямъ,—потому всегда такъ глубоко и прочно залегающимъ на этой мягкой, еще незатронутой почвѣ,—протекли для Ушинскаго, можно сказать, въ идеально-прекрасной обстановкѣ. Здѣсь было все, что нужно для перваго пробужденія и правильнаго раскрытія лучшихъ силъ человѣческой природы: и умный, образованный, вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и идеально-честный отецъ, и всегда ласковая, любящая, посвятившая всѣ свои силы воспитанію сына мать¹⁾, и матери-

¹⁾ Оба происходили изъ дворянъ старыхъ матороссійскихъ фамилій. Дмитрій Григорьевичъ Ушинскій получилъ по тому времени, прекрасное образованіе: окончилъ университетскій благородный пансіонъ въ Москвѣ. Служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Выйдя въ отставку и женившись, навсегда поселился въ своемъ хуторѣ, близъ Новгородъ-Сѣверска черниговской губерніи, гдѣ занималъ должность уѣзднаго судьи и пользовался общимъ уваженіемъ и

альный достатокъ, дававшій возможность семьѣ обставить свою жизнь удобствами, спокойнымъ, тихимъ довольствомъ, и хорошая, собранная самимъ Димитріемъ Григорьевичемъ, бібліотека, и, наконецъ, прекрасная природа. Въ этой большой, богатой, барской усадьбѣ, широко раскинувшейся со своими разнообразными постройками и прекраснымъ садомъ у городской черты Новгородъ - Сѣверска, на высокомъ живописномъ берегу Десны, все дѣтство Ушинскаго прошло какъ одинъ счастливый, чудный сонъ, оставившій въ его душѣ на всю жизнь самыя свѣтлыя воспоминанія. Ни одно мрачное облачко не затуманивало этихъ воспоминаній. Ничего не видѣлъ онъ здѣсь, кромѣ нѣжной любви, ласки, разумнаго наставленія и полныхъ жизнерадостнаго беззаботнаго веселья первыхъ дѣтскихъ игръ на лонѣ прекрасной природы. „Трудно выразить въ словахъ, писалъ Ушинскій уже въ 1860 году, то особенное свѣтлое нѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родимаго семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то душевныя связи съ той семьей, изъ которой мы вышли. Намъ какъ-то трудно представить себѣ, что эти связи уже разорваны навсегда, и это глубокое семейное чувство пробуждается у насъ по временамъ, не смотря на толпу воспоминаній, проникнутыхъ горечью и желчью“¹⁾.

Это дѣтское счастье продолжалось даже и тогда, когда въ семьѣ произошла важная перемѣна: умерла мать К. Д., и ея мѣсто заняла мачиха (урожденная Гербель). Можно думать,—на основаніи тѣхъ-же, всегда свѣтлыхъ, воспоминаній Ушинскаго о своей семьѣ,—что и это была женщина добрая, старавшаяся и умѣвшая смягчить для мальчика его тяжелую утрату и, насколько возможно, замѣнить ему родную мать.

1) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи.—Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго. СПб. 1875. Стр. 262.

Впрочемъ, пора дѣтства уже и прошла. Наступали отрочество и юность, а съ ними—вліянія школы, и насколько заботливо велось дѣло воспитанія Ушинскаго въ семьѣ, объ этомъ достаточно говоритъ уже самъ по себѣ одинъ фактъ поступленія его прямо въ третій классъ новгородъ-сѣверской гимназіи.

Опять и здѣсь, если не все, то очень многое складывается для мальчика благопріятнымъ образомъ. Что дала Ушинскому гимназія, выпустившая его безъ аттестата?

Она, прежде всего, не убила въ немъ ни одного изъ его богатыхъ природныхъ дарованій, не охладила его благородныхъ, идеальныхъ юношескихъ стремленій, не помѣшала свободному развитію тѣхъ здоровыхъ добрыхъ началъ, какія заложены были въ немъ семьею. Уже за одно это онъ могъ-бы остаться благодарнымъ ей, потому что, къ сожалѣнію, далеко не всякая школа даже нашего времени можетъ похвалиться и этою отрицательною добродѣтелью. Но изъ своей гимназіи Ушинскій вынесъ и то, чрезвычайно важное, положительное пріобрѣтеніе, которое онъ всегда такъ высоко цѣнилъ потомъ, уже выработавши свой взглядъ на учебно-воспитательное дѣло школы.

Директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи въ то время былъ не безызвѣстный Ілья Ѳедоровичъ Тимковскій,—старикъ, бывшій профессоръ, педагогъ по призванію, человекъ искреннихъ и глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный юношескаго идеализма и самой горячей, доходившей до благоговѣнія вѣры въ науку. Свѣтлая, идеальная личность это—о начальника, съ его постоянными искренними увлеченіями о Библіей, то классиками, должна была обязательно дѣйствовать на всю школу—и на учителей, и на учениковъ. Ему-то, главнымъ образомъ, новгородъ - сѣверская гимназія и обязана тѣмъ, что при своихъ, повидимому крайне скудныхъ, воспитательныхъ и учебныхъ средствахъ,—не имѣя интерната и предоставляя 400 своихъ учениковъ во все вѣкълассное время самимъ себѣ, безъ хорошихъ учебныхъ руководствъ и пособій, совершенно не вѣдая ни о какихъ тонкостяхъ дидактики,—она, тѣмъ не

меньше, достигала одной, заветной для всякой школы, цѣли: ея питомцы въ стѣнахъ своей гимназіи научались главному—уважать науку, любить знаніе, стремиться къ самообразованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благоговѣть предъ вопросами религіи—и съ такимъ направленіемъ шли въ университетъ и въ жизнь. Не разъ послѣ, будучи уже опытнымъ педагогомъ, очень много наблюдавшимъ и много изучившимъ, добрымъ словомъ вспоминалъ за это свою гимназію съ ея старымъ директоромъ и Ушинскій.

„Случалось мнѣ видѣть, говорить онъ въ одной изъ неизданныхъ рукописей, и такія заведенія, гдѣ, не смотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастливости для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто и рассчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы... Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и дажо вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ, какъ предметахъ необходимыхъ въ неизбежной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ практической жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... о! тогда я оцѣнялъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Ѳеодоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: *университетъ!*“¹⁾... „Миръ праху твоему, почтенный старецъ!

¹⁾ К. Д. Ушинскій. Его жизнь и педагогическая дѣятельность. Біографическій очеркъ М. Л. Песковскаго. СПб. 1892. Стр. 14.

вспоминаетъ Ушинскій, въ одномъ изъ писемъ своихъ, о Тимковскомъ. Твоимъ неліцемернымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе вышнюю святиню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да помогутъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ¹⁾.

Дѣйствительно, подъ вліяніемъ общаго настроенія гимназіи, Ушинскій горячо любилъ науку и со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры предался чтенію и изученію болѣе интересовавшихъ его предметовъ. Въ 14 лѣтъ, напр., благодаря своей настойчивости, онъ безъ посторонней помощи настолько хорошо овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, что читалъ Шиллера. Правда, пользуясь полною свободою и въ семьѣ, и въ школѣ, онъ далеко не аккуратно занимался гимназическими уроками: увлекался нѣкоторыми предметами (между прочимъ, исторіей), онъ едва слѣдилъ за другими. Не удивительно поэтому, что и блестящія способности не спасли его на выпускномъ экзаменѣ, который прошелъ неудачно и не далъ ему аттестата. Но таже свобода принесла ему и великую пользу. Именно благодаря ей, онъ близко узналъ своихъ товарищей, тѣсно сошелся съ ихъ кружкомъ и любилъ его; благодаря ей-же, онъ еще болѣе любилъ и природу.

Совершая свои ежедневныя восьмиверстные путешествія въ гимназію и обратно, съ одного конца города въ другой, Ушинскій любилъ по пути заходить къ товарищамъ, большею частію гораздо старше его возрастомъ, дѣтямъ бѣдныхъ родителей, жившихъ кое-какъ, въ тѣсныхъ квартиркахъ, въ скудной обстановкѣ, — и здѣсь-то открывалась для него другая, не менѣе важная, школа. Въ ней узнавалъ онъ жизнь бѣдныхъ классовъ, находилъ въ этой жизни не однѣ дурныя стороны и учился уважать и любить человѣка, независимо отъ его

¹⁾ Тамъ же.

вишняго положенія. Въ толпѣ этихъ товарищей нерѣдко приходилось ему предпринимать и отдаленныя прогулки по живописнымъ окрестностямъ городка съ его причудливыми оврагами; участвовалъ онъ и въ ихъ общихъ чтеніяхъ и въ горячихъ юношескихъ бесѣдахъ. Все это должно было благотворно дѣйствовать на Ушинскаго, воспитывая въ немъ идеальный, свѣтлый, съ поэтической окраской, взглядъ на людей и природу. Эти равнія юношескія впечатлѣнія были такъ сильны, что слѣдовъ ихъ не стерли всѣ невзгоды, какими богата была жизнь Ушинскаго. „А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колышущіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не были нашими воспитателями? писалъ онъ впоследствии, много лѣтъ спустя. Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей,... стобѣтъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменные стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ... вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже бозъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то оффиціальныя гуль, въ которомъ исчезаетъ всякая личность... повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка—все это имѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской“¹⁾...

Но свобода, въ которой воспитывался Ушинскій, не повредила и научному образованію его; скорѣе и здѣсь она принесла даже пользу. Гимназія сдѣлала для него главное дѣло—расположила къ ученію, указавъ пути и средства къ нему, свобода-же толкнула его къ самостоятельной работѣ, въ до-

¹⁾ Тамъ же, стр. 15.

полненіе къ гимназическимъ урокамъ, по излюбленнымъ, болѣе отвѣчавшимъ природнымъ склонностямъ, предметамъ. Въ результатѣ должны были получиться—прекрасное знаніе этихъ предметовъ и, главное, умѣнье самостоятельно работать, навыкъ къ умственному труду, упорная настойчивость въ преодолѣніи трудностей науки, вѣра въ свои силы, а это, при блестящихъ способностяхъ Ушинскаго, давало ему возможность, при желаніи и нуждѣ, наверстать пропущенные уроки гимназій. Такъ и случилось. Послѣ неудачнаго выпускнаго экзамена въ гимназій сразу всколыхнулись и напряглись всѣ силы ума Ушинскаго, закипѣла работа, и въ 1840 г., вмѣстѣ съ тѣми-же товарищами по гимназій, удачно сдавъ экзаменъ, поступилъ онъ на юридическій факультетъ московскаго университета.

Началась новая фаза въ жизни Ушинскаго и опять—столь-же свѣтлая, такъ же благотворная для него, какъ и предшествовавшая, но еще болѣе рѣшительная по своему серьезному вліянію на проснувшіяся и уже сознательно, разумно работавшія молодая, крѣпкія силы его ума.

То былъ едва-ли не лучший періодъ въ исторіи московскаго университета. Горячимъ ключемъ било увлеченіе наукою въ лекціяхъ и во всѣхъ работахъ его профессоровъ, большею частію людей молодыхъ, воспитавшихся въ профессорскомъ институтѣ и закончившихъ свое образованіе серьезными занятіями за границею. Но въ числѣ ихъ особенно увлекали студентовъ Т. Н. Грановскій—своими блестящими лекціями по исторіи и П. Г. Рѣдкинъ, читавшій, кромѣ своихъ предметовъ—энциклопедіи, законовѣднія и государственнаго права, еще исторію философіи. Особой кафедры философскихъ наукъ университетъ не имѣлъ (психологія и логика присоединены были къ кафедрѣ богословія), и потому лекціи Рѣдкина, при серьезномъ, философскомъ складѣ его ума, при его громадной эрудиціи и, главное, при его необыкновенной, страстной любви къ наукѣ, привлекали массы слушателей. Сюда сходились студенты всѣхъ

факультетовъ, и большинство изъ нихъ, всѣ сколько нибудь развитые и подготовленные, пылливо искавшиѣ отвѣта на вопросы, зарождавшіеся въ юной головѣ, многое выносили изъ аудиторіи любимаго профессора, раскрывавшаго предъ ними широкіе горизонты, указывавшаго обширное поле для работы ихъ мысли¹⁾.

Нужно ли говорить, съ какимъ увлеченіемъ отдался университету Ушинскій, съ какимъ восторгомъ, при своей, пробудившейся еще въ гимназій, любви къ исторіи, слушалъ онъ Грановскаго, сколько сосредоточеннаго вниманія посвятилъ онъ Рѣдкину, Чивилеву, Крылову и другимъ лучшимъ профессорамъ университета? Здѣсь то и сказались исполнѣ и его природныя дарованія и хорошая подготовка. Лекціи высшаго учебнаго заведенія требуютъ отъ слушателей достаточной умственной зрѣлости,—не въ смыслѣ только извѣстнаго научнаго кругозора, извѣстной суммы знаній по каждому изъ университетскихъ предметовъ, но и въ смыслѣ умѣнья владѣть своими умственными силами, справляться съ довольно таки трудными на первыхъ порахъ задачами *самостоятельнаго* усвоенія и переработки преподаваемаго съ кафедръ. И

¹⁾ „Въ его чтеніяхъ,—говорить о П. Г. Рѣдкинѣ Рехневскій, товарищъ Ушинскаго по университету,—было именно то, что могло увлечь молодыхъ людей,—быть юношескій жаръ и глубокое убѣжденіе. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ, потому что самъ искренно, можно сказать, страстно любилъ науку, хотя эта любовь вовсе не была у него любовью науки для науки; это была любовь науки для человечества, ибо П. Г. искренно вѣрилъ и заставлялъ насъ вѣрить, что наука и цивилизація могутъ и должны побороть всякое зло на землѣ, что онѣ водворятъ свободу и миръ и осчастливятъ людей! Въ сороковыхъ годахъ такіе идеалистическіе взгляды были еще возможны. Чтенія П. Г., всегда увлекательныя, переходили иногда въ восторженные импровизаціи, которыя производили на слушателей потрясающее дѣйствіе“... См. Вѣстникъ Европы 1871 г. кн. 2. стр. 884—885.

вотъ Ушинскій, повидимому, слишкомъ поверхностно прошедшій курсъ гимназіи, здѣсь сразу становится однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Ему легко даются всѣ лекціи. Усердно посѣщая и серьезно выслушивая ихъ, онъ часто является истолкователемъ болѣе трудныхъ мѣстъ въ нихъ своимъ менѣе развитымъ товарищамъ¹⁾.

Результатомъ такого добросовѣстнаго четырехлѣтняго студенческаго труда было основательное знакомство съ предметами юридическаго факультета, но особенно съ философіей

¹⁾ Интересными чертами отмѣчаетъ это тотъ же Ю. Рехневскій, коротко знавшій Ушинскаго, не только какъ товарищъ, но и какъ близкій другъ его. „Уже во время пріемныхъ экзаменовъ и первыхъ лекцій въ университетѣ, говоритъ онъ, мы всѣ обратили вниманіе на Ушинскаго, тогда весьма молодого человѣка, почти мальчика, съ черными выразительными глазами, съ умнымъ и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ, котораго живая и бойкая рѣчь, съ чуть замѣтнымъ мажоросійскимъ акцентомъ, оригинальныя сужденія по поводу университетскихъ лекцій, тогдашнихъ литературныхъ и театральныхъ явленій и всего того, что интересовало нашъ университетскій міръ, невольно возбуждали общее сочувствіе“... „Ушинскій уже въ то время поражалъ всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями... Онъ съ необыкновенною легкостью и быстротою усваивалъ самыя трудныя философскія и юридическія теоріи, относясь къ нимъ всегда критически. Нерѣдко случалось, что послѣ лекціи, въ которой намъ передавалась какая нибудь слишкомъ мудреная теорія,... слушатели, плохо понимая суть дѣла, обращались къ Ушинскому съ просьбою изложить имъ всю эту мудрость посвоему, и онъ всегда успѣвалъ растолковать имъ сущность лекціи совершенно вѣрно и удобопонятно. Память у него была до такой степени объемиста, что онъ вполнѣ зналъ даже ту часть статистики, въ которой профессоръ Чивилевъ знакомилъ насъ съ профилями центральной Европы, съ помощью исчисленія всѣхъ горныхъ вершинъ и проходовъ, съ показаніемъ вышины ихъ надъ уровнемъ моря. До такого совершенства никто изъ насъ, товарищей Ушинскаго, никогда не доходилъ...“ Тамъ же, стр. 884—886.

и исторіей. Между тѣмъ, рядомъ съ этимъ расширеніемъ круга познаній, крѣпла и сила мысли, складывалось и углублялось міровоззрѣніе, закрѣплялась воля, развивался и эстетическій вкусъ—подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ различныхъ другихъ условій жизни Ушинскаго за это время пребыванія его въ университетѣ.

Первое мѣсто между ними, по сильному вліянію на него, безспорно, занималъ тотъ тѣсно сплоченный товарищескій кружокъ, та молодая, бодрая и энергичная студенческая семья, члены которой всѣ одинаково безкорыстно увлекались идеалами науки и всего прекраснаго. Ушинскій, со своимъ прямымъ, открытымъ характеромъ, развитымъ и бойкимъ умомъ, острымъ, мѣткимъ словомъ и въ то же время теплымъ отзывчивымъ сердцемъ, былъ всегда душою своего студенческаго кружка. Еще гимназія развила въ немъ качества хорошаго товарища. Но тамъ онъ былъ все-же богатый, выхоленный барчукъ, завоевывавшій довѣріе и симпатіи къ себѣ у своихъ обдѣлываемыхъ товарищей не сразу, здѣсь-же онъ жилъ въ условіяхъ, совершенно одинаковыхъ для большинства студентовъ. Изъ дому отъ обдѣлывавшихъ родителей получались средства неаккуратно и скудно, поэтому ему такъ-же, какъ и многимъ другимъ, приходилось бороться съ нуждою и бѣгать по урокамъ. Но силъ было много, нужда только еще болѣе подогрѣвала энергію и развивала настойчивую волю, а юность попрежнему все облекала въ идеально-розовые тоны. Последнему не мало способствовало и чтеніе изящной литературы, въ которой особенною любовью Ушинскаго пользовались изъ русскихъ авторовъ—Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ, а изъ иностранныхъ—Гете, Гофманъ и Жанъ-Поль Рихтеръ, и частое посѣщеніе театра. Талантливая, глубоко-правдивая игра Мочалова и Щенкина увлекала въ то время всю Москву; увлекся ею и Ушинскій и до такой степени, что написалъ даже для бенефиса своего кумира Мочалова шести-актную трагедію, которая, впрочемъ, была закритикована артистомъ и потомъ скоро уничтожена авторомъ.

Въ 1844 г. окончилась для Ушинскаго эта блаженная университетская жизнь. Блестяще сдавъ экзаменъ, онъ вышелъ вторымъ кандидатомъ правъ.

Въ такихъ условіяхъ, среди такихъ разнообразныхъ, но одинаково счастливыхъ, благотворныхъ вліяній выросъ и развився Ушинскій—прямой, честный, самостоятельный, съ глубокимъ философскимъ умомъ, но безъ всякой схоластической темноты и тяжеловѣсности, напротивъ—съ богатою фантазіею и довольно яркою поэтическою струею, въ тоже время съ сильною, настойчивою волею и прежде всего—съ самыми идеальными, возвышенными взглядами на науку, съ жаждою работать и работать. Много можно было ожидать отъ такихъ силъ, такъ счастливо развившихся и получившихъ такое доброе направленіе. Но за порогомъ школы К. Д. ждала жизнь, а успѣхъ въ жизни, къ сожалѣнію, далеко не всегда отвѣчаетъ нравственной цѣнности и талантамъ человѣка: со своею упорною косностию, со своими постоянными низменными расчетами, она не особенно жалуется именно людей слишкомъ идеальныхъ и прямыхъ. Напередъ можно сказать, что и Ушинскому, при его прямотѣ и искренности, не пройти жизненного поля спокойно, ровно, безъ борьбы и страданій.

Черезъ два года по окончаніи университета, т. е. будучи всего 22 лѣтъ, Ушинскій, по приглашенію попечителя московскаго учебнаго округа С. Г. Строганова, занялъ профессорскую кафедру въ ярославскомъ Демидовскомъ лицей по предметамъ—энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и науки о финансахъ. Дѣло вполне отвѣчало его симпатіямъ и силамъ, поэтому онъ скоро оказался на высотѣ своего положенія, и какъ знатокъ своихъ предметовъ, и какъ прекрасный лекторъ. То и другое ясно сказалось особенно послѣ рѣчи „О камеральномъ образованіи“, произнесенной имъ 18 сент. 1848 г. на торжественномъ актѣ лицея и

сразу выдвинувшей вперед молодого профессора, съ его самостоятельными взглядами и отрадными, чисто-русскими тенденціями. Все, повидимому, сулило Ушинскому солидную, плодотворную дѣятельность, но вдругъ, 1850-й годъ принесъ липекъ строгія нововведенія касательно преподаванія. Отъ профессоровъ требовали самаго подробнаго отчета въ ихъ чтеніяхъ: подробнѣйшихъ конспектовъ не только всего курса, но и каждой отдѣльной лекціи, съ указаніемъ источниковъ, пособій и выдержекъ изъ нихъ, съ распредѣленіемъ лекцій по днямъ и часамъ недѣли. Ушинскій, слишкомъ высоко цѣнившій свободу и самостоятельность въ ученой работѣ, не выдержалъ. Находя такія формальности не только стѣснительными для преподавателей, но и крайне вредными для самого дѣла, онъ послѣ горячей оппозиціи долженъ былъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, оставить лицей.

Такъ четырехлѣтняя, чуть наладившаяся, многообщавшая ученая дѣятельность совершенно неожиданно и, конечно, не безъ душевныхъ терзаній для Ушинскаго, и закончилась. Жизнь уже давала себя чувствовать.

Далѣе слѣдуетъ пятилѣтній періодъ чиновнической службы и напряженной журнальной работы.

На первую пошелъ бывшій профессоръ съ болью сердца, лишь послѣ того, какъ всѣ старанія его пайти какое-нибудь дѣло педагогическаго характера, по своимъ симпатіямъ, не привели ни къ чему. И по натурѣ своей, и по своимъ возрѣніямъ, Ушинскій совершенно не способенъ былъ къ этой службѣ: онъ менѣе всего былъ чиновникъ. Идти и подниматься по служебной чиновнической лѣсницѣ, какъ то легко дается большинству людей самыхъ посредственныхъ, для него было бы дѣломъ слишкомъ труднымъ, чтобы не сказать даже—прямо невозможнымъ. Мало того. Своимъ бойкимъ, острымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неосторожнымъ словомъ онъ скоро здѣсь даже сильно повредилъ себѣ...

Къ счастью, чиновничья служба въ министерствѣ вну-

треннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій, куда поступилъ Ушинскій, оставляла ему много свободнаго времени, которымъ онъ и пользовался для прежнихъ любимыхъ занятій своихъ—философіею, подробнѣйшимъ изученіемъ землевѣдѣнія Карла Риттера, съ которымъ ознакомился въ лицѣ, и англійскимъ языкомъ. Но такъ продолжалось не долго. Скоро нужда, особенно дававшая себя чувствовать послѣ женитьбы, заставила его искать новыхъ средствъ, въ добавленіе къ скудному жалованью.

Естественнѣе всего было развитому и способному человеку попробовать свои силы въ журнальной работѣ; къ ней Ушинскій и обратился. Все время внѣ службы сталъ онъ посвящать журнальнымъ статьямъ, которыя печатались сначала (съ 1852 г.) въ „Современникѣ“, а потомъ (съ 1854 г.) и въ „Библіотекѣ для чтенія“. Въ статьяхъ этихъ, самаго разнообразнаго характера—компилятивнаго, критическаго, переводнаго, беллетристическаго¹⁾, скоро обнаружился значительный писательскій талантъ Ушинскаго, мастерски владѣвшаго перомъ. Молодого автора скоро замѣтили и похвалили. Но трудъ, за который взялся Ушинскій, былъ не по силамъ ему, къ тому же и плохо вознаграждался. Работа всегда была срочная, спѣшная, поэтому зачастую требовала крайняго напряженія всѣхъ силъ, огнивая часы ночного отдыха и въ общемъ

¹⁾ Напр., въ „Современникѣ“ были напечатаны слѣдующія статьи Ушинскаго: „Поѣздка на Волховъ“ (1852 г. № 9), рассказъ, вызвавшій лестный отзывъ И. С. Тургенева; „Исторія одной французской эскадры, извлеченіе изъ книги принца Жуанвилскаго“ (1853 г. № 3); „Литературный характеръ, или исторія гениа, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній Дизраэли“ (1853 г. №№ 5—8), критическая статья; „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай Хой. Труды уральской экспедиціи“—7 статей, написанныхъ подъ вліяніемъ идей Риттера (1853 г. №№ 8—11); такого же характера критическая статья „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій“ (1854 г. № 6); „Свѣдѣнія о современномъ состояніи Турціи“ (1854 г. №№ 6—8) и др.

разрушительно дѣйствуя на здоровье. Чувствуя это, К. Д. сталъ подумывать о болѣе спокойномъ и лучше обезпечивающемъ трудѣ и—счастіе ему улыбнулось. Благодаря рекомендаціи директора гатчинскаго сиротскаго института, П. В. Голохвастова, бывшаго начальника Ушинскаго по лицу и знавшаго его съ самой лучшей стороны, онъ въ 1855 г. получилъ мѣсто въ институтѣ—сначала преподавателя словесности и законовѣдѣнія, а потомъ скоро и инспектора классовъ.

Такъ попалъ, наконецъ, Ушинскій на свою настоящую педагогическую дорогу, съ которой не сходилъ уже до смерти, не смотря на многія превратности своей судьбы, съ горячимъ увлеченіемъ и несокрушимою настойчивостью трудясь на нашей, мало затронутой еще, педагогической нивѣ, то какъ практическій руководитель учебныхъ заведеній, то какъ педагогъ-теоретикъ, острымъ и увлекательнымъ перомъ своимъ прорѣзывавшій дорогу своимъ здравымъ реформаторскимъ идеямъ.

Въ гатчинскомъ институтѣ пробылъ Ушинскій четыре года. Уже здѣсь открылось предъ нимъ обширное педагогическое дѣло. Институтъ представлялъ собою цѣлую систему школъ, отъ самыхъ элементарныхъ, съ обученіемъ грамотѣ, до высшихъ классовъ, въ программу которыхъ входилъ и курсъ законовѣдѣнія. Было надъ чѣмъ трудиться, и Ушинскій, матеріально обезпеченный, весь отдается своимъ новымъ обязанностямъ, а для того, чтобы поставить дѣло на разумныхъ, строго педагогическихъ началахъ, онъ считаетъ необходимымъ для себя основательное знакомство съ сочиненіями лучшихъ педагоговъ. Последнія къ тому-же оказываются подъ руками—въ двухъ запыленныхъ, почерпѣвшихъ, запертыхъ шкафахъ стоявшихъ нетронутыми подъ своею казенною печатью, какъ страшный призракъ ихъ несчастнаго хозяина, Е. О. Гуделя, страстнаго педагога, бывшаго лѣтъ за 20 до Ушинскаго инспекторомъ института, навлекшаго на себя гоненія и окончившаго жизнь въ домѣ умалишенныхъ, въ бреду о дѣ-

тяхъ и педагогическихъ теоріяхъ. Теперь Ушинскому выпало на долю воспользоваться прекрасною философскою и педагогическою бібліотекою Гугеля и осуществить то, что не по силамъ было бѣдному энтузіасту ¹⁾.

Высокія идеи Коменскаго, Песталотци и другихъ великихъ педагоговъ глубоко западаютъ въ его душу, проливая

¹⁾ Самъ Ушинскій такъ рассказываетъ объ этомъ, чрезвычайно знаменательномъ, обстоятельстве. «У насъ педагогическія сочиненія вообще встрѣчаются рѣдко; но всего рѣже въ бібліотекахъ учебныхъ заведеній, на полкахъ которыхъ красуются номера старыхъ журналовъ. Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и рассматривая его бібліотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ учебномъ заведеніи никогда не учили медицины. Ихъ пожертвовалъ какой то купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству. . Наконецъ, смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу открыть и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этими двумя шкафами я обязанъ въ жизни своей очень многимъ, и, Боже мой! отъ сколькихъ-бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ выступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту бібліотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько-же и заплатилъ онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства перемѣнились,—и бѣднакъ мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школою, педагогическими идеями. Не даромъ-же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ все одною и тою-же уже мертвою рукою, я думалъ: лучше было-бы, еслибъ онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи». — Педагогическая поѣздка по Швейцаріи. Собр. педаг. сочин. Ушинскаго, стр. 375—376.

новый свѣтъ на дѣло, расширяя и возвышая задачи послѣдняго. Всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ онъ, какъ много добра можно сдѣлать путемъ правильной постановки воспитанія и какъ мало еще сдѣлано его въ Россіи. Нельзя забывать при этомъ и того, какое время переживала тогда Россія, какимъ лихорадочнымъ восторгомъ забилась мысль всего сколько нибудь развитого русскаго общества полъ влияніемъ живого слова Н. И. Пирогова, такъ смѣло сказаннаго въ его „Вопросахъ жизни“ и сразу направившаго всеобщее вниманіе въ сторону нашего воспитанія. Такое общее настроеніе, безъ сомнѣнія, захватившее и Ушинскаго, только еще болѣе усилило его желаніе работать на педагогическомъ поприщѣ, посвятить ему всѣ силы. И онъ работаетъ¹⁾.

¹⁾ Было еще одно обстоятельство, повидимому маловажное, между тѣмъ давшее сильный толчокъ дѣятельности Ушинскаго, еще болѣе опредѣлившее направленіе ея. А. В. Старчевскій, редакторъ „Библиотеки для чтенія“, въ которой сотрудничалъ К. Д., заинтересовался одною педагогическою статьею въ англійскомъ журналѣ „Athenaeum“ и послалъ ее для перевода Ушинскому. Черезъ нѣсколько дней послѣдній прибѣгаетъ къ редактору въ необычайномъ волненіи. „Ахъ, Альбертъ Викентьевичъ, что вы со мной сдѣлали! восклицаетъ онъ. Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развивать, учить и воспитывать, я, по прочтеніи „Athenaeum'a“, не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я *рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ.*—*Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ. Русскіе педагогическіе дѣятели. М. 1887. стр. 44.*

Помимо практической дѣятельности по завѣдыванію всѣми сторонами сложнаго учебно-воспитательнаго дѣла института, онъ принимаетъ живое участіе въ одномъ изъ двухъ возникшихъ въ этомъ году педагогическихъ журналовъ: на страницахъ „Журнала для воспитанія“ за 1857 г. появляются три весьма цѣнные по своему содержанію статьи его — „О пользѣ педагогической литературы“, „О народности въ общественномъ воспитаніи“ и „Три элемента школы“¹⁾. Уже въ этихъ статьяхъ Ушинскаго ясно сказалась сильная, глубокая и самостоятельная мысль ихъ автора, какъ разъ въ отвѣтъ на вопросы, волновавшіе современное общество. Въ Ушинскомъ почуяли передового, смѣлаго и надежнаго бойца за новыя, разумныя начала воспитанія, собственная-же его практическая дѣятельность въ институтѣ, ознаменовавшаяся блестящими успѣхами заведенія во всѣхъ отношеніяхъ, говорила за его педагогическую опытность, ясно показывая, что у него слово не расходится съ дѣломъ. Обратила на него свое высокое вниманіе и Императрица Марія Александровна, горячо относившаяся къ вопросамъ воспитанія русской женщины, часто посѣщавшая гатчинскій институтъ и подолгу бесѣдовавшая съ его инспекторомъ. И вотъ, въ результатъ всего этого — предъ Ушинскимъ открывается еще болѣе обширное поприще для педагогической дѣятельности, весь громадный Смольный институтъ. Какъ только освободилось здѣсь мѣсто инспектора, Государыня сама указала министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову на Ушинскаго, какъ на человѣка вполне способнаго осуществить назрѣвавшія здѣсь реформы, и онъ былъ назначенъ (въ концѣ 1859 г.).

¹⁾ Последняя изъ этихъ статей подписана псевдонимомъ Виссаріона Жукова. Въ 1858 г. въ томъ же журналѣ Ушинскій напечаталъ еще двѣ статьи: „Школьная реформа въ Сѣверной Америкѣ“ (№ 1) и „Внутреннее устройство сѣверо-американскихъ школъ“ (№ 11).

Основанный Екатериною Великою въ 1764 г. при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и называвшійся на официальномъ языкѣ „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“, Смольный институтъ сначала, согласно уставу Бецкаго, состоялъ изъ четырехъ классовъ, по три года въ каждомъ. Принимались въ заведеніе дѣти шестилѣтняго возраста и, безвыѣздно просидѣвъ въ стѣнахъ его 12 лѣтъ (на что родители давали письменное обязательство при опредѣленіи ихъ), 18-ти лѣтъ выходили изъ „монастыря“ прямо въ жизнь. При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ четыре класса были замѣнены тремя (кофейный, голубой и бѣлый), и пріемъ производился не съ 6-ти, а съ 9—10 лѣтъ. Классы оставались трехлѣтними. При такой системѣ, на повторительный курсъ ученицы не оставлялись, потому-что это слишкомъ затянуло-бы время пребыванія ихъ въ институтѣ. Въмѣсто этого, для слабѣйшихъ, мало успѣвавшихъ ученицъ были заведены особыя параллельныя отдѣленія.

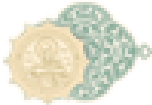
Въ 1765 г. при Смольномъ было открыто такъ называемое „Мѣщанское отдѣленіе“, съ тремя трехлѣтними-же классами для дѣтей низшихъ сословій. При той-же Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, внесшей не мало добрыхъ началъ въ жизнь Смольнаго, оно уже начало терять свой демократическій характеръ. Сюда стали принимать и дочерей военныхъ до чина подполковника. Время обученія сократилось до 6 лѣтъ (два класса вмѣсто трехъ). При Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ мѣщанскаго здѣсь уже ничего не осталось: принимались дѣти только военныхъ, чиновниковъ (отъ подполковника и коллежскаго совѣтника до штабъ-капитана и титулярнаго совѣтника), протоіереевъ, священниковъ, евангелическихъ пасторовъ и дворянъ, внесенныхъ въ третью часть дворянской книги. Отдѣленіе получило названіе „С.-Петербургскаго Александровскаго училища“ или „Александровской половины“ Смольнаго, само-же „Воспитательное общество“ стало назы-

ваться „Николаевскою половиною“. Однако, не смотря на такіа измѣненія, за бывшимъ „Мѣщанскимъ“ отдѣленіемъ все-же оставалась кличка неблагороднаго, и „Николаевки“ продолжали свысока смотрѣть на „Александровъ“, избѣгал всякаго общенія съ ними. Этому способствовало, помимо традицій и высшаго общественнаго положенія ихъ родителей, отчасти и неравенство учебныхъ курсовъ тѣхъ и другихъ.

Главными предметами обученія въ „Обществѣ“ время Екаторины были французскій языкъ, танцы и музыка, рукодѣліе и домоводство. Русскій языкъ былъ на второмъ планѣ: говорили по-французски, на французскомъ же языкѣ преподавались исторія и географія. Ариметикою занимались лишь настолько, чтобы научиться вести хозяйственные расчеты. Потомъ учебная часть была нѣсколько усилена, приглашались преподаватели съ университетскимъ образованіемъ, при Александровскомъ училищѣ (въ 1847 г. инспекторомъ Тимаевымъ) былъ открытъ спеціальнй классъ изъ 30 ученицъ для приготовленія домашнихъ учительницъ. Но въ общемъ характеръ и направленіе обученія оставались прежніе, а трехлѣтняя система классовъ добрую половину ученицъ заставляла лишь кое-какъ плестись вслѣдъ за болѣе способными и, наконецъ, оставлять институтъ съ самыми ничтожными свѣдѣніями. Уровень знаній въ Александровскомъ училищѣ былъ еще ниже, потому-что и времени было меньше, и учебная программа была здѣсь уже ¹⁾.

Въ такомъ видѣ громаднй, въ 700 воспитанницъ, совершенно закрытый интернатъ былъ предоставленъ педагогической опытности и ревности Ушинскаго. И онъ не обманулъ тѣхъ ожиданій и надеждъ, какія соединялись съ этимъ назначеніемъ его: за три года его инспекторства институтъ

¹⁾ См. интересную статью Д. Д. Семенова: „Изъ пережитого“. Русская Школа 1895 г. кн. 1—2.

совершенно переродился. На мѣстѣ Смольнаго монастыря, замѣнутаго для всего живого и свободнаго, явилось другое учебное заведеніе, съ новою учебною программю, построенною на разумныхъ педагогическихъ началахъ, съ новыми пріемами преподаванія, съ новымъ характеромъ воспитанія и т. д.

Черезъ три недѣли послѣ своего поступленія Ушинскій уже представилъ свой проэктъ кореннаго преобразованія института. Согласно съ мнѣніемъ Главнаго Совѣта, 27 февраля 1860 года проэктъ этотъ былъ утвержденъ Императрицею, въ видѣ опыта на полный семилѣтній курсъ, а съ 12 апрѣля институтъ уже началъ жить новою жизнью.

Три трехлѣтніе курса были замѣнены семью годичными, что имѣло важныя послѣдствія. Благодаря этому, вопервыхъ, на цѣлыхъ два года сокращалось пребываніе ученицъ въ институтѣ, внѣ столь желательнаго благотѣльнаго вліянія родной семьи, вовторыхъ, менѣе способныя и вообще почему-нибудь малоуспѣвающія воспитанницы при такой системѣ могли иногда, для пополненія своихъ знаній, и задержаться въ классѣ на второй годъ, не рискуя потерять слишкомъ много времени. Послѣднее само по себѣ дѣлало ненужною прежнюю антипедагогическую мѣру противъ малоуспѣшности—унизительныя параллельныя отдѣленія, которыя и были уничтожены.

Этотъ семилѣтній учебный курсъ сдѣлался достояніемъ обѣихъ половинъ, безъ всякаго отличія благородной отъ неблагородной, что, между прочимъ, должно было благотѣльно отразиться и въ жизни воспитанницъ, способствуя уничтоженію традиціонной розни между ними. Построенъ онъ былъ довольно широко и вмѣстѣ съ тѣмъ съ разумною постепенностію. Въ низшемъ, седьмомъ классѣ преподавались Законъ Божій, русскій и французскій языки и ариметика; къ нимъ въ слѣдующемъ классѣ прибавлялась географія, въ пятомъ—нѣмецкій языкъ, въ четвертомъ—исторія и естествовѣдѣніе, въ третьемъ—физика, въ двухъ послѣднихъ—русская и всеобщая литература.

Въ основу всего учебнаго курса былъ положенъ не французскій, а родной языкъ, какъ предметъ, наиболѣе близкій природѣ учащихся, а потому особенно благотворный по своему влиянію на общее развитіе ихъ ¹⁾. Послѣднее должно было достигаться не шаблоннымъ зубреніемъ правилъ грамматики, а живымъ, практическимъ ознакомленіемъ со всѣми свойствами родного слова. Для этой цѣли были введены въ двухъ низшихъ классахъ особые предметные уроки, въ среднихъ классахъ прежнія мертвыя реторика и логика были замѣнены живымъ разборомъ художественныхъ произведеній русской и иностранной литературъ, а въ послѣднемъ классѣ проходилъ довольно полный курсъ исторіи отечественной словесности, изъ котораго не исключались и произведенія Гоголя, прежде считавшіяся недостаточно опрятными для того, чтобы допустить ихъ въ стѣны благороднаго института. Русская и всеобщая исторія, физика, естествознаніе и географія получили важное значеніе и разумную постановку въ общей учебной программѣ, какъ предметы, по самому существу своему способные наиболѣе интересовать учащихся и въ то же время вносящіе богатый запасъ самыхъ полезныхъ знаній ²⁾. Особенно высоко ставилъ Ушинскій географію, придавая ей значеніе науки, ассоціирующей знанія, сообщаемыя исторіей и естественными науками, и мечтая даже о гармоническомъ соединеніи въ преподаваніи всѣхъ этихъ предметовъ, съ географіею въ центрѣ. Иначе посмот-

¹⁾ Всѣ предметы должны были преподаваться на русскомъ языкѣ, и количество уроковъ для него было значительно увеличено.

²⁾ Въ частности, физика и естествознаніе стали преподаваться не въ теоретическихъ урокахъ на французскомъ языкѣ, какъ прежде, а съ помощію всѣхъ тѣхъ наглядныхъ пособій, какими снабжаются физическіе кабинеты учебныхъ заведеній въ настоящее время. Таковыя, оказалось, давно уже были подарены институту Императрицею Марією Теодоровною и Императрицею Александрою Теодоровною, но оставались лежать въ шкафахъ безъ всякаго примѣненія.

рѣлъ онъ и на математику. Разумнымъ преподаваніемъ ея, при которомъ переходили бы къ отвлеченному только путемъ нагляднаго, къ теоріи только путемъ практики, онъ надѣялся измѣнить отношеніе ученицъ и къ этой сухой, скучной математикѣ, которую едва терпѣли въ институтѣ, и то лишь въ виду необходимости счисленія для хорошаго веденія хозяйства. Наконецъ, выходя изъ своего серьезнаго взгляда на воспитаніе, считая знакомство съ началами и методами его необходимымъ для каждой ученицы, какъ будущей матери и воспитательницы, Ушинскій полагаетъ основаніе особому педагогическому классу, съ двухлѣтнимъ курсомъ, посвященнымъ въ первый годъ—теоретическому изученію педагогики, а во второй—провѣркѣ изученнаго на практикѣ, въ спеціально для этой цѣли основанномъ элементарномъ классѣ.

Нельзя не удивиться тому, что всѣ эти великія преобразованія, программа которыхъ, въ общемъ, остается нетронутою и до нашихъ дней, были надуманы, детально разработаны и примѣнены, т. е. вполне вошли въ жизнь заведенія и успѣли принести свои прекрасные плоды всего въ какіе нибудь три года. Между тѣмъ, это дѣйствительно было такъ. Яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ служить та слава, какаѣ стала разноситься повсюду о новомъ Смольномъ институтѣ, тотъ интересъ, съ какимъ заговорили о немъ и который побуждалъ и родителей и педагоговъ предпринимать спеціальныя поѣздки въ Смольный съ цѣлью воочию убѣдиться въ справедливости распространявшихся о немъ толковъ. Гдѣ разгадка такого необычайнаго успѣха? Какъ ни удивительно, но ее нужно искать въ талантахъ *одного* чловека. По справедливому замѣчанію В. Острогорскаго, „всею только трехлѣтнее управленіе Ушинскимъ учебною частью Смольнаго института представляетъ въ исторіи нашего образованія разительный примѣръ того, какое огромное вліяніе можетъ оказать на весь ходъ образованія въ государствѣ

энергическая, талантливая личность, удачно выбранная и призванная къ дѣлу самимъ правительствомъ¹⁾.

Правда, Ушинскій работалъ здѣсь не одинъ: его окружала цѣлая плеяда талантливыхъ людей, послѣ составившихъ себѣ имя въ исторіи нашего просвѣщенія, чуткимъ сердцемъ сразу отгадывавшихъ всю благотворность идей К. Д. и стоявшихъ за нихъ горюю²⁾. Но въ томъ именно и великая заслуга Ушинскаго, какъ практическаго дѣятеля, что онъ умѣлъ найти, отгадать способныхъ людей, не стѣсняясь никакими формальностями, привлечь ихъ къ своему дѣлу и, заразивъ ихъ своею энергіею, своимъ увлеченіемъ, сплотить всѣхъ ихъ въ одну тѣсную, дружную педагогическую семью. Одинъ онъ могъ быть душою, живымъ центромъ этого славнаго, надолго оставившаго по себѣ память, кружка талантливыхъ педаго-

1) Русскіе педаг. дѣятели, стр. 46.

2) Такъ, русскій языкъ преподавалъ Д. Д. Семёновъ, ради института съ его необыкновеннымъ инспекторомъ оставившій первую гимназію и Маріинское женское училище. На русскую словесность были приглашены—оставленный при университетѣ О. Э. Миллеръ и извѣстный въ то время преподаватель первой гражданской гимназіи В. И. Водовозовъ. Русскую исторію преподавалъ М. И. Семевскій, промѣнявшій блестящій военный мундиръ на скромную долю педагога и литератора; всеобщую исторію—ученый грекъ, профессоръ Дестуансъ. На геометрію Ушинскій пригласилъ инженера барона Косинскаго, талантливое преподаваніе котораго онъ замѣтилъ въ Таврической бесплатной школѣ. Изъ Гатчины онъ перетянулъ къ себѣ дозго упировавшагося, хорошо извѣстнаго ему учителя физики, Я. П. Пугачевского; изъ Николаевского института—лучшихъ въ то время преподавателей географіи В. И. Лядова и А. И. Павловскаго, уже заявившихъ себя своею прекрасною книгой „Природа и люди“. Молодой священникъ Головинъ, только-что окончившій курсъ петербургскаго университета филологъ Л. Н. Модзалевскій, ботаникъ Н. И. Раевскій, молодой математикъ Буссе, яѣмецъ Массонъ, французъ Деменн—все это были талантливые преподаватели, искренно преданные Ушинскому и его идеямъ.—Русская Школа 1895 г. кн. 1 стр. 47.

говѣ; одинъ онъ такъ умѣлъ воодушевить каждого изъ нихъ, дать каждому подходящее дѣло, каждого ободрить собственнымъ примѣромъ. Наизмѣнно каждый четвергъ въ небольшомъ сѣромъ флигелькѣ Смольнаго собирались къ Ушинскому эти его сослуживцы, друзья и просто знакомые, всѣ, интересовавшіеся вопросами воспитанія. А таковыхъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ разгаръ институтской славы Ушинскаго, было не мало. И вотъ здѣсь-то, подъ гостепріимнымъ кровомъ инспекторской квартиры, находили разрѣшеніе всѣ новые, едва только возникавшіе у насъ, вопросы по учебно-воспитательному дѣлу. Всѣ говорили здѣсь не стѣняясь, каждый предлагалъ на общее обсужденіе свои взгляды и планы, увѣренный, что его выслушаютъ со вниманіемъ и что, разъ его идея, проэктъ, статья или цѣлая книга заслужили одобреніе здѣсь, онъ смѣло можетъ пускать ихъ въ ходъ. Самъ хозяинъ слишкомъ дорожилъ мнѣніемъ своего кружка и высоко цѣнилъ его. Такъ, здѣсь-же долго обсуждались всѣ подробности его „Дѣтскаго міра“, задуманнаго еще въ Гатчинѣ и послѣ почти трехлѣтняго кропотливаго труда, не безъ сомнѣній и колебаній со стороны слишкомъ строгаго автора, изданнаго имъ въ началѣ 1861 года. Онъ уступилъ въ этомъ случаѣ только настоятельнымъ убѣжденіямъ и просьбамъ своихъ друзей, сулившихъ книгѣ блестящій успѣхъ. И, какъ извѣстно, эти надежды сбылись: въ томъ-же году книга вышла уже третьимъ изданіемъ.

Литературно-педагогическая дѣятельность Ушинскаго за это время составленіемъ „Дѣтскаго міра“ не ограничивалась. Не смотря на массу самой разнообразной работы по институту—и какъ личнаго руководителя всѣхъ новыхъ мѣръ и пріемовъ, и какъ преподавателя педагогики и дидактики, плѣнявшаго увлекательностію своихъ уроковъ и ученицъ и многочисленныхъ гостей, являвшихся послушать знаменитаго педагога,—онъ находилъ время продолжать и свои журнальныя работы. Мало того: съ половины 1860 года на его ру-

вахъ лежало большое и отвѣтственное дѣло—редактированіе „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Именно на немъ остановился министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ, задумавшій сдѣлать свой журналъ органомъ для обсужденія и разработки всѣхъ реформъ, какъ разъ назрѣвавшихъ тогда въ области воспитанія. И выборъ министра оказался, какъ нельзя болѣе, удаченъ. Подъ энергичною рукою Ушинскаго, взявшагося за дѣло со свойственнымъ ему увлеченіемъ, сухой офіціальный органъ сразу ожилъ и совершенно преобразился. Къ его мнѣнію по различнымъ вопросамъ изъ области педагогическіи прислушивались во всѣхъ сферахъ, имъ руководились, его статьи стали интересовать всѣхъ. Между этими статьями особенною жизненностію и интересомъ отличались принадлежавшія перу самаго редактора: „Трудъ“, „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“, „Родное слово“, „Проектъ учительской семинаріи“ и др. Къ сожалѣнію, въ ноябрѣ 1861 года эта плодотворная редакторская дѣятельность Ушинскаго прекратилась. Новый министръ поставилъ для журнала другія задачи, учено-энциклопедическаго характера, выполнить которыя К. Д. не считалъ себя способнымъ.

Такъ высоко держалъ Ушинскій свое знамя. Смѣло шелъ онъ на борьбу съ педагогическою рутиной, во всѣхъ ея видахъ, руководимый одною высокою идеею—безкорыстнымъ желаніемъ свѣта, добра, здороваго процвѣтанія русской школы и въ частности—школы женской. Уже въ это время онъ пользовался рѣдкою популярностію: не въ одномъ Петербургѣ, а въ различныхъ концахъ Россіи уже знали имя Ушинскаго. Взоры всѣхъ, справедливо видѣвшихъ въ воспитаніи великую образовательную силу, способную поднять и во многихъ отношеніяхъ улучшить жизнь и благосостояніе русскаго народа, невольно обращались къ этому талантливому и вмѣстѣ съ тѣмъ самоотверженному проводнику великихъ идей, за свой страхъ, за свою отвѣтственность ломавшему старые, отжив-

шіе педагогическіе принципы и смѣлою рукою созидавшему на развалинахъ новое зданіе. Ему довѣряли, на него надѣялись въ самыхъ высшихъ сферахъ. Такъ, ему поручили представить свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола.

Казалось, никакая сила не сломитъ такъ хорошо начатаго и уже такъ прочно поставленнаго дѣла. Но что въ мірѣ устоитъ предъ силою человѣческой злобы, зависти, коварства, ненависти,—а они-то и вооружились противъ Ушинскаго. По прежнему всегда прямой и откровенный, не считавшій необходимымъ, да и не способный по натурѣ поступаться своими убѣжденіями въ угоду личностямъ, изъ боязни задѣть и оскорбить чье-нибудь самолюбіе, при этомъ нервный и слишкомъ впечатлительный, потому всегда горячій, часто не въ мѣру даже рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, онъ сразу-же, при поступленіи въ Смольный, многимъ здѣсь не понравился. Скорѣе это нерасположеніе, подъ вліяніемъ многочисленныхъ нововведеній, совершавшихся, можно сказать, съ головокружительною быстротою, и, конечно, приходившихся совѣмъ не по сердцу старымъ институтскимъ педагогамъ, перешло въ ненависть, вражду, по необходимости тайную, но потому и особенно страшную, дѣйствовавшую средствами самыми гнусными, подпольными. Не трудно понять, чего стоили Ушинскому его реформы при такомъ настроеніи многихъ среди институтской корпораціи, сколько препятствій, всевозможныхъ, тормозящихъ дѣло, осложненій,—можетъ-быть мелкихъ, ничтожныхъ, но возмутительныхъ по своему характеру, по одному общему руководящему ими направленію,—приходилось встрѣчать и разрушать на каждомъ шагѣ. Достаточно сказать, что изъ всего многочисленнаго женскаго персонала института на сторонѣ новаго инспектора стояли только двѣ инспектрисы, Обручева и Сентъ-Илеръ; все остальное, тѣсно сплотившись, всѣми средствами стремилось отстоять свой многолѣтній, такъ неожиданно нарушенный покой¹⁾. Много вра-

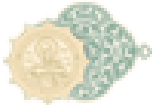
¹⁾ Песковскій, стр. 40.

говъ нажилъ себѣ за эти три года безкорыстный, самоотверженный, но педшій къ своей цѣли слишкомъ прямою дорогою, педагогъ. Они были и въ институтѣ, и внѣ его, среди самыхъ сильныхъ, вліятельныхъ людей столицы, и побѣда, конечно, должна была склониться на ихъ сторону. Честнаго человѣка, глубоко и сознательно вѣровавшаго христіанина, всею душою русскаго горячаго патріота оклеветали въ цѣломъ рядѣ преступленій ¹⁾.

Гроза тяжелая и страшная нависла надъ головою Ушинскаго, готовая разразиться смертельнымъ ударомъ надъ всею его семьею. Переполненный горькимъ чувствомъ незаслуженной обиды, до глубины души возмущенный несправедливостію обвиненій, нѣсколько дней провелъ онъ въ ужасномъ волненіи, спѣша изложить на бумагѣ всю гнусность взведенной на него клеветы. Въ эти злосчастные дни онъ пережилъ столько горя, что сразу посѣдѣлъ и сталъ харькать кровью... Его спасло высокое заступничество Государыни Императрицы Маріи Александровны, слишкомъ хорошо знавшей К. Д. и потому безъ всякихъ колебаній взявшей его подъ свое покровительство. Тѣмъ не менѣе, Ушинскому не удобно было теперь оставаться въ институтѣ, и онъ былъ причисленъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи.

Такъ опять преждевременно и совершенно неожиданно была разбита замѣчательная официальная дѣятельность Ушинскаго, много добра уже принесшая и еще больше обѣщавшая впереди. Жизнь опять зло насмѣялась надъ упрямымъ идеалистомъ.

¹⁾ „Ушинскаго сломали митриги лицъ, несочувствовавшихъ широкой реформѣ женскаго институтскаго образованія, говоритъ Д. Д. Семеновъ. Упрекнуть Константина Дмитриевича можно было развѣ въ его болѣзненной раздражительности, въ горячности и прямотѣ характера, въ неумѣи ити къ цѣли окольными путями, въ нежеланіи подлаживаться и заискивать расположенія своихъ враговъ. Но съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ его самый близкій другъ, я могу засвидѣтельствовать, что Ушинскій былъ искренно преданный правительству человѣкъ, глубоко религіозный и честнѣйшій гражданинъ“.—Русская Школа 1895 г. кн. 2. стр 14.

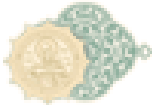
Послѣ этого жестокаго удара Ушинскій уже болѣе не возвращался на оффиціальную дорогу. За то неуставно, еще съ большимъ напряженіемъ, продолжалъ онъ работать перомъ по тѣмъ-же дорогимъ ему педагогическимъ вопросамъ, заглушить которые ничто не могло въ его душѣ. Исторія этой литературно-педагогической дѣятельности за послѣдніе 8 лѣтъ жизни Ушинскаго, въ двухъ словахъ, такова.

Въ маѣ 1862 года, измученный физически и нравственно и получивъ отъ IV отдѣленія заграничную командировку, К. Д. съ семейю уѣхалъ за границу, гдѣ и прожилъ пять лѣтъ, главнымъ образомъ—въ Швейцаріи близъ Веве и въ Гейдельбергѣ. Здѣсь судьба послала ему великое утѣшеніе въ лицѣ Н. И. Пирогова, съ которымъ онъ скоро познакомился и близко сошелся. Подъ вліяніемъ этого чловѣка, къ которому онъ и раньше питалъ самое глубокое уваженіе, силы и энергія снова возвратились къ Ушинскому, а вмѣстѣ съ ними возвратилась и обычная, быстрая и плодотворная, дѣятельность. Такъ, осенью того-же года въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“ уже начали печататься прекрасныя статьи его съ характеристикой швейцарскихъ школъ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“, представлявшія результатъ серьезнаго изученія школьнаго дѣла этой страны. Прекрасная постановка послѣдняго пробуждаетъ въ немъ грустныя мысли о своей бѣдной народной школѣ, еще только зарождавшейся у насъ, и вотъ, всею душою стремясь помочь ей, Ушинскій принимается за составленіе уже давно задуманной имъ книги для первоначальнаго обученія, которою можно было-бы пользоваться не только въ школѣ, но и въ семьѣ. Такимъ образомъ въ 1864 году, послѣ почти четырехлѣтняго труда, выходятъ два первые „года“ его знаменитаго „Родного слова“, а потомъ и „Руководство къ преподаванію“ по нимъ.

Главное вниманіе и силы Ушинскаго за границею были сосредоточены, впрочемъ, не на „Родномъ словѣ“. У него бы-

ло другое дѣло, большое, сложное, кропотливое, прямо отвѣчавшее притомъ порученію командировавшаго его IV отдѣленію. На него возложено было составленіе руководства по педагогикѣ для учителей, въ которомъ у насъ чувствовалась крайняя нужда. Зная языки и живя къ тому-же заграницею, Ушинскій легко могъ, взявши нѣсколько лучшихъ иностранныхъ педагогикъ, скомпилировать изъ нихъ одну русскую. Но онъ посмотрѣлъ на дѣло иначе—гораздо серьезнѣе и глубже. Какое значеніе могутъ имѣть различные правила и указанія касательно воспитательнаго дѣла, которыми такъ обильно снабжены многія изъ иностранныхъ педагогикъ, развѣ воспитатель не знаетъ, такъ сказать, самаго матеріала, надъ которымъ ему приходится трудиться—физической и духовной природы человѣка? Между тѣмъ, что было сдѣлано въ этой области въ тому времени у насъ въ Россіи! Зная насколько ничтожны наши свѣдѣнія по этой части, какъ мало еще затронутъ этотъ вопросъ въ нашей литературѣ, Ушинскій рѣшилъ поставить дѣло именно такимъ образомъ: составить для русскихъ педагоговъ такую книгу, изъ которой они могли-бы почерпнуть всѣ необходимыя свѣдѣнія о человѣкѣ, съ его духовною и физическою природою, и съ ними сообразоваться въ своей воспитательной дѣятельности.

Сколько труда нужно было положить, какими обширными и многосторонними знаніями нужно было обладать, чтобы составить такую педагогическую антропологию! Всѣ пять лѣтъ заграницею ушли только на подготовку матеріала, который съ неутомимою энергіею собиралъ Ушинскій изъ добытыхъ имъ сочиненій древняго и новаго времени, стремясь стать въ полномъ курсѣ антропологической науки. Возвратясь въ 1867 г. въ Петербургъ, онъ горячо принялся за обработку этого громаднаго сырого матеріала, записаннаго на отдѣльныхъ листкахъ. Связать разбросанныя мысли въ одно цѣлое и, осязавъ все одною идеею, построить по давно выработанному плану стройную систему—было уже не трудно. Поэтому къ концу того же года уже появился въ печати

первый томъ книги „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи“, а черезъ два года—и второй томъ. По плану автора, вѣнцомъ сочиненія долженъ былъ служить еще одинъ томъ, въ которомъ теоретическія положенія, изложенныя въ первыхъ двухъ, должны были получить свое практическое, педагогическое приложеніе. Но къ сожалѣнію, этому, можетъ быть, самому интересному отдѣлу антропологіи, не суждено было увидѣть свѣтъ.

До весны 1870 г. прожилъ Ушинскій въ Петербургѣ. Не занимая никакого официальнаго положенія, тѣмъ не менѣе прекрасно обезпечиваемый своими быстро расходившимися изданіями, онъ жилъ обыкновенною кипучею жизнію: принималъ самое горячее участіе въ занятіяхъ петербургскаго педагогическаго общества (при второй гимназій), приобрѣвшаго за это время громадную популярность и въ столицѣ и въ провинціи, велъ обширную переписку по различнымъ педагогическимъ вопросамъ и съ земствами, и съ педагогами—русскими и иностранными, горячо отзывался въ печати по поводу нарождавшихся у насъ народныхъ школъ, продолжалъ интересоваться наукою и, въ частности, учеными работами университета, для чего часто посѣщалъ университетскіе диспуты, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Кромѣ двухъ томовъ „Антропологіи“, за это время были составлены и изданы третій годъ „Родного слова“ и руководство къ нему. Все говорило о бодрости и энергіи его духовныхъ силъ, о прежней необыкновенной жадѣ дѣятельности. Между тѣмъ, дни К. Д. были уже сочтены.

Весною 1870 г., чувствуя себя плохо, онъ уѣхалъ въ Вѣну, а оттуда, по совѣту врачей, въ Крымъ. Здѣсь, въ Бахчисараѣ, скоро силы его значительно возстановились, и онъ предпринять даже поѣздку по Крыму съ цѣлью ближе ознакомиться съ нимъ. Торжественный, почетный пріемъ, оказанный ему на сѣздѣ народныхъ учителей въ Симферополѣ, посѣщеніе вмѣстѣ съ директоромъ народныхъ училищъ татарской школы, гдѣ онъ могъ собственными глазами видѣть при-

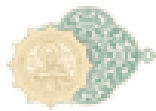
мѣненіе своего „Родного слова“ на практикѣ, встрѣча въ Ялтѣ съ Н. И. Костомаровымъ и бесѣды съ нимъ о томъ-же излюбленномъ педагогическомъ дѣлѣ, къ которому К. Д. желалъ привлечь и историка,—все это, вмѣстѣ съ благодѣтельнымъ воздухомъ Крыма, до такой степени возродило силы и энергію Ушинскаго, что онъ возвращался въ концѣ іюля къ своей семьѣ (въ имѣніе Богданку новгородъ-сѣверскаго уѣзда), окрыленный самыми свѣтлыми надеждами, увлекаемый безчисленными планами дальнѣйшихъ работъ. И вдругъ—страшный неожиданный ударъ сразу сломилъ его: онъ пріѣхалъ чуть не на погребеніе своего любимца старшаго сына, смертельно ранившаго себя на охотѣ... Въ надорванной и ослабѣвшей груди К. Д. уже не нашлось столько силъ, чтобы снести и это горе. Осенью, устроивъ свою семью въ Кіевѣ, самъ онъ съ двумя младшими сыновьями опять отправился въ Крымъ; но уже на дорогѣ простудился, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и 21 декабря въ Одессѣ, окруженный пріѣхавшею семьей, тихо скончался, въ полномъ сознаніи и истиннымъ христіаномъ. „Почести, отданныя его тѣлу при перенесеніи изъ одесскаго кафедральнаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, на станцію желѣзной дороги, встрѣча его на станціи Куликово-поле, торжественное погребеніе въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ,—наглядно показали, что русское провинціальное интеллигентное общество уже научилось цѣнить истинныя заслуги человѣка, всю жизнь свою посвятившаго воспитательному дѣлу своей родины“ ¹⁾.

Умеръ Ушинскій... Но умерло-ли его дѣло? умерли-ли тѣ идеи, за которыя съ такимъ самоотверженіемъ ратовалъ онъ въ продолженіи всей своей педагогической дѣятельности?

И. Маккавейскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Русск. педаг. дѣятели, стр. 58.

Кардинальство галицкаго, уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича.

Въ помѣщенной въ этой же книжкѣ „Трудовъ К. д. Академіи“ замѣткѣ о депутаціи галицко-русскихъ уніатовъ въ Римъ мы говорили и о возведеніи въ кардинальское достоинство бывшаго во главѣ этой депутаціи галицкаго, уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича. Позже (уже по напечатаніи замѣтки) дошедшія къ намъ сообщенія галицко-русской печати даютъ намъ побужденіе и возможность восполнить сказанное въ прежней замѣткѣ нѣсколькими подробностями въ интересѣ большаго выясненія теперешнихъ церковно-общественныхъ отношеній галицкой Руси, родной намъ по племени, по языку, по греко-восточному обряду богослуженія, сохранившемуся въ ней отъ временъ, когда церковь этой Руси принадлежала къ общему составу православной русской церкви.

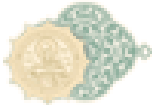
Начнемъ дополнительный разсказъ нашъ съ того момента, когда (въ субботу 25 ноября, по новому стилю 7 декабря) послѣдовалъ уже въ Вѣнѣ заключительный, торжественный обрядъ облаченія митрополита въ кардинальскій санъ. Въ 10^{1/2} ч. прибылъ въ императорскую дворцовую каплицу (домовую церковь) папскій аблегать, аббатъ Баумгартенъ и положилъ на одномъ золотомъ подносѣ кардинальскій беретъ, а на другомъ такомъ-же папское бреве¹⁾. Затѣмъ отправился

¹⁾ Беретъ—головной покровъ въ видѣ шапочки особенной формы; бреве—сообщеніе, гласящее о состоявшемся и объявленномъ въ папской консисторіи постановленіи папы по данному предмету.

въ домъ настоятеля вѣнской русско-уніатской церкви, гдѣ остановился митрополитъ, чтобы оттуда везти его въ дворцовую каплицу. Выѣздъ былъ торжественный на трехъ экипажахъ. Впереди въ двухъ изъ нихъ ѣхали офицеръ папской гвардіи графъ Петромарки и свита митрополита, въ третьемъ экипажѣ, цугомъ въ три пары бѣлыхъ лошадей, ѣхали кардиналъ и аблегать Баумгартенъ. Придворная стража оказала пріѣхавшему кардиналу военныя почести. Онъ поднялся въ императорскіе покои, гдѣ уже присутствовали императорскій дворъ, вѣнскій архіепископъ кардиналъ Груша, папскій нунцій Альярди, министры и другіе сановники. Затѣмъ всѣ отправились въ придворную каплицу, куда скоро прибылъ и императоръ. Кардиналъ Груша отслужилъ мессу¹⁾, по окончаніи которой аблегать Баумгартенъ подошелъ къ трону императора, держа въ рукахъ золотое блюдо съ папскимъ бреве и просилъ разрѣшенія прочитать его. Разрѣшеніе дано, аблегать передалъ бреве церемоніймейстеру, и тотъ прочиталъ его. Затѣмъ самъ новый кардиналъ взомель на ступени трона и на послѣдней изъ нихъ преклонилъ колѣна. Его Величество возложилъ кардинальскій беретъ на голову м. Сембратовича, а другой беретъ на голову втораго одновременно именованнаго въ Римѣ кардинала—еп. Галлера. Послѣ сего императоръ отправился въ свои покои, гдѣ вслѣдъ затѣмъ принималъ обоихъ новыхъ кардиналовъ и папскихъ аблегатовъ. Въ воскресенье кардиналъ Сембратовичъ и его свита имѣли честь быть на обѣдѣ у императора, гдѣ были также министръ-президентъ Бадени. Въ понедѣльникъ былъ обѣдъ у кардинала Груши и вечеръ у папскаго нунція Альярди. Такъ закончилось торжество въ Вѣнѣ²⁾. Новый рядъ торжествъ готовился во Львовѣ, гдѣ составила особая программа ихъ, при особенномъ усердіи польскихъ властей.

¹⁾ Тихая месса латинская служится не долго, всего около 30 минутъ.

²⁾ Описаніе этого торжества, какъ и слѣдующее затѣмъ описаніе торжествъ во Львовѣ, заимствовано изъ галицкихъ газетъ русскихъ и польскихъ.

Первая встрѣча новому кардиналу устроена была еще на пути изъ Вѣны во Львовъ, именно въ Краковѣ. На вокзалѣ собрана была значительная „громада“ изъ живущихъ здѣсь галичанъ униатовъ во главѣ съ настоятелемъ мѣстной униатской церкви о. Барсукомъ. Онъ привѣтствовалъ кардинала рѣчью, въ которой высказывалъ радость о новомъ возвышеніи владыки и пожеланія ему. Въ отвѣтной рѣчи кардиналъ благодарилъ за привѣтствіе и выразился, что возвышеніемъ его возвышены галицко-русская церковь, ея клиръ и народъ, которому онъ не перестанетъ вѣрно служить. Послѣ особыхъ бесѣдъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ на встрѣчѣ, митрополитъ двинулся въ путь, сопровождаемый троекратнымъ возглашеніемъ: многая лѣта! Торжественный вѣздъ кардинала во Львовъ послѣдовалъ въ четвергъ 1 (12) декабря. По выходѣ его изъ вагона, привѣтствовалъ его рѣчью президентъ г. Львова полякъ Мохнадкій, налегая особенно на мудрость митрополита въ его подвигахъ для объединенія двухъ братскихъ народовъ польскаго и русскаго. Кардиналъ отвѣчалъ (на польскомъ языкѣ) благодарностію и обѣщаніемъ молиться о преуспѣяніи г. Львова подъ свѣтлымъ управленіемъ президента. Затѣмъ кардиналъ послѣдовалъ въ залъ 1 класса. Здѣсь привѣтствовалъ его рѣчью отъ имени духовенства старшій крылошанинъ архипресвитеръ Бѣлецкій, выражавшій радостныя чувства и пожеланія и выхвалявшій заслуги митрополита для галицкой церкви. „Господь Богъ, заключилъ свою рѣчь о. Бѣлецкій, да сотворитъ вашей эминенціи, нашему дорогому кардиналу-митрополиту архіепископу для блага св. церкви, духовенства и народа многая и благая лѣта“! Благодаря за такую рѣчь, митрополитъ выразился, между прочимъ, что онъ „исполнить свою задачу“. „А вамъ, прибавилъ онъ, который состоите окрасою моего престола, желаю прожити многая лѣта“. Затѣмъ говорилъ рѣчь „сеніоръ Ставропигіального Института“ (бывшаго Львовскаго ставропигіального братства) д-ръ Шараневичъ. Рѣчь достопочтеннаго и ученаго представителя луч-

шаго изъ существующихъ теперь направленийъ церковно-общественной мысли въ средѣ галицкихъ униатовъ выдѣлялась изъ другихъ рѣчей слышимою въ ней потою правды, хотя и высказываемой осторожно. Сказавъ о высокой чести, какая возложена на митрополита согласнымъ дѣйствіемъ двухъ высшихъ авторитетовъ, каковы папа и императоръ, д-ръ Шараневичъ говорилъ о русской церкви какъ *Христовомъ* виноградѣ, который равноапостольный Владиміръ насадилъ въ русскихъ земляхъ, распространилъ и укрѣпилъ, и который еще за сто лѣтъ предъ тѣмъ насаждали въ славянскихъ земляхъ св. славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій. Ораторъ не позволилъ себѣ здѣсь тѣхъ лживыхъ прибаутокъ о папскомъ престолѣ и благодати, шедшей отъ него на Русь еще во времена Владиміра, какіе пристегнуты были къ воспоминаніямъ объ этихъ временахъ въ пресловутой „Одозвѣ“ юбилейнаго комитета. Далѣе, говоря отъ имени Ставропигіального института, составляющаго продолженіе славнаго Львовскаго братства, д-ръ Шараневичъ не рѣзываетъ его исторіи, какъ учрежденія, оказавшаго большія услуги церкви, считая не менѣе 300 лѣтъ его существованія (съ конца XVI в.), начавшагося еще въ православіи. Осторожно выражается онъ и объ Исидорѣ какъ первомъ представителѣ на Руси униатской идеи, сложившейся у него въ связи съ воззрѣніями его, какъ и одного изъ греческихъ гуманистовъ своего времени. Относительно самой униі, какъ идеи, д-ръ Шараневичъ ограничился напоминаніемъ словъ Спасителя: *да будетъ едино стадо и Единъ Пастырь*. Отвѣтъ свой на привѣтствіе д-ра Шараневича митрополитъ началъ тѣмъ, что это привѣтствіе „ему наймилѣйше“. Признавая заслуги института для блага церкви и народа, митрополитъ выразился: „институтъ старался о чистотѣ обряда и вскрѣпленіи вѣры и исполнялъ свою задачу хорошо даже въ найтруднѣйшихъ временахъ“. Но затѣмъ прибавилъ: „институтъ былъ,—что такъ скажу,—Савломъ, а когда сталъ Павломъ, то съ той поры трудится для блага церкви и народа,

а ученость и религіозность его станули высоко. Слагаю въ руки сеніора мое благословеніе: нехай Богъ благословитъ ваши труды и подвиги“!... Достойна сожалѣнія неумѣстная фраза кардинала объ институтѣ, какъ Савлѣ и Павлѣ, имѣющая такой смыслъ, по которому вычеркивается изъ исторіи института свыше столѣтія его жизни и дѣятельности въ православіи подъ именемъ братства ¹⁾. Эта фраза просто оскорбительна для института, сеніоръ котораго, какъ человекъ ученый и правдивый, говорилъ именно о 300-лѣтней жизни института, не вычеркивая изъ этого періода свыше столѣтія его жизни въ православіи. Несомнѣнно, что почтенный сеніоръ былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ взгляда по крайней мѣрѣ лучшихъ и разумнѣйшихъ членовъ института. Извѣстно, что институтъ въ 1886 г. тихо отпраздновалъ трехсотлѣтіе своего существованія, считая со времени организаціи его по уставу, данному его предку Львовскому братству патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 г. Трехсотлѣтній юбилей своего существованія институтъ ознаменовалъ цѣннымъ ученымъ изданіемъ памятниковъ его прошлой жизни и впереди ихъ—грамотъ восточныхъ православныхъ патріарховъ. Ставропигіальный институтъ не можетъ забыть что именно первый, свыше 100-лѣтній періодъ его жизни подъ названіемъ ставропигіальнаго братства, ознаменованъ наиболѣе дѣйствительными услугами русской церкви и народности въ Галиціи, ознаменованъ истинно достопамятными подвигами, доблестями и страданіями въ борьбѣ съ латино-польскою пропагандою. На все это смѣжилъ духовныя очи свой кардиналъ, ослѣпляемый пализмомъ и подобострастіемъ въ отношеніи къ латино-польской стихіи въ Галиціи. Но продолжимъ рѣчь о привѣтствіяхъ кардиналу, слѣдовавшихъ за

¹⁾ Названіе „институтъ“, въ замѣнъ древняго названія „братство“, навязано ему уже во времена уни съ цѣлю затемнить память о древнихъ временахъ его, какъ православнаго братства.

описанными выше. *Послѣ д-ра Шараневича* говоритъ д-ръ Савчакъ въ качествѣ представителя вообще отъ мірянъ, отъ народа, или такъ называемыхъ народовцевъ. *Послѣ* обычнаго начала въ подобныхъ рѣчахъ, ораторъ продолжалъ: „въ старинномъ городѣ русскаго князя Льва привѣтствуемъ вашу эминенцію, яко перваго достойника русско-католической церкви ¹⁾. Среди хмарнаго небосклона, зависнувшаго надъ судьбою русскаго народа, котораго именемъ имѣю честь тутъ говорить, пробивается иногда яснѣйшій лучъ, который своимъ заревомъ освѣщаетъ русскую краину и додаетъ сердцу надежду и вѣру въ лучшую будущность. Тамъ яснѣйшимъ блескомъ является подъ теперешнюю пору необыкновенное отличіе вашей высокодостойной особы найвысшимъ достоинствомъ. Сталось великое событіе, что вѣрный сынъ народа, ставуши на національномъ основаніи, первый провозгласилъ слово Божіе въ народной рѣчи и поднесенъ сегодня до первостепеннаго значенія въ дальней судьбѣ народа“. Сказавъ далѣе, что дарованіемъ русскому митрополиту высокаго достоинства святѣйшій отецъ и его величество императоръ хотѣли показать свою особенную милость и любовь къ русскому народу, и выразивъ глубокую благодарность за эту милость и любовь, г. Савчакъ продолжалъ: „а понеже народъ русскій въ тяжелой борьбѣ самостоятельнаго возрожденія испытывалъ до сихъ поръ благодатную помощь своего архипастыря, то сегодня тѣмъ вернѣйше ожидаетъ отъ вашей эминенціи крѣпкой защиты своихъ святостей: вѣры и церкви и благодѣтельной руки въ національныхъ стремленіяхъ въ направленіи просвѣтительномъ, экономическомъ и культурномъ. Нехай (пустъ) исторіи запишетъ ведикодушныя дѣла своего кардинала народолюбца на честь, славу и пользу державы, края и русскаго народа,

¹⁾ Со времени м. Сеибратовича вмѣсто названія *русско-уніатская церковь восточнаго обряда* вводится названіе *русско-католическая церковь*, какъ отраженіе мысли митрополита о возможно болѣе унодобленіи ея римско-католической церкви.

а до того Всевышній нехай додасть вашей эминенції сили на многія лѣта!“ Митрополитъ отвѣчалъ: „слова вашего привѣтствія радуютъ мене. Я благодаренъ еще больше за то, що изъ устъ вашихъ вышли слова, изъ которыхъ видно, що вы поняли цѣль моего отличенія. Вы поблагодарили папу и императора и то отличеніе отнесли къ народу, а предовсѣмъ къ церкви. Я подъ проводомъ ¹⁾ такимъ, въ якомъ стоятъ пчт. посоль ²⁾, не откажу моего труда. Несмотря на отличеніе, не залишу (не оставлю) пойти въ ваши ряды, свѣдущій того, що служите для блага своего народа. Примите благодареніе и увѣреніе, що буду молити Господа о вытревалоости ³⁾ и благословеніе для вашего труда“. Сейчасъ ниже мы еще будемъ имѣть случай сослаться на рѣчь д-ра Савчака и отвѣтныя слова кардинала, а пока dokonчимъ описаніе парадовъ на встрѣчѣ его. По окончаніи привѣтствій въ залѣ железнодорожнаго вокзала, послѣдовалъ отъѣздъ кардинала въ свою резиденцію на св. Юрской горѣ при звукахъ оркестра, звонѣ колоколовъ и въ сопровожденіи большой толпы народа. У св. Юрской горы собрались церковныя братства, ремесленные цехи и установились рядами, между которыми кардиналъ прошелъ въ кафедральную церковь. Здѣсь ожидали его: краевый маршалъ графъ Станиславъ Бадени (братъ министра—президента), главнокомандующій, польскіе архиепископы Моравскій и Исаковичъ съ своими капитулами, архиепископъ—эмигрантъ (бывшій вилевскій) Гриневецкій, университетскій сенатъ, представители мѣстныхъ властей и др. сановники. Въ кафедральной св. Юрьевской церкви совершено молебствіе, послѣ котораго кардиналъ, согласно р. католическому обычаю,

¹⁾ *Проводъ*,—любимое слово у галлчанъ, значить—*руководящее начало*, направление, котораго держится, напр., известная общественная партія и т. под.

²⁾ Г. Савчакъ—сеймовый посоль или депутатъ.

³⁾ *Вытревалоость* (съ польскаго *wytrwałość*) значить *выдержанность, устойчивость*.

преподавъ присутствующимъ благословеніе св. дарами. Затѣмъ направился въ свою „палату“, гдѣ принималъ дальнѣйшія поздравленія. Поздравленіе принесли ему: намѣстникъ Галиціи князь Сангушко, латинскій и армянскій архіепископы, краевый маршалъ, депутаціи отъ русскихъ обществъ „имени Качковского“, „Матицы“, „Народнаго Дома“ и др., представители мѣстныхъ властей и проч. Краевый маршалъ Ст. Бадени въ своемъ привѣтствіи просилъ молитвъ кардинала „на интенцію“ осуществленія идеи, которую возлюбилъ кардиналъ: —идеи единенія вѣры и церкви и братства народовъ (т. е. польскаго и русскаго въ Галиціи). Кардиналъ отвѣчалъ: „Желаю, чтобы въ краѣ, во главѣ котораго стоите, всегда побѣждали принципы вѣры, любви и христіанской терпимости; чтобы оба народы, засѣляющіе тотъ край, поняли, что лишь братская любовь и привязанность къ общей церкви составляютъ силу. Я буду въ каждой молитвѣ просить о то Бога“. Послѣ этихъ церемоній былъ у кардинала обѣдъ, за которымъ произнесены многочисленныя тосты. Вечеромъ зданіе св. Юрія было иллюминировано.

Но—знаменательное совпаденіе! Въ тотъ же день, когда происходили описанныя парады во славу новаго кардинала, во Львовѣ, какъ уже было сказано въ прежней замѣткѣ нашей, была на лицо депутація, отличная отъ предъюбилейной депутаціи въ Римъ, не участвовавшая въ описанныхъ парадахъ и бывшая только молчаливою и грустною свидѣтельницею ихъ. Депутація собралась въ составѣ свыше 200 представителей изъ всей галицкой Руси, въ томъ числѣ многихъ священниковъ и крестьянъ. Депутація направлялась въ Вѣну, чтобы повергнуть предъ монархомъ, съ выраженіемъ вѣрности и преданности ему галицко-русскаго народа, горькія жалобы на обиды и насилія, причиненныя ему польскими панами и властями въ Галиціи во время послѣднихъ сеймовыхъ выборовъ. Шесть лицъ изъ состава депутаціи, во главѣ съ священникомъ о. І. Озаркевичемъ, были (4/16 дек.)

допущены къ монарху... Впрочемъ о приѣмѣ депутаціи въ свое время довольно говорено было и въ нашихъ русскихъ газетахъ, потому мы можемъ и не останавливаться на этомъ обстоятельствѣ. Остановимся нѣсколько лишь на тѣхъ сторонахъ въ дѣлѣ депутаціи, которыя могутъ служить комментариемъ къ рѣчамъ на львовскихъ парадахъ въ честь кардинала. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отношеніе къ дѣлу депутаціи латино-польской среды въ Галиціи. Изъ этой среды посыпались на русскую депутацію злостные нападки и клеветы. Польскіе публицисты сравнивали ее съ тѣми депутаціями, какія въ давно былыя времена снаряжались казаками, а мы прибавимъ и вообще православными южной и западной Руси для занесенія предъ королями и сеймами бывшей Польши жалобъ на обиды и притѣсненія отъ латино-уніатской пропаганды и польскаго панства. Считая тѣ давнія жалобы неосновательными (вопреки неотразимымъ свидѣтельствамъ общеизвѣстныхъ памятниковъ), польскіе публицисты настойчиво отрицаютъ справедливость и тѣхъ жалобъ, какія теперь занесены галицко-русскою депутаціею. Нѣкоторые изъ польскихъ публицистовъ не стыдились пускать клевету, что въ дѣлѣ депутаціи участвовали московскіе рубли. А правящее теперь въ Австріи польское министерство прямо наложило свою властную руку на дѣло депутаціи. Послѣ разныхъ помѣхъ этому дѣлу еще въ бытность депутаціи въ Вѣнѣ, оно сведено было польскимъ министерствомъ почти на ничто. Въ австрійскомъ рейстагѣ одинъ изъ членовъ министерства, высказываясь отъ его имени объ этомъ дѣлѣ, какъ неосновательномъ и не заслуживающемъ вниманія, заключилъ свою рѣчь въ тонѣ гордаго римлянина. *Roma locuta, causa finita.* Словомъ, польское рѣшеніе по жалобамъ галицко-русскаго народа напоминаетъ тѣ довольно обычныя на сеймахъ бывшей Польши рѣшенія по жалобамъ и просьбамъ православныхъ западной Руси, которыя формулировались фразой: „то дѣло отлагается на *иный* часъ“. А этотъ *иный* часъ, какъ извѣстно, переносился съ сейма на сеймъ—до самаго паденія Польши.

Возвратимся теперь къ рѣчамъ на львовскихъ парадахъ въ честь кардинала. Г. Савчакъ говорилъ о „хмарномъ небосклонѣ, зависнувшемъ надъ судьбою русскаго народа въ Галиціи“, и „о тяжелой борьбѣ его за свое самостоятельное возрожденіе“. Какія же это „хмары“ или тучи зависли надъ русскимъ народомъ въ Галиціи? Кажется намъ, что это именно тучи печалей отъ обидъ, неправдъ и насилій, терпимыхъ имъ подъ латино-польскимъ преобладаніемъ въ Галиціи, которымъ обусловливается и тяжесть борьбы его за свое самостоятельное возрожденіе. Менѣе понятны намъ выраженія г. Савчака „о яснѣйшемъ лучѣ, который своимъ заревомъ освѣщаетъ русскую краину и додаетъ сердцу надежду и вѣру въ лучшую будущность“. Этотъ лучъ видится ему „въ отличеніи м. Сембратовича найвысшимъ достоинствомъ кардинала“, составляющемъ „великое событіе“. Но вотъ что странно: м. Сембратовичъ, любящій политическую дѣятельность, доселѣ занимавшій высокій постъ вице-маршала краеваго сейма въ Галиціи, вообще же дружный съ ея польскими властями, ничего не сдѣлалъ или не могъ сдѣлать для защиты своего русскаго народа отъ угнетающей его латино-польской стихіи въ Галиціи. Въ виду этого обстоятельства, едвали русскіе галичане могутъ сулить себѣ какія либо надежды отъ обѣщаній м. Сембратовича, выраженныхъ въ отвѣтѣ г. Савчаку: „не смотря на отличеніе, не залишу пойти въ ряды ваши“ и проч. Замѣчательно, что въ рядахъ галицко-русскихъ политикановъ того именно „провода“ или направленія, о которомъ упомянулъ м. Сембратовичъ въ томъ же отвѣтѣ г. Савчаку, уже обнаруживается наклонность отойти отъ „политики“ митрополита, проповѣдующаго якобы уже состоявшееся дружеское сближеніе поляковъ съ русскими въ духѣ братской равноправности обоихъ народовъ. Это обнаружилось въ поразившей своею неожиданностію рѣчи г. Барвинскаго, произнесенной въ декабрьской сессіи галицкаго сейма. Г. Барвинскій, другъ митрополита, внушавшаго духовенству держаться политики г.

Барвинского, какъ тождественной съ политикою его самого, неожиданно заговорилъ „объ обидахъ“ русскому народу со стороны поляковъ, разумѣя именно тѣ обиды, на какія жаловалась бывшая галицко-русская депутація въ Вѣнѣ. Такой поворотъ въ настроеніи г. Барвинского, считающагося главою партіи „новаго курса“, какъ партія союзной съ политикою м. Сембратовича,—не знаменуетъ ли наступленіе въ средѣ галицкихъ русскихъ новаго, уже не партійнаго, а болѣе общаго настроенія? Въ самомъ дѣлѣ: послѣ обидъ и насилій имъ отъ поляковъ на предсеймовыхъ выборахъ, послѣ печальнаго фипала, какимъ, даже вопреки милостивымъ обѣщаніямъ монарха, завершилось дѣло галицко-русской депутаціи въ Вѣнѣ, среди русскихъ Галиціи поднялись голоса о необходимости забыть партійныя распри, партійное политиканство и искать спасенія въ единствѣ народной идеи, въ сознаніи своего единства, какъ русскаго народа, въ союзѣ всѣхъ доселѣшнихъ партій для защиты правъ его, попираемыхъ польскою преобладающею стихіею. Такое явленіе въ современной жизни галицкой Руси подобаетъ назвать, безспорно болѣе „великимъ событіемъ“, чѣмъ отпразднованное недавно предъ симъ кардинальство м. Сембратовича. Но еще разъ возвратимся къ рѣчи г. Савчака, восхвалявшей это кардинальство какъ „великое событіе“.

„Сталось, говорилъ г. Савчакъ, великое событіе, что вѣрный сынъ народа, ставуши на національномъ основаніи, *первый* провозгласилъ Слово Божіе въ народной рѣчи и поднесенъ сегодня до первостепеннаго значенія въ дальнѣйшей судьбѣ народа“. Не совсѣмъ понятно, что разумѣлъ ораторъ говоря, будто м. Сембратовичъ *первый* провозгласилъ слово Божіе въ народной рѣчи? Развѣ предмѣстники его провозглашали Слово Божіе въ рѣчи не народной, а какой-то другой, напр. польской или латинской? Сколько извѣстно, они провозглашали Слово Божіе въ храмахъ, въ церковныхъ служеніяхъ и въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ—на томъ же рус-

скомъ языкѣ, который наслѣдовала галицкая Русь отъ временъ далекихъ. Не разумѣлъ ли ораторъ подъ народною рѣчью—такъ называемую рѣчь малорусскую съ ея фонетикой? Если такъ, то предоставимъ г. Савчаку и галицкимъ украинофиламъ—фонетистамъ вѣрить въ крайне сомнительную на нашъ взглядъ будущность этой рѣчи, искусственно построенной и такъ привѣтвующей польскими публицистами, выдающимися въ ней лишь орудіе въ упраздненію въ галицко-русскомъ народѣ чувства національнаго единства его съ народомъ великой Россіи. Болѣе свѣтлымъ и задатливымъ въ будущности признаемъ мы воззрѣніе представителей „старорусскаго“ направления, имѣющаго главное средоточіе въ Ставропигиальномъ институтѣ, которые не считаютъ галицко-русской народности съ ея знаменемъ русскимъ языкомъ—народностію вновь возродившеюся, такъ сказать, младенческою, а считаютъ именно столѣтія ея существованія. Не говорятъ они о возрожденіи русской народности въ Галиціи во время м. Сембратовича, ни даже вообще во время нахождения Галиціи въ составѣ Австріи, а говорятъ вотъ что: „то, що мы еще говоримъ *порусски*, що мы исповѣдуемъ христіанскую вѣру на славянскомъ языкѣ и на греческому обряду, що у насъ есть свое родное письмо, що мы чувствуемъ и мыслимъ въ душѣ русскомъ, въ душѣ національномъ,—все то не приобрѣли мы въ Австріи, но получили въ наслѣдіи тысячелѣтняго существованія русскаго народа. Мы и не требуемъ ничего больше, якъ только свободы—сохранити то наслѣдіе и развити его согласно потребѣ и желанію народа“¹⁾. Не проникнутъ ли подоб-

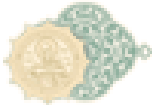
¹⁾ „Галичанинъ“ ч. 270, 2 (14) дек. 1895 г. Читатели видятъ, что языкъ „Галичанина“ есть общерусскій языкъ съ немногими лишь особенностями, отражающими вліяніе церковно-славянскаго языка и мѣстнаго говора. Такимъ языкомъ пишутъ и другіе органы печати старорусскаго направления; а есть органы усвоившіе общерусскій языкъ во всей чистотѣ. Встрѣчается онъ и въ Галичанинѣ. Но галицкіе такъ называемые народовцы силятся создать свой литературный языкъ подъ именемъ украинскаго или малорусскаго, но до того искусственный

нымъ воззрѣніемъ и галицко-русскіе сторонники партіи „новаго курса“ теперь,—послѣ того, какъ самъ глава ихъ г. Барвинскій убѣдился, что цѣною такъ называемаго украинифильства и фонетики, даже въ странномъ сочетаніи ихъ съ папизмомъ, —все таки не удастся купить *искреннее* расположеніе латинопольской среды въ Галиціи и признаніе этою средою равноправности русскаго народа съ польскимъ? Что касается до м. Сембратовича, то ему, повидимому, не легко усвоить воззрѣніе людей старорусскаго направленія, имѣющаго, какъ сказано, свое средоточіе въ Ставропигіальномъ институтѣ. Вычеркивая изъ исторіи Ставропигіальнаго института свыше столѣтій, начиная ее лишь съ конца XVII в., когда, по его выраженію, институтъ изъ Савла сталъ Павломъ, м. Сембратовичъ тѣмъ самымъ укорачиваетъ исторію и галицко-русской народности, и при томъ не на столѣтіе только, а на цѣлые вѣка до конца XVII в. Повидимому онъ вѣритъ, что при немъ-то собственно и возродилась галицко-русская народность. Нѣчто подобное заставляютъ предполагать въ немъ слѣдующія слова въ неразъ уже упомянутой рѣчи ему г. Савчака: „а понеже народъ русскій въ тяжкой борьбѣ самостоятельнаго возрожденія испытывалъ благодатную помощь своего архипастыря, то сегодня тѣмъ вѣрнѣйше ожидаетъ отъ вашей эминенціи крѣпкой защиты своихъ святостей: вѣры и церкви и благодѣтельной руки въ національныхъ стремленіяхъ въ направленіи просвѣтительномъ, экономическомъ и культурномъ“. Не совсѣмъ понятно, какую благодатную помощь испытывалъ отъ своего архипастыря галицко-русскій народъ въ сейчасъ упомянутый тяжкой борьбѣ. По крайней мѣрѣ съ представленіемъ о такой помощи не легко примирить налич-

что онъ становится не совсѣмъ понятнымъ и простому народу въ Галиціи, который даже съ сожалѣніемъ смотритъ на то, что подъ влияніемъ „народовцевъ“, усердно поощряемыхъ польскими властями, странный языкъ этотъ вводится въ народныя школы.

ность такихъ мѣропріятій митрополита, какъ предоставленіе широкаго простора іезуитамъ въ галицкой Руси съ передачей имъ русскихъ монастырей. Быть можетъ, впрочемъ, ораторъ въ приведенныхъ словахъ своей рѣчи кардиналу одушевлялся не столько воспоминаніями о былой, доселѣшней дѣятельности его на помощь и въ защиту русскаго народа и его святынь, сколько надеждами на будущую дѣятельность его въ этомъ направленіи. Быть можетъ такія надежды таились въ душѣ и другихъ привѣтствователей кардинала, каковы представители отъ „Народнаго Дома“, отъ общества имени М. Качковскаго и др., о которыхъ мы въ правѣ думать, что они, въ качествѣ союзниковъ старорусскаго направленія, далеко не раздѣляютъ ультра-папистическихъ и латинопольскихъ тенденцій, сказывавшихся на доселѣшней дѣятельности митрополита. Привѣтствуя его, какъ кардинала, они исполнили долгъ похвальной почтительности къ нему какъ первоиерарху галицкой Руси. Пожелаемъ, чтобы имъ посчастливилось увидѣть его союзникомъ и покровителемъ хранимаго ими старорусскаго направленія, чтобы оно опять возобладаало и у св. Юрія, гдѣ оно придавлено со времени м. Сембратовича. Ставъ такимъ союзникомъ и покровителемъ, митрополитъ имѣлъ бы подъ собой гораздо болѣе твердую почву, чѣмъ та, какой ищетъ онъ въ союзѣ съ іезуитствомъ и латино-польскою стихією; иначе смотрѣлъ бы онъ на бывшя и будущія судьбы галицко-русскаго народа и галицко-русской церкви, отрѣшился бы отъ такихъ странныхъ предубѣжденій, какія питаетъ онъ относительно православной церкви, обывая ее „засохшею галузью“.

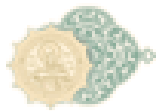
Наконецъ—два слова по поводу отвѣта митрополита—кардинала краевому маршалу Ст. Бадени, который въ своемъ привѣтствіи просилъ его молитвъ „на интенцію“ возлюбленной митрополитомъ идеи единенія вѣры, церкви и братства народовъ. Кардиналъ отвѣчалъ: „желаю, чтобы въ краѣ, во главѣ котораго стоите, всегда побѣждали принципы вѣры,

любви и христіанской терпимости; щобы оба народа (и польскій и русскій) заселяющіе тотъ край, поняли, что лишь братская любовь и привязанность къ общей церкви составляютъ силу“. Добрыя слова! Еще лучше бы, щобы кардиналь не забывалъ, что и православная церковь ежедневно молится „о мирѣ всего міра, о благосостояніи св. Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ“. Мысль этой молитвы шире и величественнѣе той, какая заключается въ словахъ кардинала. Только та, истинно святая, мысль православной церкви вполне согласуется съ ученіемъ Господа о единомъ стадѣ и Единомъ Пастырѣ, Иже есть и Пастыреначальникъ и Единный Глава Церкви, Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Ив. Мальшевскій.

17 дек. 1895 г.

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе*).

3. Отношеніе преосв. Макарія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ тамбовской епархіи.

(Общій взглядъ на состояніе духовно-учебныхъ заведеній тамбовской епархіи при преосв. Макарія. Отношеніе семинаріи къ низшимъ духовнымъ училищамъ. Ректоры тамбовской семинаріи. Замѣчательныя распоряженія преосв. Макарія по административной, нравственно-воспитательной и экономической частямъ управленія духовно-учебными заведеніями тамбовской епархіи).

Во время управленія преосв. Макарія тамбовскою епархіей въ этой послѣдней существовали слѣдующія духовно—учебныя заведенія: семинарія, находившаяся въ самомъ Тамбовѣ, и четыре низшихъ училища: два тамбовскихъ, шацкое и липецкое ¹⁾ По дѣйствовавшему тогда уставу 1814 года, нѣсколько преобразованному въ 1840 и 1853 гг., низшія духовныя училища находились въ вѣдѣніи мѣстной семинаріи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, была подчинена Окружному Правленію Казанской духовной Академіи, чрезъ посредство котораго всѣми вообще духовными школами тамбовской епархіи управляло Духовно-учебное Управление. Впрочемъ при существованіи особаго управленія, преосв. Макаріи какъ епархіальный Архіерей, былъ главнымъ непосредстве

*) См. Труды Киев. дух. Академіи, м. декабрь 1895 г.

¹⁾ См. у свящ. Г. Хитрова. Цит. сочин. стр. 65—66.

Труды Киев. дух. Академіи. Т. 1. 1896 г.

нымъ начальникомъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи. Онъ утверждалъ всѣ постановленія семинарскаго правленія, и это послѣднее только чрезъ него, или, по крайней мѣрѣ, послѣ его утвержденія входило съ своими представленіями въ Окружное Академическое Правленіе. Чрезъ семинарское правленіе преосв. Макарій завѣдывалъ и всѣми низшими духовно-учебными заведеніями своей епархіи.

Какъ семинарія, такъ и низшія духовно-учебныя заведенія тамбовской епархіи ко времени вступленія преосв. Макарія на тамбовскую архіерейскую кафедру были сравнительно достаточно благоустроены, благодаря заботамъ его предшественниковъ. Слабую сторону въ жизни ихъ, какъ и всѣхъ вообще духовныхъ школъ того времени, составляла матеріальная бѣдность. Оттого главная забота преосв. Макарія по управленію духовно—учебными заведеніями тамбовской епархіи состояла въ облегченіи матеріальной нужды ихъ и затѣмъ въ поддержаніи тѣхъ порядковъ, какіе требовались дѣйствовавшими тогда уставами.

Стройность и порядокъ въ управленіи духовно учебными заведеніями епархіи много зависѣли отъ личности и характера ректора семинаріи. По дѣйствовавшему тогда уставу, ректоръ семинаріи былъ главнымъ начальникомъ и распорядителемъ въ семинарскомъ правленіи, которое правило какъ семинаріею, такъ и низшими духовными училищами. Во время пребыванія преосв. Макарія въ Тамбовѣ въ здѣшней семинаріи перемѣнилось два ректора: до конца 1858 г. ректоромъ былъ архим. Оеофилактъ (Праведниковъ), а съ конца этого года—архим. Серафимъ (Аретинскій) ¹⁾. Оба они были старше преосв. Макарія и оба были хорошо извѣстны ему еще до встрѣчи въ Тамбовѣ. Архим. Оеофилактъ былъ изъ младшихъ кандидатовъ VIII курса Кіевской духовной Академіи, а его преемникъ, архим. Серафимъ—былъ первенецъ

¹⁾ См. у свящ. Г. Хитрова. Цѣг. соч. стр. 65—66.

этого курса нашей Академіи. Кромѣ того, архим. Теофилактъ былъ извѣстенъ преосв. Макарію еще по Курской духовной семинаріи, въ которой они оба одновременно учились, архимандритъ же Серафимъ былъ нѣкоторое время наставникомъ преосв. Макарія въ Киевской духовной Академіи. Изъ сказаннаго видно, что преосв. Макарій долженъ былъ находиться въ нѣсколько особенномъ отношеніи къ ректорамъ тамбовской духовной семинаріи. Особенно оригинально было его положеніе въ отношеніи къ архим. Серафиму, какъ бывшему его учителю. Даже и другія лица находили отношенія ихъ странными. „А еще диво ужасное“, писалъ 22 декабря 1858 года архим. Теофанъ (Говоровъ), ректоръ С.—Петербургской духовной Академіи, настоятелю константинопольской посольской церкви, архим. Петру (Троицкому). „О. Серафима одесскаго (перевели) въ Тамбовъ на ректуру. Жаль! Это должно быть для него скорбно. А на его мѣсто тамбовскаго ректора Теофилакта. И какъ это устроилось, не постигаю“! ¹⁾

Обоими ректорами своей семинаріи преосв. Макарій былъ не вполне доволенъ „У меня“, писалъ онъ брату 15 декабря 1858 года, „перемѣняютъ ректора семинаріи: моего шлютъ въ Одессу, а тамошняго—сюда. Не можешь ли узнать какънибудь, за что это о. Серафима одесскаго пизводятъ въ Тамбовъ? А изъ синодскаго указа видно, что за какую-то вину. Прежняго ректора не стоитъ жалѣть, да и новому нельзя порадоваться: проку отъ него будетъ мало. Я его хорошо знаю. Жаль семинаріи“ ²⁾. Есть основаніе думать, что оба ректора—архимандриты Теофилактъ и Серафимъ—не удовлетворяли преосв. Макарія именно потому, что они, по самому своему характеру, были мало способны къ административной дѣя-

¹⁾ Изъ нежданнаго письма преосв. Теофана, бывшаго еп. владимірскаго; письмо это вмѣстѣ съ другими хранится въ музейной бібліотекѣ Киевской духовной Академіи въ связкѣ бумагъ подъ значкомъ: Муз. Рукон. № 580.

²⁾ Изъ нежданнаго письма.

тельности и, въ частности, къ начальственной должности. Оба они были по характеру люди преимущественно созерцательнаго направленія, для которыхъ интересы практической жизни были совершенно чужды. А между тѣмъ въ ректорѣ семинаріи это было рѣшительно необходимо. Оттого преосв. Макарію приходилось самому лично и непосредственно вникать во внутренній ходъ жизни духовно-учебныхъ заведеній епархіи.

По отношенію къ административному управленію духовно-учебными заведеніями преосв. Макарій старался главнымъ образомъ о томъ, чтобы во всемъ соблюдался порядокъ, опредѣленный въ уставѣ. Всякое нарушеніе порядка онъ немедленно исправлялъ. Онъ требовалъ, чтобы всѣ дѣла, касавшіяся духовно-учебныхъ заведеній, поступали къ нему чрезъ семинарское правленіе. Поэтому, когда ученикъ перваго тамбовскаго духовнаго училища *Потьменскій*, находившійся въ бурсѣ, просилъ преосв. Макарію побудить его зятя къ тому, чтобы онъ доставлялъ ему содержаніе, то преосв. Макарій чрезъ духовную консисторію предписалъ, чтобы „на будущее время ученики семинаріи и духовныхъ училищъ безъ дозволенія своего начальства не подавали просьбъ епархіальному Архіерею“ ¹⁾. Всѣ же вообще дѣла, подлежавшія вѣдѣнію семинарскаго правленія, преосв. Макарій отдавалъ предварительно на обсужденіе этого послѣдняго и потомъ уже или утверждалъ его постановленіе, или дѣлалъ свое распоряженіе. Вотъ примѣры. На прошеніи уволеннаго въ 1857 году ученика низшаго отдѣленія *Михаила Аперова* о принятіи его обратно въ семинарію преосв. Макарій 3 іюня положилъ резолюцію: „семинарское правленіе разсмотритъ“. Правленіе рѣшило принять *Аперова* до усмотрѣнія его успѣховъ на рождественскомъ испытаніи, и преосв. Макарій 5 сентября утвер-

¹⁾ См. арх. тамбовск. сем. правл. настольн. реестръ по учебн. части за 1858 г. 15 марта № 24/138.

диль это рѣшеніе ¹⁾). Въ то же самое время преосв. Макарій препроводилъ въ семинарское правленіе прошенія уволенныхъ учениковъ низшаго отдѣленія семинаріи *Николая Лаврова и Ивана Яхонтова*; но семинарское правленіе отказалось принять этихъ учениковъ обратно въ семинарію, въ виду слабости ихъ въ успѣхахъ и прилежаніи, и преосв. Макарій 12 сентября 1857 года утвердилъ это опредѣленіе семинарскаго правленія. Бывали и такіе случаи, когда преосв. Макарій рѣшалъ дѣла, подлежащія вѣдѣнію семинарскаго правленія, самолично. Напр., на прошеніи вдовы діаконицы *Ольги Пушкиной* о принятіи дѣтей ея на казенное содержаніе преосв. Макарій положилъ резолюцію: „дѣтей просительницы, обучающихся въ училищѣ, принять на казенное содержаніе“. Когда былъ полученъ указъ мѣстной духовной консисторіи съ этой резолюціей преосв. Макарія, семинарское правленіе предписало начальству перваго тамбовскаго духовнаго училища принять дѣтей вдовы Пушкиной на казенное содержаніе ²⁾).

Заботился преосв. Макарій и объ усиленіи нравственно-воспитательнаго надзора въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ тамбовской епархіи. Между прочимъ, 30 апрѣля 1858 г. онъ предписалъ семинарскому правленію „усугубить надзоръ какъ за нравственностію учениковъ, такъ и за преподаваніемъ преимущественно практическимъ вмѣстѣ съ другими духовно-нравственными науками предметовъ миссіонерскихъ, по коимъ и предлагать воспитанникамъ болѣе темъ для письменныхъ упражненій“ ³⁾).

Но самымъ главнымъ предметомъ заботъ преосв. Макарія была, какъ сказано, матеріальная сторона жизни духовно-учебныхъ заведеній тамбовской епархіи. Содержаніе на-

¹⁾ См. тамъ же за 1857 сентябрь № 678/170.

²⁾ См. тамъ же по экономич. части за 1857 г. октябрь № 792/121.

³⁾ См. тамъ же по учебной части за 1858 г. апрѣль № 785/126.

ставниковъ семинаріи и низшихъ училищъ въ то время было невообразимо малое, можно сказать, даже нищенское. Преосв. Макарій старался, сколько могъ, приходить на помощь бѣднымъ наставникамъ и облегчать ихъ жалкое матеріальное положеніе. Въ дѣлахъ тамбовскаго семинарскаго архива часто встрѣчаются указанія на ходатайства преосв. Макарія предъ высшимъ начальствомъ о наградахъ учителямъ семинаріи и духовныхъ училищъ, преимущественно за исправленіе ими какихъ-либо второстепенныхъ должностей, или же обязанностей выбывавшихъ наставниковъ. Такъ, онъ ходатайствовалъ о денежномъ вознагражденіи учителя семинаріи Гавріила Солнцева за исправленіе имъ должности учителя по классу гражданской исторіи съ 10 декабря 1857 г. по 6 іюня 1858 г. и учителя втораго тамбовскаго духовнаго училища священника Алексѣя Попова за преподаваніе имъ мордовскаго языка съ 10 декабря 1857 г. по 10 іюня 1858 года ¹⁾, о денежномъ же вознагражденіи учителя шацкаго духовнаго училища средняго отдѣленія Гавріила Строганова за безмездное двухгодичное исправленіе имъ должности наставника въ причетническомъ классѣ при томъ же училищѣ ²⁾ и о денежномъ вознагражденіи учителя липецкаго духовнаго училища священника Димитрія Болховитинова за безмездное исправленіи должности наставника низшаго отдѣленія съ 1 марта по 16 іюля 1858 г. ³⁾.

Помогалъ преосв. Макарій наставникамъ тамбовской духовной семинаріи и другимъ путемъ, напр., посредствомъ предоставленія имъ занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тамбова и во всякомъ случаѣ нисколько не препятствовалъ имъ въ этомъ отношеніи. Вотъ примѣръ. На представленіи семинарскаго правленія отъ 7 сентября 1857 года о дозволе-

¹⁾ См. тамъ же по экономич. части за 1858 г. іюля 31 № 538/265.

²⁾ См. тамъ же по экономич. части за 1858 г. іюля 31 № 538/266.

³⁾ См. тамъ же по экономич. части за 1858 г. октября 8 № 766/343.

ніи учителямъ семинаріи Тростянскому и Солицеву занимать-ся въ тамбовскомъ кадетскомъ корпусѣ—первому по естествен-ной исторіи, а второму по географіи—преосв. Макарій того же числа положилъ слѣдующую резолюцію: „дозволяется на-ставникамъ семинаріи давать уроки въ кадетскомъ корпусѣ, но съ тѣмъ, чтобы они во всей точности исполняли свои пря-мыя обязанности по семинаріи“ ¹⁾).

Въ случаѣ смерти кого-либо изъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, преосв. Макарій старался оказывать по-мощь осиротѣвшей семьѣ его. Такъ, 20 апрѣля 1858 г. онъ возбудилъ ходатайство о выдачѣ вдовѣ учителя священника Павла Русанова въ единовременное пособіе оклада его учи-тельскаго жалованья въ количествѣ 128 р. 70 к. ²⁾).

Принималъ мѣры преосв. Макарій и къ внѣшнему бла-гоустройству духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи. При немъ были начаты нѣкоторыя перестройки въ первомъ там-бовскомъ и липецкомъ духовныхъ училищахъ. Въ маѣ 1858 года начальство перваго тамбовскаго духовнаго училища до-несло семинарскому правленію, что „одно изъ жилыхъ помѣ-щеній, занимаемыхъ очагомъ и столовою, имѣетъ ветхую кры-шу, чрезъ которую во время дождей бываетъ течь на пото-локъ и стѣны, отчего концы балокъ подверглись гніенію и угрожаютъ опасностью подавить находящихся въ семъ зданіи во время стола“. Семинарское правленіе немедленно поручи-ло своему эконому прот. Березнеговскому освидѣтельствовать вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ поименованное ветхое зданіе. 31 мая прот. Березнеговскій донесъ семинарскому правленію, что „на деревянномъ одноэтажномъ флигелѣ тесо-вая крыша совершенно сгнила, а отъ течи дождевой и снѣ-говой воды у трехъ потолочныхъ балокъ въ комнатахъ, за-

¹⁾ См. тамъ же журн. тамбов. сем. правл. за 7 сент. 1857 г.

²⁾ См. тамъ же настольн. реестр. по экономич. части за 1858 г. 20 апр. № 180/187.

нимаемыхъ бурсаками, отгнили концы, а вмѣстѣ съ ними повредились подбалочныя бревна; чтобы не допустить флигель въ большому поврежденію отъ течи, а потолоки предохранить отъ паденія, необходимо нужно съ отгнившими концами потолочныя балки замѣнить новыми, а тесовую сгнившую крышу замѣнить желѣзною“. Семинарское правленіе, заслушавъ также представленіе эконома прот. Березнеговскаго, постановило было ремонтировать зданіе и для того чрезъ преосв. Макарія просить у высшаго начальства необходимыхъ средствъ ¹⁾. Но преосв. Макарій не согласился съ такимъ мнѣніемъ семинарскаго правленія и возбудилъ отъ себя лично ходатайство объ устройствѣ при первомъ тамбовскомъ духовномъ училищѣ новаго каменнаго зданія для столовой и кухни. 22 ноября 1858 г. г. оберъ-прокуроръ Св. Синода отвѣтилъ преосв. Макарію на это ходатайство слѣдующее: „соглашаясь съ заключеніемъ вашего преосвященства, нахожу, что гораздо удобнѣе построить при первомъ тамбовскомъ духовномъ училищѣ вмѣсто каменнаго деревянное на каменномъ фундаментѣ зданіе для ученической столовой съ буфетомъ и кухней, и прошу васъ сдѣлать распоряженіе о составленіи проекта на постройку таковаго зданія и о доставленіи онаго ко мнѣ для дальнѣйшихъ распоряженій“. По распоряженію преосв. Макарія, семинарское правленіе поручило эконому прот. Березнеговскому составить требуемый проектъ. Въ слѣдующемъ году постройка началась и окончилась уже послѣ преосв. Макарія.—То же самое было и въ липецкомъ духовномъ училищѣ. Здѣсь было крайне ветхое зданіе, гдѣ помѣщались казеннокоштные воспитанники. Преосв. Макарій, осмотрѣвъ лично зданія липецкаго училища, возбудилъ вопросъ о перестройкѣ ихъ. Въ ноябрѣ 1858 года была испрошена у Св. Синода необходимая для этого сумма въ количествѣ 2.037 р. 90 к.,

¹⁾ См. тамъ же по экономической части за 1858 г. 2 декабря № 995/374.

и назначенъ строительный комитетъ, въ который, по распоряженію преосв. Макарія, вошли слѣдующія лица: смотритель училища прот. Несмѣловъ и соборный священникъ Аполлоній Богоявленскій. Перестройки были закончены лѣтомъ 1859 года ¹⁾).

Вообще отношенія преосв. Макарія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ тамбовской епархіи, особенно къ семинаріи, были полны искренней заботливости, достоинства и простоты. Лѣтомъ онъ ежедневно присутствовалъ на экзаменахъ въ семинаріи. „Здоровье мое“, писалъ онъ 14 іюля 1856 года своему брату, „продолжаетъ быть въ хорошемъ состояніи, хотя я теперь ежедневно сижу на экзаменахъ въ семинаріи“ ²⁾). Не чуждался преосв. Макарій и частныхъ сношеній съ духовно-учебными заведеніями и иногда запросто посѣщалъ товарищескія собранія семинарской корпораціи. „Нынче“, писалъ онъ 29 декабря 1858 года своему брату, „семинарскіе профессеры давали въ честь о. ректора обѣдъ, на которомъ былъ и я“ ³⁾).

4) *Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія въ Тамбовѣ.*

Боязнь преосв. Макарія, что ему не возможно будетъ продолжать свои ученія работы въ Тамбовѣ. Отношеніе его къ современной духовной литературѣ. Недостатокъ времени для учено-литературныхъ занятій. Тамбовскіе учено-литературные труды преосв. Макарія: церковно-историческіе и проповѣдническіе; число тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія, ихъ характеристическія особенности и печатное изданіе. Ученныя порученія начальства преосв. Макарію).

Преосв. Макарій былъ труженникъ науки по преимуществу. Оттого такъ нравилась ему служба въ Академіи. Служба эта давала ему полный просторъ и всѣ удобства для уче-

¹⁾ См. тамъ же по экономич. части за 1858 г. 1 ноября № 1056/179

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

но-литературныхъ занятій. Оттого же, можно думать, такъ испугало его на первыхъ порахъ и назначеніе въ Тамбовъ. Преосв. Макарій боялся, что постоянные труды по епархіальному управленію и отсутствіе необходимыхъ пособій заставятъ его прекратить свою учено-литературную дѣятельность въ Тамбовѣ, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на время. Не смотря однакоже на такія мрачныя ожиданія и предположенія, онъ взялъ съ собою изъ С.-Петербурга всю свою огромную бібліотеку и вообще все, необходимое для продолженія своихъ ученыхъ работъ. Медленная доставка всѣхъ этихъ вещей въ Тамбовъ крайне огорчала преосв. Макарія. „У меня большое горе“, писалъ онъ 14 іюля 1857 года брату, „книги мои и прочія вещи, отправленныя изъ Академіи вотъ уже два мѣсяца, доселѣ не приходили. Что бы это значило? Боюсь, какъ бы онѣ не пропали“¹⁾. Къ радости преосв. Макарія, книги были получены имъ въ Тамбовѣ въ полной сохранности. Какъ прежде въ Петербургѣ, такъ и въ Тамбовѣ преосв. Макарій старался слѣдить за современною литературою русскою—духовною и свѣтскою. Съ тою цѣлію онъ выписывалъ всѣ духовныя и важнѣйшіе изъ свѣтскихъ журналовъ. Ту любовь и тотъ живой интересъ, съ какими онъ относился ко всякому новому событію въ умственномъ движеніи русскаго общества, можно видѣть особенно изъ того, какъ онъ сильно огорчался въ тѣхъ случаяхъ, когда ему поздно высылали выписанные имъ журналы и онъ долго оставался безъ чтенія современныхъ литературныхъ произведеній. „Я доселѣ не получилъ ни одной изъ новыхъ газетъ“, писалъ онъ 11 января 1859 года своему брату, „точно ли записался на нихъ г. Нильскій“²⁾. Или онѣ уже такъ неисправны съ перваго разу? Плохая рекомендація“³⁾. „Я уже жаловался тебѣ“, писалъ онъ че-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Иванъ Ѳеодоровичъ Нильскій, въ то время бакалавръ, а впоследствии профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи, † 1894 г.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

резъ недѣлю, 18 января, „что доселѣ не получаю ни одной газеты, на которыя подписался за меня г. Нильскій. Теперь снова повторяю ту же жалобу и прошу справиться у Нильскаго, точно ли онъ подписался и, если да, чтобы обратился къ самымъ мѣстамъ, гдѣ онъ подписался, съ требованіемъ должнаго. Ужели надобно предположить, что доселѣ ни одна изъ этихъ газетъ не выходила? А въ объявленіяхъ-то чего не обѣщали!.. Охъ, русское молодечество!.. Христіанское Чтеніе изъ рукъ вопъ плохо. А разсылается оно подписчикамъ еще хуже. Я порадовалъ было для него въ прошломъ году и увеличилъ число подписчиковъ на него ста на два въ моей епархіи. И что жь? Одни, вмѣсто десяти экземпляровъ, получили по одному и по два, а другіе по пяти, по шести книжекъ. Три раза относилась Консисторіи объ этомъ въ редакцію и никакого отвѣта. Теперь принужденъ писать туда самъ. И отселѣ мои тамбовцы не хотятъ уже подписываться на Христіанское Чтеніе. По дѣломъ!“ ¹⁾).

Отчасти изъ этого отзыва о Христіанскомъ Чтеніи, а еще больше изъ другихъ отзывовъ преосв. Макарія видно, что онъ весьма внимательно прочитывалъ все, сколько нибудь интересное въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. „Читали ли вы, братецъ,“ писалъ онъ 25 января 1859 года, „Слово Сергіевского ²⁾ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, сказанное въ университетскій праздникъ? Увы! Слово очень незавидное! Я ожидалъ лучшаго.“ ³⁾ „Читалъ я статью о Сойярѣ ⁴⁾ въ Ду-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Прот. Николай Александровичъ Сергіевскій, магистръ XVIII курса (1849 г.) С.-Петербургской духовной Академіи, до 1850 г. бакалавръ ея, а до 1854 г.— московской духовной Академіи; впоследствии профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ; † въ 1892 г. въ санѣ протопресвитера московскаго успенскаго собора.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁴⁾ Сойяръ—доминиканскій монахъ, французскій проповѣдникъ, въ концѣ 1856 г. прибывшій въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ привлекалъ массу слушателей своими проповѣдями въ католическую церковь св. Екатерины на Невскомъ Проспектѣ.

ховной Бесѣдѣ“, писалъ онъ недѣлю спустя, 1 февраля. „Значеніе статьи довольно неопредѣленное. Кто писалъ еѣ? ¹⁾ А гораздо лучше противопоставить Сойяру достойнаго русскаго проповѣдника: только гдѣ его взять“? ²⁾ „Читая въ этой Бесѣдѣ“, дѣлился своими впечатлѣніями преосв. Макарій съ братомъ въ другомъ письмѣ, „письма Яхонтова ³⁾ къ измѣннику православія, скорблю, зачѣмъ печатаютъ такіа слабыя вещи: такъ ли въ наше время защитникамъ православія должно отвѣчать папистамъ? И Русская Церковь не нашла у себя болѣе достойнаго защитника! Вообще безцвѣтно, безцвѣтно, безцвѣтно.“ ⁴⁾

Выдающееся положеніе въ ряду духовныхъ журналовъ того времени занималъ „Православный Собесѣдникъ“, органъ Казанской духовной Академіи. Журналъ этотъ отличался жизненнымъ направленіемъ и отзывчивостью на всѣ современныя событія и потребности русскаго общества. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ журналѣ былъ его редакторъ, тогдашній ректоръ Казанской духовной Академіи, архим. Іоаннъ ⁵⁾. Направленіе журнала и статьи его, принадлежавшія перу архим. Іоанна, не ускользнули отъ зоркаго глаза преосв. Макарія. Онъ съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за журналомъ и своими впечатлѣніями обмѣнивался съ братомъ, который, въ свою очередь, обращалъ его вниманіе на казанскій духовный жур-

¹⁾ Впоследствии оказалось, что авторомъ ея былъ гр. Д. Н. Толстой-Знаменскій.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Прот. Л. К. Яхонтовъ († 1888 г.), съ 1 мая 1862 г. редакторъ-издатель Духовной Бесѣды.

⁴⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 18 мая 1858 года.

⁵⁾ Архим. Іоаннъ Соколовъ—магистръ XIII курса (1842 г.) Московской духовной Академіи, бывший бакалавромъ ея (1842—1844), бакалавромъ и профессоромъ С.-Петербургской духовной Академіи (1844—1855 г.), ректоромъ С.-Петербургской дух. семинаріи (1855—1857 г.), Казанской дух. Академіи (1857—1864 г.) и С.-Петербургской духовной Академіи (1864—1866 г.); † 1869 г. въ санѣ епископа смоленскаго.

наль, интересовавшій въ то время весь Петербургъ „Слова о. Іоанна въ Собесѣдникѣ я читаль“, писалъ преосв. Макарій брату 4 января 1859 года. „Первое предъ началомъ ученія мнѣ вовсе не нравится: по мыслямъ самое обыкновенное и не вездѣ отчетливое, а по изложенію высокопарное, испещренное свѣтскими фразами, неприличными церковному слову. По этой—то высокопарности оно и нравится свѣтскимъ людямъ, не понимающимъ толку въ „словахъ.“ А по духу и тону оно крайне гордое, заносчивое и отталкивающее. Другое слово о духовномъ просвѣщеніи гораздо лучше: и мысли здѣсь отчетливѣе, хотя тоже очень обыкновенныя, и изложеніе не такъ надуту и высокопарно. Свѣтскимъ людямъ оно можетъ нравиться, кромѣ свѣтскаго изложенія, и по самому своему предмету. Тутъ и тонъ менѣе гордый и по мѣстамъ пробивается что-то похожее на чувство. Замѣчательно, что въ обоихъ словахъ нѣтъ ни одного текста: что это за духовное краспорѣчіе?.. Вообще же мое мнѣніе объ о. Іоаннѣ и его дарованіяхъ тебѣ извѣстно: оно очень не низкое“¹⁾. „О. Іоанну,“ писалъ онъ позже, 29 марта, „дѣйствительно, не мѣшало бы сдѣлать замѣчаніе за нѣкоторыя статьи, или, вѣрнѣе, за рѣзкій и самомнительный тонъ ихъ. Но они вообще бойки, а слово объ освобожденіи крестьянъ даже очень хорошо... Архіереемъ—то быть онъ стоитъ, да и по времени ему уже пора бы“²⁾.

Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ преосв. Макарій въ Тамбовѣ и за отдѣльными, сколько-нибудь выдающимися произведеніями русской литературы, преимущественно духовной. По крайней мѣрѣ, онъ внимательно перечитывалъ всѣ тѣ сочиненія, которыя во множествѣ получалъ въ подарокъ отъ ихъ авторовъ. Своими мнѣніями о прочитанныхъ сочиненіяхъ онъ также дѣлился съ братомъ. „Я прочиталь,“ пи-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

саль онъ ему 1 февраля 1859 года, „сочиненія и переводы Васи́лія Борисовича ¹⁾: да ихъ такъ много, и они очень хороши. Право, я этого не зналъ, и прежде мнѣ не приходилось никогда читать ихъ“ ²⁾. Съ особеннымъ интересомъ преосв. Макарій отнесся къ книгѣ, изданной въ память пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургской духовной Академіи, праздновавшагося 17 февраля 1859 года. „Благодарю васъ“, писалъ онъ брату 9 марта этого же года, „за присланную брошюрку объ академическомъ юбилей“ ³⁾... Обо мнѣ выразился г. Чистовичъ кратко, но съ силою... Остальныя статьи—хороши, не болѣе“ ⁴⁾.

Внимательно и серьезно слѣдя за современною духовною литературою, преосв. Макарій вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ принималъ теперь такое же живое участіе въ ней, какъ и прежде. Не смотря на то, что непрерывныя занятія по епархіи требовали весьма много времени, не смотря на неоднократную болѣзнь и неудобства въ отношеніи пріобрѣтенія необходимыхъ пособій, преосв. Макарій и въ Тамбовѣ продолжалъ учено-литературную дѣятельность, такъ славно начатую въ С.-Петербургѣ. Всѣ тамбовскія произведенія его могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) церковно-историческіе и 2) проповѣдническіе труды.

Къ первому разряду должны быть отнесены слѣдующія церковно-историческія произведенія преосв. Макарія: 1) *о Григоріѣ Цамблакѣ, митрополитѣ кievскомъ, какъ писатель*. Статья эта была написана преосв. Макаріемъ еще въ бытность имъ ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи и лично была читана имъ въ одномъ изъ засѣданій втораго отдѣленія Им-

¹⁾ Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, духовникъ Ихъ императорскихъ Величествъ и членъ Св. Синода, † 1883 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Заглавіе брошюры: „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской духовной Академіи 17 февраля 1859 года.“

⁴⁾ Изъ неизданнаго сочиненія.

ператорской Академіи Наукъ, но напечатана она была уже отъ имени преосв. Макарія, какъ епископа тамбовскаго въ 1857 году. Въ этомъ своемъ краткомъ, но довольно полномъ очеркѣ преосв. Макарій сначала излагалъ біографическія свѣдѣнія о м. Григоріѣ Цамблакѣ, затѣмъ въ общихъ чертахъ характеризовалъ сочиненія его и отличительныя особенности этихъ сочиненій, дѣлалъ подробный разборъ самихъ сочиненій м. Григорія, предварительно раздѣливъ ихъ на 4 разряда, и, наконецъ, въ качествѣ заключенія предлагалъ русскій переводъ слова, сказаннаго м. Григоріемъ Цамблакомъ въ великій четвертокъ. 2) *Біографическая записка о преосвященномъ Иннокентіѣ, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ*. Записка эта была составлена преосв. Макаріемъ въ концѣ 1857 года, по порученію Академіи Наукъ, и была напечатана въ „Ученыхъ Запискахъ“ ея за 1858 годъ. „Всю эту недѣлю“, писалъ 14 декабря 1857 года преосв. Макарій своему брату, „я занимался болѣе обыкновеннаго: нужно было поспѣшить составить біографическую записку о преосв. Иннокентіѣ, по порученію Академіи Наукъ,—что я, слава Богу, успѣлъ кончить нынче утромъ и отсылаю по нынѣшней же почтѣ. Записка, несомнѣнно, будетъ напечатана, а, можетъ быть и читана на публичномъ актѣ Академіи 29 декабря“, записка была составлена довольно обстоятельно и представляла не столько біографію преосв. Иннокентія, сколько характеристику его личности, какъ профессора, администратора, ученаго и проповѣдника, при чемъ за нѣкоторыми свѣдѣніями преосв. Макарій обращался къ другимъ лицамъ, или близкимъ къ архіеп. Иннокентію, или же непосредственно наблюдавшимъ дѣятельность его въ такіе періоды его жизни, когда не зналъ его, или не могъ лично наблюдать его дѣятельность самъ преосв. Макарій ¹⁾. 3) *О сочиненіяхъ митрополита кievскаго Кирилла II*. Эга

¹⁾ Между прочимъ, преосв. Макарій обращался за нѣкоторыми необходимыми свѣдѣніями къ архим. Теофилакту (Праводинакову), прот. А. Логгиновско-

литературно-критическая статья была написана преосв. Макариемъ въ 1859 году съ дѣлю, какъ онъ самъ говоритъ, „высказать вслѣдъ за другими и свое мнѣніе по интересному въ исторіи русской литературы предмету“. Содержаніе настоящаго очерка таково. Сначала излагается исторія вопроса, затѣмъ дѣлается подобный критическій разборъ существовавшихъ тогда мнѣній о сочиненіяхъ м. Кирилла и, въ концѣ концовъ, дѣлается слѣдующее заключеніе: „итакъ, изъ девяти сочиненій приписываемыхъ м. Кириллу II, только одно „Правило“ несомнѣнно ему принадлежитъ, а другое—„Поученіе къ попамъ“ можетъ быть усвояемо ему съ вѣроятностію; прочія семь приписываются ему несправедливо или неосновательно. Критики, побольше критики—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей литературы. Знакомясь болѣе и болѣе съ нашею древнею письменностію частію по умножающимся „Описаніямъ“ рукописныхъ библіотекъ, частію по самымъ памятникамъ, дѣлающимся день ото дня болѣе доступными, мы спѣшимъ рѣшать литературные вопросы безъ дальнихъ изысканій и соображеній, спѣшимъ перые произнести свой приговоръ объ открываемыхъ сочиненіяхъ и надѣляемъ ими авторовъ съ большою щедростію, тономъ смѣлымъ и самоувереннымъ, на оспораніи какихъ-нибудь самыхъ слабыхъ указаній и догадокъ, а иногда и совершенно произвольно. Примѣровъ этому можно бы привести безчисленное множество изъ одной, извѣстной книги. Такіе рѣшенія и приговоры, сколько бы мы ни обольщали ими самихъ себя, отнюдь не составляютъ вклада въ сокровищницу науки и не подвигаютъ ее впередъ; напротивъ, останавливаютъ и запутываютъ: потому что представляютъ одни лишніе затрудненія послѣдующимъ

му. См. Предисловіе къ изданнымъ нами „Воспоминаніямъ о преосв. Иннокентіѣ“ въ Труд. К. д. Ак. 1895. IV. 627—649. Самая „біографическая записка преосв. Иннокентія“ была напечатана въ Учен. зап. П отд. Имп. Акад. Наукъ кн. V. СПб 1859 г стр. XXXVIII—LIV.

изыскателямъ въ той же области, которые не могутъ же простираться далѣе, прежде нежели пересмотрятъ, разберутъ и оцѣнятъ мнѣнія своихъ предшественниковъ. Критики, побольше критики,—вотъ чего намъ нужно желать въ исторіи нашей литературы“. Заключение, приведенное нами, имѣло въ виду главнымъ образомъ „Обзоръ русской духовной литературы“ архіеп. Фларета, мнѣніе котораго о сочиненіяхъ, принадлежащихъ, будтобы, м. Кириллу II выше критиковалъ преосв. Макарій. 4) *О новгородскихъ Четіихъ Миней*. Статья эта была помѣщена преосв. Макаріемъ въ новооткрывшемся тогда московскомъ историческомъ журналѣ. „Меня пригласили“, писалъ преосв. Макарій 25 января 1859 года своему брату, участвовать въ ученомъ московскомъ журналѣ: „Лѣтописи Русской литературы и древности“. Я послалъ имъ уже небольшую статью мою „изъ вѣжливости за присланный мнѣ билетъ на полученіе этого журнала. Онъ предпринять профессорами московскаго университета и будетъ выходить чрезъ каждые два мѣсяца“¹⁾. Въ статьѣ своей преосв. Макарій послѣ указанія на важность Четіихъ Миней въ историческомъ и литературномъ отношеніяхъ (предисловіе), опредѣлялъ время пожертвованія архіеп. Макаріемъ своихъ Миней въ новгородскій Софійскій соборъ (отд. I), говорилъ о вѣншихъ особенностяхъ этого памятника (отд. II), о содержаніи и внутреннихъ особенностяхъ его (отд. III), при чемъ въ томъ и другомъ отношеніи сравнивалъ новгородскія Четія Миней съ московскими, и, наконецъ, показывалъ, что нѣкоторыя статьи русскія, написанныя прежде миней, вошли въ новгородскія миней безъ всякаго измѣненія, а другія—въ измѣненномъ видѣ. 5) Наконецъ, въ бытность тамбовскимъ епископомъ, преосв. Макарій продолжалъ заниматься и своимъ главнымъ историческимъ трудомъ. Разумѣемъ „Исторію Русской Церкви“. Впрочемъ, работы по продолженію этого труда шли у преосв. Ма

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

варія въ Тамбовѣ весьма медленно. Главною причиною этого служила трудность, съ какою сопряжено было въ Тамбовѣ приобрѣтеніе необходимыхъ пособій. Безспорно, и самая новость дѣла по управленію епархіею много отвлекала преосв. Макарія отъ систематическаго продолженія имъ своего труда. „Заниматься здѣсь совершенно нельзя“, замѣчалъ преосв. Макарій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату. Тѣмъ не менѣе однакоже преосв. Макарій и въ Тамбовѣ, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣлалъ, что могъ. Между прочимъ въ поискахъ за пособіями для продолженія исторіи русской церкви онъ обращался главнымъ образомъ къ К. И. Невоструеву, извѣстному составителю описанія московской синодальной библіотеки. Съ Невоструевымъ преосв. Макарій познакомился еще въ то время, когда былъ ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи. Еще въ то время Невоструевъ, по просьбѣ преосв. Макарія, доставлялъ ему перечень синодальныхъ рукописей до-монгольскаго періода и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ документахъ, хранившихся въ московской синодальной библіотекѣ и относившихся къ древней русской церковной исторіи¹⁾. Въ бытность преосв. Макаріа тамбовскимъ епископомъ, Невоструевъ также помогалъ ему въ доставленіи необходимыхъ источниковъ и пособій. Такъ, напр., при письмѣ отъ 30 мая 1858 года онъ пересылалъ ему вторую книжку „Описанія синодальныхъ рукописей“ и копію съ подлинной челобитной одного изъ прежнихъ тамбовскихъ епископовъ (Леонтія) къ патриарху Іоакиму²⁾. Замѣчательнъ отвѣтъ преосв. Макаріа Невостроеву на это послѣднее письмо его,—замѣчательнъ именно тѣмъ, что показываетъ его недовольство своимъ положеніемъ, лишившимъ его возможности по-прежнему всецѣло отдаваться ученому труду и, прежде всего, занятіямъ

¹⁾ См. письмо преосв. Макаріа къ К. И. Невоструеву отъ 28 мая 1856 г. въ Прав. Ороэр. за 1889 г. т. 3 стр. 202—203. Отвѣтное письмо Невоструева къ преосв. Макарію отъ 17 июля 1856 г. было у насъ въ рукописномъ видѣ

²⁾ Мы имѣли подъ руками неизданный подлинникъ письма.

русскою церковною исторіей. Въ одномъ мѣстѣ письма преосв. Макаріи съ видимою скорбью гозорить даже о невозможности трудиться на учено-литературномъ поприщѣ. „Если я уже и не могу самъ трудиться для науки, то все же отъ души сочувствую трудящимся и, вѣрьте, вашему собственно труду искренне желаю всякаго успѣха“ ¹⁾. За время своего пребыванія въ Тамбовѣ преосв. Макаріи составилъ и напечаталъ только одну статью, непосредственно касавшуюся главнаго предмета его занятій—исторіи русской церкви. Разумѣемъ статью его: „Успѣхи православной церкви русской въ періодъ монгольскій“. Здѣсь, послѣ краткаго вступленія, преосв. Макаріи говорилъ о распространеніи православной вѣры въ монгольскій періодъ между самими монголами (отд. I), въ Литвѣ (отд. II) и въ древней Біарміи, или Перми, между Зырянскими (отд. III) ²⁾.

За невозможностію, или во всякомъ случаѣ за неудобствомъ трудиться собственно на ученомъ поприщѣ, преосв. Макаріи, въ бытность тамбовскимъ епископомъ, съ особенною любовію и энергіею отдавался проповѣдническому дѣлу. Потому тамбовскій періодъ былъ самымъ плодотворнымъ временемъ во всей жизни м. Макаріи въ отношеніи проповѣдническомъ. Изъ времени двухлѣтняго пребыванія преосв. Макаріи на тамбовской архіерейской кафедрѣ сохранилось 56 проповѣдей, изъ коихъ 25 было произнесено въ 1857 году, 27 проповѣдей—въ 1858 г. и 4 проповѣди—въ 1859 г. Правда, въ существующихъ печатныхъ изданіяхъ проповѣдей м. Макаріи къ тамбовскому періоду его жизни относится только 52 проповѣди, изъ коихъ 25 проповѣдей падаетъ на 1857 г., 26 проповѣдей—на 1858 г. и 1 проповѣдь—на 1859 г. Но въ данномъ случаѣ въ печатныя изданія вкралась небольшая хронологическая неточность, происшедшая отъ того, что нѣкоторыя проповѣди преосв. Макаріи печатались въ ду-

¹⁾ См. Правл. Обзор. 1889 г. т. 3 стр. 204.

²⁾ См. Христ. Чтеніе 1859 г. т. 1, стр. 436—472

ховныхъ журналахъ черезъ годъ послѣ ихъ произнесенія. Мы считаемъ необходимымъ отмѣтить эту неточность, такъ какъ она, между прочимъ, послужила даже причиною того, что нѣкоторыя проповѣди, произнесенныя преосв. Макаріемъ въ Тамбовѣ, считаются теперь произнесенными имъ въ Харьковѣ. Такъ напр., „Слово о средствахъ къ искорененію неправды въ судахъ“, которое въ печатныхъ изданіяхъ проповѣдей преосв. Макарія отмѣчается произнесеннымъ 6 декабря 1858 года въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ¹⁾, на самомъ дѣлѣ было произнесено 6 декабря 1858 года въ Тамбовѣ. „Вчера“, писалъ 7 декабря 1858 года преосв. Макарій своему брату, „для торжественнаго дня я сказалъ здѣшнимъ чинамъ рѣзкую проповѣдь противъ святотатства и лихоимства“²⁾. Нѣсколько позже, 21 декабря онъ писалъ ему о томъ же слѣдующее: „6 декабря я сказалъ проповѣдь въ духѣ современномъ, которая произвела чрезвычайное впечатлѣніе такъ что нѣсколько дней только и толку было, что о ней, по всему городу. Я послалъ ее къ о. Теофану; не знаю, напечатается ли“³⁾. Тоже самое случилось съ тремя проповѣдями произнесенными на текстъ 136 псалма, и съ проповѣдью, сказаною въ недѣлю православія 1859 г. Въ печатныхъ изданіяхъ проповѣдей преосвящ. Макарія слова на текстъ 136 псалма отмѣчены произнесенными въ Покровской церкви харьковскаго архіерейскаго дома 31 генваря, 7 и 14 февраля 1860 года⁴⁾ но на самомъ дѣлѣ они были произнесены въ Тамбовѣ. „Уступая твоему желанію“, писалъ 9 марта 1859 года преосв. Макарій своему брату, „я отправляю нынче къ о. Теофану

¹⁾ См. Слова и Рѣчи м. Макарія СПб. 1891 г. стр. 441—446. Слово это было напечатано первоначально въ Христ. Чит. (1859 г. т. 1 стр. 171—177); и здѣсь право было сказано въ примѣчаніи, что слово было произнесено преосв. Макаріемъ въ Тамбовѣ 6 дек. 1858 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁴⁾ См. Слова и Рѣчи м. Макарія 1891 г. СПб. стр. 460—471. Ср. Хр. Чит. 1861 г. ч. 1 стр. 33—36; здѣсь въ примѣчаніи сказано, что проповѣдь была произнесена 15 февр. 1859 г.

и проповѣди на слова: „на рѣкахъ вавилонскихъ“... Только предупреждаю: не ожидай отъ нихъ ничего особеннаго. Онѣ очень просты и были сильны только во время произнесенія и по самому своему предмету. Ихъ три. А четвертую, сказанную въ недѣлю православія, и также посылаемую, имѣю честь рекомендовать: она похитрѣе и посерьезнѣе. Впрочемъ, я пишу къ о. Ѳеофану, чтобы онъ не стѣснялся и, если найдеть уже не по времени помѣщеніе моихъ проповѣдей въ книжкахъ Христіанскаго Чтенія,—то отложилъ бы до слѣдующаго года“¹⁾. *Такъ и случилось. Проповѣди въ недѣлю православія²⁾, равно какъ и проповѣди на слова 136 псалма были отложены до будущаго времени, когда и были напечатаны уже отъ имени преосв. Макарія, какъ харьковскаго епископа.*

Итакъ, всѣхъ тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія сохранилось 56. Но у насъ есть несомнѣнные данныя для доказательства того, что преосв. Макарій въ Тамбовѣ произнесъ несравненно больше проповѣдей, чѣмъ сколько ихъ сохранилось. Попробуемъ, на основаніи собственнаго свидѣтельства преосв. Макарія, хотя приблизительно возстановить количество произнесенныхъ имъ въ Тамбовѣ проповѣдей, или, по крайней мѣрѣ, сообщить хоть какія-либо свѣдѣнія о несохранившихся его проповѣдяхъ. Прежде всего, не сохранились всѣ проповѣди, какія говорилъ преосв. Макарій въ первой половинѣ іюня, т. е. вскорѣ послѣ пріѣзда въ Тамбовъ во время посѣщенія церковей на пути изъ Тамбова въ Липецкъ. Самъ преосв. Макарій въ письмѣ къ брату отъ 16 іюня 1857 года замѣчалъ, между прочимъ, что во время этой поѣздки по епархіи онъ „почти вездѣ говорилъ проповѣди безъ приготовленія, прямо на память. Проповѣди эти“, прибавлялъ онъ тутъ же, „я не записываю и всѣ онѣ никогда не увидятъ печати; да

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ См. Слова и Рѣчи. СПб. 1891 г. стр. 348—352. Ср. Христ. Чт. 1861 г. ч. I стр. 61—69; здѣсь въ примѣчаніи сказано, что Слово въ недѣлю православія было произнесено 1 марта 1859 года.

и не нужно“¹⁾. Затѣмъ не сохранилась одна изъ двухъ проповѣдей, произнесенныхъ преосв. Макаріемъ въ концѣ ноября 1857 года въ Моршанскѣ. „Я крайне усталъ и измучился“, писалъ преосвящ. Макарій 2 декабря 1857 года своему брату. „Едва проводивъ дорогого гостя²⁾, и на другой же день раненько отправился въ Моршанскѣ. Тамъ сряду служилъ три дня, освятилъ три престола, сказалъ двѣ проповѣди, вынесъ три торжественныхъ купеческихъ обѣда... и въ изнеможеніи воротился домой въ среду на ночь“³⁾. А между тѣмъ въ печати извѣстна только одна изъ упомянутыхъ сейчасть преосв. Макаріемъ проповѣдей, именно „слово по освященіи соборнаго храма въ городѣ Моршанскѣ 24 ноября 1857 года“⁴⁾. Также не сохранились три проповѣди, сказанныя преосв. Макаріемъ въ половинѣ октября 1858 года—двѣ въ Козловѣ и одна въ Тамбовѣ. „Сѣзидилъ я въ Козловѣ“, писалъ преосв. Макарій брату 19 октября 1858 года, „слава Богу, благополучно. Во вторникъ поѣхалъ, въ среду отслужилъ въ монастырѣ и сказалъ проповѣдь, въ четвертокъ—въ соборѣ и сказалъ проповѣдь и къ 8 часамъ вечера воротился въ Тамбовѣ. Нынче, съ Божіею помощію, освятилъ свою церковь и сказалъ еще проповѣдь“⁵⁾. Изъ этого же самаго письма преосв. Макарія, кромѣ того, видно, что до насъ не дошло около 30 проповѣдей преосв. Макарія, сказанныхъ имъ лѣтомъ и осенью 1858 года. „Теперь немного жалѣю“, читаемъ въ этомъ письмѣ, „что вотъ уже до тридцати проповѣдей

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Разумѣется преосв. Кириллъ, еп. медитопольскій, посѣщавшій преосв. Макарія осенью 1857 года на пути изъ С.Петербурга въ Іерусалимъ, куда онъ былъ назначенъ настоятелемъ нашей миссіи.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁴⁾ См. „Слова и Рѣчи“ СПб. 1891 г. стр. 286—294.

⁵⁾ Изъ неизданнаго письма.

сказано мною со дня Троицы, и рѣшительно ни одна не записана, хотя нѣкоторыя были очень порядочныя. Напримѣръ, сказанная недавно въ Козловскомъ соборѣ произвела величайшее впечатлѣніе. Напечатана только въ Христіанскомъ Чтеніи одна рѣчь моя къ дворянству, какъ извѣщаетъ меня о. Теофанъ. Прочти и скажи свое мнѣніе“. Наконецъ не сохранилась проповѣдь, сказанная преосв. Макаріемъ 26 октября 1858 года. „Нынче“, писалъ онъ въ этотъ день своему брату, „служилъ обѣдню и сказалъ проповѣдь“¹⁾. Между тѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ нѣтъ проповѣди преосв. Макарія на 26 октября 1858 г. Вообще же нужно сказать что преосв. Макарій, по собственному его свидѣтельству, говорилъ проповѣди въ Тамбовѣ почти неопустительно при всякомъ священнослуженіи. Поэтому, мы не удалимся отъ истины, если скажемъ, что до насъ сохранилась меньшая часть тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія.

Не считая необходимымъ для себя входить въ подробный разборъ тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія со стороны ихъ содержанія, мы ограничимся здѣсь самими общими замѣчаніями по этому поводу. Прежде всего, должно признать, что содержаніе тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія зависѣло главнымъ образомъ отъ того мѣста, гдѣ онъ произносилъ ихъ, и строго соотносилось съ потребностями слушателей, предъ которыми онѣ произносились. Преимущественнымъ мѣстомъ сказыванія проповѣдей преосв. Макарія въ Тамбовѣ служила Предтеченская церковь архіерейскаго дома. Здѣсь было произнесено большинство изъ сохранившихся тамбовскихъ проповѣдей, именно 37 изъ 56. Затѣмъ довольно часто проповѣдывалъ преосв. Макарій въ тамбовскомъ кафедральномъ соборѣ, около 8 разъ за два года. Остальныя проповѣди были произнесены въ разныхъ мѣстахъ и храмахъ тамбовской епархіи, при посѣщеніи ихъ во время

¹⁾ Изъ невиданнаго письма.

общаго обозрѣнія епархій, или же по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ жизни самаго архипастыря, или же его пасомыхъ.

Не трудно подмѣтить различіе въ содержаніи проповѣдей преосв. Макарія, произнесенныхъ имъ въ церкви своего архіерейскаго дома и въ другихъ храмахъ тамбовской епархіи. Проповѣди, сказанныя въ церкви архіерейскаго дома, имѣютъ много общаго между собою по характеру. Всѣ онѣ представляютъ нравоучительныя разясненія православно-церковнаго ученія. Видимо, что преосв. Макарій въ церкви своего архіерейскаго дома сознавалъ себя какъ бы постояннымъ архипастыремъ-учителемъ, имѣющимъ опредѣленную, также постоянную паству. Оттого онъ иногда нѣсколько проповѣдей посвящалъ разясненію одной и той же истины. Таковы напр., 4 проповѣди, сказанныя преосв. Макаріемъ 12, 19 и 26 января и 2 февраля 1858 года на текстъ: „покаянія отъ верзили мы двери, Жизнодавецъ!“¹⁾ Оттого же многія проповѣди сказанныя здѣсь послѣдовательно одна за другой, находятъ въ тѣснѣйшей логической связи между собою, такъ что послѣдующая проповѣдь являлась естественнымъ продолженіемъ предыдущей. Тѣмъ же самымъ объясняются и частыя ссылки въ разсматриваемыхъ проповѣдяхъ преосв. Макарія на прежніе его проповѣди. Такъ, напр., свое слово въ недѣлю XX по пятидесятницѣ, сказанное 13 октября 1857 года, преосв. Макарій началъ слѣдующимъ обращеніемъ къ своимъ слушателямъ „въ прошедшее воскресенье, братіе, мы слышали изъ евангелія заповѣдь нашего Спасителя о любви ко врагамъ; нынѣ ж слышимъ другую Его заповѣдь о любви и милосердіи къ несчастнымъ“²⁾... Такимъ же почти обращеніемъ къ слушателямъ начиналъ преосв. Макарій и проповѣди, сказанныя имъ въ четвертую и пятую недѣли великаго поста въ слѣдующемъ 1858 году³⁾.

¹⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 329—347.

²⁾ См. тамъ же стр. 249.

³⁾ См. тамъ же стр. 362—367.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что преосв. Макарій и на храмъ тамбовскаго кафедральнаго собора смотрѣлъ также, какъ на мѣсто, съ котораго онъ долженъ былъ постоянно преподавать своимъ пасомымъ уроки православно-христіанскаго ученія. Замѣчательно въ этомъ отношеніи слово преосв. Макарія, произнесенное имъ 11 мая 1858 года въ тамбовскомъ соборѣ. Оно особенно ясно показываетъ, насколько внимательно и серьезно относился преосв. Макарій къ проповѣдническому дѣлу въ Тамбовѣ. Свои наставленія слушателямъ онъ поставлялъ иногда въ непосредственную связь съ тѣми уроками, какіе преподавалъ имъ годъ тому назадъ. „Прошелъ ровно годъ“, говорилъ въ своемъ словѣ 11 мая 1858 года преосв. Макарій „какъ этими самыми апостольскими словами (раньше былъ произнесенъ текстъ: *„благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всеми“* (2 Кор. XIII, 13), въ этотъ самый торжественный день, съ этого священнаго мѣста, я началъ, братіе, мои пастырскія бесѣды съ вами. И тогда, естественно, желая всякаго успѣха моему начинавшемуся служенію посреди васъ, которое имѣетъ цѣлію ваше вѣчное спасеніе, я старался раскрыть предъ вами истину, что для достиженія спасенія прежде и болѣе всего необходима намъ благодать Трїипостаснаго Бога. Теперь, повторяя ту же важнѣйшую истину, я желалъ бы восполнить ее другою истиною, не менѣе важною, и такимъ образомъ докончить то, что началъ тогда, —желалъ бы показать, что, если съ одной стороны, въ дѣлѣ нашего спасенія необходимо намъ содѣйствіе Божіе, то съ другой столько же необходимо и наше собственное участіе“ ¹⁾. Такимъ образомъ, если преосв. Макарій и не проповѣдывалъ въ тамбовскомъ кафедральномъ соборѣ съ такою же систематичностію, какъ въ церкви своего архіерейскаго дома, то единственною причиною этому служило то обстоятельство, что

¹⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 417.

онъ совершалъ тамъ богослуженіе не такъ часто, какъ въ своей церкви.

Большая часть проповѣдей, произнесенныхъ преосв. Макаріемъ въ кафедральномъ соборѣ и въ другихъ храмахъ тамбовской епархіи, были сказаны имъ по особеннымъ случаямъ и по особеннымъ обстоятельствамъ. Оттого и содержаніе всѣхъ такихъ проповѣдей—особенное и разнообразное. Впрочемъ, чаще всего преосв. Макарій говорилъ проповѣди при освященіи новыхъ, или же только вновь перестроенныхъ храмовъ. Таковы, напр., слова его сказанныя 22 сентября 1857 года (по освященіи церкви въ кирсановскомъ монастырѣ)¹⁾, 20 октября того же года (по освященіи Троицкой тамбовской церкви)²⁾, 24 ноября того же года (по освященіи моршанскаго собора)³⁾ и др. Въ словахъ подобнаго рода преосв. Макарій по преимуществу бесѣдовалъ о значеніи храмовъ Божіихъ въ дѣлѣ нашего спасенія, и только иногда касался мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., въ словахъ 20 октября 1858 года и 23 ноября того же года, гдѣ онъ доказывалъ несправедливость молоканскаго ученія, отрицавшаго необходимость храмовъ⁴⁾.

Еще чаще приходилось преосв. Макарію говорить проповѣди при посѣщеніи, или при священнослуженіи въ храмахъ монастырей тамбовской епархіи. Таковы, напр., слова его, сказанныя 20 іюля 1857 года (въ Вознесенскомъ тамбовскомъ женскомъ монастырѣ)⁵⁾, 15 августа того же года (въ саровской пустыни)⁶⁾, 22 сентября того же года (въ кирсановскомъ женскомъ монастырѣ)⁷⁾, 26 декабря того же года

¹⁾ См. тамъ же стр. 225—229.

²⁾ См. тамъ же стр. 255—261.

³⁾ См. тамъ же стр. 286—294.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 255—261; 289—294.

⁵⁾ См. тамъ же стр. 209—212.

⁶⁾ См. тамъ же стр. 213—216.

⁷⁾ См. тамъ же стр. 225—229.

(въ тамбовскомъ женскомъ монастырѣ)¹⁾, 6 апрѣля 1858 года (въ томъ же монастырѣ)²⁾ и 1 мая того же года и въ томъ же монастырѣ³⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ преосв. Макарій предметы для своихъ собесѣдованій избиралъ примѣнительно къ состоянію своихъ слушателей, при чемъ болѣею частію исходилъ изъ разсужденія о томъ церковномъ событіи, какое воспоминалось въ день произнесенія проповѣди. Онъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ преимущественно объ отреченіи отъ міра, возвышеніи духа къ небу, дѣвствѣ, истинномъ подвижничествѣ и т. п.

Два раза за время своего служенія въ Тамбовѣ преосв. Макарій долженъ былъ высказаться по поводу выдающихся современныхъ событій предъ лицомъ высшихъ образованныхъ представителей своей паствы, а одинъ разъ онъ самъ, по собственному побужденію и выбору, произнесъ проповѣдь, которую самъ же опредѣлилъ, какъ „современную“. Въ декабрѣ 1857 года въ Тамбовѣ происходили дворянскіе выборы. Какъ новое, рѣдкое явленіе, оно было настоящимъ событіемъ для Тамбова, и преосв. Макарій, по естественному побужденію, долженъ былъ интересоваться имъ и даже, благодаря предупредительному отношенію тамбовскихъ дворянъ, къ своему Владыкѣ, принимать нѣкоторое участіе въ немъ. „У насъ теперь, съ 1 по 15 декабря“, писалъ онъ своему брату 8 декабря, „дворянскіе выборы: собралось дворянъ — ужасно сколько, и мы ежедневно рѣшительно не даемъ покоя своими визитами. Вотъ напасть: не дождусь, когда она пройдетъ“⁴⁾. 1-го декабря, предъ началомъ выборовъ, тамбовскіе дворяне принимали присягу въ кафедральномъ соборѣ. Преосв. Макарій самъ совершалъ въ этотъ день литургію и во время ея произнесъ проповѣдь. „А тутъ“, писалъ онъ 2 декабря 1857 года своему брату, „черезъ три дня (по возвращеніи изъ Моршанска), въ воскресенье послѣдовала новая

¹⁾ См. тамъ же стр. 312—313.

²⁾ См. тамъ же стр. 390—394.

³⁾ См. тамъ же стр. 410—412.

⁴⁾ Изъ неоплаченного письма.

торжественная служба предъ началомъ дворянскихъ выборовъ, новая проповѣдь—собственно къ дворянамъ и новый великолѣпный обѣдъ у предводителя дворянства¹⁾. Проповѣдь преосв. Макарія къ дворянамъ, по собственнымъ его словамъ, была принята весьма сочувственно²⁾. Нельзя однакоже незамѣтить, что проповѣдь, произнесенная преосв. Макаріемъ 1 декабря 1857 года предъ дворянскими выборами, въ печатномъ видѣ³⁾ не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое она произвела, судя по словамъ преосв. Макарія въ письмѣ его къ брату, на непосредственныхъ слушателей. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ много значенія имѣла самая обстановка, при какой была произнесена проповѣдь: личность проповѣдника, его извѣстность, торжественность минуты. По содержанію же проповѣди самая обыкновенная. Исходя изъ текста: „*Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, млаолетъ Господь*“ (Рим. XII, 19), проповѣдникъ разъяснялъ великое значеніе и важность присяги и того дѣла, по которому собрались дворяне, и въ заключеніе сказалъ нѣсколько словъ о важности переживаемаго времени. Это послѣднее заключеніе представляетъ лучшее мѣсто въ проповѣди. Для насъ оно важно еще въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о живѣйшемъ участіи преосв. Макарія къ выдающимся общественнымъ событіямъ и глубокомъ сочувствіи его къ совершавшимся въ то время преобразованіямъ. „*Мужи благородные!*“ говорилъ въ заключеніе своей проповѣди архипастырь. „Мы живемъ въ замѣчательную эпоху для нашего отечества, въ эпоху пробудившагося сознанія нашихъ собственныхъ недостатковъ, общественныхъ и частныхъ, въ эпоху свѣтлыхъ надеждъ, порывовъ и ожиданій, въ эпоху прекрасныхъ начинаній, улучшеній, усовершенствованій. Нашъ Благочестивѣйшій Монархъ—Миротворецъ,—да будетъ во вѣ-

¹⁾ Изъ приданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 8 и 14 декабря 1857 года.

³⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 295—300.

ки благословенно имя Его,—по прекращеніи недавней кровопролитной брани, выразилъ предъ всею Россіею живѣйшее желаніе своего сердца, „да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство, да царствуетъ въ судахъ ея правда и милость и каждый подѣ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“ (Высочайшій манифестъ 1856 года). И все отозвалось на этотъ царственный призывъ въ безграничной Россіи! Все—и голосъ отдѣльныхъ лицъ, и общественное мнѣніе, мало по малу возникающее и образующееся, и отечественная словесность, и наука, и, во главѣ всего, Православная церковь: ибо ктожъ болѣе и можетъ сочувствовать всякому истинному улучшенію и усовершенствованію въ народѣ русскомъ, какъ не она—Мать наша—которая для того и существуетъ на землѣ, чтобы вести какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлые народы къ постоянно-му, нескончаемому усовершенствованію?... Покажитежъ самымъ дѣломъ, что вы истинно сочувствуете высокимъ и благотворнымъ предначертаніямъ нашего возлюбленнаго Монарха: предъ вами теперь такой рѣдкій, такой прекрасный случай! Подавите въ себѣ всѣ расчеты самолюбія и своекорыстія, возвысьтесь надъ всѣми отношеніями вражды или дружбы, имѣйте въ виду одну общую пользу и изберите изъ круга вашего людей, которые бы дѣйствительно содѣйствовали утвержденію и усовершенствованію внутренняго благоустройства нашего края, творили въ судахъ его безпристрастно правду и милость и своею ревностію о соблюденіи законовъ, своею попечительностію о благѣ ближнихъ—способствовали къ тому, чтобы каждый изъ обитателей страны нашей могъ наслаждаться въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ. Именемъ вашего благороднаго сословія и всего нашего края, священнымъ именемъ Помазанника Божія и всего отечества, священнѣйшимъ именемъ самой Христовой Церкви—призываю васъ къ этому, благородные мужи! Аминь“¹⁾.—Можно думать что это послѣднее об-

ращеніе и все вообще заключеніе проповѣди, произнесенное съ воодушевленіемъ, и произвело то сильное впечатлѣніе, о которомъ писалъ преосв. Макарій своему брату. Самая же проповѣдь, по своимъ мыслямъ, была обыкновенная. Гораздо большій интересъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляетъ другая проповѣдь преосв. Макарія, произнесенная имъ при подобныхъ же обстоятельствахъ. Въ 1858 году въ Тамбовѣ имѣлъ открыться комитетъ для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ тамбовской губерніи. Это было начало того великаго преобразованія—освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, которое вмѣстѣ съ другими подобными дѣяніями обезсмертило императора Александра II Освободителя. По доброму русскому обыкновенію, открытію комитета предшествовало молебствіе. Молебствіе въ залѣ благороднаго собранія совершалъ 2 сентября 1858 года самъ преосв. Макарій и послѣ молебна произнесъ интересную проповѣдь. Слово ¹⁾ было сказано видимо съ силою и властію, чего совсѣмъ не замѣтно въ предыдущей проповѣди. Указавъ на важность того дѣла, къ которому были призваны его слушатели, преосв. Макарій затѣмъ началъ подробно разъяснять имъ сущность этого дѣла и тѣ условія, при какихъ оно можетъ быть совершенно успѣшно. „Мужи, избранные своими собратіями для великаго дѣла“! заключалъ преосв. Макарій своею пастоящую проповѣдь. „Помните твердо, что на васъ взираетъ теперь вся современность съ ожиданіемъ отъ васъ добрыхъ плодовъ, взираетъ не только обширный край нашъ, но и все отечество, и самъ отецъ отечества, равно любящій всѣхъ своихъ поданныхъ, великихъ и малыхъ, знатныхъ и незнатныхъ и равно заботящійся объ ихъ счастіи. Помните, что вы будете трудиться также предъ лицомъ потомства и исторіи. Ибо дѣло, къ которому вы призваны, такой необычайной важности, что отъ него должна зависѣть участь цѣлыхъ милліоновъ

¹⁾ См. тамъ же стр. 421—424.

нашихъ согражданъ, и не на мигъ, но, можетъ быть, на цѣлыя столѣтія,—такой важности, что оно составитъ, можетъ быть самую яркую эпоху въ исторіи нашего исполнинскаго отечества. А главное, трудясь здѣсь надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ бы подать *правду и уравненіе вашимъ рабамъ*, не забывай ни на минуту, что и вы *имате Господа на небесахъ*, Который видитъ все, и настоящее и будущее, у Котораго *нѣтъ на лица зрѣнія* (Рим. II, 11)... Еще слово,—достопочтенныя мужи! Дай вамъ Богъ рѣшить великій вопросъ такъ, чтобы можно было сказать: его рѣшали не только люди, истинно—образованные и благородные, но истинные христіане, къ чести своего вѣка и своей страны“¹⁾.

Еще съ болѣею силою, можно сказать, даже съ дерзновеніемъ была произнесена преосв. Макаріемъ проповѣдь 6 декабря 1858 года въ тамбовскомъ кафедральномъ соборѣ²⁾. Проповѣдь эта изъ всѣхъ тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія отличается именно своимъ обличительнымъ тономъ. Онъ самъ такъ смотрѣлъ на нее. „Вчера“, писалъ 7 декабря 1858 года преосв. Макарій своему брату, „для торжественнаго дня сказалъ *зѣвшииѣ чинамъ рѣзкую проповѣдь противъ взяточничества и лихоимства*“³⁾. Должно замѣтить здѣсь, что обличительныхъ проповѣдей у преосв. Макарія вообще мало и самый обличительный тонъ этихъ послѣднихъ у него отличается сдержаннымъ, положительнымъ и общимъ характеромъ. По справедливому замѣчанію проф. Кипарисова, преосв. Макарій обличалъ не лица, а или заблужденія, или недостатки ихъ⁴⁾. Въ данномъ же случаѣ преосв. Макарій обличалъ, хотя и не отдѣльныя лица, а цѣлый классъ общества, но за тѣ

¹⁾ См. тамъ же стр. 423—424.

²⁾ См. тамъ же стр. 441—446. Слово это, какъ замѣчено выше, неправильно но считается произнесеннымъ 6 декабря 1859 г. въ Харьковѣ.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁴⁾ См. псков. сочин. стр. 162 и слѣд. 176.

обличительная проповѣдь была произнесена предъ лицомъ высшихъ представителей того самаго класса общества, недостатки котораго осуждались проповѣдникомъ. Разсматриваемая проповѣдь была произнесена на текстъ: „*Боже, судъ твой царице даждь и правду твою сыну царице*“ (Псал. LXX, 1). „Не знаю, братіе мои“, началъ свое собесѣдованіе проповѣдникъ, „что намъ приличіе: молить ли Господа этими словами царя-пророка о нашемъ царѣ и его первенцѣ, тезоименитство котораго мы нынѣ празднуемъ, или скорѣе благодарить Господа за исполненіе этихъ молитвенныхъ словъ на нашемъ возлюбленномъ Монархѣ, котораго *судъ и правда* уже сіяютъ во всѣхъ предѣлахъ неизмѣримой Россіи, и который въ тѣхъ же понятіяхъ о царственныхъ доблестяхъ воспитываетъ и будущаго преемника своего престола? А вотъ о чемъ намъ нужно молиться, пламенно молиться, какъ нынѣ такъ и всегда, да даруетъ Господь *судъ и правду* и всѣмъ прочимъ властямъ, отъ Царя поставляемымъ, высшимъ, среднимъ и низшимъ, которыя должны быть помощниками Царя, блюстителями его законовъ, исполнителями его предначертаній о благѣ подданныхъ. Вотъ о чемъ намъ нужно молиться, да искоренить Господь всю эту неправду, которая такъ давно, глубоко и широко пустила свои корни во всѣхъ слояхъ нашего суднаго міра и возрасла на почвѣ русской въ огромнѣйшее дерево, покрывающее своими вѣтвями многія и многія темныя дѣла“¹⁾.—Затѣмъ витія довольно подробно разобралъ и оцѣнилъ тѣ средства, какія въ то время предлагались для искорененія обличаемаго зла (усиленіе просвѣщенія, увеличеніе жалованья служащимъ, гласность судопроизводства), при чемъ въ концѣ пришелъ къ такому заключенію, что всѣ эти средства окажутся недостаточными для цѣли, если не будутъ постоянно подкрѣпляемы духомъ св. вѣры и христіанскаго благочестія. Неудивительно, если проповѣдь—откровенная, рѣзко обличи-

¹⁾ См. Слова и Рѣчи м. Макарія. 1891 г. СПб. стр. 441—442.

тельная и съ силою сказанная—произвела глубокое впечатлѣніе на слушателей и заставила говорить о себѣ весь городъ. „6 декабря“, писалъ своему брату преосв. Макарій 21 декабря 1858 года, я сказалъ проповѣдь въ духѣ современномъ, котораго произвела чрезвычайное впечатлѣніе, такъ что нѣсколько дней только и толку было, что о ней, по всему городу“¹⁾).

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о проповѣдничествѣ преосв. Макарія въ Тамбовѣ мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о внѣшнихъ качествахъ и особенностяхъ проповѣднической дѣятельности его въ это время. Прежде всего, должно замѣтить, что большинство тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія были, если и не импровизаціями, то по крайней мѣрѣ живыми, напередъ хорошо обдуманными и наизусть произносившимися, словами; а нѣкоторыя изъ сохранившихся тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія, по собственному его свидѣтельству, были импровизаціями въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Таково было, напр., слово, произнесенное имъ 17 іюня 1858 года въ г. Липецкѣ. Но даже и тѣ проповѣди, которыя не были импровизаціями въ буквальномъ смыслѣ этого слова, преосв. Макарій не записывалъ на-передъ, а только хорошо обдумывалъ, что дѣлалъ чаще всего подъ день произношенія проповѣди, вечеромъ. При этомъ на выборъ темы для проповѣди иногда имѣли вліяніе событія личной жизни преосв. Макарія, незадолго предъ тѣмъ или даже въ то самое время совершавшіяся. Напр., преосв. Макарій получаетъ извѣстіе, что къ нему враждебно относится одинъ изъ его знакомыхъ. И вотъ онъ пишетъ своему брату 5 октября 1857 года: „право, я не сержусь на бѣдняка, особенно въ настоящій вечеръ, когда я обдумываю проповѣдь на завтрашній день (въ недѣлю XIX-го) о любви ко врагамъ. Я убѣжденъ, что, не смотря на всѣ происки моихъ враговъ, заслуги мои для Академіи и духовнаго просвѣщенія оцѣнитъ исторія“²⁾. Также точно и тему

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

для слова, сказаннаго въ г. Липецкѣ 17 іюня 1857 года, преосв. Макарій взялъ изъ своей личной жизни. „Вступая въ вашъ бого-спасаемый градъ, издавна славящійся своими цѣлительными водами“,—такъ началъ онъ это свое слово,—„и имѣя желаніе воспользоваться ими и самъ для облегченія моихъ тяжелыхъ недуговъ, я, естественно, братіе, какъ вашъ духовный пастырь, вспомнилъ о другой водѣ цѣлительной, къ которой обязанъ призывать васъ и всѣхъ, вѣранныхъ моему водительство, чтобы врачевать ею ваши духовныя язвы,—о водѣ благодати Св. Духа, къ которой призывалъ нѣкогда все человѣчество самъ Пастыреначальникъ, Господь Іисусъ, возглашая: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ*. Объ этой-то водѣ духовной я желаю побесѣдовать съ вами и, сравнивая ее съ естественными водами цѣлебными, показать все ея превосходство“¹⁾. То же самое было и нѣсколько раньше, 11 іюня 1857 года, когда преосв. Макарій произносилъ слово въ г. Козловѣ. „Еще такъ недавно, православные, я посѣтилъ вашъ градъ“, говорилъ онъ здѣсь, „направляя свой путь къ указанному мнѣ отъ Бога мѣсту моего пастырскаго служенія. Теперь снова прихожу къ вамъ, совершая новый путь для обозрѣнія Боговѣренной мнѣ паствы. Такое стеченіе обстоятельствъ невольно привело меня къ мысли: да и что такое вся наша жизнь, какъ не одно постоянное и непрерывное путешествіе“²⁾. И дальше проповѣдникъ началъ говорить о двухъ путяхъ человѣческой жизни.

Проповѣди преосв. Макарія производили всегда сильное впечатлѣніе на слушателей. Тамбовскіе граждане любили эти проповѣди и всегда во множествѣ собирались слушать ихъ.

Свои тамбовскія проповѣди преосв. Макарій напечаталъ еще въ бытность въ Тамбовѣ. 18 мая 1858 года онъ писалъ своему брату по этому поводу слѣдующее: „по этой же почтѣ я отправляю мои проповѣди, переплетенныя въ чегыре те-

¹⁾ См. Слова и Рѣчи. СПб 1891 г. стр. 205.

²⁾ См. тамъ же, стр. 201.

тради для удобства, при чтеніи, цензору. Прошу отдать ихъ въ цензуру о. архим. Сергію, который мнѣ нѣсколько знакомъ, и попросить его отъ моего имени. Дѣло не къ спѣху: потому можетъ читать исподоволь. Лишь бы мнѣ напечатать къ концу нынѣшняго года. О форматъ бумаги, шрифтъ и вообще печатаніи потолкуемъ послѣ. Желая, чтобы изданіе было маленькое и красивое“¹⁾. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что преосв. Макарій относился весьма внимательно къ печатанію всѣхъ своихъ сочиненій. Необыкновенно аккуратный во всемъ, онъ желалъ, чтобы и сочиненія его даже со внѣшней стороны являлись чистыми, красивыми, пріятными. Поэтому, онъ остался крайне недоволенъ внѣшнимъ видомъ, въ какомъ вышло второе изданіе его исторіи русскаго раскола. „Исторія русскаго раскола“, писалъ онъ 12 октября 1858 года своему брату, „посланная г. Нильскимъ, наконецъ, мною получена въ совершенной исправности. Да какъ напечатано-то плохо! Какая бумага! Какой шрифтъ! О чужомъ дѣтищѣ никто не позаботится, какъ о своемъ. За то изданіе проповѣдей, надѣюсь, вполнѣ вознаградить меня и порадуетъ“²⁾. Дѣйствительно, изданіе тамбовскихъ проповѣдей, за которымъ наблюдалъ братъ преосв. Макарія, вполнѣ удовлетворило этого послѣдняго. Изданіе это было пробнымъ камнемъ, доказавшимъ умѣнье и искусство А. П. Булгакова въ корректурированіи и вообще въ изданіи сочиненій преосв. Макарія, который потому всѣ свои послѣдующія сочиненія издавалъ при помощи брата. При дѣлательномъ участіи этого послѣдняго, изданіе тамбовскихъ проповѣдей преосв. Макарія пошло быстро и успѣшно. „ Попрошу“, писалъ преосв. Макарій своему брату 31 августа 1858 года, „приступить къ печатанію проповѣдей, а то боюсь, какъ бы онѣ не залежались въ типографіи и не опоздали выходомъ къ декабрю. Потомъ на переплетъ потребуется не менѣе мѣсяца, а тамъ и праздники

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

когда рабочіе не захотятъ работать“¹⁾. Спустя немного времени, 14 сентября 1858 года онъ писалъ ему о томъ же: „благодарю васъ за начатыя вами хлопоты по изданію моей книги. Надѣюсь, что все будетъ хорошо: перемѣняйте, избирайте по своему усмотрѣнію шрифтъ, бумагу и проч.,—вѣрно мнѣ поправится. Пусть будетъ и дороже: лишь вышло бы красивѣе и изящнѣе. Словомъ я согласенъ на все, что вы сдѣлаете и рѣшите“²⁾. „Благодарю васъ“, писалъ онъ вскорѣ послѣ того, 28 сентября, „за начатое вами печатаніе моихъ проповѣдей и за присланный вами образчикъ бумаги и шрифта. Мнѣ все понравилось, какъ нельзя болѣе, и я вполне одобряю вашъ вкусъ... Еще разъ: изданіе проповѣдей мнѣ весьма нравится, и я съ нетерпѣніемъ буду ждать выхода книжекъ“³⁾. „Быстро же идетъ у васъ печатаніе“, писалъ онъ 26 октября, „спасибо“! Что касается до обертки, то бѣловатый цвѣтъ, какой на прежнихъ моихъ книгахъ, мнѣ нравится, а желтаго я не люблю. А потому, если вы еще не брали желтаго цвѣта: то не берите. Пусть будетъ лучше одинъ... Но если ужъ взяли, такъ тому и быть. Найдутся покупщики, которымъ желтый цвѣтъ понравится. Вообще обертка—дѣло не важное. И не разсержусь, что вы выбрали не совсѣмъ хорошую веленевую бумагу: сойдетъ какъ-нибудь. Всего не предусмотрѣешь. Да эти жъ экземпляры пойдутъ на подарки, а дареному коню въ зубы не смотрятъ. Изъ веленевыхъ экземпляровъ *десять* велите переплести въ каленкоръ, и изъ нихъ пять съ золотымъ обрѣзомъ, а остальные пять безъ золотого обрѣза,—всѣ съ бордюратки и выемками и под. Каленкоръ пусть употребятъ цвѣту—вишневаго, мусановаго, или какой вы признаете болѣе со вкусомъ. Затѣмъ другіе десять веленевыхъ экземпляровъ велите переплестъ въ бумажки, помните, въ какія прежде переплетались мои подносныя книги, съ сафьянными корешками. На цѣну за переплестъ не скупитесь,

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

лишь бы только переплеть получше. Остальные веленевые экземпляры безъ переплета приплите ко мнѣ вмѣстѣ съ другими... Предупреждаю, что я, вѣдь, буду просить представить подносные экземпляры начальству... Кромѣ веленевыхъ, велите перецелстовать экземпляровъ пять или болѣе и на простой бумагѣ, также въ сафьяновый корешокъ въ цвѣтной бумажѣ. Кому что дарить, объ этомъ послѣ¹⁾. Когда печатаніе тамбовскихъ проповѣдей было конечно, какъ видимъ, при самомъ внимательномъ отношеніи къ этому дѣлу со стороны самого автора, то настало время назначить цѣну изданію и распределить экземпляры для поднесенія въ даръ и для продажи. Все это также происходило при дѣятельномъ участіи самого преосв. Макарія. „Экземпляра проповѣдей по почтѣ жду“, писалъ онъ брату 23 ноября 1858 года; „спасибо за догадку. Но, вѣдь, чтобы справедливо назначить цѣну за книгу, надобно знать, хоть приблизительно, во сколько обошлось ея изданіе. И потому потрудись извѣстить объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ и вмѣстѣ объясни, сколько бы слѣдовало положить за эту книгу въ продажѣ, при нынѣшнемъ возвышеніи цѣнъ на все“²⁾. „Наконецъ, я получилъ экземпляръ моихъ проповѣдей“, писалъ брату черезъ недѣлю послѣ того, 30 ноября, „и люблюсь ими, не налюбуюсь: прекрасное изданіе. Первымъ долгомъ считаю принести вамъ мою искреннѣйшую благодарность. Г. Нилскому скажите, чтобы онъ публиковалъ о моихъ проповѣдяхъ въ генварской книжкѣ Христіанскаго Чтенія и помѣстилъ публикацію объ нихъ на первомъ мѣстѣ въ ряду моихъ сочиненій. Цѣна за экземпляръ въ двухъ томахъ *три рубля серебромъ съ пересылкою*, или, если вы найдете это дорогимъ, то—*ога рубля пятидесяти копѣекъ съ пересылкою, никакъ не ниже*“³⁾. Впослѣдствіи между преосв. Макаріемъ

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

его братомъ порѣшено было назначить цѣну изданію въ 50 р. ¹⁾.

Съ такимъ, можно сказать, чрезвычайнымъ и даже скрупулезнымъ вниманіемъ слѣдилъ преосв. Макарій за изданіемъ своихъ тамбовскихъ проповѣдей. Мы нарочито подробно изложили всю исторію этого изданія, такъ какъ почти то же самое повторялось и въ послѣдствіи, при изданіи многочисленныхъ произведеній преосв. Макарія.

Нѣкоторые тамбовскія проповѣди преосв. Макарія, какъ изъ тѣхъ, какія вошли въ изданіе 1858 года, такъ и тѣ, какія были произнесены имъ уже послѣ выхода этого изданія въ свѣтъ, печатались на страницахъ Христіанскаго Чтенія. Здѣсь именно были помѣщены слѣдующія 7 проповѣдей: 1) Слово по освященіи Троицкой церкви въ г. Тамбовѣ (1858 г. т. I стр. 65 и слѣд.); 2) слово въ день тезоименитства наслѣдника цесаревича в. к. Николая Александровича (1858 г. т. I стр. 171); 3) Слово при избраніи судей (1858 г. т. V стр. 3); 4) рѣчь предъ открытіемъ комитета для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ тамб. губ. (1858. II. 264), 5) Слово въ день новолѣтія (1859 г. I. 61); 6) Рѣчь въ день Рождества Христова (1859 г. I. 257) и 7) рѣчь при прощаніи съ тамбовскою паствою (1859 г. т. II, стр. 32). Въ Христіанскомъ же Чтеніи были помѣщены и тѣ проповѣди, о которыхъ мы раньше говорили, что они ошибочно считаются произнесенными преосв. Макаріемъ въ Харьковѣ, т. е. слово въ недѣлю православія (9 февр. 1858 г.), слово о средствахъ къ искорененію неправды въ судахъ (6 декабря 1858 г.) и три слова на текстъ 136 псалма.

Въ бытность тамбовскимъ епископомъ, преосв. Макарій исполнялъ начальственные порученія ученаго характера. Такъ, напр., въ сентябрѣ 1858 года Св. Синодъ поручалъ преосв.

¹⁾ Объ этомъ говорится въ неизданныхъ письмахъ преосв. Макарія къ брату отъ 7 и 29 декабря 1858 г.

Макарію дать свое заключеніе о достоинствахъ курсовыхъ сочиненій нѣкоторыхъ студентовъ Московской духовной Академіи, окончившихъ курсъ въ томъ году. Преосв. Макарій скоро представилъ подробный отзывъ о сочиненіяхъ трехъ воспитанниковъ, при чемъ сочиненіе *Николая Малиновскаго*: „объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никорѣ“ призналъ несамостоятельнымъ въ первой части (гдѣ говорилось о нуждѣ въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ), и неполнымъ—во второй, гдѣ былъ разобранъ одинъ только служебникъ, хотя весьма удовлетворительно, самого автора—„не достойнымъ степени магистра“; сочиненіе *Александра Кикина*: „разборъ и опроверженіе ученія безпоповцевъ о совершеніи таинства покаянія мирянами“—написаннымъ было и состоящимъ преимущественно изъ выписокъ, но рѣшающимъ вопросъ удовлетворительно, автора—достойнымъ степени магистра богословія; и сочиненіе *Михаила Красина*¹⁾: „памятники церковнаго законодательства въ Россіи съ XIII в. до временъ митрополита Макарія“—закрывающимъ въ себѣ не мало лишняго, но написаннымъ весьма тщательно, автора—заслуживающимъ степени магистра богословія²⁾.—Въ са-

¹⁾ *М. Я. Красинъ* впоследствии былъ профессоромъ Казанской духовной Академіи (См. о немъ у проф. Знаменскаго въ его Исторіи Казанской д. Академіи. К. 1892 г. вып. 2 стр. 83—89). Вотъ буквальный отзывъ преосв. Макарія о его магистерской диссертации: „студентъ *Михаилъ Красинъ* внесъ въ предѣлы своего сочиненія немало лишняго. Предположивъ обозрѣть собственно „памятники церковнаго законодательства въ Россіи съ XIII в. до временъ м. Макарія“ авторъ обозрѣваетъ въ числѣ ихъ и такіе сочиненія, которыя строго нельзя называть этикетомъ, каковы посланія константинопольскихъ патріарховъ Нила и Автолія противъ строгольниковъ, поученіе митр. Кирилла къ попамъ, поученіе святителя Петра къ попамъ и пр. А кромѣ того, обозрѣваетъ и всѣ соборы, бывшіе въ Россіи съ XIII в. до митр. Макарія, которые вовсе не издали никакихъ церковныхъ постановленій. Оттого сочиненіе и вышло слишкомъ обширнымъ. Но самые памятники церковнаго законодательства, какіе слѣдовало обозрѣвать, г. Красинъ обозрѣлъ весьма тщательно и заслуживаетъ степени магистра“.

²⁾ Какъ отношеніе Духовно-учебнаго Управленія, такъ и самые отзывы преосв. Макарія мы имѣли въ подлинникахъ, сохранившихся въ домашнемъ архивѣ преосв. Макарія, каковой архивъ переданъ намъ С. А. Булгаковымъ.

момъ концѣ того же 1858 года Св. Синодъ поручилъ преосв. Макарію рассмотреть и дать свой отзывъ о рукописи подъ заглавіемъ: „Чтеніе изъ исторіи Церкви Христовой“, одобренной цензоромъ архим. Фотіемъ и потомъ С.-Петербургскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ. Преосв. Макарій представилъ слѣдующій отзывъ. „разсмотрѣнное сочиненіе не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго правиламъ духовной цензуры и можетъ быть одобрено къ напечатанію, хотя написано вообще слабо и неудовлетворительно; а послѣдніе три параграфа, въ которыхъ говорится о дѣйствіяхъ Св. Синода, до того скудны содержаніемъ и неудобны, что лучше бы ихъ совсѣмъ исключить¹⁾).

5) *Частныя отношенія и жизнь преосв. Макарія въ Тамбовѣ; переводъ въ Харьковѣ.*

(Образъ жизни преосв. Макарія. Любовь его къ природѣ. Отношенія къ начальству, подчиненнымъ, знакомымъ и роднымъ. Благотворительность преосв. Макарія. Непріятности въ жизни и недорозвѣ. Назначеніе въ Харьковѣ. Прощаніе съ тамбовскою паствою и выѣздъ изъ Тамбова).

Жизнь преосв. Макарія въ Тамбовѣ проходила сравнительно спокойно и благополучно, хотя, конечно, и у него, какъ и у всякаго человѣка, были здѣсь и свои непріятности, производившія на него сильное, иногда потрясающее впечатлѣніе. Все свое время преосв. Макарій проводилъ или въ занятіяхъ по епархіальному управленію, или же въ учено-литературныхъ трудахъ. Образъ жизни его и теперь, какъ и прежде, отличался строгою точностію и аккуратностію. Только сообразно новому роду дѣятельности преосв. Макарій еще въ самомъ началѣ своей жизни въ Тамбовѣ нѣсколько измѣ-

¹⁾ Какъ указъ Св. Синода отъ 31 декабря 1858г. за № 13. 192, такъ и отзывъ преосв. Макарія сохранились въ томъ же самомъ домашнемъ архивѣ этого послѣдняго.

нилъ распредѣленіе часовъ занятій и отдыха. На запятія онъ употреблялъ здѣсь 12 часовъ въ сутки ¹⁾).

Въ Тамбовѣ было два архіерейскихъ дома: одинъ городской, находившійся при Казанскомъ тамбовскомъ монастырѣ, другой—загородный, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тамбова. При вступленіи на кафедру, преосв. Макаріи засталъ оба архіерейскія дома въ самомъ запущенномъ видѣ, по собственному его свидѣтельству ²⁾). Лѣтомъ 1857 года, по распоряженію преосв. Макарія, оба архіерейскіе дома были капитально отремонтированы и за-ново обставлены ³⁾). Въ городскомъ архіерейскомъ домѣ преосв. Макаріи проводилъ зиму и осень, приблизительно съ сентября до мая, остальное время года онъ жилъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, который служилъ ему дачею ⁴⁾). Преосв. Макаріи любилъ природу и съ этой стороны признавалъ себя счастливымъ въ Тамбовѣ, такъ какъ оба здѣшніе архіерейскіе дома занимали хорошее мѣстоположеніе и давали ему возможность наслаждаться пріятными видами природы. Изъ оконъ городского архіерейскаго дома открывался прекрасный видъ на зарѣчную сторону, которымъ иногда преосв. Макаріи любилъ наслаждаться. „25 марта, т. е. на самое Благовѣщеніе“, писалъ онъ брату 30 марта 1858 года, „у насъ разлилась рѣка. И какъ разлилась! На цѣлыя семь верстъ у меня передъ окнами, такъ что изъ оконъ своихъ вижу всю воду, покрывающую обширный лугъ до самаго лѣса. На нѣсколько дней сообщеніе съ нѣкоторыми зарѣчными мѣстами совершенно прекращалось. Теперь вода начинаетъ спадать, образуются островки“ ⁵⁾). „Предъ моими окошками весь лугъ покрытъ водою, и я люблюсь этимъ зрѣлищемъ изъ комнатъ“, писалъ онъ ему же 5 апрѣля слѣдующаго 1859 года ⁶⁾). Еще

¹⁾ Изъ неизданнаго письма преосв. Макарія къ брату 26 юля 1857 года.

²⁾ Изъ неизданнаго письма его къ брату отъ 25 мая 1857 года.

³⁾ Изъ неизданныхъ писемъ къ брату отъ 14 и 26 іюля 1857 года.

⁴⁾ Изъ неизданнаго письма къ брату отъ 14 сентября 1858 года.

⁵⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁶⁾ Изъ неизданнаго письма.

съ большимъ удовольствіемъ преосв. Макарій проводилъ весну и лѣто въ загородномъ архіерейскомъ домѣ. Здѣсь былъ большой садъ, который преосв. Макарій засталъ въ запущенномъ видѣ и лѣтомъ и осенью 1857 года привелъ въ порядокъ, насадивъ въ немъ самолично множество деревьевъ ¹⁾. Пребываніе въ загородномъ архіерейскомъ домѣ давало преосв. Макарію возможность дышать свѣжимъ чистымъ воздухомъ и слушать пѣніе соловьевъ, которымъ онъ любилъ по-долгу наслаждаться. „Садъ у меня прекрасный за городомъ“, писалъ онъ 26 мая 1857 года, „воздухъ самый чистый, отъ утра до вечера поютъ соловьи“ ²⁾. „Еще со вторника“, писалъ онъ ему же 18 мая слѣдующаго 1858 года, „живу на своей дачѣ: превосходно“ ³⁾!

Въ Тамбовѣ преосв. Макарій пользовался расположеніемъ высшаго начальства, любовію окружающихъ лицъ—знакомыхъ и уваженіемъ со стороны подчиненныхъ.

Св. Синодъ въ большинствѣ случаевъ, какъ можно видѣть и изъ предыдущаго, одобрялъ и утверждалъ всѣ распоряженія преосв. Макарія по консисторіи и вообще по управленію тамбовскою епархією, и удовлетворялъ всѣ его просьбы и ходатайства.

Граждане Тамбова и вообще все тамбовское общество относилось къ преосв. Макарію предупредительно и съ уваженіемъ. Этому немало содѣйствовала, безъ сомнѣнія, извѣстность преосв. Макарія, которая предварила его прибытіе въ Тамбовъ. Оттого тамбовская паства съ рѣдкими почестями всрѣтила преосв. Макарія при самомъ прибытіи его въ Тамбовъ. Впослѣдствіи же преосв. Макарій еще больше расположилъ къ себѣ тамбовскихъ гражданъ своимъ простымъ

¹⁾ Изъ неизданныхъ писемъ преосв. Макарія къ брату отъ 14 іюля и 5 окт. 1857.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма преосв. Макарія къ брату отъ 23 окт. 1858 г.

обращеніемъ со всѣми, благолѣпнымъ совершеніемъ богослуженія и простыми, ясными, доступными для всѣхъ проповѣдями. За все это тамбовское общество любило своего архипастыря и всячески старалось выражать свое уваженіе къ нему. Появленіе его въ торжественныхъ собраніяхъ сопровождалось иногда публичнымъ выраженіемъ глубокаго уваженія, какое питала къ нему образованная тамбовская паства. Такъ было, напр., 24 ноября 1857 года въ Моршанскѣ на обѣдѣ послѣ освященія собора и 1 декабря того же года въ собраніи дворянъ, съѣхавшихся въ Тамбовѣ для выборовъ. Въ Моршанскѣ губернаторъ, отъ лица всего дворянства, купечества и вообще всей губерніи, благодарилъ преосв. Макарія за его полезную дѣятельность по епархіи и особенно за его проповѣди, доступныя для всѣхъ, и просилъ его полюбить тамбовскую епархію и не покидать её скоро¹⁾. Добрыя отношенія между архипастыремъ и образованнымъ тамбовскимъ обществомъ продолжались и впослѣдствіи.

Что касается подчиненнаго духовенства, то нѣкоторымъ, не многимъ преосв. Макарій былъ не по сердцу. Это и не удивительно. Преосв. Макарій завелъ въ Тамбовѣ чрезвычайно строгіе порядки во всемъ, что, понятно, нѣкоторымъ должно было показаться тягостнымъ, особенно послѣ списходительнаго управленія преосв. Николая. Извѣстно, что преосв. Макарій на первыхъ же порахъ произвелъ разныя перемѣны въ личномъ составѣ тамбовской консисторіи и впослѣдствіи старался все дѣлать лично и самъ пересматривалъ внимательно всѣ опредѣленія и распоряженія консисторіи. Конечно, заинтересованнымъ лицамъ такой порядокъ управленія епархій могъ не нравиться, особенно послѣ совершенно иного управленія епархіей преосв. Николая, которое при томъ продолжалось около 16 лѣтъ. И въ отношеніи всего вообще епархіальнаго духо-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма его же къ брату отъ 2 декабр. 1857 г.

венства преосв. Макарій былъ строгъ, требователенъ и взыскателенъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно когда архипастыри убѣждался въ совершенной недѣятельности кого-либо изъ подчиненнаго духовенства, онъ не останавливался даже предъ принудительнымъ переводомъ священно-церковно-служителей изъ однихъ приходовъ въ другіе. Все это возбуждало въ нѣкоторыхъ членахъ тамбовскаго духовенства непріязненные отношенія къ своему архипастырю, доходившія иногда до того что подвергавшіеся за что-либо наказанію позволяли себѣ дѣлать ложные доносы на преосв. Макарія высшему начальству ¹⁾ Впрочемъ, это были исключительныя отношенія тамбовскаго духовенства къ преосв. Макарію. Все же вообще тамбовское духовенство питало добрыя чувства къ своему заботливому архипастырю и хранило о немъ въ послѣдствіи добрыя воспоминанія.

Въ бытность свою въ Тамбовѣ, преосв. Макарій не порывалъ тѣсныхъ связей и отношеній и съ тѣмъ кругомъ столичнаго общества, въ которомъ онъ обращался во время своего служенія въ С.-Петербургской духовной Академіи. Съ особеннымъ интересомъ онъ слѣдилъ за жизнію этой Академіи, которую считалъ своей родной. Всѣ выдающіеся событія въ ея жизни, всѣ перемѣны въ служебномъ персоналѣ ея живо интересовали и занимали бывшего ректора ея. О какихъ-либо печальныхъ событіяхъ въ ея жизни онъ искренно сокрушался, а радостныя событія глубоко радовали и его ²⁾. Пятидесятилѣтній юбилей С.-Петербургской духовной Академіи, праздновавшійся 17 февраля 1859 года, особенно заинтересовалъ преосв. Макарія. „О. Теофанъ“, читаемъ въ письмѣ его къ

¹⁾ На основаніи внезапного письма преосв. Макарія къ брату отъ 2 іюня 1858 г.

²⁾ На основаніи недавнихъ писемъ преосв. Макарія къ брату отъ 23 ноября и 1 декабря 1858 г.

брату отъ 1 февраля 1859 года, „уже писалъ мнѣ въ частномъ письмѣ, что предложить и мнѣ сдѣлать пожертвованіе на Академію. И отвѣчалъ, что весьма радъ;... посмотрю, какъ помянетъ меня Академія по случаю своею юбилея. Вѣдь болѣе четверти, или почти треть пятидесятилѣтія ея принадлежить мнѣ, какъ профессору главнаго предмета, инспектору и ректору, и большая часть теперешнихъ наставниковъ Академіи—мои питомцы“ ¹⁾. Сдѣланнымъ въ юбилейномъ отчетѣ отзывомъ преосв. Макаріи въ послѣдствіи остался въ общемъ доволенъ ²⁾).

Петербургское общество, въ свою очередь, не забывало о преосв. Макаріи. Помнили его, прежде всего, и внимательно слѣдили за его дѣятельностію въ Тамбовѣ сочлены и согрудники его по Академіи Наукъ. „Мы часто говоримъ о васъ“, писалъ преосв. Макарію 5 октября 1858 года предсѣдатель втораго отдѣленія Академіи, „гордимся вами, какъ сочленомъ своимъ, и лишь только сожалѣемъ, что лишены вашей сладостной бесѣды“ ³⁾. Заѣзжавшіе почему-либо въ Тамбовъ петербургскіе знакомые преосв. Макаріи всегда посѣщали его. „Всѣ бывающіе здѣсь изъ Петербурга генералы и другія важныя лица бываютъ и у меня, писалъ онъ брату 5 октября 1857 года ⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1858 году преосв. Макаріи былъ обрадованъ посѣщеніемъ особенно дорогаго для него высокаго гостя. „У насъ 21 и 22 чиселъ“, писалъ онъ брату 24 августа этого года, „былъ высокій гость, принцъ П. Г. Ольденбургскій и былъ столько добръ, что первый сдѣлалъ мнѣ визитъ около трехъ часовъ въ тотъ же день, а отъ меня принялъ такой же визитъ въ половинѣ восьмого вечеромъ... Со мною обходился какъ старый знакомый, до край-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма преосв. Макаріи къ брату отъ 9 мар. 1859 г.

³⁾ См. письма къ преосв. Макарію въ отписк. изъ Рус. Стар. стр. 268.

⁴⁾ Изъ неизданнаго письма.

ности внимательно и ласково, жалѣлъ о моей болѣзни и желалъ скорѣйшаго выздоровленія“¹⁾.

Въ Тамбовѣ преосв. Макарія посѣщали и нѣкоторые изъ его родныхъ. Такъ, осенью 1857 года его посѣтилъ преосв. Кириллъ, епископъ мелитопольскій на пути изъ С.-Петербургга въ Іерусалимъ. Преосв. Кириллъ былъ однимъ изъ лучшихъ сослуживцевъ преосв. Макарія по С.-Петербургской духовной Академіи. Веселый, добрый и симпатичный по душѣ, онъ всегда благотворно дѣйствовалъ однимъ своимъ присутствіемъ на преосв. Макарія, любившаго проводить время преимущественно въ кабинетныхъ ученыхъ занятіяхъ, что конечно, не могло не сопровождаться иногда скукою. Вотъ почему преосв. Макарій ожидалъ пріѣзда этого своего петербургскаго сослуживца въ Тамбовѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. „Не выѣздитъ ли меня преосв. Кириллъ,“ писалъ онъ наканунѣ его пріѣзда, 10 ноября 1857 года своему брату, „какъ выѣздивалъ прежде“²⁾. Преосв. Кириллъ прогостилъ въ Тамбовѣ нѣсколько дней и уѣхалъ отсюда 23 ноября 1857 года. Въ отношеніи ко всѣмъ своимъ роднымъ вообще преосв. Макарій былъ весьма добрѣ. Онъ помогалъ имъ, но никогда не переходилъ границъ благоразумія въ этомъ отношеніи, и никогда въ покровительствѣ своимъ роднымъ не заходилъ такъ далеко, чтобы нарушать интересы другихъ, или вообще дѣйствовать въ ущербъ справедливости. Потому преосв. Макарій старался лучше лично помогать своимъ роднымъ и притомъ матеріально, чѣмъ брать ихъ къ себѣ въ епархію и здѣсь раздавать имъ лучшія мѣста и должности. Такого именно правила онъ началъ держаться со времени своего служенія въ Тамбовѣ. Какъ-то зять преосв. Макарія, прот. А. П. Солнцева, у котораго первый жилъ, когда учился, и къ которому онъ вообще относился весьма сочувственно, просилъ его похода-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

тайствовать предъ курскимъ преосвященнымъ объ одномъ изъ своихъ родныхъ. Преосв. Макарій 20 іюля 1867 года отвѣчалъ ему: „о вашемъ зятѣ я писалъ къ вашему преосвященному недавно; не знаю, въ состояніи ли Владыка вашъ дать ему мѣсто. Я теперь вижу, по опыту, что иногда, при всемъ желаніи, Архіерей не въ состояніи этого сдѣлать“¹⁾. Въ другой разъ же А. П. Солдеевъ просилъ преосв. Макарія принять къ себѣ въ тамбовскую семинарію одного изъ сыновей ея который чѣмъ-то провинился въ курской семинаріи. Преосв. Макарій 1 августа 1857 года отвѣчалъ ему: „что касается до нашего сына К., то очень жалѣю, что вы не извѣстили меня, въ чемъ его виновность и горе... Во всякомъ случаѣ съ нами можете помянуть, что мнѣ братъ племянника недостойна крайне прискорбно: на стыдъ и себѣ и ему вмѣстѣ. А что если онъ еще и здѣсь провинится? Я по опыту знаю, какъ балуются близкіе родственники при архіереяхъ и архимандритахъ. Смотрите, будетъ ли прокъ, если сынъ вашъ переселится ко мнѣ. Если же вы непремѣнно этого желаете то возмите въ соображеніе слѣдующее: 1) въ тамбовской семинаріи курсъ идетъ цѣлымъ годомъ послѣ курса въ курской семинаріи; слѣдов., сынъ вашъ, по пріѣздѣ сюда долженъ опуступить въ низшее отдѣленіе семинаріи и еще годъ поучиться въ немъ: здѣсь нынче нѣтъ перевода въ высшіе классы, а будетъ черезъ годъ; 2) можетъ случиться, что черезъ годъ, или даже и скорѣе меня переведутъ въ другую епархію гдѣ семинарскіе курсы идутъ такъ же, какъ въ курской семинаріи, а не какъ здѣсь: что тогда дѣлать съ вашимъ сыномъ? Оставить его въ тамбовской семинаріи? Но при какомъ и при чемъ? Взять его съ собою и помѣстить въ новую семинарію? Но здѣсь онъ долженъ будетъ учиться еще лишній годъ. Смотрите сами, не лучше ли его оставить въ своей семинаріи, отдать въ бурсу подъ самый строгій надзоръ и т.

¹⁾ Изъ неизданнаго письма; отвѣтное письмо преосв. Иллудора отъ 22 іюля 1857 г. на ходатайство преосв. Макарія см. въ Прав. Обзор. 1859 г. т. 1 ст. 167—168.

говоряю: если вы непременно желаете прислать его ко мнѣ, то присылайте съ нужными документами. Я приму его и пошлю въ семинарію. Только напередъ знайте, что я не стану держать его при себѣ: мнѣ некогда за нимъ присматривать,—а отдамъ въ бурсу подъ строгій надзоръ и не буду его аловать нисколько... По окончаніи же имъ здѣсь курса, я вию что не соглашусь оставить его въ здѣшней епархіи, нѣтъ: это жалуются на нашего брата въ св. Синодѣ, и я не хочу себя порочить, а лучше согласенъ пособлять своимъ роднымъ деньгами и ходатайствомъ“¹⁾.

Такъ всегда преосв. Макарій и поступалъ. Не забывалъ нъ и своей родины. Въ особенныхъ какихъ-либо случаяхъ нъ охотно приходилъ на помощь жителямъ с. Суркова, которое было дорого ему, какъ мѣсто его рожденія и упокоенія родителей. Когда въ концѣ 1858 года началось дѣло о остроеніи новой церкви въ с. Сурковѣ, то преосв. Макарій живо и сочувственно отозвался на это доброе дѣло и выражалъ желаніе принять участіе въ немъ посредствомъ матеріальнаго пожертвования. „О. Александръ Сурковский писалъ и о мнѣ о своемъ намѣреніи построить каменную церковь въ Сурковѣ“, сообщалъ 29 декабря 1858 года преосв. Макарій своему брату. „Я общалъ *большое* пожертвование, но предложилъ, чтобы церковь была построена надъ гробами нашихъ родителей, и просилъ подробнѣе извѣстить меня о всемъ этомъ блѣ“²⁾. Въ чемъ собственно состояло предложеніе преосв. Макарія, объ этомъ мы подробнѣе узнаемъ изъ письма его къ моему А. Н. Солнцеву. „Ваше намѣреніе“, писалъ онъ ему, построить каменную церковь въ Сурковой—прекрасное и очень близко моему сердцу. Признаюсь, у меня было тайное желаніе построить каменную церковь на мой собственный счетъ надъ могилами моихъ родителей, но только построить

¹⁾ Изъ нежданнаго письма.

²⁾ Изъ нежданнаго письма.

не теперь, а впоследствии, когда болѣе буду въ силахъ. Но за будущее кто можетъ поручиться? А вы вотъ думаете приняться за это дѣло теперь же. Богъ да благословить! Только прошу извѣстить меня подробнѣе, поскольку приблизительна должна обойтись эта постройка, какъ велика будетъ новая церковь сравнительно съ нынѣшнею, и на какомъ мѣстѣ вы думаете поставить ее. Нельзя ли поставить ее такъ, чтобы могилы моихъ родителей пошли подъ церковь—къ правой или лѣвой стѣнѣ и потомъ, чтобы можно было на стѣнѣ—на мѣдной доскѣ—надъ самыми могилами написать: тутъ погребены такой-то и такая-то... Если это можно сдѣлать согласно моему желанію, то я напередъ обѣщаю прислать вамъ большое пожертвованіе“¹⁾. Къ прискорбію преосв. Макарія, дѣло построенія церкви на его родинѣ замедлилось и потомъ рѣшилось не такъ, какъ ему хотѣлось. „Я удивляюсь молчанію сурковского о. Александра“, писалъ онъ брату 22 марта 1851 года. „Еще до Рождества я писалъ на счетъ церкви каменной и просилъ извѣстить меня какъ можно скорѣе, и доселѣ ничего не получаю. Скажи объ этомъ Павлу Александровичу, те узнаетъ ли онъ, что бы это значило“. Но скоро послѣ того дѣло разъяснилось. „О. Александръ сурковскій, наконецъ прислалъ мнѣ письмо“, сообщалъ своему брату преосв. Макарій 5 апрѣля того же года „Пусть не беспокоится Павелъ Александровичъ. Дѣло остановилось за тѣмъ, что прихожане его не хотятъ построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ желалъ бы (именно надъ гробами родителей). И онъ никакъ не можетъ уговорить ихъ и просить моего совѣта, какъ поступить. Надобно сказать по совѣсти, что требованіе прихожанъ справедливое, чтобы церковь была въ центрѣ прихода, а не въ концѣ, какъ я желаю. И потому соглашаюсь уступить. Но за-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

го пособлю имъ несравненно меньше, нежели сколько предполагалъ прежде, потому что гробы нашихъ родителей не будутъ въ церкви“ ¹⁾. Изъ послѣдующаго мы узнаемъ, что преосв. Макарій пожертвовалъ на сооруженіе каменной церкви въ с. Сурковѣ и на покупку колокола 12.000 руб., за что ему была объявлена въ свое время признательность Св. Синода ²⁾.

Были и непріятности въ жизни преосв. Макарія, въ бытность его тамбовскимъ епископомъ. Какъ прежде и какъ послѣ, такъ и теперь имя его иногда дѣлалось предметомъ неблагопріятныхъ, несправедливыхъ толковъ и ложныхъ доносовъ. Такъ напр., было въ 1858 году, когда въ Петербургѣ распространился было несправедливый слухъ о томъ, что преосв. Макарій силою принуждаетъ тамбовское духовенство выписывать свои сочиненія. Слухъ этотъ, дойдя до преосв. Макарія, произвелъ на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Благодарю за участіе ко мнѣ, по случаю дурныхъ слуховъ“, писалъ онъ 2 іюня 1858 года своему брату, которы предъ тѣмъ сообщилъ ему петербургскіе толки. „Слухи эти совершенно несправедливы. Дѣло было вотъ какъ: это передай и Ивану Михайловичу ³⁾. Во время прошлагоднаго моего объѣзда по епархіи многіе священники обращались ко мнѣ съ сожалѣніемъ, что они, по бѣдности, не въ состояніи пріобрѣсти мои сочиненія на свои средства и потому просили меня, чтобы я разрѣшилъ имъ купить мое богословіе для церковныхъ библіотекъ на кошелековую сумму, на которую, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, пріобрѣтаются для этихъ библіотекъ и другія книги: проповѣди и проч. Я на эту просьбу сначала не обратилъ вниманія. Но потомъ, по пріѣздѣ

¹⁾ Изъ неваданнаго письма.

²⁾ См. брошюру: „Кончина и погребеніе высокопр. Макарія, м. московскаго и коломенскаго“ М 1882 г. стр. 37—39.

³⁾ Прот. І. М. Наумовъ см. о немъ выше

Тамбовъ, ко мнѣ поступили формальныя просьбы отъ благочинныхъ нѣсколькихъ благочиній о томъ же предметѣ. Тогда сдалъ въ консисторію форменную резолюцію, что согласенъ просьбамъ, и разрѣшаю пріобрѣсти на кошелевую сумму мое богословіе, но только для тѣхъ церквей, гдѣ эта сумма значительная и излишняя. И вотъ большая часть церквей, пріобрѣла мое богословіе еще въ прошломъ году,—и я объ этомъ прямо донесъ Св. Синоду въ своемъ прошлагоднему репортѣ о состояніи епархіи. Но что бы я навязывалъ кому-либо и священниковъ пріобрѣтатъ мои книги на собственный кошелекъ или обязывалъ къ тому бѣдныя церкви,—это рѣшительно къ вѣту. Какъ законнымъ и справедливымъ я считаю мой поступокъ, это доказываетъ то, что я самъ репортовалъ о немъ Св. Синоду. И отъ чего же я для своей епархіи не могу разрѣшить пріобрѣсть въ богатыхъ церквяхъ мою книгу, когда другіе архіереи пріобрѣтаютъ ее для своихъ епархіальныхъ церквей на кошелевую же сумму, по двѣсти и даже по триста эмишляровъ, именно: полоцкій, черниговскій, ярославскій, вѣдский, и когда на ту же сумму я разрѣшаю для подвѣдомы мнѣ церквей покупать сотни другихъ духовныхъ книгъ,—примовѣдей и проч...? Въ чемъ же мое преступленіе?... Я своего поступка не стыжусь, я совершилъ его открыто съ сознаніемъ, что дозволяю доброе дѣло для моихъ духовныхъ и полезное, могу жалѣть только о томъ, если повѣрять доносу, не изслѣдовавъ дѣла и не спросивъ у меня объясненія. Объ этомъ же написалъ мнѣ Павелъ Александровичъ, по порученію Ивана Михайловича, который будто бы совѣтуетъ подарить э книги церквямъ. Но это значило бы, что я признаю въ глазахъ всей епархіи свой поступокъ незаконнымъ, и со стыдомъ возвращаю назадъ взятыхъ за книги деньги. Думаю, что меня спросятъ по формѣ о моемъ поступкѣ, и тогда я объясню дѣло начальству. А если не спросятъ: то не посовѣтуетъ Иванъ Михайловичъ написать мнѣ объ этомъ г. оберъ-прок

ру, или Василию Борисовичу ¹⁾? Впрочемъ, кому-либо изъ нихъ я напишу изъ Липецка ²⁾... Въ письмѣ отъ 9 іюня того же года онъ уже сообщалъ своему брату: „относительно важнаго доноса на меня о продажѣ книгъ я написалъ по рошлой почтѣ Василию Борисовичу, уяснивъ все дѣло. Пыня, можетъ быть, напишу и графу“ ³⁾. Мы не знаемъ, чѣмъ окончилось это непріятное для преосв. Макарія дѣло, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что вышеприведенное объясненіе дѣйствій преосв. Макарія, какое онъ даетъ въ письмѣ къ брату отъ 2 іюня 1858 года, вполне подтверждается свидѣльствами документальными. Въ 1857 году ректоръ С.-Петербургской духовной Академіи, архим. Теофанъ просилъ преосв. Макарія предложить духовенству своей епархіи податься на журналъ „Христ. Чтеніе“ на 1858 г. На этомъ сношеніи архим. Теофана преосв. Макарій положилъ резолюцію, которою разрѣшилъ „состоятельнымъ церквамъ выпитъ журналъ на кошельковыя суммы“. Впослѣдствіи отъ причина было получено чрезъ благочинныхъ увѣдомленіе, что желаютъ выписать „Христ. Чтеніе“ въ количествѣ 169 экземпляровъ. Въ это же самое время нѣкоторые причты выразили сланіе на тѣ же кошельковыя суммы выписать и „Исторію Русской церкви“ преосв. Макарія; послѣдній далъ свое согласіе на это, и у него было куплено 11 экземпляровъ сейчасъ названнаго сочиненія ⁴⁾. А вотъ другой примѣръ. Благочинный, прот. Михонравовъ просилъ выслать 1 экземпляръ „Словъ и рѣчей“ преосв. Макарія. Этотъ послѣдній на репортѣ благочиннаго 3 генваря 1859 года положилъ такую резолюцію: „желающіе могутъ выписать изъ канцеляріи за 2 р. 50 коп.“ ⁵⁾.

¹⁾ Протопресвитеръ В. В. Бажановъ, духовникъ Ихт Императорскихъ величествъ, членъ Св. Синода, † 1883 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

⁴⁾ См. арх. Тамб. дух. Консист. по реестру общ. дѣлъ за 1857 г. т. № 44.

⁵⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 14.

Ложный доносъ на преосв. Макарія, будто онъ при-
нуждаетъ подчиненное духовенство выписывать свое сочи-
ніе, произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ
сталъ желать перемѣщенія изъ Тамбова. Къ этому желанію
располагало преосв. Макарія и неблагопріятное вліяніе там-
бовскаго климата на его здоровье. Преосв. Макарій, какъ мы
знаемъ, пріѣхалъ въ Тамбовъ больнымъ. Лѣтомъ 1857 года
онъ поправилъ было свое здоровье, выдержавъ лѣчебный курсъ
на липецкихъ водахъ. Всю зиму и весну 1857/8 года преосв.
Макарій чувствовалъ себя здоровымъ, недолго проболѣвъ
только въ началѣ декабря 1857 года гриппомъ. Лѣтомъ
1858 года онъ снова лѣчился въ Липецкѣ¹⁾. Но тотчасъ
же по возвращеніи его въ Тамбовъ изъ Липецка, во второй
половинѣ августа 1858 года преосв. Макарій сильно про-
студился и заболѣлъ лихорадкою. Болѣзнь быстро развива-
лась и одно время настолько усилилась, что окружающіе
боялись за жизнь больного архипастыря. Самъ онъ въ это
время чувствовалъ себя весьма плохо. „Наконецъ“, писалъ
онъ брату 14 сентября 1858 года, „она миновала, эта страш-
ная болѣзнь, которая до такой степени меня напугала! Бла-
годареніе Господу! Со вчерашняго дня я началъ выходить на
воздухъ! Нынче докторъ былъ въ послѣдній разъ... Ахъ
сколько я переболѣлъ въ эти дни и тѣломъ и душою,—осо-
бенно въ тѣ два дня, когда, какъ я замѣтилъ, меня считали
крайне опаснымъ, ко мнѣ всѣ спѣшили, приводили духовника
и проч. Господи!—думалъ я, ужели мнѣ такъ рано сужденіе
умереть? И гдѣ? И посреди какихъ людей?... И не сдѣлавши
даже завѣщанія?... Нѣтъ, говорилъ я, этого быть не можетъ
и не будетъ. Господи, Господи! что за жизнь на свѣтѣ? Каж-
дую минуту можешь умереть“²⁾. Болѣзнь на этотъ разъ про-
шла, но скоро, именно 21 октября снова возобновилась, при-

¹⁾ На основаніи писемъ преосв. Макарія къ своему брату отъ 30 іюня
и 14 декабря 1857г., 30 марта, 9 іюня, 22 іюня, 17 и 31 августа и 8 септ. 1858.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

емъ произошло еще осложненіе отъ разлитія желчи¹⁾. Повторявшаяся и послѣ того нѣсколько разъ лихорадка значительно истощила силы преосв. Макарія и подорвала и безъ того слабое его здоровье. „Здоровье мое“, писалъ онъ брату 0 ноября 1858 года, „постоянно слабо“²⁾. Въ такомъ же остояніи оставалось здоровье преосв. Макарія до самаго онда пребыванія его въ Тамбовѣ³⁾.

Послѣ сентябрьской болѣзни 1858 г. преосв. Макарій окончательно разочаровался въ Тамбовѣ и сталъ желать скорѣйшаго перемѣщенія отсюда, не смотря на то, что уже спѣлъ было свынуться съ Тамбовомъ и полюбить его. Впрочемъ, и общее мнѣніе было таково, что преосв. Макарій неолго останется въ Тамбовѣ. Такое мнѣніе начало высказываться многими еще въ самое первое время пребыванія преосв. Макарія въ Тамбовѣ, при чемъ многіе прямо замѣчали, что преосв. Макарій достоинъ высшаго назначенія. „Отъ души адуюсь“, писалъ архіеп. варшавскій Арсеній преосв. Макаію 25 февраля 1858 года, „что тамбовская епархія—мнѣ и мнѣ нечуждая, досталась въ ваши добрыя и мудрыя руки, ота вамъ могло бы, кажется, дано быть что-нибудь и повыше, не скажу получше, потому что тамбовская епархія одна изъ лучшихъ. Ну, да это придетъ къ вамъ въ свое время и воимъ чередомъ. Достоинства и заслуги ваши російской церкви извѣстны: теперешняя отдаленность ваша отъ Питера нисколько не затемнитъ и не уменьшитъ ихъ. Крѣпитесь дуломъ и подвизайтесь съ силою, какъ начали“⁴⁾... Съ другой стороны, всѣ, бывавшія въ Тамбовѣ изъ Петербурга, важныя лица утверждали, по словамъ самого преосв. Макарія, что онъ не-надолго въ Тамбовѣ. „На чемъ все это основывается“, замѣчалъ преосв. Макарій, „не понимаю“⁵⁾. Въ виду сказанна-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма отъ 26 октября 1858 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ На основаніи неизданныхъ писемъ преосв. Макарія къ брату отъ 7 сн. 1858 г. и 11 и 18 января 1859 г.

⁴⁾ Сн. Прав. Обзор. 1869 г. т. 1 стр. 165—166.

⁵⁾ Изъ неизданнаго письма.

го сейчас, нисколько неудивительно, если общественная молва переводила преосв. Макаріа на всякую болѣе или менѣе выдающуюся архіерейскую катедру, остававшуюся свободною во время его тамбовскаго служенія. Его переводили и въ Тверь и въ Симбирскъ¹⁾. Между прочимъ, лѣтомъ 1858 года въ Тамбовѣ распространился было слухъ объ освобожденіи харьковской архіерейской катедры. Общественные толки не замедлили перевести на нее преосв. Макаріа. 9 іюня послѣдній писалъ своему брату: „а въ Харьковѣ, правда ли, будто кто-то уже назначенъ, только не я? Жаль, если правда. Но да будетъ воля Божія“²⁾! Отсюда видно, что преосв. Макарій желалъ перемѣщенія въ Харьковъ. Желаніе его, дѣйствительно, и сбылось, хотя и позже, весною слѣдующаго года.

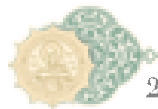
Въ это время Харьковскій архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій) былъ переведенъ въ Черниговъ, а на его мѣсто рѣшено было назначить преосв. Макаріа. Перемѣщеніе преосв. Макаріа въ харьковъ состоялось 18 апрѣля 1859 года, а 26 числа того же мѣсяца и года преосв. Макарій уже писалъ своему брату: „довольно ты написалъ мнѣ новостей въ послѣднемъ письмѣ: а что жъ не написалъ-то обо мнѣ? Въстѣ съ твоимъ письмомъ я получилъ письмо отъ г. Вирославскаго³⁾ который извѣщаетъ меня, будто я назначенъ и уже Высочайше утвержденъ въ Харьковъ. Правда ли это? По его словамъ, утвержденіе послѣдовало еще 15 апрѣля: какъ же это доселѣ не огласилось? Я что-то начинаю сомнѣваться... Если точно я назначенъ въ Харьковъ, то извѣсти меня“⁴⁾. А. П. Булгаковъ скоро сообщилъ преосв. Макарію точныя свѣдѣнія о состоявшемся перемѣщеніи его въ Харьковъ. Послѣдній отвѣчалъ ему 3 мая на это слѣдующее: „новымъ назначеніемъ, разумѣется, я очень доволенъ, хотя, признаюсь, разлучаться

¹⁾ На основаніи неизданныхъ писемъ преосв. Макаріа къ брату отъ 10 ноября и 8 декабря 1857 г. и 5 января и 16 февраля 1858 г.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Н. М. Вирославскій, магистръ XXII курса С.-Пет. дух. Акад., мнѣй протоіерей Владимірской церкви въ С.-Петербургѣ.

⁴⁾ Изъ неизданнаго письма.

съ Тамбовомъ мнѣ крайне тяжело. Я прежде не понималъ, что такъ усѣбѣ привязаться къ нему. Особенно больно осталось то, что я самъ поустроилъ, пообновилъ... Не говорю убо томъ, какъ поразила эта вѣсть тамбовцевъ: многіе прощавзрыдъ плачуть... Да, я вижу, какъ меня здѣсь любили цѣнили. Что же будетъ при самой разлукѣ! Указа изъ (Синода еще нѣтъ... начинаю собираться¹⁾). Къ огорченію преосв. Макарія, указъ о переводѣ его въ Харьковъ долго получался въ Тамбовѣ. Неопредѣленное положеніе и невѣстность будущаго начинали тяготить его. „Я отъ хлопотъ отъ сборовъ крайне изнемогъ: знаешь мою натуру“, писалъ онъ брату 10 мая. „А тутъ не шлютъ еще указа, когда готовъ уже ѣхать. Предосадно! Что-то доселѣ особенной радости отъ перемѣщенія въ Харьковъ не чувствую. Что-то (идеть дальше, посмотримъ. Еслибъ это случилось прежде годъ тому назадъ: можетъ быть, больше бы радовалъ. Впрочемъ, теперь сборы и хлопоты все во мнѣ заглушаютъ“²⁾. Вскорѣ послѣ того, именно 16 мая получился указъ Св. Синода, и 18 мая преосв. Макарій уже снова писалъ своему брату: „я совѣихъ укладся. Остается самому сѣсть экипажъ и ѣхать... На Вознесеніе я скажу прощальную рѣчь а 23 или 24 мая выѣду изъ Тамбова,—въ то самое число въ которое сюда прибылъ два года тому назадъ“³⁾.

Дѣйствительно, въ день Вознесенія Господня, 21 мая 1859 года преосв. Макарій совершилъ послѣднюю литургію въ тамбовскомъ кафедральномъ соборѣ и простился въ ли предстоившихъ здѣсь пасомыхъ со всею тамбовскою паствою. Прощальная рѣчь его, сказанная въ концѣ литургіи, бы какъ нельзя лучше приспособлена къ событіямъ дня. Въ е вѣтїя весьма хорошо соединилъ великое церковное торжество съ событіемъ въ собственной жизни. Указавъ на то, что В

¹⁾ Изъ неизданнаго письма.

²⁾ Изъ неизданнаго письма.

³⁾ Изъ неизданнаго письма.

несеніе Господне, день разлуки Господа съ учениками Его, было для нихъ и доселѣ остается для всей Церкви величайшимъ и радостнѣйшимъ торжествомъ, преосв. Макарій затѣмъ началъ говорить о томъ, какова должна быть разлука между христианами. Въ заключеніе онъ умолялъ своихъ бывшихъ духовныхъ чадъ свято блюсти православную вѣру и вести истинно благочестивую жизнь, такъ какъ вѣра православная и благочестивая жизнь суть „величайшія сокровища, за которыя мы можемъ приобрести себѣ радость вѣчнаго свиданія, и вѣчно блаженной жизни“¹⁾).

Прощальное слово преосв. Макарія произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей. Многіе искренно плакали, такъ какъ любили своего архипастыря²⁾. Черезъ два дня послѣ того, 24 мая 1859 года преосв. Макарій совсѣмъ оставилъ Тамбовъ. Вотъ какъ самъ онъ описывалъ свой отъѣздъ отсюда въ письмѣ къ брату, писанномъ уже въ Харьковѣ 8 іюня 1859 года: „Тамбовъ поразилъ и тронулъ меня, при прощаніи, изъясненіями своей расположенности... Въ день выѣзда зрѣлище было трогательное. Отъ моего дома меня провожалъ рѣшительно весь городъ, послѣ прощанія въ церкви. Я шагомъ ѣхалъ по всѣмъ улицамъ и за мною тянулось безчисленное множество экипажей и несмѣтная толпа народа пѣшкомъ—до тѣхъ поръ, пока выѣхали за Тамбовъ. И тамъ-то начались снова прощанія и слезы, о которыхъ я не могу доселѣ вспомнить безъ слезъ. Да, въ Тамбовѣ многіе, или нѣкоторые меня истинно любили и уважали. И я доселѣ сердечно грущу о Тамбовѣ“³⁾.

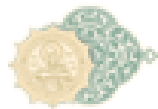
Θ. *Титовъ.*

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Слова и Рѣчи м. Макарія СПб. 1891г. стр. 425--428 ср. Христ. Цл. 1859 г. т. II стр. 32—35.

²⁾ На основаніи изданнаго письма преосв. Макарія къ брату отъ 3 мая 1859 г.

³⁾ Изъ изданнаго о письмѣ.

С Л О В О,

произнесенное въ Соборной церкви Братскаго монастыря
31 декабря 1895 года.

Еще минулъ одинъ годъ, и еще разъ Господь Богъ благословилъ намъ собраться въ семъ святомъ храмѣ, чтобы вознести къ Нему наши смиренныя молитвы о почившихъ основателяхъ и благодѣятеляхъ, наставникахъ и питомцахъ нашей дорогой школы.

Почти триста лѣтъ существуетъ она, и не одинъ десятокъ тысячъ воспитанниковъ выпустила она изъ пѣдръ своихъ на служеніе Православной церкви и великому Русскому государству, распространяя чрезъ нихъ среди русскаго народа тѣ духовныя блага, которыми сама была напоена отъ первыхъ дней своего существованія.

Много было бы нужно времени для того, чтобы хотя вкратцѣ перечислить великія заслуги нашей школы и по достоинству оцѣнить ея значеніе. Но не въ этомъ лежитъ задача нашего настоящаго слова: въ настоящую торжественную минуту мы имѣемъ въ виду только кратко вспомнить предъ вами,—возлюбленные братія и дорогіе питомцы нашей школы,—о заслугахъ ея, какъ нашей духовной матери, съ чѣмъ вмѣстѣ выяснится значеніе и заслуги отецъ и братій нашихъ, память которыхъ мы нынѣ совершаемъ.

Наша школа была вызвана къ жизни крайне бѣдственнымъ положеніемъ западной части русскаго народа вслѣдствіе угнетенія его со стороны иновѣрнаго народа польскаго.

Истекшій (1895) годъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной, даетъ намъ поводъ перенестись мыслию къ этому печальному времени, потому что ровно триста лѣтъ тому назадъ со стороны латинства при посредствѣ польскаго правительства былъ сдѣланъ послѣдній рѣшительный шагъ къ тому, чтобы искоренить въ западной Руси Православную вѣру и подчинить ее духовной власти папы, лишить народъ нашъ его родного языка и окончательно изгладить въ немъ все его отличительныя особенности, чтобы слить его во едино съ народомъ польскимъ. Долгое время латинство подготовлялось къ этому шагу, употребляя для этого всевозможныя, — законныя и незаконныя, — средства. Но все усилія латинянъ, дѣйствовавшихъ подъ покровительствомъ польскаго правительства, разбивались о несокрушимую вѣрность нашего народа предной Православной вѣрѣ. — Видя, что успѣхи въ подчиненіи русскихъ духовной власти папства и ополченіи ихъ оказываются незначительными; видя, что только высшій слой западно-русскаго общества поддается вліянію заводимыхъ въ русскомъ краѣ латинно-польскимъ духовенствомъ школъ и распространяемаго ими образованія, — враги Православной вѣры и независимости нашего народа въ западномъ краѣ рѣшились употребить искусственную мѣру для ускоренія осуществленія своихъ нечистыхъ цѣлей: они придумали сблизить православныхъ западно-руссовъ и латинянъ чрезъ такъ называемую унію, т. е. подчинивъ нашъ народъ власти папы оставить въ неприкосновенности наше Православное богослуженіе и обряды. — Къ несчастію мысль о такомъ способѣ сближенія православныхъ и латинянъ между собою нашла себѣ сочувствіе и среди нѣкоторыхъ, — правда не многихъ, но весьма вліятельныхъ, — православныхъ пастырей, хотя ни для кого не было тайною, что въ этомъ искусственномъ сближеніи латиняне видѣли только первую ступень къ полному подчиненію нашего народа подъ власть папы, т. е. къ полному переходу его въ латинство. Въ 1595 году двое изъ православныхъ епископовъ, —

не безъ вѣдома бывшаго тогда митрополита кіевскаго Михаила Рогозы, отправились въ Римъ, и отъ имени якобы всего западно-русскаго народа просили папу Урбана VIII принять западно-русскую церковь подъ свою верховную власть. Унія совершилась.

Съ того времени, трехсотлѣтіе котораго недавно съ большимъ торжествомъ было отпраздновано въ Римѣ, и начались неописуемыя страданія западно-русскаго народа. Большая часть его была несогласна принять унію и была вынуждена пережить всѣ тяжести преслѣдованія за вѣру,—тяжести тѣмъ болѣе чувствительныя, что послѣ объявленія уніи на сторонѣ враговъ Православной церкви стояло уже довольно много своихъ же родныхъ русскихъ братьевъ, которые приняли унію... Всѣмъ извѣстна судьба этого искусственнаго единенія православія и латинства и его начальные послѣдствія въ жизни западно-русскаго народа. Унія была причиною братоубійственнаго раздѣленія въ его средѣ. Но вызвавъ это разединеніе, унія вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала изъ среды нашего народа лучшія его силы на защиту его родной вѣры и народности. Такъ что унія не имѣла тѣхъ послѣдствій, которыя отъ нея ожидали латиняне, начиная съ папы Урбана VIII. Такимъ образомъ Православная юго-западная церковь съ большимъ правомъ можетъ воспоминать трехсотлѣтіе своей борьбы противъ враговъ православія, чѣмъ латинство—торжествовать трехсотлѣтіе уніи.

Ревнители Православной вѣры и церкви не были повергнуты въ отчаяніе уніею и не утратили вѣры въ свое святое дѣло. Чѣмъ болѣе враги православія воздвигали противъ нихъ гоненіе, тѣмъ съ большею силою духа выступали они на защиту своей народной самобытности и независимости. Они отлично видѣли, что сила враговъ заключается не столько въ ихъ вѣншемъ могуществѣ, сколько въ ихъ сравнительномъ умственномъ превосходствѣ, въ ихъ религіозномъ образованіи; поэтому они рѣшили противопоставить врагу его же

собственное оружіе. Сознывая, что латинскія школы служатъ главнымъ средствомъ къ совращенію православныхъ въ инопѣріе, они рѣшили воздвигнуть въ западномъ краѣ рядъ школъ, въ которыхъ преподавалось бы Православное ученіе, но по тѣмъ же образцамъ и съ тѣми же приѣмами, съ какими оно преподавалось въ школахъ латинскихъ. А чтобы распростра- нять свое вліяніе за предѣлы школы, они широко воспользо- вались церковною проповѣдію и распространеніемъ православ- ныхъ книгъ.

Незабвенная въ этомъ отношеніи заслуга принадлежитъ православнымъ западно-рускимъ братствамъ, учреждавшимся съ религіозно-нравственною и благотворительною цѣлями. Рас- полагая болѣе или менѣе значительными средствами, эти братства *открывали* школы для дѣтей православныхъ, *устраивали* книгопечатни для выпуска въ свѣтъ православныхъ книгъ, *создавали* больницы и страннопріемные дома для бѣд- ныхъ, и отправляли за границу молодыхъ людей, чтобы по- слѣдніе, поучившись въ чужихъ странахъ научнымъ приѣмамъ, могли выступить въ качествѣ защитниковъ православнаго уче- нія отъ иновѣрныхъ враговъ. Знаменитѣйшими братствами были Львовское, Луцкое, Виленское и Кіевское-Богоявлен- ское

Изъ этихъ братствъ нашему Кіево-Богоявленскому брат- ству и основанной при немъ школѣ Богъ судилъ сдѣлаться средоточіемъ просвѣщенія не только для западно-русскаго, но и всего русскаго народа. Отстоя сравнительно далеко отъ средоточія враждебныхъ Православію силъ, т. е. отъ коренной Польши, Кіевъ былъ достаточно близокъ къ нему для того, что- бы съ материнскою заботливостію прислушиваться въ настоя- тельнѣйшимъ нуждамъ нашего страдавшаго народа и съ не- меньшею попечительностію отзываться на его страданія. Бу- дучи издревле матерію городовъ русскихъ и средоточіемъ Пра- вославія, Кіевъ въ святыняхъ своей древности черпалъ нуж- ные для духовно-нравственнаго просвѣщенія народа средства.

Посему и основанная въ Кіевѣ Братская Богоявленная школа,—зерно, изъ котораго постепенно выросла Кіево-могилянская Коллегія а потомъ и Академія,—лучше всѣхъ западно-русскихъ братскихъ школъ могла выполнить свое служеніе Православной церкви и русскому народу. Получившая благословеніе отъ православныхъ патріарховъ и непрестанно поддерживаемая первосвященниками Кіева, начиная съ Іова Борецкаго и Петра Могилы, эта школа собирала подъ кровь свой даровитѣйшихъ сыновъ Православной церкви и русскаго народа и готовила ихъ къ той великой цѣли, для которой она сама была основана. Подъ ея вліяніемъ и при ея содѣйствіи на югозападѣ Руси создавалась обширная письменность, главною цѣлію которой была защита Православія отъ нападений со стороны западныхъ инославныхъ исповѣданій. При составленіи своихъ сочиненій наставники и питомцы этой школы въ самой широкой мѣрѣ пользовались тѣми же научными приемами, которыми пользовались и враги православія, противопоставляя послѣднимъ ихъ собственное оружіе. Научною постановкою преподаванія православнаго ученія Кіево-Богоявленная школа послужила образомъ для подобной же Московской школы, обратившейся потомъ въ Славяно-греко-латинскую Академію.

Воспитывая молодыхъ поколѣнія въ строгомъ духѣ Православной вѣры, поддерживая и укрѣпляя этотъ духъ въ западно-русскомъ обществѣ научными разсужденіями и церковною проповѣдію, Кіево-Братская-могилянская школа предохраняла большинство нашего народа отъ увлеченія униєю, и,—кажется,—не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что она своею дѣятельностію подготовила объединеніе разсѣянныхъ отраслей русскаго народа въ одно великое русское государство.

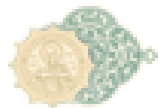
Неустанные труды представителей и попечителей Кіево-Братской школы на пользу православія и русской народности были по достоинству оценены русскими государями, осо-

бенно Великимъ преобразователемъ Руси Петромъ I. 26 сентября 1701 года, онъ Высочайшею грамотою повелѣлъ именоваться ей Академіею, признавъ такимъ образомъ за нею право быть высшимъ учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ Русскаго государства. Ободренная великою царскою милостію Киевская Академія съ удвоенною силою продолжала свое великое дѣло: она подготовила и выпустила изъ вѣдръ своихъ многихъ великихъ святителей во всѣ концы обширной русской земли, знаменитыхъ государственныхъ мужей и видныхъ по своему времени ученыхъ, трудами которыхъ мы и до настоящаго времени имѣемъ полное право гордиться. Но она не забывала и своей первоначальной цѣли: неуклонно и ревностно охраняла она православную вѣру отъ инославныхъ враговъ не только не позволяя увлекать въ латинство и другія ереси души петвердыхъ въ вѣрѣ сыновъ православія, но часто побуждая и содѣйствуя возвращенію къ вѣрѣ отцовъ тѣхъ изъ нихъ, которые прежде были увлечены въ иновѣріе.

Такая непрестанная и неуклонная дѣятельность нашей школы на поприщѣ Православной вѣры, русской государственности и русской народности, всегда цѣнимая русскими государями,—которые никогда не забывали ея своими милостями,—всегда была цѣнима и русскимъ обществомъ. Признавая Киевскую матерію городовъ русскихъ, истинно-русскіе люди признавали въ Киевской Академіи мать истинно-русскаго просвѣщенія такъ какъ отдѣльныя струи его, разлившіяся по всему лицу великой Руси, имѣли одинъ общій источникъ—нашу дорогую школу.

Взирая на свою славную прошлую жизнь и поучаясь въ ней, наша Академія въ лицѣ своихъ настоящихъ представителей никогда не забываетъ первоначальной и главной своей задачи. Но не должна она забывать ее и въ будущемъ И вамъ, дорогіе воспитанники нашей школы, мы снова хотимъ повторить, что эта задача далеко еще не исполнена. Вамъ преемникамъ нашимъ, предстоитъ продолженіе почти трехвѣкового труда ея. Правда, ей уже нѣтъ нужды, настоятельно!

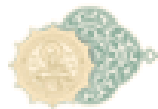
нужды посвящать свои силы и труды начаткамъ народнаго образованія: въ настоящее время эти труды взяли на себя младшія дщери нашей школы, т. е. школы, руководимыя ея питомцами и питомцами ея питомцевъ. Но задача,—быть защитницею православной вѣры и русскаго народнаго духа отъ нападкѣй иновѣрія и иноземныхъ разрушительныхъ вліяній,—эта задача остается во всей своей силѣ и до настоящаго времени. Правда и то, что вамъ теперь нѣтъ нужды оставлять свой княжескій трудъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ спѣшить на поле брани,—какъ то бывало въ первые дни существованія нашей школы, времена измѣнились къ лучшему;—русскому народу послѣ его объединенія подъ державнымъ скипетромъ великихъ русскихъ государей уже не грозитъ опасность внѣшняго порабощенія. Но за то въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, вамъ необходимо быть готовыми къ борьбѣ противъ попытокъ духовнаго порабощенія нашего народа со стороны иноземцевъ. Мысль объ этомъ порабощеніи никогда не оставляла враговъ Православной церкви и русскаго государства. Съ каждымъ днемъ открываются новыя и новыя козни ихъ, направленные къ этой цѣли. Въ первые дни существованія нашей школы ей приходилось имѣть дѣло съ двумя-тремя видами убѣжденнаго въ своей правотѣ иновѣрія. Въ настоящее время число видовъ иновѣрія, вторгающагося въ нашу народную жизнь, значительно увеличилось. Въ настоящее время поднимаетъ снова голову свою замершее было и безжизненное восточное язычество, благодаря попустительству западныхъ христіанъ. Но самымъ страшнымъ врагомъ нашей вѣры является невѣріе, распространяемое во имя якобы научныхъ изслѣдованій. Послѣдній врагъ стремится поколебать самыя основы нашей вѣры, т. е. испровергнуть самое христіанство. Посему въ настоящее время питомцамъ нашей школы необходимо, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ, облечься во вся оружія свѣта (Римл. XIII, 12) истинно-христіанскаго просвѣщенія, чтобы распознавать

и избличать тѣхъ духовъ лжи, которые не исповѣдуютъ *Исуса Христа во плоти пришедша* (1 Иоан. IV, 2).

Итакъ, возлюбленные братія, велика была задача нашей школы, и она съ честію выполняла ее. Еще большую задачу выдвигаетъ предъ нею настоящее время, и ея будущимъ дѣятелямъ нужно приложить всѣ данные имъ отъ Бога таланты къ тому, чтобы быть достойными преемниками нашихъ отцевъ и братій, память которыхъ мы нынѣ совершаемъ. Будемъ надѣяться, что Господь Богъ, непрестанно укрѣплавшій ихъ своею благодатію въ ихъ великомъ и многотрудномъ служеніи, не оставитъ и насъ Своимъ милосердіемъ въ продолженіи великаго дѣла, предназначеннаго нашей школѣ ея основателями и благотворителями, и выполнявшася ея дѣятелями. Аминь.

А. Булаковъ.

ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(Продолженіе) *).

ГЛАВА III.

Спиноза.

Основныя метафизическія понятія и основоположенія. Необходимость безконечной субстанціи. Невозможность и немислимость въ мірѣ никакой контингенціи, слѣдов. и свободы. Возраженія противъ этой доктрины на основаніи свѣдѣтельства внутренняго сознанія и факта вѣдѣемости нашихъ постулатовъ;—отвѣтъ Спинозы. Детерминизмъ метафизическій и моральный.

Приведенное сейчасъ соображеніе Малебранша, объясняющее отчасти оригинальныя особенности его собственнаго ученія о свободѣ воли, еще больше, можно сказать, цѣликомъ приложимо къ Спинозѣ, который пришелъ къ полному и рѣшительному отрицанію свободы воли, дѣйствительно, тѣмъ именно путемъ, который намѣченъ въ этомъ соображеніи, т. е. оторвавши свое вниманіе отъ низменной сферы внутренняго опыта и всецѣло перенесши его въ найвысшую сферу самыхъ общихъ, самыхъ послѣднихъ абстрактовъ. Не удивительно, что находясь на этой высотѣ, онъ потерялъ изъ виду, если не все, то многое изъ того, что говоритъ нашъ внутренній опытъ, и если не совсѣмъ забылъ, то игнорировалъ то, каковы мы по смыслу этого опыта. Другими словами: установивши свои абстрактныя метафизическія понятія и положенія, онъ чисто дедуктивнымъ, или, по его терминологіи, геометрическимъ методомъ, выводилъ изъ нихъ все остальное—и міръ тѣлъ и міръ душъ со всѣми ихъ свойство—опредѣленіями, но выводилъ, а затѣмъ и признаетъ, утверждаетъ лишь то, что съ логическою необходимостію

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, м. сентябрь 1894 г.

слѣдуетъ изъ нихъ, а то, что не слѣдуетъ, безъ всякаго колебанія отрицаетъ и устраняетъ.

Его главнѣйшее философское произведеніе—знаменитая *Этика* открывається трактатомъ о Богѣ, или о всеобщемъ абсолютномъ принципѣ вещей, за нимъ слѣдуетъ трактатъ о тѣлахъ, а лишь за этимъ уже—трактатъ о душѣ въ такой тѣсной взаимной связи, что вторая доктрина—физика логически выводится изъ первой—изъ чистой метафизики, а третья—психологія—вылѣзаетъ изъ нихъ обѣихъ. Представимъ вкратцѣ эту единственную въ своемъ родѣ дедукцію въ ея главнѣйшихъ моментахъ, отъ ея зародыша въ абстрактныхъ метафизическихъ дефиниціяхъ и аксіомахъ до полнаго расцвѣта въ строгую систему чистѣйшаго и полнѣйшаго детерминизма, или почти—нецесситаризма.

Всякая философія претендуетъ познать все существующее по истинѣ; или, что тоже, уяснить себѣ и всѣмъ показать, чтó для нея, какъ истиннаго познанія, есть истинно—существующее, въ отличіе отъ мнимо-существующаго, или отъ существующаго только для мнимаго знанія. Итакъ, что есть истинно-существующее для Спинозы? „Истинно и первоначально или безусловно-существующее, отвѣчаетъ онъ, есть субстанція, потому что субстанція прежде всего есть то, что въ самомъ себѣ существуетъ и само чрезъ себя познается, такъ что понятіе ея для своего образованія не нуждается ни въ какомъ понятіи чего нибудь другого“ ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ она есть бытіе самобытное, абсолютное, никому и ничему своимъ существованіемъ не обязанное, есть сама себѣ причина, или, что тоже, сама сущность ея содержитъ въ себѣ существованіе, сама природа ея такова, что не можетъ быть мыслима несуществующею, словомъ она есть необходимо существующая ²⁾. Понятно что такая абсолютная самосушая субстанція можетъ быть и есть только одна единственная—Богъ ³⁾. А это значить, что она вмѣ-

¹⁾ Eth. defin.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Eth. Pars I. prop. 5. 14.

ствѣ съ тѣмъ есть безконечная¹⁾ не въ томъ только отрицательномъ смыслѣ, что подлѣ нея нѣтъ никакой другой субстанціи, которая полагала бы ей границу, во и въ томъ положительномъ. что она все остальное производитъ сама изъ себя безконечнымъ образомъ,—именно она раскрываетъ свою природу въ безконечномъ множествѣ атрибутовъ, изъ которыхъ самые существенные и основные суть—протяженіе и мышленіе²⁾, а эти атрибуты, въ свою очередь, раскрываются въ безконечномъ множествѣ модусовъ. Модусы протяженія суть тѣла, а модусы мышленія суть идеи тѣлъ, или души. Когда модусъ мышленія или идея тѣла соединяется съ модусомъ протяженія—тѣломъ, какъ со своимъ ideatum, то образуется тотъ синтезъ обоихъ модусовъ, который называется человѣкомъ. Спрашивается, этотъ человѣкъ можетъ ли обладать свободною волей, имѣеть ли власть надъ своими дѣйствіями?

Но, такъ какъ человѣкъ, какъ и все тварное, конечное представляетъ собою простой модусъ единой безконечной субстанціи, то спрашивается прежде всего, свободна ли сама она?—Конечно, свободна, притомъ абсолютно свободна,—отвѣчаетъ Спиноза; „та вещь должна быть признаваема свободною, которая существуетъ по необходимости только своей собственной природы и опредѣляется къ дѣятельности только сама собою³⁾, а такова и есть, притомъ одна единственная вещь—безконечная субстанція, или Богъ: только Богъ est causa sui—бытіе самосущее, никакою другою причиною, или субстанціею не опредѣляемое къ существованію; но нѣтъ также никакой внѣ Его причины, которая бы внутреннимъ или внѣшнимъ образомъ побуждала Его къ дѣйствованію; Онъ дѣйствуетъ всецѣло только по законамъ или по необходимости своей собственной природы; слѣдов. Онъ и только одинъ. Онъ есть абсолютно-свободная причина“⁴⁾. Но въ каковомъ

¹⁾ Pars I. prop. 15. 16. 21. Pars. II. prop. 1—3.

²⁾ Pars II, prop. 15.

³⁾ Pars I. definitio 7.

⁴⁾ Pars I. propos. 17.

смыслъ Богъ свободенъ,—въ томъ ли, что какъ Его разумъ въ мышленіи, или въ произведеніи идей, такъ воля въ дѣйствованіи, т. е. въ осуществленіи этихъ идей—ничемъ не связаны, совершенно—свободны, или произвольны? „Пожалуй, можно усвоить Богу и разумъ и волю, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ подъ ними мы разумѣли нѣчто столь же различное и далекое отъ нашего разума и воли, какъ небо отъ земли. Вѣдь разумъ Божественный по самой природѣ своей не можетъ быть, подобно нашему, ни позади мыслимыхъ имъ вещей, ни даже одновременно съ нимъ, такъ какъ Богъ, въ качествѣ причинности, существуетъ прежде всѣхъ вещей, но напротивъ истина и формальная сущность вещей потому именно такова, что таковою объективно существуетъ въ разумѣ Бога“¹⁾,—и вотъ почему порядокъ и связь вещей таковы же, каковы порядокъ и связь идей въ разумѣ Божиѣмъ. А это значитъ, что разуму этому болѣе, чѣмъ какому-бы-то ни было другому, чужда всякая произвольность; что онъ, производя только истинныя идеи и въ ихъ истинной связи, связывается какъ по отношенію къ каждой идеѣ ея истинною внутреннею сущностію, такъ по отношенію къ порядку всей ихъ совокупности ихъ внутреннею взаимною зависимостію и связію. Поэтому, какъ нелѣпо допустить, „что этотъ разумъ можетъ мыслить идею или природу треугольника такъ, чтобъ она вовсе не требовала въ немъ равенства трехъ его угловъ двумъ прямымъ, или природу причины—такъ, чтобъ изъ нея не происходило никакое слѣдствіе“²⁾, такъ нелѣпо думать, что и вообще „онъ, мысля идеи или вещи, могъ какъ либо иначе мыслить ихъ, чѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мыслить“³⁾. О волѣ же божественной слѣдуетъ сказать тоже самое тѣмъ болѣе, что она дѣйствуетъ не сама по себѣ, а въ тѣсной зависимости отъ разума,—осуществляя лишь то, что имъ мыслится, полагается; „никакое основаніе не можетъ заставить насъ думать, что Богъ могъ не захотѣть

¹⁾ Schol. ad propos. 17.

²⁾ Schol. ad. propos. 17.

³⁾ Schol. ad. propos. 33.

создать всего того, что было въ его разумѣ и съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ Онъ все мыслилъ¹⁾. Другими словами: „могущество Бога въ дѣйствованіи какъ разъ равно Его могуществу въ мышленіи и не можетъ быть ни меньшимъ, ни большимъ“²⁾. „И воля не можетъ быть признана свободною причиною, а только необходимою, потому что воля наравнѣ съ разумомъ есть простой модусъ мышленія и никакое хотѣніе ея не можетъ возникнуть и опредѣляться къ дѣйствию, если оно не опредѣлено другимъ хотѣніемъ какъ своею причиною, а это, въ свою очередь, третьимъ и такъ далѣе въ безконечность. Воля и разумъ такъ относятся къ природѣ Бога, какъ движеніе, покой и все вообще физическое, и хотя изъ воли и разума слѣдуетъ безконечное множество вещей, но на этомъ одномъ основаніи нельзя еще сказать, что Богъ дѣйствуетъ по свободѣ воли, какъ относительно вещей, вытекающихъ изъ движенія и покоя, нельзя сказать, что онѣ дѣйствуютъ по свободѣ движенія и покоя. А изъ этого слѣдуетъ, что Богъ не дѣйствуетъ по свободной волѣ“³⁾, и что, напротивъ, изъ безконечной природы Его вытекло и постоянно вытекаетъ безконечное множество вещей, безконечно—многими способами съ такою же необходимостію, съ какою изъ природы треугольника отъ вѣчности слѣдовало и всегда будетъ слѣдовать, что его три угла равны двумъ прямымъ“⁴⁾, „вещи не могли быть произведены Богомъ никакимъ другимъ образомъ и ни въ какомъ другомъ порядкѣ, какъ въ томъ, въ какомъ онѣ произведены“⁵⁾. Могутъ на это возразить: если все истекаетъ необходимо изъ божественной природы, то откуда столько несовершенства въ природѣ, почему мы сами не настолько совершенны чтобы всегда руководились однимъ разумомъ? На это можно отвѣтить такъ: это потому, что у Бога былъ матеріалъ для созданія всего отъ самой высшей до самой низшей ступени или потому что законы его собственной природы до тако-

¹⁾ Schol. 2. ad. propos. 33.

²⁾ Pars. II. corol. ad prop. 7.

³⁾ Propos. 32 cum. arg. et corol. 1. 2.

⁴⁾ Schol. ad propos. 17.

⁵⁾ Propos. 32.

степени широки, что они достаточны для произведенія всего что можетъ быть представлено безконечнымъ разумомъ¹⁾ Что же касается того противнаго нашему воззрѣнiю, буд то Богъ дѣйствуетъ не по необходимости своей природы, а по опредѣленнымъ цѣлямъ или въ видахъ блага тварей, особенно же человѣка, то его слѣдуетъ считать еще менѣе самостоятельнымъ, чѣмъ то, которое все выводитъ изъ безразличной или абсолютной воли Божіей. Оно, во 1-хъ, явно не лѣно, насколько допускаетъ, что природа или Богъ способенъ бредить цѣлями, подобно людямъ. Оно, во 2-хъ, умаляетъ и даже уничтожаетъ безконечное совершенство Божіе, ибо цѣли, подлежащія еще только осуществленію и служили бы прямымъ выраженіемъ неполноты наличнаго бытія, или совершенства. Оно, въ 3-хъ, признавая явѣно Бога, къ чему онъ стремится, какъ къ образцу—или какъ къ должному, тѣмъ самымъ дѣлаетъ Его зависимымъ отъ чего-то походяго на судьбу, на фатутъ, и т. об., вмѣсто желаемаго расширенія свободы, совсѣмъ уничтожаетъ ее²⁾.

Этимъ, полагаю, говорить Спиноза, я доказалъ явѣно полудеянаго свѣта, что въ вещахъ нѣтъ ничего такого, почему мы могли бы считать ихъ контингентными. Самое понятіе контингенціи есть понятіе ложное, ничего болѣе не выражающее, кромѣ нашего незнанія. Вещь мы называемъ необходимою, когда знаемъ, что она не можетъ не быть или въ силу своей сущности, или въ силу причины, ее производящей. Вещь мы называемъ невозможною тоже или потому что сущность или понятіе ея заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, или потому что нѣтъ никакой причины, которая могла бы произвести ее. Но вещь, относительно которой нѣтъ ни у насъ ни того, ни другого знанія и которая поэтому не является ни необходимою, ни возможною, понятно, кажется намъ чѣмъ то среднимъ между тѣмъ и другимъ—именно контингентною, или только возможною³⁾. Так. об. источникъ

¹⁾ Appendix ad propos. 36.

²⁾ Append. ad prop. 36 et schol. ad propos. 33.

³⁾ Schol. 1 ad prop. 33.

нашего понятія контингенціи полагается Спинозою, какъ поздиѣе и Юмомъ, въ опытномъ познаніи вещей, или въ познаніи ихъ на основаніи простой ихъ видимости. Но, между тѣмъ какъ Юмъ, признавая опытное познаніе единственно возможнымъ для человѣка, послѣдовательно долженъ былъ признать контингенцію подлинною формою вещей и явленій,—Спиноза, признавая высшимъ критеріемъ истины разумное познаніе, самымъ рѣшительнымъ об. отвергаетъ контингенцію, какъ такую форму, которая никакимъ об. не можетъ быть допущена и оправдана разумомъ, потому что стоятъ въ противорѣчій съ самыми основными его принципами. Тутъ, думалъ Спиноза, *inter duo contradictoria*—между необходимымъ съ одной стороны и невозможнымъ съ другой—*pul-lum tertium datur*; слѣдов. нѣтъ и на самомъ дѣлѣ между ними такого средняго, какъ возможное, или контингентное. Поелику же, невозможное, немислимое тождественно съ несуществующимъ, то остается одно необходимое, и это необходимое тождественно съ дѣйствительно-существующимъ, такъ какъ нельзя же принять его за немислимое или невозможное. Итакъ, нѣтъ и не можетъ быть въ мірѣ никакой контингенціи; напротивъ, въ немъ всѣ вещи въ совокупности и каждая въ особенности постоянно и непрерывно осуществляютъ самую строгую детерминацію, или самую связную причинность, послѣдняя основа которой лежитъ въ той единой всеобъемлющей и всепроизводящей Первопричинѣ, абсолютная свобода которой тождественна съ абсолютною, непреложною необходимостію. „Богъ есть причина вещей не вышняя и переходящая, а внутренняя и постоянная; или, наоборотъ, вещи постоянно находятся въ Богѣ, проистекаютъ изъ Него“ ¹⁾. Поэтому, „всякая вещь, дѣйствующая такъ или иначе, дѣйствуетъ такъ только потому, что опредѣлена къ такому дѣйствованію необходимо Богомъ, и никакая вещь, опредѣленная Богомъ къ какой либо дѣятельности, не можетъ сдѣлать себя не опредѣленною къ этой дѣятельности

¹⁾ Propos. et. argum. 18.

или уклониться отъ нея¹⁾. Такъ выходитъ, если смотрѣть на вещи, такъ сказать, сверху внизъ; если же смотрѣть на нихъ снизу вверхъ, то выходитъ, что „каждая индивидуальная вещь, которая конечна и имѣетъ опредѣленное существованіе, можетъ существовать и опредѣляться къ дѣятельности не иначе, какъ если она опредѣляется къ существованію и дѣятельности другою причиною, тоже конечною и имѣющею опредѣленное существованіе; въ свою очередь эта причина можетъ существовать и дѣйствовать только подл условіемъ, если опредѣляется къ бытію и дѣйствованію третью причиною и т. д. до безконечности (т. е. до послѣдней или до безконечной причины, которая одна самопричина²⁾. Эта причинная связь вещей есть непрерывная, сплошная, потому что послѣдняя основа ея—универсальная причина, будучи по атрибуту мышленія единою, по атрибуту протяженія есть недѣлимая (*indivisibilis*)³⁾.

Понятно само собою, какая участь ожидаетъ человѣка въ системѣ такого сплошного детерминизма. Еслибы еще онъ былъ однимъ изъ видовъ субстанціи, то ему могла бы принадлежать нѣкоторая доля той свободы опредѣленія необходимости собственной природы, которая причисляется субстанціи вообще. Но „бытіе субстанціи не принадлежитъ къ сущности человѣка, или, что тоже, субстанція не составляетъ формы человѣка. Сущность его напротивъ составляется изъ двухъ модусовъ двухъ атрибутовъ безконечной субстанціи—мышленія и протяженія, и въ этой единой субстанціи не можетъ ни существовать, ни быть представлена“⁴⁾. Понятно, что человѣкъ прежде всего отъ этой субстанціи стоитъ во всецѣлой, постоянной и притомъ внутренней существенной зависимости, „ибо душа человѣческая, будучи модусомъ безконечнаго мышленія, потому самому есть часть божественнаго разума. Поэтому, когда мы говоримъ, что человѣческая душа представляетъ то или—другое, то это значить, что

¹⁾ Propos. 26 et 27.

²⁾ Propos. 28.

³⁾ Pars. I. prop. 13.

⁴⁾ Pars. II. propos. 10. cum. coroll.

самъ Богъ, поскольку Онъ выражаетъ себя посредствомъ природы человѣческой души, или составляетъ ея сущность, производить и имѣть ту или другую идею¹⁾. Нечего уже и говорить о томъ, что въ такой же всецѣлой зависимости отъ безконечной протяженной субстанціи состоитъ человѣкъ, какъ модусъ протяженія, т. е. по своему тѣлу. Рассматриваемое же безъ отношенія къ этой безконечной первоосновѣ своей, тѣло человѣка есть комплексъ веществъ, элементовъ, частей, органовъ, а душа есть сложная идея своего тѣла²⁾. И съ этой точки зрѣнія человѣкъ по обѣимъ сторонамъ своего существа детерминируется непрерывно и неуклонно, потому что, какъ всѣ измѣненія тѣла физически вызываются и детерминируются воздѣйствіями внѣшнихъ тѣлъ такъ съ своей стороны состоянія души вызываются и детерминируются воздѣйствіями внѣшнихъ тѣлъ, такъ съ своей стороны состоянія души вызываются и детерминируются состояніями или впечатлѣніями тѣла, представляя собою не что иное, какъ идеи или отпечатки этихъ впечатлѣній³⁾. „Поэтому, какъ невозможно, чтобъ человѣкъ не былъ частію природы, такъ не возможно, чтобъ онъ не претерпѣвалъ измѣненій отъ ея воздѣйствія; человѣкъ всегда необходимо слѣдуетъ обыкновенному порядку природы, подчиняется ему приспособляется къ нему, насколько того требуетъ природа вещей“⁴⁾. „Могущество внѣшней причинности безконечно превосходитъ силу человѣка, и онъ поневолѣ долженъ быть страдательнымъ по отношенію къ ней“⁵⁾, ибо не имѣетъ надъ нею никакой власти, а это потому, что онъ прежде всего надъ собственнымъ тѣломъ не имѣетъ почти никакой прямой власти. „Декартъ, говоритъ Спиноза, не мало благопріятствовалъ распространенію мнѣнія, что душа имѣетъ власт

¹⁾ Pars. II. coroll. ad prop. 11.

²⁾ Pars. II. prop. 15.

³⁾ Pars. II. prop. 14—30.

⁴⁾ Pars. IV. propos. 4 cum coroll.

⁵⁾ Pars. IV. prop. 3. 2.

надъ движеніями и состояніями тѣла, а затѣмъ и надъ аффектами или страстями, благодаря тому обстоятельству, что, помѣщаясь въ центрѣ мозга—въ *glandea pinealis*, имѣетъ тутъ въ своемъ распоряженіи анимальные пары, которые по ея одному мановенію, производятъ всѣ нужныя движенія тѣла,—и я по истинѣ не могу достаточно надивиться тому, что философъ, рѣшившійся выводить все только изъ принциповъ, которые сами по себѣ ясны и несомнѣнны, и утверждать только то, что самъ ясно и отчетливо понимаетъ, и такъ часто порицавшій схоластиковъ за то, что они хотѣли объяснить темныя вещи скрытыми, т. е. темными качествами, высказываетъ и развиваетъ гипотезу, которая темнѣе, чѣмъ всякое темное качество. Я же думаю, что нѣтъ никакого внутренняго отношенія между желаніями души и движеніями тѣла, и что силы послѣдняго не могутъ опредѣляться силами первой¹⁾. Но душа не больше имѣетъ власти и надъ самой собою—надъ своими состояніями и дѣятельностями—интеллектуальными ли-то, или волевыми, ибо если всѣ опредѣленія разума и воли въ самомъ Богѣ всколько не болѣе свободны, чѣмъ движеніе и покой по Его атрибуту протяженія, то тѣмъ болѣе уже такъ должно быть въ человѣкѣ. И у человѣка разумъ и воля суть одно и тоже, и какъ разумъ его не воленъ не мыслить и не утверждать того, что мыслить и что должно утверждать, ни не отрицать того, что необходимо отрицать, такъ и воля не можетъ не желать того, что возбуждается желаніемъ. „Въ разумѣ, вѣдь, не можетъ быть никакого утвержденія или отрицанія, кромѣ того которое заключаетъ въ себѣ та или другая идея; каждая же идея сама по себѣ требуетъ или утвержденія или отрицанія. Кто, напр., мыслить идею треугольника, тотъ необходимо долженъ утверждать равенство трехъ угловъ его двумъ прямымъ, ибо идея треугольника не можетъ ни существовать ни быть представлена безъ этого утвержденія“²⁾. Такъ бываетъ со всѣми полными или вполне ясными идеями, т. е.

¹⁾ Pars V, praefatio.

²⁾ Pars II, prop. et argum. 49.

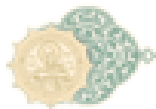
мысли каждую идею, мы не имѣемъ власти удержать наше мышленіе отъ утвержденія того, что содержитъ она въ себѣ и отъ отрицанія того, что она исключаетъ собою, ибо противное этому значило бы, что „кто имѣетъ истинную идею, то можетъ не сознавать, что она такова, или сомнѣваться, что она истинна,—а это невозможно“ ¹⁾, да и „идеи неполныя, спутанныя слѣдуетъ у насъ съ такою же необходимостію, какъ и полныя, т. е. ясныя и отчетливыя“ ²⁾, а затѣмъ утверждаются или отрицаются онѣ нами тоже въ полной зависимости отъ своего содержанія. Также самое слѣдуетъ сказать и о нашихъ желаніяхъ, насколько они представляютъ не что иное, какъ тѣже утвержденія или отрицанія только въ формѣ стремленій, или отвращеній: „въ душѣ вовсе нѣтъ неограниченной или свободной воли надъ желаніями, но душа къ желанію того или другого опредѣляется какою-нибудь причиною, которая, въ свою очередь, опредѣляется другою причиною, а эта опять другою и такъ въ безконечность“ ³⁾. Поэтому, что касается свободы индифференціи, то она такъ невозможна и недѣла, что объ ней и говорить не стоитъ. „Могутъ, говорить иронически Спиноза, возразить еще и такъ: если у человѣка нѣтъ свободной воли, то что произойдетъ, когда онъ будетъ находиться, вслѣдствіе полного равенства двухъ возможныхъ дѣйствій въ равновѣсіи, подобно ослицѣ Бурядановой,—неужели онъ погибнетъ отъ голода и жажды? На это я отвѣчу: пожалуй, погибнетъ. Но, если затѣмъ спросятъ меня, не слѣдуетъ ли такого человѣка считать скорѣе ослонъ, чѣмъ человѣкомъ, то я скажу, что не знаю, какъ не знаю и того, чѣмъ нужно считать надѣвающего себя петлю на шею и какъ нужно смотрѣть на мальчишекъ, слабоумныхъ и совсѣмъ безумныхъ“ ⁴⁾. Другими словами, нельзя и вообразить, чтобъ душа не опредѣлялась и не наклонялась такимъ или инымъ мотивомъ и

¹⁾ Pars 11, propos. 43.

²⁾ Pars 11, propos. 36.

³⁾ Pars 11, prop. 48.

⁴⁾ Pars 11, schol. ad prop. 49.

сопутствующимъ ему желаніемъ въ одну сторону болѣе чѣмъ въ другую. „Каждое наше пожеланіе можетъ быть разсматриваемо какъ одинъ изъ видовъ вытекающаго изъ самой сущности человѣка позыва къ такимъ дѣйствіямъ, которыя бы эту сущность сохраняли, утверждали, расширяли“ ¹⁾ „Но каждый видъ этого основного позыва осуществляется въ дѣйствіи или въ сопутствіи ясныхъ, отчетливыхъ идей или въ сопутствіи идей неясныхъ, спутанныхъ“ ²⁾, только въ первомъ случаѣ душа дѣйствуетъ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. утверждаетъ свое существованіе, въ послѣднемъ же страдаетъ—испытываетъ то, что называется страстями ³⁾. можно сказать, что въ первомъ случаѣ мы переходимъ отъ меньшаго совершенства къ большому, а въ послѣднемъ отъ большаго къ меньшему, или что тамъ мы познаемъ и дѣлаемъ добро, почему испытываемъ радость, а здѣсь—зло. почему испытываемъ печаль ⁴⁾. Когда мы дѣйствуемъ въ сопутствіи ясныхъ идей, или по руководству разума, то всегда изъ двухъ благъ избираемъ большее, а изъ двухъ золъ—меньшее, избираемъ небольшое зло ради какого-нибудь большаго блага и пренебрегаемъ значительнымъ благомъ, если оно можетъ быть причиною огромнаго зла, отказываемся отъ малаго блага для будущаго гораздо большаго. избираемъ меньшее зло для избѣжанія въ будущемъ зла гораздо большаго и т. д. ⁵⁾. Но очень часто бываетъ и иначе,—именно, что желанія, сопровождаемыя ясными идеями, или истиннымъ познаніемъ добра и зла, задерживаются и даже совсѣмъ подавляются желаніями, возникающими изъ различныхъ аффектовъ, конечно, по причинѣ большей силы послѣднихъ ⁶⁾. Человѣкъ, вслѣдствіе связи своей по тѣлу съ вѣшними вещами, всегда неизбѣжно подверженъ страстямъ, при чемъ сила, возрастаніе и упорство каждой изъ

1) Pars III affectuum definitiones.

2) Pars III prop. 9.

3) Pars III prop. 2 et 3.

4) Pars IV prop. 8 et alt. def.

5) Pars IV prop. 65. 66.

6) Pars III prop. 4.

нихъ опредѣляется тѣмъ, въ какой степени могущество въѣшней, вызывающей и поддерживающей ихъ, причины превосходить наше нравственное могущество ¹⁾. Понятно само собою, что, если могущество это у человѣка очень мало, т. е. если его разумъ не развитъ и способенъ къ образованію только неясныхъ, спутанныхъ идей, то ему неизбежно грозитъ всецѣлое и безысходное рабство страстямъ. Спινόза не могъ и придумать лучшей иллюстраціи для этого своего положенія, какъ озаглавить 4-ю часть своей этики, трактующую объ аффектахъ и страстяхъ „о человѣческомъ рабствѣ“ или о силѣ страстей (*de servitute humana, sive de affectuum viribus*).

Вотъ система чистаго, сплошнаго, неуклоннаго детерминизма, полученная помимо опытнаго знанія, путемъ чистой дедукціи по принципу тождества во всѣхъ своихъ утвержденіяхъ и по принципу противорѣчія во всѣхъ своихъ отрицаніяхъ. Основнымъ движущимъ постулатомъ этой системы служить убѣжденіе, что всѣ существованія реальности должны и могутъ быть превращены въ чистыя, ясныя истины и что эти истины могутъ и должны быть приняты за исполнѣ обоснованныя, если всѣ будутъ выведены изъ одной всеобъемлющей вѣчной и неизблемой истины съ необходимостію силлогизма. Такая всеобъемлющая и вѣчная истина есть истина такой субстанціи, которая самопричинна или которой сама сущность содержитъ существованіе ²⁾. Отсюда, путемъ простаго разъясненія или раскрытія дефиниціи, получаютъ положенія о внутренней необходимости природы этой субстанціи, о необходимомъ слѣдованіи изъ нея безконечнаго множества безконечныхъ атрибутовъ, а изъ нихъ такого же необходимаго слѣдованія безконечнаго множества модусовъ—на томъ простомъ основаніи, что и въ понятіи всякой вещи сущность ея выражается атрибутами, а атрибуты модусами. Эти положенія легко было потомъ защи-

¹⁾ Pars IV pop 5 et corol. ad 4.

²⁾ Pars I. schol. 2 ad prop. 8 et prop. 15.

щать по принципу противорѣчія—аналогически въ формѣ *ductio ad impossibile sive ad absurdum*: допустить въ Божію свободу, чѣмъ ту, которая вытекаетъ изъ внутренней необходимости Его природы, усвоить Ему ту нелѣпую свободу, на которую люди для себя претендуютъ, и которая служила бы огромнымъ препятствіемъ наукѣ, значило бы и природу его мыслить совсѣмъ иначе—не необходимою, не безконечною и не совершеннѣйшею, а это и не возможно и нелѣпно; такъ какъ разумъ и воля въ Богѣ не отличны отъ Его сущности то допустить, что разумъ и воля могли дѣйствовать иначе чѣмъ какъ дѣйствуютъ, т. е. произвести вещи иныя и иначе чѣмъ какія и какъ они есть, и слѣдов. сами могли быть иными значило бы допустить, что и сама необходимая вѣчная природа Его могла быть иною—не необходимою,—а это нелѣпно¹⁾. Отсюда становится необходимымъ отрицаніе всякой контингенціи въ мірѣ, а призваніе сплошной нецесситаціи становится истиной, которая требуется будто самой природой нашего разума: „въ природѣ разума лежитъ разсматривать всегда какъ необходимыя, и лишь наше воображеніе виною тому, что вещи кажутся намъ контингентными въ прошедшемъ и будущемъ; къ природѣ ума принадлежитъ разсматривать вещи *sub specie aeternitatis*, т. е. необходимость вещей мыслить какъ необходимость самой вѣчной природы Божіей²⁾. Во всякомъ же случаѣ какъ это положеніе, такъ и то отрицаніе необходимы разуму для полноты, точности и твердости его знанія. Свобода воли Божіей сдѣлала бы все вещи въ мірѣ контингентными³⁾, свобода воли человѣчески сдѣлала бы такую всю прошедшую и будущую исторію человечества⁴⁾, и тогда весь міръ превратился бы въ безконечную сумму такихъ возможностей, которыя ускользали бы отъ всякаго изъясненія, предусмотрѣнія, прѣдрасчисленія, слѣдовомъ—отъ яснаго и точнаго познанія; тогда совсѣмъ невоз-

¹⁾ Pars I schol. 2 ad prop. 33.

²⁾ Pars II prop. 44 et corol. 2.

³⁾ Pars II prop. 48.

⁴⁾ Pars I prop. 32.

можно было бы построить изъ принциповъ рacionales науку бытія—метафизику, нельзя было бы изъяснить вещи „изъ ихъ сущности или изъ ихъ непосредственныхъ причинъ и этимъ путемъ осуществить высшее призваніе и совершенство нашей разумной природы“¹⁾; возможность противоположностей разрушила бы то единство, котораго повсюду требуетъ разумъ и безъ котораго онъ не получаетъ полнаго удовлетворенія.

Но это существенное и основное требованіе свое разумъ можетъ удовлетворить вполне не иначе, какъ сдѣлавъ міръ, такъ сказать, совсѣмъ прозрачнымъ, насквозь мыслимымъ и отчетливо познаваемымъ, абсолютно простымъ, единымъ, неизмѣннымъ и точно очерченнымъ; а этого онъ можетъ достигнуть не иначе, какъ сведя всѣ существа къ одному единственному, всѣхъ ихъ объемлющему существу, съ абсолютнымъ исключеніемъ всякой контингенціи, или свободы прежде всего въ немъ самомъ, а потомъ и во всемъ остальномъ, или сведя всѣ свои идеи къ одной самой высшей и всеобщей такъ, чтобъ всѣ онѣ въ ней вмѣщались, сходились, какъ въ центрѣ, всѣ также содержали ее въ себѣ и представляли бы собою не дѣйствительное, а только мнимое, или только *in abstracto* мыслимое разнообразіе. И на самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ геометры изъ неподвижнаго, неизмѣннаго, абстрактнаго пространства и движущейся точки строятъ всѣ линіи, плоскости, объемы и т. д., Спиноза хочетъ все изъяснить, все вывести, все построить изъ своей одной абстрактной идеи субстанции. Итакъ, міръ для разума есть единый, цѣльный, и ничто не нарушаетъ его цѣльности—никакая контингенція, ничья свобода, ничья сила и власть, ни человѣческая, ограниченная, ни даже божественная, безконечная, и Спиноза предпочитаетъ отрицать свободу даже своей абсолютной субстанціи, вопреки ея абсолютности, а всѣ человѣческія дѣйствія и даже чувства и страсти, вопреки опыту, разсматривать, какъ гео-

¹⁾ De intellect. emendatione.

метрическія линіи, плоскости, объемы, тѣла, лишь бы, съ допущеніемъ свободы, не осталось что нибудь въ мірѣ не яснымъ, не прозрачнымъ,—точь въ точь какъ въ древности Элеаты отрицали движеніе чуть ли не главнымъ образомъ на томъ основаніи, что движеніе нарушало бы то единство, котораго требуетъ разумъ.

Противники Спинозы не замедлили указать ему на тѣ пункты, въ которыхъ эта его доктрина опровергается опытомъ и оказывается въ разладѣ съ нравственностію, и заставили его самого перенести вопросъ о свободѣ воли на эту почву. „Противъ моего ученія, говоритъ Спиноза, могутъ возразить многое, и во 1-хъ, что воля простирается дальше разума, такъ какъ будто бы самъ опытъ говоритъ, что для того, чтобы согласиться на множество другихъ вещей, кромѣ тѣхъ, которыя мы воспринимаемъ, намъ не нужно большей власти или способности соглашаться или не соглашаться, чѣмъ какую мы имѣемъ, между тѣмъ какъ большая способность познанія очень нужна была бы намъ... Я согласенъ, что воля простирается дальше разума, если подъ разумомъ разумѣть только ясныя идеи, но я отрицаю, чтобы воля простиралась дальше разума во всей совокупности идей и воспріятій ясныхъ вмѣстѣ съ неясными. Пусть и правда, что весьма многого мы не способны воспринимать, но за то, чего мы не воспринимаемъ, того и желать не можемъ. Во 2-хъ, говорятъ, опытъ несомнѣнно ужь то показываетъ, что мы можемъ задерживать наше сужденіе или согласіе по поводу идей или воспріятій, что подтверждается также и тѣмъ, что ни о комъ не говорится, что онъ обманывается, поскольку воспринимаетъ что нибудь, но лишь поскольку онъ соглашается или не соглашается. Напримѣръ, кто воображаетъ крылатаго коня, тотъ этимъ еще не соглашается, что существуетъ конь съ крыльями. Для этого нуженъ особый актъ, и этотъ актъ есть свободный, а не необходимый. Я согласенъ, что никто не обманывается, поскольку воспринимаетъ, т. е. что образы воображенія въ душѣ сами по себѣ не заключаютъ ошибки,

но я отрицаю, чтобъ сознаніе такого образа не заключало въ себѣ согласія или утвержденія, ибо, когда душа имѣетъ, напр. представленіе крылатаго коня, то оно равносильно признанію коня крылатымъ до тѣхъ поръ, пока не явится какое нибудь представленіе, которое заставитъ ее отрицать крылья у коня. А что наше согласіе или несогласіе въ этомъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не зависитъ отъ нашей воли и власти, это доказываютъ наши сновидѣнія, ибо я не допускаю, чтобъ кто нибудь вѣрилъ, что при сновидѣніяхъ онъ имѣетъ свободную власть задерживать сужденіе о томъ, что видитъ во снѣ, или сдѣлать такъ, чтобъ ему не снилось то, что снится, хотя случается, что и во свѣ, какъ намъ кажется, мы не соглашаемся или задерживаемъ сужденіе,—это именно, когда намъ снится, что мы видимъ или видѣли сонъ¹⁾. Так. об. опытъ вовсе не удостовѣряетъ свободы нашихъ согласій и несогласій, и если въ грезахъ мы только мнимъ имѣть свободу, то и не въ грезахъ только мнимъ имѣть ее, въ дѣйствительности же совсѣмъ ея не имѣемъ. Въ 3-хъ, возражаютъ, что, хотя неизвѣстно, какимъ въ точности образомъ душа движетъ тѣломъ, однако то уже говорить ежедневный опытъ, что тѣло наше лишь тогда, столько и такъ движется, когда, сколько и какъ хочетъ душа, что въ полной власти души какъ молчать, такъ и говорить и все другое производить посредствомъ тѣла. Въ отвѣтъ на это я укажу, съ одной стороны, на то, что въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ, напр., во время сна и душа не можетъ дѣйствовать безъ тѣла, а съ другой на то, что люди, какъ говорить опытъ, столь же мало власти имѣютъ даже надъ своимъ языкомъ, какъ и надъ своими сильными позывами. Поэтому многіе думаютъ, что мы дѣлаемъ свободно только то, чего не сильно желаемъ, такъ какъ тутъ позывъ можетъ быть ослабленъ и побѣжденъ идеею какой нибудь другой вещи, которая переведетъ на себя наше желаніе, и если бы они не знали изъ опыта же, что мы дѣлаемъ многое, въ

¹⁾ Pars II. schoI. ad prop. 49.

чемъ послѣ раскаяваемся, и что мы часто, движимые сильными аффектами въ разныя стороны, видимъ и одобряемъ лучшее, а дѣлаемъ худшее, то имъ ничто не мѣшало бы думать, что мы во всемъ дѣйствуемъ также свободно, какъ намъ это кажется. Между тѣмъ въ иныхъ случаяхъ ложность этого „кажется“ явнѣ дневнаго свѣта. Такъ, ребенку кажется, что онъ по своей волѣ хочетъ молока, выведенному изъ себя мальчику кажется, что онъ добровольно жаждетъ мести обидчику, а трусу мнится, что онъ по своей охотѣ бѣжитъ отъ опасности. Точно также пьяному кажется, что онъ добровольно наболталъ много такого, что потомъ всячески хотѣлось бы ему взять назадъ, или мальчишкѣ пустомелѣ, помѣшанному тоже мнится, что они говорятъ или иное дѣлаютъ по свободному желанію, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ всѣ они не могутъ сдерживать своего порыва то или другое высказать, такимъ или инымъ дѣломъ выразить этотъ порывъ. Такимъ-го об. самъ опытъ не менѣ ясно, чѣмъ разумъ, учить, что люди только потому считаютъ себя свободными, что сознаютъ только свои дѣйствія, а причинъ, которыми они вызываются, не знаютъ, какъ не знаютъ и того, что рѣшенія души суть не что иное, какъ сами эти порывы или позывы, которые бываютъ различны смотря по различному состоянію тѣла, ибо мы всегда рѣшаемъ такое или иное дѣйствіе сообразно болѣе сильному аффекту данной минуты, тѣже, которые волнуются противоположными, однако во сильными аффектами, обыкновенно сами не знаютъ, чего больше желаютъ, а тѣ, у которыхъ не бываетъ никакого аффекта, движутся туда и сюда то тѣмъ, то другимъ легкимъ импульсомъ. Да и не надъ языкомъ только, или другимъ органомъ тѣла, дѣйствующимъ по силѣ того или другого аффекта, душа не имѣетъ никакой власти; она не имѣетъ власти также и надъ тѣми дѣйствіями, которыя, какъ намъ кажется, могутъ обходиться безъ тѣла, какъ, напр., вовсе не во власти души ни вспомнить, что ею забыто, ни забыть то, что слишкомъ глубоко врѣзывается въ ея сознаніе. Итакъ тѣ, которые думаютъ, что они говорятъ, молчатъ, то или другое дѣлаютъ по свободному рѣшенію души, просто гре

зять съ открытыми глазами¹⁾. Так. об. наша вѣра въ свободу проистекаетъ не изъ свидѣтельства опыта, а единственно изъ нашего незнанія причинъ, заставляющихъ насъ дѣйствовать: мы сознаемъ всегда стремленіе своей души къ дѣйствію—ту особую форму желанія, которая составляетъ самую сущность нашей детерминированной природы²⁾; затѣмъ желаемое дѣйствіе совершается такъ, что мы не видимъ никакой посторонней причины между желаніемъ и дѣйствіемъ и натурально чувствуемъ только себя совершителями дѣйствія или, что то же, считаемъ себя свободными. Но это мнѣніе, сколько естественно, столько же и ошибочно,—и наоборотъ. Вѣдь падающій камень, напр., увлекается въ своемъ движеніи уже несомнѣнно необходимостію—именно по силѣ и по законамъ тяжести, а между тѣмъ, писалъ Спиноза какому-то анониму, „прошу васъ вообразить, что этотъ камень—продолжая двигаться, способенъ мыслить и сознавать, что онъ употребляетъ собственные усилія для продолженія движенія. Легко понять, что, имѣя живое сознаніе собственныхъ усилій и не будучи индифферентенъ къ движенію, т. е. желая его, онъ вообразить себя совершенно—свободнымъ и будетъ убѣжденъ, что, кромѣ его свободной воли, нѣтъ никакой другой посторонней причины, отъ которой произошло и которое продолжается его движеніе. Вотъ гдѣ лежитъ источникъ вѣры въ ту свободу, которою такъ вичатся люди“³⁾.

Возражали также Спинозѣ и во имя, или съ точки зрѣнія морали. Такъ, Ольбенбургъ⁴⁾ и Влейенбергъ⁵⁾, оба согласно, поставляли ему на видъ, что, отнимая у человѣка свободу воли, онъ тѣмъ самымъ снимаетъ съ человѣка всякую отвѣтственность за свои поступки, и дѣлаетъ ихъ совершенно одинаковыми или безразличными въ отношеніи къ добру и злу. На возраженіе въ такомъ общемъ видѣ у Спинозы имѣлся готовый отвѣтъ въ Этикѣ такого смысла: „ва-

¹⁾ Pars III prop. 2 et schol. Conf Pars. I app. Pars II schol. ad prop. 35.

²⁾ Pars III app.

³⁾ Epist. 29.

⁴⁾ Epist. 15.

⁵⁾ Epist. 15. *Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,*
<http://kdais.kiev.ua>

противъ, еслибы люди рождались свободными, т. е. способными дѣйствовать только по яснымъ идеямъ разума, то не было бы никакого зла и не могло бы возникнуть самаго понятія о злѣ, какъ равно не было бы самаго понятія о добрѣ, еслибы люди дѣйствовали только по силѣ своихъ аффектовъ; но человѣческіе поступки не безразличны въ отношеніи добра и зла, но одни хороши, а другіе дурны именно потому, что они не свободны, но совершаются одни по силѣ ясныхъ, другіе по силѣ смутныхъ идей, или аффектовъ¹⁾. Что же касается вѣннѣмости или отвѣтственности, то она возможна и есть, строго говоря, только на почвѣ гражданской, а не на чисто-моральной. Въ естественномъ состояніи людей не можетъ быть грѣха и преступленія, а являются они уже въ гражданственномъ состояніи, гдѣ, по общему соглашенію, опредѣляется, что добро и что зло, что правда, что несправедливость и обида, тутъ-то и вѣнняется въ заслугу повиновеніе закону, и въ преступленіе—неповиновеніе²⁾. Но, частіе, ему вотъ какъ возражали: „если, писалъ Ольденбургъ, мы по своимъ дѣйствіямъ нравственнымъ и физическимъ находимся во власти Божіей точно также, какъ глина въ рукахъ горшечника, то по какому праву, спрашиваю я васъ, можно обвинять человѣка за то, что онъ поступилъ такъ то, когда ему абсолютно не возможно было поступить иначе?“. „Такъ какъ по вашему, прибавлялъ Блейенбергъ, Богъ есть единственная причина всѣхъ событій, то необходимо слѣдуетъ, или что нѣтъ никакого зла въ мірѣ, никакого зла въ дѣйствіяхъ человѣческой воли, или что это зло производитъ непосредственно самъ Богъ“. На эти возраженія Сливоза отвѣчаетъ ссылкой на тѣ положенія своей этики, по смыслу которыхъ зло представляетъ собою не реальность какую нибудь, а простое ограниченіе, недостатокъ реальности и совершенства³⁾. Если взять для примѣра, хотя бы грѣхопаденіе первыхъ людей, то при ближайшемъ анализѣ окажется, что ихъ рѣ-

¹⁾ Pars. IV, prop. 64. 68.

²⁾ Pars. IV, schol. 2 ad prop. 37.

³⁾ Pars. I, append. Pars. II, prop. 35.

шимость согрѣшить, или ихъ воля, детерминированная влеченіемъ къ грѣху, содержать въ себѣ какъ разъ столько совершенства, сколько выражаетъ реальности¹⁾. Ктому жѣ, наши повѣтія добра и зла относительно: мы хвалимъ въ другихъ то, что въ себѣ самихъ порицаемъ, и наоборотъ, мы осуждаемъ ревность у людей и удивляемся ей въ голубяхъ, войны людскія для насъ кажутся выраженіемъ жестокости, но борьба, которую ведутъ между собою разные животныя, кажется намъ выраженіемъ силы и совершенства. Поэтому нисколько не будетъ противнымъ истинѣ сказать, что зла въ мірѣ никакого нѣтъ, и что „нечестивые тоже на свой ладъ творятъ, или выражаютъ волю Божию, хотя это вовсе не значитъ, что они не хуже праведныхъ или что могутъ даже идти въ сравненіе съ ними“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, различныя существа природы представляютъ различныя ступени бытія или совершенства, одни имѣютъ большую, другія меньшую цѣну, почему и между людьми совершенно справедливо одни заслуживаютъ уваженія, а другіе презрѣнія. Но и эти послѣдніе не имѣютъ никакого основанія жаловаться и роптать на Бога: если было бы велѣно, чтобъ кругъ сталъ роптать на то, что Богъ не далъ ему свойствъ шара, или ребенокъ, разшибшійся о камень,—на то, что Богъ не далъ ему тѣла еще болѣе твердаго, чѣмъ камень, то не менѣе странно было бы и то, если бы люди стали роптать на Бога за то, что ихъ слабая душа не имѣетъ ни достаточной силы, ни истиннаго сознанія, ни любви къ Богу, и что вслѣдствіе всего этого они не могутъ ни обуздывать, ни даже умѣрять своихъ страстей и похотей³⁾. Такимъ образомъ каждый изъ людей есть то, чѣмъ онъ можетъ быть, и чего хочетъ его природа, которая, въ свою очередь, есть необходимое послѣдствіе универсальнаго порядка. Но, развѣ изъ этого слѣдуетъ, что награды и наказанія излишни и не дѣйствительны, что первыя не способны поощрять къ добродѣтели, а послѣд-

¹⁾ Epist. 17.

²⁾ Epist. 17.

³⁾ Epist. 12.

нiя—отвращать или удерживать отъ порока? Вовсе нѣтъ. Свободны ли наши дѣйствiя или необходимы, не все ли равно, руководить ими надежда и страхъ? И то благо, которое вытекаетъ изъ добродѣтели и любви къ Богу, развѣ болѣе желательно и цѣнно въ томъ случаѣ, если Богъ даетъ его въ качествѣ судiи, чѣмъ въ томъ, когда оно вытекаетъ необходимо изъ самой природы Бога? Равнымъ образомъ и то зло, которое вытекаетъ изъ нашихъ дурныхъ дѣйствiй развѣ менѣе велико и страшно оттого только, что вытекаетъ необходимо? Итакъ, совсѣмъ несправедливо укоряютъ мою доктрину въ томъ, будто въ ней нѣтъ мѣста ни для правилъ и предписанiй нравственныхъ, ни для надежды награды и страха наказанiй⁴⁾. Но, понятно, что тутъ, какъ награда не есть возданiе, слѣдуемое по праву заслугъ, такъ наказанiе не есть удовлетворенiе нарушенной правды соотвѣтственною карою, а есть лишь неизбежное естественное послѣдствiе нашихъ дѣйствiй и ничего болѣе: „вы говорите, писалъ Спиноза Олденбургу, что, если впадаютъ въ грѣхи по необходимости своей природы, то они во всѣхъ случаяхъ заслуживаютъ извиненiя, но не выражаете прямо, какое именно заключенiе изъ этого желаете вывести,—то ли, что Богъ въ такомъ разѣ не можетъ гнѣваться на насъ, или то, что всѣ люди одинаково достойны блаженства, т. е. познанiя и любви Божiей. Въ первомъ случаѣ я вполне согласенъ, что Богъ не гнѣвается, такъ какъ все совершается согласно съ Его опредѣленiями, но я рѣшительно отрицаю, будто отсюда слѣдуетъ, что всѣ люди должны быть блаженны, потому что они могутъ быть вполне извиняемы и, не смотря на это, могутъ не быть блаженными и страдать всячески. Коню, напр., вполне извинительно, что онъ конь, а не человѣкъ; но это нисколько не препятствуетъ тому, чтобъ онъ оставался конемъ безъ малѣйшей возможности когда либо стать человѣкомъ, еще болѣе извинителенъ тотъ, которому собака своимъ укушенiемъ передала бѣшенство, но это ни-

⁴⁾ Epist. 23.

сколько не препятствуетъ ему самому впасть въ бѣшенство, а другимъ—такъ или иначе съ нимъ покончить“¹⁾).

Въ этихъ отвѣтахъ на возраженія Спинозы является еще болѣе безпощаднымъ противъ мнящаго себя властнымъ и свободнымъ человека, чѣмъ въ своей общей доктринѣ. Онъ какъ-будто находитъ удовольствіе доводить до конца всѣ послѣдствія ея, чтобъ унижить человека предъ лицомъ природы, маленькую часть предъ необъятнымъ цѣлымъ, и какъ будто дышетъ гнѣвомъ и прещеніемъ противъ той недѣльной свободы, которая вздумала бы гдѣ либо разорвать плотную ткань его дедукціи, какъ будто боясь, что отъ этого можетъ рушиться вся его вселенная. Онъ не можетъ выносить и мысли, чтобъ человекъ дерзалъ притязать на власть и силу измѣнять что либо въ установленномъ порядкѣ вещей, или даже только могъ находить въ этомъ порядкѣ что либо дурнымъ: все, что происходитъ, необходимо, а все необходимое потому и необходимо, что оно въ своемъ родѣ хорошо и совершенно. Если у Декарта и Малебранша было не мало колебаній и уступокъ вѣрѣ въ свободу человека, то у Спинозы нѣтъ уже и слѣдовъ ничего подобнаго: не связываемый ни религіозной догмой, ни традиціей, ни принадлежностію къ какой нибудь философской школѣ, онъ философствуетъ только отъ себя и для себя и не боится своихъ мыслей; онъ вовсе не прибѣгаетъ къ той легкой паутинной ткани всякихъ недомолвокъ, уступокъ, полуутвержденій, полуотрицаній, какою болѣе боязливые обыкновенно притрываютъ нежелательныя слѣдствія, вытекающія изъ ихъ системы, напротивъ—, съ неуклонною послѣдовательностію выводитъ и съ совершенною откровенностію и ясностію излагаетъ всѣ послѣдствія своего принципа, употребляя для этого сложный аппаратъ дефиницій, аксіомъ, пропозицій, аргументовъ, королларіевъ, схолій и т. п., которыми своею голою и сухою механическою конструкціей навѣвваютъ чувство холодной мертвенности и заставляютъ думать, что тутъ какъ будто и въ са-

¹⁾ Epist. 12

момъ дѣлѣ рѣчь идетъ и не о живомъ Богѣ и не о живой природѣ и о живомъ человѣкѣ, но о чемъ то не болѣе живомъ, какъ геометрическія линіи, плоскости, объемы тѣла. Но какое ему дѣло до того трепета и страха, который будетъ испытывать человѣческая слабость въ присутствіи вѣчной и безконечной истины? Онъ знаетъ истину; и хотя самъ не чуждъ благоговѣйнаго трепета предъ нею, но онъ ее исповѣдуетъ такую, какова она есть или какою онъ ее знаетъ. Система Спинозы есть единственная въ своемъ родѣ система самаго строгаго, полнаго и всесторонняго детерминизма, можно сказать даже, нецесситаризма метафизическаго и вмѣстѣ физическаго.

Однакожъ нельзя сказать, что система Спинозы не подаетъ человѣку никакого утѣшенія, никакой надежды на свободу. Последняя часть его этики, озаглавленная „de potentia intellectus, seu de libertate humana, о власти разума, или о свободѣ человѣческой“ имѣетъ задачею не только вызвать такую надежду, но и показать путь, какимъ должна быть достигаема возможная и желательная свобода. Совсѣмъ свободною наша воля ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, а непременно должна находиться подъ такою или иною властію. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи бываетъ воля, когда находится подъ властію низшихъ похотей и страстей, и совсѣмъ иное, когда она находится подъ властію разума, ибо перваго рода власть есть физическая, принудительная, а втораго рода—духовная, руководительная, и, тогда какъ въ первомъ случаѣ состояніе воли есть состояніе чистаго рабства, въ последнемъ оно есть состояніе простого подчиненія, повиновенія. На этомъ основаніи, говоритъ Спиноза, и я называю свободнымъ того, кто руководится только разумомъ, или только ясными и полными идеями его ¹⁾). Вопросъ только въ томъ, какъ достигнуть того, чтобъ руководителемъ нашимъ былъ только разумъ съ его полными и ясными идеями? „Отчасти истинное познаніе и само по себѣ даетъ намъ силу надъ аффектами, именно въ томъ

¹⁾ P. IV argum. ad prop. 68.

случаѣ, когда оно содержитъ въ себѣ убѣжденіе, что вещи необходимы, и что никакое событіе не есть такое, которое могло или можетъ не случиться. Это подтверждаетъ и опытъ, ибо мы видимъ, что, напр., печаль, по поводу потери ка-кого нибудь добра ослабѣваетъ, какъ только потерявшій убѣдится въ томъ, что эта потеря была неизбежна. Или,—никто не жалѣетъ о ребенкѣ, что онъ долго не умѣетъ го-ворить, ходить, рассуждать, именно вслѣдствіе убѣжденія, что иначе и быть не можетъ. Поэтому, чѣмъ тверже и шире у чело-вѣка такое познаніе или убѣжденіе, тѣмъ большую онъ имѣетъ силу противъ аффектовъ и тѣмъ меньше страдаетъ отъ нихъ¹⁾. Впрочемъ, познаніе, даже истинное не само по себѣ, въ силу одной своей истины, даетъ вамъ власть надъ аффектами, но лишь на сколько изъ него истекаетъ аффектъ высшаго порядка и большей силы, способно осла-бить, или даже совсѣмъ вытѣснить аффекты низшаго по-рядка²⁾. Но если даже неполная или ложная идея всегда вы-зываетъ въ насъ аффектъ вслѣдствіе того, что указываетъ собою на такое или иное мнимое благо, влекущее насъ къ себѣ, то тѣмъ болѣе должна обладать этою способ-ностію всякая полная и истинная идея и тѣмъ больше, чѣмъ она полнѣе и истиннѣе, и вмѣстѣ чѣмъ на боль-шее благо—она указываетъ. Поелику же въ ряду идей самая основная и найвысшая, самая полная, истинная, ясная есть идея Бога³⁾, то она же указываетъ собою на са-мое высшее и безусловное благо. По этой-то причинѣ „уже одно познаніе Бога составляетъ для души и ея высшую доб-родѣтель и ея высшее благо“⁴⁾. Но чѣмъ большее благо, указываемое идеей, тѣмъ болѣе сильное влеченіе должно возникать у насъ къ этому благу, или тѣмъ болѣе сильный и постоянный аффектъ. Поэтому, идея Бога должна необ-ходимо вызывать въ насъ самый сильный и глубокій аф-

¹⁾ Р. V prop. 6 cum. schol.

²⁾ Р. IV prop. 14.

³⁾ Р. V. Argum. ad prop. 18.

⁴⁾ Р. IV. prop. 28.

эффектъ интеллектуальной любви къ Богу—любви, способно занять всю душу, постоянною и не способною превратиться въ свою противоположность¹⁾, и эта любовь тѣмъ болѣе должна возрастать и крѣпнуть въ насъ, чѣмъ болѣе ясны будемъ понимать при ней всѣ свои другіе низшіе аффекты, потому что во свѣтѣ ея откроется вся ихъ ложность, тщета и ничтожность, а отъ этого само собою исчезнетъ мало по малу вся привлекательность и вся сила ихъ²⁾. Если къ этому еще прибавить, что это интеллектуальная любовь къ Богу нашей души есть въ сущности любовь Бога къ самому себѣ чрезъ посредство нашей души, или естъ часть той безконечной любви, которою Богъ любитъ самого себя въ безконечномъ множествѣ душъ, то станетъ вполне понятнымъ, почему и какъ именно въ этой любви лежить и источникъ нашего самого высшаго и полнаго блаженства, и источникъ нашего спасенія, или свободы³⁾. Блаженство это не есть награда за добродѣтель, но сама добродѣтель, и мы не потому наслаждаемся имъ, что сдерживаемъ наши похоти, а напротивъ мы настолько и способны сдерживать наши похоти, насколько наслаждаемся имъ, ибо чѣмъ болѣе душа наслаждается этою божественною любовію или блаженствомъ, тѣмъ болѣе ясное и полное знаніе она приобрѣтаетъ, т. е. тѣмъ болѣе интеллектуально-дѣятельною тѣмъ менѣе страдательною она становится, или, что тоже тѣмъ менѣе страдаетъ отъ дурныхъ аффектовъ, тѣмъ болѣе развиваетъ въ себѣ силу и способность обуздывать всѣ низшія похоти⁴⁾. Когда же духъ нашъ, воспламеняемый этою интеллектуальною блаженною любовію, озаряется вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтомъ новаго высшаго знанія вещей съ точки зрѣнія вѣчной, божественной необходимости, тогда онъ и самъ со всею своею жизнію, со всѣми своими дѣйствіями и страданіями является себѣ какъ необходимое и незамѣнимое, имѣю

¹⁾ Р. V. prop. 16. 18.

²⁾ Р. V. prop. 15.

³⁾ Р. V. prop. 36.

⁴⁾ Eth. pars V, prop. et argum. 42.

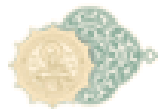
щее вѣчную цѣну, звено въ цѣни вещей и событій,—и это сознание, въ свою очередь, сколько увеличиваетъ его блаженный покой, столько же возвышаетъ и укрѣпляетъ его нравственную свободу ¹⁾). Изъ этого видно, заключаетъ Спиноза что въ состояніи сдѣлать изъ себя мудрый и насколько онъ сильнѣе невѣжды, руководящагося только похотью. Если указать мною путь къ свободѣ и труденъ, то все же можно его найти и можно имъ идти. Но, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ не легко то, что такъ рѣдко находятъ, ибо если бы спасеніе достигалось легко безъ особеннаго труда, то чѣмъ можно было бы объяснить то, что почти всѣ нерадѣють о немъ? Но все прекрасное столь же трудно, какъ и рѣдко—*omnia praeclara tam difficilia quam rara sunt* ²⁾). И это тоже конечно, есть детерминизмъ, но детерминизмъ не метафизическій и физическій, а психологическій—интеллектуальный и моральный—предвѣстникъ Лейбницеваго детерминизма.

Г. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Eth. pars II prop. 23 cum schol. Conf. Pars V prop. 3 et 18 cum schol.

²⁾ Eth. pars V schol. ad prop. 42.

Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисоглѣбская церковь.

(Продолженіе *).

Со времени войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками и особенно съ переходомъ Кіева подъ власть Россіи въ 1654 году, настаютъ для Борисоглѣбской и Рождество-Предтеченской церквей лучшія времена. Поляки, армяне, жида и ксендзы изгнаны были изъ Кіева¹⁾. Русскіе цари жалуютъ на кіевскіе монастыри и церкви милостыню, а въ томъ числѣ и на Борисоглѣбскую церковь, на которую около 1661 года дано „царскихъ грошей золотыхъ сто“²⁾. Мѣсто прежнихъ литовско-польскихъ воеводъ въ Кіевѣ заняли воеводы московскіе, и сверхъ того явились новыя военныя должности гетмана и полковника кіевскаго, которые, хотя и стѣсняли и парализировали своимъ вліяніемъ городское самоуправленіе Кіева по Магдебургскому праву, но въ отношеніи къ православному церковному имуществу кіевскимъ являлись новыми, могущественными защитниками и покровителями ихъ. Сдача и пріемъ церковнаго имущества Борисоглѣбской церкви въ 1657 году при перемѣнѣ церковныхъ вѣтторовъ, происходила въ при

*) См. Труды Кіевской дух. Академіи за м. іюль 1895 г.

¹⁾ „Кіево-подольская церковь Николая Добраго“, А. Георгіевскаго Кіевъ, 1892 г., стр. 36.

²⁾ Въ церковномъ архивѣ реестръ вѣтторскій 1657—1669 г., л. 2.

судствіи представителей „отъ урадовъ отъ его милости пана полковника (Павла Яненка Хмельницкаго) и одъ его милости пана войта и всего маестрату кіевскаго“¹⁾. Но въ церковно-административномъ отношеніи Борисоглѣбская церковь и ея настоятели зависѣли, кромѣ мѣстнаго епископа, еще и отъ кіево-михайловскаго игумена, который, по видимому, имѣлъ право подаванія настоятелей на Борисоглѣбскій приходъ. Въ 1665 году Борисоглѣбскіе ктиторы „по небожику отцу Моисею дали игумену Михайловскому рыбы за шаговъ 13, жебы другому священнику благословилъ служить“, и тому же игумену (Сафоновичу) „отнесли рыбы золотыхъ за 2 въ той часть, якъ отца Іосифа на парафѣю пріймали“²⁾, дѣлая подобныя приношенія и на храмовые праздники Бориса и Глѣба и Рождества Предтечи³⁾. Состоя подѣ защитою и покровительствомъ свѣтскихъ и духовныхъ властей, Борисоглѣбская церковь пользовалась и особыми ихъ милостями, въ видѣ добротныхъ приношеній и жертвъ. Въ Борисоглѣбскомъ синодикѣ или помянникѣ за XVII вѣкъ вписаны, для поминовенія, роды: „гетмана Войска Запорозскаго“ Михаила Ханенка, боярина Василя Васильевича Бутурлина, стольника и полковника Василя Михайловича Тяпкина, архимандрита печерскаго Никифора Тура, пановъ Мокіевскихъ, Оранскихъ, Бялостоцкихъ, кіевскаго войта Данила Полоцкаго, бурмистра Іоанна Сафоновича⁴⁾, и многихъ другихъ. Особенными же благотворителями Борисоглѣбской и Предтеченской церквей были кіевскіе полковники Антонъ Ждановичъ и Григорій Карповичъ Коровченко или Вольскій, какъ увидимъ впослѣд-

¹⁾ Тамъ же, реестръ 1657 г., л. 1 на обор.; Сн. „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, стр. 704 и 705.

²⁾ Въ церковномъ архивѣ реестръ ктиторскій 1661 г., л. 5 на обор.

³⁾ Тамъ же, реестръ 1669—1675 г. л. 21 и 26 на оборотѣ.

⁴⁾ Синодикъ или помянникъ Борисоглѣбской церкви 1673 г., л. 11, 35 на обор., 10, 30, 34, 46, 44 и 45.

ствіи¹⁾. Были, правда, и въ это время нѣкоторыя попытки частныхъ и даже начальствующихъ лицъ къ нарушенію имущественныхъ правъ Борисоглѣбской церкви, но и эти попытки прекращались своевременно, благодаря, съ одной стороны, значенію и вліянію кіевскихъ полковниковъ, а съ другой—доступности московскаго правительства къ челобитьямъ обиженныхъ и твердости его власти. Около 1683 года нѣкоторыми казацкими чинами и мѣщанами кіевскими нарушались куничныя права Борисоглѣбской церкви, состоявшія во взаимной кунницы или извѣстной денежной платы съ поселившихся на церковныхъ земляхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, тогдашній кіевскій полковникъ Григорій Коровченко или Вольскій 17 декабря 1683 года далъ Борисоглѣбскому ктитору Григорію Жуку, вѣроятно по его просьбѣ, листъ, въ которомъ писалъ: „и жъ уважаючи мы, яко за прежнихъ антецессоровъ нашихъ была давана належитость куничная зъ шляхетскихъ пледовъ до церкви светыхъ страстотерпцевъ Россійскихъ Романа и Давида Кіевское, иле ихъ до онаго храма найдется, шорочная безъ вшелякого нѣ отъ кого пренагабана, такъ и вынешнымъ симъ нашимъ писанемъ подтверждаючи даемо позволене яко ктиторови онаго жъ храма светого Григорію Жукови зо всѣхъ принадлежащихъ предреченныхъ пледовъ до онѣй церкви кунницу грошовую отбирали дорочную; варуемъ прето и приказуемъ, абы жаденъ такъ зъ старшины войсковое, яко и отъ пана войта кіевского и мѣщанъ жадная наименьшая въ отбиранию оноѣ належитости не дѣялася кривда и перешкода той светой церквѣ“²⁾. А когда около 1689 года обнаружались попытки къ захвату Борисоглѣбскаго сѣновоса за Днѣпромъ надъ Чорторыєю самими воеводами кіевскими, то Бо-

¹⁾ Въ ктиторскихъ реестрахъ упоминается еще „Михайло полковникъ наказный“, который около 1680 г. далъ на церковь „огнюсочокъ кадровый Вознесенія Господне“. См. реестръ, 1680—1686 г., л. 2.

²⁾ Въ церковномъ архивѣ, по шнуровой тетради № 26.

рисоглѣбскіе прихожане Емельянъ Вергуновъ (Вергуненко) и Оома Кириловъ (Тиховець,—ктиторы) пожаловались на нихъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. И государи приказали боярину и воеводѣ князю Михайлу Грѣгорьевичу Ромодановскому съ товарищи, чтобы они „тое сѣнжаютъ велѣли отдать по прежнимъ крѣпостямъ къ той церкви благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, буде у нихъ на тѣ сѣнжати есть подлинныя крѣпости и спору въ томъ ни отъ кого не будетъ, и велѣли тѣ сѣнжати съ иными землями розвестъ и розмежевать и къ намъ великимъ государемъ о томъ писали, учиня тому всему книги, прислали къ намъ великимъ государемъ къ Москвѣ и велѣли подати въ приказъ малыя Россіи“, и проч.¹⁾ Изъ послѣдующихъ церковныхъ документовъ видно, что Борисоглѣбская церковь возстановлена была въ своемъ владѣніи дѣпрорскимъ сѣнскосомъ.

Пользуясь защитой и покровительствомъ русскаго правительства и мѣстныхъ властей, Борисоглѣбская церковь служила, въ свою очередь, для отдѣльныхъ лицъ изъ мѣщанства и вообще жителей Кіева надежнымъ хранилищемъ для ихъ денежныхъ капиталовъ и даже движимаго имущества. До 1656 года нѣкто Самойло Мехѣденко отдалъ ктиторами Борисоглѣбскимъ на сохраненіе свое движимое имущество, какъ-то „плахты, хусты бѣлогловскія (женскія), сукно сермяжное, сукманъ и ишіе дробязки“ и, кромѣ того, сто золотыхъ польскихъ и мѣдный казанъ для сына своего Тимохи, находившагося тогда въ неволѣ татарской, съ тѣмъ условіемъ, что „если его Господь Богъ за шесть лѣтъ отъ сего часу съ тою неволи вынести рачить, то повини будутъ ктиторове тую сто золотыхъ и казанъ сыну его вцѣле поотдавать. А если до шести лѣтъ не выйдетъ и не мѣлъ бы оказатъся въ томъ

¹⁾ Тамъ же, документы на сѣнжовскъ за Дѣпроромъ, № 8; см. реестръ ктиторскій 1687—1693 г. л. 1.

терминѣ, теды по шести лѣтехъ тая сума и казанъ помѣстной церкви Божой светымъ Борису и Глѣбу маєть вѣчне зоставать, и до того часу шести лѣтъ нигдѣ индей тая сто золотыхъ и казанъ, только въ той же церкви Божой мають быть“. Въ 1656 году, 19 января, Борисоглѣбскіе ктитори Кипріанъ Филиповичъ и Лучко Манойловичъ Скочокъ выдали племянницѣ Самойла Мехѣденка, согласно его завѣщанію, Ганнѣ Ермолиной и ея матери движимое имущество покойнаго завѣщателя, а черезъ шесть съ небольшимъ лѣтъ, именно 5 сентября 1662 года, имъ же выдали, единственно изъ снисхожденія къ ихъ бѣдности, 15 золотыхъ польскихъ изъ положенной Самойломъ Мехѣденкомъ въ Борисоглѣбскую церковь суммы¹⁾. Подобные вклады денегъ и вещей въ церковь на храненіе практиковались и впослѣдствіи, даже въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія²⁾.

Благодаря защитѣ и покровительству русскаго православнаго правительства и мѣстныхъ властей, Борисоглѣбская церковь и ея ктитори во второй половинѣ XVII вѣка безпрепятственно приобрѣтають въ Кіевѣ новые земельные участки, владѣють ими, пользуются съ нихъ доходами и употребляютъ ихъ на благоустроеніе церкви и прихода.

Во второй половинѣ XVII вѣка во владѣніи собственно Борисоглѣбской церкви, кромѣ сѣножати за Днѣпромъ и пляцу Кисловскаго, оказывается слѣдующая недвижимая собственность: 1) Нижниковскій пляцъ³⁾; 2) дворъ и домъ Крош-

¹⁾ Документы въ церковномъ архивѣ, подъ этими годами. См. Синодикъ Борисоглѣбскій, 1673 г., л. 35 на обор.

²⁾ Тамъ же, росписка Ооми Иванова отъ 26 іюля 1733 г. въ полученіи изъ Борисоглѣбской церкви хранившихся тамъ денегъ его тети.

³⁾ Упоминается подъ 1673 годомъ. См. документы по шнуровой тетради, № 14. Въ 1661 г. Борисоглѣбскіе ктитори уже не были свидѣльи, отъ когс поступилъ этотъ пляцъ въ пользу церкви. См. замѣтку на бывомомъ листѣ подъ этимъ годомъ.

нинскій; 3) грунтъ Чучманскій, поступившій отъ Мажчого¹⁾, 4) Скочковскій пляцъ съ домомъ, поступившій въ 1652 году отъ мѣщанина Лаврентія Потаповича и его жены²⁾; 5) домъ, завѣщанный Борисоглѣбской церкви въ 1655 году мѣщаниномъ Иваномъ Андреевичемъ Бубликомъ³⁾; 6) пляцъ, завѣщанный въ 1683 году Борисоглѣбской церкви нѣжинскимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Лобачевичемъ⁴⁾. На нѣкоторыхъ изъ этихъ пляцовъ жили сами священно-церковно-служители, а на Кисловскомъ пляцу стояли „школа и шпиталь“ Борисоглѣбской церкви⁵⁾. На остальныхъ же свободныхъ церковныхъ пляцахъ жили куничники, вносившіе за наемъ земли извѣстную годовичную плату въ пользу церкви. По ктиторскимъ реестрамъ, такихъ куничниковъ было въ 1661 году 12, въ 1664 году 15, въ 1666 году 16, въ 1670 году 17, въ 1694 году 26, коими платилось въ пользу церкви отъ 30 до 51 золотого польскаго въ годъ⁶⁾.

Куничныя деньги составляли постоянный доходъ церкви; но ихъ было такъ мало, что едва ставало на удовлетвореніе самыхъ скромныхъ потребностей по приобрѣтенію для церкви воску, вина, ладону, на выдачу жалованья двумъ дьякамъ, пономарю и на школу⁷⁾, и совершенно недостаточно было для болѣе или менѣе основательнаго ремонта церкви или перестройки ея. А между тѣмъ около 1661 года явилась настоятельная потребность въ обновленіи Борисоглѣбской церкви, значительно пострадавшей, вмѣстѣ съ Кіевомъ, во время борьбы изъ за него между поляками и русскими. Извѣстно что въ 1651 году Кіевъ занятъ былъ войсками князя Януша

¹⁾ Реестръ ктиторскій 1657 г., л. 3 на обор.

²⁾ Тамъ же; см. документы на Скочковскій пляцъ, № 7, и по шнуровой тетради № 23.

³⁾ Въ церковномъ архивѣ въ шнуровой тетради № 16.

⁴⁾ Тамъ же № 17.

⁵⁾ Документы на пляцъ Кисловскій, № 4, на оборотѣ документа.

⁶⁾ См. ктиторскіе реестры подъ этими годами, въ церковномъ архивѣ.

⁷⁾ Тамъ же.

Радзивила, гетмана литовскаго; жители обезоружены, и горюдь 16 и 17 августа большею частію былъ выжженъ и разоренъ. По возсоединеніи Кіева съ Россіей, и по смерти Богдана Хмельницкаго, послѣдовавшей въ 1657 году, на Кіевъ опять стали нападать то измѣнникъ, гетманъ Иванъ Выговскій, то поляки. Въ 1658 году братъ гетмана Выговскаго Данило съ полками казацкими сталъ подъ Кіевомъ на Щекавицѣ, желая добыть Кіевъ, но былъ прогнанъ бояриномъ Шереметьевымъ. Въ 1660 году полякамъ вновь удалось занять Кіевъ; однако они вскорѣ были выгнаны изъ него русскими войсками, которыя отстояли отъ поляковъ Кіевъ и въ 1661 и 1663 годахъ¹⁾. Во время послѣднихъ смуть, съ 1658 года, Борисоглѣбскіе ктиторы, вмѣстѣ съ другими кіевлянами, бѣжали изъ Кіева въ Переяславъ и начали селиться въ Кіевѣ въ 1660 году²⁾, по изгнаніи отсюда поляковъ. Зданіе Борисоглѣбской церкви, по видимому, не было сожжено, но значительно пострадало. Для приобрѣтенія средствъ на возобновленіе церкви, независимо отъ кружечныхъ сборовъ, ходили съ „карнавкою“ (отъ слова „карвона“) по домамъ прихожанъ, въ праздники и на процессіяхъ дѣлами сборъ въ самой церкви и однажды взяли 20 фунтовъ воску съ Борисоглѣбскаго священника за „сыченіе кануна“, т. е. меду³⁾. Но главныя средства на обновленіе церкви получались отъ добротныхъ дателей и отъ продажи излишняго и необходимаго имущества церковнаго, какъ наприм. воску⁴⁾, церковнаго серебра⁵⁾ и проч. На эти средства прежде всего поправлена та и другая церковь, т. е. Борисоглѣбская и Предтеченская,—на что употреблено было по 1669 годъ 1595 золотыхъ⁶⁾, а съ 1669 до 1675

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, Москва, 1868 г. т. 1, стр. 56 и 58

²⁾ Реестръ ктиторскій 1661—1669 г. л. 4.

³⁾ Тамъ же, л. 2, 5 и 6.

⁴⁾ Тамъ же, л. 2 и 4.

⁵⁾ Реестръ 1687—1692 г., л. 1.

⁶⁾ Реестръ 1661—1669 г., л. 7.

года 450 золотыхъ безъ трехъ осмаковъ. Между 1680—1686 годами поправлены церковный верхъ, „опасане великое кругъ церкви“ и бабинець церковный и огорожень цвинтарь ¹⁾. Въ 1690 году сдѣлана новая деревянная звоница ²⁾. Между 1693 и 1699 годами опять производились починки церковнаго „опасаня“ и церкви „по многихъ мѣстцахъ вверху“, и частію сдѣлана новая „горожа цвинтара“, а частію поправлена старая ³⁾.

О внутреннемъ убранствѣ Борисоглѣбской церкви во второй половинѣ XVII вѣка сохранились слѣдующія свѣдѣнія. Въ иконостасѣ были намѣстныя иконы Спасителя, Богородицы, Бориса и Глѣба и св. Владимира; на сѣверныхъ дверяхъ — неизвѣстная икона, на которой „гривна и съ подбородичомъ одна великая есть“; надъ царскими вратами — Спаситель „съ гривной одной великой и съ подбородичемъ“; возлѣ сѣверныхъ вратъ, у лѣваго клироса, — образъ Св. Троицы съ вѣнцами и гривенками. Надъ престоломъ — серебрянный голубъ ⁴⁾, а надъ нимъ столярное „поднебенье“, росписанное живописью ⁵⁾. Церковною утварью и облаченіями церковь была не бѣдна но послѣ 1660 года, т. е. вторичнаго занятія Кіева поляками потребовалось новое приобрѣтеніе „аппаратовъ“ церковныхъ за которыми ѣздили въ Баршполь и Каневъ ⁶⁾.

Изъ настоятелей Борисоглѣбскихъ за вторую половину XVII вѣка намъ извѣстны слѣдующіе: 1) Теодоръ, „попадья“ котораго упоминается подъ 1661 годомъ ⁷⁾; 2) Моисей Теодоровичъ Нагальный, упоминаемый въ 1663 году и умершій въ 1665 году ⁸⁾; 3) преемникъ его Іосифъ Мужилловскій, с

¹⁾ Реестръ 1669—1675 гг., л. 28.

²⁾ Реестръ 1687—1692 гг., л. 3.

³⁾ Реестръ 1693—1699 гг., л. 21 и 43.

⁴⁾ Реестръ 1657 г., л. 2, и реестръ 1699 г., л. 2 на обор.

⁵⁾ Реестръ 1693—1699 гг., л. 20 и 28 на обор.

⁶⁾ Реестръ 1657—1669 гг., л. 9.

⁷⁾ Въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

⁸⁾ Въ шууровой тетради № 9; Реестръ 1661—1665 гг., л. 5 на об.

1666 года ¹⁾; 4) Іаковъ, упоминаемый въ 1669 году и умершій около 1672 года ²⁾; 5) Ѳеодоръ Монастырскій съ 1672 года, возобновившій въ 1673 году Борисоглѣбскій синодикъ или помянникъ ³⁾, и 6) Михаилъ Хомѣнскій, упоминаемый подъ 1703 годомъ ⁴⁾. Кромѣ настоятелей, бывали при Борисоглѣбской церкви и викаріи, какъ напр. Ѳеодоръ Гуляницкій ⁵⁾.

При Борисоглѣбской церкви въ обозрѣваемое время находились „школа“, въ первый разъ упоминаемая около 1663 г. ⁶⁾, и „шпиталь“, упоминаемый еще въ 1654 году ⁷⁾, которые стояли на Кисловскомъ церковномъ пляцу ⁸⁾. Школу будовали москали за 14 копѣй ⁹⁾, и ею завѣдывалъ, по всей вѣроятности, дякъ. Къ праздникамъ предлагали свои услуги церкви Успенскіе школяры. Между 1661—1665 годами есть извѣстіе о томъ, что къ Борисоглѣбскому ктитору Никитѣ Васильевичу Могилевцу обращались, какъ къ своему „патрону“, воспѣвали его въ своихъ „гимнахъ“ и „зычили“ ему „много лѣтъ... школярѣ святой Пречистой Соборной“, т. е. кіевоподольской Успенской Церкви ¹⁰⁾, вѣроятно насчетъ пѣнія въ церкви по праздникамъ. Но около 1684 года поправлена была старая Борисоглѣбская школа и поставлена новая ¹¹⁾, и вскорѣ послѣ

¹⁾ Реестръ 1661—1665 г., л. 5 на обор.; Синодикъ, л. 50 на обор.

²⁾ Реестръ 1657—1669 гг., л. 13 на обор.; Реестръ 1669—1675 г., л. 5 на об.; Синод., л. 48.

³⁾ Синодикъ, л. 1 и 52.

⁴⁾ Реестръ 1703 г., л. 6 на обор.; Синод., л. 49, 65 в 68.

⁵⁾ Синодикъ, л. 63 на обор. Кромѣ того, въ синодикѣ помѣняются, безъ означенія времени, Борисоглѣбскіе священники: Титъ (л. 49 на обор.) и іеросхимонахъ Манассія (л. 49).

⁶⁾ Реестръ 1657—1669 г., л. 8 на обор.; въ шнуровой тетради, подъ 1663 г. № 17.

⁷⁾ Реестръ 1661—1665 г., л. 2 на обор. См. по шнуровой тетради № 14.

⁸⁾ Документы на пляцъ Кисловскій, № 4, на оборотѣ документа.

⁹⁾ Реестръ 1657—1669 г., л. 8 на обор.

¹⁰⁾ Реестръ 1661—1665 г., вложенная записка съ отрывкомъ письма школяровъ.

¹¹⁾ Реестръ 1680—1686 гг., л. 5 на обор.

того въ этой школѣ являются свои „выростки“, которымъ съ 1694 года Борисоглѣбскіе ктиторы даютъ „до школы“ по „шагу“, или же „дяку“ и „дякамъ до школы“ отъ двухъ до четырехъ шагомъ за одинъ разъ ¹⁾. „Выростки“ эти, несомнѣнно, были школяры и, судя по аналогіи съ XVIII вѣкомъ, вѣроятно воспитанники Кіевской Академіи, жившіе въ самой школѣ и помогавшіе дякамъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи по праздникамъ, а также обучавшіе дѣтей прихожанъ и причта грамотѣ и начаткамъ латыни. Что же касается Борисоглѣбскаго „шпиталѣ“, то онъ требовалъ церковныхъ расходовъ только на свой ремонтъ ²⁾. Изъ призрѣваемыхъ же въ вѣ шпиталѣ упоминается только одинъ Панько Золотарь, да и то потому только, что въ 1696 году онъ пожертвовалъ на церковь „монистечко кораліовое зъ крижикомъ сребреннымъ и пуговокъ пять, и мосяззовую (мѣдную) мисочку“ ³⁾. Значить, призрѣваемымъ въ шпиталѣ давалось только помѣщеніе а объ остальномъ они заботились сами.

Кромѣ Борисоглѣбской церкви, во второй половинѣ XVII вѣка была еще въ Борисоглѣбскомъ приходѣ другая церковь—Рожество-Предтеченская, которая называлась „теплою“ ⁴⁾ или „трапезною“ ⁵⁾ церковію. Приходы и расходы по этой церкви обыкновенно входили въ общую отчетность Борисоглѣбскаго прихода; но были и особыя спеціальныя пожертвованія на Рожество-Предтеченскую церковь, благодаря которымъ она къ концу XVII вѣка перестроена была въ каменную церковь и въ этомъ отношеніи превзошла главную приходскую церковь Борисоглѣбскую.

¹⁾ Реестръ 1693—1699 г., л. 11, 17 на об., 18, 25; Реестръ 1701 г., л. 3.

²⁾ Реестръ 1661—1665 г., л. 2 на обор.; Реестръ 1693—1699 г. л. 4 на обор.

³⁾ Реестръ 1696—1699 г., л. 5 на обор.

⁴⁾ Реестръ 1669—1775 г.г., л. 24 на обор.

⁵⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., отд. III, стр. 101.

Первое, извѣстное намъ пожертвованіе въ пользу Рождество-Предтеченской церкви, есть пожертвованіе Лукаша Скорины, который около 1654 года завѣщалъ этой церкви свой пляцъ и домъ въ Кіевѣ. Въ 1643 году Лука Григорьевичъ Скорина былъ старшимъ лавникомъ въ кіевскомъ ратушѣ ¹⁾ Текстъ завѣщанія Скорины въ пользу Предтеченской церкви не сохранился, но дошелъ до насъ вводный листъ, данный Борисоглѣбской церкви на владѣніе пляцомъ и домомъ Скорины. 27 сентября, 1654 года, явившись въ ратушъ кіевскій „славетные панове Петръ Сызоновичъ Балыка, лавникъ старшій а панъ Куцко Олисеенко райца, урядники сегорочные присяжные, и при нихъ слуга мѣскій Димитрій Ивановичъ подвойскій, явне, ясне и добровольне ку записаню до книгъ нынѣшнихъ мѣскихъ Кіевскихъ сознали тыми словы, ижъ онъ съ приданя нашего врядоваго, а на реквизицію славетныхъ пана Семена Бибиковича Дядечка и Кипріяна Филиповича мѣщанъ Кіевскихъ, ктиторовъ церкви светыхъ страстотерпецъ князей русскихъ Борыса и Глѣба, ходили до дому негдѣсь бывшего Лобачевского, тутъ въ мѣстѣ Кіевѣ въ тылѣ дому небожчика Матѳея Мачохи, а отъ рѣки Днѣпра дому Денисовского, а рогомъ до олтаря церкви помененое Бориса и Глѣба, прилеглого, кгрунтомъ лежачого, который то домъ съ всеми его пожитками, яко свой власный, непенный и никому ни въ чомъ не заведенный, небожчыкъ панъ Лукашъ Скорина, мѣщанинъ Кіевскій, сходечы съ сего свѣта, тестаментомъ своимъ, правне справленнымъ, съ побожное интенціи легковалъ на церковь Рождества светого Іоанна Предтечи, подъ звонницею Борисоглѣбскою стоячую, тамъ же съ повинности своею врядовое тотъ вышей помененный домъ съ пляцомъ, збудынкомъ и со всеми его енералитер (generaliter) пожитками такъ теперешнимъ вышей помененымъ паномъ ктитормъ

¹⁾ „Кієво-Братскій училищный монастырь“, Н. Мушина, Кієвъ, 1893 г. стр. 344.

яко и по ихъ наступающимъ другимъ также ктитормъ и всимъ парафіяномъ Борисоглѣбскимъ, до мощи, влады, вольного шафунку и никгды непрерываное посесіи подали и въ оный домъ, за позволенемъ и госпожи Аеанасіи Скорыниное, мат-ки зошлого Лукаша Скорыны, интромиттовали часы вѣчными“¹⁾. Это—тотъ самый пляцъ, изъ-за котораго Борисоглѣбскій священникъ Оксентій велъ тяжбное дѣло съ Мачошенками, и который потомъ купилъ онъ у нихъ въ 1586 году, а въ 1596 г. продалъ, вмѣстѣ съ домоу, кіевскому мѣщанину Михаилу Мартиновичу Лобачу²⁾. Въ вышеуказанномъ вводномъ листѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на указаніе положенія Рождество-Предтеченской церкви „подъ звонницею Борисоглѣбскою“. Звонница, т. е. колокольня Борисоглѣбская на планѣ Кіева 1695 года изображена въ видѣ низкаго небольшого навѣса, и близъ нея, на одномъ и томъ же погостѣ, обозначены двѣ церкви, съ такою надписью: „Цер. Бориса и Глѣба“³⁾. Слѣдовательно, Рождество-Предтеченская церковь не помѣщалась въ нижнемъ ярусѣ Борисоглѣбской колокольни, а находилась, по отношенію къ колокольнѣ, или ближе къ Днѣпру, или ниже по его теченію.

Въ томъ же 1654 году Рождество-Предтеченская церковь получила новое земельное приращеніе. Въ этомъ году кіевскій полковникъ Антонъ Ждановичъ, обмѣнявъ, для округленія своей усадьбы, часть Лобачевского или Скорынинскаго пляца на Денисовскій⁴⁾, листомъ отъ 10 октября передаетъ Рождество-Предтеченской церкви сосѣдній пляцъ пани Криницкой, для расширенія погоста этой церкви и для погребенія на немъ покойниковъ. Въ этомъ листѣ полковникъ Ждановичъ говоритъ слѣдующее: „Я, маючи владзу и расказане отъ вельмож-

¹⁾ Документы на Лобачевскій пляцъ, № 12.

²⁾ См. объ этомъ выше.

³⁾ „Планъ Кіева, составленный въ 1695 году. Изданіе Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1893“.

⁴⁾ Въ церковномъ архивѣ, въ шпуровой тетради № 12

ного его милости пана Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Его царскаго Величества Запорозскаго, добра лежащие и вгрунта въ мѣстѣ Кіевѣ по шляхтѣ позосталые продавать и тыми добрами яко хотѣтъ диспоновать, а видечи барзо стислый цвинтарь церкви светого Іоанна Предтечи подъ звоницею Борисоглѣбскою стоячее, пляцъ пани Креницкое шляхетскій тутъ въ мѣстѣ Кіевѣ съ одного черезъ улицу пляцу церковного бывшаго Нижниковскаго, а зъ другого боку такъ же черезъ улицу пляцу Пинъдюровскаго и шпитали Борисоглѣбское, а втылѣ пляцу пана Данила Полоцкаго, бывшаго Елдаковскаго, и другого пляцу Телепинскаго Творковскихъ вгрунтѣмъ лежацій, до цвинтара помененаго прилеглый, съ чотырма халупами на томъ пляцу съ куницы стоячими, для погребаня тѣлъ змерлыхъ и для большое пространности цвинтара, тотъ помененный пляцъ церкви Рождества светого Іоанна Предтечи и всимъ паномъ ктиторомъ и парафіяномъ Борисоглѣбскимъ такъ теперешнимъ, яко и другимъ по нихъ наступующимъ дадомъ, дароваломъ“, и проч. ¹⁾. Какъ ближайшій сосѣдъ и, по всей вѣроятности, прихожанинъ Борисоглѣбско-Предтеченскій, полковникъ Ждановичъ могъ бы сдѣлать и больше для своей приходской церкви; но въ томъ же 1654 году онъ посланъ былъ отъ Хмельницкаго къ полякамъ и оставался у нихъ въ плѣну, а впослѣдствіи назначенъ былъ въ чигиринскіе полковники ²⁾. Но всетаки онъ пожертвовалъ для этой церкви „миску сребренную увористо злотистую ³⁾).

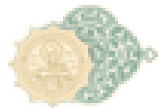
Послѣ двухкратнаго взятія Кіева поляками въ 1651 и 1660 годахъ, пострадала и Рождество-Предтеченская церковь, —и на ея „оправу“ далъ, около 1661 года, 50 золотыхъ войтъ кіевскій Даниилъ Полоцкій ⁴⁾. Около 1675 года церковь покры-

¹⁾ Тамъ же, № 14.

²⁾ „Собрание сочинений М. А. Максимовича“, т. 1, Кіевъ, 1876 г., стр. 704.

³⁾ Реестръ ктиторскій 1657 г., л. 4

⁴⁾ Реестръ 1657—1669 г., л. 4 на обор.

та была гонтою ¹⁾, и для нея купленъ былъ образъ Воскресе-
нія Христова, для помѣщенія котораго переставлены были
всѣ прежніе образа ²⁾. Надъ иконостасомъ помѣщался „архі-
ерей“, т. е. Спаситель въ архіерейскомъ видѣ, и предъ нимъ
висѣла спускавшаяся внизъ лампада ³⁾.

Особеннымъ же благотворителемъ Рождество-Предтечен-
ской церкви былъ кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ
Коровченко или Вольскій, дважды занимавшій эту должность:
въ первый разъ съ 1682 по 1690 г., а во второй разъ—
вплоть до 1712 года, въ которомъ онъ и умеръ въ Кіевѣ ⁴⁾.
Полковникъ Коровченко поселился въ ближайшемъ сосѣд-
ствѣ съ Борисоглѣбскою и Рождество-Предтеченскою цер-
квами и, кажется, занималъ то самое мѣсто, гдѣ въ 1654 го-
ду былъ дворъ полковника Антона Ждановича ⁵⁾. Поэтому-то
Коровченко, какъ ближайшій сосѣдъ и прихожанинъ Бори-
соглѣбско-Предтеченскій, обнаружилъ особенное попеченіе о
приходскихъ своихъ церквахъ. Въ 1683 году, какъ мы видѣ-
ли, онъ далъ предписаніе о безпрепятственномъ сборѣ кунич-
ныхъ денегъ въ пользу Борисоглѣбской церкви ⁶⁾, а вскорѣ
послѣ этого пожертвовалъ въ церковь „ризы... лязуровые зъ
золотыми квѣтками“ ⁷⁾. Къ 1691 году полковникъ Коровченко
построилъ, вмѣсто прежней деревянной Рождество-Предтечен-
ской церкви, новую каменную. Объ этой послѣдней въ „Геог-
рафическомъ Описаніи г. Кіева“, Новгородцева, 1784 года,
сказано слѣдующее: „Другая (церковь) вмѣсто деревянной теп-
лой сстроена въ 1691 году каменная во имя св. Іоанна Пред-
течи, коштомъ полковника Кіевскаго Григорія Карповича Воль-

¹⁾ Реестръ 1675—1678 г.г., л. 1.

²⁾ Реестръ 1669—1675 г., л. 26 на обор. и 27.

³⁾ Реестръ 1680—1686 г., л. 4.

⁴⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. 1, Кіевъ, 1876 г., стр. 705

⁵⁾ См. планъ, съ показаніемъ двора Коровченка, въ церковномъ архивѣ,
въ концѣ шатуровой тетради.

⁶⁾ См. выше.

⁷⁾ Реестръ 1680—1686 г. г., л. 8.

скаго¹⁾. Вѣроятно, она окончена была уже въ отсутствіе Коровченка, который однакоже навѣдывался въ Кіевъ и въ 1699 году, 16-го октября, получилъ отъ Борисоглѣбскихъ прихожанъ почетный подарокъ, состоявшій изъ калача и головы сахару²⁾. Въ 1694 году деревянная Рождество-Предтеченская церковь была разобрана³⁾, а на планѣ Кіева 1695 года мы видимъ на Борисоглѣбскомъ погостѣ двѣ церкви, деревянную Борисоглѣбскую и каменную Предтеченскую, вполнѣ уже законченную⁴⁾. Въ новую церковь перенесена была и утварь изъ старой деревянной Предтеческой церкви, какъ, напр., напрестольное евангеліе львовской печати 1670 года, съ изображеніемъ на нижней доскѣ Рождества Предтечи⁵⁾, икона Воскресенія Христова, доселѣ сохраняющаяся въ этой церкви⁶⁾, и, по всей вѣроятности, и другія иконы. Верхъ церкви, внутри, росписанъ былъ живописыс⁷⁾. Вѣроятно, полковникъ Коровченко, иначе Вольскій, и погребенъ былъ въ Рождество-Предтеченской церкви, какъ ея основатель.

Послѣ постройки каменной Рождество-Предтеченской церкви въ 1691 году, въ документахъ церковныхъ XVIII вѣка поименовываются совмѣстно двѣ церкви „деревянная Свято-Борисоглѣбская и каменная святого Іоанна Предтечи“, и иногда раздѣльно упоминаются ктитори той и другой церкви⁸⁾; но въ дальнѣйшей исторіи этихъ церквей Рождество-Предтеченская продолжаетъ расти и украшаться, а Борисоглѣбская

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874 г., отд. II, стр. 153; Сп. „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ 1862 г., № 9, стр. 303.

²⁾ Рескриптъ 1693—1695 г. л. 51.

³⁾ Тамъ же, л. 11.

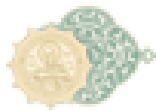
⁴⁾ „Планъ Кіева 1695 г.“, Кіевъ, 1893.

⁵⁾ Церковная опись 1856—1866 г., л. 12 на обор., № 7.

⁶⁾ Рескриптъ 1669—1675 г., л. 26 на об.

⁷⁾ Эту живопись обязывался въ 1739 году поправить маляръ Ѳеодоръ Каменскій. См. его обязательство въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ, я вѣже.

8) См. Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

— „малитися“, пока, наконецъ, послѣдняя не упразднена была въ исходѣ XVIII вѣка. Въ этотъ періодъ времени церковные ктиторы теряютъ свое прежнее значеніе, и изъ-за нихъ выдвигается на первое мѣсто приходскій священникъ, какъ главный хозяинъ и распорядитель церковнаго имущества. Такимъ именно хозяиномъ и распорядителемъ и является въ первой четверти XVIII вѣка Борисоглѣбскій священникъ Даніиль Маньковцевичъ, въ продолжительное настоятельство свое въ Борисоглѣбскомъ приходѣ весьма много сдѣлавшій для него, а особенно для Рождество-Предтеченской церкви.

Даніиль Ивановичъ Маньковцевичъ былъ священникомъ при Борисоглѣбской церкви еще въ 1713 году ¹⁾, а настоятелемъ ея сдѣланъ въ 1715 году ²⁾, съ 1750 года былъ вмѣстѣ и духовникомъ кіевоподольской протопопіи ³⁾, и умеръ осенью 1768 года ⁴⁾; слѣдовательно, священствовалъ при Борисоглѣбской церкви 55 лѣтъ, а настоятельствовалъ въ ней 53 года.

При вступленіи своемъ въ должность настоятеля Борисоглѣбской и Предтеченской церквей, въ 1715 году, о. Даніиль Маньковцевичъ составилъ вѣдомость о наличномъ имуществѣ этихъ церквей и завелъ реестръ вновь поступающимъ при немъ въ обѣ церкви предметамъ, хотя и не доведенный до конца его жизни ⁵⁾. Изъ этихъ вѣдомости и реестра видно, что въ 1716 году въ особенномъ упадкѣ былъ сборъ кунныхъ церковныхъ денегъ, что объясняется какъ уменьше-

¹⁾ „Синодикъ“ Борисоглѣбскій, л. 68 на обор.

²⁾ Вѣдомость и реестръ 1715 г., въ церковномъ архивѣ, подъ этимъ годомъ, л. 1.

³⁾ См. Духовную Есипа Пасюка, отъ 11 октября, 1750 г., въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

⁴⁾ См. обиходную книгу Борисоглѣбской церкви за 1768 годъ, въ церковномъ архивѣ.

⁵⁾ Вѣдомость и реестръ 1715 г., въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ. Нужно, при этомъ, замѣтить, что въ реестрахъ этихъ описываются не всѣ иконы, а только тѣ, которыя имѣютъ какіе либо металлические оклады и украшенія.

ніемъ прежняго количества куничныхъ церковныхъ земель, такъ и неисправностію въ уплатѣ и собираніи куничныхъ денегъ. Въ 1695 году, 5 іюля, „за згоднымъ соизволеніемъ всѣхъ парафіянъ, а по приказанію пана гетмана (Мазепы) и майстрату, (ктиторы) уступили кгрунтъ Креничевскій, на церковь голдуяцій, Константію, зятю Милиному кгреку, и грошей отобрали отъ Кости золотыхъ 75 за кгрунтъ“ ¹⁾. Независимо отъ того, куничники не хотѣли платить денегъ за занимаемыя ими церковныя земли. Въ 1709 году одинъ изъ Борисоглѣбскихъ ктиторовъ занесъ въ свой реестръ, что онъ отобралъ „у куничниковъ, которые селятся на церковныхъ грунтахъ, золотихъ двадцать только, 60 и многіе не хотятъ належитого рокового давати“ ²⁾. А къ 1715 году, по словамъ о. Маньковцевича, всего куничнаго сбора въ годъ было „денегъ 10 и коп. 80“ ³⁾. На этотъ-то пунктъ церковнаго хозяйства священникъ Маньковцевичъ и обратилъ преимущественное свое вниманіе: съ одной стороны, онъ значительно увеличилъ количество куничныхъ церковныхъ земель, а съ другой—привелъ въ порядокъ куничныя земли и ежегодный сборъ съ нихъ въ пользу церкви.

Въ настоятельство о. Даніила Маньковцевича вновь приобрѣтена была слѣдующая недвижимая церковная собственность: 1) въ 1718 году священникъ Маньковцевичъ и ктиторы Аексѣй Звонникъ и Іосифъ Пасюкевичъ купили у кievской жительницы, вдовы Маріи Денежковой, часть плацу Денежковского за 100 злотыхъ ⁴⁾. 2) Около того же времени кievская мѣщанка Марія Полозковна Ризина, по первому мужу Лудкевичева, записала Борисоглѣбской церкви свой плацъ въ Кіевѣ ⁵⁾. 3) 15 сентября, 1721 года, кievскій Доб

¹⁾ Реестръ ктиторскій 1693—1699 г., л. 19 на сбор.

²⁾ Реестръ 1706—1709 гг., л. 1 на об.

³⁾ Вѣдомость и реестръ 1715 г., л. 2.

⁴⁾ Въ церковномъ архивѣ, въ шнуровой тетради № 7.

⁵⁾ Тамъ же. ⁶⁾ Труды Киевской Духовной Академии и Семинарей, <http://kdais.kiev.ua>

ро-Никольскій протопопъ Степанъ Ширина далъ Борисоглѣбскимъ ктиторамаъ запись, въ которой, между прочимъ писалъ слѣдующее; „повеже тѣло тестя моего небожника Оомы Тиховца, райцы старшого кievского, и брата его родного Петра Тиховца, церковей двохъ ктиторовъ, светыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и светого Іоанна Предтечи, которыя вкупѣ на единомъ цѣвнтару стоятъ, въ серединѣ церкви мурованной светого Іоанна Предтечи похоронено, а до того въ моровое повѣтре (вѣроятно, 1710—1711 гг.) и жону его небожницу Марію Бунковну Тиховцовую и дѣтей при тихъ же церквахъ погребено, а за тое церкви божественное нагорды жадной не вчинено; теда ихъ же пляцикъ вольный, до кгрунту помеченныхъ церковей объ межу прилеглый, въ границахъ певныхъ въ правахъ описанныхъ лежацій, я, яко зять его позосталый, стараючися о душевное ихъ спасеніе и для памяти вѣкуистое тотъ пляцикъ... даю“ ктиторамаъ Леонтію Звоннику и Стефану Андріевскому, райцамаъ старшимъ кievскимъ, но безъ права отчуждать этотъ пляцъ отъ церкви ¹⁾. 4) Въ 1722 году райца кievскій Алексѣй Звонникъ, по соглашенію со священникомъ Борисоглѣбской церкви и ея ктиторами и прихожанами, обмѣнялъ церковную куничную землю, за которую до толѣ платилъ по 60 копѣекъ въ годъ, на собственный пляцъ, приобрѣтенный имъ въ Кіевѣ отъ товарища бунчукового Якова Тарнавіота за 150 золотыхъ²⁾. 5) 25 іюня, 1729 года, Григорій Лизогубъ, племянникъ Ивана Мировича, „артилера господина генерала-лейтенанта Вилима Ивановича де-Геннина адъютанта“, продалъ отъ имени своего дяди Борисоглѣбскому священнику Маньковцевичу и ктиторамаъ, для Борисоглѣбской церкви, пляцъ Мартиновскій на Подолѣ за 400 золотыхъ и получилъ наличными 300 золотыхъ, а 100 золотыхъ

¹⁾ Тамъ же, № 18. См. о Ширинѣ въ сочиненіи А. Георгіевскаго „Кіево-Подольская церковь Николая Добраго“, Кіевъ, 1892 г., стр. 41 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, №№ 21 и 22.

оставались въ долгу за церковь. Подтверждая эту продажу и извѣщая священника Мавъковцевича о полученіи 300 золотыхъ, Мировичъ писалъ послѣднему 21 декабря 1730 года слѣдующее: „а золотихъ 100 на церковь Борисоглѣбскую Кіевоподольскую, по злѣщенію мати моей панен Пелагіи Мировичовой, полковниці Переяславской, дарую, за которіе деньги прошу безкровную жертву Богу приносить за мене и сродниковъ моихъ“ ¹⁾. 6) Кромѣ того, въ документахъ XVIII вѣки упоминается еще пляцъ Дегтяровскій, какъ принадлежавшій Борисоглѣбской церкви²⁾. И если нѣкоторые изъ документовъ на эти земли не были въ свое время заявлены и занесены въ городскія книги, и по нимъ не было сдѣлано надлежащаго ввода церкви во владѣніе, „за откладомъ отъ мене до времени и за нерадѣніемъ бывшихъ пановъ ктиторъ“,—то о. Даніилъ со своими ктиторами хлопоталъ самъ непосредственно и получилъ вводъ на всѣ пріобрѣтенныя пріемъ церковныя земли ³⁾. Всего же, вмѣстѣ съ прежними участками земли, въ XVIII вѣкѣ принадлежало Борисоглѣбской церкви 11-ть пляцовъ ⁴⁾, на которыхъ жило до 47 куничниковъ, въ общемъ итогѣ платившихъ церкви около 21 рубл. въ годъ ⁵⁾. Кромѣ того, церковь въ это время пользовалась также и принадлежавшимъ ей сѣнокосомъ за Днѣпромъ подъ Чарторыею, хотя церковныя права на этотъ сѣнокосъ иногда и нарушались. Въ ноябрѣ 1749 года о. Даніилъ Мавъковцевичъ со своими прихожанами подалъ на Высочайшее имя прошеніе о томъ, дабы повелѣно было Борисоглѣбской церкви владѣть и пользоваться этимъ сѣнокосомъ ⁶⁾. Былъ также и единовременныя, случайныя поступленія въ пользу церкви, какъ напр. за погребеніе въ церкви и на поминове

¹⁾ Тамъ же, № 5.

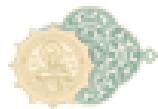
²⁾ Реестръ 1735 г., л. 12.

³⁾ Въ церковномъ архивѣ, въ шнуровой тетради № 7.

⁴⁾ Реестръ 1735 года, л. 13.

⁵⁾ Реестръ 1735 г., л. 13—51, 58 и др.; и реестръ 1749 г., л. 14—25

⁶⁾ Документъ на сѣнокосъ за Днѣпромъ, № 9.

ніе. Такъ наприм., кievскій мѣщанинъ Есипъ Пасюкъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ 11 октября 1750 года, завѣщевалъ похоронить свое тѣло въ Борисоглѣбской церкви, записываетъ ей 80 рублей и кромѣ того на сорокоустъ шесть рублей ¹⁾).

По мѣрѣ накопленія церковныхъ доходовъ, о Даниилъ Маньковцевичъ, съ ктиторами и прихожанами, употреблялъ ихъ на поддержаніе и благолѣпіе одной только Рождество-Предтеченской церкви, не сдѣлавъ ничего для деревянной Борисоглѣбской церкви. Въ отношеніи же благолѣпія Рождество-Предтеченской церкви въ настоятельство о. Даниила Маньковцевича заслуживаютъ вниманія украшеніе нѣкоторыхъ иконъ въ иконостасѣ ризами и обладами и росписаніе стѣнъ церкви живописью.

Изъ иконъ первоначальной деревянной Рождество-Предтеченской церкви въ ктиторскихъ реестрахъ XVII вѣка упоминаются только двѣ иконы: Воскресенія Христова ²⁾ и архіерей (Спаситель) надъ иконостасомъ ³⁾, тогда какъ объ остальныхъ иконахъ упоминается только глухо ⁴⁾. Съ 1722 по 1759 годъ становятся извѣстными еще слѣдующія иконы Предтеченской церкви: Спасителя и Богоматери ⁵⁾, Іоанна Предтечи ⁶⁾, Св. Николая ⁷⁾ и аналойная икона Богородицы ⁸⁾. На двѣ изъ этихъ иконъ, — на намѣстныя Спасителя и Богородицы, сдѣланы были, помощію и стараніемъ прихожанъ серебряныя ризы „съ серебра церковнаго съ тѣбличекъ и вѣнцевъ, которые писано въ старыхъ реестрахъ ктиторскихъ“, в 1722 году; а въ 1730 году такая же риза сдѣлана на хра

¹⁾ Въ церковномъ архивѣ подъ 1750 годомъ.

²⁾ Реестръ ктиторскій 1669—1675 г., л. 26 на обор.

³⁾ Реестръ 1680—1686 гг., л. 4.

⁴⁾ Реестръ 1669—1675 г., л. 27.

⁵⁾ Церковная опись 1856—1866 гг., л. 70 на обор. и 71.

⁶⁾ Тамъ же, л. 71.

⁷⁾ Обязательство маляра О. Каминскаго въ церковномъ архивѣ подъ 1739 годомъ, и ниже.

⁸⁾ Видомостъ и реестръ 1715—1718 гг., л. 3.
Издание Киевской Духовной Академии и Семинарей,
<http://kdais.kiev.ua>

мовую икону Предтечи ¹⁾). Но изъ росписанія стѣнъ Рождество-Предтеченской церкви въ 1730 хъ годахъ можно заключать, что, кромѣ перечисленныхъ иконъ, составлявшихъ нижній ярусъ иконостаса и верхъ его, были еще три средніе яруса иконостаса.

Росписаніе живописью стѣнъ Предтеченской церкви, представляющее любопытную страницу изъ исторіи кіевской церковной стѣнописи въ первой половинѣ XVIII вѣка, исполнено было въ два пріема и разными малярами, что зависѣло вѣроятно, отъ состоянія денежныхъ средствъ церкви.

Въ первый разъ, въ 1737 году, росписанъ былъ только предѣлъ (трапеза, бабинецъ) этой церкви маляромъ Василиемъ Романовичемъ, который далъ о. Данилу съ ктиторами и прихожанами слѣдующее обязательство. „Року 1737 мая 12 дня я Василій Романовичъ маляръ даю сію роспись на себе отцу Данилу, священнику Свято-Борисоглѣбскому, и паномъ ктиторомъ а парохіянномъ той же церкви пану Алексію Звоннику бурмистру, а пану Стефану Андреевскому райцѣ, и пану Филипу Глѣбовцу ктитору, и пану Іоанну Маляру въ томъ, же подрадилъ церкви св. Іоанна предѣлъ увесь ви-маліовати, а маліовати увесь Апокалипсисъ и Страшный судъ, и маліовати фарбами добрыми, а не простыми, и около всѣхъ штукъ кружала и вѣнцы на святыхъ и трубы золотить у ангеловъ золотомъ добрымъ, и за тую роботу взять мнѣ грошей рублей пятьдесятъ и сафьяна, и гроши брать первіе впочатку рублей 20, въ другое, по работѣ смотря, рублей 10 и втретее также рублей 10. И маліовати такимъ майстерствомъ неотмѣнно, якъ у светого Николая Набережного“ ²⁾, и проч.

Самая церковь Рождества Предтечи росписана была въ 1739—1741 годахъ другимъ маляромъ Θεодоромъ Θεодоровичемъ Каминскимъ, который 4 іюля 1739 года далъ о. Да-

¹⁾ Церковная опись 1856—1866 гг., л. 70 на обор. и 71.

²⁾ См. въ церковномъ архивѣ подъ 1737 годомъ.

Труды Кіевск. дух. Академіи. Т. I. 1896 г.

нили съ етиторами и прихожанами письменное обязательство „въ томъ, же подрядился церкви святого Іоанна Предтечи середину обидвѣ стѣны маліовати, по обоихъ бокахъ отъ верхнихъ фрамугъ (мѣсть для живописи) до земли, и фѣляри (полустѣнки) отъ предѣла, штуками такими. На фрамугахъ¹⁾ десять блаженствъ и двѣ штуки евангельскія, и между штуками кружалисто перегородки золотомъ. Надъ вѣкнами (окнами)²⁾ Богъ Отецъ и Христосъ въ сіаніяхъ золотыхъ и вѣнцы золотые. Въ окнахъ (т. е. въ пролетахъ оконъ) на правой сторонѣ Вознесеніе, а на лѣвой—Сошествіе св. Духа. Подъ окнами надъ дверьми правой стороны—Пресвятая Богородица въ златомъ вѣнцѣ съ ликомъ дѣвицы; на лѣвой сторонѣ—Іоаннъ Предтеча, за нимъ—саддукеи и фарисеи³⁾. Отъ фрамугъ и дверей мало займаючи, по стѣнамъ и на обѣихъ сторонахъ лики святыхъ всѣхъ такъ повинно быть слово въ слово, якъ въ Печерскомъ монастырѣ въ Троицы Святой. Ниже ликовъ святыхъ, надъ формами (стасидіями, „лавами“), по обѣихъ стѣнахъ, и ниже гзімсу (карниза) на фѣлярахъ—сотвореніе свѣта штукъ осмь. Между дверьми (т. е. въ пролетахъ дверей): на правой сторонѣ, отъ формъ, Христосъ, учашій саддукеевъ и фарисеевъ, а отъ алтаря—Покровъ Пресвятыя Богородицы; на лѣвой сторонѣ—Христосъ изгонитъ изъ церкви продающихъ вся, а отъ олтаря—Пресвятая Богородица всѣмъ скорбящимъ радость. Подлѣ Николая, съ правой стороны, праотецъ Адамъ, а на лѣвой сторонѣ прамати Ева.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ подъ фрамугами, по видимому, разумѣются вѣнцы стороны церковныхъ арокъ.

²⁾ Теперь сохранилось одно только окно на южной стѣнѣ храма, а на сѣверной видѣлано, вѣроятно, во время пристройки къ ней въ 1802 году Борисоглѣбскаго придѣла.

³⁾ Въ 1885 году сѣверная дверь уничтожена выемкою стѣны между алтаремъ и лѣвою колонною, а южная, какъ можно видѣть изъ сравненія ея съ главною западною дверью, въ неизвѣстное для насъ время увеличена въ ширину и высоту, такъ что теперь на правой сторонѣ нѣтъ мѣста ни для изображеній надъ дверями, ни для изображенія Адама рядомъ съ дверями.

А за формами и за криласами отробити до земли ландшафтами. На фрамугахъ въ горѣ (на парусахъ) старый написъ на всѣхъ трехъ бокахъ поновить, и подъ евангелистами ангели стоячіи. Двери зъ обѣихъ сторонъ ландшафтами. И повиненъ я малювати фарбами добрыми венецкими, и вѣнцы золотые у Христа и святыхъ, гдѣ надлежитъ, и литеры золотыя, гдѣ надлежитъ, дабы подобна была сія робота во всемъ, якъ въ Печерскомъ монастырѣ въ Троицы святой. Также и въ сотвореніи свѣта перегородки золотыя. И за тую роботу взять мнѣ грошей рублей семьдесятъ, олеи ведеръ двадцать, горѣлки простой ведеръ три¹⁾, и проч.

Въ этомъ прозектѣ стѣнописи 1739 года заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ частности: во первыхъ, „на верхнихъ фрамугахъ въ горѣ“ старый написъ возобновляется только съ трехъ сторонъ, а не съ четырехъ, вѣроятно потому, что на четвертой сторонѣ была и теперь находящаяся тамъ большая икона Господа Вседержителя, съ припадающими Богоматерью и Предтечею; во вторыхъ, рядомъ съ иконой св. Николая, стоявшей на южной стѣнѣ, вправо отъ нижняго яруса иконостаса и въ уровень съ нимъ, изображена была праматерь Ева на части этой стѣны, впоследствии немного срубленной для расширения южной двери. Отсюда слѣдуетъ заключить, что ряды стѣнныхъ изображеній въ Предтеченской церкви вполне соответствовали ярусамъ иконостаса, такъ что тѣ и другіе вмѣстѣ должны были составлять одно художественное цѣлое. Въ прозектѣ стѣнописи 1739 года, кромѣ изображеній на аркахъ, ясно различается пять рядовъ стѣнныхъ изображеній, а именно: 1) на верхнихъ фрамугахъ „старый написъ“ на трехъ сторонахъ; 2) надъ иконами Богъ Отецъ и Христосъ; 3) въ пролетахъ оконъ Вознесеніе и сошествіе св. Духа; 4) подъ окнами надъ дверьми Пресвятая

¹⁾ См. обязательство маляра Каминскаго въ церковномъ архивѣ, подъ 1739 годомъ.

Зогородица и Іоаннъ Предтеча, а по сторонамъ ихъ—лики святыхъ, судя по мѣсту, въ небольшихъ изображеніяхъ; 5) въ нижнемъ ряду—сотвореніе свѣта, четыре изображенія въ пролетахъ южныхъ и сѣверныхъ дверей и Адамъ и Ева. Эти пять рядовъ стѣнописи, дѣйствительно, и соответствовали пятиярусному иконостасу Предтеченской церкви, части котораго, съ счастіемъ, сохранились и до настоящаго времени. Нижний ярусъ иконостаса съ намѣстными и храмовою иконами и второй ярусъ съ небольшими иконами господскихъ праздниковъ существуютъ и въ настоящее время; третій ярусъ апостольскій снятъ въ 1885 году и находится теперь въ складѣ на колокольнѣ ¹⁾, четвертый—пророческій ярусъ около 1849 года помѣщенъ надъ горнимъ мѣстомъ Предтеченской церкви, въ видѣ особаго запрестольнаго иконостаса ²⁾; пятый ярусъ или—точнѣе вершина иконостаса, состоящая изъ одной большой иконы Спасителя, и теперь остается на первоначальномъ мѣстѣ. Типъ такихъ многоярусныхъ иконостасовъ выработанъ былъ уже въ XVII вѣкѣ ³⁾ и потому легко могъ быть примѣненъ къ устройству Предтеченскаго иконостаса.

Предъ иконостасомъ висѣло большое мѣдное заамвонное ланкадило о 16-ти свѣчахъ, сооруженное въ 1725 году частью изъ церковнаго лому, частью изъ добродѣтельныхъ подаяній, существующее и до настоящаго времени ⁴⁾. Добродѣтельными же подаяніями значительно увеличена была, при священникѣ Маньковцевичѣ, церковная утварь ⁵⁾.

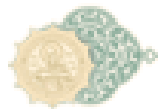
¹⁾ Описанъ въ церковной описи 1856—1866 г., л. 72 на обор.

²⁾ Планъ иконостаса, 1849 г., въ рамѣ за стекломъ.

³⁾ „Старинные русскіе иконостасы“, Н. А. Сперовскаго, въ „Христіанскомъ Читаніи“ за 1892 годъ. См. иконы въ церковно-археологич. музеѣ при Киевской дух. Академіи“, № 3637.

⁴⁾ См. реестръ, заведенный 1715 года.

⁵⁾ Въ частности, намъ извѣстны слѣдующія поступленія съ опредѣленными годами: 1) Евангеліе 1743 г. (церковная опись 1856—1866 г. л. 10 № 1); 2) Евангеліе 1747 г. въ красномъ бархатѣ (тамъ же, л. 11 на обор., № 4); 3) Евангеліе 1747 г. въ зеленомъ бархатѣ (тамъ же, л. 11 на обор., № 5), по-

Кромѣ умноженія и упорядоченія купичныхъ сборовъ украшенія иконостаса, росписанія церковныхъ стѣнъ живописью и приобрѣтенія утвари, о. Даниїль Маньковцевичъ заботился о перекрытіи церковной крыши. По крайней мѣрѣ, въ пришеніи на Высочайшее имя въ ноябрѣ 1849 года о возстановленіи правъ церкви на задѣлпровскій сѣнокосъ надъ Чертырєю о. Даниїль указывалъ на то, что безъ этого сѣнокоса Борисоглѣбская церковь такъ оскудѣла, „что и покрыться чимъ не имѣетъ“ ¹⁾).

Въ Борисоглѣбско-Предтеченскомъ приходѣ, въ настоящее время о. Даниїла Маньковцевича и послѣ него, до самаго конца XVIII вѣка, продолжали существовать приходскія богадѣльня и школа, предписываемыя, съ царствованія Петра Великаго, и государственною властію. Общія свѣдѣнія о нихъ получаютъ изъ отвѣта кіевскаго епархіальнаго начальства на указъ Св. Синода отъ 6 сентября 1739 года. Указомъ этимъ предписывалось безотлагательно прислать въ Св. Синодъ „о вѣтствіи и годовые репорты, какое гдѣ въ епархіи чинится исполненіе, или гдѣ не исполняется и для чего, по именимъ блаженныхъ и вѣчно достойныхъ памяти государя императора Петра Великаго прошлаго 1721 года указу и по опредѣленіямъ Св. Правительствующаго Синода въ томъ же и въ 172 годовѣхъ состоявшимся и по посланнымъ изъ Св. Правители

жертвованное Іоанномъ Козельскимъ Шапошникомъ (Реестръ, заведенный 1715 г.) 4) кипарисный крестъ, пожертвованный въ 1747 г. Маріей Останихой Рабенко (церков. Опись 1856—1866 г., л. 20, № 6); 5) серебряный крестъ, пожертвованный въ 1749 г. Іаковомъ Козельскимъ (тамъ же, л. 19, № 3); 6) серебряная позолоченная чаша имъ же (Реестръ, заведенный 1715 г.); 7) серебряная вызолоченная гробница, сооруженная въ 1752 году (церков. Опись 1856—1866 г., л. 31, № 1); 8) серебряный вызолоченный крестъ, пожертвованный въ 1755 Агапѣей Доманихой Крещатичной (тамъ же, л. 19 на обор., № 4); 9) кипарисный въ серебряной оправѣ крестъ, пожертвованный въ 1766 году іеромонахомъ Далматомъ (тамъ же, л. 19 на обор. и 20, № 5).

¹⁾ См. документы на сѣнокосъ за Дѣлпровъ, № 9.

ствующаго Синода во всѣ епархіи указомъ въ построеніи изъ получаемыхъ отъ продажи при церквахъ свѣчъ вездѣ у церквей богадѣленъ ради нищенствующихъ больныхъ, которыхъ тамо и кормить по пропорціи коеяждо церкви доходовъ, и въ зборахъ во всѣхъ монастырѣхъ и соборныхъ и приходскихъ церквахъ при литургіяхъ въ обычайное время добротнаго отъ прилучающихся при томъ пѣніи правотѣрныхъ подаванія въ два кошелька, въ одинъ на потребности церковныя, а другой на гошпиталь къ содержанію и довольству неимущихъ своего питомства“. Кіевское епархіальное начальство отвосительно кіевоподольскихъ приходоу и церквей отвѣтило слѣдующее: „нижняго града Кіева священники, зъ своего собственнаго кошту покупаючи воскъ и дѣлая свѣчи, продаютъ и деньги на препитаніе себѣ взимають. Деньги въ два кошельки собираются: въ одинъ на прокормленіе *въ богадѣльныхъ живущихъ при всѣхъ церквахъ*, а въ другій—на платежъ годовый церковникомъ, на строеніе и подчинку *богадѣленъ и школъ, при церквахъ содержащихся*“¹⁾.

О Борисоглѣбско-Предтеченскомъ „шпиталѣ“ въ XVIII вѣкѣ сохранилось немного свѣдѣній. Въ 1735 году куплено было глины „до шпиталѣ“, вѣроятно для его ремонта²⁾. Въ 1756 году „Григорій старецъ зъ мискою по мѣсту ходячи виходилъ денегъ“ 2 руб. 3 коп., и „старцѣ шпиталніе з мискою ходячи по мѣсту виходили 13 копѣекъ“; въ 1760 году „Матвѣй дѣдъ и бабы шпиталніе по мѣсту ходячи с карнавкою отъ генваря 1-го числа чрезъ увесь годъ собрали денегъ рублей шесть“; въ 1761 году „Григорій дѣдъ шпиталній с карнавкою ходячи по мѣсту собралъ денегъ 18 рублей“ и „Матвѣй дѣдъ шпиталній з мискою ходячи по мѣсту собралъ денегъ рублей 5“³⁾. Въ 1769 году въ шпиталѣ призрѣвалос.

¹⁾ Архивъ Кіевской дух. Консисторіи дѣло 1739 года.

²⁾ Реестръ 1735 и слѣдующихъ годовъ, въ церковномъ архивѣ, л. 65.

³⁾ Тамъ же, реестръ 1749 и слѣдующихъ годовъ, л. 5, 7 и 7 на обор.

шесть лицъ женскаго пола, отъ 28 до 73 лѣтъ возраста¹⁾, а въ 1770 году—три мужчины и шесть женщинъ²⁾.

Особенный видъ призрѣнія бѣдныхъ представляли изъ себя приходскія школы при кѣвоподольскихъ церквахъ, дававшія приютъ бѣднымъ студентамъ Киевской Академіи, которые съ своей стороны оказывали посильныя услуги церкви и приходу. Собственно-церковными школами въ XVIII вѣкѣ назывались на югѣ Россіи помѣщенія церковныхъ дьяковъ, которые дѣйствительно и занимались обученіемъ приходскаго юношества славянскою грамотою, а иногда даже и латыни. Въ 1729 году, 1 февраля, Борисоглѣбскій дьякъ Михайло Ярославскій, завѣщая числившіяся за должниками его деньги священнику Борисоглѣбскому на поминаловіе и Борисоглѣбской церкви за погребеніе въ ней, упоминаетъ въ завѣщаніи и о своихъ школьныхъ занятіяхъ: „на церковъ,—пишетъ онъ—тыи деньги, что приходятся отъ пана Леонтія за заправу лацѣни (латыни) сына его за пять чвертей, и за науку дочери его жъ, такожь и за науку дѣтей пана Стефана Андреевскаго, что належитъ на церковъ отказую“³⁾. Но, совмѣстно съ этою дьячковскою школою, существовала въ Борисоглѣбско-Предтеченскомъ приходѣ и другая школа, какъ филиальное отдѣленіе Киевской академической бursы, и—по видимому—въ особомъ помѣщеніи. По крайней мѣрѣ, въ 1735 году въ церковныхъ документахъ упоминается „малая школа“⁴⁾, конечно, въ отличіе отъ большой школы. О положеніи этихъ церковно-приходскихъ бурсъ и о занятіяхъ и правахъ обитате-

¹⁾ Исповѣдный реестръ 1769 г. въ церковномъ архивѣ.

²⁾ Исповѣдный реестръ 1770 года, тамъ же.

³⁾ Завѣщаніе Ярославскаго—въ церковномъ архивѣ подъ 1729 годомъ. Леонтій (Звониякъ) и Стефанъ Андреевскій были тогда ктиторами Предтеченской и Борисоглѣбской церквей.

⁴⁾ Реестръ 1735 и слѣдующихъ годовъ въ церковномъ архивѣ, л. 66.

лей ихъ даетъ свѣдѣнія одно дѣло Киевской Духовной Консисторіи 1741 года относительно Притиско-Никольской школы. Въ этомъ году въ академической бурсѣ скопилось до 20 (бурсаковъ и во избѣжаніе тѣсноты префектъ академіи іеромонахъ Михаилъ Козачинскій посовѣтовалъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти къ веснѣ на жительство въ „мірскія школы“, вслѣдствіе чего, нѣмнѣе до Цара-Константиновской, нѣмнѣе до Введенской школѣ (понеже здѣсь живетъ) розійшлись. Что услышавши всечестнѣйшій священникъ Яковъ Жураховскій, начальникъ храма святителя Николая, прозиваемаго Притиска, въ Кіевѣ на Подолѣ, для ученія элементарна сына своего и прочіихъ дѣтей мѣщанскихъ, началъ просить до своей школы студентовъ“, трехъ учениковъ поэтики и одного фариста, которые съ разрѣшенія префекта, отправились въ Притиско-Николаевскую школу и были приняты священникомъ Жураховскимъ „съ великимъ благодареніемъ“. Но начальствующій священникъ Притиско-Николаевской церкви Романъ Антоновичъ церковными ктиторами не хотѣлъ принять студентовъ въ Притиско-Никольскую школу, на основаніи якобы грамоты московскаго патріарха Адріана кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, послѣдовавшей въ 1699 году по дошенію войта кіевскаго Дмитрія Полоцкаго, которою будто бы воспрепятствовалось жить студентамъ въ Притиской школѣ; дьякъ же и подячій взвели на студентовъ тяжкое обвиненіе въ воровствѣ. Поэтому началось разслѣдованіе дѣла, которое, между прочимъ разъяснило, что патріаршая грамота 1699 года не касается студентовъ Академіи, что студенты жили и живутъ въ школахъ Добромильской, Покровской, Галбоборисской, Духовской, Набережно-Никольской, Ильинской, Спасской, Воскресенской, Рождественской, Цареконстантиновской, Васильевской и Введенской, не дѣлая препятствія обученію дѣтей славянскому письму, и что въ самой „школѣ Притиской издавна студенты живали, да и недавно самъ отецъ Романъ Антоновъ когда ходилъ на риторику назадъ тому лѣтъ шесть, въ то

Притиской школъ жилъ“. Рассмотрѣвъ дѣло, Кіевская Консисторія сдѣлала постановленіе, которымъ разрѣшалось „студентамъ, живущимъ нынѣ въ Притиской школѣ., по примѣру другихъ школъ русскихъ, жить впредь въ оной же Притиско-Никольской школѣ безпрепятственно и честное обходительное имѣть съ дьякомъ и прочими школьниками пребываніе, подѣ опасеніемъ наказанія; аще же бы въ чемъ студентъ виновны явились, то требовать сатисфакціи въ Академіи Кіевской у кого надлежитъ; ошіе жъ въ Притиской школѣ живущіе студенты до церкви въ тѣи времена, коихъ оны отъ трудовъ школныхъ вольны будутъ, и на крилось ходили бѣ, за что съ собираемыхъ на школу доходовъ по усмотренію тамошнихъ священниковъ вѣзмали бѣ надлежащую часть съ прочіими ради пренитанія и снабженія въ нужднихъ“ ¹⁾. На такихъ же основаніяхъ жили студенты и въ Борисоглѣбской школѣ. Въ 1735 году каждую недѣлю выдавалось на бурсу по двѣ копѣйки и кромѣ того давались особыя подачки на запусты и розговѣнья; въ 1737 году вышло дьяку и на бурсу въ годъ 40 копѣекъ; въ 1745 году выдавалось дьяку, студентамъ и „пазамару“ по пяти копѣекъ въ недѣлю. Въ 1742 году, „во время пожара, якъ горѣлъ грецкой церкви дворъ студентамъ, що выносили съ нашей церкви церковніи обради“ дано „копѣекъ 10“ ²⁾.

О матеріальномъ положеніи о. Даніила Маньковцевича вамъ мало извѣстно. Въ прошеніи своемъ кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому, въ 1742 году, о. Даніилъ пишетъ, что въ Борисоглѣбскомъ приходѣ „хотя и двѣ церкви,

¹⁾ Въ архивѣ Кіев. дух. Консисторіи „доношеніе отъ префекта Академіи Кіевской іеромонаха Михаила съ прошеніемъ о позволеніи жить студентамъ въ школѣ Притиско-Никольской Кіево-подольской и о прочемъ“ 1741 г № 1265.

²⁾ Реестръ 1735 и слѣдующихъ годовъ, въ церковномъ архивѣ, л 66, 67 72 на обор. и 76 на обор.

точію порахія малая“¹⁾. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ что въ 1741 году въ Борисоглѣбскомъ приходѣ было всего 90 дворовъ. При томъ же и съ этихъ дворовъ требовались чрезъ священнослужителей различные налоги и натуральныя повинности. Такъ напр., въ 1740 году, по указу императрицы Анны Іоановны и распоряженію кіевскаго митрополита, „подъ полномощного посла, Его Высокопревосходительства господина Румянцова въ отдачу 43 лошадей взяmano отъ двороваго числа по 15 копѣекъ“. Въ 1741 году кіевоподольскій протопопъ Стефанъ Лубенскій домогался, чтобы опредѣленъ былъ денежный окладъ „зо всыхъ священниковъ протопопѣ Кіевоподольской для содержанія писаря и покупки сургуча и паперу“, по копѣйкѣ съ полушкою со двора; но кіевоподольскіе священники таготивались и этимъ окладомъ и жаловались митрополиту Рафаилу на злоупотребленія, допускавшіяся протопопомъ Лубенскимъ²⁾. Но въ сравненіе съ нѣкоторыми другими кіевоподольскими приходами, Борисоглѣбско-Предтеченскій приходъ не былъ еще самымъ бѣднымъ,—и о. Данилъ Маньковцевичъ не хотѣлъ выпустить его изъ своего рода. Приближался къ старости, онъ подалъ въ 1742 году кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому прошеніе о томъ, чтобы Борисоглѣбскій приходъ по смерти его, Маньковцевича, оставленъ былъ или за сыномъ его Стефаномъ, „якій, по силѣ указа Вашего Преосвященства,—писалъ о. Данилъ,—школи латинскіе и греческіе трактуетъ“, или за зятемъ его Алексѣемъ, діакономъ церкви соборной кіевоподольской. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій положилъ такую резолюцію: „мы пастыръ его іерея Данила сына Стефана, буди онъ въ латинскихъ школахъ обучатимется до вершенныхъ наукъ и явится достоинъ священства, вышеозначенною Борисоглѣбскою парохією обнадежуемъ и сіе наше писаніе за ру-

¹⁾ Прошеніе Маньковцевича въ Консисторскомъ архивѣ, подъ 1742 годомъ.

²⁾ Дѣло Кіевской дух. Консисторіи 1741 г., въ ея архивѣ.

кою нашею при печати катедральной означенному іерееу Борисоглыбской церкви Даниилу Маньковцевичу выдали“ ¹⁾). Впрочемъ, о. Даниилъ еще при жизни своей съумѣлъ пріютить : себя свачала зятя своего Алексѣя, который является Борисоглыбскимъ викаріемъ въ 1744 году ²⁾), а потомъ сына своего Стефана Давидова или Данилевскаго, бывшаго священникомъ Борисоглыбскимъ, въ качествѣ викарія, съ 1750 года ³⁾).

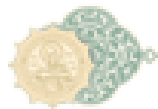
Н. Петровъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Тамъ же, дѣло 1742 года, о діаконѣ Алексѣѣ Фомичѣ, зятѣ Маньковцевича, см. „Кіево-Подольская Успенская Соборная церковь“, іеродиакона Антопина; Кіевъ, 1891 г., стр. 66 и 67.

²⁾ См. реестръ 1735 и слѣд. годовъ, въ церковномъ архивѣ, л. 59 на обор.

³⁾ Синодикъ Борисоглыбской церкви, л. 70.

АДРЕСЪ

Римскому папѣ, поднесенный галичанами-уніатами по поводу 300-лѣтія уніи (1595 — 1895).

Этотъ замѣчательный документъ состоитъ изъ краткаго вступленія и самого адреса. Во вступленіи говорится, что русины-католики, будучи всею душою преданны „святѣйшему“, „наивысшему“, апостольскому престолу и находясь подъ руководствомъ папы, изъ глубины души возносятъ благодареніе Богу за Его неоцѣненную милость,—за тотъ даръ благодати, который подвигъ сердца ихъ предковъ возвратиться въ домъ „отца всего христіанства“, къ „скалѣ вѣры“, на которой Христосъ Господь основалъ свою церковь, къ „матери и учительницѣ всѣхъ церквей“—церкви римской, о которой св. Амвросій говоритъ: *идѣ Петръ, тамъ церковь*.—Самый адресъ есть рядъ историческихъ воспоминаній о благодѣяніяхъ, полученныхъ западно-русскою церковью отъ церкви римско-католической. По словамъ составителя адреса, эта церковь, находясь въ единствѣ съ св. апостольскимъ престоломъ въ дни св. Ольги, Владиміра Великаго и его преемника Ярослава І, утвердилась и „процвѣтала буйнымъ цвѣтомъ христіанской культуры“. Но послѣ печальныхъ лѣтъ раздора, возникшаго при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ, по отдѣленіи отъ римско-католической церкви,—отъ „очага жизни и свѣта“ она глубоко упала и утратила свою жизненность. Ея поднятіе изъ глубины паденія, обновленіе въ ея „закостенѣвшемъ организмѣ“ жизни Христовой начинается со времени уніи. Унія сдѣлала изъ русско-католической церкви мать и источникъ то-

го католическаго духа, который ободрялъ и поддерживалъ сердца уніатовъ въ долгой и „лютой“ борьбѣ со врагами уніи; уніа влила въ сердца принявшихъ её силу и бодрость духа къ ревностному труду на благо русскаго народа; уніа была причиною того, что въ настоящее время галицкая Русь можетъ похвалиться замѣчательными успѣхами своего возрожденія и развитія во всѣхъ областяхъ жизни... Воспоминая о всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя получены галичанами отъ римско-католической церкви въ теченіе долгихъ вѣковъ, особенно постѣ Брестской уніи (1596), составители адреса естественно переносятъ мыслію къ тому, что сдѣлалъ для нихъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, папа Левъ XIII. Онъ прославилъ память первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія, повелѣвъ всему католическому міру совершать богослуженіе въ память ихъ..., онъ основалъ третью епископскую каѳедру въ Станиславовѣ..., онъ снова поднялъ значеніе базилианскаго ордена и возвелъ его на степень его прежняго блеска и величія..., онъ возобновилъ Львовскій синодъ для борьбы съ пагубными религіозными и соціалистическими стремленіями..., онъ не щадитъ средствъ къ тому, чтобы дать пріютъ и образованіе въ Римской коллегіи возможно большому числу будущихъ пастырей и дѣятелей русско-католической (уніатской) церкви... Послѣ заключенія благодарностію за всѣ неисчисленныя благодѣянія, составители адреса переходятъ къ вопросу о будущности этой церкви и посвящаютъ ему вторую половину адреса. Въ ней мы находимъ отвѣтъ галичанъ на послѣднія энциклики папы о воссоединеніи церквей... „Начавъ три вѣка назадъ новую безсмертную жизнь и возраста духовно, уніатская церковь теперь должна дать новые цвѣты и ростки, она должна повѣять живительнымъ духомъ на востокъ и признать къ единенію съ церковью римскою вѣнокатолическій міръ. Словомъ, она должна сослужить ту историческую службу, которую возложилъ на нее Промыслъ Божій, и которая выражена въ словахъ папы Урбана VI:

O mei Ruteni, per vos ego Orientem convertendum spero. Поэтому составители адреса далѣе говорятъ: „Сознавая свое высокое предназначеніе, уніатская (въ текстѣ *русско-католическая*) церковь будетъ непрестанно стараться стать годною для этого своего призванія: она будетъ съ полнымъ самопожертвованіемъ трудиться надъ его выполненіемъ; она будетъ горячо молиться въ церкви при всѣхъ священно-дѣйствіяхъ о соединеніи всѣхъ церквей и о возможно скорѣйшемъ исполненіи словъ І. Христа: *И будетъ едино стадо и единъ пастырь* (Іоанн. X, 16), о возможно скорѣйшемъ исполненіи задушевнѣйшихъ желаній папы, выраженныхъ въ его послѣднихъ энцикликахъ. Адресъ заключается словами благодарности за *сохраненіе грековосточнаго богослуженія и обрядовъ, за защиту и охрану русскаго народа, для котораго этотъ обрядъ является основою его вѣчнаго счастья, его непреодолимою крѣпостію въ общественномъ быту, и выраженіемъ надежды на то, что папа на будущее время не оставитъ галичано-уніатовъ своими милостями. Послѣднія слова адреса: „Святѣйшій Вселенскій Архіерей папа Левъ XIII да здравствуетъ на многая, многая лѣта!*

Что сказать объ этомъ произведеніи представителей уніатства? Достаточно самаго бѣглаго ознакомленія съ историческими фактами, чтобы признать въ немъ желаніе его составителей порвать со всѣми преданіями многострадальнаго западно-русскаго народа. Представленіе о положеніи западно-русской православной церкви сдѣлано въ такомъ невѣрномъ историческомъ освѣщеніи, что не знаешь, чему удивляться: незнанію ли историческихъ событій, всегда возможному при преподаваніи церковной исторіи и каноническаго права въ католическихъ школахъ при той постановкѣ, какая практикуется до настоящаго времени, именно при полномъ запрещеніи заглядывать во многія капитальныя произведенія древности, внесенныя въ „указатель запрещенныхъ книгъ“, или же *памфлетному* желанію скрыть истину. Такъ, процвѣтаніе

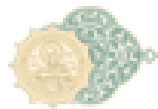
церкви русской въ первые дни ея существованія при свв. Ольгѣ, Владимірѣ и преемникѣ послѣдняго Ярославѣ I поставлено въ связь съ ея будто-бы непрерывнымъ общеніемъ съ церковію римскою. Гдѣ слѣды этого общенія? Да и можно ли предположить его при постоянномъ непрерывномъ вліяніи на зачинавшуюся тогда Русь со стороны грековъ и болгаръ, бывшихъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Римомъ? Такимъ образомъ, если и можно говорить о процвѣтаніи православной русской церкви, состоявшей тогда еще только изъ новообращеннаго народа, то никакъ не въ связи съ вліяніемъ на нее церкви римской. Напротивъ, отсутствію этого вліянія, ея огражденію отъ попытокъ вліянія со стороны Рима нужно приписать то, что христіанство въ видѣ православія, полученнаго отъ греко-болгарскихъ просвѣтителей, твердо укрѣпилось на русской почвѣ и сохранило западно-русскія отрасли народа отъ поглѣщенія иноземными завоевателями.—Затѣмъ, бѣдствія западно-русской церкви начинаются не со времени раздѣленія церковей, или,—какъ выражено въ адресѣ,—не со времени „раздора, поднятаго патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ“, потому что и послѣ того еще въ теченіе двухъ почти вѣковъ православная церковь процвѣтала подъ властію князей галицкихъ, если только возможно опять называть процвѣтаніемъ ея положеніе среди языческихъ владѣній татаръ и Литвы съ одной стороны и постоянныхъ враждебныхъ натисковъ, дѣлавшихся съ *благословенія римскихъ папъ поляками*. Западная Русь и православная церковь, дѣйствительно, оказалась въ крайне бѣдственномъ положеніи, когда чисто-русскія области, а за ними и литовско-русскія поселенія стали подвергаться непрерывнымъ нападеніямъ *римско-католическаго ордена меченосцевъ* и *римско-католическихъ польскихъ королей*. Есть извѣстія, что *католическіе* завоеватели не только не привлекали къ христіанству оставшихся въ этомъ краѣ язычниковъ, а даже отталкивали отъ него свою кровожадною политикою въ литовско-русскихъ и галиц-

кихъ земляхъ. Но народъ русскій, сроднившійся уже съ православною христіанскою вѣрою,—съ вѣрою, которая была для него источникомъ его непрерывнаго духовнаго благосостоянія и его твердою опорою сначала въ объединеніи разрозненныхъ племенъ славянскихъ, а потомъ въ распространеніи истиннохристіанской культуры среди инородческихъ поселеній, этотъ русскій народъ сохранялъ свою самобытность даже и тогда, когда утратилъ свою независимость политическую. Такъ было до конца XVI вѣка,—до времени Брестской уніи, такъ прославляемой въ адресѣ галицкихъ уніатовъ. Была ли унія добровольнымъ дѣломъ всего западно-русскаго народа, на это лучшимъ отвѣтомъ служить то обстоятельство, что Брестская унія была не первою попыткою искусственнаго соединенія православныхъ и латинянъ. Ей предшествовала унія Флорентійская, которую русскій православный народъ рѣшительно отвергъ, потому что во всѣхъ попыткахъ къ единенію видѣлъ попытки латинянъ-поляковъ поработить себѣ, или, какъ выражался одинъ изъ князей Радзивилловъ, „связать Русі арканомъ живой и вѣчной неволи“. Только непрерывныя притѣсненія православныхъ, связанныя съ обѣщаніями равноправности въ государствѣ польскомъ, принудили нѣкоторыхъ честолюбивыхъ православныхъ вельможъ и епископовъ согласиться на унію, которая въ 1595 году была объявлена въ Римѣ, а въ 1596—въ Брестѣ. Въ вышеизложенномъ адресѣ говорится, что унія снова подняла западно-русскую церковь на верхъ благополучія и процвѣтанія, поставивъ ее подъ покровительство великой „матери всѣхъ церквей“,—церкви римской. Можно ли назвать процвѣтаніемъ церкви начавшееся въ ней разлѣненіе и рядъ братоубійственныхъ дѣяній, которые были совершены уніатами при поддержкѣ латино-польскаго правительства? И что получили уніаты въ замѣнъ принесеннаго папѣ подчиненія? Они добивались равноправности съ латинствомъ. Но только полное политическое ослѣпленіе можетъ утверждать, что имъ была дарована эта равноправность. Въ самомъ дѣлѣ, что побудило значительную части

юго-западной Руси искать возможности объединиться съ Московскимъ государствомъ, какъ не полное поправіе правъ его подѣ властію поляковъ. Волею Промысла значительная часть уніатовъ—русскихъ отошла къ Россіи и снова возвратилась къ вѣрѣ отцовъ своихъ, такъ легкомысленно оставленной три вѣка тому назадъ, но значительная часть западно-руссовъ осталась и теперь еще остается подѣ сильныхъ политическимъ вліяніемъ народа польскаго и до настоящаго времени напоминаетъ имъ о томъ, какъ тяжело братское разединеніе отозвалось на судьбѣ ихъ предковъ, потому что тѣ культурныя блага, которыя принесла имъ унія, въ сущности сводятся къ постепенному искорененію въ чистомъ русскомъ племени его народной самобытности. Благостояніе русскаго народа въ австрійской части Украйны (въ Галиціи) стоитъ на такой низкой степени, что даетъ поводъ,—и довольно основательный поводъ,—полякамъ утверждать, что въ настоящее время русскіе въ Галиціи вполнѣ лишены возможности жить самостоятельною народно-русскою жизнію; благодаря множеству партій, они бессильны бороться противъ твердо сплоченнаго народонаселенія польскаго. Вотъ плоды уніи: они не только не подняли значенія русскаго племени въ Галиціи, наоборотъ, принизили его до степени пришлаго народонаселенія еврейскаго, которому католики оказываютъ больше симпатій, чѣмъ русскому.

А. Б—въ.

МОРМОНСТВО.

Мормонство принадлежит къ числу самыхъ уродливыхъ явленій въ религіозной жизни американскихъ переселенцевъ изъ Европы. Возникло оно благодаря самому пустому обстоятельству въ началѣ второй четверти настоящаго вѣка. Одинъ изъ рудокоповъ въ западной Америкѣ въ 1827 г. покинулъ свою шахту, потому что, какъ онъ выражался, болѣе цѣлесообразно цѣнить людей не по золоту, добываемому изъ земли, а по золоту ихъ вѣры въ Бога. Съ этою цѣлію онъ рѣшился сдѣлаться „пророкомъ нисходящей съ неба истины“ Этотъ рудокопъ,—по имени Іосифъ Смитъ,—принадлежалъ къ широко распространявшей свое вліяніе тогда сектѣ методистовъ. Своими религіозными возбужденіями методисты доводили весьма многихъ до того напряженнаго состоянія, въ которомъ они были готовы на всѣ самыя неожиданныя дѣйствія. Методисты видѣли въ такого рода возбужденіи божественное дѣйствіе Духа Святаго. Тоже самое было и со Смитомъ.

Онъ торжественно объявилъ, что 22 сентября 1827 года ему явился ангелъ съ неба, вручилъ ему двѣ блистающихъ подобно золоту, скрижали и повелѣлъ написанное на нихъ ученіе объявить міру, какъ золотую мудрость. Воспользовавшись въ широкой мѣрѣ протестантскимъ ученіемъ о непосредственномъ откровеніи Духа Божія духу человека, І. Смитъ объявилъ себя правоспособнымъ толкователемъ слова Божія и составилъ такъ называемую „книгу Мормоновъ“ (Book of the Mormons). Нужно замѣтить, что первоисточникомъ фантастическихъ вымысловъ І. Смита послужила составленная однимъ пресвитеріанскимъ проповѣдникомъ романтическая исторія о первобытныхъ обитателяхъ Америки. Они происходили будто бы отъ Іуды и, подъ предводительствомъ своего вождя

дя Леги (Lehi), переселились въ Америку, гдѣ и образовали одно великое племя. Около 400 года послѣ І. Христа благочестивые представители этого племени вмѣстѣ съ пророкомъ Мормономъ и его сыномъ Морони были истреблены. Предъ смертію своею сынъ Мормона скрылъ въ одной пещерѣ книгу божественнаго откровенія, написанную его отцомъ и имъ самимъ на золотыхъ доскахъ, чтобы такимъ образомъ оставить по себѣ памятникъ послѣдующимъ поколѣніямъ благочестивыхъ. Рукопись этой исторіи въ подлинникѣ или въ копіи попала въ руки І. Смиту и послужила основою для его проповѣди и его перваго сочиненія. Составленная І. Смитомъ книга появилась въ свѣтъ въ Америкѣ въ 1830, въ Европѣ въ 1841, на ирландскомъ языкѣ, и, хотя ея содержаніе вполнѣ напоминаетъ дѣтскую сказку, тѣмъ не менѣе І. Смитъ нашелъ многихъ, которые повѣрили въ то, что онъ и есть тотъ великій пророкъ, которому, — согласно предсказанію Мормона, — суждено было возстановить въ Америкѣ истинное ученіе І. Христа, лично являвшагося въ Америкѣ послѣ своего воскресенія благочестивому племени „нефитовъ“. Изъ вѣрныхъ приверженцевъ І. Смита образовались общины „святыхъ“. Вслѣдствіе столкновеній со вновь прибывшими въ ту страну колонистами, мормоны были отгнаны постепенно къ западу. Первый городъ съ великолѣпнымъ храмомъ, построенный ими, былъ Наувоо въ штатѣ Иллинойсѣ. Но вслѣдствіе произведеннаго здѣсь возмущенія со стороны мормоновъ, правительство рѣшило преслѣдовать ихъ, какъ возмутителей, оружіемъ. І. Смитъ и его братъ при этомъ пали жертвою взаимнаго ожесточенія. Мормоны создали изъ нихъ мучениковъ, память которыхъ подогрѣла фанатизмъ сектантовъ и возбудила въ нихъ ревность къ распространенію мормонства. Могилы Смита, мѣсто которой извѣстно только мормонамъ, сдѣлалось для нихъ священнымъ мѣстомъ, куда они и теперь отправляются на поклоненіе.

Послѣ смерти І. Смита во главѣ мормонства сталъ Бразгамъ Юнгъ (Bragham Yong), какъ президентъ „двѣнадцати

апостоловъ“, составляющихъ верховный совѣтъ этого единственнаго въ своемъ родѣ религіозно-общественнаго явленіи Верховному совѣту подчинены 70 „старцевъ“, „первосвященники“, „старѣйшины“, обыкновенные „священники“, „учители“ и „діаконы“. Б. Юнгъ родился въ 1810 году, на 20-мъ году своей жизни онъ уже принадлежалъ къ сектѣ и съ 1833 года началъ засѣдать въ „коллегіи апостоловъ“. Какъ повѣдникъ („евангелистъ“) онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто по восточнымъ штатамъ сѣверн. Америки, былъ въ Англіи и здѣсь въ первый разъ издалъ „Библию Мормоновъ“. Потомъ онъ собралъ и издалъ въ свѣтъ мормонскій молитвенникъ и, наконецъ, выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „Тисячелѣтняя звѣзда“. Такимъ образомъ ему, какъ дѣятельнѣшему представителю секты, было вручено главенство въ ней. Онъ замѣтилъ, что жизнь мормоновъ среди другихъ колонистовъ не можетъ безпрепятственно развиваться, и счелъ необходимымъ избрать для нихъ область, гдѣ они могли бы безстѣсненій и столкновеній осуществить свои государственныя и общественныя идеалы. Съ этою цѣлію онъ предпринялъ переселеніе мормоновъ въ сравнительно пустынную мѣстность плоскогорія Утахъ, въ окрестности Солянаго озера, которая сдѣлалась для мормоновъ своего рода обѣтованною землею. Съ безпримѣрною силою воли принялись мормоны за воздѣлываніе новой страны и устройство своего главнаго города которому дано громкое имя „Новаго Сіона“ или „Новаго Іерусалима“. Переселеніе произошло въ 1847 году лѣтомъ. Два года спустя въ городѣ было 900 обитателей, а во всей странѣ (по исчисленію 1850 года) было 11,354 жителей. Черезъ 10 лѣтъ народонаселеніе почти утроилось, причемъ въ главномъ городѣ было болѣе 11 тысячъ жителей. Въ 1852 году Б. Юнгъ объявилъ такъ называемый у мормоновъ „небесный законъ о бракѣ“, или многоженство. Въ основѣ его лежала необходимость для „народа святаго“ размножаться, какъ и *секта морской. т. е. распространять истинную церковь Христову.* Въ защиту основоположеній этого закона, Юнгъ

ссылается на то, что въ Библіи будто нѣтъ нигдѣ запрещенія многоженства, какъ думаютъ „язычники“ (христіане). Число женъ по закону Юнга можетъ быть неограниченное. Кто изъ нихъ захочетъ, кромѣ одной жены жениться на другой, третьей, четвертой и т. д., тотъ долженъ получить согласіе своей избранницы, затѣмъ ея родителей или воспитателей,—что впрочемъ не необходимо. Но безъ согласія „пророка“ обойтись нельзя никакимъ образомъ. Послѣ этого совершается торжественное религіозное благословеніе („запечатлѣніе“), которое даетъ право ново-брачной вступить въ полныя права супруги хозяина дома, какъ будто она первая и единственная его жена. Изъ такой постановки дѣла видно, какъ должны быть велики власть и вліяніе пророка, безъ котораго не можетъ состояться ни одинъ бракъ.—Какъ ни страннымъ является многоженство въ средѣ цивилизованныхъ людей, тѣмъ не менѣе у мормоновъ оно стоитъ очень прочно, потому что оно есть средство къ возрастанію на землѣ царства Христова, а, слѣдовательно, и одно изъ средствъ къ достиженію небеснаго Его царства. Самыми ревностными поборниками многоженства являются представители мормонства и изъ нихъ первымъ оказывается Б. Юнгъ имѣвшій 18 законныхъ женъ и больше 40 дѣтей. Въ 1857 году Б. Юнгъ издалъ законы, которыми подробно опредѣлялось устройство государства мормоновъ (штата на плоскогоріи Утахъ). Видно, что онъ обладалъ большими организаторскими и административными способностями. Власть его въ штатѣ, губернаторомъ котораго онъ былъ призванъ официально въ 1850 году, была безгранична: онъ былъ и свѣтскимъ главою, и, одновременно съ этимъ, духовнымъ, владыкою штата до самой своей смерти въ 1877 году. Съ его смерти мормонство, какъ секта, понесло невоснаградимую потерю, потому что никто изъ его преемниковъ не былъ въ силахъ удержаться на ступени, которую занималъ онъ. Къ этому присоединились и внѣшнія обстоятельства. Умственное и религіозное невѣжество, на которомъ покоится основаніе штата мор-

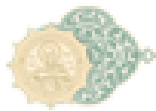

мормоновъ, не могло выдерживать борьбы съ идеями американской цивилизаціи. Уединенная, замкнутая жизнь держала мормоновъ во тьмѣ, которая стала разсѣиваться по мѣрѣ прониновенія въ ихъ „священную пустыню“ образованности. Постепенное заселеніе сосѣднихъ областей, распространеніе желѣзныхъ дорогъ и ихъ проведеніе къ центру мормонства, къ „Новому Іерусалиму“ было причиною все большаго и большаго ихъ соприкосновенія съ христіанскимъ міромъ, или, какъ выражаются сами мормоны, „съ міромъ язычниковъ“, который не остался безъ вліянія на умственный и религіозный складъ возрѣвшаго молодыхъ поколѣній мормоновъ. Старики ихъ стали вымирать, а съ ними разрушались „столпы“ мормонства. Молодые мормоны стали стыдиться своей вѣры и стали стремиться къ тому, чтобы сравняться съ сосѣдями въ образѣ своей домашней жизни. Да это необходимо и въ видахъ полного присоединенія штата къ Союзу С.-А. С. Штатовъ.

Фактически многоженство у мормоновъ въ настоящее время почти уничтожено, хотя президентъ штата и не хочетъ поддаться теченію обстоятельствъ. Впрочемъ это продолжаться долго не можетъ, такъ что скоро мормонство сдѣлается печальнымъ прошлымъ въ исторіи религіозной жизни американскаго народа, какъ явное доказательство непрочно сти измышленій человѣческой фантазіи, на которой оно было основано.

Попытки къ распространенію своей секты мормоны дѣлали неоднократно, но почти нигдѣ не встрѣтили себѣ сочувствія. Наибольшій успѣхъ они встрѣчали себѣ среди Шведовъ и Датчанъ. Въ настоящее время число ихъ простирается до 300 тысячъ. Въ Америкѣ часть мормонства пробилъ такъ что, если они не отыщутъ для себя новой „пустыни“ новой „обѣтованной земли“, имъ ихъ должно будетъ исчезнуть съ лица земли, и только величественныя постройки около Соляного озера будутъ свидѣтелями ихъ существованія.

А. Б—въ.

СВ. АМВРОСІЙ МЕДІОЛАНСКІЙ, КАКЪ ТОЛКОВАТЕЛЬ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА.

Намѣреваясь изложить экзегетическія воззрѣнія св. Амвросія Медіоланскаго на основаніи сочиненій его, посвященныхъ истолкованію Священнаго Писанія Вѣтхого Завѣта, мы считаемъ пужнымъ предварительно изложить біографію с Амвросія. Это прольетъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны изслѣдуемаго нами вопроса и дастъ намъ твердую почву для правильной оцѣнки экзегетическихъ трудовъ и воззрѣній св. епископа.

Св. Амвросій Медіоланскій происходилъ изъ знатной римской фамиліи. Предки его уже были христіанами и среди своей имѣли мученицу за Христа-Совериду ¹⁾. Отецъ его, носившій также имя Амвросія, былъ долгое время проторіанскимъ префектомъ галловъ, пользовался въ этой должности большимъ довѣріемъ императора и потому имѣлъ почти верховную власть надъ значительною частью Европы ²⁾. Здѣсь въ Галліи, въ резиденціи префекта, вѣроятно, въ Тррѣ ³⁾, въ 340 году ⁴⁾ родился св. Амвросій. Онъ былъ трет

¹⁾ Ambr. Exhortatio Virginitatis 12. 62.

²⁾ Paulini, Vita s. Ambrosii 3.

³⁾ Exhort. virg. 12, 82; De Virginitate III, 7, 39.

⁴⁾ Дата его рожденія недостаточно опредѣлена. Въ epist. LIX. 3 замечено, что ему было 53 года, и, въ то время, какъ Кампанія была спокойна „in medio versatur omnium molestiarum freto“. Это хорошо согласуется 393 г, когда Арбогастъ и Евгеній вступили въ Миланъ. Если эта дата установлена правильно, то Амвросій родился въ 340 г.

Труды Киев. Дух. Акад. Т. I. 1866 г.

имъ изъ трехъ дѣтей этого семейства. Старше его были сестра Марцеллина и братъ Сатиръ. Еще въ дѣтствѣ св. Амвросій былъ наученъ истинамъ христіанской вѣры ¹⁾. Скою жизньъ этой благочестивой семьи омрачила. На тринадцатомъ году ²⁾ (352 г.) жизни своей св. Амвросій лишился отца и вмѣстѣ съ матерью и сестрою переселился въ Рим. Это переселеніе для него имѣло то важное значеніе, что онъ здѣсь легко могъ получить соотвѣтствующее своему происхожденію образованіе ³⁾. Подобно своему отцу, онъ намѣревался посвятить свою жизнь политической дѣятельности. Въ видахъ этого, онъ усердно изучалъ языкъ греческій, что впослѣдствіи оказало ему весьма важную услугу; тщательно изучалъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, на которыхъ часто ссылается въ своихъ произведеніяхъ. Онъ цитируетъ Эврипида ⁴⁾ Софокла ⁵⁾ и Гомера ⁶⁾, подражаетъ образу рѣчи Теренці Ливія, Лукана, Тацита и особенно имъ любимаго Virgilia ⁷⁾. Ознакомился съ ученіями великихъ философовъ, изучивъ ихъ по всей вѣроятности, не въ подлинникѣ, а по Цицерону. Изучалъ произведенія іудейскихъ писателей—Иосифа Флавія Филона. Съ особеннымъ же вниманіемъ, въ видахъ намѣченной области дѣятельности, св. Амвросій изучалъ римское право и краснорѣчіе. Занятія его въ послѣдней области принесли блестящіе плоды. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на произведенія св. епископа.

По окончаніи своего образованія, Амвросій выступилъ и поприще общественной дѣятельности въ качествѣ адвоката. Благодаря своимъ связямъ и ораторскимъ способностямъ

¹⁾ Migne, *Patrologiae cursus completus, ser. lat.*, т. XIV col. 48.

²⁾ *Ibid.* col. 69

³⁾ Paulini, *Vita.* 4 и 5.

⁴⁾ *De Abr.* I, 9, 91.

⁵⁾ *Epist.* 37. 28.

⁶⁾ *De Noe.* I, 4; 16, 57; *De Abr.* II, 10, 68,

⁷⁾ *Studia Ambrosiana* p. 83 sqq.

онъ весьма скоро выдвинулся изъ ряда другихъ, такъ что преторіанскій префектъ Италіи Пробъ сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ помощниковъ, затѣмъ отрекомендовалъ его императору Валентиніану I-му, а этотъ послѣдній предоставилъ ему (374 г.) постъ правителя Лигуріи и Эмилиі, дававшій ему санъ и зпакъ проконсула. Замѣчательны, между прочимъ, слова Проба,—при отправленіи Амвросія на должность въ Миланъ,—которыя были, такъ сказать, программой и характеристикой будущей дѣятельности Амвросія и, судя по послѣдующему, какъ бы пророчествомъ. „Иди и дѣйствуй, не какъ судія, а какъ епископъ“,—такъ напутствовалъ Пробъ новаго проконсула.

Свою новую должность Амвросій проходилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ съ честностію и достоинствомъ. Между тѣмъ въ 374 г. умеръ Авксентій, аріанскій епископъ Милана¹⁾. Авксентій былъ главнымъ поборникомъ аріанства на западѣ. Послѣ его смерти аріане и православные дѣлали всевозможныя усилія, чтобы избрать ему преемника изъ своей именно среды. На обязанности Амвросія было присутствовать при этомъ избраніи, съ цѣлю подавленія возможныхъ при этомъ смятеній и водворенія мира. Онъ посѣщилъ въ церковь. Здѣсь произошло то, чего никто не могъ ожидать, а менѣе всего могъ ожидать самъ Амвросій. Когда онъ обратился къ народу съ разъясненіемъ его обязанности поддерживать порядокъ, вдругъ, по свидѣтельству его біографа, раздался голосъ ребенка: „Амвросій епископъ“. Амвросій былъ весьма популярнымъ правителемъ. Приверженцы обѣихъ сторонъ знали, что въ немъ они будутъ имѣть твердаго, честнаго и способнаго іерарха. Его высокій санъ, знатное происхожденіе и чистая жизнь пріобрѣли ему всеобщее уваженіе. Принимая голосъ ребенка

¹⁾ Православный епископъ Діонисій, изгнанный аріаниномъ Констанціемъ, умеръ въ изгнаніи въ томъ же 374 г.

а божественное внушеніе, какъ аріане, такъ и православные единодушно избрали Амвросія епископомъ.

Амвросій былъ пораженъ такимъ избраніемъ. Онъ считалъ себя недостойнымъ такого сана и свои силы не достаточными для столь тяжелаго бремени. Онъ еще не былъ крещенъ, а былъ только оглашеннымъ, имѣлъ всего 34 года и, достигши юношей высшихъ гражданскихъ должностей, никогда не думалъ вступать въ ряды духовенства. Поэтому онъ съими силами старался отклонить отъ себя такое избраніе. Подобно Златоусту, онъ скрывается отъ общества. Однако, ступая общему и рѣшительному желанію, онъ не могъ въ концѣ концовъ, противиться тому, что, какъ онъ видѣлъ изъ бстоятельствъ, было призваніемъ Божиимъ. Послѣ избранія Амвросій былъ крещенъ православнымъ епископомъ. Послѣовательно пройдя различныя церковныя должности, онъ чрезъ осемь дней послѣ крещенія, 7-го декабря 374 года, былъ освященъ во епископа.

Такъ внезапно правитель Милана сдѣлался епископомъ церкви этого города. Занявъ высокое церковное положеніе, Амвросій, чтобы исполнѣ отвѣчать своему призванію, чтобы быть не только образцомъ благочестія, но и учителемъ христіанскаго народа,—немедленно приступилъ къ тщательному изученію богословія, въ области котораго онъ обладалъ свѣдѣніями, обычными только для мірянина. Онъ откровенно сознается, что, будучи внезапно переведенъ съ гражданского трибунала на епископскую кафедру, имѣлъ лишь мало, или даже вовсе не имѣлъ богословскаго образованія, и долженъ былъ самъ предварительно научиться тому, чему призванъ былъ учить¹⁾.

Главнымъ предметомъ изученія онъ избралъ для себя Писаніе. „Я не стремлюсь присвоить себѣ“—пишетъ въ— „славы апостола, ибо кто дерзнетъ на это, кромѣ из-

¹⁾ De officio ministrorum I, 1, 4.

бренныхъ Самимъ Богомъ;—также благодати пророка, силу добродѣтели благовѣстниковъ, осмотрительности пастырей; и желаю достигнуть только одного: той рачительности и того прилежанія къ изученію Священнаго Писанія, которыя апостолъ указаль какъ послѣднюю—главную (ultimam) обязанность между обязанностями святыхъ, чтобы чрезъ эту рачительность я могъ научиться учить¹⁾.

Не имѣя возможности по своей неподготовленности и настоятельной потребности отвѣчать на всѣ запросы времени,—изучать Свящ. Писаніе путемъ самостоятельнаго изслѣдованій, Амвросій естественно стремится объять до него собранныя и извѣстныя сокровища богословскаго вѣдѣнія, прилежно изучаетъ толкованія на Священное Писаніе другихъ отцовъ и пользуется ими. Латинская отеческая литература представляла ему мало матеріала въ этомъ отношеніи. Западъ стоялъ еще далеко позади востока. Но, обладая знаніемъ греческаго языка, Амвросій имѣлъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ въ латинской литературѣ. Онъ, по свидѣтельству Августина, ревностно изучилъ труды греческихъ толкователей,—особенно Оригена и Иполита и своихъ современниковъ Дидима и Василия Великаго²⁾.

При выдающихся способностяхъ и прилежаніи, при гораздо разумномъ пользованіи временемъ,—каковыми чертами отличался св. Амвросій,—онъ, несомнѣнно, скоро могъ бы овладѣть всѣми сокровищами богословскаго вѣдѣнія и начать въ области экзегетики рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Но обстоятельства жизни церковной и соціально-политической, требовавшія отъ него многосторонней дѣятельности практической и по необходимости отвлекавшія его вниманіе отъ занятій наукой, воспрепятствовали этому.

Одновременно съ изученіемъ Свящ. Писанія и его тол-

¹⁾ De off. ministr. I, 3, 13.

²⁾ Confessiones VI, 3; Epist XLII, 1.

кованій св. Амвросій долженъ былъ вести усиленную борьбу противъ враговъ церкви, и въ частности противъ аріанъ. Аріане, содѣйствуя его избранію, думали, что, какъ человекъ міра сего, онъ охотно будетъ относиться къ нимъ съ терпимостью, но ошиблись въ этомъ. Всегда ко всѣмъ благосклонный и любвеобильный, св. Амвросій никакъ не мирился съ догматическою неправотою аріанъ. Всегда и вездѣ онъ является ревностнымъ, прямымъ и сильнымъ обличителемъ аріанства и защитникомъ истины вселенской, смѣло выступаетъ противъ противниковъ ея,—хотя бы-то и вѣнценосцевъ. Спокойно и рѣшительно (въ 385 и 386 гг.) отказываетъ царицѣ-аріанкѣ Юстинѣ въ удовлетвореніи ея требованія—передать церковь аріанамъ. Ни предупрежденія, ни угрозы, ни даже вооруженная сила не могли поколебать его рѣшенія. Онъ готовъ былъ жертвовать жизнію, но не—предать церкви—„этого наслѣдія Христа“¹⁾.

Онъ принимаетъ дѣятельное участіе на соборѣ аквилейскомъ (381 г.) противъ аріанскихъ епископовъ Палладія и Секундіана²⁾. Вообще, св. отецъ всѣ силы употребляетъ къ тому, чтобы обратить заблудшихъ на путь истины, и произведенія св. Амвросія, въ особенности письма, служатъ яснымъ доказательствомъ его энергической борьбы противъ аріанъ³⁾.

Кромѣ аріанства, св. Амвросій должинъ былъ вести борьбу и со многими другими ересями. Въ своихъ письмахъ онъ многократно обращаетъ рѣчь противъ апполинаристовъ⁴⁾ противъ Іовиніана и его учениковъ⁵⁾, противъ манихеевъ⁶⁾ и прискиллианистовъ⁷⁾.

¹⁾ Epist. 20, 12 и 21.

²⁾ Gesta concil. Aquinl. (XVI, 916 sq.).

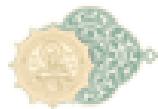
³⁾ Напр., Epist. 9, 10; 12, 13 и др. И труды его не остались безплодными „Вся Италия, пишетъ бл. Іеронимъ, „снова обратилась къ истинной вѣрѣ“.

⁴⁾ Epist. 14, 4; 46.

⁵⁾ Epist. 41.

⁶⁾ Epist. 42.

⁷⁾ Epist. 51, 6.

Древнее язычество также чувствовало на себя мощную руку св. Амвросія. По его вліявію Θεодосіємъ былъ возстановленъ эдиктъ Граціана 382 г., по которому языческіе храмы лишались правъ и преимуществъ ¹⁾, и алтарь Викторіи былъ удаленъ изъ Рима ²⁾. Пятикратное ходатайство римскаго сената предъ императоромъ не достигло своей цѣли: алтарь былъ упраздненъ, и въ этотъ разъ навсегда.

Съ безбоязненнымъ голосомъ и смѣлымъ челомъ, съ апостольскою простотою и искренностію, поднявъ свою руку для прощенія или проклятія, во имя нравственнаго закона, выступаетъ св. Амвросій и въ области жизни соціально-политической. Властнымъ словомъ онъ увѣщаетъ къ покаянію ³⁾ Θεодосія Великаго послѣ кровавой рѣзни въ Θεссалоникахъ и, когда это слово не принесло плода,—прекращаетъ съ императоромъ общеніе и воспрещаетъ ему входить въ церковь ⁴⁾, пока не принесетъ требуемаго покаянія. Онъ поочередно выдерживаетъ противодѣйствія Валентиціана I-го, Юстины, Валентиніана II-го, Максима, Евгенія, Арбогаста и самого Θεодосія; но никогда не колеблется въ своей привязанности къ императорскому дому и является вѣрнымъ его слугою и отеческимъ совѣтникомъ. Сама императрица Юстина—аріанка знала съ этой стороны св. епископа и верѣдко прибѣгала къ его помощи. По ея просьбѣ, онъ, послѣ кроваваго конца Граціана, отправляется (383 г.) посломъ ко двору ея врага—узурпатора Максима въ Триръ, заключаетъ съ нимъ миръ и тѣмъ отклоняетъ опасность ⁵⁾, какъ отъ Валентиніана II-го, такъ и отъ самой Юстины, взявшей на себя опеку надъ этимъ послѣднимъ. Въ 385 и 386 гг., несмотря на серьезный разладъ съ императорскимъ домомъ по поводу требованія его— пе-

¹⁾ Epist. 1 и 18.

²⁾ Epist. 17, 10.

³⁾ Epist. 51.

⁴⁾ De obitu Theodosii 28 и 34.

⁵⁾ Epist. 24; De obitu Valent. 28; Paulin. 19.

редать церкви въ руки аріанъ и—на распоряженія въ пользу православія со стороны узурпатора Максима,—св. Авросій снова отправляется посломъ къ Максиму и предъ лицомъ его со всею энергіею и рѣшительностью дѣйствуетъ въ пользу своего законнаго императора ¹⁾. И снова посольство его увѣчалось успѣхомъ. Такая дѣятельность св. Амвросія вызывала полное уваженіе и преданность ему со стороны императоровъ: Граціанъ умеръ съ его именемъ на устахъ ²⁾, Валентиніанъ II также глубоко чтилъ св. епископа; и хотя дружественныя отношенія ихъ, по интригамъ Юстини, по временамъ омрачались, императоръ сохранялъ уваженіе къ св. іерарху до послѣднихъ минутъ своей жизни и сильно сожалѣлъ, что не могъ видѣть его при своей кончинѣ ³⁾; Θεодосій Великій въ послѣдніе часы жизни также желалъ его присутствія ⁴⁾.

Неусыпно дѣйствовалъ св. Амвросій и на пользу меньшей братіи. Онъ отзывался на всѣ запросы этой среды. Его голосъ постоянно возвышался противъ угнетенія со стороны богатыхъ и противъ лживаго обмана нищенствующихъ ⁵⁾; онъ спасалъ преслѣдуемыхъ и избавлялъ плѣнныхъ ⁶⁾; онъ смѣло вооружался противъ всѣхъ пороковъ своего времени ⁷⁾ и т. п.

Намъ нѣтъ нужды, въ видахъ нашей задачи, подробно изображать безкорыстную любовь къ ближнимъ, благотворительность и аскетическую жизнь, неизмѣнно украшавшія св. епископа. Достаточно сказать, что личность св. Амвросія была настолько великою, что производила на всѣхъ необычайное впечатлѣніе. Онъ въ своемъ лицѣ представилъ намъ одинъ изъ высшихъ типовъ великаго христіанскаго епископа, кото-

¹⁾ Epist. 24.

²⁾ De obitu Valent. 79; ср. P. S. 61 en. 23.

³⁾ De obitu Valent. 27.

⁴⁾ De obitu Theod. 35.

⁵⁾ De offic. ministr. II, 15.

⁶⁾ Ibid.—21.

⁷⁾ De Elia 12; De Nabuthe F, 13, 5, 7.

рый своею вѣрою, добротою и безкорыстнымъ самоотреченіемъ сдѣлался оплотомъ какъ церкви, такъ и всего своего народа. Это и говорятъ слава Стилихона, сказанная о смерти св. Амвросія: „это смертельный ударъ для Италіи“ ¹⁾.

Св. Амвросій умеръ 4 апрѣля 397 года“ ²⁾.

Изъ сказаннаго видно, что за короткій періодъ дѣятельности въ санѣ епископа, при упомянутыхъ разностороннихъ и многотрудныхъ занятіяхъ, св. отецъ, конечно, не имѣлъ возможности удѣлять столько времени занятію Св. Писаніемъ, сколько онъ желалъ-бы, и не могъ достигнуть тѣхъ результатовъ въ этой области, какихъ онъ достигъ бы при иныхъ условіяхъ. Но тѣмъ не менѣе и для изученія Свящ. Писанія св. Амвросій успѣлъ сдѣлать весьма много. Борьба съ врагами церкви и отечества въ этомъ отношеніи имѣла для него даже и положительное значеніе. Она выдвинула предъ нимъ животрепещущіе вопросы экзегетики, вылилась въ задачу и направленіе ея. Объяснить темныя мѣста Свящ. Писанія, отыскать духовный смыслъ библейскихъ повѣствованій, извлекать изъ нихъ уроки и утѣшенія, столь необходимые среди тревожныхъ житейской суеты, отвѣчать на безпокойныя сомнѣнія разума и суетныя порывы сердца въ вѣкъ полный жгучихъ вопросовъ и тяжелыхъ общественныхъ бѣдствій,—вотъ тѣ вопросы и та задача, которые предстояло разрѣшать Амвросію, какъ экзегету. И онъ предавался имъ съ усердіемъ, которое никогда у него не ослабѣвало, съ настойчивостью, которая поглощала его дни и ночи, съ скромностью трогательною и чистосердечною, но въ то же время съ основательностью и твердымъ убѣжденіемъ въ истинности Христова ученія, которыя заставляли бл. Августина смотрѣть на него, какъ на одного изъ авторитетныхъ толкователей Свящ. Писанія. Плодомъ такихъ трудовъ явился рядъ экзегетическихъ трудовъ св. Амвросія, посвященныхъ истолкованію Свящ. Писанія по преимуществу Ветхаго Завета,—къ разсмотрѣнію этихъ трудовъ и перейдемъ теперь.

¹⁾ Paulin. 45.

²⁾ Ibid. 32 и 48.

I.

Экзегетическія произведенія св. Амвросія Медіоланскаго, посвященныя толкованію Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта; ихъ раздѣленіе, характеристика и время написанія. Общее замѣчаніе объ экзегетическихъ сочиненіяхъ св. Амвросія.

Всѣ произведенія св. Амвросія по истолкованію Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта могутъ быть раздѣлены на три группы: а) гомиліи, в) комментаріи и с) изслѣдованія или трактаты въ формѣ писемъ ¹⁾.

Правда, самаго термина „гомиліи“ въ произведеніяхъ св. Амвросія не встрѣчается, но значительное число ихъ запечатлѣно именно характеромъ гомилій и потому можетъ быть отнесено къ разряду ихъ. Сюда принадлежатъ слѣдующія сочиненія: ²⁾

¹⁾ Сикстъ Сиенскій (въ соч. „Bibliotheca Sancta“, Editio tertia, Coloniae 1586. Lib. quartus. p. 198.) раздѣляетъ экзегетическія произведенія св. Амвросія по внѣшней формѣ на четыре группы: in lebrros, commentarios, tractatus et epistolas. Это дѣленіе выходитъ для себя не полное оправданіе въ сочиненіяхъ св. Амвросія. При большинствѣ сочиненій его мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ надписаніе „libri“; „объясненія псалмовъ“, написанныя у Амвросія выраженіями „enarrationes“ и „expositio“, суть не что иное, какъ комментаріи; есть среди экзегетическихъ произведеній Амвросія и много изъясненій въ формѣ писемъ. Но что послѣ всего этого отнести къ группѣ трактатовъ, рѣшить трудно. Въ виду этой неопредѣленности, Кельнеръ въ сочиненіи „Der heilige Ambrosius Bischof von Mailand, als Erklärer des Alten Testaments“. Regensburg. 1893) раздѣляетъ экзегетическія произведенія св. Амвросія по характеру ихъ изложенія на гомиліи, комментаріи, изслѣдованія или трактаты и перифразы, относя къ послѣднимъ два письма—VI-е и IX-е. Мы принимаемъ это послѣднее дѣленіе, присоединяя рубрику четвертую къ третьей, въ виду общности ихъ характера.

²⁾ Творенія св. Амвросія мы цитуемъ по Манин. Они помѣщены въ XIV—XVI томахъ его „Patrologiae cursus completus“.

1) Въ высшей степени интересный и весьма важный литературно-историческій трудъ, составленный св. епископомъ въ послѣдніе годы его жизни,—*Hexaemeron* въ шести книгахъ. Здѣсь св. Амвросій изъясняетъ текстъ Библии съ присоединеніемъ обстоятельныхъ изслѣдованій характера частию спекулятивнаго, частию моральнаго, частию естественно-историческаго, частию поэтически-назидательнаго. При составленіи этого сочиненія, св. Амвросій, по свидѣтельству бл. Иеронима ¹⁾, пользовался произведеніями Оригена и болѣе Ипполита и Василия Великаго.

Въ своихъ толкованіяхъ св. Амвросій держится здѣсь главнымъ образомъ буквы Свящ. Писанія и объясняетъ почти стихъ за стихомъ, избѣгая, по возможности, толкованій аллегорическихъ. Опъ, напр., не соглашается съ Василиемъ Великимъ въ томъ, что подъ тьмою (Быт. 1, 2) можно разумѣть злую силу, подъ небомъ, твердію и водою—различныя добродѣтели (*virtutes intellegibiles, operatoariae* и *purgatorioae*), подъ звѣрами шестого дня творенія—грѣшниковъ и преступниковъ ²⁾. Но при всемъ томъ опъ не избѣжалъ и толкованія иносказательнаго: въ виду существовавшихъ въ то время ересей, св. Амвросій часто подробно останавливается на изъяс-

¹⁾ Epist. 84, 7 (XXII, 749): Nuper S. Ambrosius sic Hexaemeron illius (Origenis) compilavit, ut magis Hippoliti sententias Basiliique sequeretur. За утратою произведеній Оригена и Ипполита по вопросу о твореніи, вѣтъ возможности высказать рѣшительнаго сужденія относительно зависимости св. Амвросія отъ этихъ первоисточниковъ. Во всякомъ случаѣ относительно Оригена, судя по сохранившимся отрывкамъ изъ утерянныхъ его произведеній,—она была самая незначительная. Только въ разсужденія о томъ, въ чемъ состоитъ образъ Божій въ человѣкѣ, можно усмотрѣть пользованіе Оригеномъ. Вліяніе сочиненій Василия Великаго, напротивъ, отражается въ Шестодневѣ св. Амвросія на каждой его страницѣ. Планъ сочиненія, распредѣленіе матеріала, очень многія мысли представляють собою какъ бы общее достояніе этихъ св. отцевъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что это произведеніе, несамостоятельное по содержанію, въ переработкѣ св. Амвросія является какъ бы самостоятельнымъ. Благодаря его удивительно воспріимчивому и живому духу, заимствованное имъ изъ греко-восточныхъ источниковъ становилось какъ бы его собственнымъ достояніемъ.

²⁾ Ambr. I, 8, 28; II, 4, 17; VI, 2, 4.

неніи тѣхъ словъ и выраженій Священнаго Писанія, кото-
рыя такъ или иначе перетолковывались еретиками, и вотъ въ
сихъ случаяхъ онъ пользуется аллегорическимъ толковані-
емъ. Такъ, опасаясь, что на основаніи слова *erat* (въ изре-
ченіи: „земля же бѣ невидима и неустроена. Быт. 1. 2) ерети-
ки могутъ выводить заключеніе о вѣчности земли, св. Ам-
росій доказываетъ различными примѣрами и при помощи ал-
легоріи, что выраженіе *erat* содержитъ въ себѣ понятіе
ачала. Въ первомъ выраженіи Библии „*in principio*“ онъ
идеть указаніе на временность міра, на непостижимую бы-
готу и порядокъ творенія и, помимо того, разумѣетъ подъ
имъ Христа, чрезъ Котораго Богъ сотворилъ небо и зем-
лю ¹⁾ и т. п. ²⁾).

Но преобладающимъ толкованіемъ въ разсматриваемомъ
рудѣ св. отца является толкованіе въ смыслъ моральномъ. Мож-
но сказать, что метафизическія и физическія воззрѣнія св. Ам-
росія въ его Шестодневѣ являются какъ бы прикладными.
По выраженію Бонара, матеріальное твореніе у св. Амбро-
сія служитъ завѣсою міра моральнаго ³⁾. Повѣствованіе быто-
писателя даетъ св. отцу богатый матеріалъ для назиданія. Тра-
ва, являющаяся утромъ и усыхающая вечеромъ, представляется
его образомъ тлѣнности жизни и славы ⁴⁾, молодые аисты,
питающіе старыхъ,—живымъ примѣромъ милосердія къ роди-
телямъ; ⁵⁾ пчелы—образомъ трудолюбія, собака—вѣрности ⁶⁾
и т. п.

На ряду съ толкованіями такого рода у св. Амвросія
встрѣчаются въ Шестодневѣ и изъясненія чисто научнаго ха-
рактера. Противъ Платона, Аристототеля, Пифагора и Фале-

¹⁾ Hexameron. I. 4, 15.

²⁾ Ibid. I, 2—4; V, 1, 4; I, 10, 36 и др.

³⁾ Histoire de saint Ambroise. M. L'abbé. Bannard. Paris. 1871. p. 482.

⁴⁾ Hex. III, 6, 30.

⁵⁾ Ibid. XVI.

⁶⁾ Ibid. VI, 4.

са онъ доказываетъ, что матерія не можетъ быть вѣчною. Пантеизму однихъ и атомизму другихъ, фатализму и материализму третьихъ онъ противопоставляетъ высокое ученіе о единомъ Богѣ, абсолютно-отличномъ отъ вселенной, которую Онъ создалъ своимъ словомъ. Изложеніе этихъ заблужденій и опроверженіе ихъ имѣютъ несомнѣнное достоинство и значеніе. „Тѣ, которые въ наше время стремятся составить свое міровоззрѣніе, употребляя на это всѣ свои силы, ничего не сказали бы“—говоритъ Бонаръ—„болѣе того, что заключается въ книгахъ Амвросія“¹⁾. Должно, впрочемъ, замѣтить, что въ ряду объясненій, которыя даетъ Амвросій о дѣлѣ творенія, не разъ замѣчаются заблужденія древнихъ. Его естественно-научные взгляды представляютъ часто рѣдкое смѣшеніе научнаго изслѣдованія съ мифологическими, баснословными сужденіями. Св. епископъ держится еще ученія о четырехъ первоначальныхъ элементахъ Аристотеля—воздухѣ, огнѣ, землѣ и водѣ²⁾. Серьезно принимаетъ гармонію, которую производитъ—будтобы небо своимъ вращеніемъ около оси³⁾. Съ довѣріемъ относится къ принятымъ и господствовавшимъ среди народа баснословнымъ сказаніямъ о фениксѣ⁴⁾ и т. п. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ заблужденіяхъ и невѣроятныхъ свѣдѣніяхъ св. Амвросій раздѣляетъ общую участь своихъ современниковъ.

Вообще же Шестодневъ св. Амвросія,—несмотря на его несамостоятельность,—произведеніе рѣдкое для своего времени. Христіанское міровоззрѣніе выступаетъ здѣсь съ новою точкою зрѣнія, сравнительно съ міровоззрѣніемъ языческимъ. На мѣсто слѣпыхъ законовъ природы здѣсь выступаетъ всемогущая воля Божія. Библія считается источникомъ исполнѣ достаточнымъ для познанія природы.

¹⁾ Р. 477.

²⁾ Hex. lib. I, c. VI, p. 10.

³⁾ Ibid. lib. II c. 11 n. 7.

⁴⁾ Hex. lib. V.

2) *Liber de paradiso*. Въ этомъ сочиненіи св. Амвросій разсуждаетъ о раѣ; въ изложеніи мыслей слѣдуетъ порядку Свящ. Писанія и рѣшаетъ вопросы о томъ, что, какой и гдѣ былъ рай; что дѣлали въ немъ прародители, какъ впали они въ грѣхъ и какія послѣдствія этого послѣдняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удачно разрѣшаетъ возраженія еретиковъ-гности-ковъ и манихеевъ относительно заповѣди, данной Богомъ прародителямъ, и—грѣхопаденіи ихъ. Въ виду упомянутыхъ ересей, толкованія св. Амвросія носятъ здѣсь характеръ аллегорическій, хотя не исключительно: на ряду съ аллегоріею до-пускается и смыслъ букванный; но отъ неудачнаго сочетанія послѣдняго съ первою по мѣстамъ страдаетъ ясность выра-женія.

3) *De Cain et Abel libri duo*. Это сочиненіе стоитъ въ тѣсной связи съ предшествующимъ и является какъ бы про-долженіемъ его. Въ немъ авторъ продолжаетъ толкованіе кни-ги Бытія (4, 1—15). Характеръ этого сочиненія со стороны метода толкованія тотъ же, что и сочиненія „*De paradiso*“,— хотя въ первомъ преобладаетъ нѣсколько элементъ-аллегориче-ский. Особенное вниманіе св. епископъ удѣляетъ въ раз-сматриваемомъ трудѣ объясненію жертвъ Каина и Авеля. При этомъ, въ видахъ назиданія своихъ слушателей, онъ очень остроумно сопоставляетъ съ данными толкованія догматы цер-кви христіанской.

4) *Liber de Noe et arca* или *De arca et Noe*. Въ этомъ трудѣ св. Амвросій намѣревался „*Noe sancti vitam, mores, gesta et mentis altitudinem explanare*“. Особенное вниманіе нѣ обращаетъ на изясненіе устройства ковчега и всемірна-го потопа. При толкованіи св. епископъ устанавливаетъ сна-чала смыслъ буквальный, затѣмъ переходитъ къ смыслу ал-легорическому и заключаетъ соответствующимъ правоученіемъ. Зодержаніе, планъ и порядокъ изложенія заимствованы св. Амвросіемъ частію у Василія Великаго, частію у Филона. Воз-рѣванія послѣдняго св. епископъ облачаетъ христіанскою одеж-

дою и обогащаетъ нѣкоторыми мѣстами изъ Священнаго Писанія Новаго Завета.

5) *De Abraham*. Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ книгъ. Въ нихъ св. Амвросій представляетъ взорамъ читателей патріарха Авраама, какъ образецъ для подражанія, слѣдуя которому всякій долженъ отрѣшиться отъ пороковъ и направить всѣ силы своей души къ абсолютному совершенству. Форма изъясненія въ обѣихъ книгахъ различна. Въ первой книгѣ св. Амвросій стремится представить оглашеннымъ въ лицѣ Авраама, такъ сказать, „христіанскую катихезисъ“; во второй онъ старается проникнуть во внутренній смыслъ предмета—и этимъ назидать слушателей; первая изобилуетъ истолкованіемъ преимущественно въ смыслѣ нравственномъ, вторая—въ аллегорическомъ. Толкованія эти вмѣстѣ съ доводами, приводимыми св. Амвросіемъ въ пользу того или другого положенія, не отличаются ясностью и основательностью¹⁾, а при подробномъ раскрытіи страдаютъ искусственностью²⁾ и непоследовательностью³⁾. Причина этого лежитъ въ тѣхъ источникахъ, которыми пользовался св. Амвросій: это сочиненіе, особенно во второй части, представляетъ собою переработку сужденій Филона⁴⁾.

6) *Liber de Isaac et anima*. Въ этомъ сочиненіи св. Амвросій раскрываетъ прообразовательное значеніе Исаака и Ревекки. Исаакъ своимъ рожденіемъ и жизнью, по нему, прообразовалъ Христа, Ревекка—душу человѣка. Въ брачномъ союзѣ Исаака и Ревекки св. отецъ видитъ образъ союза Христа съ душою, возрожденною въ крещеніи. Въ видѣ иллюстраціи основной мысли, онъ приводитъ слова книги Пѣснь Пѣсней и на основаніи ея представляетъ четыре степени вос-

¹⁾ I, 4, 23, 21 и 28

²⁾ I, 4, 22, II, 8, 50, 53, 59 и др.

³⁾ I, 4, 23 и 4, 27.

⁴⁾ Подробно объ этомъ у Kellner'a стр. 101—102.

хожденія души къ Богу. Толкованіе Пѣсни Иѣсней предста- вляетъ собою много искусственнаго и для пониманія затруднительнаго. Таково въ частности представленіе о четырехъ степеняхъ внутренняго объединенія души со Христомъ. Но при всемъ томъ, это сочиненіе св. Амвросія заключаетъ много привлекательнаго и назидательнаго. Его глубокомысленныя толкованія и остроумныя сочетанія мыслей достойны всеобщаго вниманія.

7) *De Jacob et vita beata*. Это сочиненіе распадается на двѣ части,—теоретическую и практическую; первая часть учитъ какъ достигнуть блаженства, вторая—указываетъ примѣры блаженства въ библейскихъ личностяхъ. Первая часть—характера моральнаго, вторая—морально-экзегетическаго. Въ послѣдней св. Амвросій занятъ по преимуществу личностью и главными чертами жизни патріарха Іакова, при чемъ главная мысль часто теряется имъ изъ виду, и онъ какъ бы разсѣивается въ подробностяхъ. При толкованіи св. епископъ останавливается на изясненіи текста въ смыслѣ моральномъ и, по преимуществу, въ смыслѣ аллегорическо-типическомъ.

8) *De Joseph patriarcha*. Въ этомъ произведеніи св. Амвросій раскрываетъ двѣ мысли: а) Іосифъ—образецъ добродѣтели и в) Іосифъ—прообразъ Христа. Преимущественно св. отецъ останавливается на второй мысли. Онъ до подробностей анализируетъ жизнь Іосифа и его братьевъ и видитъ въ ней прообразъ будущихъ тайнъ. По аллегорическо-типическому толкованію эта книга—неоспоримо лучшая. Толкованія ея отличаются ясностью и естественностью. При всемъ этомъ не забывается назиданіе и мораль.

9) *De benedictionibus patriarcharum*. Въ названной книгѣ раскрываются и изясняются тѣ благословенія, которыя Іаковъ преподавалъ своимъ сыновьямъ. Послѣ краткой рѣчи о значеніи родительскаго благословенія, св. Амвросій по порядку Библии изясняетъ благословенія Іакова. Его толкованія здѣсь повсюду направляются къ тому, чтобы въ пророчествѣ

Іакова указати Христа и Новый Заветъ, и поэтому запечатлѣны характеромъ аллегорическо-мистическимъ. Мораль, за однимъ исключеніемъ (7, 33), совершенно упускается изъ виду.

10) *De interpellatione Iob et David*. Сочиненіе это состоитъ изъ четырехъ книгъ, въ нихъ проводятся двѣ мысли: а) плачь о тѣлесныхъ и духовныхъ бѣдствіяхъ людей вообще и в) сѣтованіе по поводу благополучія безбожниковъ и бѣдственной жизни людей богобоязненныхъ, добрыхъ. Толкованіе ведется въ смыслѣ аллегорическо-мистическомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по своему глубокомыслію и остроумію, названное сочиненіе имѣетъ особый интересъ, хотя въ общемъ не чуждо и недостатковъ. Такъ, напр., св. Амвросій здѣсь часто придаетъ словамъ и выраженіямъ текста не свойственный имъ по связи рѣчи смыслъ¹⁾. Этотъ недостатокъ толкованія объясняется тѣмъ, что св. епископъ изслѣдуетъ мысль Писанія не въ контекстѣ рѣчи, а отрывочно, выбирая мѣста, соотвѣтствующія намѣченной имъ нравственной темѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого толкованія является здѣсь и часто встрѣчающееся уклоненіе отъ главной мысли.

11) *Apologia prophetae David*—представляетъ собою обширную проповѣдь, написанную въ защиту Давида, по поводу совершенныхъ имъ преступленій—прелюбодѣянія и убійства. Основная мысль доказывается и иллюстрируется библейскими примѣрами. Толкованіе, смотря по предмету его, ведется то въ смыслѣ буквальномъ,—какъ при изъясненіи пс. 50,—то въ смыслѣ аллегорическомъ,—какъ при толкованіи нѣкоторыхъ мессіанскихъ мѣстъ изъ псалмовъ, или при изъясненіи нѣкоторыхъ библейскихъ прообразовъ.

Сравнительно меньшій матеріалъ для уясненія экзегетическихъ воззрѣній и приемовъ св. Амвросія представляютъ слѣдующія произведенія той же группы: 12) *De bono mortis*; 13) *De fuga saeculi*; 14) *De Elia et jejuniis*; 15) *De Nabuthe Ies-*

¹⁾ См. объясненіе пс. 21.

zelita и 16) *De Tobia*. Всѣ они запечатлѣны болѣе этическимъ, чѣмъ экзегетическимъ характеромъ.

Вторую группу экзегетическихъ произведеній св. Амвросія составляютъ его *комментаріи на псалмы*. Они произошли, какъ и всѣ вышеупомянутыя произведенія, изъ проповѣдей, о, несомнѣнно, должны быть отнесены къ группѣ *комментаріевъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова: объясненіе каждаго псалма представляетъ собою законченное цѣлое, въ которомъ толкованіе ведется стихъ за стихомъ. Объясненію часто предшествуетъ вступленіе съ замѣчаніями о писателѣ, названіи и цѣли псалма. Всѣхъ *комментаріевъ* этого рода сохранилась на двѣнадцать псалмовъ: 1-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й, 39-й, 40-й, 43-й, 45-й, 47-й, 48-й, 61-й и 118-й. Очень возможно, что св. Амвросій написалъ толкованіе на большее число псалмовъ: книга псалмовъ была его любимой книгою; но, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, объ этомъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Типическимъ произведеніемъ этой группы является *толкованіе на пс. 118*. Среди экзегетическихъ произведеній св. Амвросія это сочиненіе занимаетъ выдающееся мѣсто. Особенность этого псалма составляетъ алфавитизмъ. Заглавныя буквы, по Амвросію, являются какъ бы заглавіемъ каждого октонарія. Онъ обходитъ многія этимологическія толкованія и, при помощи толкованія въ смыслѣ духовномъ, приводитъ въ согласіе содержаніе октонарія съ его заглавною буквою. Въ большинствѣ случаевъ такое толкованіе изысканно и искусственно.

Образъ толкованія—какъ и во всѣхъ толкованіяхъ на псалмы: изъясняется стихъ за стихомъ. Впрочемъ, толкованія очень различны. При однихъ стихахъ они—кратки и недостаточны,—по мѣстамъ встрѣчается только одно слово въ формѣ примѣчанія; при другихъ—слишкомъ растянуты, съ его иллюстраціями при помощи библейскихъ примѣровъ. Какъ и во всѣхъ толкованіяхъ на псалмы, въ толкованіи псалма

118-го часто производится критика текста ¹⁾, привлекаются различныя толкованія ²⁾; обращается вниманіе на варианты ³⁾. Теченіе мысли въ толкованіяхъ не имѣетъ строгой логичности. Переходъ отъ одного стиха къ другому отмѣчается только выраженіемъ: *sequitur versus*. Смыслъ толкованія по преимуществу моральный, но на ряду съ нимъ встрѣчаются толкованія въ смыслѣ мистическомъ и аллегорическомъ ⁴⁾.

Относительно толкованій на псалмы, вообще, должно сказать слѣдующее. Они не для всѣхъ удобовразумительны. Уклоненія отъ главной мысли, толкованія, подобныя толкованію заглавныхъ буквъ и соотвѣствующихъ имъ октонаріевъ въ пс. 118-мъ, экзегету нашего времени могутъ показаться нежелательными. Несмотря на это, они имѣютъ свою цѣну и значеніе. Для правильнаго сужденія о нихъ нужно имѣть въ виду ту цѣль, съ которою они были написаны. Въ своихъ толкованіяхъ на псалмы св. Амвросій не имѣетъ въ виду представить толкованіе въ собственномъ, строгомъ смыслѣ научное. „Цѣль ихъ появленія“,—замѣчаетъ Фесслеръ ⁵⁾,—„научить христіанъ знанію своихъ обязанностей и воодушевить ихъ къ воплощенію этихъ послѣднихъ въ жизни чрезъ чистоту нравовъ и хожденіе въ благочестіи“. Этой цѣли толкованія на псалмы достигали въ полной силѣ.

Къ третьей группѣ экзегетическихъ сочиненій св. Амвросія должны быть отнесены тѣ изъ его писемъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ истолкованіе отдѣльныхъ мѣстъ Свящ. Писанія, разрѣшеніе разныхъ вопросовъ, возникающихъ при чтенія слова Божія и т. п. Эти довольно многочисленныя письма писались св. Амвросіемъ почти всегда въ отвѣтъ

¹⁾ Напр., 18, 40; ср. 8, 55; 9, 19; 4, 22.

²⁾ Напр., 3, 3—5; 4, 2—6; 8, 16—20; 11, 16—18.

³⁾ Напр., 9, 20; 10, 12 и 14; 17, 18—35; 19, 16 и 20 и др.

⁴⁾ Напр., 6, 2—4, 11, 4—9; 16, 17; 20, 27; 1, 7 и 5, 27; 12, 46—48; 22, 23 и др.

⁵⁾ *Institutiones patrologiae*. 1850. Г. I, p. 679.

на просьбы его друзей, искавшихъ у св. епископа разрѣшенія своихъ недоумѣній. Они представляютъ собою какъ бы отдѣльные трактаты, различные по величинѣ, но по методу толкованія всегда напоминающіе комментаріи. Къ числу писемъ св. Амвросія экзегетическаго характера могутъ быть отнесены слѣдующія: 6-е, 7-е, 8-е, 19-е, 27-е, 28-е, 29-е, 30-е, 31-е, 32-е, 33-е, 43-е, 44-е, 45-е, 50-е, 58-е, 64-е, 65-е, 66-е, 67-е, 68-е, 69-е, 70-е, 72-е.

Къ этой же группѣ должно отнести толкованіе отдѣльныхъ мѣстъ изъ Ветхаго Завета. Таковы толкованія на нѣкоторыя изреченія изъ книгъ—Исхода, Второзаконія, Екклесіаста, пророковъ—Исаи, Іереміи, Іезекіила и Даніила.

Послѣ сказаннаго объ объемѣ, раздѣленіи и характерѣ экзегетическихъ произведеній Амвросія мы должны обратиться къ вопросамъ хронологическимъ и—распредѣлить упомянутыя сочиненія по времени ихъ появленія. Къ сожалѣнію, существуетъ мало точныхъ свѣдѣній по этому вопросу, и мы принуждены ограничиться по отношенію ко многимъ изъ произведеній св. отца одними болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями.

Самымъ первымъ трудомъ св. Амвросія обыкновенно считается его сочиненіе „De paradiso“. Это сочиненіе, какъ свидѣлствуетъ онъ самъ, было написано имъ, когда онъ былъ „*pondum sacerdos*“¹⁾. А такъ какъ во епископа св. Амросій былъ посвященъ 7 декабря 374 г., то написаніе этого сочиненія можно относить къ 375 г. Къ этому сочиненію, какъ мы сказали, тѣсно примыкаетъ и составляетъ какъ бы его продолженіе сочиненіе „de Cain et Abel“. Въ началѣ послѣдняго находится упоминаніе о первомъ. Написаніе этого сочиненія поэтому также можетъ быть отнесено къ 375 или 376 гг. Къ періоду времени отъ 376 г. по 386-й можно относить появленіе сочиненій—*De Tobia*, *De interpellatione Iob*

¹⁾ Epist. 45, 1.

et David, Expositio in psalm. 118. Сочиненіе Apologia prophetae David появилось между 384 и 387 гг. О немъ упоминается въ комментаріяхъ на Евангеліе Луки ¹⁾, выпедшихъ въ 385 г.—съ одной стороны и въ немъ самомъ ²⁾ оплакивается смерть Граціана (387 г.)—съ другой. Затѣмъ слѣдуютъ одно за другимъ сочиненія: De Noe et arca, De Abraham, De Isaac et anima, De bono mortis, De fuga saeculi, De Jacob et vita beata, De Joseph patriarcha, De benedictionibus patriarcharum. Всѣ эти сочиненія сами по себѣ не представляютъ положительныхъ и неоспоримыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о времени ихъ появленія. Тѣмъ не менѣе исходную точку для этого можемъ находить въ сочиненіи De Joseph patriarcha. Здѣсь между прочимъ говорится, что библейскія исторіи о Ноѣ, Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ—*недавно* были предметомъ изслѣдованія св. Амвросія. Если такъ, то можно полагать, что всѣ эти сочиненія по времени ихъ появленія близки одному изъ другого. Сочиненіе De Joseph patriarcha,—насколько можно судить изъ его упоминанія о царедворцѣ Калипникѣ, казненномъ въ 387 г., послѣ чего и была произнесена эта проповѣдь,—появилось въ этомъ 387 г. Около этого года—одни раріѣ, другія позже—въ періодъ времени 385 или 386 по 387 или 388 г., появились, можно думать, и всѣ другія, упомянутыя въ данномъ случаѣ сочиненія. Въ болѣе поздній періодъ жизни св. Амвросія, когда онъ былъ, по его собственному выраженію *senex* ³⁾, появилось его сочиненіе *Hexaemeron*. Характеръ этого произведенія—преобладаніе толкованія въ смыслѣ буквального—подтверждаетъ ту же мысль. А церковный миръ, восстановление церковнаго единства, вступленіе въ церковь еретиковъ и язычниковъ ⁴⁾—всѣ эти обстоятельства, выпавшія на долю медіоланской и всѣхъ итальянскихъ церквей со смер-

¹⁾ III, 38

²⁾ 6, 27.

³⁾ Нох. IV, 5, 20.

⁴⁾ III, 1, 3.

цію императрицы Юстины въ 388 г. и изображенныя въ этомъ произведеніи,—даютъ намъ право относить появленіе его къ 389 или 390 г. Появленіе сочиненія *De Elia et jejuniis*, на основаніи упоминанія его о побѣдѣ Θεодосіа и Валентиніана въ Медиоланѣ надъ узурпаторомъ Максимомъ¹⁾, можно относить къ 388 или 389 г.: въ этотъ именно годъ совершился упомянутый фактъ. Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ были написаны св. Амвросіемъ сочиненія—*De Nabutha* и *Ennarationes in psalmos*. Пороки, царившіе въ обществѣ, по свидѣтельству Павлина, въ періодъ времени 394—395 гг., обличаемые въ первозомъ, и антифонное пѣніе псалмовъ, упоминаемое въ толкованіи на псаломъ первый, позволяютъ относить написаніе этихъ сочиненій къ 394 или 395 г.

Св. Амвросій былъ истинно-римская натура, склонная къ практической жизни болѣе, чемъ къ отвлеченному мышленію. Печать этой наклонности лежитъ на всѣхъ его, и въ частности экзегетическихъ произведеніяхъ. Они дышатъ теплою любовію христіанскаго сердца. Прекрасное изложеніе усиливаетъ ихъ достоинство и значеніе. Св. Амвросій съ большимъ вниманіемъ и особенною заботливостію относился къ своимъ сочиненіямъ, если намѣревался издать ихъ въ свѣтъ. Прежде, чѣмъ выпустить сочиненіе, онъ отдавалъ на разсмотрѣніе своему вѣрному другу, который долженъ былъ сообщать святителю о всѣхъ недостаткахъ и пробѣлахъ въ немъ. „Я знаю“—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ другу—„каждый можетъ обманываться относительно своихъ произведеній. Размотри, нѣтъ ли въ сочиненіи (его) фантазія и лесть, вмѣсто чистой вѣры и неприкрашеннаго ея представленія“²⁾.

¹⁾ 17, 62.

²⁾ *Epist.* 48, 1 3.

II.

Исагогика св. Амвросія.

Ученіе о значеніи Священнаго Писанія и его богодуховности.—Отношеніе св. Амвросія къ переводу ЛXX и другимъ переводамъ.—Отношеніе его къ книгамъ каноническимъ и неканоническимъ.—Свѣдѣнія о писателяхъ книгъ Вѣтахаго Завета.

Священное Писаніе, по ученію св. Амвросія, получило свое начало отъ Бога ¹⁾, и, какъ такое, превосходитъ всѣ писанія человѣческія. Оно, выражая взглядъ св. Амвросія словами Священнаго же Писанія, есть „путь, истина и животъ“. Онъ называетъ его свѣтиломъ, которое сопутствуетъ намъ на жизненномъ поприщѣ и указываетъ путь духа ²⁾. Свящ. Писаніе, по нему, есть пажить, на которой мы отдыхаемъ и укрѣпляемся; оно даетъ пищу здоровую—каковы законъ и евангеліе, и пріятную—каковы псалмы и Пѣснь Пѣсней ³⁾. Оно подобно морю, въ которое стекаются различныя рѣки: въ немъ пріятныя и чистыя воды, и свѣжіе и живительные источники, которые ведутъ къ жизни вѣчной; его слово—медъ; его изреченія орошаютъ нашу душу духовною влагою ⁴⁾. Священное Писаніе—это рай: въ книгѣ Бытія прозябають добродѣтели патріарховъ, во Второзаконіи засѣяны предписанія закона, въ Евангеліи дерево жизни приносить добрые плоды ⁵⁾. Кто предъ нимъ преклоняется, кто разгадалъ смыслъ пророчествъ, призналъ высоту Евангелія, при-

¹⁾ Объ этомъ подробно въ отдѣлѣ о богодуховности.

²⁾ Pa. 118 expos. 14, 11; Pa. 43 en. 72.

³⁾ Pa. 118 expos. 14, 2; De Cain. et Ab. II, 6. 19

⁴⁾ Epist. 2, 3.

⁵⁾ Epist. 49. 3.

нялъ къ исполненію нравственныхъ предписаній апостоловъ, тотъ пріобрѣлъ богатое для себя сокровище ¹⁾. Священное Писаніе назидаетъ насъ всему ²⁾; каждый находитъ въ немъ спасительныя средства для своихъ ранъ ³⁾; своими заповѣдами оно врачуетъ наши слабости и приноситъ намъ спасеніе ⁴⁾; оно исполняетъ насъ духовною благодатію, укрѣпляетъ насъ въ добръ и разсѣваетъ наши страсти ⁵⁾; оно для насъ—прібѣжище въ искушеніяхъ ⁶⁾.

Особенное значеніе въ дѣлѣ воздѣйствія на духовный міръ челоуѣка св. Амвросій приписываетъ псалмамъ. „Если все Священное Писаніе“—говоритъ онъ—„дышетъ благодатію Божіею, то о псалмахъ это должно сказать по преимуществу. Уже самая форма изложенія ихъ—поэтическая говоритъ за это. Тогда какъ въ книгахъ Моисея этотъ родъ изложенія встрѣчается два раза (Исх. 15 и Второз. 32), псалмы представляютъ собою непрерывную поэзію: ихъ содержаніе—пѣсни, въ которыхъ воспѣвается слава Божія и Его дѣла благія въ цѣляхъ примиренія съ челоуѣчествомъ. Какъ утренняя роса, святыя пѣсни псалмовъ ниспадаютъ съ неба и обильно напояютъ вѣру людей дождемъ духовной благодати. Въ псалмахъ мы находимъ отвѣты на всѣ вопросы жизни; каждый можетъ найти въ нихъ спасительныя средства, которыя необходимы для него именно, для уврачеванія его страстей. Желаетъ ли кто изучить исторію и подражать примѣрамъ предковъ,—все это найдетъ вкратцѣ въ псалмѣ; желаетъ ли кто изучить законъ,—въ псалмахъ онъ найдетъ заповѣдь о любви, въ которой все сосредоточивается; страшится ли кто наказанія, пусть произноситъ: „Господи, не въ ярости твоей об-

1) Ps. 118 ехрор. 2. 32.

2) Ps. 48 en. 5.

3) Ibid. и Ps. 37 en. 7.

4) Ps. 37 en 7 и Нех. 1, 8, 30.

5) De Cain et Ab. I, 6, 20; Ps. 48 en. 5.

6) De interpell. Dav. II, 4. 18.

личай меня и не во гнѣвѣ твоемъ наказывай меня“ (Пс. VI, 2), желаетъ ли кто найти примѣръ терпѣнія и кротости, пусть читаетъ Пс. VII, 5; желаетъ ли кто противостать нападеніямъ зла духовнаго, не найдетъ въ этихъ видахъ ничего лучшаго, какъ пѣть псалмы, что дѣлалъ Давидъ. Псалмы смягчаютъ гнѣвъ, разсѣиваютъ заботы и устраниаютъ печаль¹⁾.

Вообще Священное Писаніе, по ученію св. Амвросія, наша пища, наша улада²⁾, почему мы должны ежедневно читать его и подражать прочитанному³⁾. Только при этомъ условіи изольется духовный сокъ во все жилы нашей души и намъ не страшны будутъ искушенія враговъ⁴⁾; только при этомъ условіи мы не будемъ голодны духовно и ставемъ на пути къ жизни вѣчной⁵⁾.

Ученіе о богодухновенности Священнаго Писанія св. Амвросія отрывочно высказываетъ во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній.

На языкѣ св. Амвросія Библия не имѣетъ иныхъ наименованій, какъ *sacra, divina, coelestis scriptura*. Уже эти наименованія говорятъ, какъ высоко цѣнить св. отецъ книги Свящ. Писанія. Они для него—произведенія божественныя. Прежде всего, по нему, это должно сказать о книгахъ Моисея. „Моисей, по Амвросію,—когда пишетъ: „въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю“,—говоритъ какъ свидѣтель дѣлъ Божіихъ. Ибо, если онъ сказанное имъ фараону, при освобожденіи народа, воспріялъ отъ Бога (Исх. 4, 12), то тѣмъ болѣе это должно сказать относительно того, что онъ сообщаетъ о небѣ“⁶⁾. Все писанія Моисея, говоритъ св. Амвросій, основываются на божественномъ откровеніи. „Не свое писалъ въ нихъ Моисей, но то, что ему было внушено

¹⁾ Praefatio къ первому псалму.

²⁾ De Cain et Ab. II, 6, 19.

³⁾ Ps. 118 експр. 12, 33.

⁴⁾ De Cain et Ab. II, 6, 23; Ps. 118 експр. 12, 28.

⁵⁾ Ps. 118 експр. 22, 19.

⁶⁾ Исх. 1, 2, 7.

и открыто, особенно же это должно сказать о сотвореніи міра“ ¹⁾).

Таково же, по ученію св. Амвросія, и происхожденіе псалмовъ. „Что есть псаломъ?“—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „это есть инструментъ добродѣтелей, ударяя по которому плектромъ Св. Духа, досточтимый пророкъ сдѣлалъ слышными на землѣ звуки небесныя“ ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ относительно богодухновенности псалмовъ св. Амвросій высказывается яснѣе и рѣшительнѣе. Онъ даже какъ бы устраняетъ авторскую дѣятельность Давида, когда говоритъ: „Давидъ сказалъ или, лучше сказать, Тотъ, Который говорилъ чрезъ пророковъ“ ³⁾. Давидъ, по св. Амвросію, „органъ божественнаго голоса, и толмачъ слова Господня“ ⁴⁾, въ немъ говорить божественный Спаситель, говорить Св. Духъ“ ⁵⁾.

Особенное вниманіе по вопросу о богодухновенности Свящ. Писанія св. Амвросій обращаетъ на книги пророческія. И это вполне естественно. Если гдѣ, то именно здѣсь—въ дѣятельности и рѣчахъ пророковъ обнаруживается непосредственное дѣйствіе Бога на духъ человѣка. Источное начало пророчествъ св. Амвросій указываетъ въ Богѣ, І. Христѣ и Св. Духѣ. „Господь говоритъ чрезъ пророковъ“—пишетъ онъ—„поэтому они не могли ошибаться“ ⁶⁾. „Что Іисусъ возвѣстилъ чрезъ пророковъ, то онъ показалъ въ Евангеліи, и что Онъ говорилъ чрезъ пророковъ, то въ Евангеліи Самъ исполнилъ; Его слово было и словомъ пророческимъ“ ⁷⁾. „Духъ Св. сходилъ на

¹⁾ Epist. 44, 1. Non sua Moyses, sed iussa et revelata sibi scripsit, ea praecepit, quae sunt de constitutione mundi.

²⁾ Ps. I, II. Quid igitur psalmus, nisi virtutum est organum, quod sancti Spiritus plectro pangenс Propheta venerabilis coelestis sonitus fecit in terris dulcedinem resultare

³⁾ Ps. 36; en. 51.

⁴⁾ De Jac. II 9, 39: divinae organum vocis et dominici sermonis interpretas.

⁵⁾ Ps. 35 en. 1; Ps. 118 en. 21, 6.

⁶⁾ In Luc. X 22.

⁷⁾ Ps. 118 exposit. 17. 7.

пророковъ"—говорить св. епископъ—„и съ мощною силою изливался на нихъ“ ¹⁾), „Пророкъ, по ученію св. Амвросія, представляетъ собою какъ бы уста Божіи“ ²⁾).

Итакъ, книги Моисея, псалмы, книги пророческія, по ученію св. Амвросія,—книги богодухновенныя. Тоже, согласно его воззрѣніямъ, должно сказать и относительно всей Библии. Это и выражаетъ св. епископъ, когда пишетъ: „Ветхій За-вѣтъ—слово Христа“, „Новый Завѣтъ—слово Христа“ ³⁾).

Вдохновеніе и просвѣщеніе библейскихъ писателей въ большинствѣ случаевъ св. Амвросій усволяетъ третьему лицу Св. Троицы—Св. Духу ⁴⁾; затѣмъ лицу Іисуса Христа ⁵⁾; Богу Господу вообще ⁶⁾. Однажды вдохновеніе св. писателей Амвросій усволяетъ и всѣмъ тремъ лицамъ Св. Троицы ⁷⁾.

Св. отецъ рѣшаетъ вопросъ и объ условіяхъ и образѣ вдохновенія. „Къ пророчеству“—пишетъ онъ—„пророки при-готовлялись; игрою на музыкальныхъ инструментахъ они привлекали къ себѣ благодать Св. Духа“ ⁸⁾; они удалялись мірскихъ мыслей и развлеченій, чтобы быть достойными и чистыми при принятіи благодати Св. Духа“ ⁹⁾. Далѣе св. епископъ старается опредѣлить или, точнѣе, описать самый образъ вдохновенія. При указанныхъ условіяхъ со стороны пророка, „духу его“—говорить св. Амвросій—„сообщается благодать Божія,—она внезапно изливается на него; на него сходитъ Св. Духъ. Пророкъ выходитъ изъ себя, смущается, впадаетъ въ страхъ и погружается въ мракъ невѣдѣнія. Все ви-

¹⁾ De Abr. II, 9, 61.

²⁾ Ps. 118 експр. 2, 32.

³⁾ Ps. 1 en. 33.

⁴⁾ De Abr. II, 9, 61, De interpel. Iob. I, 7, 25 и 8, 26; Ps. 1 en 11.

⁵⁾ Ps. 35 en. praef. 2; Ps. 118 експр. 3. 53; Ps. 1 en. 33.

⁶⁾ Hex. I, 2, 7; De interpell. Iob. I, 8, 26.

⁷⁾ De Spiritu Sancto I, 4, 55; II, 13. 143

⁸⁾ Ps. 118 експр. 7, 26,

⁹⁾ De Abr. II, 9, 61.

димое въ мірѣ для него становится незамѣтнымъ, чуждымъ онъ слышитъ въ этотъ моментъ только божественное¹⁾. После этого, по Амвросію, выполнѣ понятными и естественными являются такіа, повидимому, странныя дѣйствія пророковъ какъ явленіе ихъ предъ народомъ безъ платья и обуви: они возвѣщали не то и не такъ, что и какъ хотѣли, но что и какъ повелѣвалъ имъ Господь²⁾.

Этимъ и ограничивается рѣчь св. Амвросія объ образѣ вдохновенія. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ ближе происходитъ общеніе Божества съ духомъ пророческимъ, у св. Амвросія остается открытымъ.

Несомнѣнно, по ученію св. Амвросія, книги Свящ. Писанія запечатлѣны характеромъ божественнымъ: они богодухновенны. Но какъ далеко простирается ихъ богодухновенность? Принимая во вниманіе изреченія св. Амвросія— „св. писатели писали не по правиламъ искусства, но по божественному внушенію, которое выше всякаго искусства: они писали то, что имъ внушалъ Св. Духъ“³⁾, мы, повидимому, имѣли бы нѣкоторое право предположить, что онъ божественное вдохновеніе простираетъ на самое искусство писанія, на букву Писанія. Но такое предположеніе находитъ себѣ опроверженіе въ дальнѣйшихъ словахъ того же изреченія. Здѣсь говорится, что правила искусства все же не

¹⁾ De Abr. II, 9, 61:... Cognoscimus, quia quando venit gratia Dei super propheticam mentem, subito irrumpit et inde incubuisse et cecidisse super prophetas Spiritum Sanctum legimus, quia excessum putitur et turbatur et timet et quibusdam ignorantiae et imprudentiae tenebris offunditur.

²⁾ Ps. 39 en. 5: Sunt et verae insaniae et forsitan prophetarum, qui in excessu mentis positi prophetabunt, repleti Dei Spiritu, ut quibusdam insanire videntur; cum propriae salutis immemores, nudi plerumque et exalceati, sicut Esaias Sanctus, per populos curreret, vocificantes non quae ipse vel lent, sed quae a Domine juberentur. Cp. Epist. 58.

³⁾ Epist. 8, 1: Non secundum artem scripserunt, sed secundum gratiam, quae supra omnem artem est; scripserunt enim, quae Spiritus eis loqui dabat.

были оставлены св. писателями¹⁾. А вопросъ св. Амвросія— „quanto examine scripturae divinae verba ponuntur?“²⁾—рѣшительно убѣждаетъ насъ въ томъ, что человѣческая сторона въ дѣятельности св. писателей—ихъ сознаніе, по его воззрѣнію, не оставалась бездѣятельною. Терминъ „examen“ можетъ быть приложимъ только къ мысли несовершенной, въ частности человѣческой: божественная мысль есть всесовершенное вѣдѣніе и, слѣдовательно, предварительныхъ размышленій и изслѣдованій по отношенію къ себѣ не допускаетъ. Названіе Давида авторомъ псалмовъ, учителемъ нравственности³⁾; указаніе историческихъ фактовъ, послужившихъ поводомъ къ написанію того или другаго священнаго произведенія, и т. п. замѣчанія, сдѣланныя св. Амвросіемъ въ своемъ иѣстѣ, въ совокупности съ сказаннымъ выше, убѣждаютъ насъ въ томъ, что св. епископъ въ дѣятельности св. писателей при вдохновеніи божественномъ не отрицалъ участія ихъ личнаго сознанія и, слѣдовательно, различалъ въ ней двѣ стороны—божественную и человѣческую. Отношеніе этихъ сторонъ, по всему вышесказанному св. Амвросіемъ, можно представить такимъ. Вдохновеніе сверхъестественное въ дѣятельности св. писателей преимуществуетъ надъ ихъ естественными силами, такъ что значеніе послѣднихъ является второстепеннымъ; но сверхъестественное воздѣйствіе не подавляетъ однакоже естественныхъ силъ человѣка и не помрачаетъ его сознанія.

При своихъ экзегетическихъ изысканіяхъ св. Амвросій, такъ не знавшій языка еврейскаго, долженъ былъ пользоваться не подлинникомъ Библии, а ея переводами, и по отношенію къ этимъ послѣднимъ, руководился не самостоятельными, а уже сложившимися на нихъ взглядами. Особеннымъ уваженіемъ въ его время пользовался переводъ LXX-ти. Большинство

¹⁾ Epist. 8, 1.

²⁾ Ps. 1 en 22.

³⁾ Ps. 118 expro. prol. 1.

церковныхъ учителей первыхъ вѣковъ, не зная языка еврейскаго, пользовались по преимуществу этимъ переводомъ. Къ тому же, сказаніе о чудесномъ происхожденіи перевода LXX-ти дѣлало его во взглядѣ нѣкоторыхъ отцевъ (напр., Августина) переводомъ вдохновеннымъ. Уваженіе къ названному переводу, естественно, раздѣлялъ и св. Амвросій,—съ тѣмъ, впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что не присоединялся къ мнѣнію о его богодухновенности. Онъ высоко цѣнитъ этотъ переводъ и признаетъ за нимъ особенное достоинство при толкованіи исторіи творенія и ставитъ выше перевода латинскаго. „Его смыслъ“—пишетъ св. Амвросій о переводѣ LXX-ти,—„отличается болѣею ясностью (сравнительно съ другими переводами) и не допускаетъ никакихъ сомнѣній“¹⁾, „онъ заслуживаетъ большаго уваженія“²⁾. „Мы не вездѣ можемъ передать совершенства выраженія греческаго языка: онъ отличается особенною силою и изысканностью“³⁾. Обращаясь къ переводу LXX-ти и сравнивая его, при помощи экзегетическихъ трудовъ своихъ предшественниковъ, съ еврейскимъ подлинникомъ, св. Амвросій находитъ въ немъ прибавленія и одобряетъ ихъ. „Не излишне“—пишетъ онъ—„LXX мужей присоединили многое къ еврейскому“⁴⁾.

Относительно пользованія со стороны Амвросія переводомъ LXX должно сказать слѣдующее. Св. Амвросій, несомнѣнно, имѣлъ его подъ руками, какъ объ этомъ и самъ онъ говоритъ⁵⁾, и пользовался имъ, что видно изъ того, что онъ, хотя одинъ разъ, все же цитируетъ его подъ этимъ именемъ⁶⁾

¹⁾ Ps. 118 expos. 9, 13: sed quia septuaginta virorum sententiae magis sequitur Ecclesia, et hic sensus est planior, et nihil offensionis admittit, quod possit aliquibus scrupulum commovere.

²⁾ De incarn. 8, 82.

³⁾ Ps. 118 expos. 12, 45.

⁴⁾ Hex. III, 5, 20: Multa non otiose a septuaginta viris Hebraicae lectiioni addita et adjuncta comperimus.

⁵⁾ De interpell. Iob. II, 6, 24.

⁶⁾ Hex. III, 5, 20; Ps. 118 expos. 9, 13.

и во многихъ случаяхъ дѣлаеть на него ссылки въ такихъ выраженіяхъ: „греческій имѣеть“, „греческій говорить“¹⁾. Что подъ этими названіями разумѣтся переводъ LXX, можно видѣть изъ сравненія текста Амвросія съ подлиннымъ текстомъ LXX. Обыкновенно встрѣчается сходство буквальное. Если же иногда бываютъ уклоненія, то они не значительны и въ сущности суть варианты одного и того же текста²⁾.

Кромѣ перевода LXX, св. Амвросій при своихъ толкованіяхъ принимаетъ во вниманіе переводы Акилы, Симмаха и рѣдко Θεοδοτία³⁾. Но эти переводы, очевидно, онъ ставитъ ниже перевода LXX. Онъ мало цѣнитъ, напр., переводъ Акилы и даже иногда съ недовѣріемъ относится къ нему⁴⁾, рѣдко обращается, какъ мы замѣтили, и къ переводу Θεοδοτία.

Пользуясь переводомъ LXX и другими греческими переводами для своихъ собственныхъ изысканій, св. Амвросій, въ видахъ пользы своихъ пасомыхъ, долженъ имѣть подъ руками переводъ св. книгъ на языкѣ, понятномъ для этихъ послѣднихъ, т. е. на языкѣ латинскомъ. При своемъ знаніи языка, онъ легко могъ и самостоятельно дѣлать переводъ съ греческаго на латинскій, но въ его время въ томъ не было настоящей нужды. Сравнительно давно уже существовало на западѣ нѣсколько переводовъ латинскихъ. Латинскій переводъ былъ въ Африкѣ уже во II в., существовалъ такой переводъ и въ Италіи,—и другихъ мѣстахъ. Это были, какъ думаютъ въ настоящее время, не рецензіи одного и того же перевода а самостоятельные переводы, хотя, можетъ быть, и не полные. Между всѣми этими переводами имѣлъ преимуществъ

¹⁾ Ps. I en 43;—36, en. 4, 39;—38 en 24 и др.

²⁾ Напр. въ лс. 118, 170, гдѣ, по Амвросію, εἰσελθὲς ἀξιώμα μου у LXX—εἰσελθὼν τὸ ἀξιώμα μου; или въ ст. 136 у перваго—κατέστησαν, вторыхъ—κατέβησαν.

³⁾ Напр. De parad. 5, 27; Ps. 36 en. 70 и повторено при Ps. 43.

тотъ, который у Иеронима носить имя „vetus editio“, „translatio vetus“ и др.¹⁾, у бл. Августина—„Itala“ (чѣмъ св. отецъ хотѣлъ показать, что переводъ, пользующійся среди другихъ переводовъ преимуществомъ, произошелъ въ Италиі) ²⁾ Этотъ переводъ былъ общеизвѣстенъ и находился во всеобщемъ церковномъ употребленіи. Онъ, несомнѣнно, былъ положенъ св. Амвросіемъ въ основу своихъ толкованій ³⁾. Противъ этого нисколько не говоритъ согласіе перевода Амвросія съ переводомъ LXX. Такое согласіе—явленіе необходимое: Itala представляетъ собою переводъ не еврейскаго подлинника, а LXX-ти

Латинскій переводъ св. Амвросій ставитъ ниже греческаго. Тогда какъ послѣдній, по его взгляду, сообщаетъ словъ Писанія силу и выразительность, первымъ подлинный смыслъ Писанія ослабляется ⁴⁾.

На ряду съ переводомъ Библии, извѣстнымъ подъ именемъ Vetus Itala, св. Амвросій пользовался и другими латинскими переводами. Онъ часто приводитъ разночтенія изъ другихъ кодексовъ и объясняетъ ихъ ⁵⁾. Что это были за кодексы,—варианты или самостоятельные переводы,—рѣшить трудно. Св. Амвросій выражается о нихъ обыкновенно неопредѣленно: „alii habent“, „alii codices habent“, „in codicibus scriptum est“ и т. п. Впрочемъ на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его сочиненій можно думать, что онъ имѣлъ дѣло въ этомъ случаѣ не только съ вариантами, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ различными переводами. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приводимыя св. Амвросіемъ въ сочиненіяхъ, при объясненіи уклс

¹⁾ Наир epist. 49, 4; epist. 57, 11.

²⁾ Kellner. s. 28.

³⁾ Kellner. s. 28.

⁴⁾ Ps. 37 en 49: *Sensus ergo nobis spectandus, est semper, quem etiam ipsum frequens translatio ex Hebraeo in Graecum, ex Graeco in Latinum a tenuare consuevit.*

⁵⁾ Наир. Ps. 45 en. 15; Ps. 38 en. 30; Ps. 18 expos. 10, 12; 10, 38; 14 29; 15, 33.

неній отъ текста, выраженія— „*alia interpretatio*“ ¹⁾, „*alia editio*“ ²⁾, а главнѣе всего замѣчаніе къ ст. 89 пс. 118-го: „*Graecus eis τὸν αἰῶνα posuit, quod diverse interpretati sunt translatores, alii „in aeternum“, alii „in saeculum“*“ ³⁾, указывающее прямо на переводчиковъ.

Въ видахъ болѣе точнаго и яснаго истолкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, св. Амвросій пользуется, хотя и изъ вторыхъ рукъ, переводами—сирскимъ ⁴⁾ и арабскимъ ⁵⁾.

Изъ сказаннаго объ отношеніи св. Амвросія къ переводамъ священнаго текста видно, что онъ со вниманіемъ относился къ нимъ, отдавая предпочтеніе должному. Жаль только, что св. Амвросій не былъ знакомъ съ языкомъ еврейскимъ. Онъ не преминулъ бы разсмотрѣть текстъ оригинальный и, благодаря этому, несомнѣнно, еще болѣе обогатилъ бы содержаніемъ свои толкованія.

По вопросу о канонѣ св. Амвросій раздѣляетъ общія для своего времени воззрѣнія. Руководительнымъ началомъ въ опредѣленіи каноническаго достоинства книгъ Священнаго Писанія для него, какъ и для его современниковъ и предшественниковъ, былъ канонъ іудеевъ ⁶⁾. Но, какъ извѣсто, у іудеевъ было два взгляда на канонъ: палестинскіе іудеи признавали каноническими только книги, находящіяся въ еврейской библии, а іудеи александрійскіе причисляли къ канону и наши пеканоническія книги. Вслѣдствіе этого и нѣкоторые церковные учителя первыхъ трехъ вѣковъ, читавшіе библию

¹⁾ Ps. 118 exрos. 15, 28; ср. 4, 15.

²⁾ *ibid.* 9, 13.

³⁾ Ps. 118 exрos. 12, 7; ср. *De fide* 4, 1: *translatores qui diverse interpretati sunt.*

⁴⁾ Нех. I, 8, 29.

⁵⁾ Ps. 37 en. 58.

⁶⁾ Напр., Мелитона, еп. Сардикійскаго, Ававасія Великаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Назіанзина, Руфина и Іеронима.

на греческомъ языкѣ, не различали строго между книгами каноническими и неканоническими, называя послѣднія, какъ и первыя, „святими“, „священными“. На основаніи сочиненій св. Амвросія трудно сказать опредѣленно, какія книги онъ считалъ за каноническія и какія за книги неканоническія трудно установить грань между тѣми другими,—и это тѣмъ болѣе, что св. Амвросій нигдѣ не даетъ полнаго перечня книгъ, признаваемыхъ имъ за каноническія. Тѣмъ не менѣе и на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя представляются въ сочиненіяхъ св. Амвросія по нашему вопросу мы имѣемъ возможность не оставить этотъ послѣдній вопросъ открытымъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾ онъ пишетъ: „Inveni Heptateuchum ²⁾, inveni Regnorum libros, inveni prophetarum scripta, inveni psalmos, inveni Proverbia, inveni Ecclesiasten, inveni Cantica Canticorum“. Сопоставляя этотъ перечень книгъ ветхозавѣтныхъ съ перечнемъ книгъ новозавѣтныхъ, который слѣдуетъ въ томъ же сочиненіи ниже („inveni admirabilem consiliarium Christum, inveni Paulum prudentem architectum“), можно утверждать, что св. Амвросій какъ въ послѣднемъ, такъ и въ первомъ случаѣ перечисляетъ книги болѣе важныя: въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что изъ книгъ новозавѣтныхъ ему были извѣстны только евангелія и посланія ап. Павла. Во всякомъ случаѣ изъ вышеприведеннаго перечня книгъ Ветхаго Завѣта видно, что къ книгамъ каноническимъ св. Амвросій причисляетъ: книги Моисея, Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царствъ, всѣхъ Пророковъ, Ездры, Псалмовъ, Притчей, Екклесиаста и Пѣснь Пѣсней. Въ этомъ перечнѣ, сравнительно съ нашимъ канономъ не достаетъ книгъ—Іова и Паралипоменонъ. Но и относительно этихъ книгъ должно сказать, что св. Амвросій смотрѣлъ на нихъ, какъ на существенныя части Священнаго Пи-

¹⁾ Ръ 118, сров. 21, 12.

²⁾ Подъ Heptateuchum св. Амвросій понимаетъ всѣ книги Ветхаго Завета, при чемъ книги Судей и Руфь считаетъ за одну книгу.

анія. Онъ часто упоминаетъ Паралипоменонъ ¹⁾, истолкованію ниги Іова посвящаетъ двѣ книги, и часто пользуется какъ ою, такъ и другою.

На ряду съ этими книгами, св. Амвросій пользуется и нигами неканоническими. Судя по его отношенію къ нимъ, можно думать, что онъ приписываетъ имъ достоинство и значеніе равное съ каноническими. Онъ часто ссылается на книгу пророка Варуха, цитируя его подъ именемъ пророка Іереи ²⁾. Изъ книгъ Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса сына Сирахова приводитъ мѣста въ доказательство своихъ положеній и называетъ ихъ scripturae ³⁾. О Товитѣ онъ асуждаетъ въ особой книгѣ и въ его добродѣтели указываетъ образецъ для подражанія. Книгу Товитъ называетъ пророческою, а Товита—пророкомъ ⁴⁾. Въ Есѣри и Юдифи представляетъ и восхваляетъ выдающійся между другими библейскими римѣрами образецъ великодушія, чистоты, разсудительности умѣренности ⁵⁾. Неканоническое прибавленіе къ книгѣ пророка Даніила служитъ для него источникомъ пользованія наравнѣ съ книгами каноническими ⁶⁾. Часто цитируетъ св. Амвросій третью книгу Ездры. На ея данныхъ онъ обосновываетъ свой трактатъ „о благѣ смерти“ и доказываетъ, что истинная обитель души за гробомъ. Ссылаясь на эту книгу, нтъ свидѣтельство ея называетъ свидѣтельствомъ Писанія ⁷⁾. Дальнѣйшее изреченіе св. Амвросія объ Ездрѣ—„онъ зналъ резъ божественное откровеніе, что праведники будутъ пребывать въ будущей жизни со Христомъ и святыми“—и употребленное имъ при цитаціи книги Ездры выраженіе—„scrip-

¹⁾ Expos. in Luc. III, 30-39; II, 89. III, 8 и 9; De fide III, 10, 69.

²⁾ De Cain et Ab. I, 9, 34.

³⁾ De Parad. 12, 54; De Jacob. II, 8, 35; De bono mortis 6, 25,

⁴⁾ De Tobia I, 1.

⁵⁾ Ps. 118 expos. 22, 23.

⁶⁾ *De Tobia I, 1, De Tobia I, 1, De Tobia I, 1.*

⁷⁾ De bono mortis 10, 45.
Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

tum est"—обычное при пользованіи цитатами изъ книгъ каноническихъ¹⁾,—также заставляетъ думать, что онъ считалъ эту книгу за книгу богодухновенную²⁾, каноническую³⁾.

Нѣсколько иное отношеніе св. Амвросія къ книгамъ Маккавейскимъ. Онъ также пользуется ими. Въ лицѣ Елеазара семи братьевъ Маккавейскихъ и ихъ матери онъ даетъ ему доказательство того, что праведникъ среди несчастій и мученій сохраняетъ силу и достоинство своего духа⁴⁾. Но при всемъ томъ, онъ нигдѣ не приводитъ изъ нихъ цитаты дословной и не именуетъ ихъ обычнымъ для книгъ каноническихъ именемъ—„scriptura“ или „scriptura sacra, divina“ и т. п. На основаніи этого можно думать, что книги Маккавейскія св. Амвросій не считалъ за книги каноническія.

Изъ сказаннаго видно, что св. Амвросій изъ извѣстнаго въ его время ветхозавѣтнаго канона не исключаетъ ни одной книги.

Въ заключеніе этой главы скажемъ нѣсколько словъ о писателяхъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, по воззрѣнію св. Амвросія. При этомъ нѣтъ нужды говорить о писателѣ каждой книги, такъ-какъ въ этомъ пунктѣ у церковныхъ учителей существуетъ въ большинствѣ случаевъ—полное согласіе. Есть только нѣсколько книгъ, относительно писателей которыхъ этого согласія нѣтъ. На нихъ мы и остановимъ свое вниманіе.

Первая книга, относительно происхожденія которой въ древности существовало разногласіе, есть книга псалмовъ. Писателемъ всей этой книги св. Амвросій считаетъ Давида. Это видно изъ того, что онъ усволяетъ Давиду написаніе та-

¹⁾ *ibid.* 11, 51.

²⁾ *Epist.* 34, 2.

³⁾ Такого же мнѣнія держались и другіе оо. первыи. Какъ книга библейская, эта книга цитируется у Варнавы, Климента Александрійскаго, Тертуліана, Григорія Нисскаго и у др. отцовъ.

⁴⁾ *Hex. II, 4, 17; De fuga saec.* 9, 52.

сихъ псалмовъ, которые ему, очевидно, не принадлежатъ—какъ напр., псаломъ 75 ¹⁾, по LXX-ти и Вульгатѣ, согласно съ первоначальнымъ текстомъ, приписываемый Асафу; пс. 41 ²⁾, надписанный именемъ сыновъ Кореевыхъ; пс. 101-й ³⁾, явившійся, какъ показываетъ содержаніе, во время Вавилонскаго плѣна. Надписаніе этихъ и другихъ псалмовъ, по Амвросію, нисколько не противорѣчитъ его положенію. Псаломъ 72-й по LXX носитъ надписаніе—„Ψάλμος τῷ Ἀσάφ“,—по Амвросію—„psalmus Asaph“. Но этотъ Асафъ, по Амвросію, есть царь Давидъ, который изобразилъ себя подъ именемъ Асафа въ состояніи паденія. Въ доказательство такого толкованія, св. Амвросій указываетъ на то, что писатель 72-го пс. представляетъ подвергавшимся многимъ страданіямъ. Это можно сказать, по нему, только о Давидѣ, такъ какъ относительно Асафа ничего подобнаго неизвѣстно. Подобнымъ же образомъ св. Амвросій пытается примирить съ авторствомъ Давида и надписаніе пс. 43-го—„filiis Core“. Сыновья Кореевы, по нему,—не авторы этого псалма, а лица ⁴⁾, которымъ онъ былъ врученъ для пѣнія. Словомъ, всѣ псалмы, по воззрѣнію св. Амвросія, песомнѣнно, творенія Давида. Такое воззрѣніе св. Амвросія, песомнѣнно, ошибочно. Но оно не было его только личнымъ мнѣніемъ: его раздѣляли и многіе другіе церковные учителя, какъ Григорій Нисскій, бл. Августинъ, Филастрій и др.

Писателями книгъ—Притчей, Екклесіаста и Пѣсни Пѣсней св. Амвросій справедливо считаетъ Соломона ⁵⁾. Но, помимо этихъ трехъ, подъ именемъ Соломона онъ цитируетъ книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова. При цитированіи послѣдній онъ ясно говоритъ одинъ разъ—„Соломонъ сказалъ“, другой разъ—„сказалъ сынъ Давида“ ⁶⁾. Чаше подъ этимъ же именемъ цитируется книга Премудрости Соломона ⁷⁾. Такая ци-

¹⁾ De Nabuthe... 14, 61.

²⁾ De interpell. Iob. I, 1, 3.

³⁾ Ibid. I, 7, 24

⁴⁾ Ps. 43 en 5.

⁵⁾ Ps 36 praef. 1; De Isaac. et an. 4, 23; Luc. exposit. prol. 2.

⁶⁾ Ps. 36 en 64; Epist 37, 5.

⁷⁾ De psalmis, 1, 6; 1, 2, 54; Ps. I, en 48; Ps. 118 exposit. 9, 11.

тація находить себѣ оправданіе въ данныхъ того времени по этому вопросу. Книга Премудрости Соломона и у LXX-ти носитъ наименованіе—„Σοφία Σολομών“. Къ тому же, какъ эта книга, такъ равно книга Премудрости Іисуса сына Сирахова вмѣстѣ съ книгами Притчей, Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней въ то время носили общее наименованіе книгъ Соломона. Соборъ Иппонскій 393 г. и Карфагенскій 397 г., равно и папа Иннокентій I въ своемъ письмѣ къ Екзуперію Тулузскому перечисляютъ пять книгъ Соломона. Неудивительно послѣ этого, если нѣкоторые учителя церкви, какъ, напр., Іеронимъ ¹⁾ и св. Амвросій многія мѣста изъ книгъ—Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса сына Сирахова цитируетъ подъ именемъ Соломона. Однакоже на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, повидимому, слѣдуетъ заключать, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ неточнымъ выраженіемъ, и что св. Амвросій не считалъ Соломона писателемъ двухъ книгъ „Премудрости“. Такъ напр., во многихъ мѣстахъ св. епископъ ясно говоритъ только о *трехъ* книгахъ Соломона и при этомъ всегда разумѣетъ книги—Притчей, Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней ²⁾. Онъ приводитъ эти книги, какъ образцы тройкаго смысла толкованія (*scriptura naturalis, moralis* и *mystica*). Правда, выраженіе св. Амвросія—„*Solomonis tres libri ex plurimis videntur electi*“ ³⁾—можетъ наводить на мысль о большемъ числѣ принадлежащихъ перу Соломона книгъ; но и оно, при внимательномъ его разсмотрѣніи, окажется не противъ ниже-слѣдующаго заключенія. Кромѣ упомянутыхъ пяти книгъ, св. Амвросіемъ подъ именемъ Соломона не упоминается ни обь одной книгѣ. Поэтому, если бы въ данномъ изреченіи св. Амвросій хотѣлъ вести рѣчь о произведеніяхъ Соломона, то, какъ

¹⁾ In. Ez. 33 (XXV. 31);

²⁾ De Isaac. et an. 4, 23; Ps. 118 expos. 1, 3; Expos in Luc. prol. 2. Последнее мѣсто гласитъ: Quod etiam tres libri Solomonis, unus de Proverbiis, alius Ecclesiastes, tertius de Canticis Canticorum.

³⁾ Ps. 36 praef.

справеоливо замѣчаетъ Келльнеръ ¹⁾, онъ употребилъ бы выраженіе не „изъ многихъ“ а „изъ пяти“ книгъ. Вѣрнѣ всего выраженіе „ex plurimis“ нужно относить ко всѣмъ книгамъ Ветхаго Завѣта и тогда приведенное изреченіе получить такой смыслъ: изъ многихъ книгъ Ветхаго Завѣта книгъ Соломона три“. Къ такому пониманію этого изреченія св. Амвросія склоняетъ насъ и свидѣтельство бл. Августина. Послѣ перечня трехъ книгъ Соломона онъ пишетъ: „о двухъ другихъ книгахъ—Премудрости Соломона и Екклесіастикъ (т. е. книги Премудрости Иисуса сына Сирахова), которыя, по ихъ сходству съ языкомъ соломониныхъ книгъ, приписываютъ Соломону, ученые не сомнѣваются, что они не принадлежатъ Соломону“ ²⁾. Ко времени Августина этотъ правильный взглядъ на спорныя книги уже установился. Очень вѣроятно, что подъ учеными, отрицавшими принадлежность Соломону книгъ—Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса сына Сирахова, бл. Августинъ разумѣлъ въ частности своего уважаемаго учителя—св. Амвросія. Все это приводитъ насъ къ тому вѣроятному заключенію, что св. Амвросій, цитируя подъ именемъ Соломона, согласно съ общимъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ, пять названныхъ книгъ, лично считалъ Соломона авторомъ трехъ книгъ—Притчей, Екклесіаста и Пѣсни Пѣсней.

Книга пророка Варуха цитируется Амвросіемъ подъ именемъ пророка Іереміи ³⁾. Писанія этихъ обоихъ пророковъ такъ тѣсно связаны между собою, что многіе церковные учители, перечисляя книги Ветхаго Завѣта, книгу Варуха не упоминаютъ отдѣльно и считаютъ за одну съ писаніемъ Іереміи. Естественно, что и св. Амвросій, пользовавшійся до него создавшимися взглядами, слѣдовалъ въ данномъ случаѣ общему обычаю, называя книгу Варуха именемъ Іереміи.

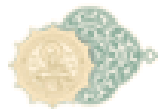
С. Лосевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ S. 22.

²⁾ De civitate Dei XVII, 20 (XLI, 554).

³⁾ De Cain et Ab. I, 9, 31; De fide I, 3, 28.

Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисоглѣбская церковь.

(Окончаніе)*).

Послѣ смерти о. Даніила Маньковцевича, послѣдовавшей осенью 1768 года, Борисоглѣбскіе настоятели часто смѣняются или, по временамъ, даже совершенно отсутствуютъ, замѣняясь временно завѣдующими приходомъ викаріями. Последнее явленіе объясняется указомъ Св. Синода отъ 22 января 1768 года, которымъ предписывалось предоставлять священно-церковнослужительскія мѣста за сиротами членовъ причта, съ обязательствомъ, чтобы временно завѣдующіе приходомъ священники оказывали помощь вдовамъ и сиротамъ¹. Сынъ и ближайшій преемникъ о. Даніила Маньковцевича Стефанъ Данилевскій настоятельствова въ Борисоглѣбскомъ приходѣ около двухъ лѣтъ и умеръ въ 1770 году во время чумы, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1769—1771 годахъ²) значительно опустошившей Борисоглѣбскій приходъ. Въ послѣднемъ въ 1769 году значилось, по исповѣдному реестру

* См. Труды Кіевск. дух. Академіи, и. февраль 1896 г.

¹) См. указаніе въ указѣ Кіев. дух. Консисто́ріи отъ 26 марта 1814 г. въ церковномъ архивѣ.

²) Исповѣдний реестръ 1770 г. въ церковномъ архивѣ. Судя по смерти, чума началась въ Кіевѣ еще съ 1769 года. О чумѣ въ Кіевѣ см. „Описаніе Кіева“, Н. Захарьскаго, 1868 г., т. 1, стр. 86 и слѣд.

иѣстъ съ причтомъ, 83 двора и 10 бездворныхъ хатъ съ 766 душами обоого пола, а въ 1770 году 86 дворовъ и 15 бездворныхъ хатъ съ 781 душею обоого пола. Смертность значительно увеличилась уже въ 1669 году: тогда какъ въ 1768 году во всемъ приходѣ умерло только 8 душъ,—въ 1869 году умерло 49, въ 1770 году 48 и въ 1771 году 20 душъ обоого пола, всего же за три года 117 души¹⁾. Но это были далеко не всѣ жертвы чумы, такъ какъ многихъ умершихъ тѣ чумы тогда хоронили тайно на дворахъ и въ садахъ, или же выбрасывали на улицу²⁾. Кромѣ того, разбѣжалось, и, вообще, исключено изъ исповѣдныхъ реестровъ около 120 челоуѣкъ. Общую убыль прихода приблизительно показываетъ исповѣдный реестръ 1776 года, въ которомъ значится въ Борисоглѣбскомъ приходѣ 72 двора и 14 бездворныхъ хатъ съ 480 душами обоого пола, т. е. приблизительно на 300 душъ меньше противъ 1770 года; и только въ 1797 году цифра Борисоглѣбскихъ прихожанъ поднялась до 673 душъ, а въ 1798 году до 757 душъ обоого пола³⁾.

Послѣ смерти священника Стефана Данилевскаго, Борисоглѣбскій приходъ предоставленъ былъ за его дѣтьми и завѣдывался викарными священниками, изъ коихъ извѣстны по документамъ: Стефанъ Юницкій до 1775 года, поручавшій въ 1773 году управленіе приходомъ нѣкому отцу Димитрію; Василій Михайловъ съ 1775 по 1780 годъ, поручавшій управленіе приходомъ священникамъ Прокопію и Роману, и священникъ Иванъ Андреевичъ Нарожницкій съ 1785 и до 1795 года. Между тѣмъ два сына священника Стефана Данилевскаго выросли, но оказались неспособными къ священству, и только второй изъ нихъ является въ 1785 году діакономъ при Борисоглѣбской церкви. Поэтому надобно по-

¹⁾ Сл. Исповѣдные реестры и метрики подъ этими годами въ церковномъ архивѣ.

²⁾ „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г., т. 1, стр. 86.

³⁾ Исповѣдные реестры за эти годы въ церковномъ архивѣ

лагать, что съ 1785 года о. Іоаннъ Нарожницкій былъ уже не наблюдателемъ Борисоглѣбскаго прихода, а дѣйствительнымъ его настоятелемъ. Когда же умеръ священникъ Нарожницкій, то Борисоглѣбскій приходъ временно наблюдали въ 1795 году пемировскій священникъ Климентъ Назаревскій и Рождественскій священникъ Александръ Козловскій, а въ 1796 году—6-го фузилернаго полку священникъ Алексѣй Котляревскій, пока, наконецъ, въ томъ же 1796 году не назначенъ былъ Борисоглѣбскимъ настоятелемъ священникъ Симеонъ Ѳеодоровичъ Александровскій¹⁾. Такая частая смѣна настоятелей и наблюдателей Борисоглѣбскаго прихода не могла не отозваться неблагоприятно и на самомъ приходѣ и церкви. Правда, усердіе прихожанъ къ храму Божию не оскудѣвало и выразилось въ цѣломъ рядѣ пожертвованій на церковь²⁾; но, повидимому, не доставало бдительнаго хозяйскаго надзора за церковнымъ добромъ. Въ 1772 году неизвѣстными ворами отбиты были, съ лѣвой стороны въ пономарнѣ алтарныя двери церкви и вынесенъ сундукъ съ церковными деньгами: деньги, въ количествѣ до 400 рублей, и полторѣ фунта серебра были похищены, а бумаги разбросаны по землѣ

¹⁾ Тѣ же реестры, метрики и обыскныя книги за означенные годы в церковномъ архивѣ. Въ 1784 году, по случаю разбора духовенства, причтъ академич. с.-ой конгрегационной Благовѣщенской церкви былъ упраздненъ, служившій съ 1780 года священникомъ при этой церкви Ѳеодоръ Филипповскій назначенъ былъ на діаконскую вакансію къ Борисоглѣбской церкви; но не поступалъ туда, а перепросился въ священника къ Мирношицкой церкви в село Братскую Борщагову. См. архивъ Кіев. Дух. Консисторіи подъ 1784 годомъ.

²⁾ Въ 1776 г. собрано было 170 руб. пожертвованій на уплату за нову приторгованную плашаницу, а въ 1780 году 161 руб. 57³/₄ коп. на новый пѣдѣльный колоколъ. (См. особую сборную книгу). Изъ частныхъ пожертвованій намъ извѣстны за это время: серебряная съ финифтяными изображеніями чаша с дискосомъ и звѣздицей, пожертвованная въ 1782 году старостою церковнымъ бунчуковымъ товарищемъ Іосифомъ Гудимомъ (Церковн. опись 1856—1866 г. л. 27 на об., № 1), и серебряная чаша съ 9-ю финифтяными изображеніями пожертвованная въ 1792 году Яворскими (Синодальн. Борисоглѣбскій, л. 74).

при чемъ „и нѣкоторыя на церковныя земли крѣпости пропали“, а именно: на пляцы Мировичевскій или Хмеляренковъ, Денежковскій, Ризинъ, Лобачевичевскій и Лобачевскій. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался кіевскій магистратъ и, такъ какъ нѣкоторые изъ церковныхъ купичниковъ не могли представить крѣпостныхъ документовъ на занимаемые ими участки земли, то съ 1774 года сталъ требовать отъ нихъ, „чтобъ подлежащія за состоящую подъ оными ихъ дворами землю купичныя деньги платили въ магистратъ, а не въ Борисоглѣбскую церковь“. Такихъ купичниковъ оказалось пять, кои платили отъ 28 до 31 копѣйки въ годъ. Въ 1780 году за Борисоглѣбскую церковь вступился прихожанинъ ея „господинъ бургомистръ и депутатъ Іосифъ Гудимъ съ товарищи“, по представленію котораго магистратъ навелъ справки по городскимъ купичнымъ книгамъ о принадлежности означенныхъ участковъ Борисоглѣбской церкви въ прежнее время, велѣлъ обмѣрять эти участки магистратскимъ аршиномъ и возратить Борисоглѣбской церкви купичныя деньги за эти участки въ количествѣ 6 руб. 75 копѣекъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе сборъ купичныхъ церковныхъ денегъ постепенно падалъ и въ 1809 году упалъ до 12 рублей²⁾. Въ 1790 году,—какъ надо полагать,—сгорѣла или, по ветхости, разобрана старая деревянная Борисоглѣбская церковь³⁾.

Молодой священникъ Александровскій, поступившій на Рождество-Предтеченскій приходъ въ 1796 году, въ свое не-

¹⁾ Въ церковномъ архивѣ, документы въ шнуровой тетради № 1 и 11.

²⁾ Тамъ же, приходорасходная книга съ 1809 г., л. 2.

³⁾ Кіевскій митрополитъ Евгений показываетъ, что церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба сгорѣла въ 1790 году, а М. Θ. Берлинскій относитъ это обстоятельство къ 1699 (1799) году. По другимъ свѣдѣніямъ, эта церковь была разобрана въ 1799 году. См. „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г., т. I, стр. 203 и 204. Но въ церковной описи 1796 г., хранящейся въ церковномъ архивѣ, о Борисоглѣбской церкви уже не упоминается; слѣдовательно, она упразднена раньше этого года, вѣроятно въ 1790 году.

продолжительное настоятельство успѣлъ сдѣлать многое для блага своей церкви и прихода. Въ годъ поступленія его въ приходъ составлена была новая опись церковному имуществу переписанная и восполненная въ 1802 году¹⁾; въ 1799 год капитально отремонтирована церковная школа; въ 1800 год перестроена деревянная колокольня на каменномъ фундаментѣ; въ 1802 году сдѣлана ограда двинтаря, произведен починка верхней бани на церкви²⁾ и куплена у діакона кіевскаго Подольскаго Успенскаго собора Павла Стефановскаго его жилища, стоявшая на церковномъ погостѣ, за 150 рублей³⁾. Пріемъ же, въ память упраздненной въ 1790 году деревянной Борисоглѣбской церкви, пристроенъ былъ въ 1802 году къ Предтеченской церкви съ сѣверной ея стороны, тестемъ священника Александровскаго, гражданиномъ Климентомъ Ивановичемъ Тернавскимъ теплый каменный придѣлъ, который, — кстати замѣтимъ, — испортилъ собою видъ и планъ Рождества Предтеченскаго храма. Иконы и утварь упраздненной Борисоглѣбской церкви переданы въ Рождество-Предтеченскую церковь⁴⁾ и помѣщены частію въ Борисоглѣбскомъ придѣлѣ. Из иконъ особеннаго вниманія заслуживаютъ икона св. Николая, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ древнѣйшую святыню Борисоглѣбской церкви, можетъ быть, относящуюся еще къ XVI вѣку, и рѣзная икона Черниговской Богоматери. Обѣ эти иконы находятся теперь въ кладовой или пономарь

¹⁾ Описи эти — въ церковномъ архивѣ, въ одной переплетенной книгѣ.

²⁾ Приходо-расходная книга съ 1796 года въ церковномъ архивѣ, л. 47, 10 — 11.

³⁾ См. росписку Стефановскаго отъ 10 октября 1802 года въ церковномъ архивѣ.

⁴⁾ „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г., т. I, стр. 203 и 204. — Мнѣ же прочимъ, передана серебряная позолоченная чаша съ крышкою и лжицею, данная въ 1690 году Борисоглѣбскимъ ктителемъ Григоріемъ Воронковичемъ См. церкви. опись 1856—1866 г., л. 28, № 3. О томъ, что о. Александровскій жевать былъ на дочери К. Тернавскаго, см. „Вѣдомость о церкви“ 1844 г. церковн. архивѣ.

Борисоглѣбскаго придѣла ¹⁾. Изъ намѣстныхъ иконъ нынѣшняго Борисоглѣбскаго придѣла современна его построенію только икона святыхъ Климента, папы римскаго,—патрона строителя придѣла Климента Тернавскаго,—и празднуемаго съ нимъ въ одинъ день Петра Александрійскаго; но эта икона и немного больше по объему, и гораздо новѣе намѣстныхъ иконъ Спасителя и Богородицы и храмовой Бориса и Глѣба, хотя уже и подновленныхъ въ 1848 году, которыя, поѣтому, первоначально должны были принадлежать еще старой деревянной Борисоглѣбской церкви. По всей вѣроятности, это—тѣ самыя иконы, которыя въ ктиторскихъ реестрахъ упоминаются еще въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ иконы св. Владиміра ²⁾, которая замѣнена теперь иконою святыхъ Климента, папы римскаго, и Петра Александрійскаго. За свое усердіе къ храму Божию священникъ Александровскій награжденъ былъ въ 1802 году саномъ протоіерея ³⁾. Въ 1806 году онъ покрылъ Предтеченскую церковь желѣзомъ ⁴⁾ и получилъ отъ маіора Георгія Даниловича Савойскаго записъ на полученіе ежегодно по 35 рублей въ пользу церкви и причта „на вѣчное сорокоуственное поминовеніе съ ежесубботними панафидами“ ⁵⁾; но въ томъ же 1806 году заболѣлъ тяжело и скончался въ 1807 году ⁶⁾.

¹⁾ Описаны въ церковной описи 1856—1866 гг., л. 80.

²⁾ См. Ктиторскіе реестры въ церковномъ архивѣ: реестръ 1657 г., л. 2, и реестръ 1696—1699 гг., л. 2 на обор.

³⁾ Въ приходорасходной книгѣ съ 1796 г., подъ 1802 годомъ онъ подписывается уже протоіереемъ.

⁴⁾ Тамъ же, л. 16.

⁵⁾ На жестяной поминальной таблицѣ съ ручкою, на оборотѣ сдѣлана такая записъ: „Таблица маіора Георгія Даниловича Савойскаго на вѣчное сорокоуственное поминовеніе съ ежесубботними панафидами. За трудъ же священнослужителямъ съ причетными получать вѣчно ежегодно генваря 20-го дня с Кіевоподольской Рождественской церкви отъ священника и ктиторей по 35 рублей, с коньхъ на церковь и свѣчи, на дахонъ 5 рублей. Въ церковь Борисоглѣбскую“. Въ настоящее время денегъ по этой записи не получается.

⁶⁾ См. подписи въ приходорасходной книгѣ съ 1796 г., въ церковномъ архивѣ подъ этими годами.

Протоіерей Симеонъ Александровскій оставилъ послѣ себя вдову Параскевію Климентову съ сиротами—одной дѣвочкой и двумя мальчиками. Преемникъ о. Александровскаго по Рождество-Предтеченскому приходу, священникъ Евѳимій Грушинскій, кажется, жепатый на родственниці протоіерейши Александровской, далъ 18 октября 1809 года обязательство выдавать семейству покойнаго протоіерея Александровскаго, независимо отъ епархіальнаго пособія въ 25 рублей въ годъ, по 125 рублей съ прихода, до тѣхъ поръ, пока дѣвица Александровская не выйдетъ замужъ, а мальчики не достигнутъ 12-лѣтняго возраста и не поступятъ въ академію для наукъ. О. Евѳимій Грушинскій былъ на Рождество-Предтеченскомъ приходѣ до 1814 года, въ которомъ и скончался¹⁾. Въ самомъ началѣ его настоятельства здѣсь, именно въ 1809 году, стали строиться, по плану, деревянные ряды лавокъ на мѣстѣ нынѣшняго кievоподольскаго гостиннаго ряда, съ обязательнымъ отчужденіемъ земельныхъ участковъ частныхъ лицъ подъ застройку этихъ рядовъ. Въ числѣ частныхъ владѣльцевъ такихъ участковъ на этомъ мѣстѣ былъ и кievскій мѣщанинъ Осипъ Огіевскій, купившій здѣсь въ 1808 году съ публичныхъ торговъ пустопорожнее мѣсто съ двумя старыми небольшими избами за 550 рублей. Взамѣнъ этого мѣста, отходившаго подъ деревянные ряды, Огіевскому отведенъ былъ начальствомъ другой участокъ земли Дегтяревскій, принадлежавшій Борисоглѣбской церкви, съ предоставленіемъ ему права выстроить на этомъ новомъ мѣстѣ двѣ лавки на собственный счетъ. Узнавъ о семъ, священникъ Грушинскій и прихожане Рождество-Предтеченской церкви просили учрежденную въ Кіевѣ для управленія городскихъ доходовъ и расходовъ Коммиссію предоставить самой церкви выстроить на Догтяревскомъ пляцу лавки церковнымъ коштомъ. Коммиссія, отъ 24

¹⁾ Указъ Кіевской дух. Консисторіи отъ 26 марта 1814 г. въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

октября 1809 года, отвѣтила, что, ежели бы вомѣсто Огіевскаго позволить церкви выстроить тѣ лавки церковнымъ коштомъ, значило бы Огіевскаго лишить 550 рублей, уплаченныхъ имъ за помянутый домъ, къ чему приступить Коммиссія не находить никакой надобности и резона“. Посему Коммиссія возвратила прошеніе священника Грушинскаго и прихожанъ назадъ, съ тѣмъ, что буде имѣть какая либо церковь притязанія на землю подъ домомъ Огіевскаго и были получаемы за нее какіе либо въ пользу церкви доходы, то она и можетъ получать ихъ съ Огіевскаго тѣмъ же самымъ количествомъ за оставшуюся у Огіевскаго часть земли, какіе были получаемы за цѣлый домъ, въ чемъ Огіевскій имѣетъ быть обязанъ подпискою“ ¹⁾. Въ 1810 году, при священникѣ Грушинскомъ, покрыта была желѣзомъ теплая придѣльная Борисоглѣбская церковь ²⁾, а 24 іюня того же года, на храмовой праздникъ Предтеченской церкви, совершалъ въ ней служеніе кievскій митрополитъ Серапіонъ ³⁾.

При священникѣ же Грушинскомъ произошелъ 9 іюля 1811 года страшный пожаръ въ Кіевѣ, истребившій почти всю кievоподольскую часть города. „Изъ всѣхъ церквей и публичныхъ зданій,—говоритъ Н. В. Закревскій,—которыя существовали на Подолѣ, не было почти ни одного, которое не пострадало бы отъ этого страшнаго пожара. Церкви Спасская, стоявшая на лѣнѣшней Спасской улицѣ, Вознесенская близъ Флоровскаго монастыря и Святодуховская, находившаяся на берегу Днѣпра, были совершенно истреблены огнемъ; отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Нѣкоторые кievляне рассказывали, что обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь и даже колокольня, загроможенные по-

¹⁾ Въ церковномъ архивѣ документы 19 и 24 окт. 1809 г. подъ этимъ годомъ.

²⁾ Расходная книга съ 1809 г. въ церковномъ архивѣ, л. 4 на обор.

³⁾ „Кievская Старина“, іюль, 1884 г. стр. 443.

житеями воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей, представляли собою наибольшую пищу для губительнаго пламени“¹⁾. Счастливей была Рождество-Продтеченская перковь съ немногими другими кievоподольскими церквами и монастырями. „Добрый Николай съ иконостасомъ уцѣлѣлъ“—писалъ объ этомъ пожарѣ извѣстный протоіерей Іоаннъ Леванда,—„ризица Братская отчасти пострадала; Флоровская цѣла; Успенская и Борисоглѣбская также, а другія погорѣли“²⁾. Но церковь и ея имущество все-таки пострадали, частию во время пожара, частию вскорѣ послѣ него. Въ 1820 году Рождество-Предтеченскій священникъ Онуфрій Колтоновскій писалъ въ своемъ прошеніи о бывшемъ въ 1811 году старостою этой церкви Стефанѣ Маіоренкѣ, что онъ въ бытность его помянутаго прихода и церкви старостою, 1811 года, 9 іюля, при случившемся тогда сильномъ пожарѣ, не соблюлъ, по должности своей, церковнаго имущества, старостѣ въ обязанности слѣдуемаго, да и послѣ того пожара церковнаго добра значительная часть похищена дьячкомъ, стороннимъ и неизвѣстнымъ въ совѣсти человѣкомъ, принятымъ къ церкви священникомъ Грушинскимъ и старостою Маіоренко“³⁾. Во время этого пожара, иконостасъ и все церковное имѣніе перевезены были на берегъ Днѣпра⁴⁾, при чемъ повреждена была, при выносѣ изъ церкви, рѣзба иконостаса; послѣ же пожара уворовано съ намѣстной иконы Богородицы въ Предтеченской церкви монисто черное графатовое, состоявшее изъ 23 зеренъ, съ четырьмя голландскими червонцами, однимъ полуимперіаломъ и сребрянымъ крестикомъ съ камушками на леп-

¹⁾ „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г. т. 1, стр. 117.

²⁾ „Кіевскіе Епарх. Вѣдом.“, 1878 г., № 13, стр. 373.

³⁾ Въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

⁴⁾ Тамъ же, церковная опись имущества, оставшагося послѣ 1811 года, л. 4 па об., 13 и 14.

гѣ¹⁾. Дома священно-церковнослужителей, бывшіе на церковномъ погостѣ, погорѣли. Сгорѣлъ домъ вдовы протоіерея Александровскаго Пелагіи, а священникъ Грушинскій, отстраиваясь вновь, задолжалъ 1500 рублей и прекратилъ выдачу вдовой протоіерейшѣ Александровской пособія по 125 рублей въ годъ. Приходъ Рождество-Предтеченскій тоже опустошенъ былъ пожаромъ и заключалъ въ себѣ въ 1814 году 241 душу обоюго пола²⁾, а въ 1819 г. 36 дворовъ съ 295 душами обоюго пола³⁾. Но послѣдствіемъ пожара 1811 года было также и нѣкоторое увеличеніе Рождество-Предтеченскаго прихода присоединеніемъ къ нему въ 1815 году прихода и имущества сгорѣвшей въ 1811 году Свято-Духовской церкви.

Когда основана кіевоподольская Свято-Духовская церковь,—съ точностію неизвѣстно. Но въ 1613 году ея еще не было, такъ какъ въ числѣ кіевоподольскихъ священниковъ, поочередно совершавшихъ богослуженіе въ кіевоподольскомъ Успенскомъ соборѣ, не значится священникъ Свято-Духовскій⁴⁾. Въ первый разъ упоминается о кіевоподольской Свято-Духовской церкви въ духовномъ завѣщаніи кіевского мѣщанина Семена Михайловича Татарина, т. е. обратившагося въ православіе изъ татаръ, отъ 12 января 1632 года, гдѣ онъ, между прочимъ, записываетъ Свято-Духовской церкви сто золотыхъ польскихъ и Борисоглѣбской церкви 30 коп. грошей литовскихъ. Семень Татаринъ записываетъ также извѣстную сумму денегъ духовнику своему, бывшему Духовскому, а въ 1632 году Притиско-Никольскому священнику⁵⁾. Слѣдовательно, Свято-Духовская церковь существовала и до 1632 года. Первыми Свято-Духовскими священниками были: Григорій Іо-

¹⁾ Тамъ же, церк. описъ имущества, составл. послѣ 1811 года, л. 4 па оборотѣ, 13 и 14.

²⁾ Указъ Кіев. Дух. Консисторіи отъ 26 марта 1814 г., въ церковн. архивѣ.

³⁾ Исполнѣный реестръ за 1819 годъ, въ церковномъ архивѣ.

⁴⁾ „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, Кіевъ, 1848 г., стр. 83.

⁵⁾ „Кіево-Братскій утилитный монастырь“, Н. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 335.

аннъ Гоголевичъ, Сергій, умершій въ 1696 году, и Стефанъ Новосельскій, который въ 1699 году завелъ Свято-Духовскій Синодикъ или Помянникъ ¹⁾. Въ 1718 году Свято-Духовская деревянная церковь сгорѣла ²⁾ и въ 1721 году вновь выстроена на сумму кіевской мѣщанки вдовы Домникии Григорьевой Андреевской ³⁾. Въ 1740 году въ Свято-Духовскомъ приходѣ считалось 47 дворовъ со 160 душами обоюго пола ⁴⁾. Въ 1748 году Свято-Духовская церковь оказалась дотою тѣсною, что могла вмѣщать въ себѣ лишь малое число людей, вслѣдствіе чего она въ этомъ году расширена пристройками, и вокругъ оной устроено опасанье, т. е. крытая галлерея. Въ вѣдомости 1784 года сказано, что она имѣла ограду деревянную ⁵⁾. Изъ священниковъ Свято-Духовской церкви въ XVIII вѣкѣ извѣстны: Іоаннъ Кислый 1738 года ⁶⁾, Петръ Емельяновъ 1740 года ⁷⁾, Григорій Климовичъ, умершій въ 1765 году, викарный священникъ Прокопъ Барскій съ 1867 года, Филиппъ Бережницкій съ 1780 до 1788 г., Моисей Зражевскій, протоіерей съ 1788 до 1889 г., Ѳеодоръ Онисченко съ 1789 до 1790 г. и съ 1790 г., изъ студентовъ философіи Кіевской Академіи, Симеонъ Павловскій ⁸⁾, который и настоятельствовавъ въ Свято-Духовской церкви до самаго пожара 1811 года, истребившаго какъ эту церковь, такъ и бывшія при ней колокольню и школу. Послѣ этого пожара, священникъ Павловскій, вмѣстѣ съ Свято-Духовскими прихожанами, просили о причисленіи ихъ на время къ Рожде

¹⁾ Синодикъ Свято-Духовскій, 1699 г., въ церковн. архивѣ, л. 1, 10, 14, 16, 22, и 23.

²⁾ „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западно Россіи“, Кіевъ. 1888 г., стр. 53 и 54.

³⁾ „Вѣдомость“ 1784 г. въ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 9, стр. 5.

⁴⁾ Исповѣданный реестръ Духовской церкви, 1740 г., въ церковномъ архивѣ.

⁵⁾ Описание Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г., т. I, стр. 204.

⁶⁾ Синодикъ Борисоглѣбской церкви, 1673 г., л. 23.

⁷⁾ Исповѣданный реестръ Духовской церкви за 1740 годъ, въ церковномъ архивѣ.

⁸⁾ Метрики Свято-Духовской церкви за означенные годы, въ церковномъ архивѣ.

ство-Предтеченскому приходу, но на это не согласился Предтеченскій настоятель Грушинскій. Тогда священникъ Павловскій, какъ человекъ вдовый и не имѣющій малолѣтнихъ дѣтей, опредѣлился, впредь до пріисканія мѣста, въ число братіи Кіево-Братскаго монастыря и передалъ ему иконостасъ своей церкви. Этотъ иконостасъ помѣщенъ былъ въ трапезной церкви Кіево-Братскаго монастыря, которая, вслѣдствіе этого, и переименована была изъ Борисоглѣбской въ Свято-Духовскую ¹⁾. Въ Кіево-Братскомъ монастырѣ священникъ Павловскій жилъ до 1814 года, то есть до смерти Рождество-Предтеченскаго священника Грушинскаго.

По смерти о. Евфимія Грушинскаго, въ Рождество-Предтеченскомъ приходѣ оказались двѣ священническія вдовы съ несовершеннолѣтними дѣтьми: прежняя Пераскевія Александровская и новая Татіана Грушинская, послѣдняя съ двумя дѣтьми, дѣвочкой пяти и мальчикомъ четырехъ лѣтъ. Обѣ онѣ имѣли право на пособіе отъ прихода, въ силу указа Св. Синода отъ 22 января 1768 года, и обѣ указывали своихъ кандидатовъ на Рождество-Предтеченскій приходъ, готовыхъ помогать той или другой вдовѣ. Протоіерейская вдова Александровская, ссылаясь на обязательство преемника ея мужа по приходу, священника Езонмія Грушинскаго, уплачивать ей по 125 руб. въ годъ, желала такого же пособія и отъ будущаго преемника отцу Евонмію и указывала кандидата на это преемство въ своемъ зятѣ, діаконѣ Добро-Николаевской церкви Онуфріѣ Колтоновскомъ, который, притомъ же, окончилъ въ Кіевской Академіи богословіе съ превосходными успѣхами и, кромѣ того, „отмѣнно рачительно исправлялъ въ академическомъ правленіи дѣла съ добропорядочнымъ и благонравнымъ поведеніемъ“, и, слѣдовательно, былъ человекъ аккуратный, благонравный и учительный. Указомъ же Св. Сино-

¹⁾ Указъ Кіев. Дух. Консисторіи отъ 26 марта 1814 г., въ церковномъ архивѣ; „Кіево-Братскій училищный монастырь“, Н. Мухина, Кіевъ, 1893 г., стр. 205 и 209.

да отъ 26 января 1768 года предписывалось, при опредѣленіи на священнослужительскія мѣста, отдавать предпочтеніе учительнымъ людямъ предъ неучительными. Въ крайнемъ случаѣ, если бы на Рождество-Предтеченскій приходъ назначенъ былъ не Колтоновскій, а священникъ Павловскій, Александровская просила обязать послѣдняго, чтобы онъ одинаково помогалъ какъ вдовѣ Грушинской, такъ и ей, Александровской. Священническая вдова Грушинская, съ своей стороны просила о назначеніи на Рождество-Предтеченскій приходъ Свято-Духовскаго священника Симеона Павловскаго, который на основаніи § 25 прибавленій къ Духовному Регламенту имѣлъ преимущественное право на занятіе какого либо прихода, какъ безмѣстный священникъ, и сверхъ того, обязывался, въ случаѣ соединенія Духовскаго и Предтеченскаго приходовъ, давать вдовѣ Грушинской съ ея дѣтьми половинную часть доходовъ, до возраста ея дѣтей и до уплаты ею долговъ ея мужа, и съ предоставленіемъ ей Грушинской права когда дочь ея достигнетъ совершеннолѣтія, „пріискать къ ней достойнаго человѣка къ занятію при Предтеченской церкви втораго священническаго мѣста“. За Грушинскую и Павловскаго ходатайствовали предъ кіевскимъ митрополитомъ Серапіономъ и Рождество-Предтеченскіе прихожане, и генералъ-майоръ, кіевскій комендантъ, правящій здѣсь должность военнаго губернатора и кавалеръ Александръ Осиповичъ Массе а за Александровскую и зятя ея діакона Колтоновскаго—частію Рождество-Предтеченскихъ прихожанъ съ отцомъ Александровской, строителемъ церкви, Климентомъ Тернавскимъ во главѣ.

Кіевская Духовная Консисторія рѣшила дѣло въ пользу вдовы Грушинской и священника Павловскаго, кажется, по тому особенно, что съ такимъ рѣшеніемъ соединялось вмѣстѣ и рѣшеніе вопроса объ упраздненіи сторѣвшеі Свято-Духовской церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставила значительныя льготы и вдовѣ Александровской и зятю ея діакону Колтонов-

скому. 13 февраля, 1814 года, Кіевская Дух. Консисторія постановила по этому дѣлу слѣдующее рѣшеніе: 1) „Духовскую сгорѣвшую церковь упразднить, а ея прихожанъ включить въ Предтечевскій приходъ; 2) все безъ изыятія бывшей Духовской церкви спасенное отъ пожара имущество, значащееся въ краткомъ реестрѣ, имѣющемся при дѣлѣ, исключая взятый уже въ Братскій монастырь иконостасъ, отдать и взять въ Предтечевскую церковь, но съ обстоятельною каждой вещи описью и съ показаніемъ въ ней чрезъ мастера серебрянныхъ дѣлъ серебра пробы.; 3) за находившуюся подъ сгорѣвшею Духовскою церковию, колокольнею, школою и погостомъ ея, такъ какъ и за ту церковную землю, (которая) особо къ ней принадлежала, сообщить въ Кіевское Губернское Правленіе, дабы благоволено было, кому слѣдуетъ, приказать оную вскормѣвать, и ежели кто изъ честныхъ людей или уже занялъ или еще займетъ подъ свое партикулярное строеніе, тотъ бы по условію съ священникомъ и прихожанами Предтечевскими производилъ ежегодно въ Предтечевскую церковь законныя поземельныя деньги, и о послѣдующемъ требовать увѣдомленія“; 4) назначить къ Предтечевской церкви настоятелемъ бывшаго Свято-Духовскаго священника Симеона Павловскаго съ тѣмъ, что „ежели священникъ Павловскій какимъ либо случаемъ выбудетъ, тогда уже учительному діакону Колтоновскому, примѣняясь силѣ указа 1768 года генваря въ 26 день состоявшагося, предоставляется преимущественное право просить о рукоположеніи его къ той Предтечевской церкви во священника“; 5) священникъ Павловскій обязывается половину всѣхъ доходовъ по приходу отдавать вдовѣ Грушинской съ дѣтьми; 6) „оставя при другой вдовицѣ протоіерейшѣ Парасковіи Александровской получаемые ею изъ процентовой сиротской суммы въ годъ по 25 рублей, которые она и впредь отъ казначея архіерейскаго дома ежегодно взимать имѣетъ, внести еще въ вѣдомость между вдовы и сироты, пользующіяся нѣкоторымъ удѣломъ изъ штрафовой суммы, на вдовъ и

сиротъ опредѣленной, назнача оной для нея въ годъ по 15 рублей; 7) А чтобъ она не нуждалась въ пропитаніи и содержаніи четырехъ дѣтей своихъ сиротъ сыновей, приняты ихъ въ академическій сиротскій домъ на все казенное содержаніе. Ежели жъ ей нежелательно помѣстить ихъ на жительство въ бурсу въ число прочихъ подобныхъ имъ сиротъ и хочется воспитывать и содержать всѣхъ при себѣ, въ такомъ случаѣ изъ академической штатной или процентной суммы выдавать для каждаго изъ нихъ, во все время ученія ихъ академическаго, въ годъ, судя по возвысившимся на всѣ вещи цѣнамъ, по 30 рублей, сообразно тому, какъ имъ и при приходѣ Предтеченскомъ было положено, впусивъ ей, что сіе о производствѣ ихъ академіи деньгами назначеніе происходитъ, вмѣсто жительства ихъ въ бурсѣ, по единому снисхожденію“, и проч. ¹⁾).

Поступивъ въ настоятели Рождество-Предтеченской церкви, священникъ Павловскій передалъ въ нее небогатую утварь и нѣсколько иконъ сгорѣвшей и упраздненной Свято-Духовской церкви, а также копію плана на сѣнокося, принадлежавшій этой церкви ²⁾; но самъ оставался Предтеченскомъ

¹⁾ Указъ Киевской Духовной Консисторіи отъ 26 марта 1814 года въ церковномъ архивѣ.

²⁾ Въ реестрѣ имѣній Свято-Духовской церкви, 1811 года, въ церковномъ архивѣ, всего значится 277 предметовъ, кромѣ трехъ иконъ, значащихся по описи Предтеченской церкви 1820 года. Въ позднѣйшей описи Предтеченской церкви 1856—1866 гг. въ числѣ утвари бывшей Свято-Духовской церкви упомянуты слѣдующіе болѣе замѣчательные предметы: напрестольное евангеліе, данное въ 1739 г. Кирилломъ Кирилловичемъ, съ изображеніями на защелкахъ Іоанна воина и великомуч. Георгія (л. 13, № 8); икона съ тѣми же святыми вѣроятно того же времени (л. 72 на обор.); крестъ кипарисный столбчатый, соору женный свящ. П. Емилиановымъ въ 1740 г. (л. 20 на об., № 8); напрестольное евангеліе 1775 г. (л. 13 на об. № 9); дискосъ и звѣздца, пожертвованные въ 1787 г. Олофиренками (л. 59, № 5); серебряная чаша съ финифтями, 1791 г. (л. 29, № 5); маленькая серебряная чаша съ крышкою и ложцею, подарены въ 1802 г. (л. 29, № 6); серебряная гробница (л. 31, № 2). Кромѣ того, въ 1829 г. по смерти священника Павловскаго, затемъ его передалъ въ Предтечен

приходѣ недолго, менѣе пяти лѣтъ, и въ концѣ 1818 года вынужденъ былъ уступить его о. Онуфрію Колтоновскому.

До 1815 года о. Колтоновскій оставался діакономъ при Добро-Николаевской церкви¹⁾, а затѣмъ 8 іюля 1815 года рукоположенъ былъ во священника къ Радомысльскому Троицкому собору и надсматривалъ Куреневскій Петропавловскій приходъ по 28 декабря 1818 года, а съ сего числа, по письменному прошенію и одобренію Кіевоподольской Рождество-Предтеченской церкви прихожанъ, перемѣщенъ къ сей церкви приходскимъ священникомъ²⁾. Въ резолюціи о семъ кіевского митрополита Серапіона, отъ 21 декабря 1818 года, сказано: „по сей просьбѣ прихожанъ, священника Онуфрія Колтоновскаго опредѣлить, есть ли онъ притомъ будетъ согласенъ получаемой доходъ вдовицею Грушинскою производить ей съ сиротами; а священника Павловскаго, по извѣстной и намъ его старости и болѣзненной слабости, уволить и опредѣлить, по его вдовству, въ митрополитанскій наштадомъ къ должности, соразмѣрной силамъ его, ежели и самъ онъ того пожелаетъ“³⁾. Но на первыхъ же порахъ своего служенія въ Рождество-Предтеченскомъ приходѣ священникъ Колтоновскій вошелъ въ непріятныя столкновенія со вдовою Грушинскою, теткою своею, которая слѣдила за нимъ и учила его на каждомъ шагу, требуя письменнаго отчета въ его приходскихъ доходахъ до послѣдней полушки. Прихожане, безъ вліянія самого Колтоновскаго, приняли участіе въ положеніи своего приходскаго священника. „По симъ обстоятельствамъ,—писали они митрополиту,—входили мы съ вѣденіемъ

скую церковь серебряный крестъ съ надписью 1786 г. (л. 21, № 11). План на Духовскій сѣнокосъ составленъ въ 1783 году землемѣромъ Басинимъ. Копіе съ сего плана, сдѣланная Шульговскимъ, хранится съ церковномъ архивѣ. Сѣнокосъ заключалъ въ себѣ 5 десятинъ и 615 сажень.

¹⁾ Кіево-подольская церковь Николая Доброго“. А. Георгіевскаго, 1892 г., стр. 151.

²⁾ См. клировую вѣдомость за 1866 годъ, въ церковномъ архивѣ.

³⁾ Выписка съ резолюціей — въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

въ годовые у сего прихода священническіе доходы, находя примѣрность таковыхъ, а притомъ основываясь на утвержденіи бывшаго священника Симеона Павловскаго, благочинному протоіерею Максимовичу при бытности и священника Колтоновскаго сказанномъ, что получалъ онъ Павловскій изъ сего прихода годовыхъ доходовъ до двухсотъ только рублей, съ дачею изъ оныхъ половинной части Грушинской: соображаясь всему тому, и что въ семъ приходѣ послѣ пожара потребности людей остаются многія незастроенныя пустопорожнія мѣста, чрезъ что приходъ сей скуденъ, раздѣлу же къ церквамъ Божиимъ домовъ еще не послѣдовало, при которомъ не сумнимся, что властію не будетъ отъ насъ упущено того что въ семъ приходѣ не одинъ священникъ, но и вдовица Грушинская съ дѣтьми на доходахъ съ онаго, для чего противу прочихъ односвященническихъ, може быть, послѣдуетъ къ сему приходу домовъ и прибавка. До того же времени, желая оставить въ покои священника и Грушинскую въ дачней доходовъ, согласно съ волею и Вашего Высокопреосвященства, находя безобиднымъ и безпристрастнымъ для обѣихъ сторонъ, склоняли Грушинскую, дабы она получала отъ священника въ годъ по 90 рублей деньгами доходовъ, и чтобы она, на знача времена, получала таковыя частями“. На это священникъ Колтоновскій согласился безпрокословно. Вдова же Грушинская, на предложеніе ей этихъ условій старостою Мажновымъ, общала подумать, но въ дѣйствительности пожаловалась на о. Колтоновскаго Киевской Духовной Консистоіи которая 8 февраля 1819 года обязала священника Колтоновскаго подпискою о точномъ выполненіи имъ принятыхъ на себя обязательствъ¹⁾. Но съ 19 мая 1819 г., вѣроятно вслѣдствіе новой просьбы прихожанъ, священникъ Колтоновскій

¹⁾ Черновое прошеніе прихожанъ, писанное въ февралѣ 1819 г., въ цейков. архивѣ. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ о. Колтоновскій называетъ Грушинскую теткою своею

латилъ вдовѣ Грушинской не 125, а 120 рублей въ годъ ¹⁾, го продолжалось, вѣроятно, до смерти Грушинской въ 1835 году ²⁾).

Священникъ, а съ 1821 года протоіерей, Онуфрій Колтоновскій пребылъ на Рождество-Предтеченскомъ приходѣ акъ долго, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, а именно около 60-ти лѣтъ ³⁾. Поступилъ онъ на этотъ приходъ въ яжелыя времена его исторіи: вскорѣ послѣ страшнаго пожара (1811 г.), почти уничтожившаго этотъ приходъ, и преетвовалъ старому, дрихлому священнику Симеону Павловскому, который далеко не былъ на высотѣ своего положенія въ то трудное время и долженъ былъ оставигъ этотъ приходъ о желанію самихъ прихожанъ. И о. Колтоновскій является очти первымъ и главнымъ организаторомъ Рождество-Предтеченскаго прихода во всѣхъ его отношеніяхъ. До поступленія священника Колтоновскаго на этотъ приходъ, Рождество-Предтеченская церковь еще не была вполнѣ возобновлена послѣ пожара. До 1814 года не опредѣлена была еще въ точности церковная усадьба ⁴⁾, примѣнительно къ новому плану Кіевоподола, утвержденному въ 1812 году ⁵⁾. Этими же планомъ совершенно нарушались границы прежнихъ земельныхъ частковъ въ Кіевѣ, принадлежавшихъ Рождество-Предтеченой церкви и доставлявшихъ ей куничный доходъ, такъ что съ 811 года церковь не получала дохода съ этихъ участковъ. Не опредѣлены были также и новыя границы кіевоподольныхъ приходовъ, соотвѣтственно новому плану Кіевоподола.

¹⁾ См. въ клировыхъ вѣдомостяхъ съ 1820 г., въ церковн. архивѣ.

²⁾ См. „вѣдомость о церкви“, за 1835 годъ, въ церковномъ архивѣ.

³⁾ На надгробномъ памятникѣ его, за олтареиъ Рождество-Предтеченской еркви, изображено, что о. Онуфрій родился 12 іюня 1791 г., а скончался 18 аи 1878 года. О службѣ его см. клировыя вѣдомости въ церковномъ архивѣ.

⁴⁾ См. „планъ на церковное мѣсто священнослужителямъ Борисоглыбскаго прихода“ въ церковн. архивѣ, по церковной описи 1856—1866 г., л. 91

⁵⁾ „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, 1868 г. т. 1, стр. 119. .

Все это сдѣлано или закончено было при о. Онуфріѣ Колтоновскомъ.

Послѣ пожара 1811 года первоначально возстановленъ былъ придѣлъ свв. Бориса и Глѣба строителемъ его Климентомъ Тернавскимъ, который, вообще, въ это время выдѣляется въ церковныхъ документахъ изъ другихъ Рождество-Предтеченскихъ прихожанъ своимъ усердіемъ къ храму Божію, нерѣдко именуясь строителемъ храма, и съ 1821 года и до смерти своей въ 1830 году былъ церковнымъ старостою Рождество-Предтеченской церкви ¹⁾. Съ 1811 года начато обновленіе и главной Рождество-Предтеченской церкви: произведены нѣкоторыя кирпичныя и столярныя работы; въ 1812 году покрыта желѣзомъ Предтеченская церковь, а въ 1813 году повѣшенъ на столбахъ большой колоколъ ²⁾. Но со смертію священника Грушинскаго возобновленіе Предтеченской церкви пріостановилось до поступленія на приходъ священника Колтоновскаго. Послѣдній завѣлъ въ 1818 г. особую книгу для сбора пожертвованій на возобновленіе церкви ³⁾. Особенно онъ рассчитывалъ на денежную помощь со стороны бывшаго церковнаго старосты Маіоренка, сдѣлавшаго нѣкоторыя опущенія по должности старосты во время пожара церкви въ 1811 году, и, въ сопровожденіи почетныхъ прихожанъ своихъ Климента Тернавскаго, Михаила Бубнова и Андрея Мажнова, пришелъ къ нему на домъ съ просительною книгою. Маіоренко отвѣчалъ имъ: „жалѣю, господа, что пришли ко мнѣ при неимѣніи теперь у

¹⁾ Онъ упоминается, какъ строитель, въ указахъ Киевской Дух. Консисторіи отъ 26 марта 1814 года и отъ 11 марта 1820 года, въ церковномъ архивѣ Общ. избраніи его см. клароную вѣдомость за 1821 годъ въ церковномъ архивѣ. Въ 1830 году Климентъ Тернавскій умеръ. См. „Церковную Опись“ 1856—1866 г. л. 33 на обор., № 7.

²⁾ Расходная книга Рождество-Предтеченской церкви съ 1809 г., л. 6 на обор., 9 и 11. Столярныя работы по церкви въ 1811 году производилъ киевскій мѣщанинъ Лукьянъ Ведель, отецъ извѣстнаго духовнаго композитора.

³⁾ См. эту книгу въ церковномъ архивѣ.

меня денегъ“, и, попросивъ книгу, въ присутствіи ихъ вписалъ въ нее собственноручно 500 рублей, обѣщая доставить эти деньги въ январѣ или въ началѣ февраля 1820 года. „Да и сверхъ тѣхъ по книгѣ записанныхъ,—писали впослѣдствіи просители,—увѣрялъ насъ онъ же Маіоренко неоднократно, что такое же число 500 рублей отъ усердія своего той же церкви опредѣлилъ, въ домашней запискѣ своей для выполненія записалъ, и выполнить оныя непременно въ теченіи того же 1820 года“. Въ надеждѣ на скорое полученіе этихъ денегъ, строители поспѣшили „привести ту церковь Божію исправленіемъ всею прочею обдѣлкою, равно и благолѣпіемъ къ богослуженію, которая и приведена, чрезъ что зашли и въ долги; покредитовавшіе же стужательно нынѣ требуютъ о удовлетвореніи заплатою имъ денегъ“. А между тѣмъ Маіоренко умеръ скоропостижно въ ноябрѣ 1819 года, не отдавъ обѣщанныхъ церкви денегъ; наслѣдники же его требовали раздѣла его имущества между собою. Въ виду этого, священникъ Колтоновскій и его прихожане дважды подавали на Высочайшее имя прошенія въ кіевскій магистратъ. 22 мая 1820 и 11 ноября 1821 года, „о выполненіи утвержденія покойнаго на ту сумму (500 рублей) предъ желающими раздѣла сего имѣнія преимущественно“ и объ отысканіи въ бумагахъ Маіоренка его записки съ завѣщаніемъ еще 500 рублей на ту же церковь¹⁾; но о послѣдствіяхъ этихъ прошеній намъ ничего не извѣстно. По 1823 годъ всѣхъ денегъ на возобновленіе церкви собрано было отъ добрыхъ людей 3883 рубля²⁾. Въ 1825 году о. Онуфрій сталъ собирать, по просительной книгѣ, пожертвованія на постройку „въ большой Іоанно-Предтеченской церкви“ чугунаго пола на мѣсто сгнившаго деревяннаго и въ 1826 году, съ разрѣшенія кіевского митрополита Евгенія, построилъ этотъ полъ з

¹⁾ Оба прошенія—въ церковномъ архивѣ, подъ означенными годами.

²⁾ Книга для сбора пожертвованій съ 1818 года, въ церковномъ архивѣ.

100 рублей ¹⁾. Съ 1831 года начался сборъ приношеній на постройку каменной колокольни ²⁾; но проэктъ ея составленъ и утвержденъ лишь въ 1840 году. Изъ этого проэкта видно, что пристроены не только колокольня, но и галлерей, соединяющая колокольню съ главною церковію и образующая собою церковный притворъ или паперть, а также кладовая и пономарня съ западной стороны Борисоглѣбскаго придѣла ³⁾. Колокольня заложена была въ 1841 г., а окончена въ 1843 году, и на покрытіе расходовъ по ея постройкѣ въ 1843 году отданы были церковные сѣнокосы въ ваемъ купцу Решетову по 10 лѣтъ, за 200 рублей серебромъ, съ единовременною уплатою этихъ денегъ впередъ ⁴⁾. Въ 1847 году сдѣлана надстройка стѣнъ теплою Борисоглѣбской церкви и прилегающихъ къ ней съ запада кладовой и пономарни ⁵⁾; вслѣдствіе чего окна этой церкви представляются теперь несоотвѣтствующими высотѣ стѣнъ ея. Въ 1848 году избранъ былъ въ церковные старосты купецъ Иванъ Котковъ, который въ томъ же году „обновилъ собственнымъ иждивеніемъ св. храмъ Борисоглѣбскій, выкрасилъ внутри, иконостасъ вновь вызолотилъ, иконное писаніе исправилъ, написалъ большія три иконы въ золотыхъ рамахъ, крышу покрылъ желѣзомъ и выкрасилъ масляною зеленою краскою, сдѣлалъ вновь каменную ограду съ чугунною рѣшеткою“, ворота и калитку ⁶⁾, а впослѣдствіи устроилъ чугунный полъ въ паперти

¹⁾ См. ту же книгу; прошеніе о. Колотовскаго отъ 13 окт. 1826 г. и записку старосты Тернавскаго—въ церковномъ архивѣ.

²⁾ См. ту же книгу.

³⁾ Планъ и фасадъ—въ церкви, по „Церковной описи“ 1856—1866 г. на 91 листѣ.

⁴⁾ „Вѣдомость о церкви“ за 1843 г., въ церковномъ архивѣ.

⁵⁾ Планъ этой надстройки—въ церкви, по „Церковной описи“ 1856—1866 г. на 91 листѣ.

⁶⁾ „Вѣдомость о церкви“ за 1848-й годъ, въ церковномъ архивѣ.

или притворѣ ¹⁾). Въ 1855 году сдѣланъ былъ новый позволенный верхъ на крышѣ купола Рождество-Предтеченской церкви ²⁾, а въ 1860 году приобрѣтенъ и поднятъ на колокольню большой колоколъ въ 100 пудовъ и 30 фунтовъ ³⁾.

Особую трудность представляло для о. Колтоновскаго засередѣленіе церковной утвари и особенно иконъ въ Предтеченской и Борисоглыбской церквахъ, вслѣдствіе большаго жопленія и разнообразія этой утвари. Здѣсь сосредоточилась утварь не только этихъ церквей, но и прежде существовавшихъ деревянныхъ церквей Предтеченской, Борисоглыбской и, наконецъ, Свято-Духовской. Кромѣ того, послѣ пожара 1811 года и особенно по вступленіи о. Колтоновскаго на Рождество-Предтеченскій приходъ, вновь сдѣлано значительное число вкладовъ и приношеній прихожанами и сторонними вкладчиками ⁴⁾, которые сообразовались при этомъ не съ общимъ благолѣпіемъ храма, а со своими личными вкусами и средствами, и вносили еще большую пестроту и разнообразіе въ составъ церковной утвари. А протоіерей Колтоновскій, привыкшій въ академическомъ правленіи къ канцелярской аккуратности, съ протокольною точностію записывалъ и затѣмъ заносилъ въ церковную опись всякое и незначительное пожертвованіе, не исключая духовныхъ картинъ на по-

¹⁾ „Церковная опись“ 1856—1866 г. г. л. 77. Котковъ былъ церковнымъ старостой, кажется, до 1881 года.

²⁾ См. планъ по „Церковной описи“ 1856—1866 г. г. л. 91.

³⁾ Церковная опись“ 1856—1866 г. г. л. 77.

⁴⁾ По церковнымъ описямъ, въ это время владчиками являются: Аваніеви, Барсѣи, Беззаботице, Борисовы, Бубновы, Вильдъ, Горшковы, Грозавичи, Дитатины, Дмитріевы, Добровольскіе, Добринины, Дроздовскіе, Загнѣвы, Загребскіе, Закаріевскіе, Зуевы, Иващенко, Ивановы, Истомины, Карликовы, Климовскіе, Кобиленскіе, Колтоновскіе, Котковы, Котларевскіе, Кривцовы, Крыжановскіе, Кулизовы, Кушиновы, Лакерды, Маркевичи, Минервины, Миславскіе, Могчаповы, Нефедовскіе, Нѣмчиновы, Островскіе, Павлуцкіе, Паталѣвы, Пирожниковы, Полюшскіе, Полѣнскіе, Решетовы, Савиины, Самчевскіе, Ситицковы, Скубенковы, Смолодиновы, Солонины, Стояновы, Сухотины, Тернавскіе, Толстянскіе, Топальскіе, Уманцы, Холодовскіе. Хриковы, Чувпеевы, Шпишны, Шляхцинеовы.

лоты и даже гравированных священных изображений, и все это старался пристроить къ мѣсту и держать въ порядкѣ. Несомнѣнно, вслѣдствіе переполненія церкви утварью, протоіерей Колтоновскій проектировалъ въ 1840 году, вмѣстѣ съ постройкою колокольни, устройство подъ нею паперти или притвора, а рядомъ съ колокольнею—пономарни и кладовой и потомъ размѣстить въ нихъ ризницу, бібліотеку и частіи иконъ. Ризница, впрочемъ, періодически была сортируема и по частямъ исключается изъ описи. Въ 1840 году Рождество Предтеченская церковь, по вызову епархіальнаго начальства удѣлила наименѣе годную часть своей ризницы для другихъ церквей¹⁾. Но съ массой разнообразныхъ иконъ церковныхъ труднѣе было справиться протоіерею Колтоновскому. Нужнъ замѣтить, что въ Рождество-Предтеченской церкви въ 1790 году значилось по описи немного иконъ. По церковной описи 1796 года, продолженной до 1808 года, въ этой церкви, кромѣ иконостаса, находились еще слѣдующія иконы: икона св. Николы въ рамкахъ за стекломъ въ серебряной позолоченной ризѣ стоявшая въ 1739 году, какъ мы видѣли, съ правой стороны нижняго яруса иконостаса; икона Мироносицъ или Воскресенія Христова, пріобрѣтенная въ концѣ XVII вѣка и, вѣроятно стоявшая съ лѣвой стороны иконостаса; двѣ Богородичныя иконы въ серебряныхъ ризахъ, вполнѣдствіи помѣщавшіяся надъ боковыми иконами по сторонамъ иконостаса, а теперь—на колонкахъ храма; двѣ маленькія иконы Спасителя и Бо

¹⁾ См. Опись вещей и облачений церковныхъ, пожертвованныхъ изъ Рождество-Предтеченской церкви отъ 15 ноября 1840 года, въ церковномъ архивѣ. Въ 1824 г. Рождество-Предтеченская прихожанка, жена гражданки Семен Барскаго Анастасія взяла къ себѣ изъ церкви на домъ для починокъ ризы цѣловныя безъ эпитрахили и подризники. По словамъ протоіерея Колтоновскаго она „по усердію своему и прежде сихъ церковныхъ вещей многія церковныя вещи безмездно починала, какъ-то подризники шелковые и воздушны, и въ цѣловы въ цѣлості представляла“. Но на этотъ разъ ризы и подризники дохиты были изъ дома Барскаго ворами. См. репортъ о семъ прот. Колтоновскаго отъ 11 окт. 1824 г. въ церковномъ архивѣ.

гоматери подъ серебромъ въ рамахъ, помѣщавшіяся въ 1820 году предъ вратами; Ахтырская икона Богородицы на желѣзномъ подножій, въ деревянномъ кіотѣ, помѣщавшаяся въ 1820 году на иконостасѣ; двѣ Ахтырскія иконы Богородицы, изъ коихъ одна къ 1807 году была утрачена ¹⁾. Въ церковной описи 1802 года въ Предтеченской церкви упоминается не рукотворенный образъ въ серебряной вызолоченной ризѣ надъ вратами ²⁾, находящійся тамъ и въ настоящее время; а въ продолженіи описи 1796 года, между 1802 и 1808 годами, вновь появились двѣ иконы въ серебряныхъ ризахъ одна святыхъ великомученицъ Варвары и Екатерины, и другая—Благовѣщенія ³⁾, которыя въ 1820 году являются боковыми иконами, на мѣсто прежнихъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ Предтеченской церкви въ 1796 году всѣхъ иконъ кромѣ иконостаса, значилось только 9, а въ 1808 году 12. Да большаго количества иконъ и негдѣ было помѣстить, такъ какъ вся церковь украшена была стѣнописью. Что же касается Борисоглѣбскаго придѣла, то въ 1802 году въ немъ иконъ упоминается только иконостасъ ⁵⁾. Но въ 1820 году, кромѣ иконостасовъ, въ Предтеченской церкви было уже 72 иконы, а въ Борисоглѣбскомъ придѣлѣ 28 иконъ и въ числѣ ихъ три поступившія изъ сгорѣвшей Свято-Духовской церкви, и всего 100 иконъ ⁶⁾, которыя повторяются и въ Описи 1845 года ⁷⁾. Вѣроятно, многія изъ этихъ, излитыхъ противъ прежнихъ описей, иконъ, особенно же писанныя на холстѣ, остались отъ упраздненной деревянной Борисоглѣбской, а можетъ

¹⁾ См. церковную опись 1796 г., въ церковн. архивѣ, л. 2 на обор. Сл. Опись 1820 г., л. 6 и 7.

²⁾ См. церковную опись 1802 г., въ церковномъ архивѣ, л. 9.

³⁾ Церковная опись 1796 г., л. 4.

⁴⁾ Опись 1820 г., л. 5 на обор.

⁵⁾ Опись 1802 г., л. 91.

⁶⁾ Опись 1820 г., л. 6—8.

⁷⁾ Опись 1845 года, въ церковномъ архивѣ, л. 4—6.

быть и деревянной Предтеченской церкви и лежали гдѣ либо въ церковныхъ кладовыхъ безъ употребленія. Вскорѣ послѣ пожара 1811 года, протоіерей Колтоновскій возстановилъ иконостасъ Предтеченской церкви, хотя и не въ прежнемъ его видѣ, и размѣстилъ по обѣимъ церквамъ всѣ одиночныя иконы, отчасти замѣнявъ ими прежнюю стѣнною церковную, вѣроятно обгорѣвшую въ 1811 году. Онъ возстановилъ первые три яруса иконостаса, т. е. нижній съ намѣстными иконами, второй—съ господскими праздниками и третій апостольскій, а также утвердилъ вверху большую икону Вседержителя, приподнявъ ее немного для помѣщенія подъ нею Тайной Вечери, но не водворилъ на прежнее мѣсто четвертаго яруса пророческаго, а помѣстилъ его за престоломъ, въ видѣ особаго запрестольнаго иконостаса. Остальныя же одиночныя иконы размѣщены были въ обоихъ алтаряхъ и въ обѣихъ церквахъ: по бокамъ иконостасовъ, у клиросовъ, возлѣ хоръ, на хорахъ, надъ хорами, надъ дверями теплой церкви, на паперти и даже въ пономарнѣ и кладовой, гдѣ помѣщены, между прочимъ, и древнѣйшія иконы св. Николая и Черниговской Богородицы. Размѣщеніе этихъ иконъ, судя по описанію, производилось съ 1820 года и закончено въ 1849 году, къ которому относится планъ устройства иконостаса въ Предтеченской церкви¹⁾. Къ этому же приблизительно времени должно быть отнесено и новое росписаніе стѣнъ Предтеченской церкви и отчасти ея притвора или паперти живописью, сохранившеюся и до настоящаго времени. Въ общемъ, внутреннее убранство Рождество-Предтеченской церкви вышло весьма цѣстрымъ и разнообразнымъ; но за то протоіерей Колтоновскій оказалъ немаловажную услугу для почитателей священной старины, сохранивъ много такого, что, безъ его стараній, могло бы пропасть безслѣдно.

¹⁾ См. планъ иконостаса, утвержденный м. Филаретомъ 6 сент. 1819 г., въ церковномъ архивѣ.

Въ 1814 году отведено мѣсто для причтовыхъ построекъ Рождество-Предтеченской церкви по Андреевской улицѣ и выданъ планъ этого мѣста съ проектированными причтовыми постройками. На этомъ планѣ, составленномъ архитекторомъ Андреемъ Меленскимъ въ 1814 году, обозначены только старый деревянный флигель, предполагавшійся въ сломкѣ, и проектированы каменный одноэтажный домикъ съ воротами, выходящими на Андреевскую улицу, а позади его амбары ¹⁾. Но этотъ проектъ не былъ выполненъ. Каменного дома не было выстроено, и вмѣсто него являются обозначенный на планѣ старый деревянный флигель съ двумя комнатами и кухнею, принадлежавшій священнической вдовѣ Грушинской и купленный у нея въ 1819 году за 400 рублей, и вновь построенный около того же времени деревянный домъ о четырехъ горницахъ ²⁾. Оба эти дома были разорены водою въ великое наводненіе, бывшее 1845 года апрѣля по 23 число, и одинъ изъ этихъ домовъ причетнической починенъ въ томъ же году на церковную сумму ³⁾, а домъ для священника исправленъ въ 1848 году „иждивеніемъ старосты Смородинова“ ⁴⁾. Въ 1860 году „причетническіе дома починены стараніемъ старосты церковнаго купца Іоанна Коткова, а для священнослужителя, по резолюціи кіевскаго митрополита Арсенія, въ мартѣ 1861 года „построенъ домъ стараніемъ и усердіемъ того же старосты купца Іоанна Коткова на церковныя деньги“ ⁵⁾.

По вышеупомянутому плану 1814 года, подъ причтовыми

¹⁾ См. планъ этотъ по „церковной описи“ 1856—1866 г., л. 91.

²⁾ См. книгу для сбора добродѣтельныхъ пожертвованій, выданную изъ Консисторіи 16 мая 1818 г., въ церковномъ архивѣ, л. 41 и 42. Не вѣрно, поэтому, протоіерей Колтоновскій писалъ „въ вѣдомостяхъ о церкви“, будто дома эти построены дѣдомъ его по женѣ Климентомъ Тернавскимъ для тещи его Колтоновскаго протоіерейши Александровской на собственные средства и будто бы впоследствии составили собственность другаго зятя Климента Тернавскаго, купца Смородинова. См. „вѣдомости“ за 1845 и 1851 года, въ церк. архивѣ.

³⁾ См. „Вѣдомость о церкви“ за 1845 годъ, въ церковномъ архивѣ.

⁴⁾ „Вѣдомость о церкви“, 1849 г., въ церковномъ архивѣ.

⁵⁾ „Вѣдомость о церкви“, 1861 г., тамъ же.

Труды Кіевск. дух. Академіи. Т. I. 1896 г.

постройки всего отведено 750 квадратных саженъ, но въ это число не входилъ еще погостъ Рождество-Предтеченской церкви, выходящій на Борисоглѣбскую улицу, такъ что всей земли подъ церковнымъ погостомъ и причтовыми постройками должно быть приблизительно около полутора тысячи саженъ. Тѣмъ не менѣе и это количество церковной земли далеко не соответствовало тому количеству ея, какимъ владѣла церковь до пожара 1811 года и составленія плана Киевоподола въ 1814 году. Отъ 1846 года сохранилась въ церковномъ архивѣ вѣдомость о количествѣ и стоимости городскихъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ Борисоглѣбской церкви до 1811 года. Изъ этой вѣдомости видно, что до пожара 1811 года Борисоглѣбской церкви принадлежало земли, оказавшейся теперь въ пятомъ кварталѣ, 3147 квадратныхъ саженъ, считая по рублю за сажень, стоимостью въ 9441 рубль. А такъ какъ по плану Киевоподола 1814 году отведено для Рождество-Предтеченской церкви 750 саженъ, стоимостью въ 2250 рублей, то за невозвращенныя церкви 2397 саженъ причиталось уплатить ей 7191 рубль ¹⁾. Но мы не видимъ, чтобы церковь вознаграждена была за отошедшія отъ нея земли; знаемъ только, что въ слѣдующемъ 1847 году Киевская Дух. Консисторія при указѣ отъ 27 февраля, за № 1593-мъ, препроводила чрезъ благочиннаго, документы Рождество-Предтеченской церкви на нѣкоторыя земли, бывшія въ ея владѣніи до пожара 1811 года, по принадлежности, для храненія ихъ въ церкви. Оказывается, что это были по преимуществу копія тѣхъ документовъ, которые похищены были изъ церкви въ 1772 году ²⁾. Лишившись значительнаго количества земли, находившейся въ городѣ, Рождество-Предтеченская церковь извлекала доходы для себя частію изъ оставшихся за нею двухъ сѣнъ

¹⁾ Вѣдомость въ церковномъ архивѣ, подъ 1846 годомъ.

²⁾ Надпись на пакетѣ съ документами, прошнурованными и припечатанными, подъ 1847 годомъ, въ церковномъ архивѣ.

косовъ. Въ 1822 году причтъ и староста отдали въ наемъ кіевскому мѣщанину Лисицыну флигель, купленный у вдовы Грушинской, за 150 рублей ассигнаціями въ годъ, и этотъ наемъ продолжался до конца 1825 года ¹⁾. Церковные же сѣнокосы Борисоглѣбскій и бывшій Свято-Духовскій, заключавшіе въ себѣ 20 десятинъ и 1840 квадратныхъ сажень, отдавались въ наемъ предпочтительно Рождество-Предтеченскимъ прихожанамъ. До 1836 г. эти сѣнокосы отдавались въ наемъ отъ 42 до 110 рублей ассигнаціями въ годъ; въ 1836 году за 100 рублей ассигнаціями или 25 руб. серебромъ, въ 1854 году за 58 руб. сер.; въ 1859 г. за 80 р., и въ 1869 году за 87 руб. серебромъ ²⁾.

По мѣрѣ выполненія Высочайше утвержденнаго плана Кіевоподола и съ его заселеніемъ послѣ пожара, къ 1820 году открылась возможность сдѣлать новое распредѣленіе Кіевоподольскихъ приходоѡ. Указомъ Кіевской Духовной Консисторіи отъ 11 марта 1820 года было сообщено слѣдующее о новомъ составѣ Рождество-Предтеченскаго прихода: „По новому о приходахъ распредѣленію, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, къ Рождество-Предтеченской церкви опредѣляются: перваго квартала другая половина, въ коей номеровъ 6, и цѣлыя кварталы 2, 3, 4, 5 и 6, въ коихъ номеровъ 63, да близъ церкви сей находящійся въ 7-мъ кварталѣ домъ кіевского бургомистра Климента Тернавскаго, яко отличнаго къ сей церкви вкладчика построеніемъ собственнымъ его коштомъ теплаго каменнаго придѣла во именованіе святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, такъ какъ сіи пять кварталовъ и половина перваго имѣютъ положеніе свое на ровномъ мѣстѣ; люди построились достаточныя, а при томъ на главной Александровской дорогѣ въ первомъ и третьемъ кварталахъ есть торгoвыя лавки; въ четвертомъ и пятомъ кварталахъ, береговыхъ при рѣкѣ, во все лѣтнее время бываетъ на

¹⁾ См. документы въ церковномъ архивѣ подъ этими годами.

²⁾ См. „Вѣдомости о церкви“, подъ этими годами, въ церковномъ архивѣ.

берегахъ склада различныхъ купеческихъ товаровъ; плывущіе съ байдавами и плотами люди, къ берегу пристающіе, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, яко въ недалекомъ разстояніи отъ берега сія церковь, услышавши колокольный звонъ, могутъ приходить въ оную, то и довольно для сей церкви означенныхъ кварталовъ. Еще жъ близъ рѣки живущимъ легче дровъ достать мощно и съ дешевою перевозкою оныхъ“ ¹⁾). Число дворовъ и прихожанъ, черезъ десятилѣтія, было слѣдующее: въ 1820 году 36 дворовъ и 288 душъ обоого пола, въ 1830 г. 40 дворовъ и 365 душъ, въ 1840 году 51¹/₄ дворовъ и 456 душъ; въ 1850 г. 46 дворовъ и 372 души; въ 1860 году 36 дворовъ и 290 душъ. Но съ 1862 года, вѣроятно вслѣдствіе новаго передѣла приходовъ, число дворовъ и душъ въ Рождество-Предтеченскомъ приходѣ значительно уменьшается. Въ 1862 году въ немъ было 24¹/₄ двора и 187 душъ обоого пола, въ 1868 году 23³/₄ двора и 185 душъ; въ 1872 году 20¹/₄ дворовъ и 253 души и въ 1876 году 21³/₄ двора и 162 души. Въ 1893 году въ этомъ приходѣ значилось 32¹/₄ двора и 251 душа обоого пола ²⁾).

Причтъ, издавна состоявшій изъ священника, дьячка и пономаря, до 1844 года содержался только добродетельными подаяніями отъ прихожанъ. По штату же, Высочайше утвержденному въ 1842 году, Рождество-Предтеченская церковь причислена къ 1-му классу и на содержаніе причта ея назначено по 272 рубля въ годъ, изъ коихъ священнику назначалось 160 руб., дьячку 64 руб. и пономарю 48 рублей ³⁾). Съ 1871 года священникъ получаетъ по 400 руб., дьячекъ по 100 р. и пономарь по 70 рублей серебромъ въ годъ ⁴⁾). Кромѣ того причтъ пользуется процентами съ капиталовъ,

¹⁾ Выписка изъ Консисторскаго указа отъ 11 марта 1820 года въ церковномъ архивѣ подъ этимъ годомъ.

²⁾ См. киевскія вѣдомости за означенные годы въ церковномъ архивѣ.

³⁾ „Вѣдомость о церквахъ“, 1868 г., въ церковномъ архивѣ.

⁴⁾ „Вѣдомость о церквахъ“, 1871 г., тамъ же.

пожертвованныхъ на вѣчное поминовеніе маіоромъ Иваномъ Алексѣевичемъ Куликовымъ въ 1847 году въ количествѣ 114 руб., 28½ коп. серебромъ, и кievскою купчихою Александрою Котляревскою въ 1856 году въ количествѣ 300 рублей серебромъ ¹⁾).

Протоіерей Онуфрій Колтоновскій скончался 18 мая 1878 года въ маститой старости, около 87 лѣтъ отъ рожденія ²⁾), оставивъ память по себѣ не только въ своемъ приходѣ и въ Кіевѣ, но и во всей кievской епархіи. Нѣсколько поколѣній ставленниковъ во священство въ кievской епархіи училось богослуженію въ Рождество-Предтеченской церкви у о. Онуфрія Колтоновскаго и доселѣ съ теплою благодарностью вспоминаетъ беззавѣтное гостепрѣимство почившаго протоіерея.

Преемниками протоіерея Колтоновскаго по Рождество-Предтеченскому приходу являются: священникъ Матей Лободовскій въ теченіи двухъ—трехъ мѣсяцевъ, въ томъ же 1878 году выбывшій на другой приходъ; Романъ Барилевичъ съ конца 1878 и до 1893 года; священникъ Кіевоподольскаго Успенскаго Собора Петръ Стелледекій, временно завѣдывавшій Рождество-Предтеченскимъ приходомъ до марта 1893 года, и Михаилъ Едлиньскій съ марта 1893 года и по настоящее время. Старостою же церковнымъ съ 1881 года и до декабря 1894 года состоялъ купецъ-Иванъ Ал. Шишкинъ, оставившій яркіе слѣды своей дѣятельности на внутреннемъ устройствѣ Предтеченскаго храма и его придѣла.

Въ 1885 году, въ настоятельство священника Романа Барилевича, стараніями старосты Шишкина, Рождество-Предтеченская церковь соединена съ теплымъ Борисоглѣбскимъ придѣломъ, для чего сдѣланы двѣ большія вѣмки въ сѣверной стѣнѣ Предтеченскаго храма, отдѣлявшей его отъ Бори-

¹⁾ „Вѣдомость о церкви“, 1868 г., тамъ же.

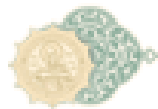
²⁾ См. надпись на надгробномъ памятникѣ протоіерею Колтоновскому за алтаремъ Предтеченской церкви.

соглыбскаго придѣла, и оставлена только колонна отъ средней арки храма. Для отопленія Предтеченской церкви, въ ней сдѣлана большая изразцовая печь, а чугунный полъ замѣненъ деревяннымъ. Въ видахъ увеличенія свѣта въ храмѣ, снятъ былъ третій ярусъ иконостаса апостольскій, со страстными иконами надъ нимъ, и сложенъ въ церковную кладовую на колокольнѣ. Послѣдствіемъ этихъ капитальныхъ передѣлокъ было нѣкоторое измѣненіе во внутреннемъ убранствѣ храма и размѣщеніи его утвари и иконъ. Лѣвый клиросъ, примыкавшій къ сѣверной стѣнѣ Предтеченской церкви, и правый клиросъ Борисоглыбскаго придѣла, упразднены, а помѣщавшіяся на этой стѣнѣ иконы размѣщены на другихъ мѣстахъ и особенно вокругъ квадратной колонны, образовавшейся вслѣдствіе выпутія прилегавшихъ къ ней стѣнокъ сѣверной стороны Предтеченской церкви. Вообще, вслѣдствіе этихъ передѣлокъ, Предтеченская церковь весьма много приобрѣла въ отношенія помѣстительности, теплоты и свѣта, хотя зато не мало и потеряла въ художественномъ и историко-археологическомъ отношеніяхъ.

При теперешнемъ настоятелѣ Рождество-Предтеченской церкви священникъ Михаилъ Едлинскомъ построены и обложены кирпичемъ новый деревянный домъ для священника, выкрашена церковь снаружи и вычищена внутри, выровнянъ церковный погостъ, введены церковныя собесѣдованія, устроена небольшая бібліотека для чтенія прихожанъ и вчернѣ построены каменный домъ для церковно-приходской школы и причетниковъ.

ПОПРАВКА. Въ началѣ настоящаго изслѣдованія мы сдѣлали заключеніе, что кіево-подольская Борисоглыбская церковь могла явиться не ранѣе XV вѣка. Но съ теченіемъ времени, изучая топографію всего Кіева вообще, мы пришли къ другому заключенію, а именно, — что упоминаемая въ лѣтописи подъ 1146 годомъ „Турова божница“, т. е. церковь, построенная какимъ-то Туромъ, возлѣ которой въ этомъ году кіевляне собрались на вѣче, могла быть только около той мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Рождество-Предтеченская или Борисоглыбская церковь. Слѣдовательно, древняя Борисоглыбская церковь была или этою самою „Туровою божницею“, существовавшею уже въ 1146 году, или преемницею ея.

Н. Петровъ.

СЛОВО,

сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ пятокъ первой недѣли великаго поста (9 февраля 1896 года), на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи.

ЧТО ОЖИДАЕТЪ НАСЪ ЗА ГРОВОМЪ?

Днесъ со Мною будешь въ раи (Лук. XXIII, 43).

Такое отрадное обѣтованіе далъ Господь разбойнику, претерпѣвавшему вмѣстѣ съ Нимъ страданія крестной казни. Это обѣтованіе было успокоительнымъ отвѣтомъ на его исповѣданіе вѣры въ будущую, загробную жизнь, вызвавшей въ немъ глубокое покаянное чувство.

Человѣкъ, повидимому, потерявшій все святое, ниспадшій во глубину золь и своими злодѣяніями навлекшій на себя страшную кару закона, въ часъ, приблизившій его къ смерти, слышитъ голосъ, исходящій изъ сокровенныхъ тайниковъ его души, который громко напоминаетъ ему, что со смертію не все для него кончается, и что смертная казнь не будетъ послѣднимъ завершеніемъ его постыднаго существованія. Этотъ голосъ потрясаетъ все существо его; онъ съ ужасомъ взираетъ на свою прошедшую, отягченную преступленіями, жизнь, съ трепетомъ смотритъ въ разверзающуюся предъ нимъ вѣчность, и смиренно, въ сознаніи своего недостойнства припадаетъ къ милосердію Того, Кто пришелъ съ неба искупить грѣхи всего

міра, и въ тотъ часъ совершалъ жертву примиренія и избавленія, возведенный на крестъ неправдою и злобою людскою.

Видите, какъ глубоко укоренена въ душѣ человѣка вѣра въ будущую жизнь, и какія она, живо сознаваемая, можетъ производить великія дѣйствія. Въ какія бы темныя дебри ни уклонилась отъ прямыхъ путей закона душа человѣческая, въ ней, какъ тлѣющая искра, хранится эта вѣра, которая, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ возгорѣться яркимъ пламенемъ, и послужить спасительнымъ свѣточемъ для заблудившагося грѣшника.

Въ насъ эта вѣра, насажденная въ безсмертной душѣ нашей, не подвергающейся тлѣнію, утверждена воспитаніемъ насъ церковію. Шумъ суеты житейской, какой мы предаемся на безпокойномъ торжищѣ міра, по временамъ заглушаетъ ее. Но когда мы входимъ во внутреннюю храмину своей души, голосъ ея неумолкаемо слышится не только нами, день жизни которыхъ склонился къ вечеру, но и людьми, полными свѣжихъ, разцвѣтающихъ силъ и надеждъ. И когда умираетъ кто либо изъ нашихъ братій, мы не говоримъ,—внутреннее глубокое чувство не позволяетъ намъ сказать,—что онъ окончилъ свое существованіе, а говоримъ, что онъ отошелъ на тотъ свѣтъ.

Что же ожидаетъ насъ на томъ свѣтѣ?

Это вопросъ не празднаго любопытства, а вопросъ, касающійся нашего блага, нашего спасенія,—вопросъ, имѣющій для насъ первостепенное значеніе.

Но гдѣ искать отвѣта на этотъ насущный и тяжелый вопросъ? Врата вѣчности заключены отъ насъ и закрыты темною завѣсою. Никому изъ отшедшихъ на тотъ свѣтъ отцовъ и братій нашихъ Богъ не позволяетъ приходить сюда и рассказывать о тамошнемъ, „дабы (какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ) ¹⁾ демонъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего отъ

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста бесѣда о Лазарѣ IV. Св. I. Злат. бес., говор. въ Антиохіи, т. I, стр. 120—121.

себя и не обольстил насъ какими либо призраками и обманами“, что мы и видимъ у людей, уклонившихся отъ чистаго свѣта вѣры, которые дерзають вызывать и вопрошать духовъ усопшихъ и темные призраки принимаютъ за дѣйствительныя существа. Наша мысль изнемогаетъ и путается въ своихъ гаданіяхъ, когда силится освѣтить для себя сокрытукъ отъ насъ область вѣка грядущаго.

Но зачѣмъ гаданія слабой и тусклой мысли нашей, едва могущей разглядѣть то, что у ней предъ глазами, когда есть у насъ не ложное слово Самого Господа, которое, подобно лучамъ яркаго солнца, освѣщаетъ для насъ наше прошедшее, наше настоящее и часть нашего будущаго? Господь закрылъ отъ насъ таинственною завѣсою міръ грядущій, но, что нужно знать намъ для нашего спасенія, и что знать судилъ Онъ благотворнымъ для насъ, то Онъ благоволилъ открыть намъ въ Писаніи, намъ дарованномъ. И это слово Господа должно имѣть въ глазахъ нашихъ больше силы и вѣса, чѣмъ слово кого либо изъ умершихъ рабовъ Божіихъ, если бы тому позволено было явиться къ намъ изъ того свѣта и повѣдати намъ о томъ, что насъ тамъ ожидаетъ.

Что же возвѣщаетъ намъ это не ложное слово о будущей участи нашей въ загробной жизни?

Оно возвѣщаетъ во-первыхъ, что будетъ непремѣнно суди и воздаяніе за все, что мы здѣсь сдѣлаемъ (2 Кор. V, 10. Рим XIV, 10. Матѣ. XXV, 32—46), и что дѣла наши идутъ впе реди насъ, и они уготовляютъ намъ ту или другую участь пролагають душѣ нашей дорогу или къ мѣсту блаженства или къ мѣсту мученія.

Оно, далѣе, утѣшаетъ насъ великими и сладостными обѣтованіями. Оно говоритъ намъ, что мы призваны къ наслѣдію благъ вѣчныхъ (Тит. III, 7), и что отъ сложенія міра уготовано намъ царство небесное (Матѣ. XXV, 34). Вамъ, конечно, всегда живо памяты тѣ золотыя, полныя великой отрады, слова, которыми Господь и Спаситель нашъ утѣшалъ

учениковъ своихъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ вѣрующихъ во имя Его, когда имѣлъ отъйти изъ этого міра, въ который Онъ нисшелъ для нашего спасенія: *иду (говорилъ Онъ) уготовати мѣсто вамъ, и еще уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду и поиму вы къ себѣ* (Іоан. XIV, 2—3), и Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ молился Отцу небесному, чтобы всѣ послѣдователи Его были вмѣстѣ съ Нимъ въ блаженномъ царствѣ и видѣли славу Его (Іоан. XVII, 24). Здѣсь, въ многмятежномъ мірѣ, многіе изъ насъ терпятъ напасти, клеветы, оскорбленія и другія злослуженія. Всѣмъ такимъ говоритъ Господь: *радуйтесь и веселитесь яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѣ. V, 12). Святые тайнозрители, которымъ даровано было Духомъ прозрѣвать сквозь завѣсу вѣчности, приходили въ неописанное восхищеніе при созерцаніи того, что уготовано Богомъ любящимъ Его. *Не у явился, что будемъ* (говоритъ одинъ изъ нихъ): *вѣмы же, яко, егда явится Судія и Раздаватель всѣхъ благъ, живущій во свѣтѣ непреступнымъ, подобни Ему будемъ* (Іоан. III, 2). Мы привязаны къ здѣшнему міру, который полонъ скорбей и лишеній, и считаемъ благомъ настоящую жизнь, которая и начинается и кончается плачемъ. А въ будущемъ вѣкѣ *Богъ отгнетъ всяку слезу отъ очей* нашею, *и смерти не будетъ никому: ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ никому* (Апок. XXI, 4). *Не взымутъ живущіе тамо, ниже взыждутъ, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной* (Апок. VII, 16). А другой тайнозритель возвѣщаетъ, что любящимъ Бога уготованы такіа блага, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша* (Кор. II, 9), и что человѣческимъ языкомъ нельзя изобразить того, что видѣлъ онъ, восхищенный Духомъ въ рай, въ жилище праведныхъ (2 Кор. XII, 4).

Вы, можетъ быть, желаете болѣе подробныхъ изображеній будущаго блаженства, уготованнаго Богомъ для вѣрныхъ чадъ Его? Но дерзнемъ ли мы своимъ слабымъ словомъ изображать состояніе славы, въ какое войдутъ святые Божіи,

когда самъ боговдохновенный Апостолъ назвалъ неизглаго-
ланными блага, какія онъ видѣлъ, будучи восхищенъ въ рай,
и не сталъ изображать ихъ, а только выразилъ свое благо-
говѣйное изумленіе предъ красотою видѣнія, превосходящаго
всякую мечту человѣческую? И не будетъ ли это желаніе
знать о будущемъ болѣе того, что открыто намъ, порождені-
емъ празднаго и бесполезнаго любопытства? Были совопрос-
ники во всѣ времена, которые обращались къ людямъ, уму-
дреннымъ Богомъ, съ вопросами о томъ, гдѣ рай,—мѣсто
будущаго блаженства праведныхъ, что въ немъ, и какъ въ
немъ будутъ жить удостоившіеся войти туда. Что же отвѣ-
чали на подобные вопросы умудренные Духомъ? Они гово-
рили, что „человѣку гораздо полезнѣе и необходимѣе знать,
что есть рай, нежели знать, гдѣ сіе мѣсто находится, и что
въ немъ... Станемъ искать не того, гдѣ рай находится, а
средствъ пріобрѣсть его“.

Но мы не можемъ и не должны успокоивать себя от-
радными обѣтованіями неизреченныхъ будущихъ благъ, уго-
тованныхъ Господомъ вѣрнымъ послѣдователямъ Его. Если
Писаніе и общаетъ любящимъ Бога въ будущемъ вѣкѣ цар-
ство славы и великое блаженство, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно угро-
жаетъ страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ оскорбителямъ Его величія
и Его святости, угрожаетъ всѣмъ нераскаяннымъ грѣшникамъ
такими лютыми казнями и нескончаемыми мученіями, при мыс-
ли о которыхъ ужасъ овладѣваетъ душею и жгучія слезы
льются изъ глазъ. Есть рай, братіе, но есть и адъ,—страш-
ное жилище всѣхъ отверженныхъ Богомъ. Блаженному тай-
новидцу показано было тамъ *озеро огненное*, кипящее огнемъ
и жупеломъ, и не написанные въ книгѣ животкой *будутъ*
мучимы въ немъ день и ночь, во вѣки вѣковъ (Апок. XX, 10.
15). По слову Божию, *во огнь вѣчный, уготованный діаволу*
и ангеламъ его, ввержены будутъ тѣ, которые не найдутъ
оправданія на страшномъ судѣ Христовомъ (Матѣ. XXV, 21).
Ихъ ждетъ *тѣма кромѣшная, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ*

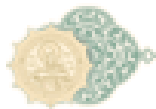
зубомъ (Матѣ. XII, 13. VIII, 12). Туда вверженные *взыщутъ смерти, и не обрящутъ ея, и возжелаютъ умерти, и убь-
житъ отъ нихъ смерть* (Апок. IX, 6). Припомните, какъ, по изображенію притчи о богатомъ и Лазарѣ, страждетъ въ пламени богачъ по смерти, здѣсь наслаждавшійся всѣми бла-
гами. Увидѣвъ Лазаря издавеча, онъ проситъ Авраама, на-
лонъ котораго въ утѣшеніи пребывалъ Лазарь, послать этого,
прежде презираемаго, Лазаря, *да омочитъ конецъ перста сво-
его въ воду и устудитъ языкъ его*.—и этого малаго утѣшенія
не могъ получить онъ; потому что *пропастъ великая утвер-
дилась* между блаженными обитателями рая и несчастными,
мучимыми въ аду (Лук. XVI, 23—26).

Люди высокаго разумѣнія и святой жизни не могли безъ трепета и слезъ ни думать, ни говорить о той горькой уча-
сти, какая ждетъ грѣшниковъ нераскаянныхъ. Нѣкіе христо-
любцы просили одного учителя, отличавшагося разумѣніемъ
божественныхъ вещей, повѣдать имъ о томъ, что будетъ съ
нами грѣшными, по скончаніи вѣка. „Увы мнѣ, братія мои
христіановѣ (отвѣчалъ учитель)! Желая сказать, что бу-
детъ, но удерживаетъ меня страхъ, оскудѣваетъ у меня голосъ,
слезы предваряютъ слово, мутится мысль; потому что повѣ-
ствованіе страшно“. Скажи, ради Господа, къ нашей пользѣ
(повторяли христіановѣ)... Учитель, заплакавъ и ударяя ру-
ками въ перси, отвѣчалъ имъ такъ: Братія мои христіановѣ-
вые! Какую скорбную повѣсть желаете вы слышать! О страш-
ный и трепетный часъ! Увы, увy, возлюбленные мои! Кто
осмѣлится пересказать, или у кого достанетъ силы выслу-
шать сіе страшное повѣствованіе? У кого есть слезы, плачъ-
те,.. плачьте. А кто не имѣетъ слезъ,—прійдите, выслу-
шайте, что ожидаетъ васъ, чтобы не быть намъ нерадивы-
ми о своемъ спасеніи... Тогда разлучены будутъ родители и
чада, отецъ и сынъ, матери и дочери, друзья съ друзья-
ми, сродники съ сродниками. Тогда грѣшники, изгоняемые,
понуждаемые и бичуемые свирѣпыми ангелами, побѣгутъ,
скрежеща зубами и все чаще и чаще обращаясь назадъ,

чтобы видѣть праведныхъ, съ которыми разлучены. И увидятъ ту радость и тотъ свѣтъ, съ которыми разлучены, и горько станутъ плакать, и, наконецъ сокроются, потерявъ возможность видѣть что либо позади себя. И приблизятся въ самому страшному мѣсту, гдѣ будутъ распределены на всѣ роды мукъ. Тогда, видя, что нѣтъ за нихъ ходатая и не будетъ поминовенія, съ горькимъ рыданіемъ скажутъ: „О, сколько времени погубили мы въ нерадѣніи! О, какъ насѣблался надъ нами суетный міръ!..“ Видя, что совершенно оставлены Богомъ и святыми, съ воздыханіями и горькими слезами взывая, скажутъ: „простите, святые и праведные; простите, друзья и сродники; простите, отцы и матери; простите, сыновья и дочери; простите, апостолы; простите, пророки и мученики Господни; прости и ты, Владычица Богородица, много потрудившаяся въ молитвахъ о нашемъ спасеніи, но мы сами не захотѣли покаяться и спастись; прости и ты, честный и животворящій крестъ; прости, рай сладости, насажденный Господомъ; прости, царство небесное, которому не будетъ конца, простите всѣ; мы не увидимъ уже болѣе никого изъ васъ, и идемъ на осужденіе, которому не будетъ конца и послабленія“. И поидетъ каждый въ уготованное мѣсто, на вѣчныя и лютыя муки ¹⁾).

Гдѣ же часть наша въ будущемъ вѣкѣ,—въ числѣ спасаемыхъ, или въ числѣ осужденныхъ на вѣчныя мученія?... Мы сами рѣшители своей участи; отъ насъ самихъ зависитъ или явиться наслѣдниками царствія небеснаго, или лишиться всего и терпѣть нескончаемыя муки. Господь *всѣмъ хочетъ спастися* (1 Тим. XI, 4), и не хочетъ смерти и гибели ни единого грѣшника (Иезек. XXXIII, 11. XVIII, 32). Спасеніе наше такъ дорого для Него, что для искупленія и избавленія насъ надшихъ, Онъ не пощадилъ Сына своего возлюб-

¹⁾ Св. Ефрема Сириня слово 38 о всеобщемъ воскресеніи и второмъ пришествіи Господа Іисуса Христа. Творенія св. Ефрема, ч. III, стр. 19—22.

леннаго (Іоан. III, 16. Рим. VIII, 32), и Сынъ Божій, будучи плоти, претерпѣлъ крестныя страданія, чтобы насъ всѣхъ спасти отъ погибели (2 Петр. III, 9), и всѣмъ доставить благодать и животъ вѣчный (Іоан. III, 16—17). Св. Іоанъ Златоустъ, изображая благую о насъ волю Божию, говоритъ, что „Богъ для того и создалъ насъ и привелъ бытіе, чтобы сдѣлать насъ участниками вѣчныхъ благодатей, чтобы даровать намъ царство небесное, а не для того чтобы ввергнуть въ геену и предать огню; это не для насъ, а для діавола; для насъ же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говоритъ *сущи одесную: приидите, благословеніи Отца Моего, наследуйте отцованное вамъ царствіе отъ сложенія міра; а сущимъ оумъ идите отъ Мене, проклятіи во огнь вѣчный, уготованный вамъ, но діаволу и ангеломъ его* (Матѣ. XXV, 34. 41). И геена приготовлена не для насъ, но для діавола и ангеловъ его; а царство для насъ уготовано еще до созданія міра. И мы сами уготовимъ себя въ пищу огню, не намъ уготовому, когда будемъ жить не по заповѣдямъ Божиимъ.

Убоимся сего и постараемся сдѣлать себя достойны быть гражданами небеснаго Іерусалима, въ который не жеть войти, въ который не будетъ допущено ничто скверное. Облечемся въ свѣтлыя одежды добродѣтелей и теплою въѣмъ въ Господа пріобщимъ себя къ Его искупительнымъ заповѣдямъ.

Но мы знаемъ, что, по обѣтованію Господа, наследниками царствія небеснаго будутъ люди праведные и святыя. А кто изъ насъ дерзнетъ считать себя человекомъ правымъ и святымъ? Вспомнимъ, какъ осужденъ былъ Господомъ фарисей, который считалъ себя не такимъ, какъ прочіе лхищники, неправедники, прелюбодѣи (Лук. XVIII, 11.

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста къ Теохору надшему увѣщаніе. (Творенія Злат., изд. С.Пет. Академіею. Т. I, стр. 11).

Мы ежедневно падаемъ и преслушаемъ волю Божию. Какъ же быть намъ? Чего ожидать?.. Господь видитъ немощи наши, видитъ наши паденія, и по своему неизреченному человеколюбію далъ намъ средство очищать себя отъ сквернъ грѣховныхъ, омрачающихъ душу нашу: это средство покаянія, и благодать таинства покаянія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. „Поспѣшайте же, молитесь (скажемъ словами одного святого учителя покаянія), оберегайте себя. Господь готовъ на милость, готовъ къ уврачеванію, скоръ на помощь, не медлитъ избавленіемъ,... не гнѣвается на падшихъ, простираетъ руку, чтобы спасти, и угрожаетъ только непокорнымъ. Преткнулся ты? Отрезвись. Палъ? Обратись, молись, проси, припадай, помогайся, ищи,.. умоляй о спасеніи, умилоствляя Того, Кто желаетъ и можетъ спасти. А спасшись, не потеряй пріобрѣтеннаго; какъ скоро погрѣшилъ, загладь грѣхъ; исцѣлившись, береги здоровье и отвращайся того недуга, отъ котораго избавленъ“ ¹⁾).

И какъ немного требуется отъ насъ для заглажденія грѣховъ нашихъ! Исповѣдуй грѣхъ; поскорби, поплачь о грѣхахъ, и Господь помилуетъ и очиститъ тебя. „Ты грѣшникъ (говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ)? Не отчаявайся, но приди, принеси покаяніе. Ты согрѣшилъ? Скажи Богу: я согрѣшилъ. Какой тутъ трудъ? Какое обремененіе? Какая тягость—сказать слово: я согрѣшилъ? Не приказываю тебѣ (говоритъ св. отецъ отъ лица Господа) ни разсѣкать моря, ни входить въ пристани, ни путешествовать, ни отправляться въ дальній путь, ни тратить деньги, ни вѣрять себя бурнымъ волнамъ, но что? Поплачь о грѣхѣ... Я не заставляю тебя выдти на средину зрѣлища и окружить себя множествомъ свидѣтелей: мнѣ одному, наединѣ, скажи грѣхъ, чтобы я уврачевалъ рану и избавилъ тебя отъ болѣзни“ ²⁾). Самъ Господь говоритъ

¹⁾ Св. Ефрема Сириня сл. 72 на тѣхъ, которые ежедневно грѣшатъ и ежедневно каются. Твор. св. Ефрема. Ч. III, 300.

²⁾ Св. Іоанна Златоуста, бес. о покаяніи II. Бес. къ антиохійскому народу Т. 2, стр. 293. 298. Бес. о Лазарѣ IV. Т. I, стр 124—5.

у пророка: *Азъ есмь, Азъ есмь заглаждающій беззаконія твои Мене ради и грѣхи твои, и не помяну. Ты же помани заглажи ты беззаконія твои, да оправдишиися* (Ис. XLII 25—26). Ты принесть покаяніе—и се отгяхъ яко облакъ беззаконія твои, и яко примракъ грѣхи твои (Ис. XLIV, 22).

Хотите видѣть разительные примѣры изглажденія грѣхъ вслѣдствіе покаянія? Ихъ много, очень много представляютъ бытописанія прошедшихъ лѣтъ, и на нихъ часто указываютъ святые отцы, желая возбудить въ насъ покаянное чувство. Апостоль Петръ трижды отрекся отъ Христа, и отрекся с клятвою. „Преступно было (говорить св. отецъ) паденіе Петра потому что ни одинъ грѣхъ не можетъ сравняться съ отреченіемъ отъ Христа. Что же? Много ли годовъ нужно было ему для покаянія? Нѣтъ; но въ одну и ту же ночь онъ и палъ и возсталъ, получилъ и рану, и лѣкарство, заболѣлъ и въздоровѣлъ. Какъ и какимъ образомъ? Тѣмъ, что онъ плакалъ и рыдалъ... „и Господь снова возвелъ его въ прежнее достоинство“¹⁾ —Вспомните Давида. „Онъ впалъ въ прелюбодѣяніе убійство: И вотъ пророкъ въ прелюбодѣяніи, драгоценны перлъ въ грязи“,—совершилъ грѣхъ и не приходилъ къ сознанию его. Что же Богъ? Онъ посылаетъ къ нему пророка и, когда тотъ привелъ его къ сознанию грѣха, Давидъ сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу*. Что же пророкъ къ нему? *И Господь отгя согрѣшеніе твое* (2 Цар. XII, 13). „Ты самъ осудилъ себя... ты принесть искреннее признаніе, и загладилъ грѣхъ“²⁾. А благоразумнаго разбойника совѣсть отягчена была ужасными преступленіями; но онъ воздохнулъ ко Господу покаялся, и Господь не только простилъ его, но вмѣстѣ с Собою общалъ ввести въ рай.

Вы можете сказать, что представленные нами примѣры покаянія—примѣры исключительные, не приложимые къ намъ

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста бес. о покаяніи II. Т. II, стр. 345.

²⁾ Св. Іоанна Златоуста бес. о покаяніи V. Т. II, стр. 295—296

что упомянутыя нами лица взысканы были особенною милостію Божіею. На Апостола Петра, тотчасъ же послѣ его грѣхопаденія, воззрѣлъ Господь, всегда близкій къ нему, взоромъ полнымъ любви, укоризны и сожалѣнія (Лук. XXII, 61), и этотъ взглядъ проникъ до глубины души Апостола и взволновалъ ее. Къ Давиду послалъ Богъ пророка Наана, который, мудро обличая его, возбудилъ въ немъ покаянное чувство. Благоразумнаго разбойника Провидѣніе привело въ непосредственную близость къ Праведнику, съ непоколебимою преданностію волѣ Божіей переносящему неповинныя страданія, въ Которомъ онъ узрѣлъ Избавителя всего міра,—и это было въ самый рѣшительный часть его жизни.—А мы,... а мы, вращаясь на распутіяхъ міра, ни слышимъ обличительнаго голоса пророка, ни видимъ всепроникающаго взора Искушителя, способнаго потрясти все существо наше. Мы предоставлены самимъ себѣ, и, предоставленные самимъ себѣ, все глубже и глубже погружаемся въ тинѣ грѣховной.

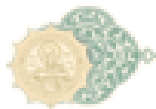
Но можемъ ли мы, чада церкви Христовой, говорить такимъ образомъ? Мы предоставлены самимъ себѣ?! Такъ думать не значитъ ли быть крайне невнимательнымъ къ своему положенію? Со дня рожденія до смерти мы окружены непрестанными материнскими попеченіями церкви, которая бережетъ насъ болѣе, чѣмъ мать свое родное дитя, и которая болѣе сокрушается о нашей грѣховной болѣзни, чѣмъ мать о болѣзни своего дитяти. Не слышимъ ли мы отъ нея самаго громкаго и настоятельнаго зова къ покаянію,—и въ чтеніяхъ, ею намъ предлагаемыхъ, и въ пѣснопѣніяхъ, нами здѣсь слышимыхъ, и въ частыхъ напоминаніяхъ и поученіяхъ нашихъ пастырей? Для большаго возбужденія въ насъ покаяннаго чувства, она учредила особые покаянные дни, каковы настоящіе дни великаго поста, когда все располагаетъ насъ къ сокрушенію о грѣхахъ своихъ,—и умиленные пѣснопѣнія, и скорбныя воспоминанія, и усиленные моленія, и подвигъ поста, на насъ налагаемый, и величій богослужебный, наполняющій душу чувствами умиле-

нія, сокрушенія и скорби о нашемъ недостоинствѣ. Мы ли останемся равнодушными къ этому зову? Этого мало. Въ тотъ печально-торжественный часъ, когда душа наша собирается покончить съ здѣшнимъ міромъ и оставить брѣнно тѣло, къ намъ всегда готовъ явиться служитель церкви съ словомъ прощенія и примиренія отъ Господа, снабженный свыше властію вязать и рѣшать. Что я говорю? Служитель церкви? Самъ Господь и Владыка тварей является къ намъ и предлагаетъ намъ свое пречистое тѣло и свою честную кровь, и, вкушая этотъ безцѣнный даръ, мы входимъ въ пріискреннее общеніе съ Нимъ. Получая такой залогъ спасенія можемъ ли мы говорить, что мы предоставлены самимъ себѣ? Можемъ ли сѣтовать на то, что не дано намъ средствъ къ тому, чтобы чистыми явиться предъ престоломъ Божиимъ и достойными тѣхъ благъ, какія обѣщаны всѣмъ, любящимъ Бога? Только не нерадимъ о своемъ спасеніи, не явимся легкомысленными, нераскаянными грѣшниками, мало думающими объ уготовленіи себя для достойнаго вступленія въ небесный Іерусалимъ, градъ спасенныхъ и возлюбленныхъ Господомъ.

Будемъ бдительны и внимательны къ себѣ. Наша небрежность и невнимательность можетъ быть причиною нашей вѣчной гибели. Мы не знаемъ, въ какой день и часъ Господь воззоветъ насъ изъ этого многоятежнаго міра. Можетъ быть, нынѣ,—можетъ быть, завтра, можетъ быть, въ часъ когда мы того не чаемъ. И мы опустимъ данное намъ время покаянія для очищенія себя отъ скверны грѣховныхъ. Посмотрите, какъ часто на нашихъ глазахъ умираютъ внезапною смертію люди, наслаждавшіеся, повидимому, крѣпостіи силъ и помышлявшіе о томъ, что они будутъ дѣлать въ грѣшныя дни и годы.

Бдите и молитесь и будьте готовы каждый часъ неопытно предстать предъ престоломъ милосерднаго, но вѣст праведнаго и страшнаго Судіи Бога. Аминь.

В. Пявницкій.

К. Д. УШИНСКИЙ

И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

(По поводу 25-лѣтія со дня его смерти).

(Продолженіе *).

II.

„Воспитатель, стоящій въ уровень съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ, дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющагося съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было лагороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и по-лѣнїемъ новымъ... Онъ чувствуетъ себя живымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ, могучимъ ратоборцемъ истины и добра и сознаетъ, что его дѣло, скромное по наружности, одно изъ величайшихъ дѣлъ исторіи, что на этомъ дѣлѣ иждутся царства и имъ живутъ цѣлыя поколѣнія“ ¹⁾.

Такимъ ореоломъ величія окружаетъ Ушинскій скромное дѣло воспитателя. И причина понятна: результаты добраго воспитанія, по его мнѣнію, гораздо важнѣе для человѣка, нежели самыя великія открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя въ области практической жизни, потому что не они даютъ человѣку счастье. „Наука, говоритъ онъ, доставила намъ средство плыть не только по вѣтру, но и противъ вѣтра; не ждать въ ужасѣ громового удара, а отводить его; не подчиняться условіямъ разстоянія, но сокращать его паромъ и электричествомъ. Но, конечно, важнѣе и полезнѣе всѣхъ этихъ открытій и изобрѣтеній,—часто не дѣлающихъ человѣка ни на воюсъ счастливѣе прежняго, потому что онъ внутри самого се-

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. январь 1896 г.

¹⁾ О пользѣ педагогической литературы. — Собр. пед. соч. стр. 17.

я носить причины несчастія,—было бы открытіе средствъ къ образованію въ челоѣкъ такого характера, который противостоялъ бы напору всѣхъ случайностей жизни, спасалъ челоѣка отъ ихъ вреднаго, растлѣвающаго вліянія“¹⁾... Это и есть дѣло воспитанія, которое представляетъ такимъ образомъ великую благодѣтельную силу.

Но само собою повѣстно, что такою силою оказывается воспитаніе далеко не всегда, а лишь въ томъ случаѣ, если оно идетъ вѣрнымъ, дѣйствительно добрымъ путемъ; для этого же оно должно, прежде всего, ясно представлять свои задачи и между ними—послѣднюю цѣль свою, въ которой сходятся бы всѣ его стремленія, и, въ связи съ этимъ, твердо положить въ основу всей своей дѣятельности добрыя, исполнѣ отлѣчающія такой цѣли, начала. На эти вопросы, самые главные, коренные и въ теоріи и въ практикѣ воспитанія, долженъ дать ясный и точный отвѣтъ каждый педагогъ. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ ихъ Ушинскій.

„Что сказали бы вы объ архитекторѣ, говорить онъ, который, закладывая новое зданіе, не сумѣлъ бы отвѣтить вамъ на вопросъ, что онъ хочетъ строить—храмъ ли, посвященный Богу истины, любви и правды, простой ли домъ, въ которомъ жилось бы уютно.... раззолоченную ли гостинницу для обирающаго нерасчетливыхъ путешественниковъ.... музей ли для храненія рѣдкостей или, наконецъ, сарай для складки тутъ всякаго, никому уже въ жизни ненужнаго, хлама? Тоже самое должны вы сказать и о воспитателѣ, который не сумѣетъ ясно и точно опредѣлить вамъ цѣли своей воспитательной дѣятельности“.... „Опредѣленіе цѣли воспитанія мы считаемъ лучшимъ пробнымъ камнемъ всякихъ философскихъ, психологическихъ и педагогическихъ теорій“²⁾... Придавая

¹⁾ Челоѣкъ какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагог. антропологии. Т. I. СПб. 1868. стр. XVIII.

²⁾ Тамъ же стр. VIII и XI.

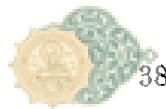
такое важное значеніе этому вопросу, Ушинскій самъ такъ отъѣчаетъ на него: „мы смѣло высказываемъ убѣжденіе, что злѣніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ“¹⁾.

Итакъ, по мнѣнію нашего педагога, въ дѣлѣ воспитанія на первомъ планѣ всегда долженъ стоять *нравственный идеалъ человека*. Къ нему должны направляться всѣ стремленія юпитателя; онъ долженъ руководить всею дѣятельностью помыслнаго. Гдѣ же найдетъ воспитатель тотъ истинный идеалъ, выше котораго уже не могла бы подняться никакая человѣческая мысль и который, въ то же время, вполне отъѣчалъ бы природѣ каждаго питомца, лучшимъ, самымъ высокимъ и благотворнымъ изъ прирожденныхъ ему силъ и стремленій? Ушинскій, такъ поставившій цѣль воспитанія, указываетъ и тотъ первый источникъ, изъ котораго долженъ исходить главный лучъ, освѣщающій темный путь воспитанія, и который поэтому долженъ служить первою основою для него: это бо-готкровенное христіанское ученіе.

„Все, чѣмъ челоѣкъ, какъ челоѣкъ, можетъ и долженъ быть, говоритъ онъ, выражено вполне въ Божественномъ ученіи, воспитанію остается только, прежде всего и въ основу всего, вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію: оно не должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины. Это негасящій свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ путники, впереди челоѣка и народовъ, за нимъ должно стрѣмиться... всякое истинное воспитаніе“²⁾. Въ христіанскомъ

¹⁾ О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи.—Собр. ед. соч. стр. 225.

²⁾ О народности въ общественномъ воспитаніи.—Собр. ед. соч. стр. 112—113.

ученіи данъ такой критерій нравственности, съ которымъ сглашаемся, который признаемъ всѣ мы, какъ бы ни были разнообразны наши міровоззрѣнія. „Начиная съ разныхъ точекъ предлагая различныя средства, избирая различные пути, всѣ мы если только мы искренни, стремимся къ одному и тому же,—тому идеалу чловѣка и чловѣческой жизни, который намъ изображенъ въ лицѣ Спасителя“¹⁾. И этотъ высокій идеаль только не чуждъ чловѣческой природѣ, а именно какъ ра отвѣчаетъ ей, удовлетворяетъ всѣмъ высшимъ запросамъ („Педагогика, основанная на психологін, совѣтуетъ намъ развивать душу чловѣка, сообразно съ ея природою, а душа чловѣка, по прекрасному выраженію Оригена, рождается христіанкою: это и есть та ея гуманность, о которой наиболѣе обязано заботиться истинное воспитаніе“²⁾). Такимъ образомъ истинная педагогика непремѣнно должна созидаться на началахъ христіанства: въ нихъ она находитъ свою первую, вѣрную и надежную основу. Да иною теперь мы не можемъ и представить себѣ никакую теорію воспитанія. „Современная педагогика исключительно выросла на христіанской почвѣ и днѣ насъ не христіанская педагогика есть вещь немыслимая—безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди“³⁾.

Что сказать объ этихъ положеніяхъ Ушинскаго?

Задачи воспитанія, конечно, не исчерпываются развитіемъ *одной нравственной стороны* питомца: всѣ области духовной жизни его, съ прибавленіемъ къ нимъ и его физической природы, ставятъ свои запросы воздѣйствіямъ воспитателя, который не имѣетъ права оставить въ сторонѣ ни одного изъ нихъ. Соотвѣтственно врожденнымъ каждой чловѣческой душѣ стремленіямъ къ истинѣ, справедливости, добру, красотѣ, воспитанію

1) Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова. — Тамъ же стр. 498.

2) Тамъ же стр. 499.

3) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи. — Тамъ же стр. 244.

тель долженъ направлять силы мышленія, разсудка, чувствованія, воли, воображенія питомца по путямъ, намѣчаемымъ для него этими коренными духовными потребностями послѣдняго. При этомъ твердо помятуя безсмертное изреченіе Горация „*mens sana in corpore sano*“, никогда не долженъ онъ забывать и о той хрупкой, „глиняной“ оболочкѣ, въ которой суждено, хотя и временно, обитать безсмертной душѣ чловека. Однако должно же быть начало, объединяющее, гармонизирующее, сплочивающее всѣ эти многоразличныя проявленія чловеческаго существа въ одинъ характеръ, въ одну цѣльную личность. Именно поэтому никакой педагогъ и не имѣетъ права уклоняться отъ указанія одной, главной, *послѣдней* цѣли воспитанія. А если такъ, то гдѣ же искать ея, какъ не въ томъ высокомъ нравственномъ развитіи питомца, идеалъ и путь для котораго указаны въ христіанскомъ ученіи?

Нашъ славянскій педагогъ Амосъ Коменскій въ своей „Великой Дидактикѣ“ писалъ, что главная задача воспитанія не въ обученіи, которое само является лишь однимъ изъ средствъ для достиженія главной цѣли, а въ развитіи въ душѣ питомца *нравственности и благочестія*, качествъ, „благодаря которымъ мы поистинѣ возвышаемся надъ остальными твореніями и приближаемся къ Самому Богу“. Поэтому „должно какъ можно болѣе прилагать старанія къ тому, *чтобы въ совершенствѣ выработать искусство насажденія истинной нравственности и истиннаго благочестія и ввести его въ школы*, чтобы онѣ на самомъ дѣлѣ стали мастерскими *людей*, какъ ихъ называютъ“ ¹⁾. Подобнымъ образомъ училъ и другой педагогъ, Генрихъ Песталоцци, ставившій цѣлью всего воспитательнаго дѣла развитіе въ питомцѣ *нравственнаго состоянія* (*sittlicher Zustand*), которое одно только вноситъ гармо-

¹⁾ Избранныя педагогическія сочиненія Яна Амоса Коменскаго. Часть I. Великая Дидактика. Перев. съ лат. Андрея Адольфа и Сергія Любомудрова. М. 1894. Глава XXIII, стр. 204—205.

нію, полное согласіе между двумя другими состояніями, переживаемыми имъ,—животнымъ (thierischer) и гражданскимъ, общественнымъ (gesellschaftlicher), и возводитъ его на высоту челоуѣка въ собственномъ смыслѣ. Достичь же такого нравственнаго состоянія онъ можетъ только путемъ христіанской религіи, которая поэтому должна быть основою всего дѣла воспитанія, проникая его отъ начала и до конца, а не ограничиваясь только спеціальными уроками¹⁾. И знаменитый основатель научной педагогики на психологическихъ началахъ І. Ф. Гербартъ развѣ не считалъ основою ея, помимо психологіи, и этику и развѣ не очертилъ онъ пятью нравственными идеями христіанскаго характера тотъ этический идеалъ, который, по его мнѣнію, долженъ стоять постоянно предъ умственнымъ взоромъ воспитателя, къ осуществленію котораго въ личности своего питомца долженъ стремиться послѣдній всѣми своими средствами, не забывая объ этой цѣли своей ни на одномъ урокѣ, ни въ одной бесѣдѣ со своими учениками²⁾? И много другихъ авторитетовъ, общеизвѣстныхъ въ исторіи педагогики, можно бы привести въ защиту этихъ положеній Ушинскаго, если бы послѣднія въ таковой нуждались. Но по самому существу ихъ едва ли это и требуется³⁾.

1) См. соч. Песталоцци „Meine Nachforschungen über den Gang der Natur in der Entwicklung des Menschengeschlechts. — Pestalozzi's sämtliche Werke. Von L. W. Seyffarth. B. X. Brandenburg. a. H. 1871.

2) Joh. Friedr. Herbart's Pädagogische Schriften. Herausg. von Dr. Fr. Bartholomäi B. I. Langensalza. 1890. S. 285—288.

3) П. О. Каптеревъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской педагогики“, разбирая воззрѣнія Ушинскаго, между прочимъ говоритъ: „слѣдуетъ очень жалѣть, что Ушинскій счелъ излишнимъ доказывать первенство нравственнаго развитія предъ умственнымъ въ воспитаніи, не потому собственно, чтобы мы считали болѣе правильнымъ поставить выше умственное развитіе. По правдѣ говоря, на вопросъ, что важнѣе и выше — нравственное или умственное развитіе? мы готовы отвѣтить:

Кто открылъ человѣку все величіе его природы, указавъ истинное назначеніе ея? Кто разъяснилъ ему истинный смыслъ

оба важнѣе, т. е. оба равно необходимы и тѣсно связаны между собою“, — и далѣе почтенный педагогъ, выясняя эту связь, доказываетъ, что высшей ступени нравственнаго развитія — общественныхъ добродѣтелей высшаго порядка, тѣхъ „благожелательныхъ чувствъ, которыя объемлютъ все человѣчество, всѣ народы, какъ членовъ одной семьи“, — безъ „широкаго умственнаго развитія“ человѣкъ никогда не можетъ достигъ: „безъ такого умственнаго развитія добродѣтели эти и возникнуть не могутъ“ (Педаг. Сборникъ 1888 г. кн. 3, стр. 232—234). Ставить вопросъ объ одной, высшей цѣли воспитанія, повторяемъ, необходимо долженъ каждый педагогъ — и теоретикъ, и практикъ: безъ этого первый никогда не создастъ цѣльной, стройной системы воспитанія, а второй не въ силахъ будетъ воспитать цѣльную человѣческую личность. Поэтому должно поставить Ушинскому только въ заслугу, если онъ не уклонился отъ рѣшенія этого кореннаго въ педагогикѣ вопроса. Трудно не согласиться и съ предложеннымъ имъ рѣшеніемъ послѣдняго: не умственное развитіе, не сила воли, независимо отъ нихъ направленія, а именно *нравственный характеръ* даетъ цѣну и значеніе человѣческой личности. Безспорно, что „изученіе науки есть (лучше сказать: должно бы быть) одно изъ существенныхъ условій высокаго нравственнаго развитія“ (Кантеревъ, тамъ же стр. 233). Но вѣдь этого никогда не отрицалъ и Ушинскій, такъ горячо всегда ратовавшій за возможно болѣе широкое просвѣщеніе русскаго народа. Онъ говоритъ только, что „нравственность не есть *необходимое* послѣдствіе учености и умственнаго развитія“ (Собр. соч. стр. 225), а кто же станетъ оспаривать это? Что касается обратной постановки вопроса: возможно ли для человѣка высокое нравственное развитіе безъ самаго широкаго развитія умственнаго, то на него прекрасно отвѣчаетъ самъ же Ушинскій. „Въ томъ то и состоитъ, говоритъ онъ, великая заслуга христіанства предъ цивилизаціею, каково бы ни было наше міросозерцаніе, что христіанство кореннымъ образомъ измѣнило природу человѣка и отношенія человѣка къ человѣку, не требуя для этого ни высокой цивилизаціи, ни особенныхъ знаній, ни особенно развитого ума: нѣсколькими словами, понятными для народа, ставило оно дикаря выше

того слова „человѣкъ“, которымъ съ такимъ единодушiемъ очень многiе педагоги легко и смѣло сразу называютъ цѣль всей сложной воспитательной работы? Гдѣ найдетъ онъ наглядный образецъ, живой воплощенный идеалъ этого человѣка и вѣрные пути приближенiя къ нему? Гдѣ найдетъ онъ тотъ ясный, удобопонятный, вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимый въ своемъ авторитетѣ кодексъ нравственныхъ правилъ, которымъ онъ могъ бы съ увѣренностiю руководиться во всѣхъ случаяхъ своей жизни? Рѣшенiя по всѣмъ этимъ и многимъ другимъ, связаннымъ съ ними, частичнѣйшимъ вопросамъ принесло въ мiръ только христiанство. Мало того: въ немъ даны начала, способныя направить по истинно-доброму пути и сплотить *въ одно гармонично-стройное цѣлое всѣ духовныя силы* человѣка, отвѣчая *всѣмъ высшимъ запросамъ* его души. Поэтому за нимъ настолько давно уже во всѣхъ христiанскихъ странахъ признано значенiе самаго благотворнаго руководителя человѣческой жизни, а слѣдовательно—и истинной основы воспитанiя, что, конечно, совершенно правъ былъ Ушинскiй говоря: „для насъ (т. е. христiанъ) не христiанская педагогика есть (уже) вещь немыслимая“, потому что это, дѣйствительно, была бы дѣятельность безъ ясной, исполнѣй отвѣчающей высокому человѣческому назначенiю, цѣли ¹⁾.

образованнѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей классическаго мiра“.—Собр. пед. соч. стр. 507.

¹⁾ Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ общезвѣстный фактъ, что наша педагогика многое позаимствовала и изъ древне-классическаго мiра, какъ не противорѣчать этому и другiе элементы, длиннымъ рядомъ вѣковъ внесенные въ наше общественное воспитанiе (П. О. Каптеревъ, тамъ же стр. 231). Основы современной педагогики, главный базисъ, на которомъ стремится она утвердить дѣло воспитанiя человѣческой личности, т. е. развитiе именно *нравственно* характера, остается, безъ сомнѣнiя, тотъ же—христiанство. Правда, западная Европа сдѣлала не мало попытокъ насильственнаго даже изгнанiя христiанской религiи изъ системы общественнаго воспитанiя. Но при

Итакъ, этотъ тезисъ педагогики Ушинскаго долженъ быть принятъ безъ всякихъ ограниченій. Для того, чтобы имѣть право разсчитывать на истинно-добрые результаты, воспитаніе должно, непремѣнно и прежде всего, самымъ основнымъ, краеугольнымъ камнемъ всѣхъ своихъ частнѣйшихъ задачъ, намѣреній, соображеній, средствъ положить твердо и неизмѣнно начала христіанскаго ученія.

Но Ушинскій въ рѣшеніи вопроса объ основахъ воспитанія на этомъ не остановился. Только заявивъ, такъ сказать, свое согласіе съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, должно быть фактомъ общепризнаннымъ и потому не нуждается въ подробномъ разсмотрѣніи и доказательствахъ, онъ главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на другомъ вопросѣ, которому посвящаетъ одну изъ лучшихъ своихъ статей и къ которому часто возвращается почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Это—вопросъ о *народности воспитанія*, на которомъ поэтому болѣе подробно остановимся и мы.

обсужденіи этихъ исключительныхъ явленій необходимо поставить вопросъ: отцы, собственными руками отгоняющіе своихъ дѣтей отъ этого истиннаго источника жизни, могутъ ли окончательно, вполне уничтожить его вліяніе въ своей собственной душѣ? Все, что есть лучшаго въ ихъ міровоззрѣніи, не является ли, помимо, конечно, ихъ сознанія и даже, можетъ быть, вопреки ихъ убѣжденію, только результатомъ тѣхъ же христіанскихъ началъ, которыя оставили слишкомъ глубокій слѣдъ въ исторіи человѣчества для того, чтобы ктонибудь, будучи сыномъ *христіанской* страны, ниѣлъ право сказать, что онъ не знаетъ христіанства и ничѣмъ не обязанъ ему. Въ этомъ смыслѣ, конечно, и говорить Ушинскій, что „не Греція и не Римъ, а христіанство составляетъ основу европейской жизни“, что оно „кореннымъ образомъ измѣнило природу человѣка и отношенія человѣка къ человѣку“, что „единство нашего нравственнаго критеріума, при безконечномъ разнообразіи нашихъ умственныхъ воззрѣній, высказывается съ необыкновенною силою въ общественномъ мнѣніи современной Европы“.—Собр. пед. соч. стр. 517, 507 и 498.

Уже въ 1848 году въ своей актовѣ рѣчи „О камеральномъ образованіи“ Ушинскій выступилъ горячимъ проповѣдникомъ началъ народности для этой отрасли науки. Изученіе русской жизни въ ея семейной и общественной формѣ, изученіе народныхъ воззрѣній и, въ частности, народныхъ юридическихъ понятій—вотъ, по его мнѣнію, единственно-вѣрный путь для выработки прочныхъ и истинно-добрыхъ основъ для нашего камеральнаго образованія, которое въ то время жило исключительно подражаніемъ нѣмцамъ. Десять лѣтъ спустя, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и съ убѣдительною блестящаго публициста, Ушинскій на страницахъ „Журнала для воспитанія“ горячо требуетъ тѣхъ же началъ народности и для нашего общественнаго воспитанія. Для доказательства своей мысли онъ обращается прежде всего къ фактамъ современнаго состоянія общественнаго воспитанія у главнѣйшихъ народовъ Запада, желая показать: одни ли цѣли и стремленія руководятъ этимъ воспитаніемъ и одни ли начала лежатъ въ основѣ его. Въ отвѣтъ на эти вопросы, Ушинскій даетъ рядъ весьма интересныхъ, до сихъ поръ, можно сказать единственныхъ у насъ, характеристикъ воспитательныхъ типовъ западныхъ народовъ.

Самою характерною чертою нѣмецкаго народа, по Ушинскому, является наклонность его къ отвлеченію и систематизаціи. Во всѣхъ явленіяхъ жизни нѣмецъ ищетъ связи и гармоніи; все возводитъ онъ къ отвлеченной идеѣ, которую старается извлечь отовсюду. Его не удовлетворяетъ *пониманіе* вещи: онъ долженъ непременно *опредѣлить* ее и затѣмъ дать ей мѣсто въ *системѣ* своихъ знаній. Эта коренная народная черта породила великихъ философовъ и ученыхъ Германіи; но она же, съ другой стороны, создаетъ и тѣхъ мечтателей въ молодости и самыхъ мелочныхъ формалистовъ, несносныхъ педантовъ въ старости, которыми такъ богата нѣмецкая нація. Эта же черта ясно сказалась и въ теоріи и въ практикѣ нѣмецкаго воспитанія. Первая стремится къ научной обоснованности, къ полнотѣ, всесторонности и систематичности своего построенія

вторая на первомъ планѣ преслѣдуетъ ту же всесторонность и систематичность познаній. Умѣнье приложить эти знанія на дѣлѣ, укрѣпленіе душевныхъ способностей, развитіе характера, вѣшняя полировка—все это уже вопросы второстепенные. На самый характеръ человѣка нѣмецкая педагогика думаетъ дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ посредство знаній. Такимъ образомъ, воспитаніе здѣсь приносится въ жертву наукѣ; наука и ученость являются окончательною цѣлью всего воспитательнаго дѣла, и нѣмецкая педагогика,—не смотря на твердое убѣжденіе свое, что она работаетъ надъ *универсальнымъ* идеаломъ человѣка и создаетъ универсальные законы воспитанія, обязательные, какъ законы науки, одинаково для всѣхъ народовъ,—въ результатѣ оказывается наукою все же чисто нѣмецкою: ея идеаль „человѣкъ вообще“ на самомъ дѣлѣ есть ученый, философъ, т. е. совершеннѣйшій нѣмецъ. „Стремясь къ образованію *человѣка вообще*, нѣмецкая педагогика совершенно послѣдовательно, хотя и безсознательно, разрабатываетъ правила образованія человѣка, живущаго наукою и для науки,—разрабатываетъ идеаль германской жизни“¹⁾.

Совершенно иное направленіе приняло общественное воспитаніе въ Англіи. Именно характеръ, та привычка всегда владѣть и управлять собою, которую англичане называютъ словомъ „selfgovernment“ и считаютъ необходимою принадлежностью всякаго истиннаго джентльмена, составляетъ здѣсь высшій идеаль воспитанія. Многосторонность и систематичность познаній, къ которымъ такъ стремится нѣмецъ, здѣсь стоятъ на второмъ планѣ, какъ одно лишь изъ средствъ для достиженія главной цѣли. Ученость составляетъ здѣсь одну изъ профессій человѣка, которою онъ, конечно, можетъ заняться, но до которой воспитанію нѣтъ прямого дѣла. Самые знаменитыя школы Англіи, всѣ древніе университеты

1) См. статью „О народности въ общественномъ воспитаніи“, гл. II и VI.—Собр. пед. соч. стр. 31—34. 78.

ел—болѣе воспитательныя, нежели учебныя заведенія. Всѣ учащіеся непременно живутъ въ интернатахъ. Это—правило, для котораго допускаются не многія исключенія. „Въ этихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ господствуетъ какой то полусемейный, полуобщинный духъ и наблюдается иногда величайшая строгость“. „Наставленія важны, примѣръ еще важнѣе; но болѣе всего значить въ воспитаніи *руководство* (training)“—гласитъ англійская педагогика, и это „training“, этотъ общій руководящій, настраивающій духъ, особый характеръ старыхъ англійскихъ школъ проникаетъ ихъ до такой степени, что кажется, онъ неизмѣнно, уже цѣлые вѣка, живетъ въ самыхъ стѣнахъ ихъ и потому съ такою неотразимостію подчиняетъ себя и учениковъ, и учителей, и даже прислугу ¹⁾).

Труднѣе охарактеризовать французское воспитаніе и именно потому, что въ немъ мало характера. Тѣмъ не менѣе, Ушинскій старается сдѣлать это. По его мнѣнію, не развитіе и обогащеніе всесторонними познаніями ума, какъ въ Германіи, и не сила характера, какъ въ Англіи, а скорѣе—передача техническихъ знаній и совершенствованіе въ этой области составляютъ главную цѣль, къ которой направляется общественное воспитаніе Франціи. „Внѣшній блескъ, тщеславіе и матеріальная польза“—таковы характеристическія черты французской націи и ея воспитанія, которое, между прочимъ, сильнѣйшій рычагъ для себя находитъ въ самолюбіи воспитанниковъ и безпощадно пользуется имъ ²⁾).

Еще одно государство входитъ въ кругъ обозрѣнія Ушинскаго—Сѣверо-Американскіе штаты, но точную характеристику ихъ общественнаго воспитанія онъ считаетъ невозможною. Всѣ стороны жизни здѣсь, по его мнѣнію, находятся еще въ процессѣ созиданія; на всемъ еще лежитъ печать по-

¹⁾ Тамъ же глава III, стр. 34—35. 41—42.

²⁾ Тамъ же глава IV, стр. 45. 54—55.

визны и какой то *временности*. То же самое, въ частности, можно сказать и относительно общественнаго воспитанія: хотя американцы и принялись за это дѣло со своею обычною энергіею, однако своей собственной педагогической системы они еще не выработали. Да и будетъ ли здѣсь когда нибудь однообразная, общая для всѣхъ штатовъ педагогическая система?—въ высшихъ американскихъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдатель встрѣчаетъ такое разнообразіе учебныхъ программъ, приспособляющихся къ мѣсту и обстоятельствамъ, да и во всемъ здѣсь такъ мало „той *англійской прочности*, которая рассчитывается на вѣка и бережно сохраняетъ наслѣдія столѣтій“... Это не мѣшаетъ однако американской педагогикѣ наиболѣе подходить именно къ англійской: развитіе характера и здѣсь составляетъ одну изъ главнѣйшихъ цѣлей воспитанія, хотя и не преслѣдуется съ такою исключительностію, какъ въ Англіи, и достигается нѣсколько другими средствами ¹⁾.

Не со всѣмъ въ этихъ характеристикахъ Ушинскаго можно согласиться. Нѣмецъ не живетъ исключительно наукою и для нея. Французъ не такъ поверхностенъ и пусть: его погоня за внѣшнимъ блескомъ и, въ частности, за блестящею фразою не исключаетъ и высокихъ духовныхъ дарованій. Ничѣмъ не доказалъ бы Ушинскій, если бы и хотѣлъ доказать, что печать новизны и временности *никогда* не сотрется съ учреждений Америки. Но все это частности, которыя нисколько не вредятъ впечатлѣнію цѣлой картины, и никто не станетъ отрицать, что написана она всеже мастерски, съ тѣмъ знаніемъ дѣла, которое съ большимъ трудомъ приобрѣтается въ этой области.

Наиболѣе вѣрно подмѣченъ и очерченъ характеръ англійскаго воспитанія; но много правды и въ другихъ харак-

¹⁾ Тамъ же гл. V, стр. 59. 71. 73.

теристикахъ. Ушинскій особенно вооружается противъ нѣмцевъ, справедливо негодуя на наше слѣпое слѣдованіе имъ во всѣхъ отрасляхъ науки, и высказанныя имъ мысли о крайностяхъ спекулятивнаго направленія нѣмецкой педагогики—съ ея самоуниженіемъ, съ ея излишнимъ увлеченіемъ системою, съ ея громадными, многосложными учебными программами и многочисленными облегчающими методами, которые не оставляютъ рѣшительно ни одного уголка въ душѣ питомца свободному развитію силами природы ¹⁾,—всѣ эти мысли должны были принести большую пользу русскому обществу и молодой русской педагогикѣ. И относительно французскаго воспитанія нельзя не признать вѣрными главныхъ характерныхъ чертъ отмѣченныхъ въ немъ Ушинскимъ, именно—его *практическаго*, такъ сказать, *внѣшняго* направленія. Менѣе всего удовлетворительна характеристика американскаго воспитанія, по своей неопредѣленности. Но если проникновеніе въ національныя особенности всякаго народа сопряжено съ величайшими трудностями, достигается лишь всестороннимъ изучені-

¹⁾ Нѣмецкая педагогика сама очень много говоритъ о *самостоятельности* развитія, требуетъ ея и заботится о ней. Но дѣло въ томъ что она уже „слишкомъ много копается въ душѣ ребенка и такая самостоятельность развитія, которая насильно вытягивается изъ души хитро придуманною методой, только *кажущаяся* самостоятельность Творецъ не безъ намѣренія скрылъ вездѣ процессы жизни. Желая видѣть растеніе, мы прячемъ сѣмя его въ землю и предоставляемъ природѣ, которая начинаетъ свою тайную работу. Германская же педагогика, со своими облегчающими методами, хочетъ подглядывать дѣйствія природы и управлять ими; она не выпускаетъ сѣмени изъ рукъ и постоянно вытаскиваетъ его наружу. Мудрено ли, что растеніе будетъ вяло и если дастъ плодъ, то самый тощій?“ Тамъ же стр. 91. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Е. Маркова, что „въ этомъ сильномъ и здоровомъ сужденіи о нѣмцахъ Ушинскій является *истинно-русскою* головою“. Учебно-воспитат. библіотека 1876 г. т. I, ч. 1, отд. 1 стр. 121.

емъ жизни народа во всѣхъ его слояхъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія его, то относительно Америки съ разношерстными элементами, создавшими этотъ „новый свѣтъ“, это особенно нужно помнить.

„Какъ ни кратки и ни поверхностны эти очерки системъ общественнаго воспитанія“, говоритъ самъ Ушинскій, но они достаточны для своей цѣли: „изъ нихъ уже видно, что всѣ эти системы существенно различаются между собою“. Откуда же это различіе? Его нельзя объяснять случайными обстоятельствами; причина его гораздо глубже; у каждаго народа выработалась *своя особенная идея воспитанія*, а въ основаніи ея лежитъ *особенная идея о человѣкѣ*, „о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по понятіямъ народа въ извѣстный періодъ народнаго развитія“ ¹⁾.

Каждый народъ, соотвѣтственно особенностямъ своего психическаго строя и всего національнаго склада своей жизни, вырабатываетъ свой собственный идеаль человѣка. Идеаль этотъ развивается по мѣрѣ развитія самого народа. Видоизмѣняясь по сословіямъ, онъ заключаетъ въ себѣ все же общія черты одного національнаго типа, которые можно найти во всѣхъ слояхъ общества. Выясненіе этого идеала составляетъ главную задачу и каждой народной литературы. „Всякій народъ въ своей литературѣ, начиная пѣснею, пословицею, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по его понятію. Онъ украшаетъ этого идеальнаго человѣка всѣми лучшими качествами души своей... Но каковъ бы ни былъ этотъ идеаль“, онъ всегда выражаетъ собою степень самосознанія народа, его взглядъ на пороки и добродѣтели,—выражаетъ народную совѣсть“ ²⁾. Этотъ народный идеаль человѣка всегда хорошъ для своего времени. Не многіе въ обществахъ—только

1) Собр. пед. соч. стр. 73 и 74.

2) Тамъ же стр. 74.

Труды Киев. Дух. Акад. Т. I. 1886 г.

рѣдкія исключенія—поднимаются выше этого идеала, большинство стоитъ ниже его; однако черты этого идеала шевелятся въ глубинѣ души каждаго сына своего народа. Считаю этотъ идеалъ недостижимымъ для себя лично, человѣкъ, тѣмъ не менѣе, на немъ именно основываетъ свои сужденія о другихъ и непремѣнно желаетъ осуществить его въ людяхъ близкихъ его сердцу. Отсюда тѣ требованія, которыя предъявляются обществомъ воспитанію. И чѣмъ опредѣленнѣе высказывается общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи и чѣмъ ближе стоитъ общество къ дѣлу воспитанія, тѣмъ болѣе и яснѣе выражаетъ послѣднее типичный народный характеръ. „Но, въ всякомъ случаѣ, какъ бы ни было удалено общество отъ дѣла воспитанія и какъ бы ни чужда была ему система его въ ней непремѣнно отразится народный характеръ“¹⁾.

Если у каждаго народа общественное воспитаніе непремѣнно запечатлѣно особымъ характеромъ этого народа, то *общей* системы воспитанія, которая вполнѣ отвѣчала бы за просамъ *всѣхъ* народовъ и потому имѣла бы значеніе общегодной, универсальной, по Ушинскому, нѣтъ—ни въ теоріи, ни на практикѣ. Всѣ стремленія нѣмцевъ создать такую систему не приводятъ къ желаннымъ результатамъ: ихъ педагогика столько же, какъ и всякая другая, есть лишь вѣрное отраженіе достоинствъ и недостатковъ нѣмецкой націи и вполнѣ пригодна только для нея одной. Мало того: такой системы и *не можетъ быть*.

Нельзя ли, спрашиваетъ Ушинскій, создать одну общегодную, наиболѣе совершенную систему воспитанія путемъ заимствованія у каждаго народа лучшихъ изъ выработанныхъ имъ началъ воспитанія? Нельзя ли занять у нѣмцевъ богатство ихъ ученаго и философскаго развитія, у англичанъ ихъ умѣнье воспитывать силу характера, у французовъ роскошь ихъ техническаго образованія и т. д. и, объединивъ все эти одной идеей, создать систему воспитанія, способную дости-

¹⁾ Тамъ же стр. 76.

гать въ своемъ примѣненіи высшаго идеала человѣческаго совершенства? „Смѣло можно утверждать, отвѣчаетъ онъ, что такая составная система воспитанія, если бы она и была возможна, оказалась бы безсиленѣе всѣхъ исключительныхъ на родныхъ системъ, и ея вліяніе на общее развитіе народа было бы въ высшей степени ничтожно“ ¹⁾. Впрочемъ, заимствованіе воспитательныхъ системъ однимъ народомъ у другого и прямо не возможно. „Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ бы ни заманчивъ былъ этотъ образецъ, точно также нельзя и воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ бы ни была она стройна и хорошо обдуманна. Каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ пытаться собственными свои силы“ ²⁾.

Правда, педагогическою опытностью другихъ народовъ не только можно, но даже и должно пользоваться: этотъ педагогическій опытъ народовъ „есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ; но точно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ опыты всемірной исторіи принадлежать всѣмъ народамъ“. Такое пользование чужою опытностію должно ограничиваться лишь педагогическими частностями, не простираясь до самыхъ основныхъ началъ воспитанія, не касаясь цѣли, а слѣдовательно и главнаго направленія его, потому что именно здѣсь выражается спеціальный, чисто народный характеръ. При этомъ должно твердо помнить, что и такое заимствованіе вполнѣ безвредно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, если народъ уже выработалъ и твердо положилъ въ основу своего воспитанія свои собственные начала. „Чѣмъ больше характера въ человѣкѣ, тѣмъ безопаснѣе для него всякое общество; чѣмъ больше характера въ общественномъ образованіи народа, тѣмъ свободнѣе можетъ оно заимствовать все, что ему угодно, у другихъ народовъ“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же стр. 98

²⁾ Тамъ же стр. 114

³⁾ Тамъ же стр. 94.

На основаніи такихъ фактовъ и соображеній Ушинскій считаетъ необходимымъ признать, что національность, "народность есть та истинная основа, на которой только и можетъ правильно развиваться дѣло воспитанія. Только то воспитаніе идетъ вѣрнымъ путемъ къ истинно-благимъ результатамъ, которое создается на національной почвѣ, утверждается на коренныхъ началахъ жизни народной, вполне отвѣчаетъ основнымъ потребностямъ народа. Поэтому, если воспитаніе „не хочетъ быть безсильнымъ, оно должно быть народнымъ“, говоритъ онъ ¹⁾ и свою мысль подкрѣпляетъ еще нѣсколькими замѣчаніями относительно начала народности вообще и значенія его въ жизни человѣка.

Черта народности выдвигается природою на первый планъ уже въ наружности человѣка, въ безчисленномъ множествѣ характерныхъ особенностей его. Она бываетъ болѣею частію такъ ясно выражена, что при нѣкоторомъ навыкѣ мы легко, съ перваго взгляда, узнаемъ нѣмца, француза, англичанина, русскаго. Но еще глубже и тверже запечатлѣна та же черта народности въ душѣ человѣка: она обладаетъ здѣсь такою силою жизни, что выдерживаетъ напоръ столѣтій и не истощается милліонами отдѣльныхъ личностей. Каждый легко можетъ убѣдиться въ этомъ, взглянувъ, напр., на еврея, который „посреди самыхъ разнообразныхъ народностей шестнадцать столѣтій сохраняетъ свой рѣзкій національный типъ“ ²⁾.

Въ каждомъ человѣкѣ живутъ эти черты его націи, вмѣстѣ съ ними живетъ въ немъ и высокое *чувство* народности, ясно заявляющее о себѣ въ любви человѣка къ своему народу и своей родинѣ. Это чувство народности такъ сильно въ человѣкѣ, что „при общей гибели въ немъ всего святог

¹⁾ Тамъ же стр. 109.

²⁾ Тамъ же стр. 106.

и благороднаго, говорить Ушинскій, оно гибнетъ послѣднее.. Въ влодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще донскаться искры любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ чловѣка. Есть примѣры ненависти къ родинѣ; но сколько любви бываетъ иногда въ этой ненависти! Взгляните на людей, поселившихся на чужбинѣ, и вы убѣдитесь вполне, какъ живуча народность въ тѣлѣ чловѣка... Можно позабыть имя своей родины и носить въ себѣ ея характеръ... Такъ глубоко и сильно вокоренилъ Творецъ элементъ народности въ чловѣкѣ¹⁾.

Но если такое важное значеніе имѣетъ народность для каждаго отдѣльнаго чловѣка, то что же сказать о цѣломъ народѣ! Здѣсь она является источникомъ всей исторической жизни народа, составляя ту великую, непреоборимую силу изъ которой исходитъ и которою направляется послѣдняя. Вся исторія народа есть ничто иное, какъ процессъ сознанія и выраженія въ историческихъ дѣяніяхъ той идеи, которая скрывается въ его народности. Вотъ почему каждому народу суждено играть въ исторіи свою особую роль и пока въ немъ живутъ начала его самобытности, придающія ему особый индивидуальный обликъ, онъ продолжаетъ эту историческую роль свою. Но разъ только народъ утратилъ свою народность, этотъ источникъ его самостоятельной жизнедѣятельности, его роль въ исторіи окончилась. „Народъ безъ народности—тѣло безъ души, которому остается только подвергнуться закону разложенья и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою самобытность“²⁾.

Однимъ изъ лучшихъ выразителей народности служитъ языкъ народа, и этому *родному слову* Ушинскій посвящаетъ цѣлую статью, многія страницы которой, по своей правдиво

¹⁾ Тамъ же стр. 109—110.

²⁾ Тамъ же стр. 110.

сти, глубоко-тонкому анализу и особенной сердечности, производятъ, можно сказать, неотразимое, захватывающее впечатлѣніе.

„Въ языкѣ, говоритъ Ушинскій, одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворится творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства, голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ... Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа... Въ сокровищницу родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, народа нѣтъ болѣе!... Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его... Вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ“¹⁾.

Если такъ обширно и глубоко содержаніе языка, то понятно, какое важное значеніе имѣетъ онъ въ дѣлѣ развитія человѣка, какое вліяніе оказываетъ онъ на образованіе всей личности послѣдняго. Это—величайшій наставникъ, который училъ народъ уже тогда, когда еще не было ни книгъ, ни

¹⁾ См. статью „Родное слово“.—Собр. вед. соч. стр. 201—202.

школь, и продолжаетъ учить его до конца народной исторіи. И какъ жизненны и плодотворны свѣдѣнія, почерпаемыя у этого наставника! Выучившись только родному языку, дитя вступаетъ въ жизнь уже съ необъятными силами, потому что „не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучал родной языкъ, но пѣть духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такіа логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ ^а 1).

Что значить, послѣ этого, лишить человѣка этого глубочайшаго источника его развитія, удалить его отъ этого наставника? Что замѣнить ему родной языкъ? Если вообще воспитательная система, выработанная однимъ народомъ, не можетъ примѣняться къ воспитанію другого народа безъ ущерба для естественнаго, самобытнаго, здороваго развитія послѣдняго, то, въ частности, замѣна родного языка чужимъ представляетъ уже страшное зло, прямо приводитъ къ гибельнымъ результатамъ. „Духъ народа, создавшаго этотъ языкъ, пустить глубокіе корни въ душу человѣка, всосется въ его плоть и кровь, и родной языкъ“,—если бы послѣ и стали учить ему,—„найдетъ почву уже занятою и не вытѣснитъ чуждыхъ корней“. Въ результатъ—человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, всегда останется чуждымъ своему народу. Все, что сдѣлаетъ онъ, будетъ носить на себѣ иноземное тавро и, совершенно непонятное народу, никогда не привьется къ нему; онъ не смо-

1) Тамъ же стр. 203.

жетъ „ни единой іоты прибавить къ народному наслѣдію“, поэтому всегда будетъ бесполезнымъ, а иногда даже и очень тяжелымъ членомъ общества, жалкимъ человѣкомъ безъ отчизны, хотя бы и съ маскою патріотизма. Но еще хуже, если ребенокъ начнетъ учиться сразу нѣсколькимъ языкамъ. Въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не дастъ ему того, что даетъ родной языкъ, и великій наставникъ рода человѣческаго—слово не окажетъ почти никакого вліянія на его развитіе, а безъ помощи этого педагога никакіе педагоги ничего не сдѣлають. Отсутствие всякаго характера и всякой творческой силы—вотъ печальные плоды такого воспитанія¹⁾.

Итакъ, если „всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ“, то „воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника“. Воспитаніе не можетъ не принять въ расчетъ столь могущественную жизненную силу; напротивъ, на ней именно должно оно опираться въ своихъ стремленіяхъ, ее положить въ основу своей системы. Воспитаніе должно отвѣчать *природнымъ* склонностямъ и расположеніямъ каждаго изъ своихъ питомцевъ, выбирать пути и средства своихъ воздѣйствій, соображаясь съ индивидуальными потребностями каждаго изъ нихъ. Но эти расположенія и потребности часто бываютъ такъ глубоко скрыты отъ наблюдателя, что самому опытному весьма трудно отгадать ихъ. За то есть одна черта, одна насущная потребность, которую заранѣе можетъ и долженъ предполагать воспитатель въ каждомъ изъ своихъ питомцевъ, и ею пользоваться“. Это—народность. Горячее чувство народности, присущая каждому человѣку любовь къ своему, родному всегда даетъ воспитателю вѣрный ключъ къ сердцу питомца и могущественное средство въ борьбѣ съ дурными расположеніями его. Если же вся система воспитанія создается на началахъ народности, то она, выполнѣ отвѣчая особенно-

¹⁾ Тамъ же стр. 209—210.

ствамъ и запросамъ своего народа, обнаруживаетъ такую воспитательную силу, какой не можетъ имѣть ни одна изъ тѣхъ абстрактныхъ системъ, которыя строятся яко-бы на универсальныхъ законахъ и потому претендуютъ на всеобщее значеніе. Воспитаніе является тогда самымъ живымъ органомъ въ историческомъ процессѣ народнаго развитія. Оно вноситъ свѣтъ сознанія въ тайники народнаго характера и оказываетъ сильное и благотѣльное вліяніе на развитіе языка, литературы, обычаевъ, учреждений, законовъ, словомъ—всѣхъ сторонъ жизни народа и всей его исторіи ¹⁾.

Главнымъ условіемъ, способствующимъ такой народной постановкѣ воспитанія, Ушинскій считаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ самого общества. Поэтому все, что привлекаетъ вниманіе общества къ его воспитанію, выясняетъ недостатки и нужды послѣдняго, указываетъ средства удовлетворенія ихъ, — все это помогаетъ воспитанію стать на свою настоящую, національную дорогу, выработать свои собственныя, народныя начала. Чѣмъ болѣе воспитаніе становится своимъ, семейнымъ дѣломъ общества, чѣмъ болѣе занимаются имъ общественное мнѣніе и литература, чѣмъ больше вопросы его дѣлаются не только доступными, но и близкими, дорогими, семейными вопросами для каждаго, тѣмъ болѣе принимаетъ оно народный характеръ. Такимъ образомъ „педагогическая литература, педагогическія общества, частыя повѣрки результатовъ воспитанія, путешествія, предпринимаемыя съ педагогическими цѣлями, живая связь между практиками-педагогами, педагогическіе журналы, а болѣе всего теплое участіе самого общества въ дѣлѣ общественнаго воспитанія—могутъ ускорить выраженіе и объясненіе тѣхъ требованій, выполненіемъ которыхъ достигается народность въ общественномъ воспитаніи“ ²⁾.

¹⁾ Тамъ же стр. 111—112.

²⁾ Тамъ же стр. 113—114.

Сколько правды, сколько благотворныхъ, спасительныхъ мыслей заключается въ этомъ настойчивомъ требованіи Ушинскимъ своей, національной основы для общественнаго воспитанія! Мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на обшихъ сторонахъ обширнаго и тяжеловѣснаго вопроса о народности. Идея народности „заключаетъ ли въ себѣ необходимымъ образомъ идею вражды, отчужденія, обособленія“ ¹⁾ или же она нисколько не мѣшаетъ сближенію народовъ и заимствованію ими однимъ у другого лучшихъ сторонъ жизни,—потому что только сознательно уважая свою собственную народность, съ такимъ же уваженіемъ отнесемъ мы и къ каждому другому народу? Прикрываетъ ли эта идея собою „теорію застою и предрасудковъ всякаго рода“ ²⁾, или же, наоборотъ, возможно широкое проведеніе ея въ жизни народа ведетъ лишь къ наибольшему прогрессу всего челоувѣчества,—потому что только при такомъ принципѣ раздѣленія труда по народностямъ общечеловѣческая сокровищница обогащается самыми многосторонними приобрѣтеніями изъ всѣхъ областей челоувѣческаго творчества? Служиваетъ ли начало народности кругозоръ челоувѣка, задерживаетъ ли его стремленія, препятствуетъ ли развитію и достиженію высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, универсальныхъ, „сверхъ народныхъ“ задачъ, или же, наоборотъ, ведетъ къ достиженію ихъ,—потому что именно въ народности заключается необходимое посредствующее, связующее звено между общечеловѣческимъ и личнымъ, и безъ нея, какъ безъ своей естественной почвы, всѣ тѣ самые возвышенные универсальные идеалы теряютъ свое жизненное значеніе для слабыхъ, слишкомъ ограниченныхъ, силъ каждаго отдѣльнаго челоувѣка? Въ частности

¹⁾ Е. Марковъ. Учебно-воспит. библіотека 1876 г. т. 1, ч. 1 отд. 1, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

противорѣчить ли принципъ народности вѣчнымъ завѣтамъ христіанства,—съ его великими идеями равенства и братства всѣхъ людей, съ его принципомъ „нѣсть эллинъ и іудей, рабъ и свободъ“, съ его святою проповѣдью высокой, самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ, или же и здѣсь то живое чувство народности, о которомъ такъ увлекательно писалъ Ушинскій, составляетъ лишь необходимую искру, изъ которой разгорается яркій пламень христіанской любви ко всему человѣчеству? Уничтожатся ли національности, а съ ними и самая идея народности отъ руки всеокрушающаго времени, которое постепенно сглаживаетъ всѣ различія между людьми, въ какихъ бы странахъ они ни жили? и т. д. и т. д. Разборъ всѣхъ этихъ вопросовъ, которыхъ мы имѣли уже случай касаться¹⁾, слишкомъ отдалилъ бы насъ отъ главнаго предмета—собственно педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго. Вопросъ о народности здѣсь занимаетъ насъ лишь постольку, поскольку касается онъ дѣла воспитанія. И вотъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя положенія, выдвинутыя Ушинскимъ, и требуютъ разъясненія.

Указавъ на фактъ различія воспитательныхъ системъ у народовъ Запада, Ушинскій приходитъ къ такому заключенію: каждый народъ вырабатываетъ свою собственную систему воспитанія, отвѣчающую его національнымъ особенностямъ и пригодную потому только для него одного. Никакой другой народъ по этой системѣ не можетъ воспитываться; поэтому занимать воспитательныя системы у другихъ народовъ нельзя: это было бы не только бесполезно, но даже и прямо вредно. Поэтому же одной, общей системы воспитанія, которая была бы пригодна для всѣхъ народовъ, не только нѣтъ теперь, ни на практикѣ, ни въ теоріи, но никогда и не можетъ

¹⁾ См. брошюру „Религія и народность, какъ основы воспитанія. Кіевъ, 1895.“

быть: система, искусственно составленная из элементов, позаимствованных у различных народов, оказалась бы лишеною всякой воспитательной силы. Но въ такомъ случаѣ возможна ли, спрашивается, и *научная постановка педагогики*? Ушинскій, вполне послѣдовательно, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно: педагогика, по его мнѣнію, не наука, а искусство.

Наука, говоритъ, „принимаетъ въ свою область только тѣ выводы, которые справедливы по законамъ общаго человѣческаго мышленія“. Такія выраженія, какъ— „французская математика, англійскій законъ тяготѣнія, нѣмецкій законъ химическаго сродства“, представляютъ очевидную нелѣпость. „Наука, открывающая законы міра, является, какъ самый міръ и разумъ, познающій его, общимъ достояніемъ человѣчества“. Положенія ея одинаковы у всѣхъ народовъ ¹⁾. Все это не приложимо къ педагогикѣ. Воспитаніе имѣетъ дѣло съ характеромъ человѣка, а „характеръ и есть именно та почва, на которой коренится народность. Почва эта, разнообразная до безконечности, прежде всего распадается на большія группы, называемыя народностями“. Воздѣлывать различные виды этой національной почвы *одними и тѣми же* орудіями и вырашивать на ней *одни и тѣ же* растенія нельзя ²⁾, и педагогика, такимъ образомъ, не можетъ претендовать на общечеловѣческое и научное значеніе предлагаемыхъ ею средствъ воспитанія.

Не подходитъ педагогика и подъ то опредѣленіе науки, какое установлено Миллемъ. „Положенія науки, говоритъ онъ, утверждаютъ только существующіе факты: существованіе, существованіе, послѣдовательность, сходство (явленій). Положенія искусства не утверждаютъ, что что нибудь есть, но указываютъ на то, что должно быть“. По Ушинскому, такъ

¹⁾ Собр. соч. соч. стр. 25—26.

²⁾ Тамъ же стр. 26.

какъ педагогика „не изучаетъ того, что есть, а только указываетъ на то, что было бы желательно видѣть существующимъ, и на средства къ достиженію желаемого“, то ее нужно считать искусствомъ ¹⁾. Это—„самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое изъ всѣхъ искусствъ... Какъ искусство, оно, кромѣ знаній, требуетъ способности и склонности и, какъ искусство же, оно стремится къ идеалу, вѣчно достигаемому и никогда вполнѣ не достижимому: къ идеалу совершеннаго человѣка“ ²⁾.

Справедливы ли эти положенія Ушинскаго?

Воспитаніе, какъ дѣятельность прагматическая, конечно, есть искусство и по своему предмету, по своимъ высокимъ цѣлямъ и задачамъ, безъ сомнѣнія, искусство самое возвышенное, самое сложное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное. Но всякое искусство стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ опредѣленному кругу знаній, изъ котораго оно почерпаетъ руководящія начала для себя и на основаніи ихъ построитъ систему своихъ правилъ. Послѣднія, въ своей совокупности и взаимной связи, образуютъ теорію искусства. Такую теорію воспитательнаго искусства предлагаетъ и педагогика. Откуда же беретъ она основанія для своихъ правилъ и предписаній? На чемъ видятся тѣ средства, какими рекомендуетъ она пользоваться въ дѣлѣ развитія человѣческой личности? Самъ Ушинскій на эти вопросы отвѣчаетъ такимъ образомъ.

Педагогъ не можетъ ограничиться знаніемъ однихъ только правилъ воспитанія, тѣхъ педагогическихъ рецептовъ, какими наполнены многія руководства по воспитанію. Онъ долженъ изучить тѣ „явленія природы и души человѣческой, на которыхъ основаны эти правила и наставленія“ ³⁾. „Если педагогикѣ хочетъ воспитывать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ,

1) Человѣкъ какъ предметъ воспитанія, стр. II.

2) Тамъ же стр. XXIV.

3) Тамъ же стр. III—IV.

то она должна *прежде узнать его* тоже во всѣхъ отношеніяхъ" ¹⁾. Для этого она должна обратиться „ко всѣмъ тѣмъ наукамъ, въ которыхъ изучается тѣлесная и духовная природа человѣка“, къ обширному цѣлу такъ называемыхъ антропологическихъ наукъ. Педагогика не только у насъ, но вездѣ находится еще „въ полномъ младенществѣ“ именно потому, что „многія изъ наукъ, изъ законовъ которыхъ она должна черпать свои правила, сами еще только недавно сдѣлались дѣйствительными науками и далеко еще не достигли своего совершенства“ ²⁾. Однако же это нисколько не мѣшает педагогикѣ *стремиться* создать свою систему на научныхъ основаніяхъ. „Построить полную и совершенную теорію воспитанія“ въ настоящее время еще нельзя; но вѣдь это не говоритъ о невозможности ея и въ будущемъ. „Человѣкъ идетъ въ усовершенствованіяхъ своей жизни не скачками, говоритъ Ушинскій, но постепенно, шагъ за шагомъ и, не сдѣлавъ предыдущаго шага, не можетъ сдѣлать послѣдующаго. Въмѣстѣ съ усовершенствованіями наукъ будетъ совершенствоваться воспитательная теорія, если только она, переставъ строить правила, ни на чемъ не основанныя, будетъ постоянно справляться съ наукою... и каждое свое правило выводить изъ того или другого факта или сопоставленія многихъ фактовъ, добытыхъ наукою“ ³⁾.

Такимъ образомъ, по словамъ самого Ушинскаго, педагогика, какъ теорія воспитанія, непременно должна основываться на данныхъ науки. Мало того: онъ самъ цѣлыхъ два тома наполнилъ тѣми антропологическими свѣдѣніями, съ которыми долженъ сообразоваться педагогъ въ своей дѣятельности и за которыми, конечно, онъ признавалъ не національно-русское, а общечеловѣческое и научное значеніе, уже хо

¹⁾ Тамъ же стр. XIII

²⁾ Тамъ же стр. XIII—XIV.

³⁾ Тамъ же стр. XX—XXI.

ти бы потому, что самъ позаимствовалъ ихъ у многихъ ученыхъ различныхъ національностей. Какъ же примирить такую явную несообразность: педагогика—не наука и въ то же время въ самой главной, основной своей части, изъ которой только выводятся уже практическіе уроки для воспитателей, она должна быть наукой, сводомъ положеній многихъ наукъ? Чувствуя неустойчивость своего положенія, Ушинскій вынужденъ былъ допустить, кромѣ *педагогики въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. собранія воспитательныхъ правилъ, еще *педагогику въ обширномъ смыслѣ*, куда должны входить научныя данныя для первой¹⁾. Но не ясно ли, что это лишь двѣ части одного цѣлаго, потому что тѣ голословныя педагогическіе рецепты, о которыхъ такъ неуважительно отзывался и Ушинскій, *безъ научнаго основанія* своего теряютъ всякое значеніе для педагога—и теоретика, и практика. Но такое объединеніе этихъ двухъ частей было бы равносильно признанію за педагогикой значенія науки, чего не хочетъ Ушинскій.

Можетъ быть, его удерживаетъ отъ этого Джонъ Стюартъ Милль, подъ логическое опредѣленіе котораго педагогика-наука не подходитъ?

Строго говоря, педагогика не подойдетъ ни подъ одно изъ двухъ вышеприведенныхъ опредѣленій Милля. Дѣйствительно, предметъ педагогики—то, что еще *должно быть*; она ставитъ предъ собою высокій идеалъ и предлагаетъ средства для достиженія его. Руководясь этимъ признакомъ въ опредѣленіи Милля, педагогику нужно назвать искусствомъ. Но развѣ она не занимается при этомъ и фактами,—педагогика, которая вся соткана изъ опыта и постоянно оглядывается на тотъ многовѣковой историческій опытъ, въ сокровищницу котораго вложили свою посильную дань все народы, которая ищетъ основаній для себя въ этикѣ, психологіи, фізіологіи, анатоміи, исторіи и многихъ другихъ наукахъ? Связать это,

¹⁾ Тамъ же стр. V—VI.

какъ поспѣшилъ сдѣлать Ушинскій, значить пойти противъ азбучныхъ истинъ и притомъ противорѣчить самому себѣ, потому что мы достаточно уже знаемъ, какую цѣну придаетъ самъ онъ именно *фактамъ*, на которыхъ зиждутся правила воспитанія. Между тѣмъ, по Миллю, факты—не дѣло искусства: ихъ вѣдаетъ наука. Выходить такимъ образомъ, что педагогика и не искусство и не наука, если брать послѣднія въ ихъ чистомъ видѣ, но, въ то же время, въ ней есть элементы и того и другой. Изъ этой неопредѣленности мы можемъ выйти, лишь примиривъ, соединивъ оба положенія знаменитаго мыслителя. Педагогика есть и наука и искусство. Въ своей основной, принципиальной части, излагающей только общепризнанные, добытые глубокимъ и многовѣковымъ изученіемъ человѣческой природы, законы и положенія, педагогика есть наука; въ своей практической части, гдѣ предлагаются средства и правила воспитанія, она является искусствомъ. Въ своей совокупности, какъ одно цѣлое, вторая часть котораго опирается на первую и безъ нея теряетъ свое значеніе, педагогика есть одна изъ такъ называемыхъ *прикладныхъ наукъ*.

Какъ рѣшить послѣ этого главный изъ вопросовъ, поставленныхъ Ушинскимъ: до какихъ предѣловъ должна простираться область народнаго въ воспитаніи?

Ясно, что и въ педагогикѣ, какъ и во всякой другой наукѣ, хотя бы и прикладной, многое составляетъ достояніе всего человѣчества, а не одной какой нибудь націи,—и не только въ общей, чисто-теоретической части, но и въ выводахъ изъ нея, въ самыхъ педагогическихъ правилахъ и предписаніяхъ: все, что касается общихъ свойствъ и потребностей человѣка, на нихъ только основывается и въ развитію ихъ ведетъ, все это носитъ общечеловѣческій характеръ и потому должно имѣть не узко-національное, а общечеловѣческое и значеніе. Каждый народъ, слѣдовательно, не только можетъ, но и долженъ пользоваться этими сторонами въ педагогическихъ системахъ всѣхъ другихъ народовъ. Да и какой народъ, при извѣстной степени развитія, способенъ закрыть глаза на

все тѣ улучшенія и пріобрѣтенія, какія достигаются другими народами въ различныхъ областяхъ жизни и, между прочимъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе! Только при такомъ условіи, при самомъ внимательномъ отношеніи ко всему, что вырабатывается въ педагогикѣ другими народами, можно надѣяться на прогрессъ ея и у себя дома.

Но есть ли и можетъ ли быть создана педагогическая система, которая состояла бы *только изъ такихъ* положеній общаго характера и потому *вся*, въ полномъ своемъ составѣ и безъ всякихъ измѣненій, могла бы поступить въ пользованіе всѣхъ народовъ? Пожалуй, Ушинскій былъ правъ говоря, что такой системы нѣтъ—не на практикѣ только, но даже и въ теоріи, потому что въ каждой системѣ воспитанія непременно къ такимъ общечеловѣческимъ чертамъ примѣшиваются и національныя,—частію лишь какъ своеобразный, свойственный именно этому народу, отбѣнокъ въ пониманіи общечеловѣческихъ задачъ и средствъ воспитанія, частію же и въ видѣ совершенно особыхъ, спеціальныхъ вопросовъ и отдѣловъ системы, вызываемыхъ потребностями опять только этого народа. Безъ этой національной примѣси и окраски мы не встрѣтимъ ни одной педагогической системы. Создать такую общечеловѣческую систему не удалось даже нѣмецкому уму, не смотря на выдающуюся способность его къ отвлеченію и вопреки всѣмъ стремленіямъ его выработать именно такіе, универсальные законы воспитанія, которые были бы одинаково обязательны для всѣхъ народовъ: и въ нѣмецкихъ, даже самыхъ лучшихъ, вполне научно поставленныхъ „педагогикахъ“ всегда чувствуется ихъ своеобразный, національный характеръ.

Но допустимъ даже возможность такой общечеловѣческой системы воспитанія. Какое практическое значеніе она могла бы имѣть? Конечно, ее всю цѣликомъ могъ бы смѣло усвоить себѣ каждый народъ; но могъ ли бы онъ и удовлетвориться ею,

примѣнять ее на практикѣ? Эта сухая, отвлеченная система не способна была бы отвѣтить на тѣ *живые* запросы, какіе предъявляетъ воспитанію всякій народъ, даже съ низкими уровнемъ развитія и бѣдною культурою,—потому что такая теорія воспитанія сама по себѣ была бы такъ же *мертва* какъ и тѣ отвлеченныя понятія, съ которыми ей пришлось бы имѣть дѣло и которыми вся область этого дѣла ея и исчерпывалась бы.

Предметъ педагогики не мертвыя цифры математики, не отвлеченныя законы мышленія логики, не бездушное, послушное человѣку вещество химіи, не трупъ анатоміи, а живой человѣкъ, развитіе того, всегда полнаго жизни и движенія человѣческаго существа, которое уже отъ рожденія носитъ въ себѣ множество склонностей, способностей, различныхъ потенцій, стремящихся къ обнаруженію и развитію. Каждый такой живой объектъ воспитанія есть *сынъ своего народа*. Такимъ онъ является не вслѣдствіе только воздѣйствій на него родной среды, окружающей уже его колыбель и съ этого момента не перестающей вліять на него тысячами средствъ и способовъ, сознательныхъ и безсознательныхъ, но и въ болѣе прямомъ смыслѣ: онъ есть частица одного великаго цѣлаго —единого народнаго организма, уже въ самой себѣ, въ собственной природѣ своей носящая зародыши многихъ свойствъ и особенностей этого цѣлаго. Эти особенныя черты народнаго характера складывались, опредѣлялись и все болѣе и болѣе крѣпли на протяженіи многихъ вѣковъ народной жизни когда каждое новое поколѣніе, слѣдуя основнымъ законамъ челоѣческой организаціи, передавало съ избыткомъ, въ ещѣ болѣе опредѣлившейся и окрѣпшей формѣ, тѣ же характерныя черты, полученныя отъ поколѣній предшествовавшихъ. И вотъ такое то челоѣческое существо должно быть *воспитан* т. е. поставлено въ такія условія, подчинено такимъ воздѣйствіямъ, при которыхъ всѣ лучшія изъ этихъ силъ и способ

ностей, заложенныхъ въ немъ уже природою, раскрылись бы легко и свободно, получили доброе направлѣніе и внесли свою посильную лепту въ жизнь народа, а чрезъ него и въ жизнь человѣчества. Какія же это условія?

Представимъ себѣ, что какой нибудь изъ видовъ растенія, цѣлыя вѣка развивавшійся въ дикомъ привольи, гдѣ-нибудь подъ жгучими лучами тропическаго солнца, при особыхъ атмосферныхъ и почвенныхъ условіяхъ своей страны переносится смѣлою рукою культурнаго человѣка въ холодный и сырой климатъ сѣвера. При самомъ заботливомъ уходѣ со стороны человѣка, старающагося искусственно создать для иноземца условія жизни его родины, растеніе хирѣетъ въ чужбинѣ. Въ лучшихъ случаяхъ въ немъ хватаетъ жизненныхъ силъ на нѣсколько поколѣній, но потомъ оно непремѣнно вырождается и наконецъ умираетъ. Этому закону подчинены всѣ царства органической природы, не исключая и человѣка. И въ человѣкѣ самыя лучшія и цѣнныя стороны его существа, именно—его индивидуальныя склонности и способности должны будутъ заглухнуть въ зародышахъ своихъ или извратиться и, во всякомъ случаѣ, никогда не достигнутъ своего полного развитія, если не встрѣтятъ для себя той своеобразной почвы и той особенной психической атмосферы, которыя въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ составляли необходимыя условія жизни для многочисленныхъ поколѣній его народа. Поэтому только въ своей родной *семьѣ*, только среди своего, единоплеменнаго ему *народа*, только подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ той „живой силы“, которую „пьетъ дитя изъ родимой груди *родного слова*“, только подъ вліяніемъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ, часто едва уловимыхъ, но всегда чрезвычайно важныхъ, своеобразныхъ условий, среди которыхъ сложилась жизнь родного народа, человѣкъ можетъ развиваться вполне правильно ¹⁾. Но какая же системъ

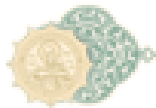
¹⁾ Насколько глубоко былъ убѣжденъ въ этомъ Ушинскій, лучше

воспитанія, созданная на основаніи только абстрактныхъ, пліняющихъ своимъ громкимъ названіемъ „общечеловѣческихъ положеній, способна дать питомцу и ту почву, и ту атмосферу, и всѣ тѣ жизненныя условія, безъ которыхъ нормально здоровое развитіе его не мыслимо?

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы принимаемъ тезисъ Ушинскаго, что *общей* системы воспитанія никогда и не можетъ быть. Можно написать теорію воспитанія, руководясь только общечеловѣческими принципами; но такая теорія состояла бы изъ положеній лишь самаго общаго характера и потому совершенно не отвѣчала бы прямому назначенію всякой воспитательной системы: по ней никого нельзя было бы *воспитать*,—она была бы слишкомъ обща, отвлеченна, безжизненна для этого.

Соглашаемся и съ другимъ положеніемъ Ушинскаго: что никакой народъ не можетъ взять въ руководство для своего воспитанія систему другого народа. Онъ можетъ позаимствовать у кого угодно многое въ этой области—не только частности, мелочи, которыя допускаетъ и Ушинскій, все, что имѣетъ общечеловѣческіе характеръ и значеніе, но онъ долженъ имѣть въ виду прежде всего свои національныя требованія и ими руководиться въ своемъ воспитаніи. Только при такомъ условіи онъ сумѣетъ разобраться въ томъ, что выработано другими народами, взять у нихъ только то, что дѣйствительно слѣдуетъ взять, и отбросить все остальное какъ прямо вредное для себя. Соединивъ позаимствованное со своимъ собственнымъ, онъ создастъ тогда такое цѣлое, которое будетъ дѣйствительнымъ его достояніемъ, его собственною, народною системою воспитанія.

всего видно изъ того, что онъ боялся засиживаться за границею именно ради дѣтей своихъ, считая положительно вредными для нихъ воспитанія чуждыя ихъ природѣ условія западно-европейской жизни.

Но можетъ быть, такъ именно это дѣло всегда и устраивается *само собою*. „Давайте общечеловѣческое, народъ все-таки возьметъ его *по своему*. И его вы дадите ему, какъ русскій педагогъ, не какъ французскій; и онъ восприметъ его не какъ французскій ученикъ, а какъ русскій“. Поэтому с народности нечего и беспокоиться: она достигается сама собою ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы видимъ явленія и совершенно обратнаго характера.

Безъ сомнѣнія, каждый народъ уже инстинктивно стремится идти и въ области воспитанія, какъ и во всемъ вообще, своею собственною дорогою. Но изъ этого нисколько еще не слѣдуетъ, что онъ не нуждается здѣсь ни въ какой помощи, что съ этого пути не собоютъ его никакія неблагоприятныя обстоятельства, что онъ не способенъ, подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ, запутаться и блуждать на распутьяхъ, пока опять, благодаря сильному естественному инстинкту, попадетъ на свою настоящую дорогу. Сколько примѣровъ можно указать въ исторіи хотя бы нашего собственного воспитанія, когда естественное развитіе его задерживалось, тормозилось тѣми различными вредными условіями, въ которыхъ оказывалось оно, благодаря нашему неумѣлому, слишкомъ неосторожному пересаживанію на свою русскую почву всѣхъ началъ жизни, выработанныхъ Западомъ. И можно ли сказать, что этотъ вѣковой грѣхъ нашъ, противъ котораго такъ горячо ратовалъ Ушинскій уже исчезъ совершенно и безслѣдно? Свободно ли отъ него наше время, и воспитаніе нашего молодого поколѣнія стоитъ ли уже твердо на своихъ самобытныхъ національных основахъ? Нѣтъ, въ жизни человѣческой ничто не должно быть предоставляемо одному слѣпому инстинкту, во все должеъ проникать лучъ разумаго сознанія. Такъ же сознатель-

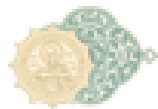
¹⁾ Е. Марковъ, стр. 125.

но должно стремиться и къ водворенію своихъ народныхъ началъ въ дѣлѣ воспитанія: не предоставлять это дѣло его собственному теченію и, — что было бы уже прямымъ зломъ, — не навязывать ему чужихъ системъ и шаблоновъ, а всѣми мѣрами способствовать выясненію и примѣненію на практикѣ своихъ собственныхъ національныхъ основъ.

Какими путями это достигается? Что для этого нужно? Именно то, на что указывалъ Ушинскій: живое вниманіе къ вопросамъ воспитанія, горячее участіе въ рѣшеніи ихъ со стороны самого общества. Какъ дорого обществу благо дѣтей его, какъ близка его сердцу вся будущая жизнь и дѣятельность ихъ, такъ должны быть дороги и близки ему и вопросы воспитанія. Эти вопросы должны войти въ кругъ самыхъ насущныхъ потребностей и заботъ каждой семьи; надъ рѣшеніемъ ихъ должно трудиться все общество, не возлагая этого дѣла всецѣло на попеченіе правительства. При бездѣйствіи общества, при отсутствіи всякихъ ясныхъ запросовъ и желаній съ его стороны, никакое правительство, при самомъ горячемъ участіи къ этому дѣлу не можетъ дать ему надлежащую національную постановку потому что только само общество можетъ выяснить необходимые начала для этого. Поэтому оно должно прійти здѣсь на помощь государству и всѣми доступными ему способамъ намѣчать пути, по которымъ пойдутъ правительственные мѣропріятія касательно воспитательнаго дѣла.

Н. Маккавейскій.

(Окончаніе будетъ).

СЛОВО ВЪ ПЯТОКЪ ВТОРОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА¹⁾.

*Пійте отъ нея вси; сѣи бо есть кровь моя
новаго завета, яже за многія изливаемая
во оставленіе грѣховъ (Мате. 26, 27—28).*

Идя на вольную страсть, готовясь положить свою душу за грѣшныхъ людей, Божественный Совершитель нашего спасенія, прежде чѣмъ исполнить эту послѣднюю волю небеснаго Отца, устанавливаетъ такое таинство, которое напоминало бы о Немъ Его послѣдователямъ, которое видимо и наглядно изображало предъ ними все то, чему Онъ училъ людей, что Онъ для нихъ сдѣлалъ и что завѣщалъ имъ исполнять для полученія спасенія. Такимъ знаменательнымъ таинствомъ было то послѣднее Его священнодѣйствіе, описаніе котораго вы только что слышали въ читанномъ евангеліи, изъ котораго мы и взяли эти святые слова: *пійте отъ нея вси...* Это святое таинство точно представляетъ въ образномъ видѣ сущность всего того, что сдѣлалъ Иисусъ Христосъ для людей и чему Онъ училъ ихъ во время своей земной жизни. Оно ясно говоритъ, что Его святая жизнь съ того времени, какъ Онъ принялъ зракъ раба, до той минуты, въ которую Онъ отдалъ свою душу небесному Отцу, принадлежала не Ему, а тѣмъ, которымъ Онъ пришелъ послужить и за которыхъ отдалъ свою

¹⁾ Сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пасіи, 16 февраля 1896 г.

душу, что вся она была посвящена ихъ благу и отдана д ихъ блага.

Слушатели благочестивые! Не въ выполненіи ли эт истины, внушаемой намъ этимъ святымъ таинствомъ, долж состоять послѣдняя цѣль и задача и нашей кратковременн земной жизни? Когда Спаситель нашъ зоветъ насъ, чтобы всѣ пили и вкушали Его святую кровь, то этимъ благи зовомъ не внушаетъ ли намъ, чтобы мы, освящая свое естество Его святою кровію, вмѣстѣ освящались не только м слію, но и желаніемъ и самимъ дѣломъ всю свою жизнь, и свое земное служеніе посвящать благу другихъ, благу бли нихъ? Въ утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва кто изъ насъ станетъ колебаться. Все ученіе Христово, в Его наставленія и заповѣди къ тому направлены, чтобы р положить насъ служить благу другихъ, помогать имъ въ го и нуждѣ, облегчать ихъ трудовую жизнь. Онъ прямо возв стилъ, что только тѣхъ назоветъ благословенными своего б беснаго Отца и достойными наслѣдовать царство, пригото вое отъ созданія міра, которые алчущихъ накормили, жа дущихъ напоили, нагихъ одѣли, болящихъ и находящихся въ темницахъ посѣтили. Но такимъ заботамъ о благѣ д другихъ можетъ ли быть отдаваема вся наша жизнь? и такомъ посвященіи себя служенію ближнихъ можетъ быть поставляема конечная цѣль нашей жизни? Богъ, де шій намъ жизнь, призвалъ насъ къ труду; шесть дней теченіи недѣли Онъ заповѣдалъ намъ работать и труди ся и лишь седьмой день назначилъ для покоя и прослав нія Его имени. И такой путь для нашей жизни Онъ у казалъ не только для того, чтобы мы могли добывать се насущное пропитаніе на этой землѣ, дающей намъ терніе волчцы, но и для того, чтобы помощію труда мы возвышали падъ окружающею насъ природою, „владычествовали на рыбами морскими, птицами небесными и надъ звѣрями и на всей землей“. И согласно такому назначенію каждый изъ на

въ теченіи опредѣленнаго намъ времени, съ ранняго утра до поздней ночи, выходитъ на дѣло своихъ рукъ и своего ума, кто на занятіе отвлеченными рѣшеніями вопросовъ о цѣляхъ и задачахъ нашего бытія, кто на изученіе законовъ природы, кто на примѣненіе этихъ законовъ къ обыденнымъ потребностямъ нашей жизни, а кто отдается высшимъ художественнымъ занятіямъ. И всѣ мы такимъ образомъ являемся рабочими труженниками, рабочими путниками на поприщѣ этой жизни. И предъ усиліями трудовыхъ человѣческихъ изысканій открываются дивныя, необъятныя силы природы, точно дѣлающія насъ владыками громаднхъ пространствъ вселенной, едва не съ быстротою молніи переносящія насъ съ одного края вселенной на другой, помощію трудовыхъ изобрѣтеній облегчаются обыденныя наши занятія для добыванія насущнаго хлѣба, раскрываются и обнаруживаются такіе тайники нашей природы, которые доселѣ считались для насъ недоступными, изобрѣтаются врачевства для исцѣленія нашихъ недуговъ. И все это совершается въ области напряженнаго труда. Не въ такомъ ли трудѣ—наше призваніе, не въ занятіяхъ ли, посвященныхъ изысканіямъ, возвышающимъ насъ надъ природою, дающимъ намъ среди крѣпость и мощь, состоитъ послѣдняя и конечная цѣль нашего бытія? И кто изъ насъ станетъ оспаривать и такое наше призваніе? Развѣ мы самихъ себя и своихъ дѣтей не спѣшимъ посвящать изученію разнаго рода ремеслъ и искусствъ? развѣ мы не преклоняемся предъ величіемъ современныхъ открытій и изобрѣтеній и не пользуемся ими? Въ чемъ же однако дѣло? Какъ согласить эти жизненныя наши потребности, освященныя впрочемъ закономъ Божиимъ при созданіи человѣка, съ благими заповѣдями Господними жить только для блага другихъ и въ этомъ полагать конечную цѣль нашего бытія? Въ словѣ Божіемъ не можетъ быть несогласій. Здѣсь, слушатели благочестивые, рѣчь идетъ не о томъ, чтобы ронять наши трудовыя занятія и показать ихъ излишество, или чтобы умалить значе-

ніе порывовъ нашего ума къ открытіямъ въ области природы къ изобрѣтеніямъ въ области искусствъ; вѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о томъ, чтобы указать, когда и при какихъ условіяхъ эти великія доблести нашего духа, возвышающія насъ надъ окружающею природою, дающія намъ надъ нею право и власть дѣлаются созидающими и благоустраивающими нашу жизнь, приводящими къ цѣли настоящаго ея назначенія. Великій учитель языковъ, а вмѣстѣ и нашъ, ап. Павелъ, ставя себя на мѣсто еллина, искавшаго источника жизни въ урокахъ мудрости и разума, говоритъ: „если знаю всѣ тайны, имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто“. (1 Коринѳ. 13, 3); а въ другомъ мѣстѣ къ этому еще прибавляетъ: *разумъ кичитъ, а любви созидаетъ* (1 Кор. 8, 1). Такимъ образомъ Апостолъ языковъ, разрѣшая наши недоумѣнія, говоритъ: ни высаящія насъ познанія, ни уразумѣніе тайнъ природы, ни даже могучая сила нашего духа—вѣра, не въ состояніи возродить и возсоздать нашу жизнь по образу Христову,—сдѣлать ее благотворною, миротворною, не обремененною житейскими потребностями, если въ основѣ стремленій ихъ не будетъ созидающей и одухотворяющей ихъ арияющей и руководящей ихъ любви. Эти великія доблести нашего духа сами по себѣ не располагаютъ такими качествами, которыя дѣлаютъ его кроткимъ, миролюбивымъ, склоннымъ на всякія пожертвованія, такою могучею силою обладаетъ одна лишь любовь, которая, по описанію Апостола, долготерпитъ, милосердствуетъ..., не ищетъ своего (1 Кор. 13, 2—5), а слѣдовательно способна внушить намъ всѣмъ своимъ существомъ служить благу другихъ, а обладая такою силою она одна способна сдѣлать и вышеописанныя доблести нашего духа благотворными и жизнедательными для другихъ. Таково ученіе Апостола языковъ. И съ такимъ ученіемъ его кто изъ насъ не согласится? Еслибы предъ нашими глазами предсталъ такой изыскатель, который, обнаруживъ богатые сокровища въ природѣ, открывъ въ ней дивныя силы, уразу-

мѣвъ ихъ великое значеніе для жизни, все это сдѣлалъ дстояніемъ или собственныхъ сокровищъ или своего собственнаго ума. Что сказали бы мы о такомъ дѣятелѣ? Такимъ образомъ вся наша жизнь со всѣми своими доспѣхами въ области знанія, со всѣми открытіями въ области природы, со всѣми изобрѣтеніями въ области искусствъ, только тогда бываетъ плодотворною и благотворною, когда оживляется, одухотворяется и руководится мыслию—служенія благу другихъ. Если же такъ, то великій и благій зовъ нашего Спасителя пить его чашу и креститься его крещеніемъ не только остается для насъ во всей силѣ, но помощію его мы только можемъ достигать величія своего нравственнаго положенія въ этомъ мірѣ. И если бы этотъ зовъ сталъ началомъ и концомъ все нашей дѣятельности, сколько слезъ онъ отнялъ бы у обремененныхъ, какое облегченіе доставилъ бы труждающимся обремененнымъ!

Но кто же можетъ вдохновить насъ такимъ сознаніемъ своего долга, кто можетъ внушить намъ, чтобы мы при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ жизни имѣли въ виду благо ближнихъ и этою мыслию оживляли всякое свое дѣло? Никакія углубленныя изученія не только природы вообще, но и природы человѣческой въ частности, не приведутъ насъ къ сознанію такого святого долга. Скорѣе они внушаютъ намъ противоположныя чувства, какъ показали современныя изученія въ области человѣческой природы. Одинъ Основоположникъ новозавѣтнаго откровенія, воплотившій въ своей земной жизни эту истину и отдавшій себя на пропятіе за благо другихъ, могучъ и силенъ наставить насъ въ этомъ и указать путь къ восстанію въ себѣ такого долга. Онъ говорилъ: *аще не съестъ плоти Сына Человѣческаго, ни пьетъ крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоанн. 6, 53), того живота, который вы готовы были бы отдать за благо другихъ, чтобы получить жизнь вѣчную. Въ чемъ же сила и значеніе этихъ знаменательныхъ словъ Спасителя? Они были сказаны въ капернаумской си

наогѣ въ то время, когда многіе изъ слышавшихъ ихъ стали спорить между собою и готовы были навсегда оставить Его за это слово, казавшееся имъ жестокимъ (Іоанн. 6, 52 60. 66). Тѣмъ не менѣе такое хладнокровное отношеніе многихъ изъ учениковъ къ ученію Его не смутило божественнаго Наставника, и Онъ, присоединивъ слова: „истинно, истинно говорю вамъ“, повторилъ сказанное: „если не будете ѣсти плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, не будете имѣти въ себѣ жизни“ (ст. 53). Видимое дѣло, что въ этихъ словахъ крылась великая сила совершаемаго Имъ на землѣ спасенія людей. Въ чемъ же заключалась эта сила? Величіе, недоступное впрочемъ ограниченному нашему пониманію, таинства плоти и крови Господней состоитъ въ томъ, что въ неметъ предлагается намъ истинная плоть и истинная кровь Христова. Церковь наша напутствуетъ припятіе этого таинства такими словами: „еще вѣрую, яко сіе есть самое честное тѣлство и сія есть самая честная кровь твоя“. Вотъ въ этой-то исповѣди, сопровождаемый чистою и неподдѣльною вѣрою въ истинную дѣйствительность предлагаемыхъ намъ плоти и крови Господней, и состоитъ все великое значеніе этого таинства. Предлагая намъ для вкушенія истинную плоть и истинную кровь Господню, это таинство вводитъ насъ въ тотъ великій духовный союзъ, который соединяетъ насъ другъ съ другомъ неразрывными узами той любви, во имя которой мы обязываемся служить другъ другу, помогать другъ другу. Вкушая и принимая плоть и кровь Господню, мы всѣ вкушающіе становимся членами одного великаго тѣла Христова. Разъ же мы сдѣлались членами одного тѣла, то этимъ самымъ обязались, какъ члены одного тѣла, заботиться другъ о другѣ, поддерживать другъ друга въ скорби и нуждѣ. Вотъ гдѣ истинные уроки для взаимной нашей помощи, для взаимнаго служенія другъ другу. Чрезъ принятіе тѣла и крови Господней мы вступаемъ въ одну великую семью Божію, въ которой глава Христосъ, а мы всѣ Его члены. По истинѣ, великое и не-

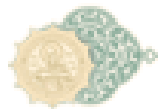
постижимое совершается предъ нашими глазами таинство! Небесный Отецъ, чтобы привлечь насъ земныхъ къ себѣ, посылаетъ на землю своего Сына; Сынъ, сдѣлавшись подобнымъ намъ человѣкомъ, отдаетъ себя на пропачіе и предлагаетъ намъ для вкушенія свою плоть и кровь. И для какой цѣли все это? Чтобы мы между собою питали тѣ чувствованія, какія и во Христѣ Иисусѣ, какъ говоритъ великій учитель языковъ (Филипп. 2, 5), а Его чувствованія каковы? „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“, молился Онъ въ отходной первосвященнической молитвѣ (Іоанн. 17, 21). Гдѣ больше основаній и побужденій ко взаимной любви, взаимному уваженію, взаимному служенію другъ другу? Окружающая насъ природа говоритъ, что Богъ есть любвеобильный Отецъ дождящій на праведныхъ и неправедныхъ, а святое таинство тѣла и крови Господней учить, что [Онъ есть единая всеобъемлющая любовь, единящая насъ всѣхъ въ одну великую семью!

Послѣ этого, слушатели благочестивые, понятно ли для васъ, почему св. церковь каждый день напутствуетъ насъ совершеніемъ этого великаго служенія. Она напоминаетъ намъ о тѣхъ великихъ цѣляхъ, которыя должны служить основою нашей дѣятельности въ теченіи каждаго дня, каждаго начинающагося года и всей жизни. Ежедневно она напоминаетъ намъ объ этомъ въ теченіи года, а теперь, въ теченіи этихъ сорока дней, зоветъ насъ самихъ вкусить и видѣть, какъ благъ Господь, установившій св. таинство тѣла и крови Господней для обновленія и освященія нашей жизни Его всеобъемлющей любовью. Проникнемъ же въ глубину значенія этого таинства для нашей жизни, подготовимся достойно къ принятію тѣла и крови Господней, одѣнемся въ приличную духовную одежду, украшенную златотканными дѣлами любви, милосердія и воздержанія, дабы сподобиться войти въ этотъ уготованный намъ

чертогъ и найти въ немъ укрѣпленіе и ободреніе для своей духовной дѣятельности, а не быть изгнанными изъ него за не имѣніемъ одежды, покрывающей наши немощи и недуги, и не быть осужденными на безплодіе, подобно той смоковницѣ, которая за не приношеніе плодовъ, осужденная на безплодіе, засохла и исчахла. Аминь.

С. Сольскій.

О РЕЛИГИОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Предъ нами первый выпускъ труда: *„Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полного окончанія университетскаго образованія, С.-Петербургъ 1894 г.“*, принадлежащаго г-жѣ М. Манасеиной, имя которой стало довольно извѣстнымъ въ нашей психологической литературѣ ¹⁾. Предметомъ этого выпуска служить религіозное воспитаніе, а слѣдующіе выпуски будутъ, по указанію автора, такого содержанія: второй выпускъ будетъ посвященъ воспитанію ума; третій—воспитанію воли и чувства; четвертый—воспитанію физическому и при томъ, какъ отдѣльныхъ органовъ, такъ и всего организма въ цѣломъ; пятый будетъ содержать эмбриологическое воспитаніе; шестой—историческій очеркъ различныхъ системъ воспитанія и преподаванія; седьмой будетъ содержать исторію университетской жизни и задачи ея въ будущемъ. Какъ видно, трудъ задуманъ по весьма широкому плану, требующему немалого времени для своего осуществленія, и, судя по началу, обѣщаетъ быть интереснымъ и полезнымъ. Авторъ труда обладаетъ широкими, разносторонними естество-научными свѣдѣніями; преобладающая группа его знаній, несомнѣнно, естество-научная. Но при этомъ онъ остается глубоко вѣрующимъ, искреннимъ христіаниномъ, защитникомъ

¹⁾ Сочиненія того же автора: Разборъ книги Мавдслея: „Тѣло и Воля“, 1885; Сонъ, какъ треть жизни человѣка, или фізіологія, патологія, гігіена и психологія сна, 1892; Кое что объ искусствѣ, 1895; О сознаніи; и др.

метафизики сверхчувственного, что въ наше время, признаться, встрѣтить не легко, когда естествознаніе враждуетъ съ метафизикою вообще и христіанскою метафизикою въ частности, желая всячески отодвинуть ее, какъ нѣчто задерживающее, будто бы, ростъ положительной науки. Г-жа Манасеина хорошо знакома съ трудами естествоиспытателей и философовъ позитивистовъ, но не подпадаетъ ихъ вліянію, а удачно пользуется ихъ сочиненіями для обосновки идеальныхъ требованій разума, права и значеніе котораго она такъ высоко цѣнитъ. Считаемо поэтому полезнымъ сдѣлать краткій анализъ перваго выпуска названнаго труда, написаннаго въ столь симпатичномъ намъ духѣ и направленіи.

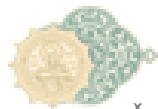
Всякая дѣятельность, а слѣд. и дѣятельность воспитательная, для своего успѣшнаго выполненія требуетъ установки опредѣленной, ясно сознанной цѣли. И философы и педагоги опредѣляютъ цѣль воспитанія самымъ различнымъ образомъ. Однако, всѣ ихъ взгляды на этотъ предметъ могутъ быть, безъ всякой искусственности, раздѣлены на двѣ категоріи: одни мыслители ставятъ воспитанію цѣль общую, идеальную, каково совершенствованіе всего человѣчества, достиженіе послѣднимъ возможно большей суммы нравственнаго блага и т. п. при чемъ „воспитаніе отдѣльной личности имѣетъ значеніе постольку, поскольку эта личность является частицею общаго цѣлаго, частицею человѣчества“; другіе, напротивъ, требуютъ полнаго индивидуализма въ воспитаніи, которое, будто всегда должно имѣть въ виду развитіе *данной* личности, *даннаго* индивидуума. И тотъ и другой взглядъ на цѣль воспитанія не могутъ быть приняты: первый ставитъ воспитанію цѣль слишкомъ туманную, неопредѣленную и въ результатъ ведетъ защитниковъ идеи гуманизма къ тому переполненію воспитываемыхъ знаніями, идеями, которое вредно отражается на развитіи духовной жизни; второй взглядъ исключаетъ существованіе общей системы воспитанія, или общихъ воспитательныхъ правилъ и необходимо сталкивается съ невозмож-

ностью изучить и распознать всё индивидуальныя особенности воспитываемыхъ. Истинная цѣль воспитанія должна быть такова, чтобы въ ней элементы общечеловѣческіе совмѣщались съ элементами индивидуальными, одни элементы не были отчуждаемы другими. „Цѣль, которую ставить себѣ воспитатель, должна быть достаточно широка для того, чтобы она могла вмѣщать въ себѣ, какъ интересы всего человѣчества вообще, такъ и интересы каждой отдѣльной личности, и слѣд. въ ней должны естественно укладываться какъ альтруистическія или идейныя, такъ и индивидуальныя цѣли... воспитанія, т. е. она должна охватывать всё вышеупомянутыя стремленія педагогики и открывать полную возможность не только для безконечнаго совершенствованія человѣческихъ общинъ и человѣчества вообще, но также и для свободнаго и пышнаго развитія индивидуальныхъ способностей, качествъ и стремленій. Цѣль воспитанія должна, съ одной стороны, быть такова, чтобы ея устранялось всякое насиліе надъ личностью, всякая ломка индивидуальныхъ особенностей, а съ другой, она должна быть также и такова, чтобы, при стремленіи къ ней, человѣчество естественно бы питало и усиливало въ себѣ тѣ божественныя искры, которыя... теплятся въ немъ; она должна быть такова чтобы, преслѣдуя ее, мы тѣмъ самымъ все больше и больше осуществляли въ своей жизни тѣ высокіе идеалы религіи и этики, которые являются какъ бы путеводными звѣздами въ исторіи развитія человѣчества“.

Если теперь примемъ во вниманіе натуру человѣка и его положеніе въ средѣ другихъ людей и среди природы вообще, то должны сказать, что *цѣль воспитанія сводится къ тому, чтобы подготовить человека къ борьбѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова*. Борьба вездѣ предстоить человѣку, но самая тяжелая для него борьба—борьба внутренняя,—борьба съ собственнымъ эгоизмомъ, съ собственными страстями, со зломъ и грѣхомъ. Борьба, по выраженію автора, это миѣнческій Змѣй Горынычъ нашихъ народныхъ ска-

зокъ и былинъ: побѣжденная въ одной формѣ, она является въ другой, и такъ непрерывно. „Человѣкъ не мыслимъ безъ постоянной борьбы, и потому.... цѣль всякаго воспитанія сводится на то, чтобы, какъ можно лучше, вооружить воспитываемыхъ къ предстоящей имъ жизненной борьбѣ,—къ борьбѣ со стихійными силами природы, къ борьбѣ съ врагами растительнаго и животнаго міровъ, къ борьбѣ съ своими собственными страстями, съ своимъ собственнымъ эгоизмомъ. Цѣль воспитанія—это приготовить, развить бойца, лишняго хорошаго бойца человѣчества“. Въ такомъ опредѣленіи цѣли воспитанія совмѣщаются элементы общечеловѣческіе, идеальны и элементы частные, индивидуальны. Съ одной стороны, необходимо воспитываемаго снабдить общечеловѣческимъ содержаніемъ, высокими идеалами, чтобы онъ зналъ, ради чего ему нужно бороться, чтобы его борьба не была бессмысленною съ другой, это общечеловѣческое, идеальное содержаніе необходимо ему привить, сообразуясь съ его индивидуальными особенностями, ибо все, привитое искусственно, не имѣетъ прочныхъ корней и потому не можетъ достигать полнаго развитія

Едвали можно согласиться съ указаннымъ опредѣленіемъ цѣли воспитанія и поставить его на мѣсто критикуемыхъ опредѣленій. Борьба не есть цѣль и не можетъ быть цѣлью а она только средство; никто не борется для того, чтобы только бороться, а борется для достиженія чего нибудь желательнаго для себя. Самъ авторъ говоритъ, что воспитываемою должны быть внушены высокіе идеалы правды и добра,—идеалы, даваемые христіанствомъ,—чтобы его борьба не была борьбою бессмысленною. Осуществленіе то этихъ высокихъ идеаловъ и должно быть цѣлью воспитываемаго, а борьба есть только неизбѣжный при этомъ путь, на который каждыі долженъ вступить. Воспитаніе должно развить всѣ лучшія стороны человѣческаго существа, чтобы такимъ образомъ сдѣлать человѣка способнымъ продолжать самодѣтельно свое совершенствованіе. Самъ авторъ, какъ увидимъ послѣ, опредѣляетъ

цѣль воспитанія болѣе положительными признаками. Кромѣ того, опредѣленіе цѣли воспитанія, данное г-жею Манасеиною, не имѣетъ такого преимущества предъ другими опредѣленіями, чтобы въ немъ легко, просто и свободно совмѣщались общечеловѣческіе и индивидуальныя элементы воспитанія. Подобное совмѣщеніе возможно и тогда, если цѣлью воспитанія ставится вообще совершенствованіе человѣчества: все зависитъ отъ того, какъ толковать это опредѣленіе цѣли воспитанія. Если отцы церкви, а затѣмъ педагоги Амось Коменскій, Песталлоци и другіе, видѣли конечную цѣль воспитанія въ развитіи въ человѣкѣ подобія Божія; то въ этой цѣли, стоя на точкѣ зрѣнія самого автора, можно прекрасно соединить общечеловѣческіе и индивидуальныя элементы воспитанія: подобіе Божіе—это тѣ высшіе, божественныя, идеальныя задатки человѣческой природы, которыми живетъ и движется человѣчество, но эти задатки можно привить прочно человѣку, только сообразуясь съ его индивидуальными особенностями.

Что человѣку предстоитъ борьба и притомъ самая трудная, борьба внутренняя, борьба съ самимъ собою, это положеніе авторъ теперь обосновываетъ путемъ анализа человѣческой природы, или выясненія основныхъ, общихъ всѣмъ людямъ, свойствъ. Думаемъ, что эти разсужденія о природѣ человѣка нужно бы помѣстить раньше, такъ какъ соображеніе простое, что цѣль предмета, наше отношеніе къ нему, опредѣляется самими свойствами предмета, которыя напередъ должны быть выяснены.

Дѣтская природа,—тотъ матеріалъ, надъ которымъ нужно трудиться воспитателю, не есть, какъ утверждаютъ нѣкоторые философы и педагоги, *tabula rasa*, на которой можно начертывать все, что угодно,—и доброе и дурное. И ежедневный опытъ, и научныя точно провѣренныя данныя ясно доказываютъ существованіе въ дѣтяхъ извѣстныхъ прирожденныхъ индивидуальныхъ различій, съ которыми воспитаніе необходимо должно считаться. Въ числѣ этихъ природныхъ особенностей находятъя явно дурныя, извращенныя, какова напр.

прирожденная нѣкоторымъ дѣтямъ склонность къ жестокости, и слѣд. несправедливо мнѣніе о прекраснѣйшей человѣческой природы, которая, будто, сама по себѣ добра, вполне нормальна и только нецѣлесообразное воспитаніе портитъ и извращаетъ ее. Нужно признать вѣрнымъ третій взглядъ на человѣческую природу, находимый въ христіанствѣ, именно, что „разъ грѣхъ, т. е. зло и ложь проникли въ міръ, разъ прародители совершили свой первобытный грѣхъ, то уже съ той поры всѣ потомки ихъ, по необходимости, рождаются зараженные грѣхомъ, и воспитателямъ необходимо бороться съ дурными наклонностями дѣтей и стараться развивать въ нихъ всѣ добрыя, свѣтлыя стороны, которыя имѣются въ каждомъ человѣкѣ рядомъ съ дурными, злыми, эгоистическими стремленіями“. Этотъ общеизвѣстный христіанскій взглядъ на природу человѣка и міръ вообще вполне подтверждается наукою, что авторъ доказываетъ естество-научными справками. „Наука признаетъ злымъ даже основное вещество всей органической жизни на землѣ, т. е. протоплазму и при томъ въ ея наиболѣе примитивныхъ и простыхъ проявленіяхъ, хотя бы напр. въ формѣ батибія или амѣбы. Живая протоплазма всегда бываетъ агрессивна, а слѣд. и зла, говоритъ П. Рокитанскій... Маудслей тоже указываетъ, что органическое вещество (протоплазма) обладаетъ способностью увеличиваться на счетъ неорганическаго окружающаго вещества, при чемъ оно превращаетъ это послѣднее въ вещество своего рода, ассимилируя его. Благодаря этой способности инволюціи, органическое вещество... стало быстро увеличиваться и размножаться; а затѣмъ оно, въ силу своей природы, стало также поддерживать свое существованіе на счетъ другаго органическаго вещества, на счетъ другой протоплазмы, такъ какъ при этомъ процессы инволюціи, процессы питанія оказывались значительно упрощенными и облегченными“ (стр. 32). Кромѣ инволюціи и другой основной процессъ, т. е. процессъ эволюціи, которому подлежитъ какъ индивидуальная жизнь человѣка, такъ и жизни соціальныхъ

аггрегативъ и жизнь всего органическаго міра, постоянно вносить новыя и новыя эгоистическіе моменты, которые должны быть сдерживаемы противоположными альтруистическими моментами, чтобы не наступило разрушеніе (диссолюція) и смерть органическаго цѣлаго.

Если, такимъ образомъ, вѣренъ указанный взглядъ на природу человѣка, какъ природу, посвящую въ себѣ добро и зло, то какими, спрашивается, средствами воспитатель долженъ пользоваться для того, чтобы ослабить, задержать, если можно, совершенно искоренить въ питомцѣ все злое, эгоистическое и развить въ немъ все доброе, прекрасное?

Нравственно-воспитательная цѣль не будетъ достигнута, если ребенку станутъ твердить о величій добродѣтели и безобразіи порока, ибо дѣти, какъ незнакомыя еще ни съ положительными, ни съ отрицательными сторонами жизни, не поймутъ, не оцѣнятъ надлежащимъ образомъ этихъ разсужденій, и потому послѣднія имъ прискучать, какъ надоѣдаетъ вообще всякая прописная мораль. Твердить дѣтямъ о безобразіи различныхъ пороковъ можетъ быть даже прямо для нихъ вреднымъ: еще Паскаль сказалъ, что, говоря человѣку постоянно о какомъ нибудь нежелательномъ качествѣ, мы тѣмъ самымъ можемъ развить въ немъ это качество. Чтобы воспитать въ дѣтяхъ добрыя стороны и парализовать дурныя, нужно дѣйствовать не на поверхность, такъ сказать, дѣтской души, а на самую ея глубь,—на то, въ чемъ нравственность имѣетъ свою высшую основу. А такою основою, какъ показываетъ историческій опытъ человѣчества, всегда являлась и является религія, и всѣ попытки основать мораль, независимую отъ религіи, какія попытки замѣчаются въ современной Франціи, не приводятъ къ цѣли и даже оказываются прямо губительными. Только религіозное воспитаніе, или, точнѣе, воспитаніе въ духѣ христіанской религіи служить единственною надежною опорою нравственнаго воспитанія.

Религіозное воспитаніе должно начинаться съ первыми проблесками зарождающейся сознательной жизни ребенка, хо-

тя, конечно, оно должно имѣть самый элементарный характеръ, т. е. ограничиваться разъясненіемъ понятія о Богѣ, развитіемъ въ дѣти чувства любви, довѣрія къ Богу. Нечего смущаться тѣмъ, что дѣти не могутъ понять во всей глубинѣ возвышенной идеи о Богѣ, и что эта идея принимаетъ, разнообразно складу ихъ натуры, своеобразную дѣтскую форму. Идея о Богѣ, Который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ, крайне необходима дѣтямъ: она успокоитъ ихъ пытливый умъ, въ которомъ рождаются многіе вопросы, на которые, понятно, нельзя дать лѣтямъ научныхъ отвѣтовъ; она облегчитъ ихъ душу, въ которой, несомнѣнно, проносятся невысказанныя, невѣдомыя намъ страданія и печали, всякія потрясенія. Въ числѣ болѣзней дѣтскаго возраста, прибавляетъ авторъ, есть особая нервная форма, такъ называемый ночной страхъ дѣтей, когда дѣти пробуждаются со страшнымъ крикомъ и обнаруживаютъ сильнѣйшій испугъ. Замѣчено, что этой болѣзни не подвергаются дѣти, получающіе правильное религіозное воспитаніе. „Я на основаніи личныхъ наблюденій,—говоритъ авторъ,—знаю, что подобныя дѣти, просыпаясь подъ вліяніемъ какого либо страшнаго или непріятнаго сновидѣнія, принимаютъ молиться, иногда просто лежа, иногда же становясь на колѣни посреди своей кровати; въ другихъ случаяхъ, они просятъ также мать благословить ихъ для того, чтобы прогнать страшные сны“ (стр. 52). Безъ великой, основной идеи о Богѣ не мыслимо, настаиваетъ авторъ, совершенное развитіе сознанія,—хотя бы уже по той причинѣ, что „при этомъ высшій законъ всякой логической сознательной мысли, законъ достаточнаго обоснованія будетъ осужденъ на вѣчное несовершенство, т. е. будетъ лишенъ самой возможности постоянного совершенствованія, постоянного развитія; а такъ какъ съ эгимъ логическимъ закономъ нашей мысли неразрывно связано и самое сознаніе, то несовершенство, ограниченіе перваго роковымъ образомъ должно вести къ несовершенству, ограниченности послѣдняго“ Эта аргументація напоминаетъ намъ (по формѣ, а не по духу) мы-

сли Канта о регулятивномъ значеніи теологической идеи и другихъ идей разума, которыя побуждаютъ насъ стремиться ко все большему и большему расширенію знанія, большей и большей систематизаціи его, не останавливаясь на какомъ нибудь опытномъ предѣлѣ, какъ окончательномъ.

Г-жа Манасеина даетъ также нѣкоторые частныя совѣты относительно религіознаго воспитанія дѣтей до 8 лѣтъ. Не можемъ не привести нѣкоторыхъ изъ этихъ совѣтовъ, которые намъ представляются основательными. Нужно заботиться, чтобы „молитвенное обращеніе ребенка къ Богу не имѣло чисто эгоистическаго характера и потому рядомъ съ молитвою за родителей, родныхъ, близкихъ, надо научить ребенка молиться за свой народъ и за всѣхъ людей вообще... Къ восьми годамъ дѣти уже должны знать наизусть молитву Господню; но предварительно ихъ слѣдуетъ, конечно, познакомить съ исторіею жизни и страданій Иисуса Христа; но только не путемъ сухого преподаванія по книгамъ, а въ видѣ живого разсказа, передаваемого дѣтямъ не среди шума и суеты дневной, а въ тихія сумерки или вечеромъ въ виду звѣзднаго неба. Дни семейныхъ торжествъ слѣдуетъ отмѣчать или посѣщеніями богослуженій въ церкви, или молебнами на дому. При посѣщеніи церкви слѣдуетъ всегда помнить, что дѣтское вниманіе устаетъ болѣе или менѣе быстро, и что, слѣдовательно, дѣти не могутъ надлежащимъ образомъ выстоять цѣлую обѣдню. Всякое утомленіе вниманія необходимымъ образомъ ведетъ къ скукѣ, капризамъ и шалостямъ. Въ виду этого, я считала бы необходимымъ приводить дѣтей въ церковь только тогда, когда начинается литургія вѣрныхъ и уводить ихъ, какъ только начнетъ замѣчаться въ нихъ невниманіе и усталость“. Совѣтъ, впрочемъ, г-жи Манасеиной, чтобы, по окончаніи молитвы, вслухъ произнесенной матерью и повторенной дитятею, представлять послѣднему высказывать свои собственныя прошенія къ Богу, кажется намъ неподходящимъ, потому что такая самостоятельность въ развитіи религіознаго чувства преждевременна.

Задачу религіознаго воспитанія въ первые восемь лѣтъ

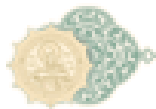
жизни ребенка составляет возбужденіе въ немъ религіозной вѣры и приученіе его молиться. Вѣра и молитва тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, потому что молитва оживляетъ, укрѣпляетъ вѣру и безъ молитвы вѣра становится сухою, безжизненною. Значеніе вѣры и молитвы авторъ доказываетъ, становясь на естество-научную точку зрѣнія, — пользуясь главнымъ образомъ данными психологіи, и вслѣдствіе этого его доказательства получаютъ во многихъ мѣстахъ интересъ свѣжести и новизны. О молитвѣ авторъ выражается, что даже съ реалистической точки зрѣнія она приноситъ пользу, такъ какъ „даетъ человѣку возможность бороться съ различными подавляющими и порабащающими его сознаніе чувствами, мыслями и стремленіями“, какое порабощеніе можетъ быть роковымъ. О вѣрѣ говоритъ, что она сохраняла и сберегала въ теченіе долгихъ вѣковъ драгоцѣннѣйшія истины, которыя впослѣдствіи уяснила наука. Желательно всетаки, замѣтимъ, чтобы, въ виду приводимыхъ фактовъ оттисненія теологико-метафизическаго момента въ объясненіи явленій моментомъ положительнымъ, было тверже поставлено на видъ, что религія есть нѣчто неизблемое, нерушимое, ничемъ незамѣнимое, и такимъ образомъ не подано было повода кому нибудь смотрѣть на религію, какъ на простое выраженіе незнанія, какъ нѣчто такое, что постепенно переходитъ въ науку, отъ какаго взгляда самъ авторъ книги далекъ. Понятіе объ одновременномъ передвиженіи и расширеніи областей вѣры и науки — совершенно невѣрное понятіе: область вѣры не передвигается и не расширяется, а только проясняется. Кромѣ того, значеніе въ наукѣ вѣры, какъ гносеологической формы, авторъ преувеличиваетъ, когда говоритъ, что „безъ гипотезы не мыслимо какое бы то ни было развитіе науки“, а гипотеза не возможна безъ вѣры. Наука не движется созиданіемъ гипотезъ, а гипотеза составляетъ только одно изъ вспомогательныхъ научныхъ средствъ. Не понятно и то, почему разсужденія о вѣрѣ и молитвѣ помѣщены въ первой половинѣ второй главы сочиненія, трактующей о религіозномъ воспитаніи съ 8 до 16 лѣтъ, тогда какъ эти раз-

сужденія общія и ихъ можно было помѣстить въ любомъ мѣстѣ, или, во всякомъ случаѣ, съ большимъ правомъ отнести къ первой главѣ, гдѣ разъясняется необходимость возбужденія въ дѣтяхъ религіозной вѣры и пріученія ихъ къ молитвѣ.

Съ восьмилѣтняго возраста должно начаться систематическое и правильное преподаваніе дѣтямъ истинъ религіи, и потому естественно поднимается вопросъ, какой характеръ должно имѣть это преподаваніе. Авторъ прежде всего разъясняетъ, что въ религіозномъ обученіи должно быть отведено мѣсто націонализму. Въ самомъ дѣлѣ, религія, какъ и языкъ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ духомъ народа, его жизнью, и только насильственно, съ великою болью для народнаго организма, можно разрывать эту связь. Религія образуетъ тотъ центральный пунктъ, или ту, по выраженію автора, „монархическую группу идей, представленій, понятій и чувствъ“, около которой должно группироваться и которою должно объединяться все содержаніе психическаго міра народа. Всякая попытка уничтожить народный индивидуализмъ, нивелировать человѣчество по одному общему масштабу, ничего, кромѣ явнаго вреда, принести не можетъ. Все великое въ человѣчествѣ отмѣчено рѣзко выраженною какъ личною, такъ и національною индивидуальностью. Само собою разумѣется, что націонализмъ въ религіозномъ обученіи долженъ быть чуждъ всякаго фанатизма и ненависти къ послѣдователямъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.—Преподаваніе религіи должно занимать въ школѣ первенствующее мѣсто; нужно всячески заботиться сдѣлать это преподаваніе живымъ, чуждымъ мертвой схоластики, и такимъ образомъ оградить дѣтей отъ того тлетворнаго вліянія невѣрія, которому они могутъ подпасть въ жизни. Чтобы вдохнуть воспитываемымъ любовь къ изученію Закона Божія, пріучить ихъ смотрѣть на это изученіе, какъ безусловно для нихъ необходимое, какъ нѣкоторый священный ихъ долгъ, не нужно оцѣнивать ихъ успѣховъ баллами и прибѣгать къ какимъ нибудь карательнымъ мѣрамъ. „Основнымъ правиломъ школы должно быть,

что всѣ ученики безъ исключенія должны усвоить то, что имъ преподается изъ религіи и при томъ настолько хорошо, чтобы между ними не было ни первыхъ, ни послѣднихъ... Слѣдуетъ поставить религіозное преподаваніе внѣ всякаго соперованія, внѣ всякихъ наградъ и наказаній. Оно должно быть выше всего этого“. Дѣти должны знать, что основательное знаніе религіи „для нихъ также безусловно необходимо, какъ и возможность пользоваться своими глазами для смотрѣнія и чтенія, или своими ногами для передвиженія“. Самое усвоеніе Закона Божія должно происходить въ классѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ законоучителя. Даются и другіе полезные совѣты относительно религіознаго воспитанія въ рассматриваемый періодъ, напр., рекомендуется знакомить юношество съ нашею замѣчательною церковною музыкою и особенностями нашей церковной живописи.

Религіозное воспитаніе въ первые восемь лѣтъ жизни дитяти должно имѣть въ виду развитіе и укрѣпленіе религіознаго *чувства*,—чувства искренняго, цѣлостнаго, не смущаемаго никакими противорѣчіями. Въ послѣдующіе восемь лѣтъ это чувство должно быть прояснено, анализировано, переведено, насколько возможно, на языкъ *разсудка*; тутъ уже имѣется въ виду интеллектуальная сторона религіознаго воспитанія и потому дозволительно ввести націонализмъ въ изученіи религіи, тогда какъ дѣтей до восьмилѣтнаго возраста рѣшительно не слѣдуетъ ознакомлять съ вѣроисповѣдными разностями. Что касается теперь третьяго періода религіознаго воспитанія, который падаетъ на годы пребыванія молодежи въ университетѣ и вообще въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то задачу этого періода религіознаго воспитанія можно опредѣлить такъ: оно должно имѣть въ виду „ту высшую потенцію человѣческаго ума, которую мы привыкли обозначать словомъ *разумъ*“. По самой своей природѣ разумъ идеаленъ, многостороненъ, стремится въ сверхчувственную область, чѣмъ существенно онъ отличается отъ разсудка, который холоденъ, сухъ, практиченъ, все разлагаетъ, расчленяетъ. Синтетическому, за-

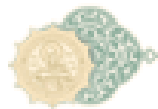
вершительному стремленію разума наиболѣе отвѣчаютъ высокія истины христіанства и въ тоже время онѣ полагаютъ прочныя устои этической жизни. Поэтому истины христіанства должны быть вѣнцомъ образовательнаго цикла, звеномъ, связующимъ пріобрѣтенныя юношествомъ знанія. Тогда школы будутъ давать людей истинно образованныхъ, а не сухихъ узкихъ спеціалистовъ, дальше своей спеціальности ничего не видящихъ; тогда молодежь будетъ владѣть тѣмъ рулемъ, который будетъ направлять ее къ самоотверженному служенію идеямъ правды, добра. Авторъ справедливо вооружается противъ развившейся излишней научной спеціализаціи. „Человѣчество“,—говоритъ онъ,—ослабленное тѣми успѣхами, которыхъ ему удалось достигнуть въ различныхъ областяхъ путемъ все большей и большей спеціализаціи, забыло въ этомъ отношеніи всякую мѣру и стало доводить раздробленіе спеціальностей до такой невозможной узкости, при которой дифференцированіе различныхъ знаній уже перестаетъ быть полезнымъ, а, напротивъ, становится вреднымъ, потому что, суживая мысль, ограничивая умственный горизонтъ человѣка, оно тѣмъ самымъ ослабляетъ въ немъ дѣятельность разума... и благопріятствуетъ несоотвѣтственно сильному преобладанію расудочной стороны человѣческаго ума, которая и переходитъ въ механическое совершенство ремесленности“ (стр. 141).

Мы сдѣлали краткій анализъ сочиненія г-жи Манасеиной исчерпавши, какъ намъ кажется, всѣ главнѣйшія, существеннѣйшія его положенія. Книгу съ пользою для себя можетъ прочитать каждый, интересующійся дѣломъ воспитанія. Понятности большинства проводимыхъ педагогическихъ взглядовъ, по умѣренной, спокойной критикѣ взглядовъ противоположныхъ, по широкому знакомству съ западною педагогическою литературою, по своему общему духу и направленію книга, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Есть въ ней сужденія невѣрные и не вполне согласныя съ ея общимъ духомъ какъ напр. отмѣченное нами сужденіе объ одновременномъ

передвиженіи и расширеніи областей вѣры и науки, или сужденіе, что дѣти не могутъ усвоивать себѣ различныхъ научныхъ истинъ (напр. о свѣтѣ, электричествѣ), „не могутъ уже и потому, что всѣ эти истины являются недавними приобрѣтеніями человѣчества и вслѣдствіе этого они еще не успѣли фиксироваться путемъ наслѣдственной эволюціи, не успѣли превратиться въ необходимые элементы всякой сознательной мысли“ (стр. 53). Встрѣчаются мысли, выраженные не точно, не вполне ясно (см. стр. 3 объ идеалахъ; стран 33 о накопленіи психическаго матеріала). Есть значительныя шереховатости языка; есть уклоненія въ разсужденіяхъ въ сторону и привлеченіе въ аргументаціи слишкомъ разнороднаго матеріала, какъ напр. на стр. 124—131, гдѣ опредѣляется отличіе разума отъ разсудка. Но всѣ эти частныя недостатки не должны закрывать общаго достоинства книги. Жаль, что въ сочиненіи нѣтъ точнаго научнаго аппарата, который бы далъ возможность читателю ближе познакомиться съ тѣми взглядами, которые отвергаетъ авторъ, какъ явно несостоятельныя, или съ которыми онъ соглашается. Правда, въ концѣ книги находится перечень источниковъ, которыми пользовался авторъ, но этотъ перечень въ большинствѣ случаевъ содержитъ въ себѣ только обозначеніе названія сочиненія, мѣста и года его изданія. Перечень, какъ видно, приспособлялся къ порядку текста книги, но этому порядку онъ далеко не соответствуетъ. Жаль также, что г-жа Манасеина нигдѣ не пользуется русскою педагогическою литературою, въ которой о религіозно-нравственномъ воспитаніи написано немало хорошаго. Разумѣемъ труды Юркевича, Пирогова, Ушинскаго, Дебольскаго и др.

Пожелаемъ, чтобы г-жа Манасеина продолжала свой полезный и интересный трудъ, устранивши, если возможно, въ будущихъ его выпускахъ отмѣченные недостатки.

Д. Богдашевскій.

ИЗЪ ЗАГРАНИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ.

О современномъ религіозномъ настроеніи французскаго народа мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ слѣдующую любопытную замѣтку. „Преступленіе республиканъ, находящихся у власти, состоитъ въ томъ, что они подворили во Франціи атеизмъ. Робеспьеръ когда то говорилъ, что онъ не думаетъ, чтобы какой-нибудь народъ когда-нибудь задумалъ здѣлать безбожіе народнымъ (націонализовать атеизмъ). Такой народъ былъ бы чудовищемъ тупоумія и развращенія. Эта чудовищность, когда-то ужасавшая Робеспьера, и нашла свое осуществленіе, благодаря правительству третьей республики. Намъ кажется, что развращены были тѣ, которые создали государство, вычеркнувши Бога; они создали и бросили идею, а тупоумные имъ послѣдовали. Слѣдствіе этого мы видимъ: атеизмъ во Франціи сдѣлался народнымъ. Франція, прежде бывшая воиномъ Бога, теперь стала поборникомъ атеизма. Въ ней когда то была государственная религія, теперь, наоборотъ, безрелигіозность стала государственною. Ни президентъ республики, ни министры, ни другія оффиціальныя лица не произносятъ въ своихъ разсужденіяхъ имени Божія. Въ предѣлахъ возможнаго они имѣютъ дѣло съ „церковію“, но они не знакомы съ „личнымъ Богомъ“ (le pommé Dieu).

И Франція есть единственная страна, въ которой обнаруживается такая чудовищность.

Однако безбожіе не является традиционнымъ въ республиканской партіи; потому, что въ 1848 году, республиканцы заставили благословить „древа свободы“¹⁾; а во время второй

¹⁾ Деревья, посаженные во время великой революціи и политы кровью казненныхъ на гильотинѣ роялистовъ. Въ 1848 году въ память революціи конца XVIII в эти деревья были овящены

Прим. перевод.

мперіи Викторъ Гюго, воспѣвая единеніе республиканцевъ и салъ, въ одномъ изъ своихъ сочаненій (Châtiment): „съ омоцію Божією мы всегда торжествовали“. Только республианцы новой школы сдѣлали безбожіе началомъ (принципомъ) правленія государствомъ. Они сдѣлали безбожіе національнымъ, народнымъ, т. е. отняли у Франціи ея народность; исторія показываетъ намъ, что народъ, не вѣрующій въ Бога, бреченъ на непосредственное паденіе. Правительство, которое окончательно изгоняетъ религіозную идею (изъ страны), не можетъ обезпечить общественнаго положенія внутри государства; не можетъ оно также распространить вліянія его на внѣшнихъ отношеніяхъ. Народъ безбожный скоро дѣлается обычею нравственнаго безпорядка, подтачивающаго жизнь общества и приготовляющаго торжество для безначалія, потому что въ сущности всѣ начала, на которыхъ покоится зданіе общественной жизни, имѣють своимъ первоисточникомъ религіозную идею.

Народъ, который не имѣетъ для себя руководителя въ религіозной идеѣ, осужденъ на полное одиночество: онъ долженъ разсчитывать только на самого себя, потому что не можетъ оказывать никакого дѣйствія внѣ границъ своей страны. Какъ, не при посредствѣ ли своихъ протестантскихъ миссій Англія далеко распространила свою цивилизацію, свою торговлю и свои идеи? Не распространеніе ли греческой православной вѣры дало опору для Россіи на всемъ Востокѣ? А Франція,—если она еще и имѣетъ представительство за границами своей страны, она обязана этимъ тому, что въ еченіе долгихъ вѣковъ была покровительницею католицизма, ли, какъ когда то говорили, „старшею дочерію Церкви“. Страна безъ религіи не можетъ давать отблеска во внѣ: она погружается въ тьму... Дѣлая безбожіе народнымъ достоинствомъ во Франціи, республиканцы обезоруживаютъ окончательно ту страну и беззащитную повергаютъ въ опасности внѣшнія внутреннія. Народъ безъ Бога есть только инертная масса: то прахъ народа, его жалкіе остатки.

Вотъ почему я утверждаю, что наши правители, изгнавъ Бога и создавъ безбожное государство, совершаютъ великое преступленіе противъ отечества. По нашему мнѣнію нѣтъ различія между понятіями „безбожіе“ и „отсутствіе родины“ (безродность—*Sans-Patrie*).

Къ счастью, въ этой странѣ есть еще честные люди, добрые граждане, любящіе отечество, которые рѣшились защищать религіозную идею; защищая эту идею, они защищаютъ идею народной самобытности и независимости.

Въ настоящее время понемногу исчезаютъ старинныя раздѣленія партій: вопросы политическіе разсѣиваются позади вопросовъ религіознаго и соціальнаго, которые выступаютъ на первый планъ. И будетъ время, когда выступать на сцену только двѣ партіи: партія тѣхъ, которые вѣруютъ въ Бога и партія тѣхъ, которые въ Него не вѣруютъ, или партія тѣхъ, которые будутъ стремиться подъ покровомъ религіозной идеи отстоять свободу и достоинство человѣческое, и партія тѣхъ, которые захотятъ согнуть народъ подъ иго тиранинн матеріалистическаго и безбожнаго государства, олицетвореннаго въ какомъ-нибудь Маратъ или Цезарь, переходящемъ Рубиконъ.

Но не будетъ ли дѣломъ патріотическимъ и дѣломъ охраны общественнаго порядка присоединеніе къ составившейся лигѣ противъ атеизма,—присоединеніе, не взирая на вѣроисповѣдныя различія съ цѣлю борьбы противъ безбожія? Такая лига противъ безбожія не есть ни религіозный (?), ни политическій союзъ. Она имѣетъ всѣ отличительныя черты высокаго народнаго дѣла; а потому всѣ, присоединяющіеся къ ней, чтобы выступить противъ безбожія, не могутъ имѣть другаго какого-нибудь знамени, кромѣ знамени Франціи“.

Не менѣе серьезнымъ врагомъ католичества во Франціи является протестантизмъ. Переходы католиковъ въ протестантизмъ (кальвинство) совершаются не отдѣльными единицами, а цѣлыми группами, иногда очень значительными. Такъ на югѣ Франціи въ одномъ приходѣ приходскій свя-

щенникъ, по имени Жакъ Бономъ, объявилъ съ кафедры церковной, что онъ имѣеть внутреннее побужденіе перейти въ кальвинизмъ. Въ отвѣтъ на его заявленіе послѣдовало согласіе почти всей общины. Не смотря на всѣ попытки іезуитовъ, которые были немедленно отправлены въ ту мѣстность, чтобы возвратить заблудшихъ въ католичество, это не удалось. Мало того,—Бономъ началъ вѣщо въ родѣ миссіонерскаго объѣзда сосѣднихъ приходовъ, гдѣ не безъ успѣха распространялъ свое новое вѣроисповѣданіе. До 60 католиковъ недавно перешло въ протестантизмъ и въ Клермонъ-Ферранъ, и въ Бургъ де-Бостъ.

Въ *Италіи* со времени уничтоженія церковнаго государства открылся доступъ для всевозможнаго рода протестантскихъ вѣроисповѣданій. Католическіе журналы констатируютъ распространеніе въ ней массонства,—что въ сущности является распространеніемъ антихристіанскихъ началъ въ жизни народа. Но несомнѣнно, что одновременно съ политическимъ переворотомъ, нанесшимъ ударъ папской власти, католичеству былъ нанесенъ и религіозный ударъ: со времени обращенія „церковной области“ въ свѣтское государство въ нее получили гораздо болѣе свободный доступъ миссіонеры изъ разныхъ странъ: среди нихъ въ 1872 году появился и методистскій проповѣдникъ. Правда, дѣло распространенія методизма въ Италіи шло довольно медленно, но довольно непрерывно, такъ что въ настоящее время въ Италіи насчитывается 31 община,—эти общины не походятъ на то, что обыкновенно называется приходомъ,—они называются „станціями“—потому что служатъ мѣстомъ для остановки странствующихъ проповѣдниковъ. Дѣйствующихъ въ Италіи въ настоящее время проповѣдниковъ 24. Главное вниманіе ихъ было направлено на городъ Римъ, и съ самаго начала тамъ была основана капелла для богослужебныхъ собраний и проповѣди. Но эта первая капелла была построена въ такой шумной части города, что весьма часто невозможно было совершать богослуженіе. Съ другой стороны, она была слишкомъ мала для всѣхъ.

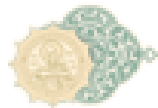

болѣе и болѣе возрастающей общины такъ же, какъ и другія методистскія благотворительныя учрежденія (напр. институтъ для воспитанія мальчиковъ) и ихъ типографія. Въ 1691 году было рѣшено построить новую капеллу, которая начата въ 1893 и окончена въ сентябрѣ прошедшаго (1895) года. Посвященіе ея было совершенно въ знаменитый день годовщины уничтоженія „Церковной области“ (⁸/₁₀ сентября) и представляло собою одинъ изъ эпизодовъ въ ряду непріятностей пережитыхъ римскимъ католичествомъ въ этотъ день.

Не менѣе блестящіе успѣхи дѣлаетъ методизмъ въ *Швейцаріи*, по выраженію одного лютеранскаго листка, „терзаемо либерализмомъ и сектанствомъ“. Объ этихъ успѣхахъ заявляетъ отчетъ годичной конференціи методистовъ. Успѣхъ этотъ выражается какъ въ возрастаніи числа членовъ въ общинахъ такъ и въ матеріальной внѣшней обстановкѣ ихъ богослужбныхъ помѣщеній, т. е. въ расширеніи капеллъ, которыя стали недостаточны для общинъ, въ устроеніи новыхъ капеллъ на мѣстѣ остарѣвшихъ и въ мѣстахъ, которыя ихъ совершенно не имѣли. Средоточіемъ швейцарскаго методизма остается Цюрихъ, въ которомъ есть постоянный проповѣдникъ. Вмѣстѣ съ распространеніемъ ученія методистовъ распространяется и методистское „книжное дѣло“, то есть, увеличеніе интереса въ обществѣ къ спеціально методистской религіозной литературѣ.

Для лютеранства,—по сознанію самихъ лютеранъ,—прошедшій годъ былъ годомъ жестокой борьбы. Борьба эта была тѣмъ болѣе тяжела, что защитникамъ истиннаго (положительнаго) лютеранства приходилось имѣть дѣло не только съ своими прямыми противниками (отрицательною партією рационалистовъ), но и съ равнодушіемъ общества, изъ среды котораго раздавались серьезные протесты противъ религіозно-полюмики, поднятой въ защиту ортодоксальнаго лютеранства. Чтобы удержать расположеніе общественнаго мнѣнія на сторонѣ своего исповѣданія,—и особенно расположеніе низшихъ и среднихъ классовъ, многіе лютеранскіе пасторы рѣшили

испробовать мѣру, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ употребилъ папа,—и для той же цѣли,—именно: провозгласить себя сторонниками такъ называемаго „христіанскаго соціализма“. Это направленіе особенно къ концу прошедшаго (1895) года становится все болѣе и болѣе моднымъ среди лютеранскихъ молодыхъ пасторовъ и студентовъ богословскихъ факультетовъ въ Германіи. Ставя крестъ (Todtenschein) надъ догматами чистаго лютеранства, многіе изъ нихъ видятъ возможность удержать значеніе лютеранства практическаго, навязавъ его теоретическому ученію соціалистическія доктрины. Въ этомъ смыслѣ было составлено нѣсколько конференцій і съѣздовъ, въ этомъ же смыслѣ неоднократно раздаются голоса и въ печати. Что выйдетъ изъ этихъ попытокъ, трудно сказать напередъ, но что онѣ грозятъ новыми осложненіями для положительнаго лютеранства, это видно уже въ настоящее время: онѣ грозятъ лютеранству созданіемъ въ немъ новой партіи, которая весьма легко относится къ вѣроисповѣднымъ различіямъ.—Къ той же самой цѣли (удержать симпатіи общества) стремится и та партія, которая считаетъ возможнымъ примкнуть ко вновь образовавшемуся обществу „Филадельфія“, цѣль котораго состоитъ въ объединеніи разныхъ протестантскихъ сектъ. Все чаще и чаще въ Германіи раздаются голоса, что лютеранство съ своимъ отстаиваніемъ старой лютеранской доктрины только затрудняетъ дѣло объединенія христіанскихъ обществъ. Только въ этомъ объединеніи находится истинное христіанство; только въ немъ „истинны братья во Христѣ“ подають одинъ другому руку, не разбирая къ какому обществу онъ принадлежитъ: баптистъ онъ, или ирвингитъ, методистъ или квакеръ, реформатъ или лютеранинъ. Здѣсь всѣ братья. По нашему мнѣнію, это послѣднее теченіе еще болѣе опасно для лютеранства положительнаго, потому что оно болѣе всего совпадаетъ съ тѣмъ религіознымъ безразличіемъ, которое въ настоящее время господствуетъ въ Германіи почти во всѣхъ слояхъ общества.

ВОСКРЕСЕНІЯ ДЕНЬ.

*Аще исповѣси усты твоими Господа
Исуса, и вѣруеши въ сердце твоемъ, яко Богъ
того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися
(Римл. X, 9).*

Кто же изъ насъ не желаетъ себѣ спасенія! Какъ можно не вѣровать въ воскресеніе Господа Исуса, засвидѣтельствовавшее столькими лицами и вѣками! А если въ наше печальное время иные колеблются вѣрою, то знаютъ ли они въ возможной полнотѣ, какъ совершилось таинственное воскресеніе, на которомъ зиждется наше вѣчное спасеніе! Вотъ Богъ привелъ насъ еще разъ узрѣть день воскресенія, сего царя дней, конемъ освѣщаются всѣ грядущіе и прошедшіе вѣка: почитимъ же нынѣ „*Воскресенія день*“ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о томъ, какъ возсіялъ и пришелъ онъ нѣкогда. А для сего перенесемъ мысленно въ Іерусалимъ, во времена Спасителя, въ вечеръ великой субботы, и станемъ внимательно слѣдить за ходомъ событій.

Тѣло Господа Исуса Христа почиваетъ во гробѣ. Весь день субботы апостолы и мученицы проводятъ въ покоѣ, по закону. Въ Іерусалимѣ новый день считается съ 6-ти часовъ вечера, по древнему церковному чину, такъ что вечеромъ въ субботу уже можно было дѣлать всякое дѣло,—и посему рія Магдалина и другая Марія (Іаковлева—по сыну, Клеопы—по мужу) пошли „*видѣти гробъ*“ Господа Исуса, гдѣ оглушно были ихъ мысли и сердца. Умеръ Христосъ, и умерла въ нихъ любовь къ Нему и повлекла ихъ ко гробу

узнать, не произошло ли на Голгоѣ или около гроба Господня что либо особенное. Пришедши, увидѣли онѣ, что все было въ томъ же положеніи, какъ было въ пятницу, когда совершилось погребеніе Господа. Возвратясь въ городъ, обѣ онѣ сошлись съ Саломією (матерію апостоловъ Іакова и Іоанна и всѣ втроемъ купили ароматовъ, чтобы утромъ помазать тѣло Господа Іисуса. Онѣ думали, что Іосифъ и Никодимъ не успѣли сдѣлать всего, чтобы оказать послѣднюю почесть возлюбленному Учителю. По крайней мѣрѣ ихъ сердце требовало еще оказать Ему прощальную почесть. Очевидно, что нихъ не было и мысли о воскресеніи, такъ какъ муро и ароматы нужны для мертвца, а не для воскресца. Многократныхъ предсказаній Господа о воскресеніи онѣ или не знали или не понимали. Враги Іисуса тверже помнили предсказанія Его, хотя, конечно, не вѣрили Ему. Но, побуждаемые неодолимымъ сознаніемъ сверхъестественной силы Господа, первосвященники іудейскіе опасались всякаго слуха о Его воскресеніи. И когда съ вечера субботы уже начался тотъ третій день, въ который, по предсказанію Господа, должно было совершиться Его воскресеніе, первосвященники поспѣшилъ принять мѣры, чтобы ученики Господа не украли тѣла Его въ ночь и не сказали потомъ, что Онъ воскресъ. И вотъ, вечеромъ же въ субботу, въ то самое время, когда свѣтыя жены были при гробѣ, первосвященники отправились къ Пилату,—попросить у него позволенія, чтобы приставить ко гробу Господа стражу, и привели ее уже по удаленіи женъ от гроба; поставивъ ее на мѣсто, они еще, для большей укрѣпленности, прикрѣпили гробовой камень веревкою и на концахъ веревки положили печать. Такимъ образомъ св. жены и въ подозрѣвали, что гробъ окруженъ стражею и запечатанъ.

Необходимо при этомъ замѣтить, что гробницы у тогдашнихъ іудеевъ выдалбливались обыкновенно въ скалахъ или въ бокахъ горъ; со внѣшней стороны гробницъ перѣдко дѣлались пристройки, въ которыхъ иногда укрывались бѣснующіе

ся. Гробъ Господень также состоялъ изъ двухъ отдѣленій: одно изъ нихъ составляла самая пещера, въ которую положилъ Іосифъ тѣло Иисуса Христа, и къ которой былъ приваленъ камень; другое отдѣленіе состояло изъ преддверія, пристроеннаго къ пещерѣ. Вспомнимъ еще, что подлѣ того мѣста, гдѣ Господь былъ распятъ, находился садъ, и въ саду-же, въ ста восьмидесяти шагахъ отъ мѣста распятія, былъ гробъ Его.

Въ заботахъ своихъ, чтобы намаститъ тѣло Господа ароматами, всѣ жены дѣйствовали согласно, заодно; но помѣщались онѣ, конечно, не въ одномъ домѣ, а гдѣ пришлось имъ, инныя у своихъ родныхъ или знакомыхъ въ Іерусалимѣ, а инныя въ Вифаніи, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ отъ города, на полчаса ходу. И поэтому онѣ положили—утромъ собраться вмѣстѣ не въ городѣ (чтобы никого не тревожить), но у самаго гроба, и ожидать тамъ другъ друга, чтобы совмѣстно совершить помазаніе тѣла Господня; а изъ дому когда выйти—оставили каждой на свободу, когда какая управится, только бы пораньше. Такъ приготовившись и условившись, онѣ терпѣливо ожидали утра, все еще не зная о воинской стражѣ, которая, разумѣется, не допустила бы ихъ ко гробу. Но Господу угодно было, чтобы смиренныя, любящія жены и не увидѣли этой грозной стражи.

Еще до появленія женъ у гроба, въ таинственный часъ глубокой ночи совершилось воскресеніе Христово, незримо и невѣдомо ни для кого, совершилось „камени запечатану отъ іудей и воиномъ стерегущимъ пречистое Тѣло“... Можно сказать только, что оно совершилось не прежде полуночи, поелику оно, по предреченію Господню, должествовало быть *триндневное*, и потому войти хотя въ первые послѣполуночныя часы дня послѣсубботнаго. При томъ—воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада. Ибо Господь, послѣ того, какъ въ видимомъ мірѣ умеръ, въ мірѣ невидимомъ даже до ада душою нисшелъ, и души вѣрныхъ тамъ бывшихъ озарилъ, и отъ сѣни смертной извелъ

патріарховъ, пророковъ и праведниковъ ветхозавѣтныхъ. Встрѣчая этотъ торжественный крестный ходъ Церкви небесной ангельскій соборъ (который такъ недавно смущенъ былъ горестнымъ удивленіемъ при видѣ Господа *въ мертвыхъ омыни шася*) воспѣваетъ пѣснь побѣдную Спасу, *смертную крѣпостъ разорившему, и съ Собою Адама воздвигшему, и отъ ада всъ освобождишему...*¹⁾.

Сопутствуемый сонмомъ небожителей и изведенныхъ изъ ада человѣческихъ душъ, Духъ Христовъ шествуетъ къ животному гробу оживить почивающую въ немъ Свою пречистую плоть, и затѣмъ силою креста Своего отверзаетъ двери неба и рая и вводитъ вѣрныхъ, вмѣстѣ съ благоразумнымъ разбойникомъ. Такимъ образомъ, воскресеніе Христово *ангелъ первѣ поютъ на небесахъ*, и уже потомъ ангелъ вошелъ съ небесъ ко гробу, отвалилъ камень отъ двери гроба и возсѣлъ на камнѣ. Сотрясеніе отъ паденія камня и видъ ангела, котораго лишь сіялъ какъ молнія, а одежда блистала какъ снѣгъ въ трепетъ привели воиновъ, стоявшихъ у гроба; они упали на землю какъ мертвые, а опомнившись, убѣждали. Земная стража у гроба Господня должна была уступить мѣсто стражѣ небесной. Удаливъ такимъ образомъ воиновъ, ангелъ открылъ свободный доступъ ко гробу мѣроносицамъ и апостоламъ, что бы они могли войти, посмотрѣть и убѣдиться, что уже нѣтъ Господа во гробѣ.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что первая увидѣла воскресшаго Господа и Сына Своего Пречистая Матерь Божія. И, если евангелисты умолчали объ этомъ, то, конечно, такова была воля Богоматери: Она и по воскресеніи Господнемъ оставалась такою же смиренною, какою была до селѣ. Да и не было никакой надобности евангелистамъ разсказывать о явленіи Воскресшаго Своей Матери, такъ какъ оно было ни для кого несомнительнымъ и совершенно естественнымъ. Кромѣ того, свидѣтельство Матери о воскресеніи Сына, по родственному союзу, не только не доказывало бы

¹⁾ Слова и рѣчи митрополита Филарета, изд. 1848 г. т. I, стр. 51—52.

истины воскресенія, но еще могло бы подвергнуть его сомнѣнію. Многіе отцы Церкви думаютъ, что Богоматерь и не покидала гроба возлюбленнаго Сына въ продолженіе цѣлаго вечера субботы послѣдовавшей ночи, и видѣла явленіе ангела съ неба, отваленіе камня, омертвѣніе стражей, опустѣвшій гробъ, пелены не заключавшія тѣла, видѣла и Самого Воскресшаго; но когда и какъ послѣдовало Его явленіе,—вѣдаеть только Господь и Его *обрадованная* Матерь.

Затѣмъ, въ разное время и на разныхъ путяхъ, начали появляться жены, идущія ко гробу. Раньше всѣхъ мурносицъ, еще сущей тьмѣ, пошла ко гробу дѣятельная и пламенная Марія Магдалина, любившая сладчайшаго Иисуса, какъ Господа и Цѣлителя своего. Не смотря однако на свой зѣло ранній путь, она пришла поздно: *Солнце правды* возшло прежде, чѣмъ возсіяло солнце природы. Подойдя ко гробу, она увидѣла, что камень отъ него отваленъ. Сидѣвшій на камнѣ ангелъ не явилъ ей лица своего. Глубоко потрясенная открытымъ гробомъ она тотчасъ же подумала: *возьми Господа!* И не побывавъ въ пещерѣ и не выдавъ ничего, кромѣ открытаго гроба, она поспѣшно бѣжитъ обратно въ городъ, бѣжитъ къ апостоламъ Петру и Іоанну—сообщить имъ поразительную вѣсть, что нѣтъ тѣла Господа во гробѣ! На дорогѣ она встрѣтила другихъ мурносицъ, тревожно сказала имъ: „*возьми Господа отъ гроба*“, обмѣнялась съ ними недоумѣніями, и тѣ пошли ко гробу, а она побѣжала къ апостоламъ¹⁾.

Въ то время, какъ она ходила въ городъ, приходитъ ко гробу Іоанна, жена домоправителя Иродова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими женами; всѣ они принесли ароматы. Наступало глубокое утро. Нашедши камень отваленнымъ (о чемъ уже сказала имъ Марія Магдалина), жены прямо вошли во гробъ. Тамъ онѣ не нашли тѣла Господа Иисуса... Когда онѣ

¹⁾ Оъ этой встрѣчѣ Магдалины дають понятъ слова ея къ апостоламъ: „не знаемъ, гдѣ похоронили Его“ (Іоан. XX, 2).

горестно раздумывали, что бы это значило, вдругъ предстали имъ два мужа; ихъ внезапное появленіе и блистающія одежды показывали, что это были ангелы. Жены, въ страхѣ отъ видѣнія, опустили глаза свои предъ яркимъ сіяніемъ небожителей; но тѣ поспѣшили успокоить ихъ, говоря: „*Что вы ищите Живаго между мертвыми? Ею нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ! вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеѣ, сказывая, что Сыну Человѣческому надлежитъ быть предану въ руки челоуковъ грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть*“ (Лук. 24, 5—7). И вспомнили тогда жены эти слова Его, и уходя отъ гроба, конечно, рѣшили немедленно пойти и возвѣстять о видѣнномъ и слышанномъ ими апостоламъ и всѣмъ прочимъ съ ними. Можно предположить, что отъ гроба жены заходили къ себѣ домой, чтобы освободиться отъ сосудовъ съ ароматами.

Между тѣмъ Марія Магдалина, пришедши къ Петру и Іоанну, въ величайшемъ смущеніи говоритъ имъ: „*унесми Господа изъ гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Ею*“ (Іоан. 20 2). Петръ и Іоанъ тотчасъ же вышли изъ дому и побѣжали ко гробу, чтобы своими глазами удостовѣриться въ неожиданномъ и поразительномъ событіи. Марія послѣдовала за ними. На пути они не встрѣтились съ женами, шедшими отъ гроба къ нимъ, и это легко могло случиться по расположенію улицъ Іерусалимскихъ. Оба апостола шли поспѣшно, но Іоаннъ, окрыляемый любовью и будучи моложе Петра, шелъ скорѣе и пришелъ ко гробу первый: наклонясь, онъ взянулъ туда, гдѣ положено было тѣло Господа, и увидѣлъ лежащія тамъ одиѣ пелены погребальныя, которыми оно было обвито. Любовь его ко Христу печалилась новымъ лишеніемъ: нѣтъ тѣла Господа! Въ глубокой скорбѣ и раздумьѣ, онъ остановился у входа; гдѣ встрѣтила скорбь, тамъ и остановилась тихая душа, она ждала себѣ побужденія отънѣ: можетъ быть, и робость въ уединеніи сада овладѣла имъ, и онъ поджидалъ Петра. Подошелъ Петръ, волнуемый тяжкимъ воспоминаніемъ

о своемъ отреченіи, но съ обычной ему пылкостью смѣло вошелъ внутрь гроба. И онъ увидѣлъ тоже пелены лежація и еще платокъ, бывшій на головѣ Господа, не съ пеленами положенный, но особо свитый на другомъ мѣстѣ. Тогда вошелъ въ пещеру и Іоаннъ, увидѣлъ—и увѣровалъ, что тѣла Господа не могли унести ни друзья, ни враги: друзья не оставили бы погребальныхъ пеленъ, враги не стали бы заботиться сложить ихъ въ такомъ порядкѣ. Въ апостолѣ возникло изумленіе, близкое къ вѣрѣ въ самое воскресеніе, появилось начало этой вѣры. Осмотрѣвши все во гробѣ, оба апостола отправились домой, одинъ—погруженный въ скорбь и недоумѣніе, другой—съ трепетной надеждой. Оба они не видали во гробѣ ангеловъ, потому что небесные вѣстники являются по волѣ Божіей; и по той же волѣ могутъ быть невидимы. А безъ сомнѣнія, весь гробъ и вся окрестность гроба невидимо исполнены были ликовъ ангельскихъ. Тамъ было не два, три ангела, тамъ былъ цѣлый соборъ ихъ и являлись они женщинамъ не одинъ и тотъ же постоянно; являлись то одинъ, то другой, то два; то въ этомъ мѣстѣ, то въ другомъ; то съ такою рѣчью на устахъ, то съ другою; но всѣ говорили объ одномъ и томъ же: *Христосъ воскрес!*.

Петръ и Іоаннъ ушли; но Марія Магдалина не хотѣла разстаться съ безцѣннымъ гробомъ; она осталась подлѣ него, смущенная, обезсиленная тревогою, горестію и самою ходьбою чуть не съ полуночи. Не зная, что дѣлать, что думать, она стояла и плакала; плакала, что не осталось для нея и полнѣднего утѣшенія въ горькой потерѣ—не видитъ она даже тѣла Иисусова. Среди рыданій она взяла руку внутрь гроба, на то мѣсто, гдѣ такъ недавно покоилось тѣло возлюбленнаго Учителя, и вдругъ увидѣла тамъ двухъ ангеловъ въ бѣломъ одѣяніи: одинъ сидитъ въ головахъ, а другой въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Господа. Безутѣшная скорбь такъ сильно владела Марією, что это видѣніе нисколько не изумило ее, и она посмотрѣла на ангеловъ, какъ на обыкновенныхъ людей. Анге-

лы спросили ее: „*жено, что плачешь?*“ Она отвѣчала: „*унесли Господа моего, и не знаю, идѣ положили Его*“ (Іоан. 20, 11—13). Сказавъ это, она оборотилась, какъ бы повсюду ища глазами, куда бы могли унести Господа Іисуса, и вдругъ видѣть Его Самого, но не узнаеть Его. И слезы мѣшали ей взглядѣться въ Него, и туманъ предразсвѣтливый затемнилъ зрѣніе, и деревья сада заслоняли свѣтъ, и воскресшій Господь явился въ иномъ образѣ, чѣмъ при жизни. Нѣчто неземное, нѣчто духовное просіявало въ Его воскресшемъ тѣлѣ. Господь тихо говорить ей: „*Жено, что плачешь? Кого ищешь?*“ Но она не узнала Его и по голосу, потому что у нея не было и мысли увидѣть Его живымъ; она подумала, что предъ нею былъ садовникъ (кому же и быть въ саду рано утромъ, какъ не садовнику!) и говорить ему: „*господинъ мой, если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, идѣ ты положилъ Его, и я возьму Его*“ (Іоан. 20, 14—15). Сказала и снова оборотилась ко гробу, какъ къ самому драгоценному мѣсту для нея во всемъ мірѣ. Тогда Господь прежнимъ голосомъ, съ прежнимъ выраженіемъ назвалъ ее по имени: „*Марія!*“ Она, услышавши этотъ голосъ, такъ знакомый ей, вскрикнула: „*Учитель!*“—и больше ничего не могла ни сказать, ни подумать. Откуда Онъ, какъ Онъ ожилъ, какъ вышелъ изъ гроба—ни о чемъ подобномъ не возникало въ душѣ ея никакого вопроса; она вся объята была однимъ чувствомъ благоговѣйной радости и любви и стремительно бросилась къ ногамъ Его, чтобы обнять ихъ, уцѣриться въ Немъ и никогда съ Нимъ не разлучаться. Но Господь остановилъ ее, говоря: „*Не прикасайся ко Мнѣ* (не бросайся такъ стремительно; ты, считающая Меня, мертвымъ, недостойна прикоснуться ко Мнѣ, Воскресшему; ты, считающая Меня садовникомъ, недостойна поклониться Мнѣ, какъ Господу; повѣрь Моему слову, а не своему осязанію—такъ толкуетъ слова Его блаженный Іеронимъ¹⁾). *Не прикасайся ко Мнѣ и не останавливай Меня, ты Меня не въ послѣдній разъ видишь), потому что Я еще не отхожу къ Отцу Моему, а иди къ*

¹⁾ Творенія блж. Іеронима I, 209; II, 142.

братьямъ (ученикамъ) Моимъ, и скажи имъ (что спустя нѣсколько времени) *Я восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему** (Іоанн. 20, 17). Сказавъ эти слова, Господь вдругъ сталъ невидимъ. Очевидно было, что тѣло Господа по воскресеніи стало не такимъ, какимъ было прежде: оно осязаемо и видимо, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно уже тонкое, легкое, духовное, не знающее никакой преграды для своего появленія въ томъ или другомъ мѣстѣ, оно проникнуто всемогуществомъ Его духа; Воскресшій является и скрывается, когда Ему благоугодно, является вдругъ, мгновенно и въ иномъ образѣ, и такъ же мгновенно дѣлается невидимымъ. И никто не можетъ знать, откуда Онъ пришелъ, или куда поидетъ. Это явленіе Воскресшаго было собственно не для одной Маріи, а для того, чтобы она повѣстила о воскресеніи Господа ученикамъ. Глубоко обрадованная явленіемъ Господа, и притомъ такимъ дивнымъ явленіемъ, Марія немедленно отправилась къ апостоламъ и, можетъ быть, шла уже не такъ спѣшно, какъ прежде, чтобы подолѣе самой насладиться нераздѣльной радостью Боговидѣнія.

Наступалъ разсвѣтъ (а разсвѣтъ въ Іерусалимѣ совершается быстро). Третья группа женъ—Марія Іаковлева и Саломія и, можетъ быть, нѣкоторыя другія съ ними—Марфа, Марія, Сусанна—спѣшаютъ ко гробу. Идучи, онѣ говорятъ между собою: *„Кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба“* (Мр. 16, 2—3)? А камень былъ великъ очень, и имъ не подъ силу отвалить его. Такъ какъ тѣ подходили ко гробу позже прочихъ и, очевидно, не встрѣтились на пути ни съ прежними мѣроносицами, ни съ апостолами, ни съ Маріей Магдалиной, то поэтому можно думать, что онѣ шли изъ Ввѣаніи, мимо стѣнъ Іерусалимскихъ. Когда онѣ подошли ко гробу, уже возсіало солнце, т. е. свѣтъ солнца сіялъ, но самого соляца еще не было видно за Елеонскою горою, заслонявшею его позади ихъ. Подходя ко гробу, онѣ взглянули и увидѣли, что камень уже отваленъ. Отвалился и у нихъ ка-

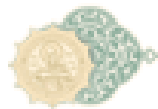
мень отъ сердца. Но вдругъ онѣ увидѣли ангела, сидящаго на отваленномъ камнѣ отъ гроба, и убоялись. Небесный вѣстникъ немедленно заговорилъ къ нимъ: *„Не бойтесь. Я знаю, что вы ищете Іисуса распятаго. Ею нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, идѣ лежалъ Господь“* (Мѡ. 28, 5, 6). Повинуясь слову ангела, жены вошли во гробъ. Тамъ онѣ увидѣли юношу въ бѣлой одеждѣ, сидящаго на правой сторонѣ, и снова ужаснулись. Видя ихъ смущеніе, ангелъ ободряетъ ихъ и свѣтлымъ взоромъ и радостнымъ словомъ: *„Не ужасайтесь. Іисуса ищете Назарянина, распятаго. Онъ воскресъ; Ею нѣтъ здѣсь. Вотъ мѣсто, идѣ Онъ былъ положенъ. Но пойдите скорѣе, скажите ученикамъ Ею и Петру, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и предвѣщаетъ васъ въ Галилею. Тамъ Ею увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ (что теперь и) я вамъ сказываю* (Мр. 16,5—7; Мѡ. 28. 7). И тѣ, вышедши поспѣшно изъ гроба, побѣжали. Ихъ объялъ трепетъ и ужасъ отъ непостижимости всего видѣннаго и слышаннаго, и онѣ, на пути въ городъ, никому изъ встрѣчныхъ ничего не сказали, опасаясь іудеевъ. Чувства ихъ были смѣшанныя въ эти минуты: и страхъ и радость великая... И вотъ, когда шли онѣ возвѣстить обо всемъ апостоламъ, шли проникнутыя и вѣрою, и тревогою благоговѣйною, и радостію великою, вдругъ Самъ Господь Іисусъ срѣтилъ ихъ на пути и сказалъ имъ: *„радуйтесь!“* И онѣ, подойдя поклонились Ему и ухватились за ноги Его. Прикосновеніемъ онѣ твердо увѣрились въ Его воскресеніи, но однакожъ все еще были притрепетны. Господь успокоилъ ихъ: *„Не бойтесь. Пойдите возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня“* (Мѡ. 28, 8—10). И вслѣдъ за симъ Господь сталъ невидимъ.

Съ какою невыразимою радостію побѣжали тогда жены къ апостоламъ—поскорѣе возвѣстить имъ все, что слышали и что видѣли! Тамъ онѣ нашли и другихъ благовѣстницъ, которыя, одна за другою, являлись къ апостоламъ, т. е. къ

Петру, и Іоанну и бывшимъ съ нимъ. Но кого именно и сколько апостоловъ собралось вмѣстѣ въ это утро—не извѣстно; несомнѣнно лишь то, что далеко не всѣ ученики Господа были вмѣстѣ и не всѣ они видѣли тогда всѣхъ мѣроносицъ. Многихъ учениковъ, вѣроятно, не было совсѣмъ въ Іерусалимѣ. Прежде всѣхъ пришла къ апостоламъ мѣроносица Іоанна съ нѣкоторыми и сказала имъ, что видѣла ангеловъ, которые говорили ей, что Господь воскресъ. Апостолы выслушали ее, но не повѣрили, а только плакали и рыдали. Затѣмъ пришла, вся исполненная восторга, Марія Магдалина; она и безъ словъ являлась живымъ свидѣтельствомъ воскресенія, радостно рассказывала она имъ, плачущимъ и рыдающимъ, что она видѣла Самого Господа, и что Онъ сказалъ ей такія слова; но апостолы, выслушавъ ее, и ей не повѣрили. Приходятъ, наконецъ, Марія Іаковлева, Саломія и другія съ ними и рассказываютъ, какъ они видѣли ангеловъ при гробѣ и во гробѣ, а потомъ Самого Господа на пути и передаютъ повелѣніе Его апостоламъ—идти въ Галилею... Сколько свидѣтельствъ воскресенія! Три раза въ собраніи апостоловъ повторяется одна и таже радостная вѣсть! И однакожъ апостоламъ всѣ рассказы эти показались пустыми, и они не повѣрили никому и ничему. Да и трудно было повѣрить. Во первыхъ: такого чуда еще не было слышано никогда доселѣ, чтобы кто самъ воскресалъ, и притомъ какъ могъ умученный, изъязвленный, съ прободеннымъ сердцемъ, обвитый удушающими ароматами, связанный плашаницею, прійти въ себя, встать съ страшнаго ложа своего и найти въ себѣ силы оттолкнуть тяжелый камень, освободиться отъ крѣпкаго заключенія, окруженнаго воинами!... А если прежде воскресали умершіе, то не сами собою, а по молитвѣ великихъ праведниковъ. Во время же Іисуса Христа гдѣ бы могъ быть такой праведникъ, который воскресилъ бы Его, самаго величайшаго Праведника?! Во вторыхъ: апостолы въ это утро глупо омрачены были скорбію и боязнью. Ужасныя недав-

нія событія и позорная смерть ихъ Учителя овладѣли всѣми чувствами ихъ; въ нихъ затмилась вѣра въ Іисуса, и разрушились всѣ ихъ надежды на Него. Бывшіе при гробѣ Іисусовомъ апостолы не видали ни одного ангела; имъ странно казалось, что видѣнія бываютъ только женамъ. Наконецъ, со стороны іудейскихъ властей они могли ждать себѣ того же, что было съ ихъ Учителемъ. А у нихъ не было ни бодрости въ духѣ, ни силы чудотвореній, ни одного покровителя и никакихъ средствъ, которыми можно бы было купить себѣ безопасность. Положеніе апостоловъ было невыносимо: въ прошломъ обманутыя надежды, въ будущемъ—страхъ мести, *фарисейской* мести! Неудивительно поэтому, что самые ближайшіе ко Господу ученики помышляли только о своей личной безопасности и что въ такомъ тревожномъ состояніи они никакъ не могли повѣрить изумительному чуду воскресенія. Можно думать, что Самъ Господь благоволилъ допустить это невѣріе апостоловъ, что Онъ не желалъ внезапной переменъ мыслей и убѣжденій, но приводитъ къ вѣрѣ съ премудрою постепенностію. И благодаря Его предначертанію, первоначальное невѣріе апостоловъ послужило во благо вѣры; слабость ихъ явилась нашею силою; осторожность ихъ стала твердымъ основаніемъ христіанской Церкви. Въ то утро могъ вѣрить только Іоаннъ, который въ словахъ мѣроносицъ, и особенно Маріи Магдалины и матери своей Саломіи, находилъ подтвержденіе своей вѣрѣ. Но всѣ остальные упорствовали въ невѣріи. Петръ, впрочемъ, вставъ побѣждалъ ко гробу опять посмотреть—посмотрѣть, не встрѣтитъ ли тамъ какого либо новаго удостовѣренія. Но, пришедши и осмотрѣвъ гробъ, увидѣлъ тоже, что и прежде—только пелены лежащія. Такъ и пошелъ онъ обратно, самъ въ себѣ дивясь бывшему. Шелъ онъ и, конечно, глубоко скорбѣлъ, что не только Господь, но даже и ангелъ не явился ему, чтобы влить отраду въ его горестно-томящуюся и кающуюся душу. Правда, онъ не безъ нѣкотораго утѣшенія вспоминалъ слова ангела мѣроносицамъ:

„скажиши ученикамъ и Петру“: значить Господь не разгнѣвался на него совершенно и повелѣлъ ангелу упомянуть о немъ, ради его великаго горя и покаянныхъ слезъ; тѣмъ не менѣе состояніе духа его въ это время было очень тяжелое: онъ думалъ, не по его ли винѣ нѣтъ явленій Господа никому изъ апостоловъ?... И не въ эту ли пору Милосердный Господь явился ему, въ утѣшеніе и умиротвореніе сердца его? Весьма вѣроятно. Но какъ произошло это явленіе, объ этомъ нѣтъ подробностей въ Евангеліи. Извѣстно только, что Господь явился Петру *прежде, чѣмъ кому бы то нибыло изъ апостоловъ*. Такъ устроило правосудіе Божіе: кто первый исповѣдалъ Господа Христомъ, Сыномъ Бога живаго, тотъ справедливо первый удостоился видѣть Его Воскресшаго. Явившись ему отдѣльно и раньше, чѣмъ другимъ апостоламъ, Господь конечно изрекъ ему прощеніе за его троекратное отреченіе. Естественно, что Петръ подѣлился своею радостію съ апостолами. И только на этомъ явленіи Господа Петру начали, наконецъ увѣряться, апостолы и стали говорить другъ другу, что Господь воистину воскресъ!

Но такъ какъ ученики Господа скрывались по разнымъ мѣстамъ, то не всѣ они слышали рассказъ самого Петра и далеко не всѣ они видѣли и слышали всѣхъ мурносоицъ, и невѣрующіе еще оставались. А тутъ еще возникло новое смущающее обстоятельство: явились завистливые люди, которые упорно усиливались опровергнуть воскресеніе. Мы видѣли, что воины, бывшіе при гробѣ, убѣжали въ городъ. Можно предпологать, что нѣкоторые изъ воиновъ, болѣе смѣлые, нѣсколько отбѣжавши, остановились невдалекѣ, въ нерѣшимости, что теперь имъ дѣлать; а замѣтивши приближеніе ко гробу женщинъ и затѣмъ апостоловъ Петра и Іоанна, наблюдали скрытно, чѣмъ все это кончится. А когда мурносоицы уже возвращались отъ гроба, то нѣкоторые изъ воиновъ, и, вѣроятно, старшіе изъ нихъ, по долгу службы, поспѣшили донести начальству о всемъ, случившемся на ихъ стражѣ. И такъ какъ они были

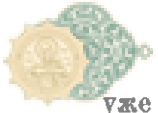
поставлены при гробѣ первосвященниками іудейскими, то они и пошли къ первосвященникамъ и рассказали имъ все, чему сами были очевидцами—явленіе ангела, отваленіе камня, пустоту гроба и похищеніе его мурносоцами и апостолами. Все это показалось чрезвычайно - важнымъ, страшнымъ и нетерпимымъ для убійць Господа Іисуса. Потрясенные, недоумѣвающіе, они поспѣшно собрали старѣйшинъ на совѣщаніе какъ поступить въ семъ поразительномъ случаѣ. И можетъ быть, рассказъ воиновъ о посѣщеніи гроба мурносоцами и апостолами далъ имъ поводъ выдумать, что тѣло Іисуса украдено. И такъ какъ ничего другаго не могли они въ торопяхъ придумать, то немедленно подкупили воиновъ, чтобы тѣ вездѣ рассказывали, будто ученики Іисуса, пришедши ночью, украли тѣло Его, когда воины спали. А чтобы воины не боялись отвѣтственности, имъ обѣщали подкупить и правителя ¹⁾ И слухъ вздорный скоро пронесся по всему Іерусалиму, и невѣрные іудеи ему повѣрили. Но возможно-ли было повѣрить?—спрашиваетъ іудеевъ великій святитель московскій Филаретъ. Какъ можно было украсть Его, когда вы окружили Его гробъ воинами? Они спали, говорятъ іудеи. Военные стражи спали? Такъ, по мнѣнію іудеевъ. Неужели всѣ до одного? Такъ. Неужели ни одинъ не проснулся, когда для взятія тѣла необходимо было отвалить камень *велий зѣло*, для чего потребно было нѣсколько человѣкъ, и что не могло быть безъ шума? Ни одинъ не проснулся. Но кто же свидѣтельствуетъ о томъ, что тѣло украдено?—Тѣ же стражи.—Какъ? тѣ же стражи, которые спали и не проснулись, свидѣтельствуютъ о томъ, что произошло во время сна ихъ, и чего они не слышали? Кто можетъ имѣть дерзость разглашать такую баснь? Невѣрующіе іудеи. Кто можетъ имѣть безуміе вѣрить ей? Невѣрующіе. Спросимъ еще: какъ могло статься, чтобы ученики Іисуса, которые, при первомъ видѣ предстоящей Ему опасности, обратились въ бѣгство, какъ могло статься, чтобы они рѣшились на дерзкое и бесполезное предпріятіе—украсти

¹⁾ Грегучавичъ. Обзоръ Четвероевангелія, II, 91—98.

тѣло умершаго Учителя своего изъ гроба, запечатаннаго и окруженнаго стражею по повелѣнію правительства?! Невѣріе (объ этомъ) не разсуждаетъ; оно мчитъ по всему свѣту слова, которыя ему нравятся потому только, что дышать невѣріемъ. Но если сдѣлалось извѣстно, что сдѣлано похищеніе изъ-за стражи, изъ-подъ печати правительства, то преданы ли суду стражи? Отнюдь нѣтъ! Военный начальникъ стражей не заботится, стражи безпечальны, имъ даже довольно денегъ дали. И слухъ о похищеніи тѣла Иисусова пошелъ колесить между іудеями. Какъ ни былъ ложенъ этотъ слухъ, апостолы могли встревожиться и бояться, что кровожадные начальники іудейскіе предадутъ ихъ суду за злонамѣренную кражу. Вотъ почему одни изъ апостоловъ ушли въ тотъ день изъ Іерусалима, а другіе собрались вмѣстѣ въ одномъ домѣ и заперли двери, опасаясь нашествія іудеевъ.

Но Воскресшему Господу угодно было—въ тотъ же день окончательно утвердить вѣру ихъ другими явленіями. Два ученика Христовыхъ, не принадлежавшіе къ числу двѣнадцати, Клеопы, наименованный въ Евангеліи (сродникъ Господень), а другой—по преданію—Лука, писатель Евангелія (умолчавшій о своемъ имени по смиренію) вышли изъ Іерусалима въ недалеющее селеніе—Еммаусъ. Можно предполагать, что, въ виду большого стеченія народа въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, многіе изъ іудеевъ, особенно бѣдные, жили въ окрестностяхъ города, между прочимъ, и въ недалекомъ Еммаусѣ, откуда легко было посѣщать Іерусалимъ до конца Праздника. Въ Еммаусѣ, по древнему преданію, былъ домъ Клеопы, который могъ пригласить къ себѣ Луку, уроженца отдаленной Антиохіи. Вышли они изъ Іерусалима, оба зная лишь то, что тѣла Господа не оказалось во гробѣ, и что явившіеся муроносицамъ ангелы называли Его живымъ. О явленіи Самого Господа Маріи Магдалинѣ, муроносицамъ и Петру они еще не слыхали и поэтому болѣе прочихъ нуждались въ утѣшеніи. Идутъ они и разговариваютъ между собою о страданіи

Христа, о Его распятіи, о Его погребеніи, наконецъ, о Его воскресеніи, которому любящее Христа сердце ихъ желало бы вѣрить, но которому нераскрытое разумѣніе ихъ еще боялось вѣрить. Бесѣда ихъ привлекла къ нимъ третьяго путника,—это былъ Самъ Господь Иисусъ. Но, такъ какъ они не могли вдругъ принять радость внезапнаго явленія, то Онъ явился имъ „въ имомъ образѣ“, то есть сперва показался для нихъ неизвѣстнымъ путешественникомъ. Онъ не далъ имъ узнать Себя, безъ сомнѣнія, по предусмотрѣнію, что внезапность открытаго чудеснаго явленія не только поразила бы ихъ душевныя и тѣлесныя силы, но и сдѣлала бы ихъ неспособными принять наставленіе, которое Онъ намѣренъ былъ преподать имъ. Отъ собственнаго ихъ разговора Онъ заимствовалъ случай—изложить и истолковать имъ предреченія и предзнаменованія Священныхъ Писаній о Его страданіи, смерти и воскресеніи. Онъ изъяснилъ имъ, что распятіе Его не есть соблазнъ, но внутренне-необходимое спасительное дѣло. Онъ доказалъ имъ необходимость страданія и воскресенія, чтобы войти въ славу на землѣ и на небѣ. И въ то же время тайнымъ дѣйствіемъ Своей Божественной силы Онъ возжегъ въ сердцахъ ихъ святой огонь благодатнаго утѣшенія. Бесѣда Его была продолжительна, (селеніе Еммаусъ отстояло отъ Іерусалима на 10 слишкомъ верстѣ). Ученикамъ сладко было слушать слова Его; ихъ сердце разгоралось; они чувствовали, что Онъ разсѣялъ ихъ недоумѣнія и утвердилъ колебавшуюся вѣру ихъ. Такъ они дошли до Еммауса. Между тѣмъ день склонялся къ вечеру. Утѣшенные ученики просили собесѣдника—зайти къ нимъ и вечерить у нихъ. Онъ вошелъ съ ними въ домъ, возлегъ съ ними за трапезу и, какъ уже приготовленнымъ къ общенію открыто-чудесному, благословляя и преломляя хлѣбъ, даровалъ имъ совершенную радость узнать Его. Можетъ быть, ученики замѣтили язвы на рукахъ Его и увидѣли Его Самого въ свѣтѣ воскресенія. Сіе осіяніе было мгновенно, и Онъ вдругъ пересталъ бытъ видимъ, потому что

уже совершилось дѣйствіе, благотворное для нихъ. Обрадованные путники, не довольствуясь своимъ счастьемъ, поспѣшили раздѣлить его съ другими учениками Христовыми, которыхъ вѣра также еще боролась съ недоумѣвіями. Немедленно и спѣшно пошли они обратно въ Іерусалимъ, не смотря на поздній вечеръ.

А въ Іерусалимѣ къ вечеру, когда улицы города уже пустѣли, робко собрались всѣ апостолы и ученики Христовы въ одномъ мѣстѣ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, были и жены муроносицы и, конечно, Сама Матерь Божія. Только апостола Оомы почему-то не было въ собраніи, но, безъ сомнѣнія, по волѣ Божіей, чтобы на немъ впослѣдствіи еще болѣе утвердилась непостижимая истина воскресенія. Двери собранія были заперты, *страха ради іудейска*, т. е., чтобы кто нибудь изъ враговъ Господа не вошелъ къ нимъ съ дурнымъ намѣреніемъ и не услышалъ ихъ разговоровъ. Но не страхъ *собралъ* апостоловъ; страхъ разсѣялъ бы ихъ по разнымъ, для всякаго болѣе надежнымъ, тайнымъ мѣстамъ, а не повелъ бы всѣхъ въ одно мѣсто, всѣмъ имъ извѣстное и посему самому не довольно скрытое и отъ другихъ. Мѣстомъ этимъ былъ, по всей вѣроятности, домъ апостола Іоанна, та Сіонская горница, въ которой Господь совершилъ съ ними тайную вечерю предъ Своими страданіями. Какая же сила собрала ихъ въ одно мѣсто, и притомъ несовсѣмъ безопасное? Конечно, еще не умершая вѣра и особенно—живая сильная любовь къ распятому Учителю, которая въ общеніи съ любящими Его искала облегченія скорби и подкрѣпленія вѣры. Да, они любили Его искренно. И какъ было не любить Его! Какъ горячо Онъ Самъ любилъ ихъ! Какъ былъ къ нимъ снисходителенъ! Какія спасительныя наставленія давалъ! Какъ защищалъ, какъ заботился о нихъ даже предъ кончиной Своею! Онъ обходился съ ними какъ съ друзьями. Какъ же имъ быть холодными къ Нему и равнодушными къ дивнымъ извѣстіямъ о Немъ! И ученики бесѣдовали о томъ, что было утромъ, что въ продолженіе дня,

Труды Киевской дух. Академіи. Т. I. 1896.

кому, какъ и гдѣ являлся Господь. Разказы повторялись не одинъ разъ... Было уже поздно. Уже оканчивалась вечерняя трапеза. Какъ вотъ входятъ Еммаускіе путники и сообщаютъ всему собранію свое чудесное удостовѣреніе о воскресеніи Христовомъ. Слушая ихъ, одни радостно говорили, что Господь истинно воскресъ и явился апостолу Петру; а другіе, которые сами еще не сподобились видѣть Воскресшаго, не повѣрили и Еммаускимъ очевидцамъ... Явленія одиночныя, явленія въ мѣстахъ отдаленныхъ не удовлетворяли цѣлаго общества, истомленнаго ожиданіемъ; оно все желало подобнаго вниманія отъ своего Учителя. Ученикамъ Господа нужно было увѣриться въ воскресеніи явленіемъ и словами Самого Воскресшаго, нужно было для того, чтобъ имъ быть свидѣтелями—самовидцами и провозвѣстниками великой истины для всего міра, и боязливый воздыханія любви услышала Его любовь, и Онъ явился имъ Самъ.

Еще продолжалась въ заключенной хранищѣ бесѣда, какъ вдругъ собесѣдники замѣтили, что среди ихъ стоитъ Нѣкто, Кого доселѣ не было. „*Миръ вамъ!*“!—произносятъ знакомый голосъ... Легко представить, какой страхъ и вѣстѣ восторгъ овладѣли всѣми. Всѣ ждали и желали сего явленія, но встрѣтивъ его лицомъ къ лицу, смутились, испугались, молчали. Тѣло Господа было такъ духообразно, а видъ Его такъ небесенъ, Его окружало такое Божественное величіе, самый образъ явленія, при запертыхъ дверяхъ, былъ такъ чудесенъ, что ученики невольно думали, точно ли это ихъ воскресшій Учитель съ Своею плотію? Не духъ ли только Его, пришедшій съ неба посѣтить ихъ на время? И при мысли о явленіи изъ другого міра, сердце трепетало отъ страха, а глаза все таки не могли оторваться отъ возлюбленнаго образа. Недоумѣніе, ужасъ и радость—все смѣшалось. Чтобъ успокоить мнительныхъ, Господь сказалъ имъ: „*Что смущаетесь? И для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это—Я Самъ; осязайте Меня и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не импѣтъ, какъ*

видите у Меня. (Лук. 24, 38—39). И сказавъ сіе, показали имъ руки и ноги и ребра Свои. Ученики глубоко обрадовались, увидѣвъ Господа. И радость ихъ была такъ сильна, что они стали не довѣрять самимъ себѣ, сомнѣвались въ дѣйствительности того, что видѣли собственными глазами. И имъ, невѣрующимъ отъ радости и удивляющимся, милостивый Господь далъ новое чувственное доказательство Своего воскресенія. Онъ сказалъ: *„есть ли у васъ здѣсь какая пища?“* Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И Онъ, взявъ, ѣлъ предъ ними. Сомнѣваться, не вѣрить стало уже не возможно. (Замѣтилъ при семъ, что, если Онъ теперь принималъ пищу, то, безъ сомнѣнія, это происходило какъ нибудь чудесно,—происходило не потому, чтобы естество Христово еще нуждалось въ пищу, но по снисхожденію къ колеблющимся ученикамъ, для доказательства воскресенія). Выѣстъ съ тѣмъ Господь кротко упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили (Мр. 16, 14). И сказалъ имъ: *„вотъ то, о чемъ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему написанному о Мнѣ въ законѣ Моисеевомъ и въ пророкахъ и въ псалмахъ“* (Лк. 24, 44).

Тогда Онъ отверзъ, раскрылъ имъ умъ къ уразумѣнію Писаній, и этимъ раскрытіемъ и просвѣтлѣніемъ ума къ ясному пониманію Писаній окончательно утвердилъ вѣру ихъ въ Его воскресеніе.

Когда все такимъ образомъ было успокоено и уяснено, Іисусъ сказалъ имъ вторично: *„Миръ вамъ! Якоже посла Мѧ Отецъ и Азъ посылаю вы“*. Сказавъ сіе, дунуль, и говоритъ имъ: *„Примите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся“* (Іоан. 20, 21—23). Симъ дѣйствіемъ и словомъ Онъ посвятилъ ихъ въ апостольское служеніе и далъ благодать—отпускать грѣхи. Это дарованіе Духа было лишь преддверіемъ къ обильнѣйшему изліянію Его въ день Пятидесятницы, когда апостоламъ сообщенъ былъ и даръ языковъ. И нынѣ было дѣйствитель-

ное сообщеніе Духа Святаго: Господь сказалъ—и совершилось, Онъ далъ—и ученики приняли. Послѣдними словами Господа завершилось Его первое явленіе всѣмъ вмѣстѣ ученикамъ Его. Господь вдругъ сталъ невидимъ.

Ученики были безмолвны, сначала отъ смущенія, потомъ отъ радости и благоговѣнія ко Господу. Чудо воскресенія стало такъ несомнѣннымъ для нихъ, что они впоследствии называли себя всенародно—*„свидѣтелями воскресенія“* (Дѣян. 2, 12), и радость ихъ была безгранична. Онѣ радовались, потому что разсѣялись ихъ тяжелыя сомнѣнія объ участи Господа; радовались, такъ какъ увидѣли живымъ Того, Кого любили всѣмъ сердцемъ: радовались, такъ какъ ожили лучшія надежды ихъ на Него. Слушая рѣчи Его теперь, они должны были убѣдиться, что такъ не говорилъ никогда *человѣкъ*. Они увѣрились, что Учитель ихъ—Владыка жизни и смерти, Онъ—обѣтованный Христосъ, Онъ истинный Господь и Богъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ они поняли, что кончилась прежняя и началась новая жизнь Христа. Онъ уже не жилъ съ ними, какъ простой человѣкъ, хотя и пребывалъ около нихъ и съ ними невидимо, пребывалъ невидимо всегда, но являлся имъ только по временамъ. Онъ не приходилъ, но являлся; не уходилъ, но мгновенно становился невидимымъ. И хотя Онъ являлся ученикамъ въ нѣкоторой чувственно-матеріальной тѣлесности, но Его тѣлесность не подлежала болѣе физическимъ законамъ и ограниченіямъ.

„Миръ вамъ!“ неоднократно говоритъ Господь. Въ устахъ Воскресшаго это—привѣтъ необыкновенный. Гдѣ онъ былъ? Откуда возвратился? Какой миръ принесъ Онъ?

Онъ былъ на крестѣ, былъ во гробѣ, сквозь двери гроба нисходилъ въ адъ, гдѣ освободилъ души, чаявшія Его пришествія, возносился на небеса, показался ангеламъ, какъ Искупитель человѣковъ, отверзъ рай разбойнику, исповѣдавшему Его на крестѣ Господомъ, и всѣмъ праведникамъ Вѣтнаго Завѣта, былъ на престолѣ со Отцемъ Небеснымъ, никогда не разлучавшійся съ Нимъ по божеству и представ-

шій Ему теперь какъ вѣчный Ходатай за міръ человѣческій. И такъ Онъ отъ Бога Отца пришелъ и принесъ отъ Него міръ, и даруетъ его людямъ въ лицѣ Своихъ апостоловъ. Какой же міръ? *Миръ вамъ*: врагъ пораженъ и связанъ, Отецъ Небесный умиловленъ, грѣхъ прощенъ!

Миръ вамъ! говоритъ Онъ прежде всего апостоламъ, потерявшимъ тогда міръ духа; грозныя недоумѣнія возмущали ихъ умы и обуревали сердца; Господь принесъ имъ побѣдительный, блаженный міръ, котораго не отниметъ у нихъ уже никто и ничто. И этотъ міръ человѣка съ Богомъ и собственно со-вѣстію своею долженъ былъ, чрезъ апостоловъ, разлиться по всему человѣческому вѣрующему міру. Господь облачаетъ Своихъ апостоловъ властію—повсюду водворять міръ; они передадутъ это высокое право своимъ преемникамъ: и такимъ образомъ на всѣ вѣка станетъ міра, принесеннаго и дарованнаго людямъ Господомъ Воскресшимъ. Служители Божіи и нынѣ отъ апостольскихъ преемниковъ облачаются властію умирать нашу совѣсть и сердце и обновлять союзъ нашъ съ Богомъ. Ихъ власть отпускать грѣхи есть тотъ самый даръ Духа, который даровалъ Воскресшій Господь. О, сколько благъ проистекло изъ Воскресенія Христова для всего міра и на всѣ вѣка! Торжествуетъ *вѣра*: ибо Господь не-преложно засвидѣтельствовалъ истину Своего воскресенія: въ теченіе одного перваго дня Онъ *пять разъ* являлся своей братіи; явившись собравшимъ ученикамъ, бесѣдовалъ съ ними и призывалъ ихъ не только осмотрѣть провзенныя руки, ноги и ребра Свой, но и осязать Его. Торжествуетъ *надежда*: ибо если Христосъ воскресъ, то и мы воскреснемъ нѣкогда, и будемъ всегда съ Нимъ, если будемъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ. Торжествуетъ *любовь*: ибо благодатный союзъ между Творцомъ и человѣкомъ восстановленъ и утвержденъ непоколебимо. И такъ, читатель, *радуйтесь, усовершайтесь, утѣшайтесь, будьте единомысленны, мирны* и Богъ любви и мира будетъ съ вами (2 Кор. 13, 11).

Въ ряду событій свѣтоноснаго дня воскресенія, остановимся еще на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, возбуждающихъ вниманіе.

I. Евангеліе говоритъ намъ, что первыя увидѣли Воскресшаго Господа *женщины*, имъ являлись ангелы, имъ явился Самъ Господь, раньше чѣмъ кому изъ всѣхъ апостоловъ. Почему такъ? Прежде всего это было въ награду св. женамъ за ихъ вѣру глубокую, за ихъ мучительную скорбь при крестѣ, за ихъ крѣпкую любовь даже къ умершему и положенному въ гробъ Христу. Любовь повлекла ихъ ко гробу Его, и привлекла къ себѣ любовь Его, и Онъ явился имъ Самъ. Вообще, любовью своею ко Христу св. жены даже превзошли мужей. Евангеліе не представляетъ намъ ни одной женщины враждебной Господу Иисусу, а мужчинъ враждебныхъ было множество. Во все время проповѣдыванія Господня, женщины служили Ему имѣніемъ своимъ, служили безъ всякой надежды на возмездіе отъ Того, [Кто не имѣлъ гдѣ преклонить голову (Мѡ. 8, 20). Женщина принесла и послѣднюю, при жизни Его, жертву любви—помазавши драгоценнымъ мѡромъ Его голову и ноги, между тѣмъ какъ ученики Его довели себя до того, что Господь самъ омылъ имъ ноги. Женщина просила за Него въ самый день смерти (да еще не ученица Его, а язычница, жена Пилата), а изъ мужчинъ не нашлось въ цѣломъ Іерусалимѣ ни единого человѣка, который бы сказалъ, хотя одно слово въ Его пользу или защиту. Женщины оплакивали Господа на смертномъ пути, а мужчины возложили на Него, измученнаго ими, тяжесть креста, подъ которымъ Онъ неоднократно падалъ. Женщины неотступно стояли при Крестѣ Господа, тогда какъ ученики Его бѣжали и скрывались, гдѣ кто могъ, исключая одного только друга Христова—Іоанна. Женщины были при погребеніи Господа и сидѣли противъ гроба съ самой той минуты, какъ приваленъ былъ ко гробу камень. Женщины первыя пришли ко гробу Его, между тѣмъ какъ ученики (исключая Петра и Іоанна) едва къ вечеру робко собрались

въ одномъ домѣ и сидѣли запершись. Кромѣ того, были и другія причины, по которымъ женщинамъ даровано первенство въ явленіяхъ Воскресшаго Господа. Жена изъ устъ змія лукаваго приняла первую ложь, и жена же изъ устъ Самаго Воскресшаго услышала первая радостную истину, дабы, чья рука растворила смертное питіе, та же подала и чашу жизни. Женѣ первой суждено привѣтствовать Христа и возвѣстить о Немъ ученикамъ Его; этимъ предполагалось служеніе каждой матери—быть первой учительницей дѣтей своихъ въ вѣрѣ и благочестіи.

II. Святитель московскій Филаретъ обращаетъ наше вниманіе и на самыя ризы Господни, оставшіяся во гробѣ, т. е. ту плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь или платень, который былъ на главѣ Его, и препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. Чтѣ значитъ, что Воскресшій Господь оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли? Это значитъ то, что и ризы Господа должны были быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Иудеи говорили, что тѣло Господа украдено учениками; Магдалина сначала думала (и вѣроятно ученики тоже), что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: но вотъ ризы Его вопіють противъ клеветниковъ и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное—обнажать оное, когда, напротивъ, и обнаженное одѣтъ надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безмолвныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

III. Применимъ и къ тайнѣ, которою облечено тѣло Воскресшаго Господа. Въ какомъ поразительномъ для нашего зрѣнія образѣ является Воскресшій Господь! Онъ—присущій и невидимый, видимый и непознаваемый, познаваемый и снова незримый, проходящій сквозь затворенныя двери и пріемлю-

щій пищу... Апостолы не менѣ насъ изумлялись этимъ непостижимымъ явленіямъ, но добросовѣстно записали ихъ, такъ, какъ видѣли; значить, такъ было на самомъ дѣлѣ! Человѣческій умъ никогда не пойметъ этихъ явленій. Они принадлежатъ самой природѣ воскресшаго тѣла Христова. Его тѣлесность была сверхчувственная. Господь воскресъ въ тѣлѣ прославленномъ, одухотворенномъ. Оно—отчасти подобно нашему земному тѣлу, видится глазами, осязается руками, принимаетъ пищу, отчасти является совсѣмъ другимъ, проходитъ сквозь закрытыя двери, появляется и скрывается мгновенно. Замѣтимъ при семъ, что прославленное тѣло Христа являлось какъ бы матеріальнымъ и доступнымъ осязанію только по чудесному дѣйствію Господа. И когда оно являлось съ условіями земнаго тѣла, т. е. видимымъ, осязаемымъ, пріемлющимъ пищу, то являлось такимъ не само по себѣ, но для людей земныхъ. И мы должны нѣкогда достигнуть подобія прославленному тѣлу Христа Спасителя (1 Кор. 15, 49; Филип. 3, 21).—Явленіе Іисуса Христа по воскресеніи убѣждаетъ насъ, что, кромѣ настоящаго, видимаго нами міра, несомнѣнно существуетъ еще другой, не видимый для насъ теперь міръ, таинственный, но нѣкогда имѣющій открыться предъ нами во всемъ своемъ величіи и вмѣстить въ себѣ достойныхъ. И этотъ міръ, высній, духовный, не измѣняющійся, существуетъ не просто подлѣ нашего міра, но облегаетъ его со всѣхъ сторонъ, и проникаетъ его и дѣйствуетъ въ немъ, и воздѣйствуетъ на него всюду и всегда...

IV. Далѣе—останавливаетъ наше вниманіе еще вотъ что: и ангелы не разъ говорили, чтобы апостолы шли въ Галилею, и Самъ Господь повелѣвалъ чрезъ мѣроносицъ, чтобы апостолы шли въ Галилею (Галилея отстоитъ отъ Іерусалима на три дня пути, верстъ на 150); а между тѣмъ въ тотъ же день Господь явился имъ въ Іерусалимѣ нѣсколько разъ! Почему же такъ? Потому, что Господу стало жаль Своихъ учениковъ, своихъ *братій*. Онъ видѣлъ, что они очень встревожены, не могутъ вѣрить словамъ другихъ о Его воскресеніи,

не думаютъ идти въ Галилею,—и вотъ Онъ Самъ благоволилъ уступить имъ—явиться имъ въ Іерусалимѣ, дабы возможно скорѣе побѣдить ихъ невѣріе, утолить ихъ жгучую скорбь, убѣдить ихъ въ истинѣ Своего воскресенія, уврѣпить ихъ вѣру въ Него и побудить ихъ идти радостно въ Галилею. Почему же именно въ Галилею? Потому, что тамъ они могли свободно насладиться присутствіемъ Его и бесѣдою съ Нимъ, такъ какъ тамъ они будутъ далеко отъ іерусалимскихъ іудеевъ, которыхъ они всегда боялись. Притомъ, почти всѣ апостолы были изъ Галилеи, Галилея была ихъ родина, и имъ самымъ пріятнѣе будетъ въ ней, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Наконецъ, самыя явленія Господа въ Галилеѣ будутъ для нихъ убѣдительнѣе, какъ явленія вдали отъ мѣста страданій и смерти, вдали отъ гроба Христова, и притомъ явленія болѣе продолжительныя, чѣмъ іерусалимскія, внезапныя и быстрыя. Въ Іерусалимѣ Господь являлся только немногимъ, а въ Галилеѣ—цѣлому обществу вѣрующихъ, болѣе нежели пяти стамъ братій въ одно время. И, конечно, на это явленіе намекалъ ангель, сидѣвшій у гроба, объ этомъ явленіи предварялъ Самъ Господь воскресшій, такъ какъ оно должно быть знаменательнѣе всѣхъ прочихъ явленій.—Но почему же апостолы еще семь дней оставались въ Іерусалимѣ?... Потому, что ветхозавѣтный праздникъ Пасхи продолжался семь дней, и восьмой день былъ также торжествененъ, какъ первый, а по закону ученики должны были весь осмидневный праздникъ провести въ Іерусалимѣ и, стало быть, не могли раньше выйти изъ него. Ученики отправились въ Галилею по окончаніи праздника. А если бы они всѣ рѣшились выйти изъ Іерусалима въ день воскресенія, то іудеи заподозрили бы это несвоевременное удаленіе и сказали бы, что ученики потому и ушли, что похитили и унесли съ собою тѣло Іисусово. Но мнимые похитители остаются въ Іерусалимѣ во всѣ опредѣленные закономъ восемь дней, и замѣчательно, что во всѣ эти восемь дней никто изъ строгихъ началь-

никовъ іудейскихъ не требуетъ апостоловъ къ суду, какъ похитителей тѣла Іисусова: этимъ самымъ обличалась тогда же нелѣпость выдуманной іудеями басни о похищеніи тѣла. А басня все таки носилась между іудеями нѣсколько лѣтъ: такъ завоснѣлый въ невѣріи умъ любить только свои грезы и убѣгаетъ отъ свѣта истины. Но *„сама неправда себѣ!“*.

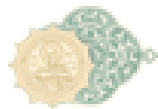
V. „Почему же Господь по воскресеніи не явился тотъ часъ всѣмъ Іудеямъ?“—такъ спрашивали многіе еще во время на св. Златоуста. Богомудрый святитель называлъ этотъ вопросъ тщетнымъ и суетнымъ, и утверждалъ, что іудеи не повѣрили бы Самому Воскресшему: до такого ожесточенія они были самолюбивы и завистливы. Не убѣдились же они въ Божествѣ Іисуса воскресеніемъ Лазаря, уже смердѣвшаго и тлѣвшаго, но раздражились и даже собирались его убить. Враги Христовы не повѣрили бы Воскресшему и при всенародномъ Его появленіи; они стали бы говорить, что явившійся или не умиралъ, или ожилъ не Божественною силою, и еще съ большимъ неистовствомъ возстали бы противъ Его, хотя, конечно, ровно ничего не могло бы Ему сдѣлать. Желая избавить ихъ отъ напраснаго неистовства, отъ новой вины, Господь не явилъ Себя, но оставилъ имъ непререкаемое свидѣтельство Своего воскресенія:—*чудеса*, которыми явно при всѣхъ творили апостолы по Его воскресеніи и вознесеніи, творили единственно Его именемъ; эти чудеса могли вполне доказать истину воскресенія; пять тысячъ душъ обратились ко Христу послѣ исцѣленія Петромъ челоуѣка хромого отъ рожденія, но іудейскіе начальники не увѣровали! Кромѣ того, если бы Христосъ явился народу, тогда народъ увидѣлъ бы, что онъ обманутъ своими начальниками, которые заставили его отказаться отъ Христа, и возсталъ бы противъ ихъ, и могло бы возникнуть величайшее возмущеніе. Не примѣнявъ своихъ земныхъ надеждъ на Мессію, народъ тотчасъ потребовалъ бы воцаренія Іисуса и сверженія власти римской. Самые апостолы, все еще мечтавшіе о царствѣ израильскомъ, легко при-

стали бы къ народу и не готовы были бы вѣсти на всемірную проповѣдь. Наконецъ, если бы Господь явился народу только въ Іерусалимѣ, многіе бы сказали: отчего же не явился Онъ и во всѣхъ другихъ городахъ Іудеи и Галилеи? Какъ увѣроваль бы въ Него весь міръ потому только, что всѣ іудеи видѣли Его въ то время воскресшимъ?! Были же іудеи, которые чрезъ 500 слишкомъ лѣтъ по воскресеніи Христа, требовали отъ святаго Григорія, архіепископа Смирнскаго (память его 19 декабря): „покажи намъ Христа живаго, и мы увѣруемъ въ Него“. Святитель умолилъ Господа явиться имъ; но кто же будетъ такъ дерзокъ, чтобы желать этого явленія постоянно!! Вѣра не требуетъ такой очевидности. „Блаженны невидѣвшіе и увѣровавшіе“—говоритъ самъ Христосъ (Іоан. 20, 29). Не видя Христа, вѣруй въ Него, люби Его,—и радуйся и будь блаженъ! Довольно для всего міра свидѣтелей немногихъ, но облеченныхъ силою свыше. Вполнѣ довольно тѣхъ послѣдствій ихъ проповѣди и чудесъ, какія продолжаютъ и будутъ продолжаться во всѣ послѣдующіе вѣка!

Для насъ, слава Богу, нѣтъ сомнѣнія, которое бы возмущало помышленія о Христѣ. Истина воскресенія Христова сіяетъ нынѣ, какъ солнце. А коль скоро утверждена истина воскресенія, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ и чему поучалъ Господь нашъ. Ничто такъ прямо не ведетъ къ мысли, къ вѣрѣ и къ удостовѣренію о Божествѣ Іисуса Христа, какъ Его воскресеніе!

О, Господи Іисусе Христе, Спасителю нашъ воскресшій! *Приблизися намъ, приблизися, вездѣ Сый, якоже со апостолами Твоими есегда еси, сие и Тебе желающимъ соедини себе, Щедре*“,—приблизися, и обрадуй сердца наши и даруй миръ Твой, превосходящій всякъ умъ, повѣй на насъ живою вѣрою и дѣятельною любовію и помилуй насъ молитвами Пречистыя Твоея Матери и свято возлюбившихъ Тебя женъ-мүроносицъ и апостоловъ Твоихъ. Аминь.

Прихожанинъ С. П.

СЛОВО

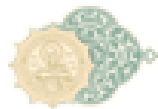
О ТЕРНОВОМЪ ВѢНЦѢ.

(Произнесено въ Кієво-Братскомъ храмѣ, въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, на пассіи, 23 февраля 1896 года).

И сплетше вѣнецъ отъ тернія возложиша на главу Его. (Матѣ. 27, 29. Марк. 15, 17. Іоанн. 19, 2).

Такое неслыхавное увѣнчаніе приготовилъ человѣческій родъ Спасителю міра!... Устлавъ терніемъ весь путь земной жизни Богочеловѣка, онъ сложилъ, наконецъ, и для Его пречистой главы необыкновенное украшеніе изъ сплетенія тернія, въ буквальный смыслъ слова.

Если разобрать, по обыкновеннымъ пріемамъ человѣческой мысли, исторію терноваго увѣнчанія Спасителя, то въ ней можно усмотрѣть двѣ стороны, внутреннюю и вѣшнюю. Со стороны внутренней здѣсь обращаетъ на себя вниманіе грубая поддѣльность чувства тѣхъ людей, которые совершали это увѣнчаніе, ихъ крайнее лукавство и двоедушіе. Принятымъ знакомъ почитанія и поклоненія они разсчитываютъ тѣмъ сильнѣе выразить свои противоположныя чувства и стремленія и унижить и оскорбить вѣнчаемое лицо. Никто не вѣнчаетъ человѣка, осуждаемаго на тяжкую казнь, и въ самый часъ осужденія. Если же Спасителя увѣнчали Его распинатели въ самый часъ осужденія Его на распятіе, то это могло быть только поддѣльное увѣнчаніе, а не настоящее. По

евангельскому описанію, это былъ чрезвычайно грубый видъ поддѣлки: *и сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложивша на главу Его, и трость въ десницу Его; и поклонившеся на колѣну предъ Нимъ, ругахуся Ему, глаголюще: радуйся, царю іудейскій!*

Со стороны внѣшней разсматриваемое, терновое увѣнчаніе Спасителя обращаетъ на себя вниманіе поддѣльностью самого вѣнца, принятаго обычнаго орудія прославленія. Настоящій вѣнецъ вѣнчаній могъ составиться только изъ самыхъ отборныхъ по красотѣ и символическому значенію произрастеній; въ древнее время вѣнки для увѣнчанія прославляемыхъ людей и побѣдителей сплетались изъ вѣтвей лавра или мирта. Но не изъ лавровъ и миртовъ былъ составленъ вѣнецъ для главы Спасителя міра, Побѣдителя смерти и ада, а изъ вовсе непригодныхъ для вѣнка вѣтвей палестинскаго терновника, съ его длинными и острыми шипами, отъ которыхъ увѣнчанная глава неизбѣжно должна была обогрѣться кровью. Само собою разумѣется, что такой невиданный и уязвляющій вѣнецъ, самъ по себѣ, былъ тяжкимъ поруганіемъ для вѣнчаемаго имъ лица, не меньшимъ поруганіемъ, чѣмъ была и возложенная тогда на Спасителя *багряная риза*, грубая поддѣлка подъ царское облаченіе, не меньшимъ поруганіемъ, чѣмъ было и поставленное на крестѣ Спасителя надписаніе, хотя и свидѣтельствовавшее, что распятый на немъ былъ царь, но лишь для усиленія поруганія и насмѣшливо.

Кто нибудь изъ слышащихъ насъ можетъ быть скажетъ въ сердцѣ своемъ: „какое же примѣненіе можетъ имѣть къ намъ, къ нашей жизни и къ нашему поведенію, это евангельское повѣствованіе изъ исторіи крестныхъ страданій Спасителя человеческого рода? Мы покланяемся Его пречистому образу истинно, а не поддѣльно. И Его вѣнецъ терновый мы нелицемѣрно почитаемъ. Самый кустъ палестинскаго терновника, съ котораго были срѣзаны вѣтви для вѣнца Спасителя, мы нынѣ держимъ и растимъ въ горницахъ, какъ украшеніе на-

шихъ жилищъ¹⁾. Какъ же можно причислять насъ къ той ослѣпленной толпѣ, которая нѣкогда сплетала терновый вѣнецъ и возложеніемъ его на главу Спасителя устраивала потѣшное зрѣлище“?...

О, конечно, и въ наше время оскудѣнія вѣры и любви въ сердцахъ человѣческихъ, есть христіанскія души, со слезою умиленія взирающія на икону Христа Спасителя, *носящаго терновѣнъ вѣнецъ и багрянцу ризу*. Да и можетъ ли быть иначе, когда о Немъ одномъ только мы и живемъ, движемся и есмь, когда всѣ Своя страданія Онъ претерпѣлъ насъ ради, человѣкъ, и нашего ради спасенія. Мы согласны думать, что и самые маловѣрные и легкомысленные между нами, стоя предъ иконою вѣнчанной терніемъ, пречистой главы Спасителя, умиляются духомъ, хотя на короткое время, и чувствуютъ на себѣ все, исходящее отъ этой иконы, впечатлѣніе, впечатлѣніе вмѣстѣ и смиряющее и влекущее человѣческій духъ къ Христовымъ стопамъ. Правда и то, что многіе изъ насъ готовы украшать и украшаютъ этотъ образъ Спасителя не терновыми вѣнками, а самыми благоуханными цвѣтами и чистымъ золотомъ.

Но увѣнчаніе можетъ быть не только вещественное и рукотворное, но и нерукотворное, изъ вѣнковъ невещественныхъ составленное, можетъ состоять въ духовномъ величаніи и прославленіи. Можно вѣнчать милостію и щедротами (Псал. 102, 4); можно вѣнчать славой и честію (Пс. 8, 6) и вѣнцомъ словесъ похваленія (1 Сол. 2, 19). Слѣдовательно, и терновое увѣнчаніе можетъ состояться безъ вещественныхъ терній, сплетеніемъ невещественныхъ и нерукотворныхъ терновыхъ вѣнковъ. Какъ земля, омраченная грѣхопадениемъ человѣка, оплелась терніемъ и волчцами подъ его ногами, такъ и духовная нива всей его исторіи оплелась духовными волчцами и невещественнымъ терніемъ. Вотъ это-то невеще-

¹⁾ Комнатное растение вида терновъ, съ именемъ „терновый вѣнецъ“, пользуется большою извѣстностію, въ особенности на югѣ Россіи.

ственное терпіе и мы съ вами, братіе, то сознательно, то безсознательно, влетаемъ въ вѣнецъ хвалы нашему Творцу и Избавителю.

И вся, окружающая человѣка, неразумная природа хвалитъ Бога, Творца своего. Его хвалятъ солнце и луна; Его хвалятъ звѣзды и свѣтъ; Его хвалятъ горы, холмы и вся бездны бытія. Все теченіе міровой жизни замыкается въ одинъ великій и вѣчный, благоуханный и похвальный, вѣнецъ Творцу. Но еще болѣе чѣмъ неразумная тварь, призванъ хвалить Творца своего человѣкъ, какъ разумное и богоподобное твореніе Божіе. Чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, будетъ ли это нѣчто самое великое или нѣчто самое малое, все онъ долженъ дѣлать не какъ случится, но съ христіанскою осмотрительною, чтобы каждое его дѣло было наречитымъ дѣломъ во славу Божію: *вся во славу Божію творите*, учитъ апостолъ (1 Кор. 10, 31). Во всѣхъ проявленіяхъ своего ума, сердца и воли, во всякомъ словѣ своихъ устъ и во всякомъ дѣлѣ своихъ рукъ, человѣкъ долженъ славословить своего Господа класы преподобными, согласнымъ и полнымъ славословіемъ, такъ, чтобы хвалѣ, возносимой устами, согласно вторила хвала тайныхъ чувствъ и стремленій духа и хвала дѣлъ, согласныхъ съ закономъ Божіимъ.

Но мы всегда колеблемся между добромъ и зломъ, между служеніемъ Богу и Его закону и служеніемъ міру и грѣху. И въ нашей хвалебной пѣсni то и дѣло слышатся чуждые звуки, разрушающіе ея хвалебный строй. Или (если будемъ говорить отъ вѣнца взятымъ образомъ) въ сплетаемомъ ами вѣнцѣ хваленія то и дѣло обнаруживаются разнаго рода шипы, терны и сорные травы, точно такъ же, какъ и въ естественномъ вѣнкѣ, когда онъ сплетается небрежно и человѣкомъ дурнаго вкуса, попадаютъ, рядомъ съ благоуханными листьями и цвѣтами, и сорные грубые травы и терны.

Не долго искать случаевъ такого нашего неразборчиваго и небрежнаго вѣнкосплетенія. Вотъ сейчасъ, примѣрно, мы

притекли въ храмъ Божій, мѣсто непрестаннаго славословія Творцу и Избавителю человѣческаго рода, съ тѣмъ, чтобы, внимая возносимымъ здѣсь благодарственнымъ моленіямъ, исповѣданіямъ и славословіямъ, слагать ихъ въ сердцахъ своемъ и вторить имъ всѣмъ помышленіемъ своимъ и всею душою своею. Это—лучшій вѣнецъ изъ всѣхъ нашихъ вѣнцовъ прославленія. Но съ какимъ настроеніемъ многіе изъ насъ здѣсь присутствуютъ? Какъ часто, стоя въ храмѣ Божіемъ, мы видимо скучаемъ, ждемъ - недождемся окончанія церковнаго чина славословія, или же, подъ звуки исполняемыхъ здѣсь священныхъ гимновъ, погружаемся въ свои житейскія соображенія, въ свои самолюбивыя и грѣхлюбивыя мечтанія. Приметь ли Господь такое наше участіе въ воспѣваемомъ Ему славословію, какъ истинное участіе или какъ участіе поддѣльное, какъ неподдѣльный благоуханный листъ въ Его вѣнцѣ или какъ листъ поддѣльный, негодный и терновый? Но и внѣ храма, и у себя дома, и на всякомъ мѣстѣ, мы обязаны славить Господа. А между тѣмъ, многіе изъ насъ и вовсе забываютъ исполнять тотъ повседневный чинъ славословія, который указала намъ церковь въ видѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ и другихъ молитвъ на разныя христіанскія потребности, и пребываютъ нѣмы въ то время, когда вся окружающая ихъ природа своимъ голосомъ хвалитъ Господа. Иные читаютъ эти утреннія и вечернія славословія и молитвы, но читаютъ одними устами, не отрѣшаясь духомъ отъ обычныхъ своихъ, суетныхъ и грѣховныхъ, чувствъ и помышленій; языкомъ своимъ прославляютъ милосердіе и челоуѣколюбіе Божіе, а въ душѣ у себя, въ это самое время, таятъ ненависть, зависть, злопамятство и другія немилосердыя и нечелоуѣколюбивыя чувства. Приметь ли Господь подобное наше славословіе, какъ истинное славословіе, какъ истинную *жертву хваленія, съитчъ плодъ устенъ исповѣдающихся имени Его* (Евр. 13, 15), *какъ фіалы златы полны оуміама* (Апок. 5, 8), или какъ жертву нечистую и недостойную, какъ вѣнецъ неблагоухан-

мый и терновый?.. Иные берутъ несправедные прибыли, провозяють себя стяжаніе ближняго, и возжигаютъ на нихъ свѣчи предъ иконами и воспѣвають о нихъ благодарственные Богу хваленія. Приметь ли Господь такое хваленіе какъ истинный вѣнецъ хвалы Ему или какъ вѣнецъ Ему терновый? Когда свѣчи предъ иконою возжены человѣческою неправдою, то могутъ ли онѣ горѣть яснымъ и чистымъ свѣтомъ, какъ въ дорогомъ вѣнцѣ горятъ неподдѣльные драгоценные камни, знаменуя собою чистый пламень христіанскаго духа?.. Припомнимъ слово Господне: *аще убо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать ничто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой* (Матѹ. 5, 24). А сколько бываетъ другихъ подобныхъ случаевъ, когда въ вѣнцѣ хваленія, приносимомъ нами къ олтарю Господню, оказываются тернія вмѣсто криновъ и розъ, грубыя поддѣльныя украшенія—вмѣсто настоящихъ драгоценныхъ камней.

И мы съ вами, братіе, лукави суще, ищемъ искреннихъ движеній чувства, когда внимаемъ словамъ хваленія. И мы съ вами не любимъ хвалебной пѣсни, воспѣваемой холодными живыми устами, ни хвалебнаго вѣнка, сплетеннаго холодными перстами и подносимаго только для виду, безъ всякаго движенія чувства. Тѣмъ болѣе не могутъ быть пріятны Богу подобная холодная пѣснь и подобный мертвенный вѣнецъ хвалы. *Приближаются Мнѣ людѣ сіи усты своими и устами тчуть Мя; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; оусе же чтуть Мя.* (Ис. 29, 13. Матѹ. 15, 8). Такъ говоритъ Господь о приносимомъ Ему славословію виѣшнемъ и бездушномъ.

Гдѣ же взять того вдохновляющаго чувства, того священнаго огня, который возноситъ бы къ Богу наше хваленіе, какъ всесоженіе нашихъ устъ, какъ пріятную Ему жертву (Ос. 14, 3. Евр. 13, 15), безпрепятственно и вѣрно? Этотъ священный огонь на жертвенникѣ нашего духа возжигается

Труды Киев. Дух. Акад. Т. I. 1896 г.

вѣрою нашею, но не тою холодною, тускло мерцающею вѣрою, присутствіе которой во многихъ христіанахъ трудно бываетъ и усмотрѣть, но вѣрою ясною и живою, ничего не оставляющею внѣ своего вліянія, но все направляющею въ одно согласное жизненное теченіе. Безъ такой ясной и живой вѣры не можетъ быть истиннаго и полнаго религіознаго чувства, а безъ истиннаго чувства не можетъ быть и истиннаго славословія. *Впробахъ*, говоритъ псаломѣвецъ, *тъмъ же возмалолахъ* (Псал. 115, 1). Вѣрою звучали его сладкозвучныя уста, его псалтирь красенъ со гусльми. Только по силѣ вѣры нашей и наша хвалебная пѣснь угодна бываетъ Богу и пріемлется Имъ, вкупѣ со всѣмъ славословіемъ неба и земли. Съ паденіемъ же вѣры въ человѣкѣ, его гласъ хвалы выдѣляется грубыми и фальшивыми нотами среди согласнаго славословія всей твари, потому что безъ вѣры невозможно угодить Богу и воспѣвать угодное Ему славословіе. Въ самомъ дѣлѣ, какую хвалебную пѣснь можетъ воспѣть человѣкъ, колеблющійся въ своей вѣрѣ въ бытіе Того, Кому единому приличествуетъ Божеское славословіе, или даже и совсѣмъ потерявшій такую вѣру? Если онъ и взываетъ гласомъ хвалы, то онъ воспѣваетъ лишь свою собственную мечту, а не живаго Бога, Творца неба и земли. Онъ славословитъ не то, что Самъ Богъ благоволитъ открыть о Себѣ и о чемъ Онъ хочетъ слышать воспѣваемую хвалу, а что-то иное, чего Богъ не открывалъ о Себѣ и что на сердце Его не восходило. Невѣрующій кланяется тому егоже не вѣсть. (Іоанн. 4, 22). Естественно, что такое славословіе, возносимое невѣдомо кому, не можетъ быть проникнуто живымъ вдохновляющимъ чувствомъ; это—всегда гласъ бездушный и холодный. Можетъ ли подобное славословіе быть пріемлемо Богомъ, какъ чистая и пріятная Ему жертва человѣческихъ устъ?

Но вотъ, люди вѣка сего говорятъ, что хвалить Творца вселенной надлежитъ не на основаніяхъ вѣры, а на полной свободѣ мысли и чувства, безъ всякихъ справокъ съ симво-

ломъ вѣры. „Пой, говорятъ, что хочешь и какъ хочешь, что знаешь и какъ знаешь, какъ вольная птица поетъ не выученный урокъ, а вольную пѣсню“. И дѣйствительно, приходится слышать среди христіанъ такія славословія, въ которыхъ нѣтъ христіанскаго духа и вкуса и никакого согласія съ символомъ православной вѣры. Иные мудрецы вѣка громогласно возглашаютъ завѣдомо не христіанскіе религіозныя гимны и пѣсни невозрожденныхъ народовъ ¹⁾ и думаютъ, что они слагаютъ не менѣе угодный Творцу вселенной вѣнецъ хвалы, чѣмъ еслибы они воспѣвали и свои христіанскія славословія.

Да, и это имѣетъ видъ хвалы и вѣнца прославленія, какъ и вѣнецъ, сплетенный изъ терній, имѣетъ подобіе настоящаго вѣнца. Невѣріе сыновъ вѣка сего можетъ сложить только терновый вѣнецъ, только тотъ вѣнецъ хвалы, который римскіе воины, извращая обычай сплетенія вѣнковъ побѣлителямъ, сплели въ преторѣ Пилата. Когда люди вѣка сего устрояютъ свое мнимое увѣнчаніе Христа Спасителя, они повторяютъ и всю остальную исторію, происходившую въ преторѣ. Они облачаютъ Его въ поддѣльную царскую багряницу, даютъ поддѣльную царскую трость въ десницу Его, и притворно преклоняются на колѣна предъ Нимъ, и говорятъ: *радуйся, царю!* И непосредственно за тѣмъ они разоблачаютъ Его своими грубыми сомнѣніями и отрицаніями: и егда поругаются Ему, совлекаютъ съ Него багряницу царскую и облачаютъ Его въ простую ризу обыкновеннаго смертнаго, и только вѣнецъ терновень оставляютъ на главѣ Его, вѣнецъ, ими самими сплетенный изъ пыльнаго сухаго тернія, подобнаго на всѣхъ распутіяхъ міра. Но мы, братіе, отвратимъ взоръ нашъ отъ этого недостойнаго зрѣлища и нашъ слухъ отъ славословія, возглашаемаго невѣріемъ и неправовѣріемъ!.. Мы имеемся православными за то, что славословимъ Господа пра-

¹⁾ Графъ Л. Голстой рекомендуетъ христіанамъ своего толка религіозныя повѣсти и пѣсни буддистовъ. Такъ называемыя богослужебныя пѣсни всѣхъ нашихъ сектантовъ содержатъ много языческаго и антирелигіознаго.

во, а не съ какимъ либо ухищреніемъ и не какъ случится, за то что хранимъ неугасимо свой священный огонь на жертвенникъ духовнаго славословія и не приедемъ огня чуждаго. Намъ не прилично вторить голосамъ людей невѣрія и невѣдѣнія судебъ Божіихъ о мірѣ и человѣкѣ, потому что *они кланяются его же не вѣдаятъ, мы же кланяемся Ему же вѣмы* (Іоанн. 4, 22). Вы скажете: какъ же они не вѣдаютъ христіанскаго славословія когда они—христіане и живутъ на православной землѣ? Да это достойно удивленія, но это возможно, какъ возможно найти людей, не желающихъ знать и не знающихъ и своего материнскаго языка и своей родной пѣсни. Они напоминаютъ собой тѣхъ странствующихъ пѣвцовъ, которые, скитаясь изъ страны въ страну и истративъ свой родной духъ и вкусъ, настраиваются въ каждомъ мѣстѣ на особый ладъ, чтобы согласоваться со вкусомъ времени и мѣстности, и поютъ не вѣчный согласный гимнъ Божеству, а пѣсни забавы и развлечения. Но можно ли превращать въ забаву хвалу имени Божія?...

Говорятъ: „земные вѣнки не могутъ быть вѣчными; по законамъ всего земнаго, они увядаютъ и замѣняются новыми. И религіозное чувство человѣка не насыщается отъ всегдашняго повторенія одного и того же древняго славословія“ Такое возраженіе скучающаго законнымъ дѣломъ, невѣрующаго человѣческаго духа слышала уже въ свое время св. Іоаннъ Златоустъ, составитель чина нашей божественной Литургіи и вотъ что онъ отвѣчалъ на него, въ одной своей бесѣдѣ.

„Возлюбленные! не всѣ ли вещи во всемъ мірѣ однѣ и тѣ же? Не одно ли и тоже повседневно восходитъ солнце и всѣ небесныя свѣтила, каждое своею чредою? Не одинъ ли и тотъ же хлѣбъ мы вкушаемъ повседневно? Не одну ли и ту же пию воду? Не однимъ ли и тѣмъ же воздухомъ мы дышимъ повседневно?... Не обучаемся ли мы отсюда питаться одною и тою же духовною испытанною пищею и дышать однимъ и тѣмъ же духовнымъ дыханіемъ?“ Этими словами св. Іоаннъ Златоустъ разъясняетъ намъ, что тѣ славословія, молитвы и пѣсни

которымъ научила насъ церковь, и которыя уже столько вѣковъ оглашаютъ христіанскій міръ, не старѣются въ своемъ всегдашнемъ употребленіи. Это—неувядаемые вѣнцы духовнаго славословія, вѣчное и негибнущее наслѣдіе, перешедшее къ намъ, вмѣстѣ съ символами нашей христіанской вѣры, отъ давно прошедшихъ вѣковъ исторіи православной церкви. Если присмотримся и къ нашимъ мірскимъ народнымъ пѣснямъ, то и между ними найдемъ много пѣсней, наслѣдованныхъ отъ глубокой древности и доселѣ неувядаемо хранящихся въ народной памяти. И такія свои древнія пѣсни каждый просвѣщенный народъ хранитъ какъ святыню, потому что въ нихъ онъ слышитъ завѣтный голосъ своихъ древнихъ праотцевъ. Такія древнія пѣсни служатъ для народа духовною связью, соединяющею во едино его давнопрошедшее съ его настоящимъ. Но подобное единеніе прошедшаго и настоящаго должно быть и въ общеніи богослужебныхъ пѣсней, славословій и молитвъ. Оно здѣсь еще болѣе необходимо, потому что древнія церковныя славословія, псалмы и пѣсни запечатлѣны неподражаемо высокимъ помазаніемъ Духа Божія и написаны святыми Божиими людьми, которымъ мы молимся и которые, конечно, ближе насъ стояли къ Богу и лучше насъ знали, какое славословіе можетъ быть угодно Богу. „Когда мы славимъ Господа тѣми хвалами, которыя сложили святые Божіи, то сіи послѣдніе, слыша свое славословіе, радуются о насъ и тѣмъ скорѣе спѣвають на помощь нашимъ молитвамъ“, говоритъ св. Аѳанасій Великій. Самые тѣ напѣвы, которыми исполняются церковныя славословія и пѣсни, перешли къ намъ отъ древняго времени, и потому дороги Церкви, какъ и каждому просвѣщенному народу дороги древніе звуки его пѣсней, соединяющіе какъ бы въ одинъ непрестающій хоръ пѣснопѣвцевъ прошедшихъ вѣковъ и нынѣшнихъ. Подобно всей вещественной обстановкѣ храма, и звуки церковнаго славословія слились для насъ нераздѣльно съ представленіемъ храма, какъ необходимая его атмосфера.

Въ этой родственной христіанскому духу атмосферѣ хвалебныхъ звуковъ, и мысль присутствующихъ въ храмѣ полнѣе и легче настраивается въ тонъ христіанской молитвы и славословія.

Недовольные ничѣмъ существующимъ, невѣрующіе сыны вѣка сего дѣлаютъ намъ еще такое возраженіе: „церковныя славословія и пѣсни сложены всѣ на языкѣ церковно-славянскомъ, не вполне понятномъ для насъ; мы предпочитали бы славить Бога обычнымъ житейскимъ словомъ, сплетать вѣнецъ похвалениіа изъ того, что у насъ подъ руками“. И это—непристойный укоръ матери - Церкви отъ лица чадъ ея. Должна ли мать гоняться за разноязычіемъ своихъ дѣтей или дѣти должны знать языкъ своей матери? И что за сынъ тотъ, кто затрудняется понимать языкъ своей матери? Это можетъ быть только сынъ неразумный, неблагодарный, равнодушный къ своей матери, чуждый сыновней потребности искать утѣшенія и успокоенія для себя въ материнской бесѣдѣ. Кто же привыкъ посѣщать храмъ Божій, кто не оставляетъ христіанскаго обычая читать узаконенныя утреннія и вечернія молитвы, тотъ можетъ ли не знать языка церкви⁴⁾. О, сынъ развращеннаго вѣка, блуждающій по всѣмъ распутіямъ міра, забывающій свой родной духовный очагъ и свою духовную родную пѣсню вѣры!... *Егда возвратился воздохнеши, тогда спасешися и уразумѣеши, идѣ былъ еси* (Исаи 30, 15). Тяжело сиротство естественное; но стократно тяжелѣе сиротство духовное, сиротство человѣка, охладѣвшаго къ возродившей его церкви и оставившаго ее!....

Все это не значитъ, что православная церковь запре-

⁴⁾ На сколько не замѣнимъ церковно-славянскій языкъ въ христіанскихъ славословіяхъ и молитвахъ, это знаютъ всѣ, нечуждые духовнаго опыта и вкуса. Неудобно сказать напримѣръ: „палецъ Твой, Господа!“ гораздо лучше употребить славянское выраженіе: „перстъ Твой“..; неудобно сказать: „Твой всевидящій глазъ“; лучше сказать: „Твое всевидящее око“; неудобно сказать: „Твоя правая рука“; лучше сказать по-славянски: „Твоя десница“ и т. под. Всѣ возраженія сектантовъ, особенно штундистовъ, противъ церковно-славянскаго богослужебнаго языка православной церкви основываются на слабомъ развитіи въ нихъ религіознаго чувства и вкуса.

щаетъ намъ у себя дома, въ своей домашней моленной, слагать свои вѣнцы хваленія и своимъ собственнымъ гласомъ пѣть хвалу Божію. Кому Духъ Святой даровалъ даръ пѣсней, пользуйтесь имъ во славу Божію, слагайте и воспѣвайте *пѣсни новы*, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ваши пѣсни были въ полномъ согласіи съ символомъ христіанской вѣры и надежды. Христіанскою рукою сплетенный вѣнецъ хвалы Христу Богу не долженъ заключать въ себѣ тѣхъ терній невѣрія и неправотѣрія, уколы которыхъ чувствуются въ словесныхъ вѣнцахъ сыновъ вѣка сего. Съ другой стороны, наши собственныя славословія не должны исключать того домашнего чина славословій и молитвъ, который указала намъ церковь въ нашемъ православномъ молитвенникѣ, въ видѣ молитвъ „возставшимъ отъ сна“ „на сонъ грядущимъ“ и другихъ молитвъ на разныя христіанскія потребности, но должны служить только дополненіемъ къ нимъ. Когда мы совершаемъ общеобязательный чинъ домашнихъ молитвъ, мы увѣренно присоединяемъ свой голосъ къ великому хвалебному хору всего православнаго міра; но сами мы не всегда хорошо знаемъ, о чемъ убо помолимся яко же подобаетъ (Римл. 8, 26). Потому-то Отцы Церкви учатъ, что хвалить Творца подобаетъ наиболѣе словами священныхъ пѣвцовъ. „И первыми пѣснями дѣтей христіанскихъ да будутъ церковныя псалмы“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустый. „Да будетъ церковный хвалебный псаломъ и пѣснію пахаря, идущаго за плугомъ, и пѣснію жнеца, несущаго снопы свои, и пѣснію горожанина, въ каждый часъ его досуга“. „Какъ у людей міра, говоритъ св. Афанасій Великій, есть любимыя стихотворцы и любимыя пѣсни, которыя они повторяютъ при всякомъ случаѣ, находя въ нихъ нѣкоторое содружество съ своимъ душевнымъ состояніемъ, такъ вѣрующіе христіане въ кругѣ церковныхъ славословій и молитвъ найдутъ псалмы и гимны, потребныя имъ и соотвѣтствующіе ихъ душевному расположенію. Потребно ли кому покаяніе и исповѣданіе, постигли ли кого

скорби и искушенія, опечаленъ ли кто суетою міра и смущенъ, или терпѣть иное страданіе, или, наоборотъ, видитъ ли кто себя преуспѣвающимъ, а врага своего низлагаемымъ, хочетъ ли кто возблагодарить и прославить Бога, для всѣхъ такихъ случаевъ онъ найдетъ въ церковномъ кругѣ пѣснѣй соотвѣтствующіе священные гимны и псалмы“. Аминь.

Акимъ Олесницькій.

СЛОВО

въ пятонъ четвертой недѣли великаго поста, на пассіи ¹⁾).

ЛОВЗАНІЕ ІУДОВО.

*И абіе приступль ко Іисусови (Іуда)
рече: радуйся рави: и облобыза ею (Матѣ.
XXVI, 49).*

Въ поздній часъ ночи, осторожно, стараясь соблюдать возможную тишину, вышла изъ вратъ Іерусалима довольно многочисленная толпа народа (*народъ много*—Матѣ., XXVI, 47. Марк. XIV, 43) и направилась по дорогѣ чрезъ долину Кедрскую къ горѣ Елеонской. Странное, совсѣмъ необычное зрѣлище представляла она. Здѣсь были и римскіе воины,— часть одного изъ шести отрядовъ римскаго намѣстника Іудеи со своимъ трибуномъ во главѣ (*спира и тысящникъ*—Іоан. XVIII, 12.—Ср. ст. 3); здѣсь были и почтенные члены синедріона изъ духовнаго и свѣтскаго сословія (*архіереи и старцы*—Лук. XXII, 52); здѣсь были и начальники храмовой стражи (*воеводы церковные*—ст. 52); здѣсь были и простые *слуги отъ архіерей и фарисей* (Іоан. XVIII, 3). Шелъ этотъ *народъ много со оружіемъ и дреколми* (Матѣ. XXVI, 47. Марк. XIV, 43. Лук. XXII, 52); въ рукахъ нѣкоторыхъ были фонари и факелы (Іоан. XVIII, 3). Предводительствовалъ этимъ страннымъ отрядомъ не римскій трибунъ, начальникъ своей спира, а іудей.

¹⁾ Происшествіе въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 1 марта 1896 года.

Что замыслили эти люди въ такое время? Для какой цѣли оставили они тихій, уснувшій городъ и съ оружіемъ въ рукахъ идутъ къ саду Геосиманскому?

Се Иуда, единъ отъ обоюнадесяте, идетъ предать своего Учителя и Господа въ руки враговъ Его, на смерть.

Онъ хорошо знаетъ, гдѣ искать Его, потому что еще не такъ давно и самъ былъ тамъ, вмѣстѣ съ прочими одиннадцатію. Всѣ они и теперь тамъ, въ излюбленномъ мѣстѣ Геосиманскаго сада. Онъ безъ труда найдетъ ихъ и укажетъ своимъ спутникамъ, кого изъ нихъ нужно взять.

Но укажетъ ли? Способенъ ли сдѣлать это такъ прямо Иуда? Слишкомъ долго шелъ онъ по пути лжи и притворства для того, чтобы измѣнить этому обычному направленію свосму теперь, въ эту послѣднюю встрѣчу свою съ Учителемъ. Нѣтъ, и теперь еще онъ хочетъ притворяться и лицемерить предъ Нимъ. Ни Учитель, ни одиннадцать не должны знать, чьихъ рукъ это дѣло, кто привелъ сюда эту толпу. Ему кажется, что это сдѣлать не трудно. Онъ нѣсколько опередить своихъ спутниковъ, подойдетъ ко Христу одинъ и просто лишь скажетъ Ему обычное: „радуйся, равви“, а такъ какъ это привѣтствіе въ тѣсномъ кругу двѣнадцати обыкновенно сопровождалось дружескимъ поцѣлуемъ, то тоже сдѣлаетъ онъ и теперь. Между тѣмъ, по одному этому знаку приближающаяся толпа легко узнаетъ, къ кому ей обратиться. *Предаяй же его*, говорятъ святые повѣствователи, *даде имъ знаменіе, глаголя: его же аще лобжу, той ест: имите его* (Матѣ. XXVI, 48. Сравни. Марк. XIV, 44; Лук. XXII, 47).

И у предателя хватило силы зла, коварства, притворства настолько, чтобы осуществить этотъ страшный планъ. Узнавъ Господа Иисуса Христа издали, онъ ускоряетъ шаги свои и, быстро подойдя совсѣмъ близко, со словами: „радуйся, равви!“ напечатлѣваетъ предательскій поцѣлуй на священной ланитѣ божественнаго Страдальца...

Такъ по знаку, служившему у Іудеевъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, для выраженія добраго расположенія, дружбы, преданности, любви, совершилось страшное преступленіе.

Чья душа, братіе, не возмутится при одномъ воспоминаніи объ этомъ гнусномъ лобзаніи Іудовомъ! Съ ужасомъ и отвращеніемъ гонимъ мы отъ себя этотъ мрачный образъ. Намъ страшно даже представить себѣ всю глубину грѣха, содѣяннаго Іудею.

Кто сдѣлался предателемъ?—*единъ отъ обоюнадесяте*. „У Іисуса были и другіе ученики, говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ, числомъ семьдесятъ; но тѣ занимали второе мѣсто, не пользовались такою честію, не имѣли такого дерзновенія, не участвовали въ тайнахъ столько, сколько двѣнадцать учениковъ. Эти были особенно отличены и составляли хоръ около Царя; это было приближенное общество учителя“ ¹⁾. Это была, прибавимъ отъ себя, какъ бы одна семья, тѣсно связанная любовью и дружбою, и всѣ члены ея были одинаково любезны и дороги ея Главѣ и Владыкѣ. И сколько великихъ благодѣяній, неисчислимыхъ щедротъ получилъ здѣсь вмѣстѣ съ прочими учениками и Іуда! Господь „научилъ его всему побудрѣю и словами и дѣлами, далъ ему силу надъ бѣсами, сдѣлалъ способнымъ совершать многія чудеса..., сдѣлалъ участникомъ своей вечери и трапезы“ ²⁾. И этотъ то *единъ отъ обоюнадесяте* поднималъ руку на своего Учителя и друга, благодѣтеля и Господа. Сколько здѣсь самой преступной, самой низкой неблагодарности!

Что послужило соблазномъ для Іуды, что толкнуло его на такой путь? *Тогда шедъ ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати и азъ вамъ предамъ его; они же поставиша ему тридесатъ сребреникъ* (Матѣ. XXVI, 14—15). Вотъ та ве-

¹⁾ Христ. Чт. 1895 г. кн. 2, стр. 80.

²⁾ Тамъ же стр. 85.

ликая мзда, которою прельстился Иуда—тридцать сребрениковъ! Такъ обыкновенно цѣнился рабъ въ Иудеѣ, но для того, иже *татъ бѣ* (Іоан. XII, 6), и эта ничтожная сумма представляется столь соблазнительною, что онъ сразу, даже не прося болѣе, соглашается и дѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ своего Господа. Какое жалкое плѣненіе свободной и разумной души человѣческой постыдною страстью самаго низкаго сребролюбія!

Вступивъ на опасный путь, остался ли Иуда одинокимъ и безпомощнымъ здѣсь? Можетъ быть, некому было образумить и предостеречь его? Самъ благій Учитель его, человѣколюбецъ Господь торжественно на вечера объявляетъ всѣмъ ученикамъ: *аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ мя* (Матѣ. XXVI, 21). Не Онъ ли самъ потомъ на вопросъ Иуды, дерзнувшего повторить вмѣстѣ съ прочими: *еда азъ есмь, рави?* прямо отвѣчаетъ ему: *ты реклъ еси* (ст. 25). Развѣ не слышалъ Иуда изъ устъ Господа сердцеѣдца и о той страшной гибели, какую готовить онъ себѣ собственными руками: *Сынъ человѣческій идетъ, якоже есть писано о немъ: горе же человеку тому, имже Сынъ человѣческій предается, добро бы было ему, аще не бы родился человекъ той* (ст. 24). Не ясно ли было для Иуды, что Учитель вѣдаетъ всѣ самыя сокровенныя движенія души его? Но ничто не могло удержать его: сердце его, въ ослѣвленіи страстью, осталось глухо и безчувственно ко всему.

Да, великъ и страшенъ грѣхъ Иуды и, пока стоитъ міръ, одно имя его всегда будетъ самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ для человѣка.

Но если бы мы всегда отдавали себѣ ясный и точный отчетъ во всѣхъ явленіяхъ своей жизни! Къ сожалѣнію, слишкомъ торопясь пройти и безъ того короткій земной путь свой, мы не любимъ долго останавливаться надъ всѣмъ, что встрѣчаемъ на немъ, неохотно задумываемся даже надъ собственными поступками, и вотъ, какъ бы въ награду за та-

кое легкомысліе наше, нерѣдко оказывается, что мы сами, въ зной собственной душѣ, носимъ черты того же мрачнаго образа, отъ котораго, повидимому, навсегда съ ужасомъ отшатнулись. Мы знаемъ, что Іуда пріялъ мзду свою—*отыде изъ мѣсто свое* (Дѣян. I, 25), и сего довлѣетъ для насъ. Но знаемъ ли мы, убѣждены ли, что вмѣстѣ съ Іудой исчезъ съ лица земли и злой духъ его, духъ лжи, коварства, предательства, или, можетъ быть, и до сего дня невидимо обигаетъ онъ среди насъ и своимъ тлетворнымъ дыханіемъ отравляетъ всѣ самыя лучшія стороны нашей жизни? Отвѣтитъ на вопросъ можетъ только сама жизнь, поэтому возьмемъ изъ нея нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ.

Не случалось ли вамъ, братіе, видѣть человѣка, стяжавшаго себѣ многія богатства міра сего, но вмѣстѣ съ ними и столь же многіе пороки,—человѣка всегда сытаго и празднаго, гордаго и капризнаго, никогда не задумывавшагося надъ удовлетвореніемъ всѣхъ самыхъ чудовищныхъ прихотей своихъ и привыкшаго въ угоду имъ приносить все и всѣхъ вокругъ себя. Не трудно понять, какія чувства долженъ внушать къ себѣ такой человѣкъ. И что же! Его окружаетъ цѣлая толпа „друзей“, выбивающихся изъ силъ въ желаніи доказать ему свою преданность. У cadaго изъ нихъ съ расположеніемъ этого человѣка связаны свои корыстные расчеты и надежды, и вотъ, въ душѣ презирая, а можетъ быть, даже проклиная своего мучителя, всѣ они готовы по первому капризу пресмыкаться предъ нимъ въ прахѣ, съ напускною искренностію клясться въ любви, краснорѣчиво восхищаться его добродѣтелями, а иногда съ самымъ трогательнымъ видомъ даже лобызать его руку...

Встрѣчаясь въ жизни съ подобнымъ явленіемъ, вы должны были задать себѣ вопросъ: не живетъ ли и здѣсь тотъ же духъ Іуды,—духъ лжи и притворства, коварства и предательства? Всѣ эти люди, подобно Іудѣ, не ищутъ ли сребренниковъ и за нихъ не продаютъ ли своего ближняго, можетъ

быть, своего благодѣтеля? Подъ маскою самаго дружественнаго лобзанія не таятъ ли и они самихъ гнусныхъ, предательскихъ плановъ?

Но можетъ быть, мы взяли ужъ слишкомъ крайній примѣръ, рѣдкій случай, который далеко не каждому приходилось и наблюдать? Пусть такъ. Но вотъ и еще примѣръ.

Человѣкъ, стяжавшаго силу и власть на землѣ, занимающаго высокій государственный постъ, окружаетъ множество лицъ подчиненныхъ ему, для которыхъ его слово законъ. Сколько благъ міра сего для сей меньшей братіи заключено въ рукѣ его. И вотъ, не видимъ ли мы, какъ въ ожиданіи этихъ благъ и въ расчетахъ на нихъ портится не одно человѣческое сердце, меркнетъ чистота и ясность не одной христіанской души, какъ часто и здѣсь пускаются въ ходъ хитрое притворство, тонкая лесть, искусная игра на слабыхъ струнахъ человѣческой души... Не подумали ли вы, наблюдая это явленіе, что и здѣсь сребреники и здѣсь лобзаніе Іудово?

Впрочемъ, можно возразить, что и это встрѣчается не часто. Тогда возьмемъ самую широкую область человѣческихъ отношеній.

Вотъ собрался кружокъ та... ..аго „образованнаго“ общества, для мирной дружеской бесѣды. Здѣсь нѣтъ рѣзкихъ различій богатства и бѣдности, начальства и подчиненія. Все это люди одного класса, равныхъ правъ, одинаковыхъ матеріальныхъ средствъ. Кажется, имъ нечего искать другъ у друга. Повидимому, здѣсь не можетъ быть сребрениковъ, ради которыхъ человѣкъ сталъ бы кривить совѣстію и предавать своего ближняго. И что же! Загляните въ душу многихъ изъ нихъ и сравните ихъ мысли и чувства съ ихъ рѣчью: говорятъ, большею частію, совсѣмъ не то, что мыслятъ и чувствуютъ. Расточаютъ высокія похвалы тому, кого въ душѣ осуждаютъ, горячо одобряютъ то, о чемъ на самомъ дѣлѣ негодуютъ, проявляютъ трогательное участіе чужому горю, а въ сердцѣ, если не радуются ему, то остаются совершенно

безучастны—словомъ, многіе показываютъ себя въ такомъ видѣ, какой находятъ для себя наиболѣе выгоднымъ. У каждаго здѣсь какіе то свои корыстные разсчеты и соображенія. Очевидно, и здѣсь строятся какія то козни, разставляются тонкія, невидимыя сѣти и подъ личиною того же лобзанія совершается предательство,—хотя часто едва уловимое, за какіе то сребреники, для посторонняго наблюдателя часто совершенно непонятны. И вельзя уже сказать, что и это явленіе рѣдкое.

Нужны ли еще примѣры? Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что они встрѣчаются на каждомъ шагу нашей жизни, что законъ правды и искренности попирается здѣсь чаще всѣхъ другихъ законовъ, что это уже перестаетъ даже возмущать насъ, потому что обращается уже чуть не въ правило жизни, въ особую *мудрость житейскую*.

Идя, повидимому, все впередъ въ своемъ развитіи, внося кажущіяся улучшенія во всѣ области жизни, мы въ то же время все болѣе и болѣе осложняемъ свои человѣческія отношенія, постепенно изгоняя изъ нихъ всякую естественность, простоту, правдивость. И вотъ, чтобы пройти жизненный путь спокойно, безъ борьбы и страданій, нужна уже, говорятъ, особая *мудрость житейская*, особое пониманіе тѣхъ тонкихъ нитей, которыми переплетены теперь всѣ наши отношенія, и особое хитрое искусство распутывать и запутывать ихъ въ свою пользу. Безъ этого, говорятъ, человѣкъ погибнетъ: своею правдою и искренностію онъ вооружить противъ себя всѣхъ и падетъ жертвою своей неопытности, ни на іоту не измѣнитъ обычнаго теченія жизни.

Такое убѣжденіе слишкомъ глубоко проникаетъ въ наше сознаніе и часто намѣренно прививается намъ чуть не съ первыхъ лѣтъ нашей жизни. Развѣ не видимъ мы, какъ сердобольные родители, дрожа за судьбу дѣтей своихъ, спѣшатъ заблаговременно передать имъ эту мудрость житейскую и собственными руками вливаютъ первыя капли яда лжи въ чистую

дѣтскую душу, какъ затѣмъ постепенно, длиннымъ рядомъ уроковъ, поддерѣпляемыхъ собственнымъ примѣромъ, передаютъ имъ и все тонкое искусство прикрывать свою душу непроницаемымъ покровомъ внѣшности и придавать послѣдней какое угодно выраженіе. Такое умѣнье владѣть собою многіе называютъ характеромъ и въ немъ видятъ чуть не главную задачу воспитанія, во всякомъ же случаѣ, на немъ именно разсчитываютъ создать земное благополучіе дѣтей своихъ. И выступаютъ въ жизнь все новыя и новыя лживыя „ловцы челоувѣковъ“ и попиратели закона правды.

Такъ, братіе, широкою волною разливается въ міръ это зло, и счастливъ тотъ изъ насъ, кто, ужасаясь лобзанія Іудова, окажется самъ совершенно чистъ отъ грѣха сего, въ чью душу не закрались ложь и коварство, кто соблюлъ свое сердце и уста въ чистой правдѣ.

Но что же это? Развѣ мы не ученики и чада Того, Кто на сіе родися и на сіе прииде въ міръ, да свидѣтельствуесть истину (Іоанн. XVIII, 37)—словомъ, дѣломъ, всею жизнію своею, всеѣмъ существомъ своимъ, потому что Онъ носилъ эту истину въ самомъ себѣ, потому что Онъ есть сама истина? Какъ же дерзаемъ мы звать себя чадами Христовыми, сынами этой вѣчной Истины, такъ легкомысленно попирая законы ея? Или можетъ быть, постоянно скрывая свою душу отъ глазъ людскихъ, мы, подобно Іудѣ, въ какомъ то страшномъ ослѣпленіи, надѣвемся скрыть ее и отъ ока всевидящаго, забывая, что Богъ испытуетъ сердца и утробы и что если не въ семъ вѣкѣ, то въ грядущемъ Онъ выведетъ на свѣтъ предъ людьми и ангелами тайная тмы и объявитъ совѣты сердечные? Да, братіе, поистинѣ это какое то странное ослѣпленіе наше, когда, плѣняясь жалкими сребрениками, прилѣпляясь всею душою къ благамъ земной жизни, мы дерзаемъ на страшное лобзаніе Іудова, отдаемъ себя всецѣло во власть этой лживой мудрости своей, полагая,

что безъ нея, идя подъ знаменемъ правды, мы найдемъ въ жизни однѣ скорби и страданія.

Эти опасенія наши, если бы даже и справедливы были, не могутъ служить оправданіемъ для насъ. Христіанинъ ли тотъ, кто хочетъ идти за Христомъ только по полю ровному и усѣянному цвѣтами, при ясной и тихой погодѣ, ожидая встрѣтить здѣсь однѣ радости и удовольствія! *Иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ придетъ. Иже бо аще хочетъ душу свою спасти, поубиетъ ю: а иже поубиетъ душу свою мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Марк. VIII, 34—35). Вотъ путь истиннаго христіанина—путь креста и самоотверженія. Могутъ ли устранишь его бѣдствія и страданія на этомъ пути! *Аще міръ васъ возненавидитъ, выдите, яко мене прежде васъ возненавидѣ* (Іоан. XV, 18), говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, и если бы кому дѣйствительно судить Онъ пострадать за правду Свою, то какая награда уготована такому человѣку въ жизни вѣчной: *блазени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Матѣ. V, 10). Но такіа страданія неизбѣжны ли? Неужели нельзя пройти жизненное поле съ чистою правдою въ душѣ, не возбудивъ противъ себя ничьей злобы и ненависти, не подвергнувъ себя гоненіямъ и бѣдствіямъ?

Есть, братіе, правда гордая, самолюбивая, надмевающая умъ и сердце человѣка и побуждающая его кричать на каждомъ шагѣ о человѣческихъ несправедливостяхъ, указывать всѣмъ въ глаза ихъ слабости и недостатки, негодовать при видѣ чужихъ пороковъ, являться вездѣ непрошеннымъ судьей и обличителемъ. Съ такою правдою человѣкъ, дѣйствительно, можетъ нажить себѣ не мало враговъ. Но это ли правда христіанская? Тотъ, Кто самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, не то же ли заповѣдалъ и всѣмъ послѣдователямъ своимъ, общая столь великія награды людямъ кроткимъ и нищимъ духомъ (Матѣ. V, 3. 5). Законъ Христовъ есть законъ любви—безпредѣльной, самоотверженной, соединенной съ кро-

тостію и всепрощеніемъ. Слѣдую этому закону, съ какимъ терпѣніемъ должны мы относиться ко всѣмъ недостаткамъ ближнихъ своихъ! Блюди себя, собственную душу, бичуй со всею строгостію, исправляй всѣми мѣрами *собственные* слабости,—не мни, что ты свободенъ отъ нихъ,—но не являйся судьей и обличителемъ тамъ, гдѣ не поставленъ, не призванъ ты на это изволеніемъ свыше. Какъ легко видѣть сучокъ въ глазу брата своего и не замѣчать бревна въ собственномъ! Блюди какъ зеницу ока своего, какъ самое драгоценное сокровище, правду въ собственномъ сердцѣ: не нарушай ея въ угоду человѣческимъ страстямъ, не унижайся и не человѣкоугодничай ради корыстныхъ расчетовъ, не поддавайся соблазнамъ никакихъ сребрениковъ; но *не буди правдивъ велими* (Еккл. VII, 17)—не кичись своею правдою и, если бы даже достигъ ты и совершенной чистоты, изъ-за нея не укоряй и не презирай ближняго своего. Вотъ правда Христова. Конечно, можно потерять и отъ нея въ жизни, но много ли?—не приобрѣсть того, что часто легко достигается изворотливою совѣстію? Но этого ли страшиться христіанину! Не *здесь*, а на пути *лжи* ждетъ его опасность.

Не всегда самый упорный трудъ постоянного притворства и самое тонкое умѣнье пользоваться имъ приводятъ къ желаннымъ цѣлямъ: часто одинъ непредвидѣнный случай раскрываетъ человѣка въ его настоящемъ свѣтѣ и разрушаетъ всѣ хитрые планы его. Между тѣмъ, что сдѣлалъ этотъ человѣкъ съ бѣдною душою своею,—какую пропасть вырылъ для нея собственными руками!

Ложь есть самый страшный врагъ нашъ. Вспомнимъ только, кого называлъ самъ Господь Іисусъ Христосъ именемъ лжи, кто отецъ ея (Іоан. VIII 43), чье лживое слово вонзило смертоносное жало въ первую еще невинную душу и омрачило грѣхомъ еще райски-блаженное сердце (Быт. III, 4—5). Съ тѣхъ поръ врагъ человѣческаго спасенія не перестаетъ плѣнять насъ всѣми видами сребрениковъ и незамѣтно увле-

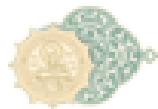

каеть по такому пути, на которомъ уже трудно остановиться. Дозволяя себѣ сначала только, повидимому, самую безвредную и безобидную неправду, въ мелочахъ жизни, мы, незамѣтно для самихъ себя, постепенно все болѣе и болѣе расширяемъ этотъ кругъ дозволеннаго себѣ, и кто скажетъ съ увѣренностію, гдѣ, наконецъ, онъ остановится. Одинъ шагъ внизъ уже побуждаетъ сдѣлать другой, за этимъ слѣдуетъ третій, и съ каждымъ новымъ стремленіе все усиливается, ускоряется. Таковъ и законъ нравственнаго паденія на пути лжи. Незамѣтно мы можемъ дойти до предательства своихъ ближнихъ, друзей, даже родныхъ, даже Самаго Господа. И не бываетъ ли и сего? Развѣ нѣтъ и въ наши дни Иудъ предателей, которые лицемерятъ предъ Самимъ Отцемъ Небеснымъ, даютъ предательское лобзаніе Самому Христу...

Но да не смущается сердце наше, братіе возлюбленные. Не съ нами ли Господь! Не Онъ ли Самъ—вѣрный и крѣпкій помощникъ всѣмъ ищущимъ Его, во всѣхъ браняхъ нашихъ со врагомъ нашего спасенія! Будемъ же непрестанно бодрствовать надъ собою—нелицемерною совѣстію, ставемъ пробѣрять каждый шагъ свой, каждое свое слово, ни на часъ одинъ, ни на одну минуту не забудемъ, что есть надъ нами Господь вездѣсущій и всевѣдущій, отъ Котораго не скрыть намъ и самыхъ тайныхъ движеній души своей,—и Онъ поможетъ намъ пройти нашъ жизненный путь въ правдѣ Его.

Сердце чисто созижди во мнѣ Божже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей (Пс. L, 12). Аминь.

Н. Макавейскій.

СВ. СТЕФАНЪ ПЕРМСКІЙ, ПРОСВѢТИТЕЛЬ ЗЫРЯНЪ.

(26 апрѣля 1396 г.—26 апрѣля 1896 г.).

*„Бысть добродѣтеленъ и житіемъ
благоуловити, иже изъ дѣтства сердечною
чистотою свѣтящеся“.* (Пол. Собр. Русск.
Лѣт. т. VI, стр. 129).

I.

Въ исторіи cadaго народа бываютъ выдающіеся, великіе люди. Здравый смыслъ и голосъ исторіи подсказываютъ видѣть въ такихъ людяхъ особенныхъ избранниковъ Божіихъ. Они посылаются Провидѣніемъ для совершенія того, что заключается въ потребностяхъ данной эпохи, скрывается въ желаніяхъ и вѣрованіяхъ даннаго народа и времени. Всякій народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль и его собирательная воля должны для своего обнаруженія претвориться въ мысль и волю одного человѣка, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ и особенно зоркимъ умственнымъ взоромъ. Такие люди, по дару Божію, прозрѣвая въ далекое будущее, облачаютъ въ живое слово то, что таилось до нихъ въ народной думѣ, выводятъ на свѣтъ неясныя стремленія и желанія своихъ современниковъ и указываютъ имъ новыя пути и новыя задачи для дѣятельности. Значеніе дѣятельности такихъ людей бываетъ иногда совсѣмъ непо-

нятно для ихъ современниковъ, а еще чаще не по достоинству оцѣнивается ими. Смыслъ и значеніе появленія такихъ людей въ народѣ иногда уясняются только по простейшимъ нѣсколькимъ вѣковъ.

Молодой русскій народъ также видѣлъ среди себя подобныхъ великихъ людей, имена и жизнь которыхъ достойны вѣчной памяти. „Много славнаго“, скажемъ словами премудраго сына Сирахова,—“много славнаго Господь являлъ чрезъ нихъ, величіе Свое отъ вѣка. Это были... мужи именитые силою; они давали разумные совѣты, возвыщали въ пророчествахъ; они были руководителями народа при совѣщаніяхъ и въ книжномъ обученіи. Мудрыя слова были въ ученіи ихъ... Всѣ они были уважаемы между племенами своими и во дни свои были славою. Есть между ними такіе, которые оставили по себѣ имя для возвыщенія хвалы,—и есть такіе, о которыхъ не осталось памяти, которые исчезли, какъ будто не существовали... тѣла ихъ погребены въ мирѣ, и имена ихъ живутъ въ роды. Народы будутъ рассказывать объ ихъ мудрости, а церковь будетъ возвыщать имъ хвалу“ (XLIV, 1—14). Русская церковь, дѣйствительно, помнить и постоянно, въ поученіе своимъ чадамъ возвыщаетъ хвалу „именитыхъ, славныхъ мужей“ русскаго народа. Къ сонму этихъ славныхъ мужей прошедшей исторія русскаго народа достойно долженъ быть причисленъ и св. Стефанъ пермскій, память котораго русская церковь въ нынѣшнемъ году празднуетъ съ особенною торжественностію, по поводу наступившаго пятидесятилѣтія со дня блаженной кончины его. Предлагаемый очеркъ имѣетъ единственную цѣлю оживить въ сознаніи русскихъ людей главнѣйшіе моменты великой и плодотворной дѣятельности просвѣтителя древней Біарміи.

II.

Св. Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ двинской области. Время рожденія его съ точностію не извѣстно. Родился онъ отъ низшаго служителя соборной градской церкви, дьяка

Оеодора и его жены Маріи. Въ раннемъ дѣтствѣ родители отдали своего сына въ „книжное наученіе“. Мальчикъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ рѣдкія умственные способности: острую память и быструю понятливость. Благодаря этому, онъ „вскорѣ извуче всю грамоту“. По окончаніи „книжнаго наученія“, онъ сдѣлался канонархомъ и чтецомъ соборной церкви г. Устюга. Въ это время онъ съ усердіемъ продолжалъ свое образованіе посредствомъ постоянного чтенія книгъ, такъ что скоро научился „всей грамотичной хитрости“. По всему видно, что св. Стефанъ съ самаго ранняго дѣтства чувствовалъ особенное влеченіе къ книжности, къ развитію своего ума.

Подъ вліяніемъ того же природнаго влеченія, онъ, „изъ дѣтства отличавшійся сердечною чистотою“, принималъ въ раннемъ возрастѣ иноческій санъ. Это можно заключать, между прочимъ, изъ того, что мѣстомъ первоначальныхъ своихъ иноческихъ подвиговъ онъ избралъ ростовскій монастырь св. Григорія Богослова, „яко книги многи бяху ту, довольны суща ему на потребу почитанія ради“, прибавляетъ его жизнеописатель.

Въ монастырскомъ уединеніи св. Стефанъ заботился главнымъ образомъ о самоусовершенствованіи въ благочестіи. Не смотря на свои молодые годы, онъ велъ здѣсь такую строгую подвижническую жизнь, что его постъ, терпѣніе, незлобіе, любовь, смиреніе и послушаніе удивляли всѣхъ окружавшихъ его. Время же остававшееся свободнымъ отъ упражненія въ подвигахъ иноческой жизни, св. Стефанъ по прежнему посвящалъ книжнымъ занятіямъ. Онъ перечиталъ за это время многія книги и многія изъ нихъ, кромѣ того, переписалъ собственноручно. За такіе свои подвиги въ аскетической жизни и за успѣхи въ „книжномъ разумѣніи“ св. Стефанъ скоро былъ удостоенъ сана іеродіакона.

Въ это время въ головѣ юнаго, по своему времени хорошо образованнаго инока созрѣваетъ та великая мысль, осу-

щественіе которой принесло столько блага русскому народу и вмѣстѣ съ святостію жизни обезсмертило св. Стефана. Къ сожалѣнію, имѣющіеся источники не даютъ никакихъ оснований для рѣшенія вопроса о томъ, при какихъ обстоятельствахъ зародилась и созрѣла эта великая мысль въ умѣ св. Стефана,—самъ ли онъ пришелъ къ ней, или, быть можетъ, другой кто-либо подсказалъ ее ему. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что большое значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣло знакомство св. Стефана съ состояніемъ язычествовавшихъ зырянъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ родиной св. Стефана. Съ другой стороны, знаніе первоначальной христіанской исторіи, тѣхъ апостольскихъ подвиговъ, посредствомъ которыхъ распространялось христіанство въ странахъ языческихъ, равно какъ и знаніе исторіи распространенія христіанства между славянами и насажденія его въ родной русской землѣ,—знаніе всего этого также могло побудить св. Стефана къ принятію на себя святаго подвига апостольства.

Вполнѣ постигая своимъ провицательнымъ умомъ трудность принятаго на себя великаго подвига, св. Стефанъ не сразу взялся за осуществленіе мысли просвѣтити христіанскимъ ученіемъ закоренѣлыхъ язычниковъ—зырянъ. Къ своему подвигу онъ готовился постепенно и основательно въ теченіи цѣлыхъ тринадцати лѣтъ монастырской жизни, подобно тому, какъ въ свое время готовились къ подвигамъ апостольства и святые братья, просвѣтители славянъ. Въ это время онъ самъ предварительно хорошо изучилъ зырянскій языкъ, вѣроятно, при пособіи кого-либо изъ самыхъ же зырянъ. Онъ тщательно изучилъ также страну, жизнь и бытъ зырянскаго народа, вѣроятно, опять таки путемъ бесѣдъ съ зырянами, приходившими по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Ростовъ и Устюгъ. Въ это время приготовленія къ задуманной дѣятельности св. Стефанъ изучилъ и греческій языкъ, такъ что могъ свободно читать греческія книги и переводить ихъ на русскій и зырянскій языки. *Пользуясь отчасти буквами греческаго и славян-*

скаго алфавитовъ, отчасти же чертами и рѣзами, которыя употреблялись у зырянъ, вмѣсто письменныхъ знаковъ, св. Стефанъ самъ создалъ и зырянскую азбуку, подобно тому, какъ нѣкогда свв. Кириллъ и Мееодій изобрѣли славянскую азбуку. При помощи вновь созданной азбуки, св. Стефанъ перевелъ на зырянскій языкъ нѣкоторые греческія и славянскія книги, необходимыя для задуманнаго ими дѣла, и самъ собственноручно переписалъ ихъ по-зырянскъ.

Теперь св. Стефанъ, повидимому, долженъ былъ признавать себя вполне подготовленнымъ къ великому подвигу апостольства. Однако же онъ и теперь не сразу выступаетъ на проповѣдь евангелія между зырянами. По доброму древнему христіанскому обычаю, онъ рѣшаетъ прежде испросить благословіе первосвятителя русской церкви на свой подвигъ. Съ этою цѣлію онъ отправляется въ Москву. Коломенскій епископъ Герасимъ, завѣдывавшій тогда дѣлами московской митрополіи, одобрилъ намѣреніе св. Стефана, благословилъ его на святое дѣло и, рукоположивъ его въ санъ пресвитера, надѣлилъ его всѣмъ необходимымъ для крещенія язычниковъ и для устройства храмовъ Божіихъ въ зырянской землѣ. Напутствованный наставленіями святителя русской церкви, св. Стефанъ въ 1379 году отправился проповѣдывать евангеліе зырянамъ.

III.

Зыряне вмѣстѣ съ вотяками составляли вѣтвь большаго финскаго или чудскаго племени. Вопросъ о томъ, къ какой расѣ должно относить финновъ, доселѣ еще не рѣшенъ въ наукѣ. Въ то время какъ одни причисляютъ ихъ къ монгольской расѣ, другіе смотрятъ на нихъ, какъ на одну изъ многочисленныхъ вѣтвей кавказской расы; а третьи готовы утверждать даже, что финское, или чудское племя составляетъ посредствующее звено между монголами и славянами. Но все

это одни только предположенія, неимѣющія никакихъ точныхъ основаній. На основаніи новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій несомнѣннымъ можетъ быть признано только то заключеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что фінское, или чудское племя пришло въ Европу, мѣсто своего позднѣйшаго жительства, изъ средней Азіи. Въ этой послѣдней фінское племя занимало сравнительно обширную площадь, обнимавшую склоны алтайскихъ и саянскихъ горъ, хребетъ Алатау и верховья рѣкъ Иртыша, Оби и Енисея. По всей этой площади и теперь еще встрѣчаются во множествѣ чудскіе, или фінскіе памятники въ видѣ гробницъ и различныхъ металлическихъ оружій и каменныхъ украшеній. Памятники эти свидѣлствуютъ о сравнительно высокомъ культурномъ развитіи фінскаго племени во время жизни его въ средней Азіи. Финны были знакомы тогда со многими искусствами, успѣшно разрабатывали мѣстные золотые и серебряные рудники и вели довольно обширную торговлю; они доставляли, напр., продукты горной промышленности грекамъ черноморскихъ колоній.

Не извѣстно, когда и при какихъ обстоятельствахъ совершилось переселеніе финновъ изъ средней Азіи въ сѣверо-восточныя предѣлы нынѣшней европейской Россіи. „Не знаемъ“,—говоритъ Карамзинъ,—„когда они (финны) въ Россіи поселились, но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ предѣлахъ“. Можно только думать, что финны были вытѣснены изъ мѣста первоначальнаго своего жительства народами монгольскаго племени, къ тому времени особенно размножившимися и усилившимися. Такимъ образомъ, это было одно изъ тѣхъ переселеній азіатскихъ народовъ въ Европу, какія неоднократно повторялись и въ позднѣйшей исторіи европейскихъ государствъ съ тѣмъ только, пожалуй, различіемъ, что переселеніе фанновъ было мирное и невоинственное.

Вытѣсненное врагами изъ отчизны, фінское племя не утратило и не растеряло по дорогѣ тѣхъ зачатковъ об-

разованности, которые оно успѣло развить въ тому времени. Финны сохранили ихъ и перенесли въ новое мѣсто жительства. Оттого чудское племя съ первыхъ временъ своего поселения въ предѣлахъ Европы является сравнительно образованнымъ племенемъ. Первый русскій лѣтописецъ упоминаетъ уже о городахъ, существовавшихъ въ Чудской землѣ. Отеръ, норвежскій мореплаватель IX в., посѣтивъ устье сѣверной Двины, встрѣтилъ здѣсь прекрасно обстроенный чудскій городъ съ значительнымъ населеніемъ. Городъ этотъ сдѣлался средоточнымъ пунктомъ оживленныхъ торговыхъ сношеній, установившихся съ того времени между норвежцами и чудью и непрерывавшихся вплоть до XIII в. Чудь доставляла жителямъ Скандинавіи главнымъ образомъ пушной товаръ, которымъ такъ богата была чудская страна съ ея необозримыми лѣсами. Вела торговля сношенія чудская земля и съ другими образованными народами древняго міра, и при этомъ весьма отдаленными. Археологическія раскопки, производившіяся въ послѣднее время въ курганахъ елабужскаго уѣзда, показали, что здѣсь нѣкогда жилъ народъ, имѣвшій торговля сношенія съ персами, мидянами и ассиріянами. Въ предѣлахъ поселенія финскаго племени находятся теперь иногда арабскія монеты, относящіяся къ VII и VIII в. по Р. Хр. Наконецъ, въ „мухаммеданской нумизматикѣ“ Савельева приводится много интересныхъ свѣдѣній относительно торговли жителей древнихъ—Біарміи и Югры съ норманскими викингами и волжскими болгарами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что съ древнѣйшихъ временъ начались сношенія чудскаго племени и съ его ближайшими сосѣдами—славянскими племенами.

Начало этихъ сношеній, какъ и многое другое въ исторіи славянскаго и чудскаго племенъ, покрыто непроницаемымъ мракомъ. Можно думать, что въ началѣ такіа сношенія были мирными сношеніями двухъ сосѣднихъ племенъ. Но затѣмъ быстрый ростъ русскаго славянскаго племени и не-

обходимость пріобрѣтенія новыхъ мѣстъ для расселенія должны были побудить его вступить въ борьбу съ чудью. Борьба эта была роковой исторической необходимостію. Равнинность страны, которую занимали оба эти племена, дѣлала неизбѣжнымъ ихъ столкновение. Быстро развившаяся потребность великаго Новгорода въ пріисканія себѣ новыхъ и новыхъ рынковъ значительно ускорила развязку. Началась борьба двухъ племенъ. Не трудно предвидѣть, на чьей сторонѣ долженъ былъ остаться перевѣсъ. Одно племя уже значительно устарѣло и поистратило свои силы во время предшествующей бурной жизни и во время переселенія изъ одной части свѣта въ другую. Другое, наоборотъ, было полно силъ. Благодаря этому, чудская народность, какъ болѣе слабая и къ тому же немѣвшая прочнаго внутренняго устройства, не устояла и была побѣждена. Молодое и сильное славянское племя безъ особеннаго труда побѣдило финновъ, у которыхъ силы уже значительно подломлены были прошедшею бурною ихъ жизнію. Русскіе славяне тѣснили финновъ съ двухъ сторонъ: съ запада и юга. Чудь нигдѣ не могла удержаться. Она оставляла свои поселенія и удалялась на сѣверо-востокъ, въ глушь непроходимыхъ лѣсовъ. Скоро Новгородъ окончательно подчинилъ себѣ финновъ, занимавшихъ западныя окраины великой Біарміи. Финны сдѣлались данниками Новгорода, который совершенно забралъ въ свои руки всю торговлю, какую вели до того времени финны съ другими народами. Новгородцы, въ лицѣ своихъ отважныхъ повольниковъ, неудержимо подвигались впередъ и постепенно присоединяли къ своимъ владѣніямъ финскія поселенія, заставляя финновъ или уходить дальше, или платить дань и оброки. Финны укрывались отъ русскихъ преимущественно въ лѣсахъ, выбирая для своихъ поселеній закрытыя и безопасныя мѣста въ лѣсныхъ лощинахъ. Оттого мѣста поселеній и теперешнихъ пермскихъ вырѣнъ лежатъ преимущественно въ лощинахъ и котловинахъ. Въ виду постоянной опасности подвергнуться

вашествію русскихъ, финны не строили себѣ прочныхъ жилищъ, очевидно, для того, чтобы не жаль было бросать ихъ, когда придутъ русскіе и прогонять ихъ съ насиженныхъ мѣстъ. Финскіе дома были въ сущности шаламами. Оттого же многие рыли себѣ жилища въ землѣ, въ видѣ подземныхъ пещеръ. Такія пещеры, или землянки, въ противоположность вышеупомянутымъ шаламамъ, вырывались финнами обыкновенно на высокихъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, или на пригорьѣ среди лѣса. Живя въ такихъ пещерахъ, чуждъ уже не боялась быть замѣченною русскими. Остатки такихъ жилищъ древней чуди, въ видѣ ямъ, сохранились по мѣстамъ и досихъ поръ. О происхожденіи ихъ среди нынѣшнихъ пермяковъ сохранилось слѣдующее преданіе. „Давнымъ давно,—говорится въ этомъ преданіи,—когда еще въ здѣшнія мѣста начальство не заглядывало, жилъ здѣсь народъ по имени чуда. Жили эти чуди, какъ звѣри, въ лѣсахъ, а лѣса въ тѣ поры не то, что нынѣшніе: ни проходу, ни проѣзду тогда чрезъ нихъ не было; о дорогахъ уже и толковать нечего: ходили только по солнцу да по звѣздамъ. Чудъ и жила въ здѣшнихъ мѣстахъ, промышляла звѣрьемъ: и питалась звѣрьемъ, и одѣвалась звѣрьемъ. Долго ли, коротко, только вотъ и припелъ сюда Степа—угодникъ и всѣхъ началъ крестить. А чуди не хотѣлось этого. Со Степой угодникомъ пришли царскіе послуги и начали они чудю тѣснить всячески и принуждали въ воду идти. А тогда такъ было: кто окрестится, тотъ настоящимъ русакомъ становится и долженъ платить царю оброкъ. Чудъ уперлась: не хочу-де креститься да царю оброкъ выплачивать. Кинулась она въ лѣсъ, убѣжать думала. Только царь послалъ народу еще того больше и велѣлъ ее переловить всю и окрестить и взять съ нея подати—оброки великіе. Видитъ чуда: дѣло плохо, не сдобровать ей; выкопала она эти ямы, залѣзла туда да и зарылась въ нихъ, и все имущество съ собою взяла“.

Приведенное сейчасъ преданіе, страдающее смѣшеніемъ

событій и представляющее въ превратномъ видѣ распространеніе христіанства среди зырянъ, замѣчательно однакоже тѣмъ, что представляетъ намъ чудское племя совершенно дикимъ: „оно промышляло звѣрьемъ: и питалось звѣрьемъ, и одѣвалось звѣрьемъ“. Такое, слѣдовательно, сильное вліяніе на чудское племя оказало давленіе со стороны русскихъ въ лицѣ новгородскихъ повольниковъ. Въ чудской землѣ не стало больше прежняго общаго благосостоянія, равно какъ понизилось и общее умственное развитіе народа. У древнихъ финновъ, какъ есть основанія думать, была даже своя письменность. Единственнымъ остаткомъ ея во времени упадка чудскаго племени служили тѣ рѣзы и черты, о которыхъ упоминаетъ жизнеописатель св. Стефана. Прежніе финскіе славные города также или перестали существовать, или перешли въ русскія руки. Въ рукахъ русскихъ сосредоточивалась и вся прежняя широкая торговля Біарміи. Словомъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго исхода борьбы съ русскими, чудскій народъ пересталъ жить государственною жизнію. Онъ пережилъ родовую бытъ. Все оставшееся племя дѣлилось на роды. Во главѣ отдѣльныхъ родовъ стояли старѣйшины, которые пользовались безусловною властію въ предѣлахъ своего рода. Имъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ собраніяхъ и право жертвоприношенія. Религія финновъ состояла въ обоготвореніи явленій окружающей природы, преимущественно явленій свѣта. Въ соотвѣтствіе съ приведеннымъ нами выше преданіемъ о чуди, какъ дикомъ народѣ, и наша лѣтопись характеризуетъ пермскихъ зырянъ, какъ людей „нейрныхъ, ни Бога знающихъ, ни закона вѣдающихъ, молящихся идоламъ, огню, и водѣ, и камению, и золотой бабѣ, и кудесникамъ, и волѣхвомъ, и древью“. Кромѣ старѣйшинъ, стоявшихъ во главѣ родовъ, у финновъ существовала еще общая власть для всего племени въ лицѣ князя. Князь распоряжался главнымъ образомъ внѣшними дѣлами народа.

Въ такомъ приблизительно состояніи находились перм-

скіе зыряне ко второй половинѣ XIV в. Весь ходъ предшествующей исторіи этого народа показывалъ, что ему не устоять въ борьбѣ съ русскими. Раньше или позже онъ долженъ былъ вымереть. И несомнѣнно, что зырянскій народъ совершенно исчезъ бы съ лица земли, еслибы Провидѣніе не послало ему спасителя въ лицѣ св. Стефана.

IV.

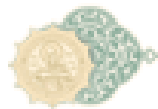
Св. Стефанъ, какъ сказано, пришелъ къ зырянамъ съ проповѣдью евангелія въ 1379 г. Зыряне-язычники неодинаково отнеслись къ благовѣстію христіанскаго проповѣдника. Многіе враждебно встрѣтили его. Этому больше всего содѣйствовало ложное представленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія должно было повлечь за собою крещеніе, посредствомъ котораго св. Стефанъ принималъ язычниковъ въ христіанскую церковь. Зыряне думали, что крещеніе дѣлало ихъ подданными и данниками русскаго царя. Потому и на самаго проповѣдника христіанства они смотрѣли, какъ на царскаго посланника. Такое ложное убѣжденіе въ язычникахъ-зырянахъ, безъ сомнѣнія, распространяли и поддерживали ихъ жрецы, матеріальныя интересы которыхъ больше всего страдали отъ успѣха проповѣди христіанскаго благовѣстника. Этому послѣднему пришлось на первыхъ порахъ много потерпѣть отъ ожесточенныхъ язычниковъ. Они неоднократно дѣлали попытки умертвить ненавистнаго имъ христіанскаго благовѣстника. Только Промыслъ Божій, чудесно охранявшій Своего избранника, и великое самосохраненіе, кротость и незлобіе этого послѣдняго спасали его отъ смертной опасности въ рѣшительную минуту.

Но не всѣ зыряне такъ относились къ проповѣди св. Стефана. Нѣкоторые внимательно вслушивались въ слова христіанскаго благовѣстника, убѣждались его увѣщаніями оставить свои языческія заблужденія и дѣлались его послѣдовате-

лями. Ихъ привлекала къ христіанскому проповѣднику необыкновенная простота и высокая нравственная чистота его ученія, особливо по сравненію съ вѣрою, какую они исповѣдывали. Весьма много успѣху проповѣди Св. Стефана содѣйствовало, безъ сомнѣнія, и то, что онъ проповѣдывалъ евангеліе зырянамъ на ихъ собственномъ языкѣ. Съ евангеліемъ и посохомъ въ рукахъ св. Стефанъ путешествовалъ по всѣмъ зырянскимъ поселеніямъ, заходилъ въ жилища зырянъ и здѣсь по-долгу бесѣдовалъ съ тѣми, кто желалъ слушать его проповѣдь. Просто и понятно онъ училъ ихъ объ истинномъ Богѣ, сотворившемъ все и промышляющемъ о всемъ, говорилъ имъ о Сынѣ Божіемъ, искупившемъ міръ Своею кровію, и о необходимости всѣмъ жить свято и богоугодно для того, чтобы наслѣдовать блаженство въ будущей жизни. Такое простое и необыкновенное ученіе производило глубокое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ изъ зырянъ. Они сами нерѣдко приходили къ св. Стефану и по-долгу бесѣдовали съ нимъ о вѣрѣ.

Когда обратившихся ко Христу собралось значительное число, св. Стефанъ построилъ въ Усть-выми, бывшей тогда главнымъ поселеніемъ зырянъ, первую церковь для зырянъ во имя Благовѣщенія, которая, по его мысли, должна была послужить началомъ спасенія обитателей зырянской земли. Вновь устроенная Благовѣщенская церковь, дѣйствительно, явилась мѣстомъ усиленнаго обращенія зырянъ въ христіанство. вмѣстѣ съ вѣрующими ее посѣщали и невѣрные язычники. Христіанское богослуженіе, благоговѣнно совершавшееся здѣсь просвѣтителемъ зырянъ, а также и никогда неумолкавшая его проповѣдь производили сильное впечатлѣніе на приходившихъ язычниковъ.

Ободряемый успѣхомъ своей проповѣди, св. Стефанъ неутомимо продолжалъ свое дѣло распространенія и утвержденія христіанства въ пермской землѣ. При этомъ главное вниманіе онъ обращалъ не столько на то, чтобы какъ можно ольѣе обратить язычниковъ въ христіанство, сколько именно

на то, чтобы положить прочное основаніе для будущаго просвѣщенія всей зырянской земли. Съ этою цѣлію онъ училъ грамотѣ обратившихся въ христіанство и сообщалъ имъ такія познанія въ области христіанскаго вѣроученія, какія были необходимы имъ для того, чтобы они сами потомъ могли сдѣлаться учителями своихъ единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, уже въ это время св. Стефанъ постепенно готовилъ себѣ сотрудниковъ, которые, подъ его руководствомъ, переписывали священныя и богослужебныя книги по-зырянски и проповѣдывали евангеліе между своими сородичами.

Неудивительно, если быстрый успѣхъ христіанской проповѣди еще болѣе ожесточалъ закоренѣлыхъ язычниковъ противъ св. Стефана. Въ особенности этотъ успѣхъ былъ непріятенъ жрецамъ зырянскимъ. Многіе изъ нихъ приходили къ христіанскому проповѣднику, который всѣхъ ихъ охотно принималъ, кротко бесѣдовалъ, велъ съ ними даже всенародныя пренія и силою своего благодатнаго слова побѣждалъ ихъ и приводилъ ко Христу. Ревностные и преданные послѣдователи св. Стефана, въ свою очередь, вели постоянныя бесѣды и пренія съ своими единоплеменниками изъ-за превосходства христіанской вѣры предъ языческою. Понятно, что дѣло не обходилось при этомъ безъ гоненій на христіанъ со стороны невѣрныхъ язычниковъ. А христіане, съ своей стороны, иногда слишкомъ открыто показывали свое презрѣніе къ языческой вѣрѣ своихъ сородичей и тѣмъ возбуждали ихъ ожесточеніе противъ себя. Такимъ образомъ, скоро борьба христіанства съ язычествомъ распространилась и обняла всю обширную зырянскую землю. Какъ вездѣ, гдѣ только распространялось христіанство, такъ и здѣсь съ буквальною точностію исполнялись пророческія слова Спасителя: „Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его; и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея, и враги человѣку—домашніе его“ (Мѡ. V, 35—36).

Начавшаяся борьба между христіанствомъ и язычествомъ

вездѣ оканчивалась въ пользу христіанства. Какъ прежде зыряне убѣгали и скрывались отъ новгородскихъ повольниковъ, такъ теперь язычество постепенно отступало предъ христіанствомъ. Христіанская вѣра успѣшно и быстро распространялась между зырянами. Тогда языческая партія выставила изъ своей среды самаго сильнаго, по ея мнѣнію, борца противъ христіанскаго благовѣстника въ лицѣ глубокаго старца, начальника всѣхъ волхвовъ, именемъ Пама. Онъ пользовался великимъ уваженіемъ среди всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Хитрый старецъ желалъ остановить успѣхъ христіанской проповѣди и даже возвратить въ языческую вѣру уже обратившихся въ христіанство посредствомъ лстиваго увѣщанія. Онъ хотѣлъ подѣйствовать на свойственное каждому человѣку чувство привязанности къ родинѣ и ко всему родному. „Не оставляйте“,—говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ,—„не оставляйте отеческихъ боговъ, не слушайте Стефана, пришедшаго изъ Москвы. Можетъ ли быть для насъ изъ Москвы что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на насъ тяжкія дани, и насильство, и тиуны, и приставники? Но меня слушайте, вашего единоплеменца, единоплеменника и давняго учителя, желающаго вамъ добра,—меня старца, а не того русина —москвитянина, который по лѣтамъ годился бы мнѣ въ сыны и даже внуки“.

Св. Стефанъ понималъ, какой вредъ христіанской проповѣди могутъ причинить такія рѣчи лстиваго старца, пугавшаго своихъ единоплеменниковъ политическою зависимоścią отъ Москвы. Св. Стефанъ сначала попытался обратить его самого въ христіанскую вѣру. Когда же не успѣлъ въ этомъ, онъ вызвалъ стараго волхва на всенародное испытаніе превосходства новой христіанской вѣры предъ старой, языческой вѣрой. Побѣжденный и пристыженный въ этомъ испытаніи закоренѣлый язычникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими послѣдователями рѣшилъ удалиться изъ родной земли.

Побѣда христіанскаго благовѣстника надъ главнымъ

представителемъ язычества, вѣроятно, сопровождалась особенно успѣшнымъ распространеніемъ евангелія среди зырянъ. Въ виду множества новообращенныхъ христіанъ, для которыхъ требовалось много и священнослужителей, св. Стефанъ нашель необходимымъ просить для зырянскихъ христіанъ особаго епископа, для чего и отправился въ Москву. Митрополитъ Пиментъ, съ согласія великаго князя московскаго, поставилъ въ 1383 г. епископомъ для пермскихъ зырянъ самаго просвѣтителя ихъ—Стефана. Возвратившись изъ Москвы въ санъ епископа, св. Стефанъ началъ еще съ большею ревностію трудиться надъ насажденіемъ и—главное—возращеніемъ прежде посябныхъ сѣмянъ христіанскаго ученія среди зырянъ. „Онъ,—скажемъ словами его ученика и жизнеописателя,—повсюду розыскивалъ, гдѣ оставались некрещенные, и въ какихъ бы предѣлахъ ни находилъ ихъ, обращалъ отъ язычества и крестилъ; а всѣхъ крещенныхъ утверждалъ въ вѣрѣ и убѣждалъ простираться впередъ; училъ ихъ пермской грамотѣ, писалъ имъ книги, ставилъ и святилъ церкви, которыя снабжалъ книгами и иконами, открывалъ монастыри, постригалъ въ чернецы, устраивалъ игуменовъ, поставлялъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдни на пермскомъ языкѣ, пѣли вечерни и заутрени пермскою рѣчью; и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ, и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы всякое дѣніе совершали по-пермски“. Кромѣ многихъ храмовъ, св. Стефанъ основалъ двѣ обители, которыя, по его мысли, должны были служить разсадникомъ христіанства въ зырянской землѣ, воспитательницами будущихъ миссіонеровъ ея. Вообще изъ всего видно, что св. Стефанъ заботился не только о настоящемъ состояніи, но и о будущей судьбѣ христіанства въ зырянской землѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ зырянскимъ христіанамъ онъ былъ какъ бы отцомъ по-среди дѣтей. Онъ заботился объ удовлетвореніи не только духовныхъ ихъ нуждъ, но также и матеріальныхъ, житей-

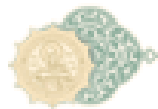
Труды Киевской дух. Академіи. Т. I. 1896.

скихъ. Онъ былъ ихъ ходатаемъ предъ московскимъ правительствомъ, защитникомъ ихъ предъ Новгородомъ, вольныя дружины котораго часто дѣлали опустошительныя набѣги на зырянскую землю, былъ кормильцемъ ихъ, доставлявшимъ имъ хлѣбъ въ неурожайныя годы. По всему этому онъ неоднократно предпринималъ путешествія въ Новгородъ и Москву. Во время одного изъ такихъ своихъ путешествій въ 1396 году онъ и скончался въ Москвѣ въ 26-й день апрѣля, гдѣ и былъ погребенъ. Зырянскіе христіане были глубоко опечалены вѣстію о кончинѣ ихъ просвѣтителя, отца. Скорбь ихъ увеличивалась еще тѣмъ, что они лишены были счастья имѣть у себя хотя бы мощи своего просвѣтителя. Эту скорбь ихъ весьма трогательно выразилъ жизнеописатель св. Стефана въ извѣстномъ плачѣ пермскихъ христіанъ о кончинѣ своего просвѣтителя.

V.

Такова была жизнь и дѣятельность св. Стефана. Значеніе дѣятельности его въ исторіи русскаго народа и русской церкви весьма велико. Св. Стефанъ своими апостольскими трудами пріобщилъ къ христіанскому міру, къ русскому христіанскому государству цѣлую страну, цѣлый народъ. Правда при жизни своей онъ далеко не успѣлъ обратить ко Христу всѣхъ зырянъ. Но зато онъ сдѣлалъ все для этого обращенія впослѣдствіи. Онъ положилъ прочное, незыблемое основаніе для устройства зырянской христіанской церкви. Онъ создалъ пермскую грамоту и перевелъ на пермскій языкъ всѣ необходимыя богослужебныя книги. Благодаря этому, уже при его жизни богослуженіе у зырянъ совершалось на ихъ родномъ языкѣ. Онъ, далѣе, воспиталъ цѣлое поколѣніе учениковъ и вполне подготовилъ ихъ къ продолженію его великаго дѣла. Своимъ апостольскимъ подвигомъ св. Стефанъ спасъ зырянскій народъ отъ окончательной гибели, отъ естественной смерти. Ходъ исторіи былъ таковъ, что раньше или позже зы-

рянское племя должно было слиться съ народомъ русскимъ. Только сліяніе это могло бы совершиться и путемъ истребленія лучшихъ силъ зырянскаго народа и порабощенія остальной части его, еслибы онъ оставался въ язычествѣ. Когда же зыряне сдѣлались христіанами, то стали братьями по вѣрѣ для русскихъ и мирно пріобщились къ духовной жизни и образованности этихъ послѣднихъ. Наконецъ, великая личность св. Стефана на-всегда останется свѣтлымъ образомъ для всѣхъ православныхъ миссіонеровъ. И нынѣ, какъ и во дни св. Стефана, на окраинахъ великаго русскаго государства живутъ народы, остающіеся во тьмѣ язычества. И теперь многіе избранные сыны русской православной церкви совершаютъ высокое миссіонерское служеніе въ странахъ языческихъ. День 26 апрѣля,—праздникъ для всей русской православной церкви,—долженъ быть особенно знаменательнымъ, особенно поучительнымъ торжествомъ для православныхъ русскихъ миссіонеровъ. Св. Стефанъ долженъ быть поучительнымъ для нихъ примѣромъ того, какъ должно готовиться и совершать миссіонерское служеніе въ странахъ языческихъ. Съ этой стороны должно признать совершенно цѣлесообразнымъ намѣреніе почтить память великаго угодника Божія, просвѣтителя зырянъ, совершеніемъ богослуженія 26 апрѣля въ нѣкоторыхъ епархіяхъ на зырянскомъ языкѣ.

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе *).

VIII. Харьковскій періодъ жизни М. Макарія¹⁾.

1. Прибытіе преосв. Макарія въ Харьковъ и вступленіе въ управленіе епархіей.

(Путешествіе изъ Тамбова въ Харьковъ). Посѣщеніе родины. Прибытіе въ Харьковъ. Первое служеніе и вступительное слово.

18 апрѣля 1859 года послѣдовало назначеніе преосв. Макарія епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ. 2 мая того же года былъ отправленъ изъ С.-Петербурга, а 16 мая получился въ Тамбовѣ синодальный указъ объ этомъ. 21 мая преосв. Макарій простился съ своею прежнею паствою, а 24 мая совсѣмъ выѣхалъ изъ Тамбова, сопровождаемый выраженіемъ всеобщаго сожалѣнія и пожеланія всего лучшаго въ будущемъ.

Путешествіе свое изъ Тамбова до Харькова преосв. Макарій заранѣе рѣшилъ направить черезъ Воронежъ и родное село Сурково. „Буду ѣхать“, писалъ онъ своему брату изъ Тамбова еще 3 мая 1859 года, „черезъ родину, погощу денекъ—другой дома, надѣлю всѣхъ родныхъ деньгами и попрошу, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ ко мнѣ являться въ Харьковъ“²⁾). Предположеніе преосв. Макарія сбылось съ букваль-

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, м. февраль 1896 г.

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ на основаніи: 1) писемъ преосв. Макарія къ А. П. Булгакову и А. И. Солнцеву, о которыхъ упомянуто въ прежнемъ очеркѣ и которыя всѣ неважны; 2) свѣдѣній, заимствованныхъ изъ архивовъ: а) Харьковской духовной Консисторіи и б) Харьковского Семинарскаго Привленія и сочиненій преосв. Макарія, — в) изъ собственноручныхъ воспоминаній прот. І. Д. Чижевскаго и г) изъ такихъ же воспоминаній архим. Алимпія.

²⁾ Изъ неважнаго письма.

ною точностію. На пути въ Харьковъ онъ посѣтилъ Воронежъ, родину и Бѣлгородъ, гдѣ останавливался и отдыхалъ, и въ Харьковъ прибылъ 3 іюня 1859 года. „Въ дорогѣ все было хорошо, писалъ онъ брату 8 іюня, „служилъ я въ Воронежѣ и въ Бѣлгородѣ—на Духовъ день. Дома пробылъ на самую Троицу двое сутокъ, видѣлъ всѣхъ родныхъ въ добромъ здоровьѣ... Въ Харьковѣ, если вѣрить, ждали меня съ нетерпѣніемъ и восторгомъ. Съ 3-го іюня, когда я прибылъ, начались представленія, которыя продолжаются доселѣ“¹⁾.

Въ слѣдующее, по приѣздѣ, воскресенье преосв. Макаріи въ первый разъ служилъ литургію въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ. Первое свое слово, обращенное въ новой пастырь, онъ видимо старался согласовать съ требованіями времени и мѣста. Вступительное слово въ Харьковѣ было произнесено преосв. Макаріемъ, на текстъ: „горняя мудрствуй-те, а не земная“ (Кол. III, 2)²⁾. Указавъ предварительно на то, что каждый человѣкъ долженъ развѣвать себя, жить и дѣйствовать согласно со своимъ назначеніемъ, которое состоитъ въ правильномъ развитіи духа и тѣла, отмѣтивъ, далѣе, господствующее, преобладающее направленіе вѣка,—матеріальное, земное, а не горнее, тѣлесное, а не духовное, преосв. Макаріи затѣмъ такъ продолжалъ свою рѣчь: „обращаясь, въ частности, къ тебѣ, богоспасаемый градъ Харьковъ, предназначенный быть отнынѣ средоточіемъ моей архипастырской дѣятельности, я радуюсь духомъ при мысли о двухъ важнѣйшихъ твоихъ преимуществахъ, которыя суждены на долю немногимъ, весьма немногимъ отечественнымъ городамъ нашимъ. Радуюсь, что здѣсь преподаются науки во всей обширности современныхъ успѣховъ и отсюда разливаютъ благодѣтельный свѣтъ свой на всѣ области нашего южнаго края, что здѣсь влагаются прочныя убѣжденія въ умы юнаго поколѣнія, которое, въ свою

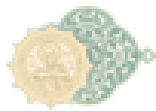
¹⁾ Изъ нежданнаго письма.

²⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 429—433.

очередь, передать ихъ послѣдующему роду. О, какъ же не пожелать мнѣ, чтобы, изучая преимущественно вещественную природу и неизбѣжно *мудрстоуа земная*, онѣ знали свои предѣлы, не вторгались въ область вѣры и божественнаго откровенія и не только не препятствовали намъ *мудрствовать горная*, напротивъ, благородно содѣйствовали всѣмъ, чѣмъ и какъ могутъ, къ утвержденію религіозныхъ началъ въ сердцахъ молодыхъ людей, составляющихъ цвѣтъ и надежду роднаго края! Радуюсь, что здѣсь процвѣтаетъ торговля и совершаются обширные финансовыя обороты, разливающіе довольство и матеріальное счастье на обитателей и города, и всего края. О, далъ бы только Богъ, чтобы всѣ эти торговые обороты совершались законнымъ, христіанскимъ образомъ, чтобы занимающіеся ими не увлекались духомъ своекорыстія и несправедливости, не прилѣплялись сердцемъ къ благамъ земнымъ, а старались постоянно о приобрѣтеніи и духовныхъ сокровищъ, которыя одни перейдутъ съ нами въ жизнь загробную! Прибавлю, что Харьковъ, какъ одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ, представляетъ и весьма важное нравственное неудобство: въ подобныхъ городахъ гораздо болѣе соблазновъ и искушеній, почти на каждомъ шагѣ, нежели въ населеніяхъ меньшихъ. По всѣмъ этимъ, выгоднымъ и невыгоднымъ, обстоятельствамъ вмѣстѣ, если гдѣ, то особенно здѣсь, какъ и въ другихъ такихъ же городахъ, должно прежде всего и чаще всего напоминать христіанамъ: „*горная мудрствуйте, а не земная*“. Напечатлѣйте же, братіе и новыя чада о Господѣ, этотъ первый урокъ мой, выраженный словами апостола, какъ можно глубже въ умахъ и сердцахъ вашихъ. Всѣ послѣдующія наставленія, какія, если Господь благословитъ, вы услышите изъ устъ моихъ, будутъ только подробнѣйшимъ раскрытіемъ этого перваго и главнѣйшаго урока“¹⁾).

Слово архипастыря, какъ видимъ, хотя и обличавшее на-

¹⁾ См. тамъ же стр. 431—433.

правление жизни, господствовавшее въ Харьковѣ, но въ то же время и перевозносившее Харьковъ, какъ одинъ изъ выдающихся отечественныхъ городовъ, произвело доброе впечатлѣніе и понравилось гражданамъ г. Харькова¹⁾.

Съ 7 іюня 1859 года, такимъ образомъ, началось служеніе преосв. Макарія харьковской епархіи и продолжалось до 10 декабря 1868 года. Подробное обзорѣніе жизни и дѣятельности его за время этого служенія и составить предметъ настоящаго очерка.

2. Епархіальная дѣятельность преосв. Макарія въ Харьковѣ.

Состояніе харьковской епархіи предъ вступленіемъ преосв. Макарія на харьковскую архіерейскую кафедру. Заботы преосв. Макарія о приведеніи въ должный порядкъ епархіального управленія; отношенія его къ харьковской дух. консисторіи; отношенія его къ благочиннымъ; введеніе выборнаго начала при назначеніи на должность благочиннаго; учрежденіе благочинническихъ совѣтовъ; распределеніе благочинническихъ округовъ; распоряженія о веденіи церковной письменной отчетности и представленіи ея въ консисторію чрезъ благочинныхъ, объ увольнительныхъ билетахъ духовенства и о благочинническихъ собраніяхъ духовенства. Заботы преосв. Макарія о соблюденіи церковнаго благочинія въ епархіи и о благоговѣйномъ, торжественномъ совершеніи богослуженія. Заботы преосв. Макарія объ умственномъ развитіи харьковскаго духовенства.

Харьковская епархіа была принята преосв. Макаріемъ въ его управленіе сравнительно благоустроенною. Предшественниками его по здѣшней кафедрѣ были такіе извѣстные и со стороны учености и со стороны административной опытности архипастыри, какъ Инновентій Борисовъ, Филаретъ Гумилевскій и другіе, которые весьма дѣятельно заботились объ исправленіи различныхъ недостатковъ въ епархіальномъ управленіи и о всестороннемъ улучшеніи этого послѣдняго. Оттого при первомъ же знакомствѣ съ харьковскою епархіею, эта послѣдняя произвела на преосв. Макарія отрадное впечатлѣніе именно своею благоустроенностію. Въ отчетѣ св. Си-

¹⁾ На основаніи неизданнаго письма отъ 8 іюня 1859.

ноду за 1859 годъ онъ, между прочимъ, замѣчалъ, что изъ перваго обозрѣнія харьковской епархіи онъ вынесъ самое благопріятное впечатлѣніе. „Не только въ городахъ“, доносили преосв. Макарій Св. Синоду, „но и во многихъ селеніяхъ существуютъ въ этой епархіи церкви каменные и содержатся всѣ вообще въ благовидной чистотѣ и исправности, за исключеніемъ очень немногихъ, въ самобѣднѣйшихъ мѣстахъ; во всѣхъ осмотрѣнныхъ (въ 1859 г. преосв. Макарій успѣлъ обозрѣть 145 церквей харьковской епархіи) св. запасные дары и антиминсы, священные сосуды, утварь, облаченія, церковно-служебныя и духовно-нравственныя книги и письмоводство церковныя найдены въ полномъ порядкѣ. Обозрѣніе церквей сопровождаемо было особеннымъ моимъ наблюденіемъ надъ исправностію духовенства въ исполненіи церковнаго чиноположенія при совершеніи богослуженія и святыхъ таинствъ и священныхъ обрядовъ, равно обращено было вниманіе на образованіе и поведеніе духовенства. Слѣдствія сего оказывались самыя благопріятныя, и вообще найдено мною, что здѣшнее духовенство, будучи достаточно образованнымъ, въ служеніи своемъ исправно и ведетъ себя прилично своему званію,—священнослужители здѣшней епархіи благоговѣйнымъ совершеніемъ богослуженія, проповѣданіемъ слова Божія и произношеніемъ катихизическихъ поученій, а также и добрымъ примѣромъ собственной жизни на прихожанъ своихъ имѣютъ вліяніе назидательное и плодотворное, какъ видно изъ нравственнаго настроенія самихъ прихожанъ и усердія ихъ къ св. церкви, а также и изъ оказываемаго ими особеннаго уваженія къ священнослужителямъ... только содержаніе здѣшняго духовенства, особенно сельскаго, гдѣ оно ограничивается почти однимъ казеннымъ жалованьемъ и малоодоходною въ семь краѣ церковною землею, въ малыхъ приходахъ очень скудное“¹⁾).

¹⁾ См. арх. харьк. дух. консисторія по описи общ. дѣла за 1859 г. дѣло № 246.

Такимъ образомъ, преосв. Макарію въ Харьковѣ сама собою намѣчалась прямая задача: поддерживать устроенное его предшественниками и въ дальнѣйшихъ своихъ заботахъ по управленію епархіей согласовать жизнь епархіи съ требованіями времени. Послѣднее было необходимо именно потому, что годы служенія преосв. Макарія въ санѣ харьковскаго архипастыря были временемъ особенныхъ заботъ нашего высшаго правительства о всестороннемъ улучшеніи быта русскаго духовенства. Въ это именно время дѣйствовали особые присутствія и комитеты по изысканію средствъ къ улучшенію матеріальнаго благостоянія духовенства и по преобразованію низшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Во всѣхъ заботахъ высшаго правительства о духовенствѣ преосв. Макарій былъ точнымъ и ревностнымъ исполнителемъ распоряженій его и руководилъ жизнію ввѣренной ему епархіи въ сравнительно трудное и беспокойное время шестидесятихъ годовъ истекающаго столѣтія съ полнымъ достоинствомъ, равно и увѣренно.

Одна изъ главныхъ заботъ преосв. Макарія по управленію епархіею состояла въ приведеніи въ полный порядокъ дѣлопроизводства консисторіи. Отъ этой послѣдней онъ требовалъ точной, аккуратной и вполне согласной съ закономъ исполнительности во всемъ. Съ этой стороны харьковская духовная консисторія на первыхъ порахъ не вполне удовлетворяла преосв. Макарія. Но принятыя имъ рѣшительныя мѣры къ усовершенствованію консисторскаго дѣлопроизводства со временемъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Вскорѣ же по вступленіи въ управленіе епархіею, преосв. Макарій нашелъ необходимымъ сдѣлать внушеніе харьковской духовной консисторіи касательно болѣе аккуратнаго веденія дѣлъ. 22 августа 1859 года онъ сдалъ въ консисторію такое предложеніе: „изъ дѣлъ, представляющихся ко мнѣ на рѣшеніе, мною усмотрѣно, что на бумагахъ, сдающихся отъ меня въ консисторію, не означается времени сдачи отъ ме-

ня оныхъ въ консисторію, не ставится числа, въ которое подаются ко мнѣ бумаги отъ консисторіи, не означается времени, когда онѣ подаются отъ секретаря для подписи г.г. членами и когда мнѣ докладываются, не означается, почему нѣкоторыми членами не подписываются иногда нѣкоторыя бумаги и даже рѣшенія, какъ, напр., въ нынѣшнемъ докладѣ, да и въ другихъ. Статьями закона это требуется (300—330 уст. дух. кон.), вслѣдствіе чего и объявить о семъ г. секретарю, дабы имъ это было исполняемо; отъ подобныхъ упущеній могутъ произойти большія недоразумѣнія и злоупотребленія.—Впредь предлагаю соблюдать самую форму для писанія журналовъ и протоколовъ, указанную въ тѣхъ же статьяхъ и приложенную въ концѣ устава духовныхъ консисторій¹⁾. Требуя строгой исполнительности отъ членовъ и секретаря консисторіи, преосв. Макарій не оставлялъ безъ внимательнаго наблюденія и дѣятельности низшихъ чиновниковъ консисторіи. Въ отношеніи къ небрежнымъ по службѣ онъ немедленно принималъ рѣшительныя мѣры. Такъ, 19 октября 1859 года на объясненіи секретаря консисторіи г. Лабинскаго о томъ, что одно дѣло не было представлено при справкѣ по причинѣ неявки на службу столоначальника Басанскаго, въ шкафѣ котораго было заперто самое дѣло, преосв. Макарій положилъ слѣдующую резолюцію: „столоначальника Басанскаго уволить отъ должности и службы, равно какъ уволить отъ службы и бывшего столоначальника Иннокова“²⁾.

Въ 1860 году 27 мая прежній секретарь консисторіи уволился и на его мѣсто, по ходатайству преосв. Макарія, былъ опредѣленъ профессоръ Харьковской духовной Семинаріи, Н. В. Павловъ³⁾. Но и при новомъ секретарѣ консисторское дѣлопроизводство оставляло желать многого со стороны точно-

¹⁾ См. тамъ же же за 1859 г. дѣло № 317.

²⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 495 и 497.

³⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 123.

сти и аккуратности, на что преосв. Макарий неопустительно указывалъ въ своихъ резолюціяхъ и членамъ и секретари консисторіи. Такъ, на общемъ журналѣ консисторіи за 30 ноября 1860 года преосв. Макарий 1 декабря того же года написалъ: „исполнить. Но объяснить, почему прот. Раевскій такъ долго не посѣщалъ консисторію“¹⁾. На журналѣ 22 марта слѣдующаго 1861 года преосв. Макарий 23 марта снова писалъ: „исполнить. Да почему доселѣ консисторія не доложить съ мнѣніемъ, кому бы поручить дѣла по случаю долговременной болѣзни прот. Раевского“²⁾? 20 числа того же мѣсяца и года преосв. Макарий, кромѣ того, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе консисторіи, вызванное ея неисправностію „усматривая изъ представленныхъ мнѣ дѣлъ неимовѣрную медленность въ производствѣ оныхъ, какъ консисторіею, такъ и благочинными и депутатами, предлагаю харьковской духовной консисторіи: 1) неопустительно и строго соблюдаютъ порядокъ веденія и рѣшенія дѣлъ, указанный и въ общемъ сводѣ законовъ т. II части 1 общ. губерн. учрежд. (а въ особенности ст. ст. 119. 139. 148. 165. 176. 177 и 189 и въ уст. дух. конс.—глав. III о дѣлопроизводствѣ консисторіи (особенно ст. ст. 326. 340. 341. 342 и 345), о чемъ и было уже дано мною предложеніе консисторіи 22 августъ 1859 года № 1144; 2) строжайше подтвердить всѣмъ благочиннымъ, депутатамъ и слѣдователямъ, чтобы они поспѣшилъ исполненіемъ предписаній по имѣющимъ у нихъ въ производствѣ дѣламъ и впредь неопустительно исполняли таковы въ указанные сроки, о чемъ консисторія имѣетъ подтвердить имъ своевременно по каждому дѣлу порознь; 3) а дабы видѣть мнѣ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время дѣлопроизводство консисторіи и исполняется ли оно согласно вышеуказаннымъ статьямъ свода, строго подтвердить

¹⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 377.

²⁾ См. тамъ же за 1861 г. дѣло № 120.

г. секретарю консисторіи немедленно представить мнѣ вѣдомость о нерѣшенныхъ дѣлахъ, которыя я, послѣ неоднократныхъ приказаній ему, требую резолюціями моими отъ 10 іюля 1861 года и 27 прошлаго февраля... 4) имѣть въ виду присутствію консисторіи и объявить г. секретарю, столоначальникамъ и канцеляріи, что съ виновныхъ въ медленномъ исполненіи своихъ обязанностей я вынужденъ буду взыскивать по всей строгости 253 и 254 ст. ст. того же II тома. А г. секретарю за неисполненіе означенныхъ резолюцій касательно представленія вѣдомостей о нерѣшенныхъ дѣлахъ теперь же въ общемъ присутствіи консисторіи сдѣлать строжайшій выговоръ¹⁾. Однакоже и послѣ того консисторія продолжала быть неисправной, что весьма огорчало преосв. Макарія и вызывало съ его стороны строгіе выговоры и членамъ и особенно секретарю консисторіи. Такъ, на справкѣ консисторіи по поводу неисполненныхъ своевременно указовъ Св. Синода отъ 20 апрѣля 1860 года преосв. Макарій 24 октября 1862 года, между прочимъ, положилъ слѣдующую резолюцію: „протоіерею Кустову, который допустилъ такую изумительную небрежность бывшихъ столоначальниковъ по первому столу и полную запущенность дѣлъ, въ противность § 345 уст. дух. конс., сдѣлать строжайшій выговоръ и подтвердить, чтобы впредь исполнялъ свою обязанность, указанную въ означенномъ параграфѣ, рачительно и исправно“²⁾. Нѣсколько раньше, именно 23 іюля 1862 года на докладѣ консисторіи по дѣлу о неразрѣшеніи своевременно г. Мѣрникову устроить каплицу для сбора пожертвованій на возобновленіе иконостаса въ церкви села Соколовки преосв. Макарій, между прочимъ, спрашивалъ у консисторіи: „объяснить, почему такъ долго, именно еще съ 16 сентября 1861 года не было испол-

¹⁾ См. тамъ же за 1864 г. дѣло № 91.

²⁾ См. тамъ же секретное отдѣленіе раскольниковскихъ дѣлъ за 1866 г. дѣло № 50.

нено опредѣленіе касательно этого дѣла и кто виновенъ въ этомъ—секретарь или столоначальникъ?“ Вину принялъ на себя секретарь, который и поспѣшилъ подать прошеніе объ увольненіи отъ должности ¹⁾. 4 августа того же года онъ, дѣйствительно былъ уволенъ и на его мѣсто опредѣленъ профессоръ воронежской духовной семинаріи Я. Д. Буханцевъ ²⁾; который оставался секретаремъ харьковской духовной консисторіи во все время пребыванія преосв. Макарія въ Харьковѣ.

Въ видѣ, такъ сказать, инструкціи новому секретарю и вмѣстѣ съ тѣмъ для предупрежденія прежнихъ безпорядковъ по дѣлопроизводству консисторіи, преосв. Макарій 1 сентября 1862 года сдѣлалъ слѣдующее предложеніе харьковской духовной консисторіи: „при разсмотрѣніи мною вѣдомостей о нерѣшенныхъ дѣлахъ по харьковской духовной консисторіи, представленныхъ мнѣ за августъ мѣсяцъ сего 1862 года, замѣчено: 1) что нѣкоторые дѣла разсматриваются присутствующими членами далѣе положеннаго срока, какъ, напр., № 5 по первому. столу; 2) многія дѣла остаются нерѣшенными около года за весьма медленнымъ разсмотрѣніемъ ихъ г. секретаремъ, а именно №№ 1. 2. 3. перваго стола, 3. 4. 6 и 7—втораго стола; 3) многія дѣла остановились въ производствѣ за неисполненіемъ требованій консисторіи другими присутственными мѣстами и лицами, которыми однакоже не дѣлается своевременно подтвержденій, что особенно замѣтно по дѣламъ пятаго стола; 4) не видно дѣлъ, начатыхъ по указамъ св. Синода, какъ напр., объ умноженіи числа благочинныхъ въ округахъ военныхъ поселеній, равно какъ и другихъ, по которымъ были синодальные указы даже подтвердительные, напр., о назначеніи пенсіи священнической женѣ Александровой, о постройкѣ церкви въ волчанскихъ хуторахъ (по 5-му

¹⁾ См. тамъ же по описи общихъ дѣламъ за 1862 г. дѣло № 202.

²⁾ См. тамъ же за 1862 г. № 178.

столу). А изъ всего этого выходитъ, что ни присутствующіе члены, ни секретарь, ни канцелярія не выполняютъ въ точности неоднократно данныхъ мною предложеній касательно слушанія и рѣшенія дѣлъ, основанныхъ на статьяхъ свода законовъ и устава духовныхъ консисторій. Почему вновь предлагаю харьковской духовной консисторіи: 1) заняться немедленнымъ окончаніемъ дѣлъ, находящихся у секретаря такое долгое время; 2) нынѣ же приготовить отношеніе отъ моего имени къ г. начальнику губерніи о скорѣйшемъ, кѣмъ слѣдуетъ, рѣшеніи дѣла за № 2 по второму столу; 3) вмѣнить въ непремѣнную обязанность столоначальникамъ неопустительно дѣлать своевременныя подтвержденія мѣстамъ и лицамъ, за которыми остановилось производство прочихъ дѣлъ; 4) неопустительно представлять мнѣ въ концѣ каждого мѣсяца подробныя вѣдомости нерѣшеннымъ дѣламъ, пополнивъ оныя пропущенными дѣлами, если таковыя окажутся и по другимъ столамъ, кромѣ указаннаго; 5) отыскать и объявить съ роспискою секретарю и всей канцеляріи прежде данныя, равно и настоящее мое предложеніе какъ относительно времени занятій въ канцеляріи, такъ и веденія и рѣшенія дѣлъ присутствіемъ, подѣ опасеніемъ за неисполненіе указанныхъ въ нихъ правилъ, подвергнуться всей строгости взысканія¹⁾.

Новый секретарь оказался точнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ требованій преосв. Макарія и при немъ дѣлопроизводство харьковской духовной консисторіи начало значительно улучшаться. На первыхъ порахъ случались еще упущенія, которыя при томъ не зависѣли отъ секретаря. Такъ, на вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ харьковской духовной консисторіи по столу прот. І. Голяковского за 1862 годъ преосв. Макарій 11 мая 1863 г. положилъ такую резолюцію: „консисторія доложить съ мнѣніемъ, не слѣдуетъ ли Василевскаго, за крайнюю небрежность и недѣятельность, замѣ-

¹⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 317.

нить другимъ чиновникомъ. А о. протоіерею Голяховскому эту медленность въ дѣлахъ по его столу поставить на видъ¹⁾. Но уже въ теченіи этого же самаго 1863 года дѣлопроизводство въ харьковской духовной консисторіи было приведено ея секретаремъ въ образцовый порядокъ. 25 сентября 1863 года управляющій канцеляріей оберъ-прокурора Св. Синода вн. Урусовъ сообщилъ преосв. Макарію, что въ перечневыхъ вѣдомостяхъ о дѣлопроизводствѣ по харьковской духовной консисторіи за минувшіе три мѣсяца показано, что изъ числа поступившихъ въ маѣ 1235, іюнѣ—1022 и іюлѣ—1133 бумагъ къ августу не осталось ни одной неисполненной. При этомъ усмотрѣнію преосв. Макарія предоставлялось, въ случаѣ точности свѣдѣній, объявить признательность начальства чиновникамъ консисторіи. Преосв. Макарій на истребованной по этому поводу консисторской справкѣ 21 октября 1863 года положилъ такую резолюцію: „объявить особенную признательность начальства г. секретарю за его отличное усердіе къ дѣлу и трудолюбіе—со внесеніемъ въ послужной списокъ. Потомъ за усердіе и трудолюбіе—г. помощнику секретаря, столоначальнику Подольскому объявить признательность начальства со внесеніемъ въ послужной списокъ, а г. Рыжкова утвердить столоначальникомъ, также со внесеніемъ въ послужной списокъ. Наконецъ, объявить признательность начальства и всѣмъ прочимъ г.г. чиновникамъ канцеляріи безъ внесенія однакоже этого въ ихъ послужные списки“²⁾.

Послѣ того до конца управленія преосв. Макарія харьковскою епархіею не встрѣчаемъ ни выговоровъ, ни предложеній его консисторіи, подобныхъ вышеприведеннымъ. Видно, что дѣлопроизводство въ харьковской духовной консисторіи шло исправно. Только уже въ 1867 году одна оплошность консисторіи вызвала строгое внушеніе со стороны преосв.

¹⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 101.

²⁾ См. тамъ же за 1863 г. дѣло № 267.

Макарія. Въ этомъ году два священника харьковской епархіи (Гр. Рыжкоу и К. Прокоповичу), по ошибочному представленію консисторіи, были вторично награждены отъ Св. Синода скуфьями. На объясненіи секретаря консисторіи по этому дѣлу преосв. Макарій 27 августа 1867 года положилъ слѣдующую резолюцію: „такая оплошность не извинительна Столоначальнику Рогачевскому здѣлать за нее строгое замѣчаніе, да и г. секретарю поставить на видъ, чтобы впередъ былъ внимательнѣе къ бумагамъ, особенно поступающимъ въ Св. Синодъ. Священникамъ же, которые по этой оплошности въ другой разъ получили скуфью, объявить, отчего это произошло“¹⁾.

Требуя точнаго исполненія своихъ обязанностей отъ чиновниковъ консисторіи и дѣлая строгіе выговоры неаккуратнымъ изъ нихъ по службѣ, преосв. Макарій въ то же самое время относился ко всѣмъ имъ внимательно и участливо. Онъ старался избавлять консисторію отъ излишнихъ занятій и работы. Такъ напр., на отношеніи начальника штаба харьковского военного округа отъ 20 октября 1867 года съ просьбою побудить консисторію доставить свѣдѣнія о числѣ лицъ мужескаго пола по харьковской епархіи, съ раздѣленіемъ ихъ на 5 категорій по возрасту, преосв. Макарій 28 октября 1867 года написалъ слѣдующее: „пригласить чрезъ оо. благочинныхъ всѣхъ приходскихъ священниковъ, чтобы они потрудились составить отвѣты на 5 предложенныхъ вопросовъ съ тѣмъ, чтобы потомъ оо. благочинные, каждый отъ всего своего округа, препроводили эти отвѣты прямо въ редакцію харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей не позже 20 декабря текушаго года, а редація, сдѣлавъ надлежащій сводъ доставленныхъ свѣдѣній, доставила этотъ сводъ въ окружный штабъ харьковского военного округа и донесла мнѣ объ исполненіи порученія. *Консисторія же и безъ того обременена свои-*

¹⁾ См. тамъ же за 1867 г. № 211.

ми дѣлами. О чемъ и приготовить отвѣтъ“¹⁾. Ежегодно преосв. Макарій дѣлалъ распоряженія о выдачѣ наградныхъ денегъ чиновникамъ консисторіи, бѣднѣйшимъ изъ нихъ предоставлялъ казенныя помѣщенія и, въ случаѣ несчастій съ кѣмъ-либо изъ нихъ, старался оказывать имъ и ихъ семействамъ посильную помощь. Такъ, напр., 27 марта 1865 года преосв. Макарій ходатайствовалъ о назначеніи пенсіи столовачальнику Василевскому, уволенному отъ должности, по его представленію, 5 іюня 1863 года; 7 декабря 1866 года Василевскому, дѣйствительно, была назначена ежегодная пенсія въ размѣрѣ 85 р. 80 к. сер.²⁾. Только скудость средствъ матеріальнаго содержанія самаго харьковскаго духовенства была причиною того, что преосв. Макарій, глубоко сочувствовавшій жалкому положенію низшихъ чиновниковъ консисторіи, не могъ принять какихъ либо существенно важныхъ мѣръ къ увеличенію содержанія ихъ. Въ своемъ отчетѣ Св. Синоду о благосостояніи епархіи за 1866 годъ преосв. Макарій, между прочимъ, замѣчалъ: „матеріальное положеніи консисторскихъ чиновниковъ крайне неудовлетворительно, почему и трудно привлечь въ консисторію на службу молодыхъ способныхъ людей. Но и въ этомъ отношеніи предприняты нѣкоторыя мѣры, именно: въ зданіи консисторіи, въ особыхъ комнатахъ, занимаютъ нынѣ бесплатно квартиры наиболѣе бѣдные числомъ 9-ть., нѣкоторые благочинія заявили желаніе дать вспомогательныя средства чиновникамъ консисторіи. Но собственные средства епархіальнаго духовенства такъ скудны, что рассчитывать на нихъ въ этомъ отношеніи нельзя“³⁾. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ изысканіи средствъ къ увеличенію содержанія чиновниковъ консисторіи преосв. Макарій предлагалъ на обсужденіе перваго епархіальнаго съѣзда харьковскаго духовенства.

¹⁾ См. тамъ же за 1867 г. № 291.

²⁾ Тамъ же за 1863 г. дѣло № 125.

³⁾ См. Харьковскія Епарх. Вѣдомости 1867 г. № 21.

Дѣйствительно, вопросъ этотъ обсуждался въ засѣданіи съѣзда, происходившемъ утромъ 17 января 1868 г. Съѣздъ, принявъ во вниманіе недостаточность вознагражденія, получаемаго чиновниками консисторіи, пришелъ къ убѣжденію о необходимости изыскать источники къ возможно большему вознагражденію ихъ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса, рѣшено было взимать опредѣленную плату, въ видѣ канцелярской пошлыны, при полученіи свидѣтельствъ лицами, получающими награды: набедренники, скуфьи, камилавки, наперсные кресты, протоіерейскія грамоты, благословенія Св. Синода и похвальные листы церковнымъ старостамъ, и при выдачѣ билетовъ бѣлому и монашествующему духовенству, въ чужія епархіи, за исключеніемъ вдовъ и сиротъ, оставивъ право заготовленія печатныхъ бланковъ на всѣ означенныя свидѣтельства, грамоты и похвальные листы за комитетомъ училища дѣвицъ духовнаго званія, пользовавшимся этимъ правомъ доселѣ. Для той же цѣли, т. е. для усиленія средствъ содержанія консисторскихъ чиновниковъ, въ видахъ сокращенія работы при написаніи метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ, признано возможнымъ и удобнымъ (какъ и доселѣ дѣлалось), для втораго ризничнаго экземпляра сказанныхъ актовъ, получать изъ консисторіи готовые, печатные съ пробѣлами листы съ платою по 4 коп. за листъ, а избытки, какіе получаютъ за расходомъ по отпечатанію сихъ листовъ, употреблять въ пользу консисторскихъ чиновниковъ. Нѣкоторыми членами съѣзда указанъ былъ еще одинъ источникъ—печатные бланки для написанія клировыхъ вѣдомостей; но такъ какъ бланки эти, по существующему обычаю, въ нѣкоторыхъ благочинническихъ округахъ служатъ источникомъ для усилія капиталовъ епархіальнаго попечительства, а въ другихъ для поддержанія благочинническихъ библіотекъ, то признано,—предоставить причтамъ полную свободу получать бланки для написанія клировыхъ вѣдомостей изъ консисторіи, или печатать самимъ, или же писать на простой бумагѣ. Наконецъ, къ

числу источниковъ для содержанія чиновниковъ консисторіи причислено и то, что консисторія, при выдачѣ прихода-расходныхъ и обыскныхъ книгъ, можетъ взыскивать по три копейки за каждый номерный листъ. По единодушному убѣжденію съѣзда, всѣ указанные источники не могли существенно и значительно увеличить средства чиновниковъ консисторіи въ нынѣшнемъ ихъ составѣ. Поэтому, имѣя въ виду, что при изданіи мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, въ которыхъ печатаются циркулярныя и нѣкоторыя менѣе общія распоряженія епархіальнаго начальства, писмоводство, до нѣкоторой степени должно сократиться, съѣздъ пришелъ къ заключенію о возможности сократить штатъ консисторской канцеляріи и тѣмъ усилить средства содержанія остальныхъ чиновниковъ. Наконецъ, такъ какъ прежде того нѣкоторые благочинническіе округа добровольно согласились ежегодно вносить отъ себя и отъ своихъ церквей опредѣленную сумму на чиновниковъ консисторіи, то съѣздъ призналъ нужнымъ прекратить такіе взносы и положить ходатайствовать предъ преосв. Макаріемъ, чтобы сила означеннаго согласія была признана недействительною въ томъ случаѣ, когда волѣ его благоугодно будетъ утвердить канцелярскія пошлины, указанные съѣздомъ^а. Преосв. Макарій на этомъ журналѣ съѣзда положилъ такую резолюцію: „утверждаются какъ прямые опредѣленія съѣзда, такъ и изложенныя въ видѣ ходатайства предо мною и въ видѣ желаній духовенства, помѣщенныя въ этомъ журналѣ^а 1).

На обсужденіе того же епархіальнаго съѣзда духовенства преосв. Макарій предлагалъ и вопросъ о вознагражденіи постояннымъ опредѣленнымъ жалованьемъ трудовъ членовъ консисторіи, что самъ онъ, съ своей стороны, считалъ справедливымъ и необходимымъ. Но на съѣздѣ этотъ вопросъ осложнился и затѣмъ рѣшенъ былъ отрицательно. Съѣздъ, при-

^а) См. тамъ же за 1868 г. № 3 стр. 184—186. 191.

нимая во вниманіе немало трудныя, безмездныя обязанности присутствующих членовъ консисторіи, пришелъ къ единодушному убѣжденію обезпечить ихъ труды постояннымъ, опредѣленнымъ жалованьемъ; но въ то же время выразилъ мнѣніе о выборномъ началѣ примѣнительно и къ членамъ консисторіи, равно какъ и къ благочиннымъ, почему и положилъ просить преосв. Макарія—даровать духовенству право самому выбирать кандидатовъ на должности членовъ консисторіи. При изысканіи источниковъ для жалованья членамъ консисторіи, членъ сѣзда І. Чижевскій заявилъ, что епархіалнаго архитектора, выдавая ему изъ церковнымъ суммъ годовое жалованье, порціоны и проч., что возможно, по его мнѣнію, обойтись безъ особаго епархіальнаго архитектора, а средства содержанія, хотя церковныя, но не вновь опредѣленныя, обратить въ одинъ изъ источниковъ для вознагражденія членовъ консисторіи. Всѣ члены сѣзда единодушно признали должность епархіальнаго архитектора ненужною, такъ какъ несравненно легче, дешевле и удобнѣе, въ потребныхъ случаяхъ, обращаться къ частнымъ техникамъ. Кромѣ того, предсѣдателемъ сѣзда было указано на устройство общаго епархіальнаго свѣчнаго завода, какъ на одинъ изъ источниковъ для обезпеченія членовъ консисторіи, для чего тогда же была назначена особая коммиссія, которой поручено было подробно разработать вопросъ объ устройствѣ общепархіальнаго свѣчнаго завода. Вслѣдствіе всего этого, сознавая долгъ и обязанность свою вознаградить труды членовъ консисторіи, сѣздъ положилъ, не предрѣшая пока вопроса о мѣрѣ этого вознагражденія, просить ихъ, чтобы они, уважая силу обстоятельствъ, потрудились на пользу общества—духовенства, до времени, безмездно. На этомъ журналѣ сѣзда преосв. Макарій положилъ слѣдующую резолюцію; „объявить оо. членамъ консисторіи мнѣніе сѣзда, до ихъ касающееся; относительно заявленія сѣзда касательно епархіальнаго архитектора консисторія доложить съ мнѣніемъ; приглашать епархіальное ду-

ховенство къ избранію кандидатовъ въ члены консисторіи, когда будутъ открываться случаи къ такому избранію, я изъявляю согласіе; но уволить настоящихъ членовъ консисторіи, утвержденныхъ Св. Синодомъ, чтобы въ замѣнъ ихъ духовенство могло избрать другихъ членовъ, я не имѣю права“ ¹⁾. На второмъ общепархіальномъ съѣздѣ харьковскаго духовенства вопросъ о назначеніи жалованья членамъ консисторіи уже не возбуждался и, такимъ образомъ, вопросъ этотъ при преосв. Макаріи не получилъ окончательнаго разрѣшенія.

Стройность и порядокъ въ управленіи епархіею, по убѣжденію преосв. Макарія, много зависѣли отъ точнаго, разумнаго, — словомъ, надлежащаго исполненія благочинными своихъ обязанностей. Поэтому, съ самаго же начала своего управленія харьковскою епархіею онъ обратилъ серьезное вниманіе на благочинныхъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на главныхъ непосредственныхъ сотрудниковъ своихъ и консисторіи въ управленіи епархіей. Въ особенности преосв. Макарій желалъ хорошо и правильно поставить дѣло выбора и назначенія кандидатовъ на отвѣтственную и важную, по его мнѣнію, должность благочинныхъ. До того времени консисторія обыкновенно сама избирала кандидатовъ на эту должность и одного изъ этихъ кандидатовъ утверждалъ преосвященный. Преосв. Макарій разсуждалъ такъ, что само духовенство ближе и лучше можетъ знать своихъ членовъ и потому само оно можетъ сдѣлать болѣе вѣрныя указанія епархіальному начальству, кого бы изъ окружнаго духовенства слѣдовало назначить на должность благочиннаго. Въ виду этого, онъ почти съ самаго начала управленія харьковскою епархіею сталъ иногда предоставлять право избранія кандидатовъ на должность благочиннаго самому духовенству. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ двояко: или предписывалъ избирать кандидатовъ на должность благочиннаго всему окружному ду-

ховенству въ общемъ собраніи, посредствомъ закрытой баллотировки, или же требовалъ отъ каждаго причта отдѣльно письменнаго отзыва о томъ, кого бы онъ желалъ имѣть своимъ благочиннымъ. Такъ, напр., 23 сентября 1862 года, по распоряженію преосв. Макарія, въ волчанскомъ уѣздѣ консисторія образовала новый (четвертый) благочиннический округъ. На консисторскомъ докладѣ объ этомъ преосв. Макарій 28 сентября положилъ слѣдующую резолюцію: „предоставляю мѣстнымъ причтамъ вновь образованнаго округа избрать кандидатовъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ свой отзывъ объ избранномъ прислалъ непосредственно ко мнѣ“. По полученіи этихъ отзывовъ, преосв. Макарій 21 октября 1862 года на консисторской справкѣ положилъ такую резолюцію: „согласно единогласному избранію всѣмъ духовенствомъ округа священника Бакановскаго на должность благочиннаго этого округа,—утверждается онъ быть благочиннымъ“. Тогда же были вновь распредѣлены консисторіей и благочинническіе округа богодуховскаго уѣзда. 20 августа 1862 года преосв. Макарій предоставилъ сдѣлать выборы благочинныхъ въ этихъ округахъ самому духовенству—въ 4-мъ округѣ посредствомъ закрытой баллотировки при общемъ собраніи окружнаго духовенства, а въ 5-мъ посредствомъ отдѣльныхъ письменныхъ отзывовъ. Послѣдствія показали, что 4-й округъ единогласно избралъ себѣ кандидата на должность благочиннаго, а 5-й большинствомъ голосовъ, каковыхъ кандидатовъ преосв. Макарій и утвердилъ—для 4-го округа 10 сентября, а для 5-го—4 октября 1862 года¹⁾. Впрочемъ, новый порядокъ избранія благочинныхъ на первыхъ порахъ возбуждалъ недоумѣнія, а иногда сопровождался даже курьезами. Такъ, члены причтовъ духовенства втораго округа изюмскаго уѣзда въ своихъ письменныхъ отзывахъ указывали самыхъ разныхъ кандидатовъ на долж-

¹⁾ См. Арх. Хар. дух. консист. по описи общимъ дѣламъ за 1863 г. дѣло № 168.

ность благочиннаго, а нѣкоторые отдавали это дѣло просто на усмотрѣніе самаго преосвященнаго. На консисторской справкѣ объ этомъ преосв. Макарій 4 октября 1862 года положилъ слѣдующую резолюцію: „такъ какъ въ выборѣ благочиннаго по этому округу оказалось совершенное разногласіе, и никто изъ указанныхъ кандидатовъ не получилъ большинства избирательныхъ голосовъ: то консисторія сама представить достойнѣйшихъ кандидатовъ даже изъ сосѣднихъ округовъ“. Въ пятомъ округѣ того же уѣзда нѣкоторые причты давали даже такіе отзывы: „желаемъ того, на чьей сторонѣ будетъ большинство голосовъ“ ¹⁾.

Въ теченіе 4 лѣтъ преосв. Макарій испытывалъ избирательный способъ назначенія благочинныхъ. Видимо, что онъ предварительно желалъ самъ знать какъ выгоды, такъ и невыгоды этого способа. Кромѣ того, практическое примѣненіе этого способа должно было обнаружить такія стороны въ новомъ для всѣхъ дѣлѣ, какія трудно и, пожалуй, даже невозможно было напередъ предусмотрѣть на основаніи однихъ только теоретическихъ соображеній. Много при этомъ говорило въ пользу преимущества избранія благочинныхъ посредствомъ закрытой баллотировки въ общихъ собраніяхъ окружнаго духовенства предъ избраніемъ ихъ путемъ письменныхъ отзывовъ духовенства непосредственно на имя преосвященнаго. Поэтому съ теченіемъ времени преосв. Макарій началъ чаще всего практиковать именно первый способъ выбора благочинныхъ, причемъ, по мѣрѣ надобности и по указанію обстоятельствъ, онъ дѣлалъ нѣкоторые частныя распоряженія касательно правильной постановки выборовъ на должность благочиннаго. Такъ, напр., 25 февраля 1863 года, по дѣлу о выборѣ благочиннаго въ 3-мъ округѣ харьковскаго уѣзда преосв. Макарій, между прочимъ, распорядился: 1) допускать впредь къ выборамъ на должность благочиннаго діаконовъ съ

¹⁾ См. тамъ же за 1862 годъ дѣло № 232.

правомъ половиннаго голоса и причетниковъ съ правомъ $\frac{1}{4}$ голоса; 2) діаконы и причетники, затрудняющіеся ѣхать на выборы, могли давать письменное полномочіе своему или стороннему священнику; 3) на должность благочиннаго могли быть избираемы протоіереи и священники, преимущественно академическаго и полнаго семинарскаго образованія, а не прочіе низшіе священно-церковно-служители.

Наконецъ, на основаніи 4-лѣтняго опыта преосв. Макарій рѣшилъ ввести выборное начало въ Харьковской епархіи, въ видѣ общаго порядка вещей при назначеніи на должность благочиннаго. 7 января 1864 года онъ далъ консисторіи предложеніе, которымъ, принимая во вниманіе, что избраніе благочинныхъ самимъ духовенствомъ посредствомъ закрытой баллотировки, допущенное во ввѣренной ему епархіи въ видѣ опыта, въ продолженіи почти трехъ послѣднихъ лѣтъ, принесло удовлетворительные результаты, и что эти опыты избранія благочинныхъ въ нѣкоторыхъ округахъ возбуждали желаніе того же самаго и во всемъ епархіальномъ духовенствѣ, предлагалъ консисторіи сдѣлать распоряженіе о предоставленіи на будущее время всему епархіальному духовенству права избранія благочинныхъ чрезъ баллотировку, при чемъ назначался 5-лѣтній срокъ службы въ должности благочиннаго. Въ 13 особыхъ параграфахъ, приложенныхъ къ настоящему предложенію консисторіи, преосв. Макарій самъ подробно разъяснилъ порядокъ, въ какомъ должны были происходить всякій разъ выборы на должность благочиннаго. Здѣсь точно опредѣлялись лица, какія могли быть избираемы и избирать на должность благочиннаго, число избираемыхъ кандидатовъ, мѣсто службы и званіе ихъ, порядокъ избранія, наблюденіе за выборами, время выборовъ и т. п. При этомъ замѣчалось, что 1) въ случаѣ разногласія или недоумѣній при выборахъ, епархіальное начальство само будетъ назначать благочинныхъ и 2) новый порядокъ избранія долженъ распространяться на помощниковъ благочин-

ныхъ и депутатовъ и при томъ какъ для епархіального духовенства, такъ и для духовенства бывшаго военного поселенія ¹⁾).

Харьковское духовенство въ громадномъ своемъ большинствѣ приняло дарованное ему архипастыремъ право выбора должностныхъ лицъ съ искреннею радостію. „На основаніи распоряженія высокопреосвященнаго архіепископа Макарія“, читаемъ въ одномъ изъ тогдашнихъ харьковскихъ духовныхъ журналовъ, „сего 12 марта въ первый разъ духовенство города Харькова и 1 благочинническаго округа выбирало изъ среды себя депутатовъ, на мѣсто прослужившихъ пятилѣтній курсъ въ этихъ должностяхъ. Выборы эти посредствомъ закрытой баллотировки происходили въ Благовѣщенской церкви, настоятель которой—старѣйшій по лѣтамъ изъ харьковскихъ священниковъ. Тихо и скромно, послѣ молебствія, прошли выборы, на лицахъ всѣхъ нашихъ отцовъ и братьевъ блистали неподдѣльная радость“ ²⁾.

Впрочемъ, введеніе выборнаго начала въ харьковской епархіи не обошлось и безъ непріятностей для самаго виновника его, преосв. Макарія. Нѣкоторымъ лицамъ, по извѣстнымъ и вполне понятнымъ побужденіямъ, было непріятно выборное начало и они не желали его. Особенно сильно было это нежеланіе въ среди духовенства бывшаго военного поселенія. Духovenство перваго округа бывшаго военного харьковского поселенія заявило даже открытый протестъ противъ выборнаго начала, при чемъ авторъ докладной записки, поданной на имя преосв. Макарія, позволилъ себѣ высказать даже дерзкую мысль, что выборное начало не достигнетъ цѣли, если не будетъ распространено и на высшія учрежденія епархіального управленія. Первые выборы, назначенные, по распоряженію преосв. Макарія, не могли со-

¹⁾ См. тамъ же за 1864 г. № 6 ср. Духовн. Дневникъ 1864 г. № 9 приложеніи.

²⁾ См. Духовный Вѣстникъ 1864 г. т. 7 стр. 472.

стояться въ первомъ округѣ бывшаго харьковскаго военнаго поселенія. А когда на вторичныхъ выборахъ прежній благочинный, прот. Сильванскій—Павловъ былъ забаллотированъ и вмѣсто него преосв. Макарій утвердилъ въ должности благочиннаго другого кандидата, избраннаго духовенствомъ, то духовенство перваго округа бывшаго военнаго поселенія подало особую записку преосв. Макарію, въ которой заявляло, что оно не желаетъ раздѣленія своего округа на 4 отдѣльные округа и желаетъ имѣть своимъ благочиннымъ одного только прот. Сильванскаго-Павлова. Самъ же прот. Сильванскій-Павловъ обратился даже съ жалобою на имя Государя Императора за незаконное, будто бы, удаленіе его преосв. Макаріемъ отъ должности благочиннаго. Но Св. Синодъ, на разсмотрѣніе котораго была передана эта жалоба, своимъ постановленіемъ отъ 22 феврала 1865 года оставилъ её безъ послѣдствій, а самъ преосв. Макарій на консисторскомъ докладѣ объ этомъ 8 ноября 1865 года положилъ слѣдующую резолюцію: „все это прискорбное дѣло, возникшее въ первомъ округѣ бывшаго военнаго харьковскаго поселенія, по поводу даннаго мною предложенія о выборѣ благочинныхъ, такъ какъ оно касается преимущественно меня лично и моего распоряженія, покрывъ все забвеніемъ, предлагаю прекратить и считать оконченнымъ. Разсмотрѣть только личную жалобу прот. Григоревскаго на священника Линицкаго, если только они не успѣли уже примириться между собою“¹⁾).

Предоставивъ харьковскому духовенству свободу въ выборѣ имъ изъ своей среды должностныхъ лицъ, преосв. Макарій потомъ всегда относился внимательно къ голосу и желанію духовенства, выяснявшемуся во время выборовъ. Большею частію онъ утверждалъ въ должностяхъ благочиннаго и др. тѣхъ лицъ, которыя получали наибольшее количество избирательныхъ голосовъ, и затѣмъ утвержденныхъ имъ горячо

¹⁾ См. арх. Х-р. дух. кон. по описи общ. дѣламъ за 1864 г. дѣло № 6.

отстаивалъ, когда это требовалось. По поводу извѣстной уже намъ жалобы прот. Сильванскаго—Павлова, преосв. Макарій въ своемъ отношеніи на имя товарища оберъ-прокурора Св. Синода кн. С. Н. Урусова, между прочимъ, такъ объяснялъ побужденія, заставившія его утвердить въ должности благочиннаго другаго кандидата: „протоіерей Павловъ—Сильванскій не можетъ быть въ настоящее время опредѣленъ на должность благочиннаго“, писалъ преосв. Макарій, „потому что, какъ объяснено мною выше, мѣстное духовенство этого округа при выборахъ предпочло прот. Сильванскому двухъ другихъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ—достойнѣйшій и утвержденъ мною. Назначить теперь прот. Сильванскаго благочиннымъ въ этомъ округѣ значило бы обидѣть и мѣстное духовенство и избраннаго имъ благочиннаго, который уже нѣсколько мѣсяцевъ съ честію проходить свое служеніе. Если же при слѣдующихъ выборахъ прот. Сильванскій получитъ большинство на должность благочиннаго: то, безъ сомнѣнія, онъ будетъ утвержденъ въ ней епархіальнымъ начальствомъ“ ¹⁾.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очевидно, но особеннымъ своимъ соображеніямъ, преосв. Макарій позволялъ себѣ не вполне соглашаться съ желаніемъ духовенства и утверждать въ должностяхъ тѣхъ кандидатовъ, избранныхъ духовенствомъ, которые на выборахъ получали меньшее число голосовъ сравнительно съ другими. Такъ, напр., въ 3-мъ округѣ лебединскаго уѣзда большинство голосовъ сравнительно съ другими кандидатами на выборахъ въ должность благочиннаго получилъ прежній благочинный священникъ Лободовскій. Но преосв. Макарій 28 марта 1864 года утвердилъ въ должности другаго кандидата, получившаго меньше голосовъ, чѣмъ Лободовскій. Ду-

¹⁾ У насъ была подлинная -отношеніе кн. Урусова къ преосв. Макарію отъ 27 октября 1864 года за № 6643 и отвѣтъ преосв. Макарія отъ 13 ноября 1864 года за № 98, сохранившіяся въ домашнемъ архивѣ этого послѣдняго.

ховенство округа, неправильно понявъ предѣлы предоставленнаго имъ выборнаго права, обратилось къ преосв. Макарію съ просьбою утвердить прежняго благочиннаго, согласно ихъ избранію. Но преосв. Макарій 3 мая 1864 года на этой ихъ просьбѣ положилъ такую резолюцію: „сдѣлать подписавшимъ эту записку замѣчаніе частію за то, что они представили ее отъ лица всего духовенства означеннаго округа, между тѣмъ какъ составляютъ едва половину этого духовенства, а преимущественно за то, что они выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго имъ начальствомъ права и мѣшаются не въ свое дѣло. Духовенству каждаго округа предоставлено тольکو епархіальнымъ начальствомъ право выбирать трехъ или двухъ кандидатовъ въ благочинные, а право утверждать одного изъ избранныхъ и по своему усмотрѣнію начальство оставило за собою и отнюдь не обязывало себя давать избирателямъ отчетъ, почему утвердить того или другаго кандидата“¹⁾. Такъ понималъ самъ преосв. Макарій границы выборнаго начала, предоставленнаго имъ харьковскому духовенству. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, соглашаясь съ желаніемъ избирателей, онъ иногда поступалъ въ дѣлѣ утвержденія одного изъ избранныхъ кандидатовъ исполнѣ самостоятельно, по собственнымъ соображеніямъ. Въ 1866 году, между прочимъ, происходили выборы на должность благочиннаго церковей г. Харькова на новое пятилѣтіе. На выборахъ прот. А. Мерхалевъ получилъ 47 избирательныхъ шаровъ, а прежній благочинный прот. І. Шероцкій—35³/₄ избирательныхъ шаровъ. Духовенство ожидало, что будетъ утвержденъ прот. А. Мерхалевъ. Между тѣмъ преосв. Макарій на консисторской справкѣ объ этихъ выборахъ 24 августа 1866 года положилъ слѣдующую резолюцію: „такъ какъ духовенство города Харькова вновь избрало протоіерея Шероцкаго однимъ изъ кандидатовъ на должность благочиннаго, и такъ какъ этотъ почтенный протоіе-

¹⁾ См. арх. Хар. дух. конс. по описи общ. дѣламъ за 1864 г. дѣло № 100.

рей въ предшествовавшія пять лѣтъ вполне показали свою отличную способность и исправность въ прохожденіи благочиннической должности: то я считаю несправедливымъ не утвердить его вновь въ этой должности, хотя онъ получилъ и меньшее число голосовъ, нежели другой избранный и достойный кандидатъ“ ¹⁾).

Но съ особеннымъ удовольствіемъ и всегда утверждалъ въ должности благочинныхъ преосв. Макарій тѣхъ кандидатовъ, которые избирались духовенствомъ единогласно. Такъ на донесеніи валковскаго протоіерея Іакова Прокоповича съ выборнымъ листомъ на должность благочиннаго преосв. Макарій 21 марта 1864 года положилъ такую резолюцію: „съ удовольствіемъ утверждаю вновь въ должности благочиннаго протоіерея Солодовникова, какъ единогласно избраннаго мѣстнымъ духовенствомъ“ ²⁾).

Вообще преосв. Макарій весьма внимательно относился къ выборамъ въ должность благочинныхъ. Къ самимъ благочиннымъ онъ также относился съ уваженіемъ, цѣнилъ ихъ труды, старался отличать ихъ предъ прочимъ духовенствомъ, поддерживать ихъ значеніе въ глазахъ подчиненныхъ и потому соглашался со всѣми законными ихъ представленіями и ходатайствами. Но въ то же время онъ строго каралъ тѣхъ благочинныхъ, которые или сами неаккуратно исполняли свои обязанности, или же покрывали поступки своихъ подчиненныхъ и вообще были къ нимъ излишне снисходительны. Въ 1866 году преосв. Макарій, по обыкновенію, обозрѣвалъ епархію. На рапортѣ одного изъ благочинныхъ, составленномъ, какъ оказалось, неправильно, онъ 22 августа положилъ такую резолюцію: „протоіерея Ковалевскаго за его крайнее послабленіе причетникамъ и другіе недостатки, мною замѣченныя при

¹⁾ См. тамъ же за 1866 г. дѣло № 135 ср. за 1864 г. дѣло № 115 и за 1864 г. дѣло № 116.

²⁾ См. тамъ же за 1864 г. дѣло № 7.

обзорѣ епархіи, уволнить отъ должности благочиннаго¹⁾. Но особенно преосв. Макарій бывалъ недоволенъ, когда благочинные выходили изъ предѣловъ предоставленной имъ власти и позволяли себѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Одинъ изъ причетниковъ подалъ прошеніе преосвящ. Макарію съ рекомендательною отмѣткою благочиннаго церковей г. Харькова прот. І. Гапонова на самомъ этомъ прошеніи. Преосвященнаго это обидѣло и онъ 21 декабря 1859 года сдѣлалъ, между просимъ, слѣдующее распоряженіе: „благочинному Гапонову внушить, чтобы впредь безъ спроса не позволялъ себѣ рекомендовать причетниковъ на ихъ просьбахъ. Равно запретить это и всѣмъ благочиннымъ“. Это распоряженіе преосв. Макарія, по недоразумѣнію, или, быть можетъ, и съ умысломъ, но безъ вѣдома архипастыря, было распубликовано по всей епархіи. Крайне обиженный прот. Гапоновъ жаловался преосв. Макарію на консисторію и просилъ его отмѣнить сдѣланное ему внушеніе, при чемъ оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что подобный порядокъ существовалъ прежде въ Харьковѣ. Однакоже на его объясненіи преосв. Макарій 11 января 1860 года написалъ: „дѣла по благочинію прот. Гапонова поручить 3-му столу консисторіи. А завѣдующій 1-мъ столомъ объяснить, на какомъ основаніи сдѣланное прот. Гапонову внушеніе опубликовано по епархіи, когда этого не сказано въ моей резолюціи, и самый поступокъ о. протоіерея далеко не такой важности, чтобы заслуживалъ подобнаго наказанія. Внушеніе же, сдѣланное прот. Гапонову, оставить въ прежней силѣ: потому что представленное имъ объясненіе исполнѣ не оправдываетъ его“²⁾.

Благочинные въ харьковской епархіи до преосв. Макарія проходили свою должность безвозмездно. Преосв. Макарій находилъ такой порядокъ неправильнымъ и желалъ, чтобы

¹⁾ См. тамъ же за 1866 г. дѣло № 243.

²⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 12.

благочинные получали за свой трудъ хотя какое-либо вознагражденіе. По его предложенію, духовенство нѣкоторыхъ округовъ назначало жалованье благочиннымъ изъ своихъ собственныхъ средствъ. Такъ, изъ отчета преосв. Макарія о благосостояніи епархіи за 1866 г. видно, что въ это время три благочинныхъ въ епархіи получали жалованье¹⁾. Въ 1868 г. преосв. Макарій вопросъ о назначеніи жалованья всѣмъ благочиннымъ предложилъ на обсужденіе членовъ перваго харьковскаго общеспархіальнаго съѣзда. Депутаты съѣзда въ за-сѣданіи 16 января 1868 г., послѣ оживленныхъ преній, продолжавшихся съ 11 ч. пополун. до 3 ч. по полудни, постановили: дать постоянное опредѣленное жалованье изъ общецерковныхъ доходовъ, опредѣливъ minimum его въ сто пятьдесятъ р. въ годъ (включая сюда и расходы на разъѣзды, канцелярію и насмъ разсылныхъ), но предоставить право мѣстнымъ благочинническимъ съѣздамъ увеличивать эту норму, соображаясь съ мѣстными средствами. Но такъ какъ жалованье благочинному 150 р., при настоящемъ распредѣленіи и числѣ благочинній въ епархіи, могло быть нелегкимъ для многихъ благочинническихъ округъ, то съѣздъ положилъ просить преосв. Макарія, на основаніи 96 ст. уст. дух. конц., сократить число благочинній въ епархіи, расширивъ округи ихъ такъ, чтобы maximumъ церквей въ благочиніи было 30, а minimumъ 20, судя по количеству церквей въ каждыъ уѣздѣ. Выѣстъ съ тѣмъ съѣздъ просилъ преосв. Макарія сократить срокъ службы выборныхъ благочинныхъ съ пяти на три года и разрѣшить духовенству харьковской епархіи одновременно избирать какъ благочинныхъ, такъ и помощниковъ ихъ и депутатовъ во всей епархіи, и къ нимъ кандидатовъ, которые, въ случаѣ выбытія должностныхъ лицъ до истеченія трехлѣтняго срока, вступали бы безъ выбора въ отправленіе подлежащихъ должностей. Преосв. Макарій 27 января 1868 г. на этомъ жур-

¹⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. 1867 г. № 21 стр. 421.

налѣ съѣзда положилъ такую резолюцію: „о жалованьѣ благочиннымъ приготовить: а) представленіе въ Св. Синодѣ, съ объясненіемъ, что къ сокращенію благочинній епархіальное начальство не находитъ препятствій, и б) отношеніе къ г. оберъ-прокурору, съ извѣщеніемъ о рѣшеніи съѣзда и ходатайства предъ Св. Синодомъ. А мнѣніе духовенства о срокѣ службы благочинныхъ, ихъ помощниковъ и депутатовъ и объ одно-временности выбора какъ ихъ самихъ, такъ и кандидатовъ для нихъ, утверждаю теперь же, по тѣмъ, чтобы это вошло въ силу уже тогда, какъ послѣдуетъ рѣшеніе Св. Синода о жалованьѣ благочиннымъ и сокращеніи числа благочинній“¹⁾.

Въ заботахъ о томъ, чтобы благочинническая должность была поставлена какъ можно цѣлесообразнѣе и чтобы благочинные были дѣйствительными помощниками своего начальства въ управленіи епархіею, преосв. Макарій пришелъ къ мысли о расширеніи дѣятельности и обязанностей благочинныхъ путемъ предоставленія ихъ рѣшенію нѣкоторыхъ сравнительно маловажныхъ дѣлъ по суду между членами причтовъ духовенства. Этого онъ думалъ достигъ именно посредствомъ образованія около благочинныхъ мѣстныхъ окружныхъ судовъ. Предполагалось, что судъ, въ которомъ будутъ участвовать нѣсколько членовъ, при этомъ избранныхъ самимъ же духовенствомъ, будетъ основательнѣе и справедливѣе, чѣмъ судъ, произведенный однимъ лицомъ—благочиннымъ. По указанію и распоряженію преосв. Макарія, харьковскій градскій благочинный, прот. І. Шероцкій 27 января 1867 года подалъ ему докладную записку о необходимости учрежденія *мѣстныхъ благочинническихъ комиссій* для разбора нѣкоторыхъ менѣе важныхъ дѣлъ, причѣмъ предлагалъ и самыя правила касательно устройства такихъ комиссій. Преосв. Макарій на этой запискѣ 30 января положилъ слѣдующую резолюцію: „конси-

¹⁾ См. тамъ же 1863 г. № 3 стр. 182—183 191.

сторія внимательно обсудить эти правила и представить мнѣ свое мнѣніе". Консисторія рассмотрѣла правила, составленныя прот. І. Шероцкимъ, нашла ихъ весьма практичными и, сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторыя дополненія, 7 сентября 1867 года передала ихъ на предварительное рассмотрѣніе преосв. Германа, еп. сумскаго. Этотъ послѣдній, съ своей стороны, далъ такой отзывъ о правилахъ устройства благотворительныхъ комиссій суда: „въ правилахъ должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія: 1) присужденіе къ стоянію на колѣнахъ у оларѣ, или среди церкви, какъ мѣру весьма тяжкую для нравственнаго чувства, я полагалъ бы не предоставлять благотворительному совѣту; 2) для обжалованія рѣшеній благотворительныхъ совѣтовъ полезно было бы назначить какіе-либо сроки; излишне было бы также предоставить совѣтамъ по нѣкоторымъ дѣламъ постановлять рѣшенія окончательныя, безъ права обжалованія. Иначе съ учрежденіемъ совѣтовъ въ консисторіи едва ли много сократится переписка". Преосв. Макарій 15 октября 1867 года сдѣлалъ распоряженіе о введеніи въ исполненіи выработанныхъ правилъ касательно благотворительныхъ совѣтовъ, замѣтивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей резолюціи, что „согласно съ мнѣніемъ преосв. викарія, въ правилахъ должно отмѣнить стояніе на колѣнахъ и назначить сроки для подачи жалобъ на рѣшенія благотворительныхъ совѣтовъ" ¹⁾. Такъ были учреждены въ харьковской епархіи благотворительныя совѣты, которые сначала состояли обыкновенно изъ благотворителя, духовника и третьяго священника, по указанію судившихся, и рѣшенію которыхъ были предоставлены сравнительно маловажныя дѣла по спорамъ и недоразумѣніямъ между членами причтовъ ²⁾. Впослѣдствіи преосв. Макаріемъ были сдѣланы еще нѣкоторыя дополненія касательно устройства благотворительныхъ совѣтовъ. Такъ,

¹⁾ См. Арх. Хар. дух. Конс. за 1867 г. дѣло № 16.

²⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. 1867 г. № 22 стр. 443 и слѣд. гдѣ можно читать и самыя правила относительно устройства благотворительныхъ совѣтовъ.

между прочимъ, въ мартѣ 1868 года было разъяснено, что членами благочинническихъ совѣтовъ подъ предсѣдательствомъ благочиннаго, должны быть два священнослужителя, получившіе большинство избирательныхъ шаровъ ¹⁾, и что въ члены благочинническихъ совѣтовъ могутъ быть избираемы какъ священники, такъ и діаконы ²⁾.

Таковы были важнѣйшія мѣры, принятыя преосв. Макаріемъ въ видахъ возможно лучшаго устройства и упорядоченія епархіальнаго управленія. Изъ другихъ распоряженій его, имѣвшихъ въ виду ту же самую цѣль, отмѣтимъ слѣдующія. Для того, чтобы усилить благочинническій надзоръ за епархіальнымъ духовенствомъ, преосв. Макарій съ самаго же вступленія на харьковскую архіерейскую кафедру началъ уменьшать объемъ благочинническихъ округовъ. Такъ, еще 28 августа 1859 года на рапортъ благочиннаго 3-го округа изюмскаго уѣзда прот. Петра Власова преосв. Макарій положилъ слѣдующую резолюцію: „благочиніе это слишкомъ велико: раздѣлить его на два и представить кандидатовъ“ ³⁾. Подобнымъ образомъ и на рапортъ благочиннаго 4 округа изюмскаго уѣзда прот. І. Костица преосв. Макарій 5 сентября 1859 года написалъ: „благочиніе слишкомъ велико; раздѣлить его на два и представить кандидатовъ“ ⁴⁾. Впослѣдствіи преосв. Макарій рѣшилъ установить по всей епархіи равномѣрное и правильное распредѣленіе церквей по благочинническимъ округамъ. 17 іюня 1862 года онъ, между прочимъ, далъ слѣдующее предложеніе консисторіи: „замѣтивъ огромную несообразность въ распредѣленіи церквей валковскаго уѣзда по благочинническимъ округамъ, изъ которыхъ къ первому принадлежатъ 18 церквей, ко второму—9, а къ третьему—11,—предлагаю немедленно составить и

¹⁾ См. тамъ же 1868г № 6 стр. 331

²⁾ См. тамъ же 1868 г № 9 стр. 11.

³⁾ См. арх. Хар. дух. конс. по описи общ. дѣламъ за 1859 г. дѣло № 327

⁴⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 343

представить мнѣ опредѣленіе объ уравненіи благочинническихъ округовъ этого уѣзда, обративъ особенное вниманіе въ этомъ разграниченіи какъ на количество церквей, имѣющихъ составить тотъ или другой округъ и причтовъ при нихъ, такъ и на разстояніе церкви отъ церкви и на другія естественныя удобства и препятствія въ сообщеніи между ними,—чтобы церкви, находящіяся, напр, за извѣстною рѣкою или городомъ, не были причисляемы къ благочинному, имѣющему жительство по другую сторону этой рѣки или города (исключая совершенной безпрепятственности въ сообщеніи, или другихъ особенно уважительныхъ причинъ) и т. п. мѣстныхъ обстоятельства, а составляли бы такой округъ изъ извѣстнаго числа слободъ, въ которомъ, при встрѣтившейся надобности, могъ быть избранъ благочинный въ той или другой слободѣ этого же округа. А потомъ составить такія же опредѣленія объ уравненіи благочинническихъ округовъ и по всѣмъ другимъ уѣздамъ епархіи и представить мнѣ на разсмотрѣніе“. Въ силу этого распоряженія преосв. Макарія, консисторія тогда же составила новыя распредѣленія церквей по благочинническимъ округамъ въ уѣздахъ: изюмскомъ, змѣевскомъ, старобѣльскомъ, купянскомъ, валковскомъ и богодуховскомъ ¹⁾. 27 іюля 1862 года консисторія установила новое распредѣленіе церквей волчанскаго уѣзда по благочинническимъ округамъ и 24 августа того же года преосв. Макарій утвердилъ это распредѣленіе ²⁾. Тогда же, именно 19 ноября 1862 года, было сдѣлано преосв. Макаріемъ распоряженіе о раздѣленіи двухъ благочинническихъ округовъ въ бывшемъ харьковскомъ военномъ поселеніи на 8 округовъ ³⁾. Впослѣдствіи преосв. Макарій также дѣлалъ частныя указанія и распоряженія консисторіи касательно необходимости болѣе правильнаго распредѣленія благочинническихъ окру-

¹⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 165.

²⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 197.

³⁾ См. тамъ же за 1864 г. № 6.

говъ. Такъ, на консисторской справкѣ о кандидатахъ на должность благочиннаго въ шестомъ округѣ бывшаго военного поселенія преосв. Макарій 21 марта 1864 года сдѣлалъ такое распоряженіе: „такъ какъ въ этомъ округѣ состоитъ 17 церквей, а въ теперешнемъ благочиніи прот. Дюкова только 7, то раздѣлить всѣ эти 24 церкви на два благочинническихъ округа по-ровну, смотря по удобству, и тогда уже доложить объ избранныхъ кандидатахъ ¹⁾).

При утвержденіи избранныхъ кандидатовъ въ должности благочинныхъ преосв. Макарій также сообразовался съ нѣкоторыми естественными условіями; напр., обращалъ вниманіе на положеніе въ округѣ той церкви, при которой служилъ намѣченный имъ кандидатъ. Такъ, на справкѣ консисторіи о кандидатахъ на должность благочиннаго по второму округу бывшаго харьковскаго военного поселенія преосв. Макарій 12 марта 1864 года положилъ такую резолюцію: „изъ числа избранныхъ духовенствомъ втораго округа бывшаго военного поселенія кандидатовъ утверждаются: а) въ должности благочиннаго прот. Пуковский, какъ живущій въ томъ же округѣ; б) въ должности депутата священникъ Яновскій. Помощникъ благочиннаго, по малости округа, здѣсь не нуженъ. Протоіерей же Сильванскій не утверждается въ должности благочиннаго потому, что имѣетъ приходъ не въ этомъ округѣ, и большая часть церквей этого округа отстоитъ отъ него—Сильванскаго—на значительномъ разстояніи, именно 27—60 верстъ, какъ видно изъ клировыхъ вѣдомостей“ ²⁾).

До поступленія преосв. Макарія на каеодру харьковской епархіи и при немъ въ первое время здѣшнее духовенство обязано было лично представлять въ консисторію метрическія книги, исповѣдныя и приходы расходныя росписи и другіе письменные церковные документы. Оттого ежегодно

¹⁾ См. тамъ же за 1864 г. дѣло № 113.

²⁾ См. тамъ же за 1864 г. № 116.

въ январѣ и сентября всѣ камеры консисторіи были переполнены различными членами причтовъ: протоіереями, священниками, діаконами, причетниками и церковными старостами, которые толпились здѣсь, въ ожиданіи своей очереди, и нерѣдко вынуждены были проживать въ Харьковѣ по нѣскольку дней и совершенно безъ нужды издерживаться. Нечего уже и говорить о томъ, что такой порядокъ вещей былъ необходимо сопряженъ для духовенства, особенно отдаленныхъ отъ г. Харькова уѣздовъ, съ упущеніями по приходу и хозяйству. Кромѣ того, преосв. Макарій во время частыхъ своихъ ревизій церквей харьковской епархіи замѣтилъ еще нѣкоторые другіе недостатки, въ отношеніи веденія причтами церковной письменной отчетности. Въ видахъ устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ, преосв. Макарій 14 октября 1867 года далъ слѣдующее предложеніе консисторіи относительно выдачи изъ консисторіи для приходскихъ церквей метрическихъ исповѣдныхъ тетрадей и прихода-расходныхъ и обыскныхъ книгъ и представленія ихъ въ консисторію для ревизіи: 1) „метрическія приходскія книги (по ст. 1562 т. IX свод. зак. о состоян. изд. 1857 г.) ведутся на печатныхъ съ пробѣлами листахъ. Консисторіи или духовныя правленія (по ст. 1563 того же тома), каждое мѣсто по своему вѣдомству, должны изготавлять по наступленіи года изъ сихъ листовъ особыя для каждой части приходскихъ книгъ тетради, за шнуромъ и скрѣпою одного изъ присутствующихъ (а нынѣ, по указу Св. Синода отъ 30 декабря 1865 года, за шнуромъ и печатью консисторіи или правленія и за подписью въ концѣ книги одного изъ присутствующихъ, съ объясненіемъ числа листовъ въ книгѣ). Сія тетради выдаются по одной на каждую церковь, а не порознь на каждого священника“. Между тѣмъ, при обзорахъ мною епархіи, нерѣдко случалось мнѣ слышать отъ приходскихъ священниковъ, что тетради эти высылаются изъ консисторіи въ церкви иногда очень нескоро по наступленіи новаго года, а въ двухштатныя и трехштатныя церкви выдаст-

ся пороки на каждаго священника. Такого отступленія отъ прямого и точнаго смысла закона быть не должно. Предлагаю выдавать впредь въ каждую церковь лишь по одной тетради для метрическихъ книгъ, а для своевременнаго доставленія этихъ тетрадей завести слѣдующій порядокъ: благочинные ежегодно къ 1-му сентябрю обязаны представить въ консисторію вѣдомость о количествѣ нужныхъ въ каждую подвѣдомую имъ церковь печатныхъ съ пробѣлами листовъ для метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей на наступающій годъ. Консисторія же обязана высылать благочиннымъ, согласно ихъ представленію, изготовленныя тетради, не позжѣ 15 декабря. Каждый благочинный, не получившій къ 15-мъ декабря этихъ тетрадей изъ консисторіи, и каждый причтъ не получившій тетрадей отъ благочиннаго къ 1-му января обязаны доносить о томъ мѣ. 2) На основаніи 15 и 105 ст. уст. дух. консисторій и 1563 ст. IX т. Свод. Зак., исповѣдныя росписи и метрическія книги изъ каждой церкви въ опредѣленные сроки, въ одномъ экземплярѣ, должны быть представляемы въ консисторію непосредственно, или чрезъ духовныя правленія. А какъ духовныя правленія въ харьковской епархіи давно уже упразднены, то епархіальное начальство тогда же разрѣшило приходскимъ церквямъ, находившимся въ вѣдѣніи правленій, представлять означенные документы чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ по почтѣ. Такой же точно способъ доставки означенныхъ документовъ, вслѣдствіе неоднократно заявленныхъ мнѣ просьбъ со стороны духовенства, съ настоящаго времени предлагаю завести и для всѣхъ прочихъ церквей епархіи, сельскихъ и городскихъ, съ тѣмъ, чтобы они благочинные строго руководствовались 1569 и 1570 ст. с IX т. свод. зак. о сост. Это и облегчитъ консисторію и избавитъ духовенство какъ отъ ненужныхъ отлучекъ изъ приходовъ въ Харьковъ, такъ и отъ неизбѣжныхъ путевыхъ издержекъ. 3) Относительно снабженія церквей обыскными прихода-расходными книгами учредить такой порядокъ: за дѣ

мѣсяца до исписанія въ данной церкви той или другой книги, благочинный съ приношеніемъ заявленія мѣстнаго причта обязанъ представить въ консисторію требованіе о высылкѣ нужной книги, которую консисторія, изготовивъ по надлежащему, высылаетъ не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, чрезъ благочиннаго, по назначенію. Затѣмъ, по исписаніи прежней обыскной или приходо-расходной книги, благочинный обязанъ немедленно представить ее въ консисторію для ревизій (по ст. 108 устава духовныхъ консисторій). Ежегодное же представленіе въ консисторію приходо-расходныхъ книгъ для ревизіи отмѣнить: такъ какъ книги эти и безъ того, по 44 ст. инструкціи благочиннымъ, два раза въ теченіе года ревизуются благочинными, которые и доносятъ о послѣдствіяхъ своихъ ревизій епархіальному архіерею въ началѣ іюли и января¹⁾).

Слѣдующія три распоряженія преосв. Макарія были также направлены къ тому, чтобы устранить въ жизни харьковскаго епархіальнаго духовенства нѣкоторые беспорядки, или же облегчить его положеніе. Въ харьковской епархіи съ давняго времени существовали военныя поселенія. Духовенство, служившее при церквяхъ этихъ поселеній, пользовалось нѣкоторыми привиллегіями и находилось нѣсколько въ иномъ отношеніи къ епархіальному начальству, чѣмъ обыкновенное приходское духовенство. Такой порякокъ имѣлъ иногда самыя неблагопріятныя послѣдствія. Духовенство военныхъ поселеній позволяло себѣ иногда не обращать вниманія на распоряженія мѣстнаго епархіальнаго начальства. Нерѣдко оно относило лекомысленно къ исполненію своихъ обязанностей, особенно въ отношеніи борьбы съ расколомъ, который главнымъ образомъ сосредоточивался въ округахъ бывшаго харьковскаго военнаго поселенія. Наконецъ, примѣръ духовенства военныхъ поселеній, чувствовавшего себя свободно и независимо въ отношеніи къ епархіальному начальству, иногда разительно дѣйствовалъ и на приходское духовенство. Преосв.

¹⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. 1867 г. № 20 стр. 336—338.

Макарій, какъ только ближе познакомился съ бытомъ духовейства бывшихъ военныхъ поселеній харьковской епархіи, порѣшилъ прекратить такой порядокъ. По его предложенію, консисторіей были выработаны подробныя правила касательно примѣненія общаго порядка епархіальнаго управленія въ церквяхъ бывшаго харьковскаго военнаго поселенія. 16 октября 1864 года эти правила были утверждены Св. Синодомъ, и такимъ образомъ прекращенъ былъ ненормальный порядокъ въ отношеніяхъ извѣстной части епархіальнаго духовенства къ своему начальству ¹⁾.

25 августа 1864 года преосв. Макарій далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „въ инструкціи, данной благочинному въ § 31, между прочимъ сказано: „церковно-служителямъ безъ вѣдома приходскаго священника, а священнику безъ вѣдома благочиннаго далѣе 25 верствъ ни на одинъ день нигде не отлучаться, съ вѣдома же и дозволенія благочиннаго могутъ отлучаться и далѣе, но только въ свою епархію“; но не сказано, насколько времени благочинный можетъ давать подобныя отпуска. А такъ какъ нѣкоторые благочинные даютъ увольненія отъ приходовъ священнослужителямъ на цѣлый почти мѣсяцъ: то предлагаю харьковской духовной консисторіи объявить по епархіи къ непремѣнному исполненію, чтобы впредь благочинные дозволяли священнослужителямъ отлучаться отъ своихъ мѣстъ, по нуждамъ ихъ, въ своей епархіи, никакъ не далѣе 15-дневнаго срока; если же кому-либо будетъ настоять необходимость отлучаться отъ прихода на болѣе продолжительное время, входили бы съ прошеніями о томъ, заблаговременно, каждый разъ непосредственно къ епархіальному начальству“ ²⁾. Наконецъ, 22 августа 1865 г. преосв. Макарій утвердилъ распоряженіе консисторіи, которымъ, въ избѣжаніе частыхъ сѣздовъ для избранія должностныхъ лицъ по духовному вѣдомству

¹⁾ См. Духовн. Днѣви. 1864 г. Приложение № 41.

²⁾ См. тамъ же за 1864 г. Приложенія къ журналу № 34.

разрѣшалось духовенству перваго округа изюмскаго уѣзда избирать во всѣ должности по благочинію одновременно, такъ какъ духовенство тяготилось частыми съѣздами и такъ какъ, при одновременномъ выборѣ во всѣ должности, можно было сдѣлать основательнѣйшее избраніе¹⁾.

Послѣ приведенія въ должный порядокъ епархіальнаго управленія, однимъ изъ главныхъ предметовъ заботы преосв. Макарія въ Харьковѣ было церковное благочиніе. Онъ весьма тщательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы богослуженіе во всей епархіи совершалось согласно съ церковнымъ уставомъ, и чтобы духовенство неуклонно исполняло всѣ каноническія постановленія касательно богослуженія. Во время путешествій своихъ по епархіи, онъ, по собственному его свидѣтельству, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за „исправностію духовенства въ исполненіи церковнаго чиноположенія при совершеніи богослуженія и святыхъ таинствъ и священныхъ обрядовъ“²⁾. Всѣхъ виновныхъ въ неисполненіи каноническихъ постановленій касательно совершенія богослуженія онъ строго преслѣдовалъ и каралъ.

Вскорѣ же по пріѣздѣ въ Харьковъ, преосв. Макарій замѣтилъ, что въ здѣшнихъ городскихъ храмахъ церковныя службы отпривлялись не въ положенное канонами и разнообразное время, а въ нѣкоторыхъ храмахъ, кромѣ того, всенощныя бдѣнія совершались въ теченіе круглаго года съ вечера подъ праздничные и воскресные дни³⁾. Преосв. Макарій рѣшилъ

¹⁾ См. тамъ же за 1865 г. Приложенія къ журналу № 21.

²⁾ См. арх. Хар. дух. конс. по описи общ. дѣламъ за 1859 г. дѣло № 246.

³⁾ Оуправленіе всенощныхъ съ вечера, согласно указу (с. Синода (1799 г. № 90), начиналось съ 5 апрѣля, — дня празднованія коронаціи императора Павла, и оканчивалось 20 сентября, — день празднованія рожденія императора Павла. Во все прочее время утрени начиналась часа въ 4 по полуночи. Звонъ къ простымъ днямъ зависѣлъ отъ воли настоятеля, а для дней праздничныхъ были назначены опредѣленные часы. Еще преосв. Овсюгастъ (Мочульскій) замѣтилъ, что въ Харьковѣ не наблюдается порядокъ въ звонѣ къ литургіи. По этому поводу онъ далъ слѣдующій ордеръ харьковскому духовному правленію: „навісѣдѣ

прекратить такое несоблюдение харьковскимъ духовенствомъ церковнаго устава. 25 октября 1859 года, по его распоряженію, благочинный церковей г. Харькова прот. І. Гапоновъ далъ всему градскому духовенству предписаніе, чтобы во всѣхъ харьковскихъ церквяхъ звонили къ богослуженію по монастырскому звону: къ вечернѣ въ 4 ч. по полуд., къ утренѣ—въ 4 ч. по полун., къ ранней литургіи—въ 6 ч. по полун., къ поздней литургіи—въ 9 ч. по полун.; 2) къ ранней литургіи звонить такъ: сначала въ одинъ колоколъ подольше, послѣ проскомидіи—на пачало литургіи—нѣсколько поменьше, а на „достойно“ еще поменьше, чтобы можно было различать отправу церковную; 3) среднихъ обѣденъ, т. е. въ 7 или 8 ч. по полуноч. не должно быть, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ одной церкви можетъ быть 3 литургіи, и 4) ко всенощной съ вечера 14 сентября нигдѣ не должно быть звона, кромѣ храмовыхъ праздниковъ, на что однакоже должно брать архіерейское благословеніе¹⁾. Послѣ того въ Харьковѣ установился опредѣленный порядокъ относительно звона къ церковнымъ службамъ. Только долго преосв. Макарію пришлось бороться противъ давно установившагося здѣсь обыкновенія совершать всенощныя бдѣнія съ вечера подъ праздничные и воскресные дни, при чемъ со временемъ онъ долженъ былъ, хотя и неохотно, уступить силѣ обстоятельствъ. 26 февраля 1860 года благочинный прот. І. Гапоновъ донесъ преосв. Макарію, что 25 подѣ 26 февраля

нанъ учинилось, что въ городѣ Харь.овѣ чинить благовѣстѣ къ литургіи не единообразно, рано очень и не въ одно время, и при томъ благовѣстятъ и тревожатъ весьма мало. Того ради приказалъ отнынѣ впредь въ воскресенье, праздничные и высокоторжественные дни чинить благовѣстѣ къ литургіи въ 9 часовъ во первыхъ въ соборной успенской церкви и въ другихъ церквяхъ, а благовѣстятъ не менѣе полчаса, да и тревожить побольше прежняго и во всѣхъ церквяхъ единообразно, подражая тревозѣ николаевской церкви (арх. хар. дух. кон. 1749 дѣло № 49). См. у прот. Н. А. Лашенкова Христофоръ, первый епископъ свободнаго украинскій и харьковскій X. 1895 стр. 117—118.

¹⁾ См. арх. Хар. дух. констет. по описи общ. дѣламъ за 1859 г. дѣло № 411.

въ николаевской церкви г. Харькова было совершенно всенощное бдѣніе. Преосв. Макарій на докладѣ благочиннаго положилъ такую резолюцію: „протоіерею Мерхалееву, за самовольный поступокъ и публичное противленіе распоряженіямъ начальства, сдѣлать выговоръ; а всѣмъ священно-служителямъ г. Харькова подтвердить, чтобы они отнюдь не отступали отъ существующихъ правилъ относительно времени церковныхъ службъ, поручивъ строжайшее наблюденіе за этимъ мѣстному благочинному“ ¹⁾. Между тѣмъ вскорѣ послѣ того, именно 6 марта 1860 года прот. Гапоповъ снова донесъ преосв. Макарію, что священникъ николаевской церкви Лобковский служилъ 3 марта всенощное бдѣніе, при чемъ причетники этой церкви клятвенно увѣрили благочиннаго, что у нихъ всенощнаго бдѣнія вечеромъ 3 марта не было; благочинный просилъ примѣрно наказать причетниковъ. Преосв. Макарій 7 марта на донесеніи благочиннаго положилъ слѣдующую резолюцію: „судя по обстоятельствамъ, признаю поступокъ священника Лобковского намѣреннымъ и упорнымъ противленіемъ распоряженіямъ начальства, за что и сдѣлать виновному строжайшій выговоръ. А означенныхъ причетниковъ за ихъ вину отправить на двѣ недѣли въ куряжскій монастырь. Объявить о сдѣланномъ священнику Лобковскому выговорѣ всѣмъ священнослужителямъ г. Харькова съ такимъ прибавленіемъ, что, если кто изъ нихъ и послѣ этого позволитъ себѣ отправлять церковныя службы не въ назначенныя для того времена, то штрафъ за противленіе волѣ начальства будетъ внесенъ въ послужной списокъ виновнаго“ ²⁾. Послѣ такого рѣшительнаго предупрежденія харьковское градское духовенство должно было подчиниться волѣ своего архипастыря. Но тогда былъ избранъ другой путь къ тому, чтобы получить разрѣшеніе совершать всенощныя бдѣнія съ вечера въ теченіе круглаго года. 29 іюля 1862 года попечители, староста и

¹⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 99.

²⁾ См. же за 1860 г. дѣло № 99.

прихожане Михаило-архангельской церкви г. Харькова обратились съ просьбою къ преосв. Макарію разрѣшить совершеніе въ ихъ церкви всенощнаго бдѣнія въ теченіе круглаго года вечеромъ въ субботу. При этомъ въ объясненіе своей просьбы они ссылались на слѣдующія обстоятельства: 1) приходъ ихъ находится весьма далеко отъ покровской монастырской церкви и отъ домовыхъ церквей, гдѣ совершались всенощныя бдѣнія съ вечера; 2) нѣкоторые прихожане рѣшительно не могутъ посѣщать раннее богослуженіе и 3) трудность этого подвига для всѣхъ, общепринятый образъ семейной жизни, взаимныя общественныя отношенія и привычки,—словомъ, вся обстановка семейной и гражданской жизни современнаго общества противорѣчить призыву церкви являться для слушанія всенощнаго бдѣнія въ 4 ч. по полуночи. „Эта невозможность—замѣчали въ концѣ просители—эта невозможность согласовать правило, принятое для времени совершенія всенощнаго богослуженія, съ правилами общественной жизни порождаетъ скорбь и нескрываемое предпочтеніе порядковъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій“. Преосв. Макарій передалъ это прошеніе на разсмотрѣніе консисторіи. Эта послѣдняя высказалась въ пользу просителей. Принявъ во вниманіе, что 1) совершеніе съ вечера всенощнаго бдѣнія не только не противорѣчитъ церковному уставу, но и вполне согласно съ прямыми выраженіями его (типиконъ „гл. 1-я чинъ малыя вечерни, глав. 2-я—чинъ великія вечерни, сіестъ бдѣнія всенощнаго и утрени воскресныя“); 2) м. Григорій разрѣшилъ въ С.-Петербургѣ совершать всепощныя бдѣнія съ вечера и архіеп. черниговскій Филаретъ дозволилъ то же самое для нѣжинскихъ церквей, 3) до 1859 года тотъ же порядокъ существовалъ и въ Харьковѣ и 4) съ прекращеніемъ всенощныхъ бдѣній съ вечера подъ праздничные дни весьма значительно уменьшилась продажа свѣчей, кошельковый и другіе сборы, потому что на утреннемъ богослуженіи бываетъ весьма мало молящихся, харьковская духовная консисторія 14 августа 1862 года признала заявленіе прихожанъ Михаило-архангель-

ской харьковской церкви заслуживающимъ уваженія и, въ видахъ какъ ослабѣвшаго усердія ко всенощному бдѣнію, такъ и предотвращенія для прихожанъ неудобствъ, а для церквей ущерба, происходящихъ отъ прекращенія въ приходскихъ церквяхъ г. Харькова совершенія всенощныхъ бдѣній съ вечера, нашла возможнымъ разрѣшить совершать всенощныхъ во всѣхъ приходскихъ харьковскихъ церквяхъ круглый годъ съ вечера, исключая понедѣльника, вторника, среды, четверга и пятницы всѣхъ недѣль великаго поста, когда утренняя должна совершаться только по утрамъ, если не случится праздникъ, но съ тѣмъ, чтобы 1) это постановленіе не было обязательнымъ для всѣхъ харьковскихъ приходскихъ церквей и 2) чтобы отъ воздвиженія до ѡминой недѣли вмѣстѣ съ вечернимъ всенощнымъ бдѣніемъ совершалась и утренняя по утрамъ. Преосв. Макарій 21 августа 1862 года утвердилъ такое опредѣленіе консисторіи¹⁾. Съ того времени всенощныя бдѣнія снова начали совершаться съ вечера подъ воскресные и праздничные дни круглый годъ въ Харьковѣ, а потомъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ харьковской епархіи²⁾. Но зато съ того же времени въ Харьковѣ установился правильный порядокъ касательно приглашенія молящихся къ церковному богослуженію посредствомъ одновременнаго звона во всѣхъ градскихъ церквяхъ по монастырскому звону.

Уже въ концѣ своего служенія въ Харьковѣ преосв. Макарій сдѣлалъ распоряженіе объ устраненіи еще одного безпорядка, практиковавшагося здѣсь въ богослуженіи. 15 декабря 1867 года, по указанію преосв. Макарія, градскій харьковскій благочинный, протоіерей І. Шероцкій представилъ ему докладную записку, слѣдующаго содержанія. „Священники и діаконъ кафедральнаго собора и нѣкоторые при-

¹⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 205.

²⁾ Въ іюль и ноябрѣ 1863 года преосв. Макарій разрѣшилъ совершать всѣ пощныя бдѣнія съ вечера круглый годъ въ покровской и николаевской церквяхъ г. Суммъ. См. тамъ же за 1863 г. дѣло № 155.

ходскихъ церквей г. Харькова“, писалъ прот. Шероцкій, „при отправленіи молебновъ разнымъ святымъ, въ ектеніи: „*помилуй насъ, Боже по величій милости твоей*“ и проч. далѣе произносятъ такъ: „*еще молимся Господу Богу, Пречистой Его Матери и святому*“ такому-то, напр., святит. Николаю, великом. Варварѣ, препод. Сергію и проч. „*о еже простити всякое согрѣшеніе рабовъ своихъ*“ такихъ-то, даровати имъ здравіе и благоденствіе“ и проч. и проч. Такое произношеніе словъ ектеніи на молебнахъ 1) несогласно съ словами ектеніи, изложенной въ чинопослѣдованіи молебнаго пѣнія Божіей Матери, въ часословѣ обыкновенно помѣщаемой, гдѣ ясно и положительно сказано такъ „*еще молимся о милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи и благополученіи рабовъ Божіихъ*“...; противно ученію православной церкви о призываніи святыхъ, которыя призываются, какъ молитвенники наши предъ Богомъ въ помощь нашей немощной и смиренной молитвѣ, но отнюдь не дается имъ равенства съ Богомъ, Которому Одному подобаетъ наше поклоненіе и наше молитвенное какъ Творцу, Спасителю и Промыслителю призываніе. Между тѣмъ сопоставленіемъ на ряду съ Господомъ Богомъ святыхъ въ ектеніи на молебнѣ святымъ смѣшивается догматъ о нашемъ упованіи на Единаго въ Троицѣ славимаго Бога съ догматомъ о призываніи святыхъ, и для православнаго народа, хотя и непамѣренно, но неблагоприятно подается мысль о равенствѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ съ Богомъ Всемогущимъ, вводится какъ бы нѣкое многобожіе въ ученіе христіанское, такъ чуждое и далекое сущности христіанской вѣры. Такъ какъ напечатанная въ часословѣ формула ектеніи въ молебномъ пѣніи Божіей Матери не вразумляетъ священниковъ и діаконівъ нѣкоторыхъ церквей произносить слова ектеніи правильно, напротивъ смыслу православной вѣры, а нѣкоторые изъ нихъ добавляютъ еще отъ своего измышленія другія неидущія въ дѣлу слова, чѣмъ оскорбляется благочестивое чувство истин-

ной вѣры и виѣдрѣются въ понятія народа направиленныя мысли о Богѣ Спасителѣ и о святыхъ Божіихъ, то неблагоугодно ли будетъ Вашему Високопреосвященству распорядиться, чтобы священники и діаконы, непонимающіе правильно догмата о молитвѣ предъ Богомъ Спасителемъ и о призваніи святыхъ, буквально держались часослова, не прибавляя ничего своего, и не измышляли своихъ прошеній, не согласныхъ съ догматическимъ ученіемъ.“ Преосв. Макарій 8 января 1868 года на этой докладной запискѣ положилъ слѣдующую рѣзолюцію: „благодарю о. протоіерея за дѣльную записку и предлагаю немедленно сдѣлать распоряженіе, согласно съ заключеніемъ этой записки“ ¹⁾.

Забываясь о соблюденіи харьковскимъ духовенствомъ каноническихъ постановленій касательно совершенія богослуженія, преосв. Макарій въ то же самое время принимать мѣры и къ тому, чтобы богослуженіе въ его епархіи отправлялось благолѣпно, благоговѣйно и, по возможности, торжественно. Въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ Св. Синоду онъ неопустительно отмѣчалъ эти свои заботы о благоговѣйномъ и благолѣпномъ совершеніи духовенствомъ богослуженія. И прежде всего самъ преосв. Макарій подавалъ лучший примѣръ духовенству въ этомъ отношеніи, совершая всегда богослуженіе благолѣпно и при торжественной обстановкѣ. Въ первый годъ своего служенія въ Харьковѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда своего сюда, преосв. Макарій позаботился пріобрѣсти для архіерейскаго служенія въ кафедральномъ соборѣ высоко-торжественную ризницу изъ золотого съ серебряными крестами глазета перваго сорта стоимостію въ 1097 р. 23 к. ²⁾. Вскорѣ послѣ этого, именно 12 іюля 1853 года, преосв. Макарій, между прочимъ, далъ слѣдующее предложеніе консисторіи: „предлагаю войти въ соображеніе и доложить съ

¹⁾ См. тамъ же за 1866 г. дѣло № 2

²⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 333.

мѣнѣемъ, не окажется ли возможнымъ устроить для всѣхъ церквей г. Харькова приличную однообразную ризницу, которая бы могла употребляться въ высокаторжественные дни, по прилагаемому образцу, по которому устроена такая же ризница для всѣхъ церквей С.-Петербурга¹⁾. Консисторія 30 іюля 1859 года сдѣлала соотвѣтствующее распоряженіе²⁾. Устроенная въ этомъ году ризница въ послѣдствіи, именно въ 1867 году, по распоряженію преосв. Макарія, какъ уже значительно износившаяся, въ нѣкоторыхъ харьковскихъ церквахъ была замѣнена новою³⁾. Ризница эта употреблялась харьковскимъ духовенствомъ собственно въ высокаторжественные дни при архіерейскихъ служеніяхъ царскихъ молебновъ и въ крестныхъ ходахъ. Преосв. Макарій требовалъ, чтобы харьковское духовенство все обязательно участвовало въ архіерейскихъ служеніяхъ, совершавшихся въ кафедральномъ соборѣ въ дни, съ которыми соединялись какія либо особенныя торжества—церковныя, или гражданскія. Виновныхъ въ неисполненіи этого его требованія онъ подвергалъ строгимъ взысканіямъ. Такъ, когда харьковской градскій благочинный, прот. І. Гапововъ донесъ преосв. Макарію, что нѣкоторые протоіереи и священники г. Харькова не были на царскомъ молебнѣ въ кафедральномъ соборѣ 6 декабря 1859 года, то на этомъ докладѣ благочиннаго онъ положилъ 13 декабря слѣдующую резолюцію: „взыскать по пяти рублей сер. штрафу съ cadaго изъ означенныхъ виновныхъ—и на будущее время взыскивать по пяти рублей съ cadaго изъ священнослужителей, кто безъ причины не явится на торжественное молебствіе въ какой либо высокаторжественный день. Всѣ протоіереи долж-

¹⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 268. Изъ письма преосв. Макарія къ брату отъ 6 августа 1859 года видно, что ризница устроилась собственно въ виду пріѣзда Государя Императора въ Харьковъ „Ризницу для всего Харькова, писалъ преосв. Макарій, я устрою точно такую, какъ мой саккошь, шила у Сатова. Это въ пріѣздъ Государя. Только успѣть ли?“

²⁾ (м. тамъ же за 1867 г. дѣло № 137.

ны являться на такія молебствія непременно, хотя бы были очередными, передавая въ эти дни свою череду младшимъ священникамъ“¹⁾. Впослѣдствіи онъ неоднократно подтверждалъ это свое распоряженіе и неисполнявшихъ его неопустительно подвергалъ взысканіямъ. Такъ, на объясненіи харьковскихъ протоіереевъ и священниковъ, кто изъ нихъ и почему не былъ на царскомъ молебнѣ 8 сентября 1860 года, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, преосв. Макаріій 15 сентября положилъ такую резолюцію: „священнику Θεодору сдѣлать замѣчаніе. Подтвердить, чтобы въ высокаторжественные дни являлись на молебствія въ соборъ настоятели всѣхъ церквей, а позднія литургіи въ этихъ церквяхъ служили ихъ товарищи“²⁾. Между тѣмъ въ 1862 году въ день Богоявленія не всѣ священнослужители. Харькова собрались въ кафедральный соборъ для совершенія крестнаго хода на рѣку. Благочинный прот. І. Шероцкій донесъ объ этомъ преосв. Макарію съ прибавленіемъ, что причтъ Благовѣщенской церкви совершилъ 6 января отцѣльный крестный ходъ на рѣку. Преосв. Макаріій на рапортъ благочиннаго 9 января 1862 года положилъ такую резолюцію: „недавній обычай Благовѣщенской церкви отмѣнить. У всѣхъ небывшихъ на крестномъ ходу потребовать объясненія и потомъ доложить съ мнѣніемъ“. По разсмотрѣніи дачныхъ виновными объясненій, консисторія рѣшила не подвергать ихъ отвѣтственности, но на будущее время обязать всѣхъ являться 6 января въ кафедральный соборъ“³⁾. Однако же и послѣ того являлись среди харьковскаго духовенства ослушники воли своего архипастыря, котораго это крайне огорчало. Между прочимъ, 8 января 1868 года прот. І. Шероцкій, донося преосв. Макарію о томъ, что въ крестномъ ходу 6 ян-

¹⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 503.

²⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 307.

³⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 10.

Труды Киев. Дух. Акад. Т. I 1896 г.

вари не участвовали нѣкоторые священники кафедральнаго собора—Н. Софроновъ, настоятели Вознесенской и Всѣхъсвятской церквей и діаконы (Петинъ и Невпрятинъ), просили оштрафовать ихъ 3 руб. въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія и выразить имъ свое неудовольствіе съ тою цѣлію, чтобы лѣнливые рабы Господни на будущее время были ревностными исполнителями своего долга, „такъ какъ“, добавлялъ благочинный, „малое число священниковъ и діаконовъ отнимаетъ много благолѣпія у крестныхъ ходовъ 6 января, а для многочисленнаго православнаго народа, сопровождающаго ходъ, подаетъ поводъ къ осужденію духовенства, и неявляющіеся на крестный ходъ священники и діаконы явно и самонадѣнно обнаруживаютъ небрежность въ исполненіи обязанностей“. Преосв. Макарій на этомъ докладѣ благочиннаго 8 января положилъ такую резолюцію: „взыскать съ каждаго изъ небывшихъ въ крестномъ ходу священнослужителей по 3 руб. въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія и объявить этимъ священнослужителямъ, что мнѣ крайне прискорбно видѣть такую ихъ небрежность къ своему долгу, и притомъ такъ открыто показываемую ими предъ всѣмъ народомъ не къ чести такого званія, а еще прискорбиѣ мнѣ побуждать ихъ къ исполненію долга штрафами“¹⁾.

Побуждая неисправныхъ членовъ подчиненнаго духовенства къ исполненію своихъ обязанностей наказаніями, преосв. Макарій въ одинаковой степени былъ милостивъ и щедръ въ награжденіи тѣхъ изъ нихъ, кто былъ ревностнымъ исполнителемъ своего долга, особенно въ отношеніи церковнаго благочинія и заботъ объ украшеніи храмовъ и благолѣтіи богослуженія въ нихъ. Всякая поѣздка его по епархіи сопровождалась такими именно поощреніями исполнительныхъ священнослужителей. Приведемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ фактовъ. 26 августа 1862 года преосв. Макарій далъ

¹⁾ См. тамъ же за 1868 г. дѣло № 21.

слѣдующее предложеніе харьковской духовной консисторіи: послѣ обозрѣнія мною части епархіи съ 3 по 17 августа и сдѣланных мною наблюденій, предлагаю консисторіи: 1) объявить архипастырскую мою признательность а) настоятелю свято-горскаго монастыря, архимандриту Герману за его отлично ревностные труды для благоустроенія и процвѣтанія обители и за примѣрный порядокъ и благочиніе, господствующіе въ обители; б) благочинному Гутникову за весьма ревностное прохожденіе имъ своей должности и за усердное, безвозмездное обученіе дѣтей своего прихода; в) благочинному Лашенкову за весьма усердное прохожденіе имъ своей должности и г) священнику с. Кривой Луки Алексѣю Лашенкову за весьма усердное и успѣшное обученіе дѣтей поселянъ грамотѣ; 2) объявить архипастырское благословеніе настоятелямъ и старостамъ церквей: соборной г. Изюма, соборной г. Славянска, с. Богодаровки, с. Надеждовки и с. Знаменскаго за ихъ весьма ревностное усердіе къ поддержанію благолѣпія и украшенію св. храмовъ¹⁾. Подобнымъ образомъ во время обозрѣнія епархіи 11—17 августа 1864 года преосв. Макарій удостоилъ благодарности священника Троицкой церкви г. Зміева Рудинскаго за раченіе къ благолѣпію храма (впослѣдствіи предложеніемъ отъ 6 сентября 1864 года онъ, кромѣ того, назначилъ этого священника настоятелемъ змиевскаго собора съ возведеніемъ въ санъ протоіерея), священника с. Пришибы Петрова за чистоту въ церкви, с. Стратилатовки священника Толмачева и прихожанъ за чистоту въ церкви, а старосту того же села, кромѣ того, наградилъ похвальнымъ листомъ за усердіе его къ храму Божию²⁾. Такъ же точно 4 іюля 1862 года, при обозрѣніи церкви въ слободѣ Котельвѣ, преосв. Макарій изъявилъ благодарность за чистоту и великолѣпіе храмовъ Божіихъ—Вознесенскаго и Мироносицкаго—священ-

¹⁾ См. тамъ же за 1862 г. дѣло № 232.

²⁾ См. тамъ же за 1864 г. дѣло № 265.

нику *Θ. Рудинскому* и старостамъ *Михайлу Алтухову* и *Михайлу Гудзѣ* ¹⁾. Въ особенности часто и щедро во время самага путешествія по епархіи преосв. *Макарій* награждалъ священниковъ набедренниками. Такъ, напр., на рапортѣ благочиннаго 4-го округа сумскаго уѣзда священника *Ракшевскаго* о благосостояніи церкви его округа преосв. *Макарій* 29 іюля 1859 года положилъ такую резолюцію: „священникъ *Добредкій* за службу ревностную награждается набедренникомъ“. На такомъ же рапортѣ благочиннаго 4-го округа ахтырскаго уѣзда священника *Θ. Станкевича* и того же числа преосв. *Макарій* написалъ: „священниковъ—*Пестрякова*, *Ковалевскаго* и *Гнѣдича* за долгую безпорочную службу наградить набедренниками“ ²⁾. Такъ же точно на рапортѣ благочиннаго 3-го округа изюмскаго уѣзда прот. *Петра Власова* преосв. *Макарій* 28 августа 1859 года положилъ, между прочимъ, слѣдующую резолюцію: „священникамъ, означеннымъ подъ №№ 22, 26, 33, 57, 66 и 74 за ихъ долгодѣтельную службу выдать набедренники“ ³⁾. Однимъ словомъ, ни одинъ священникъ, въ приходѣ котораго все оказывалось исправнымъ, и храмъ котораго отличался, если и не благолѣпіемъ, то, по крайней мѣрѣ, чистотою, не оставляемъ былъ преосв. *Макаріемъ* безъ награжденія.

Вообще, съ полною справедливостію преосв. *Макарія* можно назвать добрымъ и заботливымъ начальникомъ харьковскаго духовенства. Предметомъ его заботъ о харьковскомъ духовенствѣ въ одинаковой мѣрѣ служило и содѣйствіе умственному развитію и улучшеніе матеріальнаго состоянія духовенства.

При самомъ первомъ своемъ знакомствѣ съ харьковскимъ духовенствомъ, преосв. *Макарій* нашелъ его „достаточно об-

¹⁾ См. тамъ же за 1868 г. дѣло № 243.

²⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 209.

³⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 327.

разованнымъ“, о чемъ и заявилъ въ своемъ отчетѣ Св. Синоду о благосостояніи харьковской епархіи за 1859 годъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе преосв. Макарій и съ своей стороны принималъ мѣры къ возвышенію умственнаго состоянія харьковскаго духовенства, и мѣры эти сопровождались значительнымъ успѣхомъ. При самомъ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста преосв. Макарій обращалъ особенное вниманіе на личныя достоинства кандидатовъ, искавшихъ этихъ мѣстъ, и, прежде всего, на ихъ образованіе. Онъ желалъ, чтобы священническія мѣста занимали лица, получившія полное семинарское образованіе. Между тѣмъ отъ его зоркаго глаза не укрылось, что окончившіе полный курсъ въ харьковской семинаріи уклонялись отъ поступленія на бѣднѣйшія мѣста сельскихъ священниковъ, куда преосв. Макарій, поэтому, вынужденъ былъ рукополагать кандидатовъ, по его мнѣнію, недостаточно образованныхъ. Въ виду этого, онъ 4 сентября 1859 года сдѣлалъ слѣдующее предложеніе харьковской дух. консисторіи: „изъ дѣлъ епархіальныхъ видно, что кандидатовъ на занятіе священническихъ мѣстъ, получившихъ полное воспитаніе въ харьковской семинаріи мало, и они рѣшительно не просятъ себѣ мѣстъ въ приходахъ низшихъ классовъ, которые остаются долго праздными, отчего на эти мѣста болѣею частію поступали и теперь поступаютъ діаконы и причетники, учившіеся не далѣе низшаго отдѣленія семинаріи. Находя это для епархіи очень невыгоднымъ, я предлагаю консисторіи войти въ соображеніе и представить мнѣніе—не нужно ли будетъ обратиться въ Св. Синодъ съ представленіемъ, дабы онъ разрѣшилъ принимаютъ изъ сосѣдственныхъ епархій воспитанниковъ, кончившихъ полный курсъ семинарскаго ученія, на занятіе священническихъ мѣстъ, на которыя не пожелаютъ поступить воспитанники мѣстной семинаріи“. Но консисторія въ своемъ мнѣніи указала преосв. Макарію дру-

¹⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 246.

гой способъ къ замѣщенію своими достойными кандидатами праздныхъ священническихъ вакансій. Въ докладной запискѣ консисторіи говорилось, что 1) праздныхъ священническихъ мѣстъ въ настоящее время нѣтъ; 2) окончившихъ полный курсъ харьковской семинаріи 41 чел. и, кромѣ того, сверхштатныхъ 60 священниковъ (17 изъ нихъ осталось въ штатѣ послѣ сокращенія штатовъ приходскаго духовенства и 43 священника были произведены на діаконскія вакансіи или низведены на причетническія мѣста за разные проступки въ надеждѣ исправленія). На этомъ докладѣ консисторіи преосв. Макарій 3 декабря 1859 года положилъ слѣдующую резолюцію: „утверждается. Представить списокъ священниковъ, состоящихъ не на штатныхъ мѣстахъ“¹⁾. Послѣ того преосв. Макарій, дѣйствительно, сталъ зачислять священно-церковно-служительскія мѣста почти исключительно за кандидатами изъ уроженцевъ харьковской епархіи, только въ исключительныхъ и весьма рѣдкихъ случаяхъ отступая отъ этого общаго порядка, причемъ все таки главнѣйшее вниманіе обращалъ на степень образованія кандидатовъ. На выдающіяся священническія и протоіерейскія мѣста въ епархіи онъ подыскивалъ кандидатовъ изъ окончившихъ курсъ духовныхъ академій. Такъ на рапортѣ о смерти протоіерея заштатнаго города Недригайлова В. Василькова преосв. Макарій 17 апрѣля 1863 года положилъ такую резолюцію: „Это протоіерейское мѣсто предложить наставникамъ семинаріи и училищъ, окончившихъ академическій курсъ“²⁾. На всѣ же вообще священническія мѣста въ епархіи онъ старался опредѣлять преимущественно окончившихъ курсъ семинарскаго ученія и неимѣвшихъ этого образованія кандидатамъ почти всегда отказывалъ, требуя въ то же самое время и отъ кандидатовъ діаконскаго сана соотвѣтствующаго образованія. Такъ, на прошеніи діакона Предтеченской

¹⁾ См. тамъ же за 1859 г. дѣло № 344.

²⁾ См. арх. харьк. сем. прав. за 1863 г. дѣло № 25.

церкви с. Пашковки изюмского уѣзда Θεодора Дикарева о предоставленіи ему священническаго мѣста въ слободѣ Новонавловкѣ того же уѣзда преосв. Макарій 19 мая 1867 года положилъ такую резолюцію: „проситель не можетъ быть священникомъ, по степени своего образованія“. Подобнымъ образомъ и на прошеніи прихожанъ с. Подлѣсовки о переводѣ дьячка Покровской церкви г. Сумъ Петра Григорьева въ ихъ приходъ дьячкомъ, но съ рукоположеніемъ въ санъ діакона преосв. Макарій 12 мая 1867 года положилъ такую резолюцію: „объявить прихожанамъ, что этотъ дьячекъ, по степени своего образованія, не можетъ быть произведенъ во діакона, а можетъ быть перемѣщенъ къ нимъ только въ качествѣ дьячка, если пожелаетъ“ ¹⁾. На прошеніи діакона слободы Марковки, старобѣльскаго уѣзда Александра Твердохлѣбова о рукоположеніи его въ священника въ томъ же приходѣ преосв. Макарій 28 іюля 1867 года написалъ: „отказать, такъ какъ окончившіе курсъ еще не размѣщены“ ²⁾. На собственноручномъ прошеніи „изъ ключеннаго изъ средняго *отдѣленія* харьковской семинаріи“ ученика Вас. Пономарева о предоставленіи ему діаконскаго мѣста преосв. Макарій 9 апрѣля 1867 года положилъ слѣдующую резолюцію: „такого безграмотнаго ученика средняго *отдѣленія* семинаріи нельзя удостоить діаконскаго сана; а на причетническое мѣсто онъ можетъ поступить“ ³⁾. Только продолжительная и особенно ревностная служба въ санѣ діакона давала, по мнѣнію преосв. Макарія, діаконамъ право проситься на священническія мѣста подѣль, конечно, условіемъ, если вмѣстѣ съ ними не просились окончившіе полный курсъ семинарскаго ученія. Такъ, на прошеніи деревковскаго сельскаго учителя, окончившаго курсъ средняго *отдѣленія* семинаріи Димитрія Попова, отъ 9 августа

¹⁾ См. Хар. Еп. Вѣд. 1867 г. № 11.

²⁾ См. тамъ же за 1867 г. № 14.

³⁾ См. арх. Харьк. дух. консист. по описи общ. дѣламъ за 1867 г. дѣло № 57.

1864 года преосв. Макарій положилъ такую резолюцію: „отказъ: пусть сначала послужитъ діакономъ“¹⁾.

Въ отношеніи къ служившему уже духовенству преосв. Макарій также принималъ мѣры, которыя должны были содѣйствовать отчасти поддержанію, воспроизведенію и сохраненію прежде пріобрѣтенныхъ ими познаній, отчасти же расширенію ими прежнихъ своихъ познаній путемъ самообразованія, чтенія подходящихъ сочиненій. Такую именно цѣль имѣло заведеніе духовныхъ библіотекъ, которому весьма охотно и энергично покровительствовалъ преосв. Макарій въ Харьковѣ. Еще въ первое время своего управленія харьковскою епархіею преосв. Макарій охотно разрѣшалъ заведеніе церковныхъ библіотекъ и содѣйствовалъ исполненію ихъ выдающимся богословскими сочиненіями. Такъ, 30 апрѣля 1860 года онъ разрѣшилъ благочинному 1-го округа ахтырскаго уѣзда прот. Андрею Попову выписать на кошелевкую сумму всѣ русскіе духовные журналы, по одному въ каждую церковь округа, такъ чтобы причты различныхъ церквей мѣнялись между собою журналами²⁾. 20 февраля 1861 года онъ самъ предложилъ харьковской духовной консисторіи сдѣлать распоряженіе о выпискѣ по экземпляру въ двѣ церкви cadaго благочинія, болѣе достаточныя средствами, сочиненіе проф. Голубева: „обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ коринѣянамъ“. СПБ. 1861 г.³⁾. Въ слѣдующемъ 1861 году преосв. Макарій рѣшилъ завести въ Харьковѣ благочинническую библіотеку, которая бы могла служить образцомъ для подобныхъ библіотекъ и въ другихъ мѣстахъ харьковской епархіи. Между прочимъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ харьковскихъ священнослужителей въ ноябрѣ этого года онъ сдѣлалъ намекъ, что было бы весьма хорошо завести общую библіотеку для чтенія общими сред-

¹⁾ См. тамъ же за 1864 г. дѣло № 208

²⁾ См. тамъ же за 1860 г. дѣло № 161.

³⁾ См. тамъ же за 1861 г. дѣло № 97.

ствами харьковскаго градскаго духовенства. Это дало бы возможность харьковскимъ священнослужителямъ имѣть подъ рукою для чтенія всѣ духовные журналы и лучшія духовнаго же содержанія книги. Лицо, которому передалъ свою мысль пресв. Макарій, по предварительномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми изъ священнослужителей харьковскихъ церквей, представило архипастырю 5 декабря 1862 года докладную записку съ изложеніемъ причинъ, по которымъ общая библіотека для чтенія признается необходимою въ Харьковѣ, и основаній, на которыхъ она можетъ быть заведена. Нѣкоторые изъ священнослужителей приходскихъ церквей г. Харькова, говорилось въ запискѣ, выписываютъ на собственный счетъ по одному, по два и по три издаваемыхъ ежегодно духовныхъ журналовъ, многіе же не могутъ приобрѣтать не только экземпляра одного журнала, но и одной книжки хорошей духовнаго содержанія. Таковы, напр., діаконы, состоящіе на причетническихъ вакансіяхъ и имѣющіе семейства. Между тѣмъ выписывающіе и по три журнала все таки не имѣютъ возможности читать прочіе духовные журналы, которыхъ въ настоящее время издается довольно. Охота же къ чтенію у всѣхъ есть, и каждый изъ священнослужителей радъ бы въ свободное время заняться чтеніемъ полезной книги, да негдѣ взять ее, просить же у выписывающаго не всегда можетъ, потому что вообще книги даются другимъ для чтенія частными лицами съ неохотою, изъ опасенія, не пропала бы книга. Заводить библіотеки, хотя бы и небольшія, при церквяхъ, на счетъ кошелевой суммы какъ-то доселѣ не удается, потому что церковные старосты не сочувствуютъ въ этомъ дѣлѣ священнослужителямъ. Мало того, что не сочувствуютъ, а по какой-то непонятной неуступчивости вовсе не соглашаются давать церковныя деньги на выписку книгъ: они вообще считаютъ болѣе важнымъ и съ ихъ стороны единственно нужнымъ „старанье“ о ви́шнемъ украшеніи храмовъ, нежели о приобрѣтеніи для церкви полезныхъ книгъ. Потому для доставленія возможности священно-

служителямъ харьковскихъ приходскихъ церквей, выписывающимъ нѣкоторые журналы, читать всѣ выходящіе каждаго-но журналы духовнаго содержанія и другія полезныя книги, и для доставленія удобства тѣмъ, которые не въ состояніи сами приобрѣтать книгъ для чтенія, имѣть таковыя подъ рукою, по примѣру духовенства московскихъ церквей, было бы полезнымъ учредить библіотеку—для чтенія книгъ собственно приходскихъ церквей города Харькова, конечно, несравненно въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, какъ дѣлается это въ Москвѣ. Но такъ какъ въ Харьковѣ по разнымъ дѣламъ съѣзжается духовенство изъ всей епархіи, и нѣкоторые священнослужители, также окончившіе курсъ воспитанники семинаріи нерѣдко проживаютъ въ Харьковѣ довольно времени въ ожиданіи мѣста, пока оно гдѣ-либо откроется, или по другимъ причинамъ, то, чтобы занять вниманіе проживающихъ въ Харьковѣ священнослужителей и воспитанниковъ семинаріи и доставить имъ способъ употребить это время съ пользою для ума, было бы полезнымъ предоставить имъ право пользоваться книгами для чтенія изъ общей библіотеки харьковскихъ приходскихъ церквей. Между прихожанами церквей есть также любители полезнаго чтенія книгъ духовнаго содержанія, а имѣть собственныя книги для чтенія не всѣ могутъ, приобрѣтать ихъ—не многіе въ силахъ, почему и ихъ охотѣ къ чтенію могли бы удовлетворять приходскіе священники, заимствуя книги изъ общей библіотеки. Затѣмъ въ запискѣ подробно излагались основанія, на которыхъ могла бы быть учреждена общая библіотека для чтенія приходскихъ церквей г. Харькова. Библіотека могла содержаться, по примѣру московской епархіальной библіотеки, на добровольныя пожертвованія деньгами и книгами отъ церквей и лицъ духовныхъ не только приходскихъ харьковскихъ церквей, но, по возможности, и другихъ, напр., монастырей и настоятелей ихъ. Завѣдываніе библіотекою должно находиться въ рукахъ градскаго харьковского благочиннаго и особаго библіотекаря, который изби-

рается съ согласіа священно-служителей округа и утверждаетъ архіереемъ. Библіотека должна имѣть постоянное помѣщеніе, которое намѣчалось въ одной изъ комнатъ харьковскаго духовнаго училища, или духовной консисторіи. Въ бібліотеку, смотря по средствамъ, должны выписываться не только всѣ каждагодно выходящіе журналы духовнаго содержанія, но и книги, особенно заслуживающія вниманія по своему содержанію догматическому, историческому, полемическому, церковно-богослужебному и проч., также замѣчательные журналы и книги свѣтской литературы.—На этой докладной запискѣ преосв. Макарій 10 декабря 1862 года написалъ такую резолюцію: „благословляю и для начала дѣла жертвую съ своей стороны 25 руб. сер. и нѣсколько книгъ, которыя будутъ доставлены въ бібліотеку въ свое время. Подробности дѣла, какъ здѣсь изложенныя, такъ и другія, какія понадобятся, предоставляю самому харьковскому духовенству подѣлнѣмъ благочиннаго, который въ случаяхъ нужды имѣеть докладывать мнѣ о томъ словесно“¹⁾. Такъ была заведена въ Харьковѣ, по инициативѣ преосв. Макарія, церковная бібліотека. Она помѣщалась въ одной—свѣтлой и удобной комнатѣ въ зданіи духовной консисторіи. Въ 1863 году въ нее выписывались всѣ духовные журналы, а изъ свѣтскихъ: Лень, Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи и Русское слово. Изъ отчета о состояніи бібліотеки за 1864 годъ видно, что въ теченіи этого года на содержаніе бібліотеки поступило добротныхъ пожертвованій 119 р. 76 коп. Кромѣ 37 протоіереевъ и священниковъ градскихъ церквей, книгами изъ бібліотеки пользовались 12 діаконѣвъ, 5 причетниковѣвъ, 4 окончившихъ курсъ семинаріи, 7 учениковъ семинаріи, 6 чиновниковъ консисторіи, 6 чиновниковъ другихъ вѣдомствъ и нѣсколько священниковъ церквей ближайшихъ селъ—харьковскаго и зміевского уѣздовъ²⁾. Изъ отчета о состояніи бібліотеки за 1866

¹⁾ См. Дух. Вѣстн. 1863 г. т. 4 стр. 249—254.

²⁾ См. Дух. Дневн. 1865 г. Прилож. № 8.

годъ видно, что тогда въ библіотекѣ имѣлось уже книгъ духовнаго содержанія 245 т. и свѣтскаго—140; пользовались книгами библіотеки 40 человекъ духовнаго и свѣтскаго званія¹⁾.

По примѣру харьковской градской библіотеки, преосв. Макарій рекомендовалъ открывать и другія библіотеки, въ епархіи и при отдѣльныхъ церквяхъ и при цѣлыхъ благочинническихъ округахъ. Такъ, 31 мая 1866 года онъ утвердилъ слѣдующее опредѣленіе харьковской духовной консисторіи, состоявшееся въ силу его предложенія: „вмѣнить благочиннымъ въ обязанность какъ при своихъ церквяхъ заводить, по мѣрѣ средствъ, библіотеки, такъ располагать и подвѣдомые имъ причты учреждать таковыя же библіотеки при церквяхъ, на счетъ остатковъ отъ церковныхъ, кошелековыхъ и др. суммъ“²⁾. А нѣсколько позже, на донесеніи благочиннаго 2-го округа волчанскаго уѣзда прот. Василя Гутникова о томъ, что въ его округѣ открыта благочинническая библіотека, по постановленію окружнаго съѣзда, бывшаго 10 января 1868 г. и постановившаго вносить въ пользу этой библіотеки ежегодно съ каждаго священника по 3 руб., діакона по 1 р. и причетника по 50 коп. и что въ 1868 г. было собрано всего на библіотеку 61 руб., на которые выписаны 9 духовныхъ журналовъ, 1 газета и 3 свѣтскихъ журнала, преосв. Макарій 2 мая 1868 года положилъ такую резолюцію: „очень пріятно: рекомендую это въ примѣръ и другимъ благочинническимъ округамъ, гдѣ нѣтъ еще такихъ библіотекъ“³⁾. Въ томъ же 1868 году преосв. Макарій вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ причтамъ и старостамъ пріобрѣсти для церковныхъ библіотекъ тѣ книги, какія были поименованы въ списокѣ, приложенномъ къ указу Св. Синода отъ 2 декабря 1867 года, если не вдругъ, то постепенно, по мѣрѣ возможности, а благочиннымъ—наблюдать за исполненіемъ этого его распоряженія, особенно

¹⁾ См. Х. Е. Вѣд. 1867 г. № 14.

²⁾ См. Духовн. Вѣсти. 1866 г. Приложенія № 12.

³⁾ См. арх. харьков. дух. конс., по описи общ. дѣламъ за 1868 г. дѣло № 155.

въ церквяхъ, нескудныхъ матеріальными средствами, и въ мѣстностяхъ, гдѣ привилось сознаніе пользы грамотности и пробужденіе любви къ просвѣщенію“ ¹⁾).

Вообще, благодаря принятымъ преосв. Макаріемъ мѣрамъ въ харьковской епархіи явилась цѣлая серія духовныхъ, церковныхъ библіотекъ, служившихъ весьма краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пробужденія умственныхъ интересовъ и любви къ книжному чтенію въ харьковскомъ духовенствѣ. Кромѣ харьковской благочиннической библіотеки, такихъ же библіотекъ въ Сумахъ и Чугуевѣ и старобѣльской уѣздной библіотеки,—писалъ преосв. Макарій въ своемъ отчетѣ Св. Синоду о благосостояніи епархіи за 1866 годъ, „существуютъ въ епархіи почти при всѣхъ церквяхъ, за исключеніемъ недавно устроенныхъ, небольшія библіотеки. Книги во всѣхъ прописанныхъ библіотекахъ догматико-богословскія, церковно-историческія, по обрядословію, по каноническому праву, а всего больше правоучительныя.—слова и бесѣды отечественныхъ, и преимущественно мѣстныхъ, іерарховъ. Въ послѣднія пять лѣтъ всѣ церковныя библіотеки пополняются разными духовными періодическими изданіями. Весьма многіе священники имѣютъ и свои собственныя библіотеки. Изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній о библіотекахъ за прошлый годъ видно, что а) при нѣкоторыхъ церквяхъ библіотеки, судя вообще по средствамъ нашихъ церквей, достаточны, по крайней мѣрѣ, по объему своему; такъ, напр., библіотека валковскаго Преображенскаго собора имѣетъ 200 томовъ, библіотека слободы Богодаровки (изюмскаго уѣзда) Царице-Александровской церкви имѣетъ 200 тт., библіотеки валковскихъ церквей: Георгіевской, Рождество-Богородицкой и Благовѣщенской каждая по 100 тт., библіотеки церквей: Вознесенской слободы Люботина (валковскаго уѣзда) 100 тт., Николаевской слободы Коломака (валков. уѣзда) 125 тт. Рождество-Богородицкой с. Каплуновки (богодуховскаго уѣзда) 109 тт., Николаевской слободы Алексѣевки (старобѣльскаго

¹⁾ См. Харьк. Еп. Булг. 1868, т. V, стр. 489.
 Харьковская Духовная Академія и Семинарія,
<http://kdais.kiev.ua>

уѣзда) 100 тт.; б) всѣ церковныя библіотеки устроены на церковныя кошелековыя суммы: но есть и такія, которыя составлены средствами частныхъ лицъ, напр., въ упомянутой выше слоб. Богодаровой составилъ библіотеку на свой собственный счетъ церковный староста коллежскій ассессоръ Иванъ Плещеевъ, священникъ Петръ Дюковъ на свои средства образовалъ библіотеку въ слоб. Писаревкѣ волчанскаго уѣзда при своей приходской Покровской церкви; в) кромѣ церковныхъ библіотекъ, есть порядочная библіотека при люботинскомъ приходскомъ попечительствѣ (300 тт.) изъ книгъ, пожертвованныхъ членами попечительства; и г) кругъ читателей всѣхъ библіотекъ небольшой, преимущественно духовенство, но берутъ книги и немногіе міряне, преимущественно среднее сословіе. Кромѣ библіи и особенно четвероевангелія, мірянами исключительно читаются четьи-минеи, прологи и вообще сказанія о жизни и подвигахъ святыхъ и разные примѣры благочестія. Изъ духовныхъ журналовъ читаются народомъ „Странникъ“ (преимущественно повѣствовательный отдѣлъ его) и „Душеспольное чтеніе“ ¹⁾.

Слѣдующая мѣра преосв. Макарія также имѣла въ виду оживленіе умственнаго интереса и любознательности въ средѣ харьковскаго духовенства. Въ 1885 году, по распоряженію преосв. Макарія, при всѣхъ церквяхъ харьковской епархіи были заведены т. н. памятные тетради для записи особенно замѣчательныхъ въ приходѣ событій, имѣвшихъ большее или меньшее вліяніе на жизнь народа, духовенства, или на состояніе храма, болѣе или менѣе важныхъ благотвореній въ пользу храма, духовенства или приходскихъ бѣдныхъ; о лицахъ, отличавшихся особеннымъ благочестіемъ или особенною полезною дѣятельностію общественною и проч. ²⁾. Наконецъ, съ тою же цѣлію содѣйствія умственному развитію харьковскаго духовенства прессв. Макаріемъ были открыты

¹⁾ См. тамъ же за 1867 г. № 21 стр. 428—430.

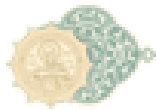
²⁾ См. тамъ же стр. 284.

въ Харьковѣ два духовныхъ журнала—одинъ еженедѣльный и другой ежемѣсячный, которые предназначены были имъ служить главнымъ образомъ нуждамъ и потребностямъ мѣстной епархіи. Вирочемъ, объ этихъ журналахъ и участіи преосв. Макарія въ нихъ у насъ будетъ особая рѣчь впереди. А въ настоящій разъ мы пока ограничимся однимъ только замѣчаніемъ, что харьковское духовенство во время управленія харьковскою епархіею преосв. Махарія было дѣйствительно образовано. Харьковская консисторія тогда имѣла своими членами священнослужителей, получившихъ высшее академическое образованіе, а нѣкоторые изъ членовъ консисторіи (протоіереи Гапоновъ, Шероцкій, Энеидовъ и Павловъ) имѣли высшую степень магистра богословія. Оба благочинные церквей г. Харькова за время преосв. Макарія также были изъ магистровъ академіи. Очень многіе приходскіе священники г. Харькова (Мерхалевъ, Лашенковъ, Софроновъ и др.) также имѣли высшее, академическое образованіе. Самъ преосв. Макарій въ отчетѣ своемъ св. Синоду о благосостояніи харьковской епархіи за 1866 годъ такъ отзывался о харьковскомъ духовенствѣ со сторонѣ образованія его: „священнослужители вѣрнной мнѣ епархіи въ большинствѣ своемъ достаточно образованы, особенно священники. Въ числѣ епархіальныхъ протоіереевъ и священниковъ: 18 получившихъ академическое образованіе, 597 окончившихъ полный курсъ семинаріи, 81 вышедшихъ изъ философскаго класса семинаріи, а 107 получившихъ достаточнаго образованія. И потому духовенство харьковской епархіи, какъ сословіе, пользуется достаточнымъ уваженіемъ народа, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что а) въ составѣ училищныхъ совѣтовъ были и священники по выбору земскихъ собраній и 2) въ 25 (изъ 50 открытыхъ въ епархіи) приходскихъ попечительствахъ предсѣдателями оныхъ избраны священники“¹⁾.

Ө. Титовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. тамъ же стр. 420.

ОПЫТЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(Продолженіе) *).

ГЛАВА 4-я.

Лейбницъ.

Новый принципъ мышленія и познанія (*principium rationis sufficientis*). Душа, какъ самостоятельная и самодѣятельная сущность. Критика свободы индифференціи. Непрерывность и внутренняя связность психическихъ дѣятельностей. Влеченіе къ благу; блага чувствениныя и духовныя. Мотивы и ихъ сила. Условія свободы—разумъ и произвольность. Контингенція и ея отличие отъ необходимости. Зависимость человека отъ Бога. Идеальный характеръ контингенціи. Моральная необходимость.

„Спиноза отвергъ свободу и контингенцію вслѣдствіе того убѣжденія, что существующее и бывающее есть единственно возможное, ибо при такомъ только предположеніи можно утверждать, что все происходитъ и бываетъ съ чистого-геометрическою, голою необходимостію* 1). Давая такое сужденіе о философіи Спинозы, Лейбницъ пытается провести глубокую грань между этою и своею собственною философіею. Спиноза выводилъ необходимость изъ самой природы безконечной субстанціи при помощи принципа тождества и противорѣчія; вся его система была построена дедуктивно, исключительно только по одному этому принципу. Лейбницъ не считаетъ одного этого принципа вполне достаточнымъ для собственной системы и присоединяетъ къ нему еще принципъ довлѣющаго или опредѣляющаго основанія (*principium rationis sufficientis sive determinantis*), меж-

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи, м. февраль 1896 г.

1) Leibnitz. Theodicee Par. 11. § 371.

ду прочимъ и въ томъ соображеніи, что, если принципъ тождества или противорѣчія самъ по себѣ способенъ вести только „къ чисто-геометрической, голой, необходимой и невыносимой необходимости“, то этотъ новый принципъ можетъ „дать средства, если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ значительно ослабить“ эту необходимость. Такимъ образомъ Лейбницъ уже въ силу одного своего новаго, гносеологическаго принципа, обязуется съ своей стороны болѣе благопріятное отношеніе къ человѣческой свободѣ, чѣмъ Спиноза. Но еще больше заставляетъ ожидать отъ него этого его особое понятіе о душѣ человѣческой, какъ о самостоятельной субстанціи, какъ бы объ *entelехіи* или энергіи, непрерывно дѣйствующей своею собственною силою изъ себя и для себя. Въ этомъ пунктѣ Лейбницъ явно возвышается и надъ формализмомъ Спинозы и надъ механизмомъ Декарта: онъ видитъ въ душѣ нѣчто большее, чѣмъ одно-абсолютное голое мышленіе, нѣчто такое, что гораздо болѣе выражаетъ природу субстанціи, именно,—бьющую ключемъ энергію, живую стремительность самораскрытія; душа для него не есть только преемственная смѣна перцепцій, представленій, мыслей, но также и непрерывная череда желаній, влеченій, усилій. Въ добавокъ къ этому души у Лейбница совершенно независимы другъ отъ друга и отъ всего внѣшняго міра: ни одна изъ нихъ, согласно съ *principio indiscernabilium*, не похожа совершенно на другую, такъ какъ каждая имѣетъ ей одной свойственныя комбинаціи перцепцій и идей, видитъ и отражаетъ въ себѣ вещи съ своей собственной точки зрѣнія, имѣетъ свои особыя склонности и стремленія и опредѣляется къ дѣятельности согласно съ своей собственной исторіей и съ своими собственными законами. Послѣ всего этого, можно и не удивляться тому, что Лейбницъ, вмѣсто того, чтобы негодовать, какъ Спиноза, на людей за того, что они, гордясь своею свободою, тѣмъ самымъ претендуютъ составлять изъ себя особую имперію въ имперіи божественнаго необходимаго и неизмѣннаго міропорядка,—напротивъ прямо и формально признаетъ, что каждая субстанція или душа *eo ipso* есть какъ бы имперія

въ имперіи, хотя въ то же время дѣятельность каждой субстанціи въ каждый моментъ согласуется съ дѣятельностію всѣхъ остальныхъ. Однако, попытаемся проникнуть глубже въ доктрину Лейбница, присмотрѣться къ ея строенію поближе, чтобъ имѣть возможность съ точностію опредѣлить природу и объемъ той независимости, самовластности или свободы, которую онъ усвоаетъ своимъ субстанціямъ, или душамъ.

Прежде всего,—свободу въ смыслѣ чистой индифференціи Лейбницъ отвергаетъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ Малербраншъ и Спиноза. Такой индифференціи никогда не бываетъ въ дѣйствительности, да она и невозможна. На самомъ дѣлѣ мы никогда не бываемъ на столько индифферентны къ двумъ дѣйствіямъ, чтобъ для насъ совершенно безразлично было то ли, или другое изъ нихъ для себя избрать; напротивъ, всегда тутъ должно предполагать нѣчто, наклоняющее нашу волю въ одну сторону больше, чѣмъ въ другую,—должно предполагать вотъ почему. Каждое психическое состояніе данной минуты есть слѣдствіе цѣлаго предъидущихъ состояній, и въ свою очередь само становится звеномъ, обуславливающимъ рядъ будущихъ состояній. Но не всегда, напротивъ очень рѣдко сознается нами ясно дѣйствіе тѣхъ или другихъ звеньевъ предъидущаго ряда, и вотъ почему намъ очень часто кажется, что мы бываемъ совсѣмъ индифферентны по отношенію къ тому или другому дѣйствію, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ насъ дѣйствуетъ, нами движетъ цѣлая масса мотивовъ въ видѣ смутныхъ, темныхъ перцепцій, стимулирующихъ желаніе и волю всегда больше въ одну сторону, чѣмъ въ другую; очевидно, что только отсутствіе яснаго сознанія объ этихъ мотивахъ даетъ намъ нашу мнимую индифференцію. Наша душевная жизнь, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ двѣ области—область дня и полнаго свѣта, гдѣ мы ясно и отчетливо видимъ все—не только наши желанія и дѣйствія, но также и основанія, почему мы этого именно желаемъ, такъ именно поступаемъ, и область сумрака, ночной темноты, гдѣ мы ничего ясно различать не можемъ, и вслѣдствіе этого склонны ошибочно

думать, что тутъ ничего и нѣтъ. Между тѣмъ, и въ душѣ нѣтъ и не можетъ быть пустоты, какъ нѣтъ ея въ природѣ; всегда въ ней есть, большая или меньшая сумма такихъ или иныхъ смутныхъ, слабыхъ перцепцій, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, и этимъ обусловливается наша психическая непрерывность, этимъ наполняются кажущіеся намъ пустыми промежутки между состояніями, ясно и отчетливо сознаваемыми. Поэтому, когда мы рефлектируемъ надъ своими дѣйствіями, когда стараемся дать себѣ въ нихъ отчетъ, мы обыкновенно раньше или позже находимъ то или другое основаніе, которое склонило насъ именно на ту сторону, которую мы избрали. Допустить же, что иногда такого основанія совсѣмъ не бываетъ, значило бы съ тѣмъ вмѣстѣ и отрицать въ этомъ самомъ случаѣ дѣйствительность и возможность выбора, такъ какъ избирать не что иное значить, какъ становиться на сторону одного изъ нѣсколькихъ основаній, или такъ какъ избраніе, т. е. предпочтеніе по самому существу и понатію своему есть предпочтеніе того, что признало его заслуживающимъ, слѣдовательно никоимъ образомъ не можетъ осуществиться безъ резона, или принципа. А если въ разсматриваемомъ случаѣ не возможенъ выборъ, то не возможна и воля, такъ какъ и сущность воли въ томъ состоитъ, что она одного хочетъ больше, чѣмъ другаго; воли же безъ всякихъ мотивовъ и основаній, т. е. безъ разума была бы чистымъ случаемъ эликурейцевъ¹⁾. Итакъ, мы никогда не бываемъ и не можемъ быть въ состояніи полной индифференціи, потому что никогда не бываетъ въ нашей душѣ и не можетъ быть совершеннаго равновѣсія мотивовъ. Бурдановская²⁾ гипотеза ослицы, сто-

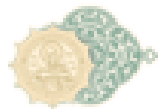
¹⁾ 4 Ecrit. contre Clarko. Ed. Janet t. II p. 635.

²⁾ У насъ уже два раза упоминалась эта Бурдановская гипотеза (въ заключеніи обзорнаго схоластич. стр. 89 и отъ лица Спинозы), а между тѣмъ въ сочиненіяхъ самого Бурдана нигдѣ не оказывается этой пресловутой ослицы. Бѣроутѣе всего, что свѣдѣніе о ней до Спинозы и Лейбница должно быть изъ традиціи, первымъ виновникомъ которой былъ кто-либо, знавшій и слышавшій самого Бурдана. Несомнѣнно одно, — что не Бурданъ первый привнесъ

ящей среди двух луговъ на совершенно равномъ разстояніи отъ обоихъ и долженствующей умереть отъ голода при отсутствіи воли, которая бы своею силою наклонила живое существо въ одну сторону больше, чѣмъ въ другую и прекратила бы это состояніе индифференціи, — „естъ чистая фикція, не могущая осуществиться во вселенной, въ порядкѣ природы, ибо нельзя же допустить, чтобъ прямая линія, проходящая вдоль ослицы и всю вселенную направо и налево отъ нея дѣлала на такіе двѣ части, которыя бы были совершенно равны, такъ какъ ни части вселенной по ту и другую сторону этой линіи, ни даже органы и части самого животного не могутъ быть абсолютно равными во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому-то и въ самой ослицѣ и во вселенной найдется много такого, что намъ, пожалуй, и неизвѣстно, но что непременно направить глаза и ноги ослицы на одну, а не на другую сторону“¹⁾. Тѣмъ болѣе человѣкъ не можетъ быть со-

ее. Шопенгауеръ въ своемъ трактатѣ о свободѣ воли (глава 3-я) говоритъ: „этотъ примѣръ ослицы гораздо древнѣе Бурдана, ибо встрѣчается у Данта, который, говоря не объ ослицѣ, а людяхъ, начинается 4-ю книгу своего Раа такими терцетомъ: между двумя лѣстами, равно къ себѣ влекущими, находясь на равномъ отъ нихъ разстояніи, человѣкъ свободно колеблется и умираетъ прежде, чѣмъ вкусить одного изъ нихъ. Но онъ гораздо древнѣе даже Данта, ибо уже Аристотель выразилъ ту же мысль (de Caelo II, 13). По поводу того мнѣнія Анаксимандра, что земля неподвижна по той причинѣ, что находясь на равномъ разстояніи отъ всѣхъ границъ пространства и имѣя къ каждой изъ нихъ одинаковое стремленіе, не можетъ имѣть наклона ни въ какую сторону преимущественно предъ всѣми остальными, но находится въ равновѣсіи, или въ покоѣ. Тутъ, по словамъ Аристотеля, допускается и доказывается изъ основанія похожаго на то, по которому будтобы неизбѣжна неподвижность голодающего и жаждущаго въ томъ случаѣ, когда то, что можетъ удовлетворить голодъ и жажду, находится по одну и по другую сторону отъ него на совершенно-равномъ разстояніи (Ἵσπερ ὁ λόγος... καὶ τοῦ περὶ ὧτος καὶ δι' ὧτος σφόδρα μὲν ὁμοίως δὲ καὶ τῶν ἐνδωρίμων καὶ ποτῶν ἴσον ἀπέχοντος... καὶ γὰρ τοῦτον ἤρεμεῖν ἀναγκαῖον...). Очевидно, что въ философскихъ школахъ даже раніе Аристотеля бывала рѣчь о свободѣ въ видѣ индифференціи, и что эта индифференція въ существѣ представляема была такъ же, какъ ее представляетъ образъ Бурдановой ослицы.

¹⁾ Theodic. I § 49. Ed. Janet t. II. p. 133.

вершенно индифферентнымъ по отношенію къ двумъ дѣйствіямъ, потому что для этого нужно было бы, чтобъ они были *actiones indiscernibiles*—были сходны до неразличимости, до тождества, т. е. были недвумя, а однимъ дѣйствіемъ. Гипотеза индифференціи или равновѣсія, слѣдовательно, есть чистая невозможность и нелѣпость, такъ какъ, по смыслу ея, человѣкъ долженъ выбирать между такими двумя дѣйствіями, которыя на самомъ дѣлѣ составляютъ одно дѣйствіе. Но, пусть и такъ,—пусть выборъ возможенъ только между такими дѣйствіями, которыя различны,—почему же нельзя допустить, что два дѣйствія, будучи различными и даже противоположными, не могутъ именно въ силу своей необходимости, при равной съ обѣихъ сторонъ инегибациі, произвести реального равновѣсія въ душѣ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ двѣ гири равнаго вѣса, положенныя на вѣсовые чашки? И это, по мнѣнію Лейбница, невозможно, потому что равновѣсіе двухъ вѣсовыхъ чашекъ устанавливается лишь благодаря тому обстоятельству, что давленіе двухъ равныхъ гирь на обѣихъ чашкахъ одновременно отражается, между тѣмъ какъ такая одновременность или совмѣстность равныхъ и противоположныхъ инклинацій въ душѣ не возможна, такъ какъ психическіе феномены не стоятъ на мѣстѣ въ пространствѣ, а текутъ, смѣняя другъ друга. Все, что можно допустить въ этомъ случаѣ, такъ это то, что душа тутъ будетъ нѣкоторое время колебаться то въ ту, то въ другую сторону и все это время у нея раздѣлится поровну между наклоненіями въ одну сторону и наклоненіями въ другую; но понятно, что это колебаніе есть уже нѣчто совмѣстное, чѣмъ чистая индифференція или совершенный покой равновѣсія.

Впрочемъ, даже въ гипотезѣ равновѣсія выборъ оказывается невозможнымъ, или точнѣе,—допущеніе его несовмѣстимо съ закономъ достаточнаго основанія. Выборъ между двумя дѣйствіями совершенно индифферентными былъ бы событіемъ непонятнымъ и неизъяснимымъ, потому что представлялъ бы собою такое событіе, для котораго нѣтъ

совсѣмъ никакого основанія, повода или причины. Понятно, что, еслибы въ такомъ разѣ и дѣйствительно наступило полное равновѣсіе въ душѣ, вслѣдствіе полного равенства двухъ инклинацій, то оно могло бы быть нарушено и побѣждено не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, еслибы душа сама изъ себя своею собственною силою произвела причину своей детерминаціи. Но душа ничего не можетъ производить, кромѣ такого ряда состояній, въ которомъ каждое послѣдующее обусловливается каждымъ предъидущимъ, и сказать, что она сама была причиною своей детерминаціи въ такомъ то дѣйствіи, не что иное значить, какъ признать, что она имѣла въ себѣ, хотя бы только въ скрытомъ, безсознательномъ видѣ, такое или иное влеченіе, стремленіе, которое и дало перевѣсъ избранному дѣйствію; а это въ свою очередь значить признать, что индифференція тутъ была мнимая, а не дѣйствительная, и что предпочтеніе тутъ имѣло для себя свое достаточное основаніе. Но произвести сама что либо новое, какую либо новую причину душа не можетъ, ибо это было бы истиннымъ твореніемъ, которое возможно только для одного Бога: „есть чудеса, которыя превосходятъ всѣ естественныя силы и которыя возможны для одного Бога,—такоево прежде всего чудо творенія и уничтоженія“¹⁾.

Итакъ, въ душѣ нашей всегда есть такое или иное опредѣляющее основаніе для каждого ея выбора, „и если не ангелъ, то Богъ всегда можетъ усмотрѣть, какая именно причина или какой инклинирующій мотивъ склонилъ чловѣка къ такому-то, а не къ другому дѣйствію. А что такое инклинирующее основаніе нами весьма часто не сознается ясно, а иногда даже при усиліи не можетъ быть найдено, то этому можно и не удивляться, если принять во вниманіе, что сцѣпленіе причинъ въ психической жизни иногда бываетъ очень сложно и идетъ всегда очень далеко“²⁾. Къ этой

¹⁾ 4 Ecrit. cōtre Clarke. Ed. Janet. t. II. p. 640

²⁾ Theodic. part. 1. § 49 Ed Janet. t. II. p. 134.

рѣшительной критикѣ мнимой свободы индифференціи Лейбницъ присоединяетъ критику доказательства свободы изъ сознанія, или изъ свидѣтельства внутренняго чувства. Строго говоря, рассуждаетъ онъ, у насъ нѣтъ и не можетъ быть яснаго, отчетливаго сознанія независимости, свободы, а если и есть нѣчто подобное, принимаемое нами за такое сознаніе, то оно именно есть слѣдствіе или простое выраженіе нашего незнанія тѣхъ неуволнимыхъ причинъ или мотивовъ, отъ которыхъ зависятъ наше рѣшеніе. Это незнаніе переходитъ въ сознаніе свободы настолько естественно, что, еслибы намагниченная стрѣлка испытывала удовольствіе отъ своего обращенія къ сѣверу, то и она подумала бы, что дѣлаетъ это сама по себѣ *свободно, независимо ни отъ какой внешней причины*, думала бы такъ вслѣдствіе своего полного незнанія о тѣхъ движеніяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ магнетической матеріи ¹⁾. Итакъ, изъ того, что мы не знаемъ ясно оснований своего рѣшенія, вовсе не слѣдуетъ, что такихъ оснований совсѣмъ нѣтъ; это значитъ только, что намъ трудно иногда усмотрѣть ихъ. „Изъ того, что мы не чувствуемъ необходимости, вовсе не слѣдуетъ, что ея совсѣмъ нѣтъ,—писалъ Лейбницъ Ганхсхію, и въ теодицеѣ: „итакъ, все внутри человѣка детерминируется съ такою же опредѣлительностію, какъ и все внѣ его, и душа человѣческая есть тоже автоматъ, но только особаго рода—именно *духовный*“ ²⁾.

Но—неужели душа наша также абсолютно лишена свободы, какъ всякій тѣлесный автоматъ? Воссе нѣтъ; напротивъ, отвѣчаетъ Лейбницъ, если автоматизмъ тѣлесный можно считать тождественнымъ съ абсолютнымъ отсутствіемъ свободы, или съ чисто-механическою, слѣпою необходимостію, то автоматизмъ духовный можно считать равносильнымъ полной, истинной свободѣ. Ибо что такое, въ самомъ

¹⁾ Theodic. part. I. § 50. Conf. Let. 4 Hinschius.

²⁾ Theodic. patr. I. § 52. Ed. Janet. t. 11 p. 135.

дѣлѣ, есть свобода? Она вовсе не есть простая и полная независимость отъ разума, или отъ всякихъ основаній, и не должна быть смѣшиваема съ свободою индифференціи, оказавшейся и не дѣйствительною и невозможною и нелѣпою. Вотъ что составляетъ отрицательную сторону понятія свободы, или что должны лежать внѣ ея понятія; въ составъ же понятія ея должны входить, какъ положительные конститутивные элементы—или признаки, самопроизвольность, (spontaneitas) разумность и контингенція. Согласно съ этимъ понятіемъ, свободнымъ существомъ можетъ и должно быть признаваемо такое, которое дѣйствуетъ прежде всего самопроизвольно, т. е. по своей охотѣ, ничѣмъ отъ него не вынуждаемое, потомъ дѣйствуетъ съ разумомъ, т. е. сознаніемъ, что дѣлаетъ и для чего, и, наконецъ, дѣйствуетъ контингентно, т. е. каждый разъ совершаетъ такое дѣйствіе, противоположность котораго нелѣпа и невозможна. Итакъ, свободна ли въ этомъ смыслѣ душа наша? Ея дѣйствія представляютъ ли въ себѣ соединеніе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ или условій истинной свободы?

И прежде всего,—дѣйствія наши суть ли разумныя, знаемъ ли мы, что дѣлаемъ, почему и для чего то, а не другое дѣлаемъ? Конечно,—и это само собою слѣдуетъ уже изъ отрицанія свободы индифференціи: такъ какъ каждое наше дѣйствіе имѣетъ для себя то или другое основаніе, и мы способны давать себѣ отчетъ въ такихъ основаніяхъ, то это и значить, что наши дѣйствія разумны, что они предваряются и сопровождаются разумніемъ, и вотъ почему нашъ разумъ предъявляетъ намъ очень часто, вмѣсто одного неотразимаго основанія, разомъ два менѣе очевидныя и менѣе сильныя основанія, которыя и борются затѣмъ каждое въ пользу одного изъ двухъ противоположныхъ дѣйствій, которыя можемъ избрать, выражая этимъ и вмѣстѣ упражняя нашу свободу. Вопросъ только въ томъ, каковы—какой природы тѣ основанія, которыя стимулируютъ посредствомъ разума нашу волю къ стремленіямъ и дѣйствіямъ? Самое главное между ними, или вѣрнѣе, первоисточникъ всѣхъ ихъ со-

стоитъ вотъ въ чемъ: душа наша, будучи твореніемъ Бога, Который есть верховное благо, имѣетъ чувство такого своего происхожденія, изъ котораго возникаетъ желаніе возможно-большаго приближенія къ тому источнику, изъ котораго она произошла и къ возможно болѣе полному пользованію истекающимъ изъ него благомъ,—и это постоянное, непрерывное вожелѣніе составляетъ основу ея бытія, ея глубочайшую и главнѣйшую тенденцію, ея главную энергію, можно сказать даже,—саму ея субстанцію и сущность. Но, насколько душа сознаетъ въ себѣ это вожелѣніе,—она вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе ясно познаетъ и объектъ его—благо, и чѣмъ это послѣднее познаніе у нея ставовится яснѣе и полнѣе, тѣмъ ея стремленіе къ благу становится, съ одной стороны, все болѣе и болѣе разумнымъ, и самоотчетливымъ, а съ другой, все болѣе и болѣе успѣшнымъ или плодотворнымъ, такъ какъ въ уровень съ увеличеніемъ знанія истинныхъ свойствъ и условій блага увеличивается и знаніе тѣхъ средствъ, которыми оно удобнѣе и прямѣе всего достигается. Но это знаніе можетъ имѣть различныя степени ясности и полноты и никогда не бываетъ вполне законченнымъ и совершеннымъ. Это потому, что душа наша имѣетъ ограниченный разумъ и всю природу вообще не вполне совершенную: она, конечно, совершеннѣе всѣхъ живыхъ существъ земли, но она не такъ совершенна, какъ высшія духовныя существа, недоступныя нашимъ чувствамъ; не обладая такимъ разумомъ, какъ эти послѣднія, она не можетъ и видѣть всего съ такою, какъ они ясностію и отчетливостію,—и прежде всего всѣхъ перцепцій, аффекцій, волненій, влеченій, которыя ее саму наполняютъ и волнуютъ,—не можетъ этого потому, что она соединена съ цѣлымъ царствомъ другихъ простѣйшихъ монадическихъ сущностей, которыя составляютъ ея тѣло и постоянно наполняютъ ее впечатлѣніями отъ своихъ смѣняющихся движеній, дѣятельностей, состояній. Не удивительно, что ея перцепции отъ этихъ впечатлѣвій, вслѣдствіе малости ихъ, бываютъ большею частію слишкомъ смутны и неясны, а вслѣдствіе большой множественности и сложности, нерѣдко слишкомъ сильны—настоя-

ко, что опредѣляютъ ее къ дѣяльности вкругъ, не давъ времени на размышленіе, а еще менѣе удивительно, что она какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ не видитъ ясно ни того, гдѣ лежитъ въ данномъ случаѣ ея истинное благо, ни того, какъ лучше достигнуть его, и вслѣдствіе этого часто ошибается въ оцѣнкѣ основаній, въ выборѣ цѣлей и средствъ къ ихъ достиженію. Но общее основаніе всѣхъ ея дѣйствій одно—благо, къ которому она неизмѣнно стремится, слѣдуя такому разумному правилу: изъ двухъ золъ избирать меньшее, изъ двухъ благъ—большее или лучшее, избирать всегда добро, избѣгать всегда зла. Если же, какъ намъ кажется, она иногда фактически поступаетъ наоборотъ, то это можетъ такъ казаться только на посторонній взглядъ, между тѣмъ какъ каждая душа, насколько она руководится собственнымъ взглядомъ или мѣрою собственного разумія, слѣдуетъ этому правилу неуклонно.

Однако бываетъ и такъ, что мы дѣлаемъ худшее, не смотря на то, что считаемъ его такимъ въ сравненіи съ другими лучшимъ, котораго однако не дѣлаемъ. Къ этому неоспоримому факту опыта Лейбницъ не относится, какъ Сократъ, съ пренебреженіемъ и отрицаніемъ; онъ сего не отрицаетъ, но старается его истолковать въ смыслъ своей доктрины, и даетъ ему такое глубокое изъясненіе. Душа, въ силу совершенства своей природы и связи съ Богомъ, стремится къ верховному благу, къ познанію его и обладанію имъ; вслѣдствіе этого разумъ, при встрѣчѣ съ нравственнымъ благомъ, всякій разъ заявляетъ душѣ, что оно выше блага чувственного и должно быть предпочтено ему. Но, по несовершенству своей природы она связана съ тѣломъ, чрезъ которое вторгаются въ нее впечатлѣнія отъ разныхъ благъ чувственныхъ, которыя естественно вызываютъ въ ней влеченіе къ себѣ. Это влеченіе въ свою очередь возбуждаетъ въ душѣ цѣлую массу малыхъ, смутныхъ, неясныхъ перцепцій, сквозь которую однако, какъ сквозь туманную или дымовую тучу, все еще просвѣчиваетъ ярко свѣтъ разумія истиннаго блага. Но цѣлая туча этихъ перцепцій и влеченій чувственныхъ, въ отдѣльности слабыхъ и смутныхъ,

сгущаясь все болѣе и болѣе, могутъ, наконецъ, совсѣмъ заслонить свѣтъ разума и дѣйствуя совмѣстно цѣлою массою, могутъ, перевѣсивъ влеченіе воли къ истинному благу, склонить ее къ избранію блага мнимаго, чувственнаго. „Воля, говоритъ Лейбницъ, всегда стремится къ истинному благу; если же она избираетъ вмѣсто добра зло, то это не по существу, или по истинѣ, а только *per accidens*, т. е. по ошибкѣ — потому что зло является ей какъ бы подъ маскою добра, и слова, вложенныя Овидіемъ въ уста Меды, — *video meliora proboque, deteriora sequor* означаютъ, что истинное благо перѣдко перевѣшивается благомъ пріятнымъ, производящимъ на душу болѣе сильное впечатлѣніе и возбуждающимъ въ ней болѣе сильное къ себѣ влеченіе въ особенности тогда, когда она обуреваемая страстями“¹⁾. Такимъ же образомъ изъясняется и то, почему всѣ мы въ жизни такъ много грѣшимъ не смотря на вѣру, что въ будущей жизни за грѣхи насъ ждутъ тяжкія муки, а за добродѣтели — неизреченныя блага, это по той простой причинѣ, что вслѣдствіе самой отдаленности, а отчасти и проблематичности своей ни ожидаемыя муки не производятъ на душу настолько устрашающаго, ни ожидаемыя блага настолько привлекающаго дѣйствія, чтобы пере-силить свѣжія, живыя впечатлѣнія, идущія отъ чувственныхъ благъ наличнаго, несомнѣннаго настоящаго. Вообще же, выборъ зла вмѣсто добра, какъ и всякій актъ выбора не происходитъ безъ основанія, не представляетъ собою чистой, безосновной, фиктивной креаціи, а всегда есть слѣдствіе такого или иного достаточнаго основанія, т. е. перевѣса того или другого мотива надъ всѣми остальными. Въ настоящемъ случаѣ такимъ достаточнымъ основаніемъ служить масса низменныхъ чувственныхъ впечатлѣній и влеченій, перевѣшивающая силу впечатлѣній и влеченій высшаго порядка. Такимъ образомъ человѣческія дѣйствія, всѣ безъ исключенія, имѣютъ для себя такія или иные основанія, т. е. мотивы. Поелику же мотивы и основанія не просто только сознаются нами, но также взвѣшиваются, одѣиваются, а это невоз-

¹⁾ Theodic. ed Janet. t. II. § 154. p. 222.

можно безъ размышленія, безъ разума, то наши дѣйствія суть вмѣстѣ съ тѣмъ не безосновныя и безмысленныя, а осмысленныя, разумныя. „Разумъ есть какбы душа нашей свободы, а все остальное есть какбы ея тѣло, или ея базисъ“ ¹⁾. Но,—имѣютъ ли въ себѣ наши дѣйствія также и остальныя существенныя свойства свободы?

Согласно изложенному сейчасъ воззрѣнію, каждая рѣшимость нашей воли, каждое наше дѣйствіе есть результатъ перевѣса сильнѣйшаго мотива надъ слабѣйшими. Но, значитъ ли это, что Лейбницъ дѣлаетъ изъ души простое чисто-пассивное орудіе мотивовъ,—нѣчто похоже на вѣсы, одна чашка которыхъ всегда неминуемо склоняется подъ болѣею тяжестью, или, что онъ отрицаетъ всякую самопроизвольность и свободу нашихъ дѣйствій? Извѣстный Самуилъ Клеркъ въ этомъ именно смыслѣ упрекалъ Лейбница въ своей противъ него полемикѣ: „доктрина эта, писалъ онъ, ведетъ къ необходимости и фатализму, допуская, что мотивы такъ же относятся къ волѣ разумнаго дѣятеля, какъ гири къ вѣсамъ. Между тѣмъ тутъ есть разница и очень большая: вѣсовая чашка не есть дѣятель,—она совершенно пассивна предъ дѣйствіемъ лежащей на ней и наклоняющей ее тяжести; разумныя же существа суть дѣятели,—они не пассивны по отношенію къ мотивамъ, и мотивы не могутъ наклонять ихъ волю такъ, какъ большая гиря наклоняетъ вѣсовую чашку“ ²⁾. Лейбницъ отвѣчалъ: „несомнѣнно, что основанія въ душѣ мудраго и мотивы въ какой-бы то ни было душѣ дѣйствіемъ своимъ соотвѣтствуютъ дѣйствію гирь на вѣсы. Возражаютъ, что вѣсы по отношенію къ гилямъ пассивны, тогда какъ дѣятели, одаренные разумомъ и волею, активны. На это отвѣчу, что принципъ достаточнаго основанія простирается на все безъ исключенія, что въ немъ для изъясненія своего нуждаются явленія пассивности нисколько не менѣе, какъ и явленія активности. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что, стро-

¹⁾ Theodis. ed. Janet, t. II. § 288 p. 325.

²⁾ Quatrieme reptique de M. Clarke. ed. Janet, t. II. p. 641.

го говоря, не мотивы отвѣдѣ дѣйствуютъ на душу, какъ гири на чашки вѣсовъ, а скорѣе сама душа дѣйствуетъ въ силу мотивовъ, которые въ существѣ не что иное суть, какъ ея собственные внутреннія расположенія къ дѣйствіямъ. Поэтому, требовать, какъ въ настоящемъ случаѣ, чтобъ душа предпочитала иногда слабѣйшіе мотивы сильнѣйшимъ, или чтобъ она была даже совсѣмъ индифферентна къ мотивамъ и дѣйствовала безъ нихъ, значитъ отдѣлять душу отъ мотивовъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ они могутъ быть внѣ ея, подобно гирямъ, лежащимъ внѣ и вдали отъ вѣсовъ, и какъ будто въ душѣ нашей могутъ быть еще другія расположенія къ дѣйствіямъ, кромѣ мотивовъ, въ силу которыхъ она отвергла бы мотивы. Между тѣмъ мотивы обвиняютъ собою всѣ возможныя расположенія души къ произвольнымъ дѣйствіямъ, ибо въ составъ ихъ входятъ не только разумныя основанія, но и всѣ инклинаціи, истекающія изъ страстей, изъ настоящихъ и прошедшихъ впечатлѣній. Поэтому допущеніе, что душа можетъ, когда ей угодно предпочесть слабѣйшую инклинацію сильнѣйшей, равносильно допущенію, что душа можетъ дѣйствовать противъ самой себя, т. е. совсѣмъ иначе, чѣмъ какъ она внутренне расположена дѣйствовать¹⁾. Ясно, что Лейбницъ не отдѣляетъ мотивы отъ души, какъ нѣчто отъ нея отличное; они настолько и суть мотивы, насколько она ихъ сознаетъ и ими впечатлѣвается, т. е. насколько они составляютъ одну изъ ея модификацій. Поэтому, поддаваясь мотивамъ, душа собственно самой себѣ уступаетъ и, подчиняясь болѣе сильной инклинаціи, она самой себѣ повинуется, такъ какъ тутъ ничто внѣшнее, никакая чуждая сила къ этому ее не принуждаетъ, такъ какъ сама сила или слабость мотивовъ не отъ внѣшняго чего либо зависитъ, а опять отъ самой же души, отъ ея природной конституціи, отъ ея впечатлѣній и перцепцій настоящихъ и пришедшихъ, наконецъ, отъ ея пріобрѣтенныхъ привычекъ. Мотивы, конечно, могутъ имѣть различную, иногда очень большую силу, но такую или иную силу даетъ имъ не иной кто, какъ сама душа. Такое

¹⁾ *Systeme nouveau de la Nature*. Ed. Janet, t. 11, p. 532.

представленіе дѣла вполне естественно и даже неомо въ системѣ, по ученію которой каждая душа естествомъ самозамкнутая, не имѣющая никакихъ отвертвій подобіе оконъ или дверей, сквозь которыя бы что ли въ нее вторгалось, или изъ нея исходило, т. е. ступная никакимъ прямымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ ніямъ и слѣдов. самостоятельная и самопроизвольная и номъ смыслъ слова. По этому ученію, даже тѣ перцелціи кажутся душѣ привходящими отвнѣ, на самомъ сдѣ суть ея собственные продукціи; „такъ какъ нацелціи имѣютъ мѣсто въ самой душѣ, а вовсе не въ и представляютъ собою для души лишь указанія намены во внѣшнихъ сущностяхъ, лишь простыя отраженія ихъ и какбы хорошо упорядоченныя грезы, то но, что эти внутреннія перцелціи происходятъ въ сдѣ изъ ея собственной первоначальной конституціи но изъ ея представляющей природы (способности от и выражать состоянія внѣшнихъ сущностей по отнѣ къ своимъ органамъ), которая дана ей вмѣстѣ съ ея ніемъ и которая составляетъ ей индивидуальный характеръ. Итакъ, если *spontaneum est, cujus principium est in agere* душѣ нашей принадлежитъ несомнѣнно и въ полномъ слѣ слова, ибо сама она всегда есть принципъ всѣхъ ихъ дѣятельностей, не исключая ни перцелцій, ни даченій и страстей ¹⁾).

Послѣ всего этого, Лейбницъ могъ смѣло сказать, утверждая, что мы гораздо болѣе свободны, чѣмъ намъ иногда кажется, потому что всѣ наши первоначидутъ отъ насъ самихъ, а не отъ нихъ ²⁾; „вмѣсто того говорить, что наша свобода есть только мнимая, слѣнапротивъ сказать, что наша зависимость есть толжущаяся, и что мы, если соблюдать строго метафизическую терминологию, обладаемъ совершенною независимостю отношенію къ вліянію со стороны всѣхъ другихъ ве

¹⁾ Theogic. ed. Jan. t. II. p. 333. Conf. p. 143. § 65.

²⁾ Oeuvres de Leibn. ed. Dutens. t. VI. p. 228.

³⁾ System nouv... ed. Janet t. II. p. 534.

„Въ моей системѣ все, происходящее въ душѣ, зависитъ всецѣло отъ нея самой: каждое слѣдующее ея состояніе зависитъ отъ того, какой сама же она произвела рядъ вредѣющихъ состояній,—и развѣ можно представить ея независимость еще большею? Правда, что въ ея конституціи всегда есть нѣкоторое несовершенство. Все, происходящее въ ней, конечно зависитъ отъ нея самой, но не отъ ея желанія;—это было бы уже слишкомъ много. Дѣло въ томъ, что у нея есть не одни только ряды перцепцій ясныхъ, отчетливыхъ, надъ которыми она владычествуетъ, но также и ряды перцепцій смутныхъ или то, что называется страстями, которымъ она рабствуетъ. И это не удивительно; удивительнѣе было бы противное, ибо душа наша была бы божествомъ, если бы этого не было, т. е. если бы она имѣла одиѣ ясныя перцепціи. Однакожъ, она имѣетъ нѣкоторую власть даже надъ своими смутными перцепціями, хотя не прямую, а только косвенную, ибо хотя она не можетъ измѣнить своихъ страстей, такъ сказать, на самомъ полѣ битвы, но можетъ съ успѣхомъ бороться противъ нихъ издали, стараясь образовать въ себѣ другія противнымъ имъ склонности и даже привычки. Она тѣмъ большую власть имѣетъ надъ перцепціями ясными, на сколько она можетъ, хотя не прямо, замѣнять или отстранять ихъ, отдаваясь другимъ мнѣніямъ и желаніямъ, можетъ также какъ ускорять, такъ и приостанавливать свое послѣднее сужденіе и рѣшеніе. Мы можемъ напередъ придумывать средства, какъ избѣгнуть случая, при которомъ нашъ разумъ, а за нимъ и воля могутъ сдѣлать скользкій шагъ и упасть; можемъ всегда найти такой или иной поводъ отложить исполненіе того, что уже рѣшено, и потомъ вновь обсудить самое рѣшеніе, и хотя ни наше мнѣніе, ни актъ хотѣнія не служатъ прямымъ объектомъ нашей воли, однако мы нерѣдко принимаемъ, и не безъ успѣха, мѣры къ тому, чтобъ желать того и даже вѣрить тому, чего въ настоящее время мы пока не желаемъ и чему не вѣримъ. Такъ велика глубина человеческого духа“¹⁾).

¹⁾ Theodic. ed Janet. t. II. p. 143. § 61.

Извѣстно, путемъ какого ряда дедукцій Лейбницъ, вышедши изъ истины бытія Божія, какъ изъ такой, которая а priori и необходимо внушается разуму его логикою и составляетъ основу его самого, пришелъ къ положенію, что Богъ—первопричина и Творецъ міра избралъ настоящій міръ—изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, какъ наилучшій. Этотъ оптимизмъ у Лейбница, какъ и у Малебранша, вытекалъ, повидимому, изъ самого понятія Бога такъ прямо и необходимо, что обоимъ имъ казалось противорѣчіемъ утверждать бытіе Бога и мыслить Его всесовершеннѣйшимъ и въ тоже время созданный Имъ міръ мыслить не настолькоъ совершеннымъ, чтобъ бытіе его не дѣлало не мыслимымъ и невозможнымъ бытіе, вышше его, какого-либо еще лучшаго міра. Изъ оптимизма Лейбница, поэтому, можно вывести тоже заключеніе, какое Фенелонъ вывелъ изъ оптимизма Малебранша: „тутъ ничто невозможно, кромѣ того, что допускаетъ порядокъ“ ¹⁾. Но порядокъ допускаетъ только бытіе міра наилучшаго, а наилучшій есть именно этотъ дѣйствительный міръ; слѣдовательно, ничего нѣтъ возможнаго, кромѣ того, что есть, что дѣйствительно существуетъ, или другими словами, въ существующей дѣйствительности нѣтъ никакой континенціи, значить, и свободы.

Но, мы знаемъ также, что Лейбницъ старался найти и держать средину ²⁾ между полною абсолютною необходимостію, которую проповѣдывали Гоббсъ со Спинозой, и свободою индифференціи, которую допускали нѣкоторые изъ схоластиковъ и картезіанцевъ. Кромѣ истинъ необходимыхъ, училъ онъ, которыя зависятъ только отъ закона тождества, или противорѣчія, есть еще истины контингентныя, которыя зависятъ отъ принципа достаточнаго основанія. Мало того, онъ иногда выражался даже, что въ строгомъ смыслѣ слова Богъ не есть единственный производитель всего, что происходитъ въ мірѣ ³⁾, такъ какъ индивидуальныя суб-

¹⁾ Refutat du l'yst du P. Masebr. c. 2,

²⁾ Lat. a Bourguet.—Dutens. t. VI. p. 207.

³⁾ Dutens t. II. 1 par p. 100. Jannt t. II. p. 622.

станціи тоже не лишены собственной дѣйственности, при- томъ продуктивной.—Чтобъ уяснить истинную мысль Лейб- ница по этому вопросу, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить природу контингенціи и затѣмъ показать, въ какомъ отно- шеніи къ ней стоитъ, исключаетъ ли ее, или допускаетъ подлѣ себя вышелоказанный метафизическій оптимизмъ.

Итакъ, что такое есть контингенція, или контингент- ная истина? Это, по Лейбницу, „есть такая истина, въ ко- торой предикатъ содержится въ субъектѣ, но не можетъ быть выведенъ изъ него логически демонстративно, или есть такое положеніе, которое никоимъ образомъ не можетъ быть сведено къ равенству или тождеству, и попытка разрѣшить его въ равенство обречена на безконечный рядъ... Одинъ только Богъ видитъ—и то не конецъ рѣшенія, котораго быть не можетъ, а только связь или содержимость атрибута въ субъектѣ, такъ какъ Онъ только видитъ полное раскрытіе ряда. Такого рода истина исходитъ частію изъ его разу- ма, частію отъ его воли“¹⁾. Истинны же необходимы на- противъ суть такіа, въ которыхъ предикатъ можетъ быть приведенъ къ равенству, или даже тождеству съ субъек- томъ, или, употребляя болѣе новую терминологию, это суть сужденія по формѣ и по содержанію аналогическіа, между тѣмъ какъ истинны контингентныа представляютъ собою суж- денія синтетическіа. Въ этихъ послѣднихъ Богъ, конечно, видитъ связь между двумя терминами—предакатомъ и субъ- ектомъ, но даже Онъ не можетъ привести этихъ двухъ тер- миновъ къ полному тождеству, ни даже къ равенству. Итакъ, есть истинны, которыя не зависятъ всецѣло отъ закона тож- дества, или противорѣчія и слѣдов. такіа, которыя можно

¹⁾ De libertate Let. et opusc. ined. Foucher de Careil p. 182.—In veritatibus contingentibus, etsi praedicatum inest subjecto, nunquam tamen de eo potest demonstrari, neque unquam ad aequationem seu identitatem revocari potest propositio, sed resolutio procedit in infinitum,—Deo solo vidente non quid finem resolutionis, qui nullus est, sed tamen connexionem sive involu- tionem praedicati in subjecto, qua ipse videt, quicquid seriei inest; imo ipsa haec veritas ex ipsius partim intellectu, partim voluntate nata est.

абсолютную совершенно-немыслимую невозможность, потому что въ такомъ разѣ дѣйствительно не осталось бы контингенціи никакого мѣста ни въ какой области міра; даже въ области человѣческаго духа она обратилась бы въ простую видимость, въ ложную фикцію, какъ это было въ системѣ Спинозы. Между тѣмъ Лейбницъ всякій разѣ настаиваетъ, что твореніе есть свободный актъ Божій, и тѣмъ болѣе такой актъ есть избраніе лучшаго. Твореніе и избраніе лучшаго, конечно, свойственны природѣ Божіей, но вовсе не вытекаютъ изъ нея съ абсолютною необходимостію. Богъ обладаетъ не однимъ только разумомъ, но и волею: разумъ Его, конечно, прежде всего полагаетъ и мыслить истины необходимыя, вѣчныя, т. е. такія, противоположность которыхъ невозможна, потому что содержитъ прямое противорѣчіе, но онъ также полагаетъ и истины только возможные, т. е. такія, противоположность которыхъ мыслима, потому что не содержитъ въ себѣ противорѣчія; къ числу послѣднихъ можетъ быть отнесена и мысль о твореніи, или не твореніи. Истины перваго рода отъ вѣчности имѣютъ одно неизмѣнное содержаніе и существуютъ, не нуждаясь ни въ чемъ для того, чтобъ быть истинами, истины же втораго рода нуждаются въ особомъ актѣ воли Божіей, чтобъ получить бытіе;—это суть простыя идеи, для которыхъ нужно особое со стороны Бога fiat, чтобъ онѣ стали дѣйствительно-существующими. Это fiat, конечно, не должно быть представляемо нами какъ произвольное, не имѣющее или не знающее для себя никакого основанія; напротивъ, насколько самъ разумъ истекаетъ изъ природы Божіей, можно сказать, что оно есть слѣдствіе необходимости,—но необходимости не абсолютной, а только, такъ сказать, конвенціальной, т. е. моральной. Однако, развѣ можно безъ противорѣчія мыслить не существующими такія вещи, какъ твореніе и избраніе лучшаго, если онѣ истекаютъ изъ самой природы Божіей? Можно, отвѣчаетъ Лейбницъ, если принять во вниманіе безконечность или неисчерпаемое богатство жизни Божіей. Богъ имѣетъ и созерцаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе совершенствъ, которыя анализомъ не

какое нибудь изъ нихъ отсутствовало въ твореніи, то это не составляло бы никакого противорѣчія,—а представляло бы лишь нѣкоторую нконвеніенцію, вслѣдствіе взаимнаго требованія ихъ другъ другому и взаимной связи между собою. Бытіе божественное должно быть представляемо нами не какъ чистая сущность математическая, а какъ реальное живое существо, объ образѣ дѣятельности котораго могутъ дать намъ слабое понятіе лишь самыя высшія формы міровой жизни и самыя совершеннѣйшія произведенія человѣческаго гонія. Богъ есть не одинъ только чистый разумъ, но также живая гармонія, любовь, благодѣ. Такимъ-то образомъ мнѣніе (напр. Ренувье), что всѣ системы, допускающія актуальное безконечное, враждебны свободѣ, совсѣмъ не оправдывается на Лейбницѣ, по ученію котораго, напротивъ, именно актуальность безконечнаго множества атрибутовъ или совершенствъ въ Богѣ дѣлаетъ возможною и понятною его свободу. Воля Божія всегда хочетъ только блага и избираетъ только благо, притомъ самое большее. Но благо не содержится аналитически въ идеяхъ, какъ ихъ мыслить чистый разумъ самъ по себѣ. Богъ знаетъ благо изъ вѣчнаго опыта собственной жизни; это благо есть не что иное, какъ сама его жизнь и слѣдовательно содержитъ въ себѣ какъ-бы особо то безконечное, которое созерцаетъ и мыслить разумъ, но котораго этотъ послѣдній не можетъ свести аналитически къ чистому тождеству уже потому, что само благо есть результатъ безконечнаго разнообразія, ибо полнота жизни Божіей содержитъ въ своемъ единствѣ именно такое безконечное разнообразіе. Съ другой стороны,—и видѣ жизни Божіей—въ мірѣ, каждую вещь дѣлаетъ доброю прежде всего согласіе ея сущности съ самой собою, которое служить также первымъ условіемъ самого ея существованія, а затѣмъ ея связь со всѣми остальными вещами и съ Богомъ. Но эта связь разнообразныхъ вещей другъ съ другомъ идетъ въ безконечность и никакимъ разумомъ не можетъ быть сведена къ полному равенству, къ чистому тождеству. Въ созерцаніи возможныхъ вещей Богъ различаетъ лучшія связи отъ худшихъ; однимъ взоромъ Онъ обозрѣваетъ всю без

конечную сумму возможных комбинацій и затѣмъ останавливается на одной изъ нихъ, избираетъ ее или располагаетъ въ ея пользу не въ силу абстрактныхъ возможностей, которыя все равны для Его всевѣденія и не въ силу конкретныхъ удобствъ, которыя все равны для Его всемогущества, но въ силу безконечнаго множества безконечно-разнообразныхъ благъ или цѣлей, которыя Его разумъ представляетъ для осуществленіе Его воли. Воля Божія, которую Лейбницъ тщательно различаетъ отъ чистаго разума и отъ чистаго могущества, представляетъ на его взглядъ единство, богатство и гармонію божественной жизни. Она не есть произвольная, потому что соединена со всемогуществомъ; она, по словамъ Лейбница, есть сама мудрость, сама любовь, сама благодать. Поэтому же не принудительныя и неотвратимыя какія нибудь, а совершенно-свободныя вожелѣнныя и благія основанія побудили Бога создать міръ; этими основаніями, этою Его благодатью тоже утверждена и существуетъ въ мірѣ необходимость, но необходимость моральная, „благая“, а вовсе не такая метафизическая, неуклонная, голая и беспощадная необходимость, какая имѣетъ мѣсто въ системахъ Гоббса и Спиноза. Эта моральная необходимость состоитъ вотъ въ чемъ: когда Богъ, при созданіи міра, соединялъ съ идеею блага то или другое абстрактное понятіе, то Онъ, конечно, видѣлъ связь атрибута съ субъектомъ, такъ какъ она зависѣла отъ Его собственной воли, но даже для Него самаго атрибутъ и субъектъ въ анализѣ не сводились къ полному тождеству, ни даже къ равенству. Слѣдовательно благодать по самому понятію и существу своему контингентна. Принципъ достаточнаго основанія, которымъ опредѣляется дѣятельность Божія, не есть исключительно дѣло Его разума, но есть также предметъ Его воли, и такъ какъ онъ стоитъ въ зависимости отъ идеи блага, то все, производимое по его требованію, можетъ быть безъ всякаго противорѣчія мыслимо какъ такое, которое могло и не быть произведено, т. е. какъ контингентное. Послѣ всего этого Лейбницъ имѣлъ полное право сказать, что Богъ, избирая лучшее, не детерминируется необходимо, и что нашъ дѣйствительный наилуч-

шій міръ есть міръ лишь „морально-необходимый, абсолютно же говори, есть контингентный“ ¹⁾).

Такимъ образомъ благость не содержится аналитически въ бытіи и не тождественна съ его понятіемъ; напротивъ, она можетъ связываться съ бытіемъ лишь синтетически потому ли, что она бываетъ отъ природы соединена съ нимъ, какъ въ божественной жизни, или потому что она присоединя къ какому либо бытію по указанію благой воли Божіей. Богъ не послѣ благъ, а прежде существуетъ, напротивъ Онъ потому и существуетъ, что благъ; точно также и въ вещахъ доброта не изъ ихъ сущности истекаетъ, а напротивъ ихъ существованіе истекаетъ изъ ихъ доброты, которая въ свою очередь зависитъ всецѣло отъ творческой всеблагой воли Божіей. Однакожъ и въ самомъ верховномъ существѣ не можетъ быть благости безъ такого синтетическаго акта, который бы вытекалъ по крайней мѣрѣ изъ моральной необходимости, т. е. такого, не бытіе котораго не представляло бы явнаго непобѣдимаго противорѣчія;—этотъ синтезъ и производить въ Немъ воля. Лейбницъ, конечно, не говоритъ съ Дунсъ-Скотомъ, что Богъ существуетъ лишь потому, что хочетъ, благоволитъ существовать, ставя волю выше я какбы прежде разума, но онъ не говоритъ и со Спинозой, что Онъ существуетъ потому, что небытіе Его было бы явнымъ противорѣчіемъ и чистою нелѣпностію, ставя разумъ выше и прежде воли,—но держа средину, говоритъ, что Богъ суще-

¹⁾ Ad Hanschium. Dutens. t. IV. p. 169. Cf. Theog. par. 11. § 173. Janet t. 11. p. 240. 254.—Necessitas, quae ex electione optimi fluit, quam moralem appello, non est fugienda, nec sine abnegatione summae in agendo perfectionis divinae evitari potest. Sed necessitas illa vitanda est, quae consistit in necessitate objecti, cum scilicet ipsum per se oppositum objectum in conceptu suo involverit contradictionem; et si necessitas est bruta, quam introducunt qui non ex electione, sed necessitate rerum mundum existere volunt. Si mundus alius a nostro in conceptu suo implicare contradictionem, hic mundus absolute esset necessarius. Sed qui infiniti alii fingi et distincte concipi possunt, ad instar fabulae, Miliariae, vel Utopiae, et sola electio optimi objecto extrinseca facit, ut noster potius existat quam illi,—hic noster est non nisi moraliter necessarius, absolute autem loquendo contingens.

ствуется потому, что духъ во всей цѣлости, т. е. разумъ вмѣстѣ съ сердцемъ его существованія требуетъ, ставя такимъ образомъ на одну ливію волю съ разумомъ и соединяя ихъ въ благости. Итакъ, контингенція не изгнана совсѣмъ изъ міра, какъ творенія Божія, потому что по крайней мѣрѣ въ самомъ Творцѣ несомнѣнно и непремѣнно съ полнотою разума соединяется полнота свободы.

Но, избравши изъ всѣхъ возможныхъ міромъ нашъ, какъ наилучшій, Богъ тѣмъ самымъ не предначерталъ ли и не предустановилъ весь планъ и порядокъ вещей и событий въ мірѣ, а затѣмъ не отнялъ ли всякую свободу у человѣческихъ дѣйствій? Иное дѣйствіе, чѣмъ то, которое и совершилъ, конечно возможно въ иномъ возможномъ мірѣ, но не въ этомъ дѣйствительномъ; оно, пожалуй, даже тутъ контингентно, но свободно ли оно также? Это очень сомнительно, потому что, если система Лейбница слишкомъ ослабляетъ зависимость нашей души отъ тѣла и даже отъ внѣшнихъ вещей, то это, повидимому, лишь съ тѣмъ, чтобъ поставить ее въ тѣмъ болѣе тѣсную и полную зависимость отъ Бога. Да и сама эта независимость души отъ всего внѣшняго не есть ли въ системѣ Лейбница лишь кажущаяся, мнимая? Пусть душа и независима какъ отъ тѣхъ существностей, которыя составляютъ ея собственное тѣло, и отъ всѣхъ внѣшнихъ тѣлъ; но, вѣдь она стоитъ постоянно въ самой строгой и полной гармоніи съ ними; она представляетъ, или отражаетъ въ своемъ мірѣ все, что происходитъ въ большемъ, такъ что всѣ ея перцепціи и состоянія могутъ быть разсматриваемы какъ слѣдствія состояній и дѣятельности внѣшняго, и къ тому же все въ мірѣ совершеннѣйшимъ образомъ упорядочено, всѣ событія и измѣненія во вселенной сразу напередъ представлены. „Повидимому, — сознается въ отвѣтъ на одно изъ возраженій самъ Лейбницъ, — свобода наша есть лишь иллюзія, такъ какъ душа и тѣло располагаются ко всѣмъ своимъ состояніямъ, мыслямъ, дѣятельностямъ такою или иною дѣйствующею предшествующею причиною; въ дѣйствительности мы нигдѣ не видимъ, чтобъ чтонибудь развивалось, кромѣ того, что уже

напередъ завито, что уже существовало *implicite*¹⁾. Еслибы между перцепціями и дѣятельностями души съ одной стороны и состояніями тѣла съ другой возникала и устанавливалась гармонія всегда только въ тотъ самый моментъ, когда въ душѣ возникаютъ хотѣнія,—въ такомъ разѣ душу или волю ея еще можно было бы признать свободною, потому что тогда дѣйствительныя наличныя хотѣнія души были бы независимы отъ хотѣній, перцепцій, состояній прошлой ея жизни. Но не такова истинная мысль Лейбница: настоящее, по его воззрѣнію, есть всегда слѣдствіе прошедшаго и въ то же время зачатокъ будущаго; „индивидуальная сущность каждой личности разѣ навсегда содержитъ въ себѣ все, что когда либо съ нею имѣетъ случиться“²⁾. Все держится одно за другое, все связывается и ничто не начинается абсолютно; дѣйствіе совершенно новое, абсолютное начинаніе было бы истиннымъ твореніемъ, непостижимымъ чудомъ, для котораго нельзя было бы найти никакого основанія. Кромѣ того, при томъ полномъ и строгомъ соотвѣтствіи между событіями въ мірѣ тѣлѣ и событіями въ мірѣ душѣ, которое отъ вѣчности предуставлено, всякое абсолютное начинаніе въ дѣйствіяхъ души было бы равносильно созданію новой движущей силы, исходящей изъ нея въ мірѣ тѣлѣ: „нельзя, говорятъ Лейбница, допустить, что душа сообщаетъ силу тѣлу, ибо тогда вся вселенная получила бы новую силу, которой въ ней не было“³⁾. По-елику же къ числу важнѣйшихъ открытій Лейбница принадлежитъ принципъ сохраненія энергіи, гласящій, что количество силы во вселенной всегда остается одно и то же, или что въ мірѣ ничто не творится вновь и ничто не исчезаетъ безслѣдно, то уже изъ этого принципа, повидимому,

¹⁾ Dutens t. II. par. I. 256. —Videri possit... libertatem nonnisi quandam illusionem esse, cum anima et corpus per causam efficacem et antecedentem ad omnes suas cogitationes disponantur, tantumque revera evolvatur, quod orat tectum et involutum.

²⁾ Lettres et opusc. ined. ed. cit. p. 221.

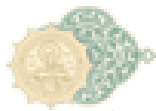
³⁾ Janet t. II. p. 673.

само собою слѣдуетъ, что душа не можетъ произвести ни одного движенія, ни одного состоянія такого, которое не было бы слѣдствіемъ или ея предшествующихъ состояній, или тѣхъ природныхъ силъ и способностей, которыя даны съ Богомъ при самомъ созданіи.

Но, слѣдуетъ ли изъ всего этого, что Лейбницъ и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ отрицалъ власть человека надъ своими дѣйствіями и ставилъ волю его въ полную чисто-внѣшнюю зависимость какъ отъ Бога, такъ и отъ внѣшняго міра? Изъ того, что Богъ предусмотрѣлъ и даже предначерталъ всѣ наши дѣйствія, слѣдуетъ ли, что мы не имѣемъ никакой власти надъ ними, что у насъ совсѣмъ нѣтъ свободы?—Лейбницъ въ отвѣтъ на это прямо говоритъ, что Божіе предвѣдѣніе и даже предопредѣленіе вовсе не уничтожаетъ нашей свободы. Правда, рассуждаетъ онъ, что для безконечнаго вѣдѣнія Божія будущее не представляетъ никакой неопредѣленности, но является именно такимъ, какимъ будетъ, и въ этомъ пунктѣ ученію стоиковъ должно быть отдано преимущество предъ ученіемъ Аристотеля и Эпикура¹⁾, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что наши будущія дѣйствія должны быть необходимы, такъ какъ Богъ могъ предусмотрѣть именно такіа дѣйствія, которыя мы изберемъ и совершимъ по собственной свободной волѣ. Для того, чтобъ дѣйствія наши были свободны, достаточно только одного,—чтобъ мы были изъяты отъ необходимости или вынужденія. Но нашъ разумъ говоритъ намъ, что намъ всегда возможно было иначе поступить, чѣмъ мы поступили, и тѣмъ самымъ отрицаетъ вынужденность или необходимость нашихъ дѣйствій, Богъ же съ своей стороны тѣмъ болѣе ничѣмъ не принуждаетъ насъ,—Онъ лишь предвидитъ всѣ наши будущія рѣшенія; слѣдовательно наша свобода остается при насъ во всей своей цѣлости.

На это можно возразить, какъ и въ самомъ дѣлѣ Лейбницу возражали, что для нашей свободы одного этого—т. е. отсутствія принужденія слишкомъ мало, а нужно еще, чтобъ

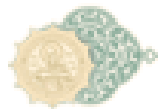
¹⁾ Erdmann, p. 554.

мы и на самомъ дѣлѣ могли дѣлать противное тому, что дѣлаемъ. Но, возможно ли это при послылкахъ оптимизма? Богъ сразу предначерталъ и установилъ напередъ все, что должно произойти; изъ всѣхъ возможныхъ міровъ Онъ избралъ только одинъ—нашъ дѣйствительный міръ. Конечно, говоря абстрактно, на мѣсто грѣха Адамова можно поставить его противоположность, или отрицаніе безъ всякаго противорѣчія, т. е. можно допустить, что Адамъ могъ и не согрѣшить. Но вѣдь Богъ, сравнивши тотъ міръ, въ которомъ Адамъ не согрѣшилъ, съ тѣмъ, въ которомъ онъ согрѣшилъ, избралъ не первый, а этотъ послѣдній, какъ лучший. Спрашивается, было ли во власти Адама не согрѣшить въ этомъ именно мірѣ? Имѣлъ ли онъ тутъ реальную возможность, или эффективную способность, силу отстранить, побѣдить искушеніе и удержаться отъ грѣха? Кажется, что нѣтъ. Тѣмъ не менѣе самъ Лейбницъ вовсе не думаетъ, что его оптимизмъ исключаетъ свободу, полагая что сама свобода наша тоже входила въ составъ тѣхъ элементовъ, которые составляли предметъ божественнаго избранія, и что Богъ лишь послѣ того, какъ предусмотрѣлъ всѣ наши свободныя дѣйствія со всѣми ихъ опредѣленными условіями и обстоятельствами, самымъ дѣломъ совершилъ избраніе лучшаго, какъ разъ сообразно съ этимъ своимъ предусмотрѣніемъ. Эту свою мысли Лейбницъ старается объяснить въ сновидѣніи Θεодора, которымъ заканчиваетъ свою теодицею. Всѣ событія и дѣйствія, которыми каждый изъ людей имѣетъ совершить въ жизни сразу, напередъ предусмотрѣны и предопредѣлены. Секстъ, который бы избралъ въ своей жизни иное и противное тому, что на самомъ дѣлѣ избралъ, и самъ былъ бы кѣмъ либо инымъ а не Секстомъ, и міръ, часть котораго онъ составлялъ бы, былъ бы совсѣмъ иной—съ иными вещами, съ инымъ составомъ и порядкомъ событий. Въ своемъ идеальномъ представленіи различныхъ будущихъ порядковъ вещей, Богъ видѣлъ и Секста „рѣшающагося повиноваться оракулу“ и Секста „рѣшающагося ослушаться оракула“. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣшеніе Сек-

та одинаково зависеть отъ Бога, потому что именно на основаніи этого объективнаго созерцанія обоихъ Секстовъ Богъ избралъ тотъ міръ, въ которомъ Секстъ самымъ дѣломъ окажется непослушаніе. Въ этомъ избранномъ мірѣ всѣ дѣйствія Секста, конечно, предусмотрѣны и предопредѣльны, и добавокъ къ тому всѣ результируютъ изъ предъидущихъ состояній міра и самого Секста; но Секстъ идеальный, или въ идеѣ Бога, былъ существомъ свободнымъ и независимымъ, такъ какъ тутъ его послушаніе было не менѣе возможно, чѣмъ непослушаніе, Богъ же тутъ съ своей стороны ничего не сдѣлалъ противъ свободы Секста,—Онъ только рѣшилъ дать существованіе тому міру, въ которомъ Секстъ свободно избересть непослушаніе. Потому то Секстъ отвѣтственъ за свой проступокъ и заслуживаетъ наказанія за свою дурную волю. Такимъ образомъ необходимость, которая господствуетъ надъ нашими дѣйствіями, есть пожалуй неукоснительная инвазія, неотвратимая детерминація, но все же не настоящая, чистая абсолютная необходимость,—не *ἀνάγκη* и не *fatum: astra inclinant, non necessitant*. Впрочемъ, если уже такъ трудно обойтись безъ термина необходимость, то можно согласиться, что это есть необходимость только гипотетическая, такъ какъ она зависитъ отъ условія, которое само контингентно,—отъ свободнаго и премудраго рѣшенія божественной воли, или еще лучше, есть необходимость моральная, а не фатальная—логическая или геометрическая необходимость, наконецъ, счастливая или добрая, а не слѣпая и безсмысленно-грубая, такъ какъ она зависитъ отъ воли Божіей, которая не дѣйствуетъ иначе, какъ по основаніямъ мудрости и благодати.

Итакъ въ нашихъ фактическихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ нѣтъ никакой свободы,—а есть одна только контингенція. Свобода въ смыслѣ равной возможности двухъ противоположныхъ рѣшеній и дѣйствій существуетъ только въ домірной трансцендентной области существъ идеальныхъ, между тѣмъ какъ дѣйствительный міръ реальныхъ духовныхъ существъ подчиненъ господству детерминизма. Такъ прими-

ряются у Лейбница права сердца съ требованіями разума и науки. По всѣмъ соображеніямъ, чуть ли не главнымъ образомъ протестантскій догматъ совершеннѣйшаго предвѣдѣнія и безусловнаго предопредѣленія Божія, въ которомъ Лейбницъ былъ воспитанъ и который имъ былъ во всей полнотѣ изученъ и во всей глубинѣ прочувствованъ и понять, далъ всѣ существенные элементы этой теоріи, которая съ своей стороны, можно думать, подготовила Кантовскую формулу рѣшенія проблемы. Можно сказать, что въ системѣ Лейбница мѣста для свободы остается даже еще менѣе, чѣмъ въ системѣ Канта, ибо въ ней свободный Секстъ не есть даже Секстъ ноуменальный и субстанціальный, который могъ бы по своей волѣ разъ на всегда избрать и опредѣлить свой характеръ, а есть Секстъ только возможный, чисто-идеальный, притомъ даже въ сущности своей отличающійся отъ всѣхъ другихъ Секстовъ, которые могли бы дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ, такъ что независимость этой идеальной сущности все таки не есть настоящая свобода, а только одна контингенція. Въ дѣйствительности даже каждый возможный Секстъ детерминированъ *ad unum*, какъ выражались схоластики, при чемъ эта детерминація исходитъ отчасти изъ составныхъ элементовъ его собственной сущности, главнымъ же и окончательнымъ образомъ отъ воли Божіей.

Такимъ-то образомъ Лейбницъ, задавшись сначала, по видимому, только цѣлю отвергнуть свободу индифференціи, въ послѣдовательномъ развитіи своихъ идей кончилъ отрицаніемъ у человѣка всякой эффективной силы и власти надъ своими рѣшеніями и дѣйствіями, не оставивши за нимъ этой власти даже въ самомъ началѣ его чисто-идеальнаго бытія и сведши всю его свободу на чисто-абстрактную возможность, простую контингенцію. При всемъ томъ однако доктрина Лейбница не должна быть отождествляема, ни даже смѣшимаема съ доктринами Гоббса и Спинозы. Онъ имѣлъ полное право думать и утверждать, что его система должна удерживать средину между системою картезіанцевъ и си-

стемом Спявоты. Къ сожалѣнію только, онъ не выдержалъ этой средины съ такою строгостію, какъ сначала того желалъ, но постепенно все болѣе и болѣе наклонялся на ту сторону, которую самъ вѣрно обозначилъ въ положеніи: „все въ мірѣ совершается по моральной необходимости“.

Г. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

Въ редакціи журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ продаются книги:

Смирновъ Д. Празднованіе воскреснаго дня. К. 1893. Ц. 2 р. съ перес.

Бесѣды с. священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 50 к. съ перес.

Вержболовичъ М. Пророческое служеніе въ израильскомъ царствѣ. 1891. Ц. 2 р. съ перес.

Манкавейскій Н. Археологія исторіи страданій Господа І. Христа. Ц. 2 р. съ перес.

Миролюбовъ А. Проповѣди св. Кирилла Александрійскаго. 1889 г. Ц. 3р.

Никитинъ А. Синагоги іудейскія, какъ мѣста общественнаго богослуженія. 1891 г. Ц. 2 р.

Мухинъ Н. Кіево-Братскій училищный монастырь. Историко-археологическій очеркъ. (Съ приложеніями и 9-ю фототипическими рисунками). 1893. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенное изданіе. 1895 г. Ц. 40 к.

Булгаковъ А. Очерки исторіи методизма, 1—2 тома. Ц. 1-го т. (1887 г.) 2 р. 50 к., 2-го т. (1887)—1 р. 50 к.

Поповичъ К. Патріархъ іерусалимскій Софроній, какъ богословъ, проповѣдникъ и вѣспоисяецъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Филаретъ еп. Происхожденіе книги «Екклесіастъ». 1885 г. Ц. 1 р. съ пер.

Титовъ Ѳ. Первое посланіе св. ап. Павла къ Фессалоникійцамъ. Опытъ исagogико-критико-экзегетическаго изслѣдованія. Ц. 1 р. 50 к.

Шаровъ. Большой Московскій соборъ 1666 г. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Трегубовъ С. Религіозный бытъ русскихъ и состояніе духовенства въXVIII в. по межуарамъ иностранцевъ. 1884 г. Ц. 1 р. съ перес.

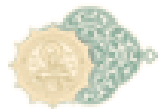
Орнатскій Ѳ. С. Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ Евангельской исторіей и ученіемъ Господа нашего І. Христа. Переводъ съ англійскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

— Возможно ли научное занятіе религіей? 1888 г. Ц. 25 к. съ перес.

Ковальницкій М. Г. О значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства. 1880 г. Ц. 50 к. съ перес.

Недѣльскій. Совѣтъ новорукположенному священнику. 1 р.

Стеллецкій. Бракъ у древнихъ евреевъ. Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

перваго тома журнала „Труды Киевской духовной Академіи“
1896 г. №№ 1—4.

Январь (№ 1).

	Стран
1. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) одна книга толкованій на пророка Авдія.	169
2. Изъ исторіи гомилетика. Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера. <i>В. Θ. Пшоничкаго.</i>	3
3. Галицко-русская депутація въ Римъ. По поводу 300-лѣтней годовщины Брестской уніи. <i>И. И. Малышевскаго.</i>	30
4. Греческій Екатерининскій монастырь въ Кіевѣ. <i>Н. И. Петрова.</i>	55
5. К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи. <i>Н. К. Маккавейскаго.</i>	113
6. Кардинальство галицкаго уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича. <i>И. И. Малышевскаго.</i> .	145

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

7. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Киевской духовной Академіи 17 августа 1895 г.	1
8. Объявленія.	

Февраль (№ 2).

9. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (<i>Про должіе</i>). <i>Θ. И. Титова.</i>	16
--	----

10. Слово, произнесенное въ соборной церкви Братскаго монастыря 31 декабря 1895 года. *А. Булакова.* 218
11. Опытъ о свободѣ воли. (*Продолженіе*). *Г. Малеванскаго* 226
12. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь. *Н. И. Петрова.* 253
13. Адресъ Римскому папѣ, поднесенный галичанами-униатами по поводу 300-лѣтія уніи (1595—1895).
А. Б—ва 284
- 14. Мормонство. *А. Б—ва.* 290

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

15. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 4 сентября 1895 г. 1
16. Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи за мм. ноябрь и декабрь 1895 г. *Н. И. Петрова.* 1
17. Отчетъ о состояніи Богоявленскаго Братства при Кіевской дух. Академіи для вспомоствованія нуждающимся студентамъ ея за 1895 г. *Г. Скибина* 1
18. Объявленія.

Мартъ (№ 3).

19. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) одна книга толкованій на пророка Авдія. (*Продолженіе*). 185
20. Св. Амвросій Медиоланскій, какъ толкователь Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта. *С. Лосева.* 295
21. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь. *Н. И. Петрова.* 333
22. Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря (въ пятокъ первой недѣли великаго поста 9

- февраля 1896 года), на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи. Что ожидаетъ насъ за гробомъ? *В. Θ. Пышницкаго* 365
23. К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи. (*Продолженіе*). *Н. К. Маккавейскаго* 377
24. Слово въ пятокъ второй недѣли великаго поста. *С. М. Сольскаго* 413
25. О религіозномъ воспитаніи. *Д. И. Богдасhevскаго*. . . 421
26. Изъ заграничной религіозной жизни. *З.* 435

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

27. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 24 и 26 сентября, 31 октября и 8 дек. 1895 года и 15 янв. 1896 года. 33
28. Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1895 годъ. *Н. И. Петрова*. 1
29. Объявленіе.

Апрѣль (№ 4)

30. Воскресенія десть. *С. П.* 441
31. Слово о терновомъ вѣнцѣ. (Пронесено въ Кіево-Братскомъ храмѣ, въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, на пассіи, 23 февраля 1896 года). *А. А. Олесницкаго* 468
32. Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста, на пассіи. Лобзаніе Іудово. *Н. К. Маккавейскаго*. 480
33. Св. Стефанъ пермскій, просвѣтитель зырянъ. . . 491
34. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (*Продолженіе*). *Θ. И. Титова* 507
35. Опытъ о свободѣ воли. (*Продолженіе*). *Г. Малеванскаго* 568

КАТАЛОГЪ

НОВЫЕ ЗАВѢТЫ:

Съ указателемъ церковныхъ чтеній на всѣ дни.

Русскіе:		Цена въ переплетѣ Руб. Коп.
Въ 32-ю д. л., съ <i>Псалт.</i> въ футлярѣ		— 45
" " Больш. д. л. нов. изд.		— 30
Въ 16-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ		— 60
" " съ <i>Псалт.</i> въ бол. съ зол. крест., въ футлярѣ . . .		— 90
" 8-ю д. л. вр. печ. съ <i>Псалтирюю.</i>		1 —
" " " " " " " въ золотомъ обр.		3 —
На четыр. язык. (греч. слав., русск. и латин.).		2 50

Славно-рускіе.

Въ 24-ю д. л., въ корешкѣ, съ золотымъ крестомъ . . .	— 80
„ 16-ю „ „ „ темной кожѣ, съ золотымъ крестомъ. . .	1 70

Славянські.

Въ 16-ю д. л., въ кол. съ золотымъ крестомъ . . .	— 60
" 32 ю " " з " н " сь псалт. . .	— 40

4-ро Євангелія.

(Съ указателемъ церковныхъ чтеній).

Русскія.

Въ 32 ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ. . .	— 15
„ 16-ю „ „ то же съ золотымъ крестомъ.	— 30

Славно-русскія.

Въ 16-ю д. л., въ коленборѣ, съ золотымъ крестомъ . . — 60

Славянскія.

На славянскомъ языкѣ въ коленкорѣ съ золотымъ крестомъ . — 40

Псалтири:

Въ 16-ю д. л., русскія, въ тистеномъ коленкорѣ . . .	— 30
" 32-ю " " " " " " " " "	— 7
" " " " славянскія, " " " " "	— 30
Въ 32-ю д. л., " " " " " " " " "	— 10

Библім.

На русскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ	—	3
„ „ „ „ 8-ю „ „ „ корешекъ	3	50
„ „ „ „ тоже, въ золотомъ обрѣзѣ, въ футлярѣ	5	—
„ славянскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ	3	—
„ „ „ „ въ 18-ю д. л., въ корешекъ	1	60

Евангелія брошюр. рус. в 32-ю д. л , кажд. Евангел. влож. отд. въ пер. 5к.

Съ требованіями св. книгъ слѣдуетъ адресоваться въ складъ Общества, (Адресъ для телеграммъ: Москва, Голубеву. Покровка, д. № 52).